

НАПОЛЕОНОВСКИЕ
ВОЙНЫ
НА МЕНТАЛЬНЫХ
КАРТАХ ЕВРОПЫ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УНИВЕРСИТЕТ ПАСКАЛЯ ПАОЛИ (КОРТЕ, ФРАНЦИЯ)
ИНСТИТУТ «СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР»
ФРАНКО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

**НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ
НА МЕНТАЛЬНЫХ КАРТАХ ЕВРОПЫ:
ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
И ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИФЫ**

Москва
Издательский дом «Ключ-С»
2011

УДК 355.48(44)"1796/1815"+821.09+929Наполеон I+94(44)"1796/1815"
ББК 63.3(4)52-681+63.3(4Фра)521.2+63.3(4Фра)-8 Наполеон I+83.3
Н27

Составители Н. М. Великая и Е. Д. Гальцова

Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы / Рос. гос. гум. ун-т, Ун-т Паскаля Паоли (Корте, Франция.), Ин-т «Справедливый мир», Франко-рос. центр гуманитар. и обществ. наук ; [сост. Н. М. Великая, Е. Д. Гальцова]. — Москва : Ключ-С, 2011. — 640 с.

ISBN 978-5-93136-160-4

Сборник статей по материалам международной конференции «Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы», которая была посвящена соотношению между научной историографией и исторической памятью наций, судьбам военного, политического, социального и культурного наследия Наполеона, проблеме мифотворчества и интерпретации деятельности Наполеона, функционирования его образа в общественном сознании, литературе, искусстве, массовой культуре. Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также для широкого круга читателей.

УДК 355.48(44)"1796/1815"+821.09+929Наполеон I+94(44)"1796/1815"
ББК 63.3(4)52-681+63.3(4Фра)521.2+63.3(4Фра)-8 Наполеон I+83.3

UNIVERSITÉ D'ÉTAT DES SCIENCES
HUMAINES (RGGU)

UNIVERSITÀ DI CORSICA PASQUALE PAOLI

INSTITUT DU MONDE ÉQUITABLE

CENTRE FRANCO-RUSSE DE RECHERCHE EN SCIENCES
HUMAINES ET SOCIALES

**LES GUERRES NAPOLEONIENNES SUR
LES CARTES MENTALES DE L'EUROPE:
CONSCIENCE HISTORIQUE
ET MYTHES LITTÉRAIRES**

Moscou
Maison d'édition «Kluch-S»
2011

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	8
НАПОЛЕОНОВЕДЕНИЕ И МИФОТВОРЧЕСТВО	
КАМПАНИЯ 1812 Г. В ВОСПОМИНАНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ СОЛДАТ	
<i>Жак-Оливье Будон</i>	10
МОСКОВСКИЙ ПОЖАР 1812 Г. КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	
<i>Парсамов Вадим Суренович</i>	11
ОТ МЕНТАЛЬНОЙ КАРТОГРАФИИ К ВОЕННОЙ ТОПОГРАФИИ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗОВ О ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАКАНУНЕ КАМПАНИИ 1812 Г. (НА ПРИМЕРЕ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)	
<i>Ададуров Вадим Валентинович</i>	21
ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПРОТИВНИКОВ (ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ)	
<i>Губина Майя Викторовна</i>	43
ВЕЛИКАЯ АРМИЯ НАПОЛЕОНА НА БЕРЕЗИНЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ФРАНЦИИ XIX В.	
<i>Постникова Алена Александровна</i>	63
ЭЛЕМЕНТЫ МИФОЛОГИЗАЦИИ НАПОЛЕОНОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ НАУКЕ	
<i>Захарчук Олег Николаевич</i>	72

НАПОЛЕОН И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА СЕГОДНЯ: РОМАНЫ, МАНГА, КОМИКСЫ, ВИДЕОИГРЫ	
<i>Кандис Оброн-Ваттэр</i>	92

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

А. ДЮМА, НАПОЛЕОН И ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ	
<i>Земцов Владимир Николаевич</i>	96

МИФ О НАПОЛЕОНЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XIX В.	
<i>Шервашидзе Вера Вахтанговна</i>	111

В ОТБЛЕСКАХ МОСКОВСКОГО ПОЖАРА	
<i>Барбара Соммовиго</i>	114

НАПОЛЕОН В РУССКОЙ КАРИКАТУРЕ 1812–1813 ГГ.	
<i>Березовая Лидия Григорьевна</i>	115

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИФЫ О НАПОЛЕОНЕ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

ОБРАЗ И ФОРМИРОВАНИЕ НАПОЛЕОНОВСКОГО МИФА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТВОРЧЕСТВО КЛОДА СИМОНА	
<i>Кристоф Люци</i>	138

НАПОЛЕОН: ВОПЛОЩЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО МИФА В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ГЮГО	
<i>Стелла Колонна</i>	140

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 Г. В НАРОДНОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ БАШКИР	
<i>Ильясов Тимур Тагирович</i>	143

НАПОЛЕОН ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА: ФУТУРИСТИЧЕСКИЕ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ (ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН И ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ)	
<i>Гальцова Елена Дмитриевна</i>	146
ОБРАЗ НАПОЛЕОНА И ЕГО ЭПОХИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАЦИЙ	
НАПОЛЕОНОВСКИЙ МИФ В РОССИИ XIX–XX ВВ.	
<i>Секиринский Сергей Сергеевич</i>	162
НАПОЛЕОН БОНАПАРТ КАК ФИГУРА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	
<i>Черпанова Розалия Семеновна</i>	176
ГЕНЕЗИС НАПОЛЕОНОВСКОГО МИФА В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	
<i>Великая Наталия Михайловна</i>	193
«БЕЗУМИЕ ВОЙНЫ»	
<i>Тициана Горуппи</i>	213
НАПОЛЕОН В ЖЕНСКИХ ДНЕВНИКАХ РОССИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ XIX В. (ОКОЛО 1840 Г.)	
<i>Катрин Виолле</i>	215
В.В. ВЕРЕЩАГИН И В.В. РОЗАНОВ О НАПОЛЕОНЕ (ИСТОКИ И ИСТОЧНИКИ НЕГАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ)	
<i>Тимашева Оксана Владимировна</i>	215
ВЛИЯНИЕ КОДЕКСА НАПОЛЕОНА НА ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИН ВО ФРАНЦИИ И РОССИИ	
<i>Ворошилова Светлана Вячеславовна</i>	236

«МИФ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА» И ВЫБОРЫ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ <i>Лапин Владимир Викентьевич</i>	245
--	-----

ИДЕИ БОНАПАРТИЗМА В ПЕРИОД РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: «БРЮМЕР» ГЕНЕРАЛА Л.Г. КОРНИЛОВА И «ТУЛОН» ПОДПОРУЧИКА М.Н. ТУХАЧЕВСКОГО <i>Копылов Николай Александрович</i>	260
---	-----

НАПОЛЕОН В ОФИЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ. 1933–1945 <i>Даццишина Марина Викторовна</i>	280
--	-----

ВОЙНЫ НАПОЛЕОНА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА НА ПОЛЕ БИТВЫ ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕДИЦИИ НА САРДИНИЮ: КОРСИКА И ФОРМИРОВАНИЕ НАПОЛЕОНОВСКОГО МИФА <i>Жан-Доминик Поли</i>	292
---	-----

НЕЗЫБЛЕМОСТЬ ТРАДИЦИЙ. ПРИВИЛЕГИИ И ПРАВА ШВЕЙЦАРСКИХ ПОЛКОВ НА СЛУЖБЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРИИ (1804–1815 ГГ.) <i>Беспалов Александр Викторович</i>	295
--	-----

УЧАСТИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В ВОЙНЕ РОССИИ И АВСТРИИ С НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИЕЙ В 1805 Г. <i>Мезенцев Евгений Вячеславович</i>	313
--	-----

МЕЖДУ ИМПЕРСКИМ И ЛОКАЛЬНЫМ ПАТРИОТИЗМОМ: ВЛИЯНИЕ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ДВОРЯНСТВА МАЛОРОССИИ <i>Мельник Зоряна Анатольевна</i>	328
ПОЦЦО ДИ БОРГО — РУССКИЙ ДИПЛОМАТ КОРСИКАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ <i>Анна Моретти</i>	338
РУССКАЯ МЕМУАРИСТИКА О СРАЖЕНИИ ПРИ АУСТЕРЛИЦЕ <i>Рыбаков Сергей Петрович</i>	350
ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА ЛЮДЕЙ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОХИ В ВОЕННОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ВЗГЛЯД <i>Приказчикова Елена Евгеньевна</i>	368
МИФЫ ОБ УЧАСТИИ КАЛМЫКОВ В ВОЙНЕ С НАПОЛЕОНОМ В 1812—1814 ГГ., СЛОЖИВШИЕСЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ <i>Очиров Уташ Борисович</i>	391
«БОРОДИНО» И «СЕВАСТОПОЛЬ»: ДВЕ БАТАЛИИ, ОДИН МИФ <i>Федотова Марина Сергеевна</i>	401
НАЧАЛЬНИК НИЗОВОГО ОКРУГА ОПОЛЧЕНИЯ В 1812 Г. ГРАФ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ ТОЛСТОЙ: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ <i>Михаил Коробко</i>	417
АВТОРЫ	435
ФРАНЦУЗСКИЙ РАЗДЕЛ (PARTIE EN FRANÇAIS)	439

ВВЕДЕНИЕ

Наполеон — кто он, захватчик или освободитель, герой или узурпатор? Прошло почти два века, но однозначного ответа так и не дано... Поиски исторической правды изначально сопровождались созданием множества мифов в культурном пространстве, а национальные традиции историописания наполеоновских войн до сегодняшнего дня демонстрируют значительные расхождения.

Разные исторические эпохи выбирали Наполеона в качестве своего героя, наделяя его разными мифологическими чертами. Каковы сегодняшние представления о Наполеоне, насколько они соответствуют исторической правде, как они отражены в произведениях литературы и искусства, как воплощены в массовом историческом сознании — вопросы, на которые попытались ответить участники конференции «Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы». Она проводилась в Москве в Российском государственном гуманитарном университете 22 и 23 сентября 2011 и была посвящена соотношению между научной историографией и исторической памятью наций, судьбам военного, политического, социального и культурного наследия Наполеона в странах Европы и, в особенности, в России, проблеме мифотворчества и интерпретации деятельности Наполеона и функционированию его образа в общественном сознании, литературе, искусстве, массовой культуре.

Конференция объединила университетских преподавателей и академических ученых из России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Уфа, Челябинск, Саратов, Элиста), Украины (Киев, Львов), Франции (Корте, Париж), Италии (Пиза, Неаполь). На конференции были представлены исследования, принадлежащие разным сферам гуманитарных наук — истории, социологии, филологии, искусствознанию, политологии, философии, во многих из которых был успешно использован междисциплинарный подход.

В организации конференции принимал участие Университет г. Корте (Корсика, Франция), Франко-российский центр общественных и гуманитарных наук в Москве, Институт «Справедливый мир».

Оргкомитет конференции выражает отдельную благодарность депутатам Государственной Думы ФС РФ Сергею Петрову, Михаилу Старшинову, Александру Четверикову, главе администрации г. Можайска Игорю Сунгурову за проявленный интерес к теме и поддержку.

Наталья Великая, Елена Гальцова

НАПОЛЕОНОВЕДЕНИЕ И МИФОТВОРЧЕСТВО

Кампания 1812 г. в воспоминаниях французских солдат

Жак-Оливье Будон

Насчитывается более 150 текстов, написанных французскими солдатами, в особенности офицерами, принимавшими участие в кампании 1812 г. в России. Авторами этих текстов являются те, кто остался в живых, люди, которые осознали, что пережили особенный жизненный опыт, и захотели о нем рассказать, даже если они с трудом говорят о невыразимом. Первые свидетельства появляются очень быстро, вскоре после падения Наполеона, наподобие опубликованного Эженом Лабомом в 1814 г. «Рассказа», содержащего существенную критику по отношению к деятельности Наполеона, который, впрочем, будет оправдываться, находясь на о. Святой Елены. В начале Реставрации господствует черная легенда об императоре. Русская кампания включается в список тех действий, за которые Наполеона упрекают. Публикация «Записок, веденных на о. Святой Елены» начинает изменять угол зрения, представляя Наполеона, который обвиняет в своих неудачах русскую зиму. Разумеется, появляются и другие критические тексты, такие как «История русской кампании» Сегюра, которая вызвала активные возражения генерала Гурго и стоила автору дуэли. Однако постепенно критика по отношению к Наполеону, не исчезая совсем, стихает. Генерал Марбо предлагает замечательный пример того, как можно оправдать действия Наполеона. Таким образом, его уже можно полностью отнести к возрождению золотой легенды, которая, как оказывается, не была уничтоженной исходом русской кампании.

Однако большинство текстов сходятся в описании выдающейся авантюры, трагической эпопеи, прекрасно отвечающей единству места (шесть месяцев кампании), места (русские равнины) и действия (борьба за выживание). Этот рассказ отсылает к мифу

о происхождении, вызывая рассуждения о цивилизации и человеческой природе. Возвращение из России становится, на самом деле, поводом для ужасных сцен, поразивших умы, так как они показывали, до какой степени солдаты потеряли человеческий облик и превратились в определенном смысле в варваров. Это возвращение в дикое состояние характеризуется обезчеловечиванием людей. Они в буквальном смысле теряют человеческое лицо, они полностью лишаются понятий о жизни в обществе, доходя даже до каннибализма, конечной стадии потери человеческого облика. Наряду с этими ужасными картинами, изображенными солдатами, выслужившимися из рядовых до офицерского звания, свидетели, по примеру Сегюра, показывают армию, разумеется, ослабленную, но все еще готовую к сопротивлению, и тысячи солдат, снова вместе переходящих Неман. Именно среди них в основном находятся будущие свидетели драмы, которая уже готова разыграться. Они являются ее героями, и не только потому, что они смогли выжить в испытаниях, которые им пришлось перенести, а потому, что они воплощают окончательную победу цивилизации ценой значительных потерь. Прославление таких добродетелей, как мужество, самоотверженность, также является характерной чертой этих рассказов. В целом, русская кампания, несмотря на разгром, зачаровывает, так как она ставит индивида перед чрезмерностью наполеоновского замысла, а также перед самим собой.

Московский пожар 1812 г. как культурологическая проблема

Парсамов Вадим Суренович

В истории культуры бывают случаи, когда текст, описывающий какое-либо событие, появляется раньше, чем происходит само это событие. Московский пожар 1812 г. принадлежит именно к таким случаям. О нем заговорили раньше, чем запылала древняя столица, впусившая в свои стены Великую армию. Сожжение собственного имущества хорошо вписывалось в концепцию народной войны. Само слово «пожар», перекликающееся с популярным в 1812 г. именем

«Пожарский», открывало возможность для каламбуров¹. Московский генерал-губернатор Ростопчин это хорошо понимал и еще до того, как вопрос об обороне столицы встал в повестку дня, писал своему близкому другу П.И. Багратиону: «Народ здешний по верности к государю и любви к отечеству решительно умрет у стен московских, а если Бог не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому обычаю: не доставаясь злодею, обратит город в пепел, а Наполеон получит вместо добычи место, где стояла столица»². Багратион был солидарен со своим корреспондентом, которого он считал «истинным русским вождем и барином»: «Истинно так и надо: лучше предать огню нежели неприятелю»³.

Подобного рода заявления и последовавший за ними пожар навсегда связали имя Ростопчина с этим грандиозным событием: «Что касается до моего имени, — признавал он, — то оно служит припевом к пожару, как припев Мальбруга в песне»⁴. При этом Ростопчин то приписывал себе, то отрицал участие в московском пожаре. 2 сентября он писал жене: «Когда ты получишь это письмо, Москва обратится в пепел. Прости мое желание сделаться римлянином, но если бы мы не сожгли город, его бы разграбили»⁵. Но уже через несколько дней в письме к Александру I Ростопчин

¹ Так, например, после Бородинского сражения полковник Закревский говорил: «Если победа нам не достанется, то другой *Пожарский* придет к нам на помощь». Внук Ростопчина А. Сегюр, цитируя по воспоминаниям Вольдогена эти слова, пояснял французскому читателю: «*Пожарский* — имя освободителя Москвы в 1612 г., но в то же время это слово, происходящее от *пожар* (incendie), означает *поджигатель* (un incendiaire)» (Ségur A. de. Vie du comte Rostopchine, gouverneur de Moscou en 1812. P., 1871. P. 189).

² Русская старина. 1883. № 12. С. 651.

³ Отечественная война в письмах современников... С. 98, 108.

⁴ *Ростопчин Ф.В.* Сочинения. С. 236.

⁵ *Narishkine m-me.* Op. cit. P. 171. В семье Ростопчиных сохранялось устойчивое представление, что пожар Москвы есть результат хорошо спланированного замысла Ростопчина. Так, его дочь писала о «нескольких гражданах, наделенных героической душой, которых выбрал мой отец для того, чтобы поджечь магазины, лавки и дома» и добавляла: «все это было сделано без беспорядка и шума» (Ibid. P. 157).

высказывал предположение: «Виновниками этого пожара либо Французы, либо Русские воры; но я больше склонен думать, что это сами сторожа лавок, руководимые правилом: коль скоро не мое, так будь ничье!»⁶. Перечисление различных версий свидетельствует о том, что московский генерал-губернатор пока еще только прощупывал почву для наиболее выигрышной позиции по отношению к пожару: следует ли присоединиться к французской версии о русских злоумышленниках-поджигателях, или же списать все на самих французов, и в таком случае лишить себя национально-героического ареола самопожертвования, или же дать понять, что пожар есть проявление народного патриотизма, и тогда можно будет приписать себе честь инициатора этой величественной акции.

Версия о том, что французы сожгли Москву, продержалась довольно недолго, как ввиду ее абсурдности (зачем французам жечь место собственного пребывания?), так и ввиду соблазна представить Московский пожар актом величайшего народного самопожертвования. Но здесь «подвиг» Ростопчина остался не оцененным в полной мере. Одни не могли ему простить уничтожения собственного имущества, другие не верили в то, что московский генерал-губернатор по собственному почину мог решиться на столь масштабную акцию. Имя Ростопчина если и связывалось с пожаром Москвы, то, как правило, в негативном смысле. Когда же речь заходила о великой жертве, принесенной народом, то о московском главнокомандующем предпочитали не вспоминать.

Зато в Европе Ростопчин в полной мере мог наслаждаться славой победителя Наполеона и вызывать шумный интерес как прямой потомок Чингисхана и представитель варварского народа, не оставившегося ни перед какими жертвами во имя своей внешней независимости. «Но хотя, — писал он, — Бонапарте и сделал своими ругательствами имя мое незабвенным; хотя в Англии народ желал иметь мой гравированный портрет; в Пруссии женщины модам дают мое имя; хотя честные и благоразумные люди оказывают мне признательность: со всем тем есть много Русских, кои меня бранят за то, что они от нашествия злодея лишились домов и имущества,

⁶ Русский архив. 1892. № 8. С. 535.

и многие, ничего не имевшие, — миллионов!»⁷. Трудно сказать, что было обиднее для «русофила» Ростопчина: хвала иностранцев или хула соотечественников. Но как бы то ни было, в 1823 г. в Париже он решил опубликовать «Правду о пожаре Москвы». Эта «Правда» должна была убедить европейцев, что московский главнокомандующий не имеет отношения к поджогу столицы. Доказывая стратегическую бессмысленность этого мероприятия (пожар не мог истребить все, припасы почти все были вывезены, уничтоженная столица могла не задержать в себе Наполеона, а заставить его преследовать русскую армию и т.д.), Ростопчин склоняется к версии о самопроизвольном характере пожара: «Не могу я приписать ни русским, ни неприятелям исключительно». Правда, далее он снова возвращается к идее народного сожжения столицы: «Главная черта Русского характера есть некорыстолюбие и готовность скорее уничтожить, чем уступить, оканчивая ссору сими словами: *не доставайся же никому*. В частных разговорах с купцами, мастеровыми и людьми из простого народа я слышал следующее выражение, когда они с горестью изъявляли свой страх, чтоб Москва не досталась в руки неприятеля: *лучше ее сжечь*. Во время моего пребывания в главной квартире Князя Кутузова я видел многих людей, спасшихся из Москвы после пожара, которые хвалились тем, что сами зажигали свои дома»⁸.

Этими словами Ростопчин навсегда, как ему казалось, снимал с себя печать поджигателя Москвы. В «Записках о 1812 годе» (1825 г.) он уже не возвращается к этой теме, но по-прежнему отводит народу решающую роль в победе над Наполеоном. Он считает, что если бы даже Наполеону удалось завоевать Россию, то русский народ не признал бы прав завоевателя. «Народ этот — лучший и отважнейший в мире — нашел бы бесконечные ресурсы в обширности страны, им обитаемой, в ее климате и даже в ее бедности»⁹.

Позже С.Н. Глинка напишет по поводу «Правды о пожаре Москвы» Ростопчина: «в этой *правде* все *неправда*. Полагают, что он похитил у себя лучшую славу, отрехшись от славы зажигательства

⁷ Ростопчин Ф.В. Сочинения. С. 301. О популярности Ростопчина в послевоенной Европе см.: *Ségur A. de*. Op. cit. P. 309–312.

⁸ Там же. С. 212–213.

⁹ Ростопчин Ф.В. Ох, французы... С. 294.

Москвы»¹⁰. Что касается самого Глинки, то за свою жизнь он высказывал все три возможные версии Московского пожара. Став его непосредственным свидетелем, он вспоминал впоследствии: «Объятый тяжкою, гробовою скорбью, я ринулся на землю с лошади, и ручьи горячих слез мешались с прахом и пылью. Приподнимая меня, брат Федор Николаевич говорил: “Вы сами предсказали жребий Москвы, вы ожидали того, что теперь в глазах ваших”. — “Я говорил о сдаче Москвы, — отвечал я, — я предвидел, что ее постигнет пожарный жребий. Но я мечтал, что из нее вывезут и вековую нашу святыню, и вековые наши памятники. А если это все истлеет в пламени, то к чему будет приютиться мысли и сердцу?”»¹¹.

До начала заграничных походов Глинка в противовес наполеоновской пропаганде, утверждавшей, что сами русские сожгли Москву, настаивал на том, что виновниками пожара являются французы, действовавшие по прямому указанию Наполеона. Единственным источником для такого утверждения служила историческая аналогия: «Аларик, вождь злодейских скопищ, сказал некогда: я чувствую в себе непреодолимое хотение выжечь Рим. Наполеон-Аларик, пылая непреодолимым хотением разорить Россию, к истреблению Москвы тем же влекся хотением»¹². Другой аналогией были поляки, грабившие и разрушавшие в 1612 г. Таким образом, выстраиваются следующие параллели:

410 год	Рим	вестготы
1612 год	Москва	поляки
1812 год	Москва	французы

Общей для всех случаев является модель: «варвары уничтожают цивилизацию». Однако в условиях 1812 г. такая модель была не очень продуктивна. С Москвой Глинка не склонен был связывать традиционные для материальной цивилизации ценности. Его больше

¹⁰ Глинка С.Н. Записки о 1812 годе первого ратника Московского Ополчения. СПб., 1836. С. 78.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Русский вестник. 1813. № 6. С. 8. Далее ссылки на это издание в тексте.

интересовали высокие духовные качества, которые нельзя истребить огнем и мечом. Поэтому если он и утверждал, что французы сожгли Москву, то делал это вместе с остальными своими соотечественниками, возмущенными поначалу обвинениями со стороны французов в поджоге собственного города.

Вместе с тем уподобление французов вандалам, по мнению Глинки, недостаточно раскрывает всю суть французского нашествия. Варвары «не развращали наших душ; они не грабили областей Руских; они не злодействовали в Москве» (1813. № 7. С. 52). Кроме того, действия вандалов могут быть объяснены вполне материальными причинами: «они искали плодоноснейших земель и лучших жилищ» (1813. № 7. С. 36). Действия французов, по мнению Глинки, объясняются исключительно inferнальными свойствами Наполеона. Но и сам Наполеон — всего лишь закономерное следствие развращения всего народа на протяжении целого столетия: «Естьлиб Французы почти целое столетие не вооружались против Бога, веры, добродетели и престола, то Корсиканец *Наполеон* никогда бы не владычествовал во Франции и не злодействовал бы в Европе» (1813. № 7. С. 47).

Однако уже в период заграничных походов Глинка увидел в Московском пожаре высокую идею самопожертвования материальными благами во имя сохранения нравственных ценностей. Еще по поводу взятия и разрушения Смоленска он писал: «Обращен в пепел врагом вероломным *старинный Руской град Смоленск*; но враг не истребил того, что сильнее всякого оружия: он не истребил *веры и верности*» (1812. № 10. С. 95–96). Вера и верность оказываются сильнее приверженности москвичей к своему городу как материальному объекту. Именно эта самоотверженность должна служить примером для других народов, готовых восстать против Наполеона. Призывая «*коренные Европейския области*» соединиться с ополченной Россией, Глинка не забывает о том, что «некоторые из них важная принесли жертвы Наполеону, особенно Австрия» (1813. № 6. С. 21). Австрия выделяется особо, и потому, что она пожертвовала своей принцессой, Марией-Луизой, ставшей женой Наполеона, и потому, что Австрия еще не примкнула к антинаполеоновской коалиции, и русская дипломатия вела активную работу в этом направлении. Но все эти жертвы меркнут перед колоссальной жертвой, принесенной Россией, которая «к истреблению *Французскаго ада* не пожалела *матери Руских городов*; не

пожалела древней своей Столицы!» (1813. № 6. С. 21). Уже одно это обстоятельство дает России право занять ведущее место среди стран создающейся антинаполеоновской коалиции.

Идея жертвенности становится почти главной вскоре после оставления французами Москвы. Сожженная Москва, по мнению И.М. Муравьева-Апостола, «должна быть еще драгоценнее русскому сердцу, нежели она была во время самого цветущего ее положения. В ней мы должны видеть величественную жертву спасения нашего и, если смею сказать, жертву очистительную». В этом очистительном огне должна сгореть подражательная русская культура и открыться путь к культурному самопознанию и обновлению. Обращаясь к русскому народу, Муравьев-Апостол продолжает: «Познай сам себя и свергни с могучей выи своей ярем, поработивший тебя — исполина! — подражания пигмеям, коих все душевные силы истощились веками разврата. Познай себя! А я, подобно фениксу, воспарю из пепла своего и, веселясь о тебе, облекусь во блеск и красоту, сродную матери городов Российских, и снова вознесу главу мою до облаков!»¹³

Производя исподволь замену Киева (матери городов русских) на Москву, а слова «русский» на «российский», Муравьев-Апостол на первый план выдвигает идею государственного могущества России в противовес порабощенной Наполеоном Европе, где «все <...> обещало, изнашивалось; нравственный и политический *маразм*¹⁴ истощил все душевные силы и довел до такого единообразного ничтожества, что, так как у всех покрой платья один, так точно и физиогномия характера одна же: эгоизм и рабство»¹⁵.

Этому европейскому «маразму», из которого исключена лишь Англия («вот прямо держава!») противопоставляется внешнее и внутреннее величие России: «Истинно все чудесно у нас! Какой народ! Какие в нем силы телесные и душевные! Пространство земли нашей — семнадцать миллионов квадратных верст; народонаселе-

¹³ *Муравьев-Апостол М.И.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб., 2002. С. 6.

¹⁴ Так называется во врачебной науке *сухотка*, т.е. крайняя сухость и увядание всего тела <прим. Муравьева-Апостола>.

¹⁵ Там же. С. 7.

ние — сорок четыре миллиона, из которого сорок миллионов одним языком говорят, одним крестом крестятся!»¹⁶

Величие Москвы соотносится напрямую с величием Рима. Она еще в большей степени, чем древний город, разрушенный все-таки варварами, гибельна для своих врагов. Источником этих мыслей Муравьева-Апостола является римский поэт Клавдиан.

Hanc urbem insano nullus qui Marte petivit
Laetatus violasse redit nec numina sedem
Destituent...¹⁷

Прочитав эти слова из поэмы «Похищение Прозерпины» римского поэта, жившего на рубеже IV–V вв., Муравьев-Апостол задает риторический вопрос условному адресату: «Не правда ли, друг мой, что сии слова Клавдиановы не столько Риму приличны, как Москве? — И в самом деле, кто из врагов, разорявших ее, мог веселиться ударами ей нанесенными? — Татара? Они под пятою России. — Поляки? Участь их всем известна. — Французы? Им-то. Кроме сбывшегося я обещаю годину противу всех врагов наших ужаснейшую»¹⁸.

Для Муравьева-Апостола московский пожар — важная точка культурного поворота, после которого «французская нация исчезнет», а Россия возродится для новой жизни. Мысли об очистительном характере Московского пожара и последующего за ним нравственного прозрения были свойственны и Александру I, сказавшему в 1813 г.: «Пожар Москвы осветил мою душу и наполнил мое сердце теплотою веры, какой я не ощущал до тех пор. Тогда я познал Бога»¹⁹.

Из писем Муравьева-Апостола неясно, кто же все-таки сжег Москву. Идея жертвы снимает вопрос о непосредственной причине пожара. Добровольная сдача древней столицы врагу уже свидетель-

¹⁶ Там же. С. 6.

¹⁷ Никто из напавших на сей город безумною бранию не возвращается, радуясь, что осквернил оный. Боги не оставят обители своей. (Там же. С. 7).

¹⁸ Там же. С. 7–8.

¹⁹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. СПб., 1902. Т. III. С. 117.

ствуется, по мнению Муравьева, о готовности русских людей заплатить любую цену за спасение Отечества.

В 1836 г. в своих «Записках о 1812 году» С.Н. Глинка еще раз изменил свой взгляд на причину московского пожара, полностью приписав его воле Божьей: «Москва отдана была на произвол Провидения. В ней не было ни начальства, ни подчиненных. Но над нею и в ней ходил *суд Божий*. Тут нет ни Русских, ни Французов: тут *огнь небесный*»²⁰. В пожаре Москвы Глинка видит в первую очередь божественное наказание русским за их отступление от веры и национальной культуры: «Клубились реки огненные по тем улицам, где рыскало тщеславие человеческое на быстрых колесницах, также увлекавших за собою быт человечества. Горели наши неправды; наши моды, наши пышности, наши происки и подыски: все это горело, но — догорело ль?»²¹. Заключительный вопрос не только отражает скептический взгляд Глинки на результаты войны 1812 г., которые, как ему казалось, не принесли желаемого возрождения отеческих нравов, но и по-иному представляет параллель 1812–1612 гг. Если в 1812 г. Глинка был одним из наиболее последовательных авторов, занимавшихся поисками культурно-исторических параллелей между современной им эпохой и Смутным временем, то теперь он все больше убеждается в глубоких различиях между ними. Так, например, теперь он считает, что в отличие от войны 1612 г. «войны 1812 года не лзя в полном смысле назвать: *войною народною*»²².

Но особенно сильно отличается положение Москвы в 1612 и 1812 гг. В 1612 г. «в земле Русской все стремилось к Москве и в Москву», в 1812 г. «все выселялось и из Москвы и за Москву?». В 1612 г. русские «заключили спасение России в стенах Москвы», в 1812 г. «о той же Москве торжественно повешено было, что *сдача Москвы не есть потеря Отечества*». Последняя фраза, приписываемая обычно Кутузову, у Глинки получает своеобразную трактовку. Если в 1612 г. Москва и была Отечеством русских людей, то Москва 1812 г. с ее французскими модами, роскошью, праздностью и всем тем, что Глинка ненавидел, противопоставляется им Отечеству. Упрекая по-

²⁰ Глинка С.Н. Записки. С. 78–79.

²¹ Там же. С. 79.

²² Глинка С. Записки о 1812 году. СПб., 1836. С. 263.

койного Ростопчина в том, что тот «похитил у себя лучшую славу, отрекшись от славы зажигательства Москвы», Глинка имеет в виду, что Ростопчин добровольно отказался считать себя орудием Провидения. В отличие от московского главнокомандующего сам Глинка от такой славы отказываться, видимо, не собирался, и если публично по скромности утверждал, что он «Москвы не жег и не сжег», то в своих предсмертных записках, не рассчитанных на публикацию, по крайней мере при жизни, он «признавался» в том, что именно ему принадлежит сама идея сжечь древнюю столицу, «а граф Ростопчин произвел ее в действие. Но я желал, чтобы вся заветная жизнь Москвы, то есть и святыня ее и вековые памятники были из нее вынесены. И не думайте, что это мечта»²³.

Таким образом, московский пожар прочитывался с помощью целого ряда культурных кодов. Он являлся частью идейного комплекса народной войны. Именно в этом ключе трактовал его не только Ростопчин, но и Кутузов, который на заверения наполеоновского парламентаря Лористона, «что французы не поджигали Москву <...> возразил: «Я хорошо знаю, что это сделали русские; проникнутые любовью к родине и готовые ради нее на самопожертвования, они гибли в горящем городе»²⁴. Эту же мысль Кутузов чуть позже выразил в письме к маршалу А. Бертье: «Трудно остановить народ, который в продолжение двухсот лет не видел войн на своей земле, народ, готовый жертвовать собою для родины и который не делает различий между тем, что принято в войнах обыкновенных»²⁵. Кроме того, московский пожар также вписывался в культурную модель «варвары, разрушающие город», восходящую к римской традиции. На периферии данного культурного кода неожиданно всплывала идея

²³ [Глинка С. Н.] Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. 1 января 1844 г. // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. Л. 204 об.-205.

²⁴ Листовки Отечественной войны 1812 года. Сб. документов. М., 1962. С. 47—48. Ср. со словами пушкинской Полины из «Рославлева»: «Вселенная изумится великой жертве! Теперь и падение наше мне не страшно, честь наша спасена; никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу» (*Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. <Б. м.>, 1938. Т. 8 (1). С. 157).

²⁵ *Кутузов М. И.* Письма. Записки. М., 1989. С. 358.

«Москвы — третьего Рима» в нетривиальной трактовке: третий Рим унаследовал не только духовные ценности первого, но и его трагическую судьбу. И, наконец, версия о произвольном характере пожара как результата прямого вмешательства Провидения, карающего город за грехи его жителей, явно корреспондировала с библейской традицией. Но и здесь был важен не только момент наказания города, но и мотив его огненного очищения и дальнейшего возрождения.

От ментальной картографии к военной топографии: Представления французов о восточноевропейском пространстве накануне кампании 1812 г. (на примере юго-западных окраин Российской империи)

Ададуров Вадим Валентинович

Тот, кто не знает, куда идет, вероятно
окажется совсем не в том месте, где мечтает оказаться.

П. Лоуренс, «Великие цивилизации».

В современной исторической науке все более значимое место занимает исследование создаваемых в рамках определенных культур образов «чужого», например представлений об удаленных в пространстве регионах и человеческих сообществах²⁶. Наиболее оптимальной для объяснения закономерностей и особенностей представлений

²⁶ Чаще всего такие представления реконструируются историками на основе картографических изображений, созданных в рамках исследуемых социальных групп: *Mary L. Les Représentations de l'espace chez Ammien Marcellin. Thèse de doctorat. Lille, 1996*; *Wolff L. Venice and Slaves: The Discovery of Dalmatia in the Age of Enlightenment. Stanford (Calif.), 2001*; *Chauvard J.-F. Le Nouveau, le flou et l'incertain: Représentations de la Dalmatie vénitienne et cartographie des confins au temps de la paix de Karlowitz // Comblir les blancs de la carte: Modalités et enjeux de la construction des savoirs géographiques (XVIe — XXe siècles) / Sous la direction de J. Laboulais-Lesage. Strasbourg, 2004. P. 193–220*; *Brancaforte E. Les Cartographes allemandes de la Renaissance et du Baroque et leurs représentations du golfe Persique de 1650 à 1766 // Atlas historique du golfe Persique (XVIe–XVIIIe siècles) / Sous la direction de D. Guoto. Turnhout, 2006. P. 373–412.*

исторических персонажей о таких объектах считается теория «ментальной карты» (mental map (англ.), kognitive Landkarte (нем.)). В когнитивной психологии, из которой историки позаимствовали это понятие, им обозначают «созданное человеком изображение части окружающего пространства», которое «отображает мир таким образом, каким его себе представляет человек, вследствие чего данное изображение может являться неверным или искаженным». Субъективность воображения имеет следствием то, что «ментальные карты [...] могут отличаться в зависимости от того, под каким углом зрения человек смотрит на мир»²⁷. Несоответствие действительности отображенного в «ментальной карте» образа чужих земель зависит не только от уровня проинформированности акторов исторического процесса о регионе, который они пытались воссоздать в своем воображении, но и от социокультурных традиций его восприятия, а также предыдущего жизненного опыта этих лиц.

Проанализировав на основе текстов эпохи Просвещения манеру западных интеллектуалов рассказывать о землях, расположенных восточнее Эльбы, американский историк Л. Вульф пришел к выводу, что эти авторы изобрели и популяризировали концепт Восточной Европы как отсталой в цивилизационном отношении глубинки, населенной русскими, или «северными варварами», а также более способными, по их мнению, к восприятию возвышенной цивилизованности «наций юга» народами варварских обычаев — поляками, крымскими татарами, прибалтами, украинскими казаками²⁸. В то же время тексты просветителей (упомянем здесь «Про дух законов» Ш.-Л. Монтескье, «Историю Петра Великого» и «Историю Карла XII» авторства Вольтера, «Записку о России» Д. Дидро, «Философскую и политическую историю учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» аббата Г. Рейналя, «Историю разделов Польши и уничтожения этой республики» К.-К. Рюльера) обосновывали

²⁷ Шенк Ф.Б. Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней / Пер. с нем. // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2001. № 4. С. 5.

²⁸ Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford (Calif.), 1994.

мессианскую идею, которая состояла в овладении цивилизацией Запада восточными окраинами Европы. Одной из первых попыток претворения упомянутой идеи в жизнь Л. Вульф считал поход Великой армии Наполеона в Россию²⁹.

В начале XIX в., под влиянием военных конфликтов с Россией, в воображении французов начали формироваться более отчетливые по сравнению с эпохой Просвещения коллективные представления об империи «северных варваров». В этих представлениях неразрывно соединились как близкие к истине, так и искаженные или просто ложные суждения как обо всей Российской империи, так и об отдельных ее частях. Этот вывод основывается на осуществленном нами исследовании взаимосвязанных между собой представлений, проектов и деятельности политической и военной верхушки наполеоновской Франции в отношении юго-западной части Российской империи³⁰. Хотя упомянутый регион не принадлежал к приоритетным объектам в иерархии геополитических интересов Наполеона и его окружения, тем не менее он привлек к себе внимание со стороны последних как один из самых богатых и густонаселенных в составе империи Романовых. В ходе военных кампаний 1805–1807 и, особенно, 1812 гг. земли юго-запада России являлись своего рода раздражителем для геополитических устремлений императора французов: с одной стороны, они находились непосредственно в поле его постоянного обозрения, а с другой стороны, его рука не имела возможности сколь-либо существенным образом прикоснуться к ним. Ввиду этого, в масштабе восточноевропейской политики Наполеона юго-западные окраины России сыграли роль горизонта, который постоянно манил к себе, но в то же время — строго ограничивал в рамках возможного³¹.

²⁹ Ibid. P. 8, 362.

³⁰ Ададуров В. «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX ст. Львів, 2007. 560 с.

³¹ См. подробнее нашу статью: Ададуров В. Юго-западные окраины Российской империи в иерархии приоритетов восточноевропейской политики Наполеона (историографический аспект) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. 9. М., 2010. С. 359–397.

Под влиянием ознакомления с информацией разного рода французские деятели были склонны считать, что эти земли, присоединенные к России в недавнем прошлом, а посему — отмеченные очевидной спецификой хозяйственных, этнических и общественных отношений, будет нетрудно отторгнуть от «империи москвитов». В первую очередь представления такого рода относились к так называемым «южным краям бывшей Польши» — Волыни, Подолью и Украине, настроения общественной верхушки которых, по мнению французов, характеризовались таким же польским патриотическим духом, как и настроения шляхты в Варшавском герцогстве. Основанные главным образом на информации из польских источников, эти представления стали благодатной почвой также для возникновения определенной (хотя и не в такой степени убедительной для воображения Наполеона, как в отношении поляков) иллюзии относительно склонности потомков украинских казаков восстать против русского владычества и стать восточным форпостом «Польши от Одера до Днепра». Весьма похожие по содержанию и психологической окраске представления сформировались и в отношении населения Северного Причерноморья — крымских татар и иностранных колонистов. Рассказы французских дипломатов, имевших за плечами значительный опыт работы на Ближнем Востоке, а посему уже на ментальном уровне воспринимавших Северное Причерноморье как часть восточного мира, создали в представлении их правительства образ здешнего края как причудливой смеси пережитков прежней эпохи, характеризовавшейся господством кочевых мусульманских народов, и нововведений, осуществляемых российскими властями.

В сообщениях информаторов французского правительства юго-западные владения Российской империи оценивались преимущественно как находящиеся в «состоянии детства» (*dans l'état de l'enfance*³²), но в то же время представлялись как имеющие огромный потенциал развития благодаря колонизационным процессам и развитию торговли с Западом. Именно на этих, явственно отмеченных

³² Archives du Ministère des affaires étrangères, série «Correspondance consulaire et commerciale», sous-série «Odessa», vol. 1, f. 15 [rapport du consul général de la République Française à Odessa M. Mure au ministre des relations extérieures M. Talleyrand, le 12 prairial de l'an X].

духом западного ориентализма, повествованиях основывались оптимистические представления о грядущей монополизации Францией черноморской коммерции с Россией, и сопутствующие им проекты колониального подчинения здешних «варварских» народов могущественной западной метрополии (по примеру английской экспансии в Индии). В упомянутых проектах ясно прослеживается мысль об историческом значении цивилизационной миссии Франции и лично ее императора в этом отсталом уголке Европы, который, как ожидалось, мог бы, словно по мановению волшебной палочки, превратиться в образцовую культурную общность европеизированного образца, играющую роль барьера между Польшей и Московией.

Тем высокопоставленным французским деятелям, которые читали эти проекты в Париже или даже в Варшаве, могло на самом деле казаться, что сама судьба предложила Наполеону ввести народы, населявшие западную часть России, в круг «цивилизованных наций» Европы. Такими идеями было насыщено все дискурсивное поле, в котором эти деятели формировались как личности, такими являлись стереотипы их социокультурной среды. Ярким отображением последних является «Поэма о русской кампании», написанная 2 октября 1812 г. неким П. Шаненом по получении в Париже известия о вступлении Великой армии в Москву:

А ты, несчастная Польша,
Ты ведь долгое время являлась
Преградой для северных народов,
И часто свой конец в твоих полях
Встречал кровавый варвар-скиф.
Встань из пепла более могучей, чем прежде,
Стань крепостной стеной цивилизованной Европы [...]
Стань часовой, продвинута вперед десницею Наполеона³³.

Безусловно, что для Наполеона, мировоззрение которого в значительной мере сформировалось под влиянием классических текстов

³³ *Chanin P. Poème sur la campagne de Russie, par les armées réunies de France et d'Allemagne; sur la prise de Smolensk, la bataille de Moskova et l'entrée à Moscou en 1812. Versailles, 1812. P. 5–6.*

Просвещения, восточные окраины континента являлись важным рубежом между западным и восточным мирами. Согласно примечательному высказыванию его исповедника аббата Д.-Ж.-Ф. Прадта, хорошо знакомого как с сочинениями про Восточную Европу Вольтера и Рюльера, так и со взглядами читавшего их императора, эти земли надлежало считать «уже не Азией, но еще не Европой»³⁴. Перенесший эти представления в сферу военной и дипломатической деятельности, Наполеон был первым западноевропейцем, расширившим смысл геополитического понятия «Восток» до территории России, покорение которой позволило бы ему свершить подвиги, равные по масштабу завоеваниям античных полководцев в Азии³⁵. Характеризуя отношение Наполеона к Восточной Европе, польский литератор А. Мицкевич заметил, что ярко выраженная военно-политическая заинтересованность французского императора землями и народами, расположенными за Эльбой и Дунаем, была обусловлена той «любовью, которую он питал к Востоку, не раз высказывая мысли о том, что все великие деятели, люди всех великих эпох отправлялись на Восток»³⁶.

Лишь во время похода Великой армии 1812 г. его предводители и рядовые участники смогли убедиться, насколько существенно отличались их представления и основанные на них проекты от реальности, увиденной и прочувствованной ими самими. Пример отношения Наполеона к России весьма отчетливо доказывает, что для человека важна не та реальность, которая существует, а та реальность, которую он себе представляет. Но, в конечном итоге, причиной краха планов и действий человека является именно несоответствие между вымышленной и действительно существующей реальностями. Разрыв между воображаемым образом России, на основе которого сформировались определенные иллюзии французского руководства относительно возможности уничтожения могущества этой империи, и неожиданно отчаянным сопротивлением ее населения не только по-

³⁴ *Pradt D.* Histoire de l'ambassade dans le Grand Duché de Varsovie. en 1812. 5-ième édition. P., 1815. P. 71.

³⁵ *Bourgeois E.* Manuel historique de la politique étrangère. T. 2: Les Révolutions 1789 — 1830. P., 1933. P. 304—305.

³⁶ *Mickiewicz A.* Les Slaves: Cours du Collège de France (1842). P., 2005. P. 158.

ложил конец мифу о непобедимости Наполеона, но и стал настоящим психологическим шоком для этого деятеля, окончательно оправиться от которого он смог лишь в пожизненной ссылке на острове Святой Елены. Там, на этой суровой каменной скале посреди Атлантического океана, экс-император уже мог не сдерживать своего восхищения по поводу того «чудесного [географического] положения, которое занимает Россия по отношению к остальной Европе». Согласно оценке Наполеона, сама природа как будто закрыла европейцам доступ в эту страну, отгородив ее огромными и труднопреодолимыми из-за снегов расстояниями, создав климат, «делающий Россию недоступной нападению на протяжении трех четвертей года, в то время как русские могут угрожать Европе в любую пору года». «К этим физическим обстоятельствам, — добавлял бывший император французов, — следует добавить огромное население, храброе, выносливое, преданное, послушное властям, и многочисленные народности, естественным состоянием которых является материальная нищета и кочевой образ жизни». «Нельзя не содрогнуться, — выражал свои личные переживания Наполеон, — при мысли о настолько значительной [человеческой] массе, которую невозможно атаковать ни с флангов, ни с тыла; массе, которая бесконтрольно разливается на нашем пути; массе, которая затапливает все, если берет верх, и которая откатывается вглубь ледяных сердце пустынь, которые как бы превращаются в ее убежища, если она терпит поражение; а при необходимости она полностью восстанавливает свои силы». Не удивительно, что в воображении побежденного французского полководца Россия предстала в метафорическом образе гигантской гидры, легко отращающей отрубленные головы; и чтобы убить ее, не было иного способа, чем задушить чудище голыми руками. «Но где найти Геркулеса?»³⁷, — спрашивал человек, которому волей исторических обстоятельств был дарован уникальный шанс стать таким «Геркулесом», но только для того, чтобы на собственном опыте убедиться в невозможности осуществить эту миссию.

³⁷ *Las-Casès, comte de. Mémoires de Sainte-Hélène, ou Journal où se trouve consigné, jour par jour, ce qu'a dit et fait Napoléon durant dix-huit mois. T. 7. P., 1823. P. 111–112.*

Как показывает автобиографический пример Наполеона, лишь потерпев поражение в России, французский полководец частично изменил свое пренебрежительное отношение к этой стране, основывавшееся на ряде стереотипных суждений, в которых царская империя представляла не как эмпирическая реальность, а как ее психо-интеллектуальная проекция, закодированная в ментальных картах западного общества. Приняв во внимание это основополагающее обстоятельство, можно утверждать, что намерения относительно покорения и расчленения России с самого момента их появления являлись «замками на песке», поскольку почти все они зиждились на вере в весьма распространенное на Западе суждение о слабости «империи москвитов», которая в повествованиях французских аналитиков описывалась как несколько модернизированный вариант Османской империи. Для оценки такого состояния восприятия России как нельзя лучше подходит данная Э.В. Саидом характеристика отношения французской общественной элиты эпохи Наполеона к Ближнему Востоку:

«Для них Восток был подобен дикому льву — это нечто, с чем сталкиваешься и с чем нужно суметь справиться — отчасти потому, что именно такой Восток стал возможен благодаря текстам. Такой Восток безмолвен, он беспрепятственно позволяет Европе осуществлять свои проекты, которые затрагивают интересы местных жителей, но никогда непосредственно перед ними не ответственны. Этот Восток не в силах противиться подобным, специально для него разработанным проектам [...]»³⁸.

Неудачная попытка «укротить свирепого льва» во время египетской кампании 1798 г. должна была послужить предупреждением для Наполеона. Однако он, продолжая смотреть на Восток пренебрежительным взглядом европейца, считал, что ему вполне по плечу «укротить свирепого медведя». Приняв во внимание весомую роль ментальных ограничений, мы можем с известной долей уверенности утверждать, что представления о России, отразившиеся в документах французского правительства периода подготовки к войне 1812 г., являлись в значительной степени «вещами в себе», существенно отличающимися от действительности.

³⁸ Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. СПб., 2006. С. 147.

И все же определенные документальные свидетельства указывают на то, что организаторы похода в Россию отчасти осознавали гипотетический характер значительной части своих представлений об этой империи. Предлагая вниманию министра внешних сношений две подборки меморандумов разного времени из министерского архива (состоящие, соответственно, из тридцати и пятнадцати документов), директор последнего граф А.-М. д'Отрив посчитал своим долгом подытожить первую из них (от 25 декабря 1811 г.) запиской следующего содержания: «Я вынужден признать, что все эти документы кажутся мне содержащими устаревшую, неполную и сомнительную информацию о стране, которую действительно чрезвычайно сложно описать, принимая во внимание ее огромные размеры, полуварварское и полуконтролируемое состояние, и в особенности те изменения, которые она испытывает во время своего последовательного и [одновременно] малоупорядоченного продвижения к прогрессу цивилизации»³⁹. Это мнение человека, которого трудно заподозрить в неискренности, открывает нашему вниманию весьма неожиданный факт: на протяжении почти целого века, минувшего со времени установления франко-русских дипломатических отношений, правительство страны, в которой были созданы не лишённые литературного таланта, хотя далеко не адекватные реальным фактам повествования о России, не осуществляло регулярного накопления информации об этой империи, которую, несмотря на ее стремительное усиление, французы на ментальном уровне воспринимали как отсталую в цивилизационном отношении периферию Европы. Если же отдельные французские авторы и говорили о России с определенной долей симпатии, то эту симпатию всегда высказывали снисходительным тоном, который всегда мог позволить себе западный «цивилизованный человек» в обществе другого «цивилизованного человека», рассуждая о забавном для их системы ценностей способе жизни восточных «варваров» (психические приемы *акцентирования* и *схематизации*).

³⁹ Archives du Ministère des affaires étrangères, série “Mémoires et documents divers”, sous-série “Russie”, vol. 26, f. 86–87 [rapport de M. le comte d’Hauterive à S. E. M. le duc de Bassano en date du 25 décembre 1811].

Накануне кампании 1812 г. сам Наполеон ощутил нечто похожее на сомнение в истинности собственных представлений. Похоже, что именно это инстинктивное ощущение подтолкнуло императора к консультациям с бывшим послом в Санкт-Петербурге А.-О. Коленкуром, отозванным им в 1811 г. во Францию. Проведя в России в общей сложности три года, Коленкур начал осознавать, насколько существенно отличалась эта империя от того представления о ней, которое существовало в коллективном воображении его соотечественников. Поэтому, в отличие от других царедворцев Наполеона, Коленкур не таил своего скептического отношения к идее войны на восточных окраинах Европы. По выражению историка А. Вандаля, «Наполеону никогда еще не приходилось слышать такого рассказа; никогда еще опасность, к которой он направлялся, не была указана ему настолько четко»⁴⁰. Важное место в этой аргументации играли пространственные трудности, являвшиеся следствием огромных размеров России. О содержании своих разговоров с Наполеоном А.-О. Коленкур вспоминал следующее:

«Император выслушал меня весьма внимательно, даже удивленно; при этом он казался весьма встревоженным — настолько, что продолжительное время хранил молчание. Я убеждал его, что он ошибается как в отношении императора Александра, так и всей России, что не следует судить об этой стране по рассказам нескольких [приблизженных] лиц. [...] Я рассказывал ему об этой стране, о ее климате, о том преимуществе, которое получают русские, уклоняясь от битвы и предоставляя ему возможность продвигаться вперед и исчерпывать его силы в походе. [...] В то же время я напомнил ему о бедствиях и неудовольствии его войск во время последней кампании в Польше. На все это он отвечал, *что я стал русским и ничего не смыслю в действительном положении вещей* (курсив наш. — В.А.)»⁴¹.

Примечательно, что, обвиняя А.-О. Коленкура в некомпетентности, продажности и желании защитить точку зрения царя Александра, Наполеон противопоставил его аргументам мнения тех приближен-

⁴⁰ Vandal A. Napoléon et Alexandre Ier: L'Alliance russe sous le Premier Empire. T. 3. Paris, 1893. P. 189.

⁴¹ Caulaincourt, général de. Mémoires du duc de Vicence. T. 1. P., 1933. P. 293, 319–320.

ных лиц, которые никогда не видели Россию собственными глазами и оценивали ее самоуверенным и презрительным взглядом западного человека (например, маршала Л.-Н. Даву и генерал-адъютанта, бельгийца по рождению, Жана Раппа) как некую упрощенную схему⁴². Не способный выйти за рамки присущей сознанию его соотечественников ментальной карты Восточной Европы, император французов не мог представить себе Россию иначе, чем по-западному, поэтому не намерен был отказываться от идеи похода в эту страну.

Известный французский социолог и философ Э. Морен заметил, что в воображении сосуществуют два основополагающих начала — *logos* (знание) и *mythos* (вымысел)⁴³. Какое из упомянутых начал превалировало в представлениях Наполеона и его окружения о России, сказать сложно: ясно одно, что рациональный, на первый взгляд, процесс усвоения ими разнородной информации об этой стране как бы проходил предварительный отбор через «сито» укорененных на уровне ментальности стереотипов воображения. Поэтому не удивительно, что в воображении Наполеона и его политического окружения существовал закодированный согласно западной культурной традиции образ России, являвшийся для них единственно реальной Россией. Подобный обманчивому миру, этот образ России был позаимствован воображением французских деятелей из западных текстов, подсознательное доверие к которым было трудно пошатнуть противоречащим им взглядам и оценкам⁴⁴. Как тут не вспомнить определение французского философа Ж. Дюрана, по мнению которого «образ является плодом воображения и, вследствие этого, не является действительностью, а посему несерьезен по своей сути»⁴⁵.

В 1812 г. «ментальная карта» России, существовавшая в воображении Наполеона и его соотечественников, была вынуждена вступить во взаимодействие с материализованным типом представления о чужой территории, которым являлись топографические карты.

⁴² Ibid. P. 285, 297.

⁴³ Morin E. La méthode: 3. La Connaissance de la Connaissance. P., 1986. P. 153–176.

⁴⁴ Karp S., Wolff L. Le mirage russe au 18e siècle. Ferney Voltaire, 2001.

⁴⁵ Durand G. Les structures anthropologiques de l'imaginaire. 11-ième éd. P., 1992. P. 15.

Обусловленная задачами планирования и ведения военных действий необходимость создать в кратчайший срок как можно более точные карты неприятельской территории ясно показала отсутствие даже элементарной ориентации в пространстве России. Признавая свою полную неосведомленность в данном вопросе, 19 декабря 1811 г. Наполеон поручил своему личному библиотекарю А.-А. Барбье разыскать «несколько трудов, способных предоставить сведения о топографии России и, в особенности, Литвы, главным образом о том, что касается болот, рек, лесов, дорог и т.д.»⁴⁶. 20 декабря 1811 г. император приказал отослать французскому резиденту в Варшаве Л.-Э.-П. Биньону требовательную инструкцию, предписывавшую систематическое исследование путей сообщения в западной части Российской империи, в том числе и тех, которые вели от западной границы к Киеву⁴⁷. Через несколько дней министр внешних сношений Ю.-Б. Маре уточнил вышеупомянутое задание, указав, что император особенно заинтересован в получении статистических данных о Подолье и Волыни, включая сюда описания дорог, природы, населения, течения рек, ресурсов, транспортных средств⁴⁸. Несколько позже, в феврале 1812 г., министр специально поручил Биньону «разыскать, по возможности, несколько трудов о провинциях “Волынь” и “Подолье”»⁴⁹.

На фоне весьма размытых представлений Наполеона о западных рубежах России еще более неприглядным выглядит уровень пространственных познаний рядовых французов. Так, предлагая в 1812 г. вниманию императора и его министра внешних сношений свой проект создания на территории бывшей Речи Посполитой нескольких

⁴⁶ Correspondance de Napoléon Ier. T. 23. P., 1868. Doc. № 18348. P. 110.

⁴⁷ Archives du Ministère des affaires étrangères, série “Correspondance politique”, sous-série “Pologne”, vol. 328, f. 482 [lettre de S. E. M. le duc de Bassano à M. le baron Bignon, le 31 décembre 1811].

⁴⁸ Ordres et apostilles de Napoléon (1799–1815) / Publication par A. Chuquet. T. 2. Doc. № 1810. P., 1911. P. 214–215 [Note de S. M. l'Empereur pour M. Bignon, le 2 janvier 1812].

⁴⁹ Archives du Ministère des affaires étrangères, série “Correspondance politique”, sous-série “Pologne”, vol. 329, f. 249 [lettre de S. E. M. le duc de Bassano à M. le baron Bignon, le 10 février 1812].

Польских королевств, отставной чиновник Роландр описывал их размеры и расположение, ссылаясь на некую не очень подробную карту. Говоря о самом южном из упомянутых королевств — Волынском — Роландр признался, что у него возникли трудности с определением столицы упомянутого королевства: «Я не вижу большого города, расположенного в центре этого государства; на карте находится лишь один город, расположенный на Волыни, и называется он “Полонное”. Его название и почти центральное расположение заставляют указать именно на него как на местонахождение [столицы], если выяснится, что его расположение удобно и благоприятно с точки зрения других требований»⁵⁰. Упомянутое королевство должно было, по мнению Роландра, охватывать земли между верховьем Вислы, реками Сан и Днестр на западе, Черным морем на юге, рекой Припять на севере, Днепром на востоке. Таким образом, Днепр представлялся этому иностранцу не только в качестве восточной границы польской государственности, но и как геополитический барьер Европы: «Борисфен является естественным рубежом Московии. Она не должна простирается за эту реку»⁵¹.

Примечательно, что еще шестью годами ранее (то есть в 1806 г.) французский посол в Константинополе генерал Г.-Ф. Себастиани, имея намерение указать Наполеону более-менее четкий рубеж расширения его Великой империи на востоке, представил свой проект расчленения России, предусматривавший отделение от нее ряда провинций, расположенных западнее воображаемой линии, которую он провел вдоль Днепра и Западной Двины между Черным и Балтийским морями⁵². Во время кампании 1812 г. именно эта линия представлялась весьма четким геополитическим рубежом воинам Великой армии, которые, достигнув Днепра под Смоленском, с плохо скрываемым чувством страха выражали мысль, что эта река является пределом

⁵⁰ Львівська національна наукова бібліотека ім. Василя Стефаника, відділ рукописів, ф. 103, спр. 140/IIд, арк. 22 [Extrait d'un ouvrage manuscrit, inédit, faisant suite et servant de développement du “Concordat européen ou Projet de paix perpétuelle. Par un Français”, joint à la lettre de M. Rolandre à S. E. M. le prince Stanislas Zamoyski, le 18 octobre 1812].

⁵¹ Там же.

⁵² Петров А. Война России с Турцией 1806—1812 гг. Т. 1. СПб., 1885. С. 34.

«давней Польши», за которым начинается «коренная Россия», или Московия, страна почти неведомая и населенная враждебно настроенным населением⁵³. Эти представления четко отразились в записках французского интенданта виконта Л.-Г. де Пюибюска, который, находясь в Смоленске, 27 августа отмечал, что «мы напрасно ожидали, что наши войска останутся в Польше и, сосредоточив свои силы, утвердятся здесь; жребий брошен, Рубикон [то есть Днепр] перейден; русские, отступающие в свои внутренние земли, получают отовсюду многочисленные подкрепления»⁵⁴. Несомненным кажется тот факт, что в коллективных представлениях французов о России линия Днепра являлась не только военно-стратегическим, но и культурно-цивилизационным водоразделом между Европой и Азией. отождествление территории Российской империи, расположенной восточнее Днепра, со сферой доминирования азиатского типа культуры нашло весьма яркое отражение в воспоминаниях участников похода Наполеона⁵⁵ (приемы *подчеркивания, схематизации и типизации*).

Весьма важную роль в формировании пространственного образа России в воображении Наполеона сыграли три на первый взгляд второстепенных, но отмеченных личным доверием императора лица: его личный библиотекарь А.-А. Барбье⁵⁶, директор Генерального депо Военного министерства (*Dépôt générale de la Guerre*) Л.-А. Бакле д'Альб⁵⁷ и служащий Министерства внешних сношений Л.-Ф. Лелорнь

⁵³ Campagne de Russie (1812) / Publication par G. Fabry. T. 3. Paris, 1903. P. 282 [rapport du général Jumillac, le 6 août 1812].

⁵⁴ P[uiibusque, vicomte de]. Lettres sur la guerre de Russie en 1812. Paris, 1816. P. 54.

⁵⁵ См. подробнее: *Земцов В.Н.* Россия и русские глазами французов в 1812 году // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы X всероссийской научной конференции, 3–5 сентября 2001 г. М., 2002. С. 101; *Земцов В.Н.* Наполеон о Москве и московском пожаре // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIV всероссийской научной конференции, 4–6 сентября 2006 г. М., 2007. С. 165.

⁵⁶ Barbier, Antoine-Alexandre // Biographie universelle ancienne et moderne de histoire [...] en 45 vol. / Sous la direction de L.G. Michaud. T. 3. P., 1843. P. 62–63.

⁵⁷ Согласно проекту правительственного декрета от 15 нивоза XI года (5 января 1803 г.), целью деятельности Генерального депо Военного министерства были определены «сбор и сохранение всех полезных для истории топографии и про-

д'Идевиль, проведший определенное время на дипломатической службе в России, знавший русский язык, а посему пользовавшийся репутацией едва ли не наилучшего во Франции знатока этой империи⁵⁸. Накануне кампании 1812 г. три упомянутых чиновника, каждый в своей профессиональной «кухне», рафинировали, классифицировали и преобразовывали информацию в первичные образы, своего рода «полуфабрикаты», которые предлагали воображению государственных и военных деятелей в качестве информационной пищи. В то время, как Барбье отвечал за розыск опубликованных и рукописных материалов о России, а Бакле д'Альб — за поиски во Франции, Германии, Нидерландах и Варшавском герцогстве географических карт⁵⁹, роль Лелорнь д'Идевиля состояла в том, что, пользуясь технической помощью нескольких помощников из возглавляемого им статистического депо (*Dépôt statistique*) Министерства внешних сношений, он осуществлял всю предварительную обработку данных, получаемых дипломатическими каналами, прежде чем она попадала в руки императора⁶⁰.

Поскольку созданные на протяжении XVIII в. во Франции и других странах Запада картографические изображения России не вызывали особого доверия этих экспертов, незаменимым источником информации считалось изучение опубликованных в России карт. В первую очередь

гресса военного искусства материалов». С момента утверждения этого декрета депо подразделялось на две секции — историческую и топографическую: первая занималась «сбором и классификацией данных о войне как на территории Франции, так и за рубежом»; вторая — «созданием, усовершенствованием и копированием рукописей и гравюр, пополнением и сохранением собрания лучших топографических работ обо всех странах, а также описательных меморандумов, касающихся их». Общее число сотрудников Генерального депо составляло 27 человек (*Rapport et projet d'arrêté sur l'organisation du Dépôt général de la Guerre, à Paris, le 15 nivôse an XI // www.napoleonica.org/na/na_docview.aspxscope*). Bacler d'Albe, Louis-Albert, baron de // *Biographie universelle ancienne et moderne de histoire [...] en 45 vol. / Sous la direction de L.G. Michaud. T. 2. P., 1843. P. 375–376.*

⁵⁸ *Gue C. Russie 1812, les limites du système napoléonienne // Napoléon de l'histoire à la légende. Actes du colloque de 30 novembre — 1er décembre 1999 / Sous la rédaction de J. Tulard. P., 2002. P. 170.*

⁵⁹ *Tulard J. Napoléon, ou le mythe du Sauveur. Nouvelle édition. P., 1993. P. 512.*

⁶⁰ *Kukiel M. Wojna 1812 roku. T. 1. Kraków, 1937. S. 184.*

следует упомянуть так называемую «большую» карту Российской империи масштабом 1: 500 000, используемую французским командованием во время военной кампании 1812 г. Упомянутая карта состоит из ста четырех листов размером 78 на 50 см, семьдесят семь из которых посвящены европейской части России. Эти листы располагаются рядами, формируемыми параллельно западной границе этой империи. Ближайший к границе ряд имеет обозначение **А**, следующий за ним в направлении на восток — **В** и т.д. В каждом из трех первых рядов насчитывается не менее десяти листов. В начале XX в. часть этой карты, точнее, те ее листы, на которых были изображены губернии, через которые летом 1812 г. продвигалась вглубь России Великая армия, опубликовал французский военный архивист Ж. Фабри. Речь идет о листах **А. 6** (Виленская губерния), **А. 7** (Гродненская губерния), **В. 6** (Витебская и Смоленская губернии), **В. 7** (Минская и Могилевская губернии), **С. 6** (Московская, Тульская и Калужская губернии)⁶¹. Другие части карты никогда не публиковались. Это касается также юго-западной части Российской империи. Ее территория воспроизведена на следующих листах этой карты:

А. 8 — западная часть Волынской губернии, Тернопольский округ, а также северная часть австрийской Галиции;

А. 9 — западная часть Подольской губернии, а также южная часть австрийской Галиции;

В. 8 — восточная часть Волынской губернии, вся Киевская губерния, а также часть Черниговской губернии;

В. 9 — восточная часть Подольской губернии (так называемая Брацлавщина) и Екатеринославская губерния;

В. 10 — Причерноморье от Дуная до Южного Буга;

С. 8 — часть Черниговской, Новгород-Северская, Слободско-Украинская и Полтавская губернии;

С. 9 — Приазовье;

С. 10 — Херсонская и степная часть Таврической губернии;

С. 11 — черноморское побережье Таврической губернии;

Д. 10 — территория Кубанского казачьего войска⁶².

⁶¹ См. вклейки в третьем, четвертом и пятом томах издания: *Campagne de Russie (1812) / Publication par G. Fabry. P., 1900–1903. T. 1–5.*

⁶² *Carte de la Russie Européenne en LXXVII feuilles, exécutée au Dépôt général de la guerre. P., MDDCCCXII.*

На карту разными оттенками черного цвета нанесена сеть крупнейших рек и главных дорог, обозначены населенные пункты (губернские города — шестиугольниками, уездные — пятиугольниками и т.д.), а также, штриховкой, — особенности рельефа. В отличие от русского оригинала, на французской карте, благодаря донесениям разведки, были отмечены главные пути вглубь России с обозначением расстояний между населенными пунктами. Например, от Устилуга до Владимира — 3 лье, от Владимира до Круканичей — 6 лье, от Круканичей до Торчина — 6 лье, от Торчина до Луцка — 5,5 лье. На листе-укладке опубликованного варианта «большой» карты помещен французский словарь русских топографических терминов. Он содержит около ста терминов (таких, например, как «берег», «болото», «брод», «лес», «деревня», «дорога», «долина», «губерния», «юг», «хутор», «зимовье», «остров», «озеро», «переправа»). Составители карты предполагали, что этот словарь мог помочь войнам Великой армии сориентироваться в незнакомой стране, языком которой они не владели.

Исследователи, изучавшие происхождение большой французской карты, едины во мнении, что источником для ее составления послужила так называемая «столистая карта», исполненная и опубликованная по приказу российского правительства в 1797–1805 гг. Однако их предположения существенно расходятся относительно того, каким образом русская карта очутилась во французском Генеральном депо. Российский историк В. Безотосный придерживается версии, согласно которой медные оттиски «столистой» карты были тайно приобретены французским послом Ж.-А. Лористоном у одного из служащих государственного архива в Санкт-Петербурге⁶³. О таком происхождении карты России, в частности, упомянул полковник Жан-Батист Марбо, который вместе с другими высшими чинами французской армии получил в ходе кампании 1812 г. огромный свиток этой карты, включительно с теми листами, на которых была изображена территория Сибири и Камчатки. Согласно свидетельству полковника, при помощи подкупа Лористону удалось вывезти медные таблицы во Францию, где эксперты Генерального депо заменили все

⁶³ *Безотосный В.М.* Наполеоновские разведывательные службы в военной кампании 1812 года // Новая и новейшая история. М., 2004. № 4. С. 192.

русскоязычные обозначения на аналогичные французские, а саму карту растиражировали способом эстампа⁶⁴. В свою очередь, французский историк А. Монтрас является сторонником гораздо более прозаичной версии, согласно которой 104 листа карты, наклеенные на холсты, были приобретены в декабре 1810 г. сотрудниками Генерального депо у одного из парижских букинистов. Ознакомившись с этой картой, Наполеон приказал граверам своего топографического кабинета воспроизвести ее в более крупном масштабе, заменив при этом русские надписи на французские. Работа по транслитерации надписей продолжалась до конца 1811 г., и уже в феврале 1812 г. были отпечатаны сорок экземпляров «большой» карты. Что касается топографических карт, присланных французскими послами в Санкт-Петербурге Коленкуром и Лористоном, то А. Монтрас считает, что это были другие карты, более современные, чем устаревшая, на его взгляд, русская «столистовая» карта⁶⁵. Впрочем, каким бы не являлся путь «столистовой карты» из Санкт-Петербурга в Париж, исследователи считают несомненным фактом ее переделку на французский манер при помощи замены надписей. Полностью подтверждает этот факт составленная в 1812 г. капитаном первого класса императорского корпуса инженеров-географов П. Лапи и выгравированная и изданная императорским гравером П.-А.-Ф. Тардые «Карта Европейской части России вместе с Австрийской империей, Швецией, Данией и Норвегией, Пруссией, Великим герцогством Варшавским, Иллирийскими провинциями и частью Рейнской конфедерации, а также европейской Турции». В сопровождающей ее легенде указано, что «изображение России на эту карту было перенесено с новой “столистовой” карты, изданной в картографическом депо в Санкт-Петербурге с русскими обозначениями, написание которых затем было транслитерировано [на французский язык]»⁶⁶. Таким образом, кроме «большой» карты,

⁶⁴ *Marbot, comte de. Mémoires. T. 3. P., 1892. P. 35–36.*

⁶⁵ *Montras A. Le renseignement dans la préparation de la campagne de Russie de 1812 // Revue historique des armées. № 221. Vincennes — Paris, 2000. P. 12.*

⁶⁶ *Carte de la Russie d'Europe, avec l'empire d'Autriche, la Suède, le Danemark et la Norvège, la Prusse, le Grand duché de Varsovie, les provinces Illyriennes et une partie de la Confédération du Rhin et de la Turquie d'Europe / Dressée par P. Lapie, gravée et publiée par P.-A.-F. Tardieu. P., 1812.*

в Генеральном депо была изготовлена также «малая» карта европейской территории России масштабом 1 : 2 300 000.

Карта Лапи и Тардые, состоящая из шести листов размером 160 на 159 см, являлась более легкой и удобной при транспортировке, чем «большая» карта. Ее масштаб был достаточен, чтобы сформировать представление о расположении губернских и уездных центров, главных дорог, естественных препятствий, а также пределов губерний. Например, в приграничной части Волынской губернии была обозначена дорога, ведущая из Владимира через Локачи, Торчин на Луцк, а оттуда на Дубно и Ровно. Из Дубно четкой линией был отмечен тракт на Корец, Житомир и Киев, а из Корца — на Острог, Новоград-Волынский, Житомир и т.д. Отличия от «большой» карты в изображении местности являлись следующими: 1) расстояния указаны не в двух, а в шести шкалах, то есть не только в верстах и новых французских лье, но также в старых лье, немецких, шведских и датских милях; 2) хотя расстояния между населенными пунктами не обозначены, более четко очерчены зоны труднопроходимых Припятских и Пинских болот; 3) несколько иной является и транслитерация русских названий: ср. на карте Лапи и Тардые — Radomisl, Lokatchi, Aktirka — с названиями на «столистовой» карте — Radomouisl, Lokatschi, Akhtouirka. В материалах Генерального депо хранится экземпляр «большой» карты⁶⁷, на котором транслитерация названий в известной степени отличается от опубликованной версии упомянутой карты (см., например, Akhtierka вместо Akhtouirka). Это указывает на то, что работа по уточнению перевода географических названий с русского языка продолжилась на протяжении 1812 г., то есть уже после публикации первого варианта карты, работа над которым предположительно завершилась в самом начале 1812 г.

Этот второй вариант французской «большой» карты уже нельзя считать простым переводом «столистовой» карты Российской империи. При сопоставлении листов этого варианта французской карты становится очевидным, что плотность обозначений всех видов по-

⁶⁷ Service historique de la Défense, département de l'armée de terre, série "Cartes", division 4^e^{me}, section 5^e^{me}, subdivision B, carte № 123 [Tableau d'assemblage de la Russie Européenne en LXXVII feuilles, exécutée au Dépôt général de la guerre. P., MDDCCCXII].

степенно уменьшается в направлении с запада на восток. Таким образом, если на листах **А. 8** и **А. 9** практически отсутствует свободное от обозначений поле, то на листах **В. 8** и **В. 9** его уже немало. Поскольку численность населенных пунктов и особенностей рельефа на Полтавщине или Черниговщине являлась в действительности ничуть не меньшей, чем на Волыни или Подолье, то существование «белых пятен» на листах **В. 8** и **В. 9** могло быть следствием отсутствия дополнительной информации об изображенной на этой части карты территории и обусловленной этим обстоятельством необходимостью удовлетвориться исключительно теми обозначениями, которые существовали на русской карте (работа с этими листами свелась исключительно к транслитерации на французский язык русскоязычных названий, как об этом писал Ж.-Б. Марбо, с последующими уточнениями транскрипции названий крупных населенных пунктов). Что же касалось сопредельных с Варшавским герцогством территорий Российской империи, то в этом случае информация русской «столистовой» карты дополнялась данными, которые удалось раздобыть французским дипломатам при помощи их польской агентуры. Основание предполагать, что эти карты являлись более точными, чем изданные российским правительством, дает свидетельство киевского военного губернатора М.А. Милорадовича, писавшего командующему резервной обсервационной армией А.П. Тормасову, что «хотя всех уездов карты, также и те, которые касаются почтовых дорог, хранятся в архиве города Киева, но при отступлении войск кое-кто из здешних дворян не приминет случаев предоставить неприятелю точные карты, котрые имелись у них еще во времена Речи Посполитой»⁶⁸.

Пытаясь в меру своих сил и возможностей исполнить поручения относительно сбора информации про европейскую часть России, французский резидент в Варшаве Л.-Э.-П. Биньон прислал в феврале и апреле 1812 г. карты Киевщины и Волыни, предоставленные ему польскими агентами. В феврале 1812 г. Биньон сообщил Маре, что ему удалось получить от инженера губернской управы в Житомире карту Волыни. «Ее преимуществом является то, — указывал он в своей

⁶⁸ Цит. по: *Левицкий О.* Тревожные годы: Очерки из общественной и политической истории г. Киева и Юго-Западного края в 1811–1812 гг. // Киевская старина. Т. 35. Киев, 1891. № 12. С. 211.

депеше министру внешних сношений, — что, кроме прочего, на ней указан масштаб, позволяющий определить расстояния между главными городами, то есть исполнить одно из заданий, предусмотренных инструкциями, полученными мною от Вашего Превосходительства»⁶⁹. Весьма вероятно, что упомянутая карта вместе с информацией, полученной из других источников, позволила картографам французского Генерального депо нанести на составленную ими «большую» карту Российской империи вместе с двумя путями, идущими по территории Литвы, также тот, который вел из Устилуга в Киев, причем на карте были отмечены расстояния между населенными пунктами, расположенными на расстоянии одного дневного перехода. В апреле 1812 г. Биньон даже вознамерился собственноручно составить схему путей юго-западного пограничья Российской империи вместе с коротким статистическим описанием последнего⁷⁰. Его сочинение могло пригодиться французскому командованию в случае, если Наполеон решил бы направить один из своих корпусов на Киев.

Возможно поэтому на листах «большой» карты, относящимся к ряду А, рядом с русскими названиями местности можно заметить польские (например, Wladimir (пол.) вместо Vladimir (рус.), Uscilug (пол.) вместо Oustilough (рус.)). Похоже, что именно этот фрагмент гигантской карты описал украинский исследователь И. Борщак, который в 1949 г. посетил выставку личных вещей Наполеона, организованную в парижском Доме инвалидов. Согласно свидетельству исследователя, на этой карте из Архива Военного министерства, были воспроизведены «Пруссия, часть России, Польши, Украины». Борщак удивило, что французские картографы «весьма подробно, вплоть до сел, воспроизвели украинскую территорию от Львова и до Полтавы». При этом он обратил внимание на то, что «названия были воспроизведены согласно смешанному правописанию: русскому, польскому и украинскому». Исследователь также упомянул о том, что на полях карты находились заметки о численности населения тех

⁶⁹ Archives du Ministère des affaires étrangères, série “Correspondance politique”, sous-série “Pologne”, vol. 329, f. 226 [lettre de M. le baron Bignon à S. E. M. le duc de Bassano, le 14 février 1812].

⁷⁰ Ibid., f. 489 [lettre de M. le baron Bignon à S. E. M. le duc de Bassano, le 14 avril 1812].

или иных провинций, и поспешил сделать вывод о том, что «французский Генеральный штаб был весьма хорошо проинформирован о ситуации в Восточной Европе»⁷¹. Однако описанная И. Борщак карта вряд ли была доступна Наполеону в начале кампании 1812 г., представления которого о географии Российской империи формировались первоначально на основе первого варианта «большой» карты, поэтому зависели не столько от тщательности работы французских картографов, сколько от информации, содержащейся в русской официальной карте. Последняя, согласно отзывам многих современников, была далека от совершенства. Прежде чем попасть в руки французского императора и его генералов, «большая карта» не подвергалась никакой проверке на точность. Эта работа начала осуществляться лишь при подготовке второго варианта карты. Тогда же французские картографы и заметили, насколько сомнительной могла оказаться информация первого варианта карты, которым в то время уже пользовалось командование Великой армии. Едва ли не наилучшим образом иллюстрирует неоднозначность этой ситуации рекомендация, написанная на обороте присланной Биньоном старой польской карты Киевского воеводства рукой одного из сотрудников Генерального депо в Париже: «Эта карта существенно отличается от карты, опубликованной русским правительством, расположением как городов и деревень, так рек и дорог. Решить, какая из этих карт является лучшей, можно лишь на местности, [изображенной на ней]»⁷². Парадокс ситуации состоял в том, что окончательная оценка точности карт была вынесена на суд высшего французского руководства, которое, впрочем, само не имело ясного представления о территориях, изображенных на них, и пыталось сформировать это представление на основе содержащейся в них информации.

Вывод, который следует из вышесказанного, является следующим: несмотря на всю тщательность подготовительной картографической работы, проделанной в Париже, в начале кампании 1812 г.

⁷¹ Борщак І. Наполеонівська мапа 1812 року // Україна: Українознавство і французьке культурне життя. Зошит 2. Париж, 1949. С. 116.

⁷² Service historique de la Défense, département de l'armée de terre, série "Mémoires et reconnaissances", sous-série "M 1", carton 1489/12 [Partie du palatinat de Kiow, envoyée par M. de Bignon].

Российская империя в значительной степени так и осталась для воображения Наполеона, его маршалов и генералов «землей неизведанной», полной всяких неожиданностей и неудобств, когда речь шла о необходимости продвигаться быстрее и маневрировать лучше противника. В условиях военных действий задача восполнения этой важной лакуны была возложена на возглавляемую генералом Н.-А. Сансоном картографическую службу при Генеральном штабе⁷³, но, вероятно, во время кампании 1812 г. ей все же не удалось достичь сколь-либо удовлетворительного результата.

Эволюция взаимного восприятия противников (по документам личного происхождения русских и французских авторов)

Губина Майя Викторовна

Тема, задачи и источники исследования

Войны XIX века, не отличавшиеся той степенью национальной вражды, которая будет присуща войнам XX века, способствовали продолжительным и массовым контактам между армиями и гражданским населением завоевывавшихся территорий. Антропологический аспект

⁷³ Французские историки исследовали деятельность картографической службы Великой армии в ходе кампании 1805 г., изучая карты, созданные инженерами-географами упомянутой службы, и выявили при этом параллели с баварскими картами, положенными в основу французских: *Villele M.-A. de, Ponnou C. Du terrain à l'histoire: L'activité du service topographique de la Grande Armée durant la campagne de 1805 // Revue historique des armées. № 241. Vincennes — Paris, 2005. P. 8—15.* К сожалению, в своем недавно опубликованном исследовании российский историк А. Попов не пошел этим путем, предполагавшим подробное прочтение изображений на захваченных у французов общих картах и их сравнение с образцами русских карт, служившими им основой. Этот исследователь ограничился цитированием запечатленных в изданных источниках разрозненных впечатлений очевидцев и приказов о производстве топографических съемок на местности в ходе военных действий, а также рапортов о захвате французских инженеров-географов и их карт (*Попов А. И. Инженеры-географы Великой армии в кампании 1812 года // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. 10. М., 2010. С. 100—118.*

наполеоновских войн все чаще оказывается в центре внимания современных исследователей, о чем, кстати, свидетельствует тематика данной конференции. Кроме того, интересно, что внимательное прочтение документов эпохи — будь то официальные документы правительственной пропаганды или, тем паче, частные записки современников — позволяет иногда отыскать почти прямые и не требующие интерпретации свидетельства о том, что кипучая военно-политическая деятельность Наполеона оказывала влияние на развитие взаимных представлений европейских народов друг о друге.

Данный доклад посвящен анализу документов личного происхождения русских и французских участников войн 1812—1814 гг.⁷⁴ Будут изучены как источники, строго современные описываемым событиям (переписка и дневники), так и мемуары, созданные современниками позднее⁷⁵. Для удобства повествования мы будем также использовать термины «ранние тексты» (для обозначения первой группы источников) и «поздние тексты» (для обозначения мемуаров). В данной работе будут проанализированы записки только тех участников событий, чье пребывание на территории противника было относительно коротким, ограниченным временными рамками непосредственных военных действий. Другими словами, записки французских военнопленных и военнослужащих русского оккупационного корпуса генерала М.С. Воронцова, остававшихся на территориях России и Франции в течение нескольких лет, не включены в источниковую базу данного исследования.

Сравнительный эпистемологический анализ источников позволит поразмышлять над формированием и эволюцией образа наполеоновской эпохи в исторической памяти каждого народа,

⁷⁴ Мы постарались отобрать документы только французских и русских авторов, исключив тексты немецких, швейцарских и других участников Русской кампании Наполеона, а также иностранцев на русской службе.

⁷⁵ Мы учтем также данные и таких поздних текстов, чьи авторы подозреваются историками (в первую очередь Ж. Тюларом и А.Г. Тартаковским) в недостаточной правдивости (плагиат, недостоверность и т.д.), так как нас интересует финальный результат: образ противника, воспроизведенный в авторском тексте, какие бы ни были способы, которыми пользовались современники. Другими словами, нам интересно проанализировать тот образ, который они пожелали и посчитали нужным воспроизвести в определенный исторический момент.

сравнить национальные традиции памяти русских и французов, а также затронуть вопрос о роли, которую сыграли в этих процессах современники.

О структуре доклада. Отдавая должное хронологии исторических событий, первую половину доклада мы посвятим последовательному анализу записок и мемуаров французских участников Русской кампании, предпринятой Наполеоном в 1812 г. Во второй же половине пойдет речь о восприятии русскими военными французских реалий в 1814 г. и сохранившихся у них воспоминаниях о Франции.

Французы в России. 1812 год

23 июня 1812 г. Наполеон отдает Великой армии приказ пересечь западную границу Российской Империи. Десятки тысяч французских военных проведут на территории России около полугода. Действительно, отступательная тактика русской армии (но также и некоторые ошибки французского командования⁷⁶) рушит наполеоновский план быстрого разгрома противника и увлекает Великую армию все дальше вглубь российской территории. Даже главное сражение этой войны — Бородинская битва (с тех времен сохранившая во французской литературе название Московской битвы), произошедшая 7 сентября, — не имеет решающего значения. Русские сдают Москву, но их армия продолжает существовать. После оказавшегося совершенно безрезультатным с военной и дипломатической точек зрения более чем пятидневного пребывания в древней русской столице Наполеон принимает решение об отступлении. Русские оставляют в распоряжении французов только Смоленскую дорогу, основательно разоренную еще во время наступления. Наступление холодов довершает разложение Великой армии, чьи последние малочисленные остатки покидают российские владения в середине декабря⁷⁷.

Прежде всего подтвердим справедливость вывода, сделанного Н. Петито на основании анализа более широкой источниковой базы —

⁷⁶ См. подробнее: *Garnier J.* «Campagne de Russie (1812)» // *Tulard J., éd.* Dictionnaire de Napoléon. Paris, Fayard, 1989. 1866 с. С. 356.

⁷⁷ Наполеон оставляет армию еще раньше, ускорив свое возвращение по получении известий о заговоре Мале.

записок наполеоновских солдат и офицеров, отражающих их впечатления не только о Русской, но и о других кампаниях⁷⁸. Действительно, вполне очевидной целью авторов французских мемуаров является реконструкция образов боевой славы или, за неимением таковых, оправдание собственных действий во время бесславных эпизодов истории, тогда как авторы корреспонденции и дневников посвящают в своих текстах больше внимания и места описанию «посещаемых» местностей.

1. Страна. Периферия. «Ранние» французские источники ясно свидетельствуют о том, что погодные и климатические условия повлияли как на моральное состояние Великой армии, так и на развертывание военных событий с самого начала кампании, а ноябрьские морозы были лишь апогеем, а не единственным проявлением значимости этого фактора. Действительно, упоминания о жаре, дождях, грозах или, наоборот, хорошей погоде регулярно встречаются на страницах дневников и корреспонденции⁷⁹. Именно погодные условия — жара и сменившая ее небывалая ночная гроза — оказались причиной первых трудностей и первых потерь (гибель большого количества лошадей) французской армии в первые же дни наступления. Упоминания именно об этом событии (наряду с неизбежными апокалиптическими описаниями морозов) встречаются также и на страницах мемуаров. «Стоявшая очень хорошая погода неожиданно испортилась. 29 июня случилась мощная гроза [...] Ураган сопровождался сильным градом [...] Какой раздирающий спектакль представился нашим глазам наутро! [...] Земля была покрыта трупами погибших от холода лошадей»⁸⁰.

Другим важным фактором, определяющим состояние духа «путешественников поневоле», являются дороги — их состояние,

⁷⁸ См.: *Petiteau N.* Les voyages des hommes de la Grande Armée: de la vie militaire aux pratiques de la mobilité géographique // *Bourguinat N., Venayre S., éd.* Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal. Contraintes nationales et tentations cosmopolites. 1790–1840. [P.]: Nouveau monde éd., 2007. 546 с. С. 347.

⁷⁹ См. также об этом: *Промыслов Н.В.* Война 1812 года в письмах французских солдат // *Французский ежегодник*, 2006. М., 2006 и в открытом доступе: http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Promyslov-2006.html#_ftn3

⁸⁰ *Coignet J.-R.* Les cahiers du capitaine Coignet (1799–1815). P.: Hachette, 1883. XXXIX–494 с. С. 295–296.

протяженность преодоленного пути⁸¹. Это особенно понятно в условиях Русской кампании Наполеона, когда Великая армия находилась в постоянном движении. Кроме периода «сидения в Москве» дорога была основным местом существования французских солдат и офицеров в 1812 г., и ее образ является неотъемлемым элементом переписки и корреспонденции наполеоновских солдат, офицеров и генералов. Этот образ является, пожалуй, самым характерным для группы «ранних» французских источников⁸². Участникам похода приходится на собственном опыте убедиться в достоверности общеизвестной идеи о необозримых просторах Российской Империи.

Кроме того, именно образ русских дорог быстро становится одним из самых распространенных элементов складывавшихся представлений о России. Действительно примечательно, что несмотря на тяготы бесконечного продвижения вглубь необозримой России французы описывают необычную для их глаз красоту русских дорог! Так, описание ужасов Бородинского сражения сменяется в письме Ж. Брео дэ Марло именно картиной мирной красоты дороги, по которой автор и его товарищи подъехали к Москве⁸³. М. дэ Ташер упоминает

⁸¹ См. наше исследование: *Goubina M. La route dans les notes de voyage des Français et des Russes au début du XIXe siècle: aspect du paysage ou illustration du «chemin» de la pensée? // Cahiers Slaves, №10 «Routes et chemins slaves», sous la dir. de L. Troubetzkoy et F. Conte. С. 73–88* и в открытом доступе: www.recherches-slaves.paris4.sorbonne.fr/Cahier10/05_%20M.Goubina.doc

⁸² Это наблюдение является одним из мощных аргументов в пользу защищаемого нами мнения о том, что источники личного происхождения, вышедшие из-под пера военных, являются хотя и самостоятельной, но все же вполне законной частью большой семьи записок путешественников. Наша диссертация на соискание научной степени доктора исторических наук Сорбонны, защищенная в 2007 г., во многом посвящена этой тематике (в открытом доступе: http://www.theses.paris4.sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frames.html).

⁸³ См.: *Bréaut des Marlots J. Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie // Bréaut J. Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie; Dennée P.-P. Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P.: La Vouivre, 1997. VI–106 с. С. 6.*

«отличную дорогу, обрамленную двойным рядом берез»⁸⁴ на страницах своего дневника, написанных уже во время становившегося все более тягостным отступления... Наконец, после шестинедельного продвижения по территории противника маршал Каstellян говорит, что дороги такого типа были «самыми замечательными из всего того, что ему привелось увидеть в России»⁸⁵.

Несмотря на тактические и стратегические интересы, которые заставляли военных обращать внимание не только на качество и состояние дорог, но и на рельеф местности, количество хлебов в полях и т.п., французские военные регулярно демонстрируют свою способность воспринимать красоту российских пейзажей. «Красивая холмистая местность, везде — деревни и плодородные поля [...] Красивое озеро»⁸⁶. В мемуарах же образы дорог и местностей в большинстве случаев ограничиваются упоминаниями их утилитарных аспектов.

Описания инфраструктуры русских деревень, больших и малых городов, их архитектуры, элементов внутреннего и внешнего декора публичных и частных строений также фигурируют преимущественно в «ранних» документах. Чаще всего французы констатируют «нецивилизованность» традиционного русского деревенского жилища и критикуют наличие деревянных построек в городах. Однако критика (более или менее обоснованная) одних авторов перемежается с более продуманными размышлениями других. Так, некоторые признают функциональность русской избы, а кто-то замечает элементы привлекательного декора. «Красота деревень [...] деревянные кружевные украшения [на избах]»⁸⁷.

Авторы мемуаров ограничиваются краткими упоминаниями (широта улиц и площадей) об инфраструктуре крупных на-

⁸⁴ *Tascher M. de.* Le Journal de campagne d'un cousin de l'Impératrice (1806—1813). P.: Plon, 1933. X—324 с. С. 315. Voir également: Ibid. С. 302. Еще о березах вдоль дорог: *Bonnet G.* Journal du capitaine Bonnet du 18e de ligne (campagne de 1812) // Carnets et journal sur la campagne de Russie: extraits du «Carnet de la Sabretache», années 1901—1902—1906—1912. Paris, F. Teissède, 1997. 172 с. С. 92—93.

⁸⁵ *Castellane E. V. E. B.* Journal du maréchal de Castellane (1804—1862). Paris, Plon, 1895—1897. 5 т. Т. 1. С. 132.

⁸⁶ *Tascher M. de.* Op. cit. С. 306.

⁸⁷ Ibid. С. 306, 311.

селенных пунктов (Вильно, Смоленск). Однако их описания военно-оборонительных укреплений городов бывают более подробными, чем подобная информация, встречающаяся в «ранних» источниках. Авторы корреспонденции не хотели, судя по всему, перегружать свои письма подобными описаниями, которые вряд ли могли заинтересовать их родственников. Ну, а в дневниках фиксировалось скорее разочарование от того, что несмотря на очередной взятый город противник так и оставался недостижимым и конца кампании не было видно... Тогда как описания военной инфраструктуры противника были необходимы в мемуарах, чьей главной целью было «восстановление исторической справедливости»...

Единодушие между авторами «ранних» и «поздних» источников наблюдается в констатации контраста между дворянскими усадьбами и жилищами простолюдинов.

Особое внимание привлекает тема религиозной архитектуры. Упоминания о «святости» Смоленска и Москвы и их соборах, наличии церквей и монастырей в других городах присутствуют во всех исследованных источниках. Но письма и дневники французских военных особенно богаты описаниями внешнего и внутреннего убранства (колокольни, алтари, иконы, кресты и распятия) православных храмов. С одной стороны, вполне очевиден эстетический интерес французов к малознакомой им архитектуре, и с этой точки зрения записки наполеоновских военных являются не обнаруженным нашими предшественниками переходным этапом в эволюции французского восприятия русской материальной культуры⁸⁸. С другой стороны, восприятие французскими военными русской религиозной архитектуры могло носить и тактический характер. В контексте все более изматывающей кампании, составляющими которой были бесконечные марши за постоянно уходящим противником, уход гражданского населения и тактика «выжженной земли», появление на горизонте колоколен означало приближение к более важному

⁸⁸ Подробнее этот вопрос рассмотрен нами в статье «Роль войны 1812 года в “знакомстве” французов с Россией и с русскими», которая появится в 2012 г. в номере «Уральского исторического вестника», посвященном 200-летию Отечественной войны 1812 г.

населенному пункту и могло воскрешать надежды французских военных на возможный отдых...⁸⁹

Москва. Важное место, которое занимает образ второй российской столицы во французских источниках, лишний раз подтверждает, что пребывание в Москве стало кульминационным моментом не только для развития военного аспекта наполеоновской кампании, но и в эволюции состояния духа французских военных⁹⁰.

Прежде всего, утомленные бесконечным продвижением внутрь России французы решили, что со вступлением в Москву наступал желанный конец кампании и «окончание их страданий»⁹¹. Память об этих настроениях сохранилась даже в поздних воспоминаниях. Так, генерал Буляр подчеркивает, что несмотря на всю красоту лежавшей у их ног Москвы, надо было «пройти 800 лье несмотря на все лишения [...]; надо было [быть] победителем с иллюзиями о славе [...]; надо было ожидать [что этот город станет] концом всех страданий»⁹², чтобы ощутить все то, что ощутил он и его товарищи при виде великолепного московского пейзажа.

Авторы переписки и дневников пытаются описывать красоты города даже тогда, когда им приходилось судить по «тому, что оставалось» после пожара⁹³. В мемуарах подобных описаний намного меньше.

⁸⁹ Мы благодарим преподавателя кафедры отечественной истории XIX — начала XX в. Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.П. Шевырева, нашего учителя и научного руководителя, который подсказал нам возможность данной трактовки изложенных фактов и наблюдений.

⁹⁰ См. подробнее об этом: *Земцов В.Н.* Наполеон в Москве // Французский ежегодник, 2006. М., 2006. С. 199—218 и в открытом доступе: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Zemtsov-2006.html>, а также в 1-й главе нашей диссертации.

⁹¹ *Bréaut des Marlots J.* Op. cit. С. 8. См. также: *Castellane E.V.E.B.* Op. cit. С. 154 и т.д.

⁹² *Boulart J.-F.* Mémoires militaires du général baron Boulart sur les guerres de la Révolution et de l'Empire. P.: Librairie illustrée, 1892. XIV—368 с. С. 256—257.

⁹³ См.: *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 publiées d'après les pièces communiquées par S.E.M. Goriainow et annotées par L. Hennet et le commandant E. Martin.* P.: La Sabretache, 1913. XVI—440 с. С. 18, 22, 29, 36, 51—52, 58, 61, 105, 139, 146, 290; *Ledru des Essarts F.R.* Un grand patriote sarthois méconnu: la vie de ce soldat courageux qui n'aimait que la paix. Le Mans. J.-L. Bonnéry, 1988. 95 с.

ше, однако, образ несметных богатств дворянских особняков⁹⁴ все же присутствует и в них, даже если и носит утилитарный характер, как в записках полковника Био, которому трудно было выбрать квартиру на постой, такое «количество особняков один другого великолепнее» встречались ему на пути⁹⁵. Описания Кремля присутствуют во всех исследованных записках французских военных. Наконец, ужасы пожара и его плачевнейшие последствия для города также описаны почти в равной мере во всех источниках.

2. Народ. В 1812 г. французы оказались лицом к лицу не столько с русским солдатом и даже не с русским мирным населением, сколько с русским менталитетом, русской системой ценностей и русским мировоззрением. Именно материалы «ранних» документов позволяют прийти к этому важнейшему выводу. Действительно, информация о постоянном отступлении русской армии и тактике «выжженной земли», практиковавшейся как армией, так и сбегавшим гражданским населением, неизбежно присутствует в записках всех военных Великой армии. Однако именно переписка и дневники позволяют проследить, с одной стороны, эволюцию отношения французов к подобному поведению противника, а с другой, найти следы осознания французами глубокой коренной разницы между их собственным мировосприятием и мироощущением противника.

Первоначальное недоумение французов и их уверенность в пагубности для самих русских выбранной модели поведения постепенно сменяются досадой, раздражением, разочарованием и, у некоторых, озлоблением. Наконец, «ранние» источники свидетельствуют о полной дезориентации нападавших. «Русские совершенно потеряли голову, и мы не можем понять, как они в своем ослеплении могли

С. 83; *Castellane E.V.E.B.* Op. cit. С. 154; *Bréaut des Marlots J.* Op. cit. С. 8. См. также данные из неопубликованной переписки французов: *Земцов В.Н.* Указ. соч.

⁹⁴ Опять же именно в «ранних» источниках мы находим более подробные сведения о том, что именно привлекло внимание французов. Это были мебель, картины, вина и библиотеки московского дворянства.

⁹⁵ *Biot H.-F.* Souvenirs anecdotiques et militaires du colonel Biot aide de camp du général Pajol. P.: Vivien, 1901. 554 с. С. 42. См. продолжение описания богатств московских вельмож на страницах 43 и 44.

решиться на самоличное подрывание основ своей империи»⁹⁶. Потере ориентиров способствовало также полное отсутствие у Русской кампании «салонного аспекта». «После хозяек почтовых станций в Польше мы [больше] не встретили ни одной женщины, зато мы теперь большие специалисты по пожарам»⁹⁷, — с горькой иронией замечает Анри Бейль, более известный под псевдонимом писателя Стендаля. Наконец, сдача и поджог древних и «святых» русских городов — Смоленска и Москвы — окончательно убеждают французов в том, что система ценностей русского народа явно находилась в иной плоскости...

На фоне этого столкновения менталитетов все остальные элементы «знакомства» с русским народом неизбежно являются вторичными, тем более что тактика русских резко ограничила возможности для такого «знакомства».

Естественно, однако, что во французских источниках идет речь о русской армии. В «ранних» документах негативные характеристики (отступление без боя, мародеры) соседствуют со свидетельствами о храбрости и твердости русских. Тогда как в «поздних» источниках положительные характеристики, кажется, даже преобладают, что легко объяснить все теми же целями создания мемуаров: одоление именно упрямо и храбро сопротивляющегося противника ведет к славе... Образ казачьих и других нерегулярных частей русской армии остается в рамках уже известного стереотипа, состоявшего из трех основных и, кстати, достаточно достоверных элементов: атака большим количеством, действия против арьергардов, нецивилизационная «дикость» внешнего вида. Примечательно, что даже во время ужасного отступления авторы записок не добавляют к этому образу существенно новых более жутких и неправдоподобных деталей⁹⁸. Любопытно, что тексты мемуаров окончательно убеждают читателя

⁹⁶ *Ledru des Essarts F.R.* Op. cit. С. 83.

⁹⁷ [Lettre de] H. Beyle à la comtesse Daru, Moscou, le 16 octobre [1812] // *Lettres interceptées [...]* Op. cit. С. 160.

⁹⁸ Это произойдет в 1814 г., когда образ казака-людоеда будет активно использоваться не только в текстах сторонников отрекшегося императора, но и, что особенно примечательно, в пропагандистских листовках, вышедших из-под пера роялистов, так часто изображаемых в историографии почти «прорусской

в достоверности тенденции, которая угадывается в переписке и дневниках. Речь идет о том, что во французском восприятии русский возглас «ура» становится в большинстве случаев синонимом слов «атака», «нападение». Французы пишут о пережитых ими казачьих «ура», о том, что сам Наполеон подвергся одному такому «ура», а главный интендант Великой армии граф Дюма сообщает, что потерял в одном «ура» свой лучший экипаж⁹⁹.

Наконец, укажем, что во французских источниках встречаются отрывочные сведения о русской истории¹⁰⁰. Некоторые демонстрируют свои знания или передают слухи об истории тех или иных пересекаемых местностей¹⁰¹. Однако большинство французских «путешественников поневоле» сообщают информацию о русской истории применительно к своему пребыванию в Москве и, особенно, «посещению» Кремля.

В заключение обзора французских документов надо отметить, что, с одной стороны, предпочтение, отдаваемое авторами мемуаров описанию чисто военных аспектов кампании, и сравнение этих источников с более богатыми с точки зрения описания наблюдаемой русской действительности дневниками и корреспонденцией их товарищей по оружию, позволяет нам определить, какие феномены русской реальности особенно поразили внимание французов в 1812 г.¹⁰² С другой стороны, сравнение двух групп источников позволяет дополнительно акцентировать внимание на ценности «ранних» текстов, строго современных описываемым событиям и позволяющих нам лучше узнать и, главное, понять атмосферу исторической действительности

партией» французского общества. См. подробнее об этом 4-ю главу нашей диссертации.

⁹⁹ *Dumas M. Souvenirs du lieutenant général comte Matthieu Dumas de 1770 à 1836.* P.: Gosselin, 1839. 3 т. Т. 3. С. 464.

¹⁰⁰ Далеко не все, а только некоторые данные (о значении Смоленска — «бульвара», ведущего к Москве; о 1600 московских церквей) сообщались в Бюллетенях Великой армии.

¹⁰¹ См.: *Prézet J. Relation de la campagne de Russie (1812–1813) par un témoin oculaire.* Dijon: Imp. Darantiere, 1893. 37 с. С. 12.

¹⁰² См. об этом же: *Petiteau N. Op. cit. // Bourguinat N., Venayre S., éd. Op. cit. С. 347.*

сти. Наконец, сжатость рамок данного сообщения не позволяет нам подробнее остановиться на вопросе схожести информации, содержащейся в документах личного происхождения и в Бюллетенях Великой армии. Ограничимся констатацией наличия текстовых параллелей между обоими типами исторических источников¹⁰³.

Русские во Франции. 1814–1815 года

Вопреки мнению части русского генералитета Александр I принимает «стратегически важное решение о переносе боевых действий за пределы России»¹⁰⁴. В середине января 1814 г. русские части (около 142 000 человек) в составе коалиционной армии (около 358 000 человек) вступают на территорию Франции¹⁰⁵. Русские войска движутся через северо-восточные и восточные департаменты Франции. Несмотря на отчаянное сопротивление наполеоновская армия не может сдерживать натиска коалиции. Александру I удается убедить союзников воспользоваться неудачным маневром Наполеона, попытавшегося перерезать коммуникационные линии противника, и в конце марта союзники оказываются под Парижем. Капитуляция подписана 30 марта 1814 г., а на следующий день элитные части союзной армии проходят парадом по улицам французской столицы. Попытка Наполеона вернуться к власти в 1815 г. приводит к возвращению во Францию коалиционных сил.

Отметим прежде всего, что мемуарам русских авторов, в отличие от только что проанализированных французских текстов, вовсе не присущ тот же повышенный интерес к восстановлению главным образом военного аспекта событий. Вследствие чего отличия между содержанием «ранних» и «поздних» русских источников будут лежать в несколько иной плоскости.

¹⁰³ Подробнее этот вопрос рассмотрен в наших вышеуказанных работах.

¹⁰⁴ *Безотосный В.М.* Борьба генеральских группировок в русской армии эпохи 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., ГИМ. 2002. 309 с. С. 40.

¹⁰⁵ Идет речь о 6-й коалиции, объединявшей Англию, Австрию, Пруссию и Россию. Однако коалиционная армия состояла, главным образом, из австрийских, прусских и русских частей. Цифры взяты из: *Tulard J. éd. Op. cit. С. 360.*

1. «Наконец мы во Франции!»¹⁰⁶ Пересечение Рейна ознаменовалось преобладанием торжественно-приподнятого настроения в русских войсках. «Мы перешли за Рейн [...] Я несколько раз повторял с товарищами: наконец мы во Франции! [...] Я горжусь моей родиной в земле ее безрассудных врагов»¹⁰⁷. Гордость победителей соседствует в записках с энтузиазмом, вызванным неожиданной возможностью воочию познакомиться со страной, образ которой (с его как положительными, так и отрицательными аспектами) являлся неотъемлемой частью представлений о мире почти любого¹⁰⁸ представителя тогдашнего русского общества.

Разочарованные упоминания о бедности и разоренности французской деревни во множестве содержатся в дневниках и переписке. Некоторые из русских современников указывают вполне очевидные причины тяжелого положения, в котором находилось французское крестьянство, — постоянные войны с конскрипциями и растущими налогами. Однако частота более или менее эмоциональных замечаний на эту тему позволяет сделать вывод о том, что французские реалии не соответствовали имевшимся о них у русских представлениям. Еще более неожиданными кажутся отрывки, в которых описания полуразоренной страны с толпами нищих и невежественными крестьянами заканчиваются заключениями о том, «как сие противоположно тем велеречивым описаниям наших *Гувернеров* и *Галломанов!*»¹⁰⁹ Надо сказать, что тексты А.А. Писарева и Ф.Н. Глинки, в которых содержатся подобные сентенции, являются литературно обработанными мемуарами и им не чужда

¹⁰⁶ Письма К.Н. Батюшкова к Н.И. Гнедичу // Русская старина (далее — РС). 1883. Т. 38. № 4. С. 532.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Ведь о «мадамах» и «мусье» имели свое представление даже самые неграмотные крестьяне.

¹⁰⁹ *Писарев А.А.* Военные письма и замечания наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим. М.: издано П. Субботиным и С. Селивановским, 1817. Т. 1. 520 с. С. 386. Курсив автора. См. также: *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 года. М.: в тип. Селивановского, 1815–1816. Ч. 7. 201 с. С. 118–119.

определенная патриотическая настроенность. Думается, однако, что несмотря на это они отражали определенную направленность мысли русских современников, выразившуюся не только в реальном или воображаемом переосмыслении стереотипов о Франции, но и в более или менее сознательной постановке вопроса о правомочности собственных представлений.

Дополнительным доказательством в пользу этого предположения является факт практически полного отсутствия в поздних мемуарах свидетельств о тяжелом положении французской деревни в 1814 г.¹¹⁰ Вообще, детали и подробности французского провинциального быта в несравненно большей мере присутствуют в переписке и дневниках, в которых отразились непосредственные впечатления русских военных. Идет речь об использовании почти всеми французами (вне зависимости от степени их зажиточности) каминов, которые, по единодушному мнению русских, много проигрывали в сравнении с традиционными русскими печами. Упоминается приверженность французских крестьян к украшению жилищ «раскрашенными картинками» — эстампами¹¹¹. Русские удивляются способности французов носить деревянную обувь — сабо. Наше внимание также привлекает возмущение, вызванное отсутствием во французской провинции хорошего хлеба, которое к тому же сопровождается напоминаниями о французах, критиковавших в России черный хлеб русского крестьянина¹¹². Процесс конфронтации стереотипов с реальностью — налицо.

¹¹⁰ Один только И.И. Радожицкий, первый вариант записок которого появился в печати уже в 1823—1824 гг. (в журнале «Отечественные записки»), то есть достаточно скоро после событий, повторяет подобные рассуждения в окончательном варианте своих литературно обработанных мемуаров, вышедших в свет в 1835 г. (Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М.: тип. Лазаревых Института восточных языков, 1835. 4 тома).

¹¹¹ См.: *Чертков А.Д.* Мой путевой журнал, или дорожный дневник от берегов Рейна до Парижа и во время пребывания моего в этом городе // 1812—1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии. М.: ТЕРРА, 1992. 512 с. С. 429.

¹¹² См.: *Idem.*

Фактологическая насыщенность и склонность к анализу наблюдаемой действительности роднит записки русских и французских военных с записками мирных путешественников¹¹³. Сравнение обоих комплексов документов позволяет, однако, выявить свойственные им особенности. Как уже было сказано выше, образ дороги является практически обязательным элементом любого из проанализированных выше французских «ранних» источников. В русских же документах этот образ присутствует только в трех литературно обработанных текстах Ф.Н. Глинки, А.А. Писарева и И.И. Раджицкого, которые не могут в полной мере считаться ни «ранними», ни «поздними», так как они появились вскоре после событий (соответственно в 1815—1816, в 1817 и в 1823—1824 гг.). Так, Федор Глинка восторженно посвящает несколько страниц подробному описанию техники проложения шоссе¹¹⁴. Известно, что французские дороги вызывали особое восхищение иностранных путешественников еще до революции, а Наполеон уделял особое внимание поддержанию дорог в отличном состоянии¹¹⁵. И все же в текстах только троих русских современников мы находим соответствующие упоминания. Судя по всему, знакомство с дорожной инфраструктурой Германии сыграло роль в снижении интереса русских¹¹⁶.

Если образ французской провинции присутствует, главным образом, в переписке и дневниках, то о французских городах идет речь также и в мемуарах. Так, критика антисанитарии, якобы характерной для французских городов, присутствует в обеих группах источников личного происхождения. Если в переписке и дневниках информация этого рода может свидетельствовать как о переосмыслении стереотипов, так и о самопозиционировании по отношению к (дискреди-

¹¹³ См. подробнее об этом в нашей диссертации, а также в сборнике *Bourguinat N., Venayre S., éd. Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal. Contraintes nationales et tentations cosmopolites. 1790—1840.* [P.]: Nouveau monde éd., 2007. 546 с., в котором дискуссию на эту тему ведут в своих статьях Н. Петито (Nathalie Petiteau), М.-С. Тораль (Marie-Cécile Thoral) и др.

¹¹⁴ См.: Глинка Ф.Н. Указ. соч. Ч. 7. С. 120, 132.

¹¹⁵ См.: *Bertier de Sauvigny G. La Restauration.* P.: Flammarion, 1955. 498 с. С. 201.

¹¹⁶ См.: *Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век).* М.: ИВИ РАН, 2000. 209 с. С. 82.

тируемому) «другому», то наличие подобной информации в поздних мемуарах объясняется скорее только второй причиной. Критика «нечистоплотности» является известной константной восприятия «другого»¹¹⁷.

Описания внешнего вида городов (домов, площадей и др.) вместе с более или менее сознательными попытками сравнения их с московскими и / или петербургскими образами и пейзажами присутствуют скорее в переписке и дневниках, тогда как сведения о религиозной архитектуре мы находим, главным образом и за редким исключением, наоборот, в «поздних» текстах, чьи авторы делают выводы о недостаточной, особенно в сравнении с русскими традициями, религиозности французов. Идея о меньшей значимости религии в жизни французского общества начала XIX в. была хорошо известна в России, и иллюстрация этого факта мало привлекает внимание русских военных, чье воображение и так было переполнено многочисленными впечатлениями. Тогда как авторы, печатавшие свои воспоминания позднее, судя по всему, находят нужным специально напомнить об этом своим читателям... Вполне возможно, что в этом отражается как реакция на моду на католичество, «заразившую» русскую аристократию, так и желание напомнить об отрицательных чертах образа Франции¹¹⁸.

Более комфортабельные, чем в России, французские почтовые экипажи и большое количество театров отмечены во многих «ранних» текстах. Авторы находят, однако, что в русских театрах, места в которых были пронумерованы, царил больший порядок, тогда как во Франции размещение зрителей в зрительном зале часто сопровождалось спорами и могло даже оказаться причиной дуэлей¹¹⁹.

¹¹⁷ См.: Лихачев В.А. История антисемитизма: ненависть сквозь века. М.: Еврейский мир, 2000. С. 7.

¹¹⁸ Это желание могло быть продиктовано как собственными реакционно-охранительными взглядами авторов, так и просто их желанием избежать замечаний цензуры. Напомним, что в 1840—1850-х гг., когда были написаны большинство из проанализированных здесь мемуаров, официальные отношения России с Францией оставались сдержанно-прохладными, если не враждебными.

¹¹⁹ См.: Чертков А.Д. Указ. соч. С. 422—423.

2. «Не робкими путниками, с посохом в руках [...]»¹²⁰. Наконец, русские войска приблизились к Парижу. Описание этого момента присутствует практически во всех текстах, проанализированных в рамках данного исследования. Ветеран наполеоновских войн А.И. Антоновский, полный текст записок которого был обнаружен нами в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея¹²¹, признается много лет спустя, что Париж представлялся ему «чем-то необыкновенным, сверхъестественным и был единственной целью всех моих желаний»¹²². Несмотря на десятки прошедших лет (последняя редакция записок относится к концу 50-х — началу 60-х гг. XIX в.) Н.И. Лорер пишет о грустной меланхолии и некотором беспокойстве, охвативших его и его сослуживцев при приближении к французской столице¹²³. Но в целом авторы источников сходятся на том, что восторг был практически всеобщим чувством, которое испытывали победители. Авторы «ранних» и «поздних» текстов единодушны в том, что взятие Парижа стало для русских символом их «отмщения» за войну 1812 г. и, особенно, за потерю Москвы. Наконец, И.И. Лажечников, чьи записки появились в своей первой редакции вскоре после описываемых событий (в начале 1820-х гг.), принимает даже позу требовательного и гордого победителя, который, однако, прекрасно знает ценность «завоеванного» города и желает приобщиться к его культуре. «Не робкими путниками,

¹²⁰ *Лажечников И.И.* Походные записки русского офицера. М.: тип. Н. Степанова, 1836. 286 с. С. 194.

¹²¹ Полный текст мемуаров охватывает период с 1807 по 1814 г. На титульном листе указана конечная дата их создания — 1848 год. Отрывок этих мемуаров, посвященный описанию событий 1812 г., опубликован (частично в пересказе издателя) в 3-м выпуске известного сборника В.А. Харкевича (1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1904). Однако ни В.А. Харкевич, ни А.Г. Тартаковский не указывают на сохранившийся в ОПИ ГИМ более полный вариант мемуаров, который был обнаружен и описан нами в 1997 г. в нашей выпускной дипломной работе на Историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹²² *Антоновский А.И.* Записки походов и военных действий 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 308, л. 222 об.

¹²³ См.: *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 416 с. С. 304–306.

с посохом в руках [...], но смелыми победителями подошли мы ко храму искусств, наук, художеств и вкуса и требуем, чтобы показали нам все их сокровища»¹²⁴.

Информативность записок о пребывании в Париже очень высока¹²⁵. Точно так же, как французы в России в 1812 г., русские констатируют двумя годами позднее то же соседство роскоши и бедности в Париже. В отличие, однако, от французов, которые были практически лишены возможности наблюдать русское общество, русские описывают не только французскую материальную культуру, но и достижения французской государственности (гражданские свободы, гласность суда и т.д.)

Анализ только переписки и дневников позволяет констатировать, что пребывание в столице стало кульминационным моментом в процессе более или менее сознательного переосмысления русскими современниками их представлений о Франции, но также, если не в большей мере, и о самих себе¹²⁶. «Ну! Брат уж земелька хваленая Франция. Не стоит выеденова яйца. Учителя наши нас обманули, я и не воображал найти такую дрянь»¹²⁷. Подобные реакции — риторика сильного разочарования, преувеличенность и необоснованность отдельных негативных оценок — отражают разрушение определенного стереотипа русских о самих себе. Им пришлось подвергнуть сомнению собственную убежденность в том, что они, зная французский язык, литературу, искусство, могут претендовать на знание Франции. Реальная жизнь в реальной стране была далека от того идеала, который существовал в их воображении и отдельные подтверждения которому все же удалось найти.

¹²⁴ Лажечников И.И. Указ. соч. С. 194.

¹²⁵ См. подробнее об этом: Губина М.В. Образ Франции в представлениях русских современников по материалам их путевых записок (1814–1827) // Россия и Франция. XVIII–XX века. М.: Наука, 2003. С. 97–114.

¹²⁶ См. подробнее об этом: Губина М.В. Франция в восприятии русских военных: эволюция стереотипов (1814–1818 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 136–147.

¹²⁷ Письмо кн. Щербатова В.И. Похвисневу 28 февраля 1814 года // Щукинский сборник. Вып. IV. С. 189–190.

Пребывание на французской территории вызвало неизбежные ассоциации с событиями двухлетней давности. С одной стороны, русские размышляют о степени патриотизма французов, которые, как им кажется, не оказали должного сопротивления союзным войскам¹²⁸. С другой стороны, в источниках встречаются попытки поиска взаимосвязей и закономерностей между судьбами стран и их столиц. И сравнение событий 1814 и 1812 гг. опять оказывается не в пользу французов. «Париж не Москва! Париж есть Франция, но Москва не есть еще Россия»¹²⁹. Подобные рассуждения находятся как в «ранних» так и в «поздних» записках. Интересно, однако, что находящееся в том же русле размышлений о патриотизме мнение об эпизоде на Вандомской площади, как и описание самого эпизода, мы находим главным образом в поздних мемуарах (всего за одним исключением).

Речь идет о попытке (пресечена по приказу Александра I) парижской толпы стащить статую Наполеона, увенчивавшую колонну, возведенную на Вандомской площади в память о военных заслугах императора. Упоминание этого эпизода в мемуарах даже убежденных монархистов, сожалеющих о судьбе «короля-мученика» Людовика XVI¹³⁰, неизменно сопровождается осуждением «неразумного желания толпы»¹³¹. Русские находят в этом эпизоде лишний «образчик ветренности французского народа»¹³², который «как пустая женщина и кокетка, изменила Наполеону Бонапарту, [...] забыв его услуги»¹³³. Представляется, что подобная почти единодушная оценка является свидетельством недоумения русских перед видимым отсутствием

¹²⁸ Русские современники не брали в расчет усталость французского населения от бесконечных войн и все более ощущавшуюся в обществе насущную потребность мира.

¹²⁹ Военные записки капитана Тиханова. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. Военно-ученого архива (ВУА), д. 3429, л. 344 об.

¹³⁰ См., например: *Лажечников И.И.* Указ. соч. С. 203.

¹³¹ *Казаков И.М.* Поход во Францию 1814 года. РС. 1908. Т. 133. № 3. С. 539.

¹³² *Лажечников И.И.* Указ. соч. С. 203.

¹³³ *Казаков И.М.* Указ. соч. РС. 1908. Т. 133. № 3. С. 539.

у французов хотя бы показного благочестиво-уважительного отношения к собственным правителям. Это недоумение авторов поздних мемуаров может быть искренним или показным, пропагандистским. Действительно, почти полное отсутствие в «ранних» текстах упоминания о сцене на Вандомской площади позволяет предположить, что некоторые из авторов мемуаров могли включить рассказ об этой сцене в свои воспоминания даже не будучи непосредственными ее свидетелями.

Однако справедливости ради подчеркнем, что широко известный стереотип о «легкомыслии и ветренности», якобы присущих французскому национальному характеру, присутствует во всех без исключения — как «ранних», так и «поздних» — источниках.

Заключительные соображения

На основе проведенного анализа русских и французских источников личного происхождения можно констатировать, что разница в содержании «ранних» и «поздних» источников не является радикальной (что само по себе логично), а заключается в преобладании тех или иных описательских тем. Однако происходит существенная смена акцентов в самопозиционировании каждой стороны по отношению к описываемому «другому».

Так, «ранние» тексты французов свидетельствуют о том, что непосредственно во время Русской кампании у них происходило (пере)осмысление образа противника, тогда как их представления о самих себе подверглись гораздо меньшей переработке¹³⁴. Напротив, у авторов мемуаров на первый план выходит забота о реконструкции «правильного» «самообраза»: образа самих себя, образа их непосредственных начальников, образа Великой армии, образа Наполеона, тогда как образ противника вполне статичен.

В русском случае ситуация иная. Эмоциональность переписки и дневников участников похода 1814 г. выдает не только работу мысли над образом «другого», но и более или менее осознанную постановку вопроса о справедливости собственных представлений о самих себе

¹³⁴ Естественно, что непредвиденный ход кампании побуждал задуматься о самих себе, но размышления французов не шли далее переосмысления образа непобедимого и непогрешимого Наполеона.

(или скорее о собственных иллюзиях по поводу Франции). Прошедшие десятилетия «выветривают» эмоции и снимают сомнения о самих себе. И авторы «поздних» мемуаров больше акцентируют свое внимание на образе французов, стараясь к тому же, судя по всему, повлиять на изживание последних остатков иллюзий у своих современников.

Таким образом, данное исследование является еще одним свидетельством того, что наполеоновская эпоха не только сыграла важную роль в эволюции взаимного восприятия русских и французов, но она также повлияла на развитие собственных представлений двух народов о самих себе.

Наконец, разницу между национальными особенностями в эволюции памяти русских и французских современников о кампаниях 1812 и 1814 гг. можно сформулировать и под другим углом зрения. Во французской традиции роль антропологического аспекта со временем затушевывается, и в поздних текстах на первый план выходят картины военной истории. А в русских, как «ранних», так и «поздних» источниках военные аспекты описываемых событий постоянно занимают второе место.

Великая армия Наполеона на Березине в исторической памяти Франции XIX в.

Постникова Алена Александровна

Березина. Имя этой реки известно многим европейцам и почти каждому французу. Оно давно стало нарицательным, обозначая не только катастрофу, безысходность, но также героизм и самоотверженность.

Память французов о событиях на Березине в 1812 г. складывалась на основе разнородных версий, которые, в свою очередь, исходили из сложнейшей гаммы чувств и представлений участников русской кампании, из противоречивой интерпретации источников, из вольной трактовки событий последующими беллетристами. Решающим периодом в формировании образа и даже мифа о Березине во французском сознании стал XIX век.

Французская версия о событиях на Березине зародилась еще в ноябре 1812 г. в официальной переписке Наполеона. Березина, по замыслу императора, была важным барьером на пути достижения Великой армией зимних квартир в Вильно или в Минске. Здесь, на Березине, Наполеон предполагал атаковать русские войска. Оказавшись в сложнейших условиях отступления, Наполеон судорожно искал возможности выхода армии из России. 11 ноября из Смоленска он обозначил своей основной целью спасение армии¹³⁵.

Перед тем как начать движение к Березине, войска основной группировки Наполеона остановились в Смоленске. Солдаты бросились писать письма домой. В большинстве писем чувствовалось убеждение солдат в том, что император готовится к походу на Петербург. Однако мысли большинства адресантов были далеко от войны, все ожидали ее скорейшего окончания¹³⁶.

Подобные чувства тоски по дому, выраженные в письмах жене, испытывал и Наполеон. После пережитых испытаний и разочарований он не писал Марии-Луизе о военных проектах, он желал одного: «Я хочу увидеть сына»¹³⁷.

Обессиленные французские солдаты уже не стремились к достижению громких побед. В период отступления нечто более ценное открылось для них в войне — солдатская дружба, верность Родине и императору. Победа для них заключалась уже не в разгроме врага, а в сохранении традиций воинского братства. Отсюда, из Смоленска, Великая армия направилась к самой ужасной из своих катастроф, вошедшей в историю под именем «Березина».

На тот момент в проектах Наполеона переход через Березину рассматривался как путь, который позволил бы обеспечить армии отдых в районе Минска, а затем — движение на Санкт-Петербург. Чуть позже, после известия о захвате русской армией Минска и моста в Борисове, Наполеону пришлось расстаться с идеей возобновления новой кампании и переход через Березину предстал как единственный путь к спасению.

¹³⁵ Correspondance de Napoléon. T. 23. P., 1868. P. 310.

¹³⁶ Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Gorjainow. P., 1913. P. 213–299.

¹³⁷ Lettres inédites de Napoléon I à Marie-Louise. P., 1935. P. 100.

Французский император, узнав о расположении армии адмирала П.В. Чичагова в районе Березины, проницательно осознал тот факт, что эта река может стать знаковым местом в истории Русской кампании. Наполеон начинает отправлять своим войскам довольно противоречивые приказы по поводу отступления Великой армии в направлении Минска либо Вильно. Замешательство императора, а может быть, обдуманый, но тщательно скрываемый план действий, приведет в дальнейшем к нескончаемым спорам французских историков о роли событий на Березине в проектах Наполеона.

В любом случае Березина должна была стать местом вероятного сражения с русской армией. Задачу атаковать врага на правом берегу реки Наполеон возложил на 2-ой корпус маршала Н.Ш. Удино. Повидимому, маршал в своих действиях преследовал именно эту цель. 26 ноября из Борисова Удино предупредил, что собирается атаковать врага под Стаховым для освобождения дороги на Минск¹³⁸. В последний раз император напомнил маршалу о необходимости атаковать врага 27 ноября. Таким образом, можно предположить, что Наполеон допускал мысль о сражении с войсками Чичагова.

28 ноября разгорелась битва на берегах Березины, научное осмысление которой начнется значительно позже, когда участников событий оставят бурные эмоции, панический страх и даже ужас. Но Наполеон не позволил себе поддаться воздействию эмоций и попытался «закрепить» победу на Березине за Великой армией. Через несколько дней после сражений на Березине вышел 29-й бюллетень Великой армии, в котором упоминается лишь победоносная для французов битва на правом берегу. Этот документ, вытеснив из сознания французов иные варианты оценки событий, заложил основу для формирования официальной научной версии о Березине во Франции.

Вслед за 29-м бюллетенем о победе французов на Березине сообщили французскому обществу газеты. В «Журналь де Л'Амбир» за январь 1813 г. были опубликованы следующие строки: «Несмотря на то, что силы солдат иссякли, нашлись еще герои в Великой армии. Довольно быстро Чичагова удалось одолеть»¹³⁹. Приведенная ремарка

¹³⁸ *Fabry G. La campagne de Russie. T. 4. P., 1903. P. 236.*

¹³⁹ *Journal de L'Empire. 1813. janvier.*

о событиях на Березине стала основой для формирования массового представления о последних неделях Великой армии в России.

Несомненно, в памяти участников тех трагических и знаменательных событий «Березина» запечатлелась в более многоликом образе. Русская кампания 1812 г. стала частью их жизни. Многие солдаты Великой армии Наполеона не только приобрели военный опыт, но и получили тяжелейший удар, надломивший, а иногда и сломавший их жизни и судьбы. В памяти каждого участника особо запечатлелись события на Березине как своего рода символ окончания войны, как воскрешение надежд на то, чтобы снова увидеть Францию. Однако этим переживаниям долгое время предстояло оставаться лишь в памяти отдельных ее участников — личные ощущения и чувства французских солдат долгое время не вызывали интереса у французской общественности.

Да и сами бывшие солдаты Великой армии были погружены тогда в споры о ходе военных действий и о политике бывшего императора. Образ Наполеона становился объектом манипулирования в политической борьбе между бонапартистами и антибонапартистами. Рассмотрению подвергалась лишь моральная сторона действий французского императора, но отнюдь не вопросы военной стратегии.

Капитан инженерных войск Э. Лабом, преследовавший целью умалить роль Наполеона в событиях войны 1812 г., обвинил императора в том, что в Березинской операции тот обрек свои войска на уничтожение. Вместе с тем, автор считал, что преодоление армией небывалых препятствий и вступление ее в сражение в столь неблагоприятной ситуации уже можно было считать победой¹⁴⁰. Однако труд Лабоба вызвал волну возмущения в среде бонапартистов, от лица которых выступил генерал Ф.Ф. Гийом де Водонкур. Он подчеркнул выдающуюся роль Наполеона в сражениях на Березине и заявил о том, что император выполнил свой долг и спас армию. Полемика вокруг имени Наполеона фактически привела к отказу французов от глубокого изучения хода военных действий на Березине. Первые труды о войне 1812 г., исходившие как от сторонников Наполеона, так и от его противников, по существу преследовали единственную

¹⁴⁰ *Labauve E. La campagne de Russie. P., 2001. P. 277.*

цель — возвысить, восстановить честь Великой армии, тем самым сформировав представление у нации о нравственной победе французов на Березине.

И все же уже в 20-е гг. стали появляться первые научные исследования, посвященные Березинской операции. Полковник Ж. Шамбре, исследовав документы войны 1812 г., пришел к выводу о том, что Наполеон планировал пройти к Минску через Зембин, и в этом проекте сражение на правом берегу реки мыслилось им как отвлекающий маневр. Описание битвы автор закончил картиной атаки французской кавалерии, при этом полностью проигнорировав действия швейцарских и польских полков¹⁴¹.

В 1827 г. секретарь-архивист Наполеона барон А. Фэн опубликовал труд «Рукопись 1812 года». Историк и участник событий, Фэн рассматривал операцию на Березине как результат реализации осознанного и целенаправленного плана действий со стороны французов¹⁴². После трудов Шамбре и Фэна научное изучение истории переправы через Березину было надолго приостановлено, уступив место легенде об императоре Наполеоне. Созданию этой легенды во многом способствовал сам французский полководец.

В 1823 г. началась публикация «Мемориала» графа А.Д. Лас Каза, в котором были представлены воспоминания Наполеона на острове Св. Елены. Несомненно, основная цель императора заключалась в том, чтобы увековечить память о себе самом, стерев или затушевав позорные страницы собственной истории. Заточенный на острове Св. Елены Наполеон проанализировал события и на реке Березине. Император признал, что переправа через реку нанесла роковой удар Великой армии: «Армии более не существовало»¹⁴³. В то же время бывший император категорически отверг предположение о заметной роли русских войск в уничтожении французской армии¹⁴⁴. По мнению Наполеона, достойным противником французов были только «великие холода», которые им так и не удалось победить.

¹⁴¹ *Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. Т. 3. P. 23.

¹⁴² *Fain A., Fain J.F.* Manuscrit de 1812. Т. 2. P., 1827. P. 357.

¹⁴³ *Las Cases A.D.* Mémoires de St.-Hélène. P., s.a. Т. 2. P. 343.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 342.

Последующие историки не смогли освободиться от давления столь авторитетного мнения. Поэтому фактически именно Наполеон заложил основу будущих концепций истории войны 1812 г., в том числе в отношении переправы через Березину.

Реакцией на возрождение культа императора стала книга «Поход в Россию» бригадного генерала графа Ф.П. де Сегюра. Автор следующим образом прокомментировал цель своего исследования: «Вновь восходит звезда того, кто был низвергнут. Я нахожу его деятельность исключительно губительной»¹⁴⁵. Сегюр прошел русскую кампанию рядом с Наполеоном. Не удивительно, что он обратился к описанию психологического состояния императора. В частности, повествуя о событиях на Березине, он поставил в упрек Наполеону отчаяние и уныние, которые тогда овладели императором: «23 ноября Наполеон как акт отчаяния сжег всех орлов»¹⁴⁶. С помощью особого художественного стиля автор усилил трагизм при описании событий на реке Березине и позволил нам почувствовать состояние тех людей, которые прошли через ужас переправы и сражений, заставил проникнуться уважением к стойкости французов. На фоне глубоких эмоциональных переживаний Сегюр возвысил героизм соотечественников: «Но даже безоружные, даже умирающие, даже не знающие, как им перебраться через реку и пробиться сквозь неприятеля, они не сомневались в победе»¹⁴⁷. Автор акцентировал внимание на том, что, несмотря на катастрофическое для них положение, французы выиграли битвы на Березине. В целом, работа Сегюра должна была утвердить идею величия и героизма французского солдата. Одна французская газета того времени писала: «Это была ужасная кровавая баталия. Переход через Березину вызвал живой интерес в обществе. Все обратились к описанию Сегюра»¹⁴⁸.

В период Реставрации в общественном сознании Франции Березина ассоциировалась лишь с последней победой Великой

¹⁴⁵ *Ségur Ph. - P. Histoire de Napoléon et de la Grande armée. P. 1825. P. 2.*

¹⁴⁶ *Ibid. P. 328.* Напомним, что орлами в армии Наполеона называли знамена. Вопреки мнению Сегюра, какого-либо организованного сожжения орлов не производилось.

¹⁴⁷ *Ibid. P. 349.*

¹⁴⁸ *Journal des artistes. 1828. № 13.*

армии в России. Участники тех событий использовали описание сражения для оправдания или осуждения личности Наполеона. Благодаря этому возникли противоречивые картины одного и того же эпизода недавнего прошлого, но общим для этих картин была идея о том, что французский солдат одержал на Березине моральную победу.

Падение династии Бурбонов, которая дискредитировала себя в глазах не только либералов, но и роялистов, разбудило в сознании французов память о Наполеоне как воплощении идеалов свободы, процветания и величия Франции. Апологетическим тоном наполнились и сюжеты, связанные с событиями на Березине в 1812 г. В период же Июльской монархии страсти и эмоции вокруг споров о Русской кампании 1812 г. стали остывать. События той эпохи становились для французов далекой историей, а солдаты Великой армии — героями художественного романа.

Великий писатель Оноре де Бальзак, вдохновленный военной славой Наполеона, возвел Великую армию на пьедестал героизма. В одном из произведений Бальзака герой, участник войны 1812 г., рассказывает молодому поколению о переправе через Березину: «Переправа через Березину, мои друзья, убеждает нас в священности чести. Так никогда более не будут воевать. Армию спасли понтоны. Русские нам помогли, потому что они еще уважали Великую армию»¹⁴⁹.

На страницах произведений этого периода уже не чувствовался победный восторг, более того, стало господствовать мнение о том, что сражения на Березине вообще не имели особого значения в русской кампании 1812 г.¹⁵⁰ С выходом в 1842 г. мемуаров инспектора смотров в кабинете начальника штаба Великой армии барона П.П. Деннье в науке появился иной вариант сокрытия трагических последствий переправы через Березину. Деннье высказал мысль о том, что солдаты Великой армии просто не придали тогда, в конце 1812 г., особого значения сражениям на Березине.

¹⁴⁹ *Balzac O. Berezina. P., 1830. P. 3.*

¹⁵⁰ *Dufour B.P. Mémoires de Napoléon. P., 1830. T. 8. P. 166; Mémoires pour servir à l'histoire de France. P., 1830. P. 173; Mortonval M. Histoire de la Guerre de Russie en 1812. P., 1831. P. 428.*

Обострение социальной обстановки в конце Июльской монархии возродило память о «Березине» как о крушении великих политических проектов Франции, бессмысленности жертв, принесенных тогда на алтарь войны. Катастрофическая переправа стала символом разочарований и для таких писателей, как, например, В. Гюго. Для него самого история Наполеона стала частью жизни и творчества. Он часто сравнивал современную ему Францию с эпохой великого императора. В период революции 1848 г. В. Гюго так вспоминал о гибельной переправе Великой армии через Березину: «О несчастные люди! Когда они обещают мир, они развязывают войну. Когда они создают империю, наступает 1812 год. Когда они переходят реку, это мост через Березину»¹⁵¹. И все же попытка представить события на Березине как крушение Великой армии и на этот раз осталась только попыткой.

После бурных событий 1848 г. в литературе и историописании появляется проблема роли обычного человека в истории, и это приводит к героизации действий французских солдат на Березине. Были опубликованы некоторые мемуары участников Русской кампании 1812 г., в которых упоминалось лишь сражение на правом берегу Березины и высказывалось восхищение храбростью французов¹⁵². Образ Наполеона на страницах этих произведений теперь появлялся нечасто.

Таким образом, в период Июльской монархии в изображении Великой армии на Березине наблюдался отход от торжественного, героического стиля к более тонкой психологической картине. Образ Березины становился героической трагедией, легендой французской истории. После падения Июльской монархии «Березина» воскрешается на страницах мемуаров французских участников переправы как близкое, ставшее уже каким-то родным, связанное с героизмом французских солдат событие.

В период Второй империи ситуация значительно изменилась. В связи с возрождением культа Наполеона «Березина» перевоплощается в символ гениальной военной операции, проведенной императором. Именно в эту эпоху возникшие в прошлые годы противоречивые

¹⁵¹ *Hugo V. Anniversaire de la Révolution de 1848. P., 1855. P. 21.*

¹⁵² *Fezensac M. Journal de la campagne de Russie en 1812. P., 1850.*

образы французской памяти о «Березине» постепенно сливаются в единый образ.

Поражение Франции в войне с Германией в 1870–1871 гг. способствовало процессу героизации прошлого страны. Сражение на Березине утвердилось в сознании французов как бесспорная победа Великой армии. Источники, в которых содержалась хотя бы доля сомнений в истинности этого утверждения, были «забыты». Все описания сражений на Березине стали преследовать лишь одну цель — утвердить факт победы Великой армии. Усилению этого представления способствовала массовая публикация мемуаров участников Русской кампании 1812 г.¹⁵³ Казалось бы, основная часть французских солдат признавала, что на Березине их войска представляли собой лишь осколок бывшей Великой армии. Однако сделанный французскими мемуаристами акцент на ослаблении армии способствовал возвышению ее героизма, самоотверженности и верности Наполеону. Картины катастрофы, холода, голода исчезли. Возродился и окончательно утвердился созданный еще в эпоху Реставрации образ «Березины» как моральной победы Великой армии.

Важной вехой в научном изучении операции на Березине в период Второй империи стал выход многотомного исследования крупнейшего историка и политического деятеля А. Тьера. Тьер представил более обстоятельную картину действий французов и русских на Березине. Обратимся к некоторым моментам этого труда, представляющим для нас интерес. Главной целью Наполеона в операции на Березине Тьер назвал объединение французских армий, которые действовали в центре и на флангах; однако этого так и не было достигнуто¹⁵⁴. Все аргументы, высказанные автором, казалось бы, наводили на мысль о поражении Великой армии. Однако трагичность ситуации, в которой французы нашли силы для продолжения борьбы, не позволила Тьеру «разделаться» с памятью о героической переправе через Березину. Подвергнув критике действия Наполеона, Тьер подвел следующий итог: «Мы испытали чувство действительного триумфа,

¹⁵³ *Boulart F. Mémoires militaires. P., 1894; Griois P. Mémoires. P., 1909. T. 2.; Larrey D. Mémoires. P., 1860. P. 180–187; Maringone L.S. La campagne de Russie. P., 1899; Mémoires du Marmont. P., 1857. P. 145.*

¹⁵⁴ *Thiers A. Du Consulat et de L'Empire. Bruxelles, 1856. T. 14. P. 675.*

триумфа кровавого и болезненного, это была самая великая победа в нашей истории»¹⁵⁵.

В конце XIX в. французская печать продолжала часто обращаться к тезису о победе Великой армии на Березине. К примеру, во французской газете «Ле Тан» без воспроизведения подробностей сражений было отмечено: «Переход через Березину остается победой в нашей памяти»¹⁵⁶. Буквально через несколько лет ситуация изменится. Россия и Франция начнут быстрое военно-политическое сближение. Это заставит французов значительно пересмотреть свое представление о войне 1812 г. Накануне Первой мировой войны в газете «Ле Тан» были опубликованы такие строки о событиях на Березине: «Великая армия перешла реку без сражения с русскими. Во Франции и в России помнят драму войны 1812 г. Это была наша общая победа»¹⁵⁷.

Таким образом, к началу XX в. Березина окончательно стала достоянием исторической памяти французской нации. Образ событий, происходивших на берегах этой реки в 1812 г., теперь воспринимался и как воплощение героизма, и как великая победа Наполеона, и даже, как это ни парадоксально, как символ взаимного притяжения двух народов — французского и русского — которые, несмотря на все перипетии их совместной истории, никогда не утрачивали чувства уважения и восхищения по отношению друг к другу.

Элементы мифологизации наполеоноведения в современной постсоветской науке

Захарчук Олег Николаевич

Современная наука, аккумулируя опыт предшественников и используя новейшие технологии в области истории, безусловно, сделала большой шаг к более глубокому и пристальному изучению наследия прошлого. Это относится как к исторической науке вообще, так

¹⁵⁵ Ibid. P. 701.

¹⁵⁶ Le Temps. 1887. octobre.

¹⁵⁷ Le Temps. 1912. avril.

и к наполеоноведению в частности. Но, как любая наука, история развивается методом проб и ошибок. Часто такие ошибки и заблуждения оказываются очень живучими. Они порождают новые мифы, обрастают подробностями, и бороться с ними становится труднее. В этом контексте хотелось бы детальнее проанализировать подобные тенденции мифологизации исторического процесса, воплощенные отдельными представителями научных кругов на постсоветском пространстве. В частности, имеются в виду работы В. Смирнова (Украина)¹⁵⁸, Е. Мезенцева (Россия)¹⁵⁹, М. Голденкова (Белоруссия)¹⁶⁰.

Следует заметить, что «предтечей» мифологизации отдельных аспектов наполеоноведения стал известный историк-аматор, украинский эмигрант Илько Борщак (Баршак Илья Львович, 1895–1959)¹⁶¹. Важное место в кругу его интересов занимала тема «Украина в политике великих держав», в частности Франции. В ее рамках он одним из первых взялся за исследование проблемы «Наполеон и Украина». Работая в архиве Министерства иностранных дел Франции, И. Борщак нашел ранее не известные документальные материалы, свидетельствующие о заинтересованности правительства Наполеона Бонапарта юго-западными окраинами Российской империи. Конечным итогом его научных изысканий стала изданная им в 1937 г. книга «Наполеон и Украина»¹⁶², из которой мы, в частности, впервые узнаем о планах французских военных и дипломатов относительно Над-

¹⁵⁸ Смирнов В. Н. Русская армия в борьбе с иноземными захватчиками в XIX веке. Харьков: Сага, 2009. 404 с.

¹⁵⁹ Мезенцев Е. В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М., 2008. 366 с.

¹⁶⁰ Голденков М. Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г. Минск: Современная школа, 2010. 320 с.

¹⁶¹ См. об этом: Дорошко М. С. Борщак Илько Константинович (Борщак Илько Львович) // Українська дипломатична енциклопедія у двох томах. Київ, 2004. Т. 1. С. 138–139.

¹⁶² Борщак І. Наполеон і Україна. Львів, 1937. Следует заметить, что известный специалист по внешней политике Наполеона Бонапарта профессор Э. Дрио в редактируемом им журнале в 1922 г. помог опубликовать статью «Наполеон и Украина» и написал краткое предисловие к ней. См. Bortchak E. Napoléon et L'Ukraine // Revue des Etudes Napoléoniennes. P., 1922. Т. 2. P. 24–40.

днепрянской Украины как средства ограничения влияния России. Эти данные были почерпнуты из специального меморандума от 10 февраля 1812 г. («Обзор готовых к активным действиям сил, которые может выставить Польша как в целости, так и исключительно от своих границ, рассматриваемых в сугубо военном аспекте»¹⁶³), в котором императору французов был предложен проект создания Польского государства, простирающегося до Двины и Днепра¹⁶⁴.

Обнаружение этого меморандума и обнаружение основных материалов, касающихся украинских земель, по утверждению современного львовского ученого В. Ададуrowa, являются важнейшими научными заслугами И. Борщакa¹⁶⁵.

Документ не был подписан, но Борщак в вышеупомянутой работе назвал автором этого документа Александра-Мориса д'Отрива, очевидно, потому, что он отвечал за поиск для Наполеона архивных материалов о России¹⁶⁶. Для солидности исследователь приписал ему пост «политического директора» Министерства иностранных дел наполеоновской Франции¹⁶⁷.

Благодаря архивным изысканиям известного французского исследователя наполеоновской эпохи, доктора истории Ф. Бокура и вышеупомянутого украинского историка В. Ададуrowa удалось установить настоящего автора данного меморандума. Оба исследователя в разное время работали в Архиве исторической службы сухопутных войск Франции, где и был найден оригинал этого документа¹⁶⁸. Это,

¹⁶³ Сокольніцкий М. «Исполнено по высочайшему повелению...»: Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольніцким, с рекомендациями «О способах избавления Европы от влияния России...» / Сост., предисл., примеч. О.А. Яновского; Пер. с фр. В.А. Яновского. Минск: БГУ, 2003. (Далее «Исполнено по высочайшему повелению...».)

¹⁶⁴ Там же. С. 81.

¹⁶⁵ Ададуrow В. «Наполеоніда» на Сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку ХІХ століття. Львів, 2007. С. 27. (Далее «Наполеоніда» на Сході Європи.)

¹⁶⁶ Там же. С. 28.

¹⁶⁷ Борщак И. Указ. соч. С. 70–71.

¹⁶⁸ Об этом см. Бокур Ф., Яновский О.А. Российская империя в оценках польского генерала армии Наполеона // Французская революция и судьбы мира: материалы

на наш взгляд, стало значительным событием в современной исторической науке. Автором документа являлся успевший послужить как в польской, так и во французской армиях дивизионный генерал Михал Сокольницкий, кавалер французского ордена Почетного легиона и польского «За военные заслуги»¹⁶⁹.

Для того чтобы «надежно оградить Польшу от России», Сокольницкий предложил создать на ее восточных границах ряд герцогств, «находящихся под непосредственной протекцией» Польши. Среди них были и Черниговское (или Новгород-Северское), а также Полтавское герцогства.

Затем, согласно его (Сокольницкого) плану, шли бы «различные казачьи орды — главным образом те, что известны под названием запорожских». Объединенные с крымскими татарами, они могли бы сформировать единое государство — «Наполеониду», которое состояло бы из: 1) заднепровской части губернаторства Екатеринославского; 2) губернаторства Тавриды; 3) долины Дона до слияния этой реки с Доном, который от места впадения в Азовское и Черное море до устья Днепра служил бы ему границами на юге¹⁷⁰.

международной научно-практической конференции, посвященной годовщине Французской революции (1789—1799 гг.) 21—22 апреля 1999 г. Минск: БГУ, 1999. С. 126—129; Яноўскі А. Цікавыя знаходкі французскага даследчыка Фернанда Бакура // Беларускі гістарычны часопыс. 1999. № 2. С. 28; Бокур Ф. Михал Сокольницкий и его записки императору Франции // Там же. С. 29—36; копия найденной рукописи (около 200 страниц) генерала М. Сокольницкого была передана в 1998 г. Ф. Бокуром белорусским историкам для перевода и публикации. Она была издана в 2003 г. в Минске под названием «Исполнено по высочайшему повелению...»; Ададуров В. В. Документ і яго прачытання даслідніком: історія «Наполеоніды» // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2005. Вып. 39—40. С. 595—596; Он же. Народження одного історичного міту: проблема «Наполеон і Україна» у висвітленні Ілька Борщака // Україна модерна. Київ — Львів, 2005. С. 224—226; Он же. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 26—44, 281—288.

¹⁶⁹ См. *Sokolnicki M. General Michal Sokolnicki 1760—1815. Krakow — Warszawa, 1912.*

¹⁷⁰ «Исполнено по высочайшему повелению...». С. 81—82. Следует заметить, что И. Борщак в своей книге «Наполеон и Украина» дал сокращенный вариант вышеупомянутого меморандума М. Сокольницкого. Поскольку его знание французского оставляло желать лучшего, то, кроме откровенной фальсификации

данного документа, появился целый ряд огрехов, вызванных неточным переводом. Так, по его мнению, «Наполеонида» должна была состоять из Полтавского и Черниговского княжеств по течению Днепра от Десны до Орла, включая территорию аж до Азовского моря (См. *Борщак И.* Указ. соч. С. 71). Однако Борщак при переводе допустил грубую ошибку. Автор меморандума, определяя границы Полтавского герцогства (у Борщака — княжества), имел в виду реку Орель (левый приток Днепра), а не российский город Орел, как указано в архивных документах. См. *Ададуров В.В.* Документ і його прочитання дослідником... // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2005. Вып. 39–40. С. 600, 607; Также следует отметить, что переводчик книги «Исполнено по высочайшему повелению...», в которой помещены 9 из 11 меморандумов М. Сокольниковского, адресованных Наполеону за период 1811 — начала 1812 г., В.А. Яновский в том же сюжете допустил оплошность, перепутав реку Орель с городом Орел («Исполнено по высочайшему повелению...». С. 81. Об этом см. *Ададуров В.* Юго-западные окраины Российской империи в иерархии приоритетов восточноевропейской политики Наполеона (Историографический аспект) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2010. Вып. 183. С. 395–396). Это, в свою очередь, породило целую серию мифов относительно территории «Наполеониды» в украинской современной историографии. Так, например, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины, известный специалист в области украинско-итальянских общественно-политических и культурных отношений в XVIII–XX вв. Н. Варварцев в статье «Наполеонида» утверждает, что в планах наполеоновской Франции планировалось создание под ее протекторатом вассального государства на территории Украины и России. В частности, он заявил, что одно из зависимых от Франции герцогств (княжеств) планировалось создать в рубежах Полтавщины, Черниговщины и части российских земель с северной границей около города Орел. Однако историк создал еще один миф. Так, если в книге И. Борщака говорится о создании одной «Наполеониды», то Н. Варварцев говорит о том, что, кроме проекта Сокольниковского, Франция планировала создать на территории Украины и России еще два государства типа «Наполеониды» под названием герцогств (княжеств). (См. *Варварцев М.М.* Наполеонида // Енциклопедія історії України. К., 2010. Т. 7. С. 170.) Однако это домыслы автора, которые не подтверждает ни один источник. Создается впечатление, что исследователь почти не знаком как с текстом опубликованного документа (см. «Исполнено по высочайшему повелению...», с. 80–82), так и с монографией А. Ададурова, хотя дает их в списке литературы. Также Н. Варварцев в статье «Наполеон Бонапарт» снова повторил утверждение советской историографии о том, что за участие в общем походе на Россию в 1812 г. Наполеон обещал польской шляхте возвратить западноукраинские и западнобелорусские земли, Австрии — отдать Волынь,

Турции — Причерноморье и Крым (См. *Варварцев М. М.* Наполеон I Бонапарт // *Энциклопедія історії України*. К., 2010. Т. 7. С. 169). Однако в основном это выдумка советских историков, которая документально нигде не подтверждена. Во-первых, что исследователь имел в виду под западноукраинскими землями? Если имелась в виду Галиция, которая в это время принадлежала Австрийской империи, то это было просто невозможным, так как согласно франко-австрийскому союзному договору 14 марта 1812 г., подписанному под давлением наполеоновской дипломатии, обе стороны гарантировали целостность своих владений (ст. 2) и, согласно секретным статьям договора, Австрия обязывалась выставить в помощь Наполеону против России 30-тысячный вспомогательный корпус (ст. 2) (*Kerautret M.* *Le grands traités de l'empire (1810—1815)*. P., 2004. Т. 3. P. 53—54). Что касается западнобелорусских земель, то польская шляхта фактически ими владела на правах помещиков. Если говорить о намерениях Франции относительно польского вопроса вообще, то нам представляется, что Наполеон искренне хотел восстановить польское государство. Это могло быть, по нашему мнению, лишь при условии отсутствия консолидированной позиции Австрии, Пруссии и России в польском вопросе, так как эти государства являлись держателями частей польской территории. Ведь император французов прекрасно понимал, что, воссоздав Польшу в границах 1772 г., он войдет в длительный вооруженный конфликт с этими могущественными государствами Европы. Как свидетельствует А. Коленкур, Наполеон накануне войны с Россией 1812 г. заявил: «Поляки призывают меня, но я не думаю об этой реставрации. Хотя она была бы политически целесообразной и даже соответствовала бы интересам цивилизованной Европы, я не думаю о ней, потому что это было бы слишком сложным делом из-за Австрии» (*Коленкур А.* *Поход Наполеона в Россию*. М., 1991. С. 54). Однако значительная часть поляков все-таки рассчитывала на помощь властелина Франции в восстановлении своего государства.

Следует заметить, что если Османской Порте Наполеон в марте 1812 г. действительно обещал вернуть все ее владения, завоеванные Россией за последние 60 лет, в случае заключения союза с Францией против России (АВПРИ, ф.133 Канцелярия министра иностранных дел, д.1982, л. 207—208 об.), то в отношении Австрии подобных обещаний не было. Это снова выдумка советской историографии, представители которой И. Звавич, Л. Бескровный, Б. Абалихин безосновательно утверждали, что Наполеон за участие Австрии в войне (1812 г.) обещал отдать ей Волынь (См. *Звавич И. С.* *Меттерних и Отечественная война 1812 г.* // *Исторические записки* / Под ред. Б.Д. Грекова. М., 1945. Т. 1. С. 104; *Бескровный Л. Г.* *Отечественная война 1812 года*. М., 1964. С. 141; *Абалихин Б. С.* *Отечественная война 1812 г. Участие украинского народа в борьбе с наполеоновским нашествием* // *История Украинской ССР*. К., 1983. Т. 4. С. 46). Однако благодаря архивным изысканиям В. Ададунова удалось развенчать и этот миф. В частности, работая в архиве Министерства иностранных дел Австрии, он нашел

Анализируя меморандум М. Сокольниковского, текст которого уже был опубликован, а также монографию и многочисленные статьи В. Ададунова, мы пришли к выводу, что И. Борщак стремился выдать желаемое за действительное. Фактически этот документ предусматривал создание на украинских землях нового государства под протекторатом Польши¹⁷¹, а не марионеточного украинского государства

протоколы французо-австрийских переговоров о подписании союза между двумя государствами, в которых ничего не говорится о предварительном дележе территорий. Так, в секретных статьях принятого 19 февраля 1812 г. проекта к договору говорилось лишь о том, что «в случае успешного окончания войны император французов обязывается компенсировать императору Австрии возможные утраты и убытки за сотрудничество во время войны» (*Ададунов В. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 331.*) Далее шел перечень объектов, которые могли бы заинтересовать Австрию и были утверждены Францем I. Однако Волынь там не фигурировала, так как, чтобы окончательно не поссориться с Россией, Австрия на нее даже не претендовала. Первым в списке среди заинтересовавших Австрию объектов стояли Дунайские княжества, занятые в данный момент русскими войсками (*Ададунов В. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 331.*) Следует заметить, что в дальнейшем во время войны 1812 г. Австрия не нарушила российскую границу, а Россия австрийскую, так как Австрия официально войну Российской Империи не объявляла. В частности, австрийский вспомогательный корпус К. Шварценберга, входивший в состав Великой армии, как известно, вошел на территорию России со стороны герцогства Варшавского, а не со стороны Галиции. Однако, к большому сожалению, вышеизложенный миф продолжают использовать современные украинские исследователи (См. *Сарбей В.Г. Національне відродження України. К., 1999. С. 64; Мицик Ю.А., Бажан О.Г., Власов В.С. Історія України. К., 2010. С. 212; Донік О.М. Україна у складі двох імперій (остання чверть XVIII — перша половина XIX ст.). К., 2011. С. 110; Он же. Участь українського народу у Вітчизняній війні 1812 року // Україна: хронологія розвитку. Т. 5. К., 2011. С. 52.*

¹⁷¹ Об этом см.: *Захарчук О. Українська тема в записках польського генерала Міхала Сокольниковського // Україна дипломатична. Науковий щорічник. К., 2006. Вип. 7. С. 377—385; Он же. Наполеонизм у дослідженні українських вчених. Матеріали III Міжнародного конгресу українських вчених «Українська історична наука на шляху творчого поступу». Луцьк, 2008. Т. 3. С. 485—492; Он же. Проекты польского генерала Михала Сокольниковского и Отечественная война 1812 года // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Материалы Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2009. С. 192—205.*

под патронатом Франции, как утверждал И. Борщак¹⁷². Также анализ данного меморандума доказывает, что проект «Наполеониды» полностью является детищем указанного выше польского генерала. Документальные же доказательства о существовании планов Наполеона относительно украинской государственности отсутствуют.

Следует заметить, что авторитет И. Борщака был настолько велик, что не только советские, но и современные украинские и российские исследователи часто использовали и продолжают использовать его утверждения, не подвергая их сомнению. Так, в 1945 г. в Киеве защитили кандидатские диссертации П. Смиян и В. Котов, которые фактически стали основателями нового направления в украинской советской историографии¹⁷³. Однако, критикуя И. Борщака как «буржуазного

¹⁷² Борщак И. Указ. соч. С. 71.

¹⁷³ Смиян П. М. Україна у Вітчизняній війні 1812 р.: Дис... канд. іст. наук. К., 1945. 310 с.; Котов В. Н. Україна в завоювальних планах Наполеона I. Дис... канд. іст. наук. К., 1945. 152 с. (обе диссертации находятся в библиотеке имени М. Максимовича Киевского национального университета имени Тараса Шевченко). Как подчеркнул В. Котов в диссертационном исследовании, он стремился, по крайней мере, поставить этот вопрос в советской исторической науке (Котов В. Україна в завоювальних планах Наполеона... С. XIX). В 1965 г. исследователь опубликовал новую статью «Завойовницькі плани Наполеона I щодо України та їх крах». Как и в диссертации, в ее основу была положена работа И. Борщака «Наполеон и Украина». При этом, к большому сожалению, не были использованы ни архивные, ни опубликованные французские, польские, а также австрийские документы, прежде всего многотомное эпистолярное наследие как самого Наполеона, так и его политических и военных деятелей. Также не были использованы монографические исследования французских историков. (См. Котов В. Н. Завойовницькі плани Наполеона I щодо України та їх крах // Вісник Київського університету. Серія «Історія і право». К., 1965. № 7. С. 75–88.) На наш взгляд, это дало бы возможность избежать мифов, присущих статье, как и диссертации, и многосторонне раскрыть планы французского политикума времен Наполеона относительно юго-западных окраин Российской империи. Следует также заметить, что первым из советских исследователей, четко указавших на то, что Наполеон мог наступать не только на Москву, но и на Киев и Санкт-Петербург, был академик Е. Тарле, который в 1938 г. издал фундаментальную книгу «Нашествие Наполеона на Россию» (Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938. С. 24). По мнению В. Ададунова, эта работа впервые заявила о существовании у императора французов военных планов относительно юго-западных окраин Российской Империи (Ададунов В. «Наполеоніда» на Сході

националиста», что было характерным для советской историографии, они, тем не менее, использовали его материал и фактически стали популяризаторами его идей. В частности, вслед за ним утверждали, что в планах Наполеона важную роль играла Украина¹⁷⁴.

Работы И. Борщака использовали, не подвергая их сомнению, не только украинские, но и российские советские историки. Так, известный историк Л. Бескровный писал, что во время войны России с Турцией (1806—1812 гг.) Наполеон направил в Константинополь генерала Себастиани, который не ограничился переговорами с турецким правительством. Он посетил Браилов, Галац, Констанцу, затем установил связи с представителями Задунайской Сечи, снабдив их средствами для агентурной работы на Украине¹⁷⁵. При этом автор не ссылается ни на какой источник. У современных украинских историков этот же сюжет оброс новыми, еще более фантастическими подробностями. Так, например, известный украинский исследователь, доктор исторических наук В. Сарбей утверждал, что в завоевательных планах Наполеона накануне войны с Россией (1812 г.) главное место занимала и Украина как оплот антироссийского национального движения. Для того чтобы использовать это движение в борьбе с Российской империей, император еще до начала войны будто бы установил связь с Задунайской Сечью. Его агенты поставляли туда деньги и прокламации с обещанием восстановить Украину как независимую, «братскую Франции» республику¹⁷⁶. Однако этим

Европи... С. 228). После чего стали появляться работы украинских советских историков, утверждавших, что особое место в планах Наполеона занимала Украина. (См. *Гербильский Г.Ю.* Українські козацькі полки. К., 1943. С. 2; *Стрельский В.И.* Участие украинского народа в Отечественной войне 1812 года // Историчний збірник Київського державного університету ім. Т.Г. Шевченка. К., 1952. № 3. С. 128—129; *Некрасов П.А.* Участь українського народу проти наполеонівської навали в 1812 році // Праці Одеського державного університету ім. І.І. Мечникова. Серія історичних наук. Одеса, 1956. Вип. 5. С. 122.)

¹⁷⁴ *Сміян П.М.* Указ. соч. С. 79—91; *Котов В.Н.* Завойовницькі плани Наполеона І... С. 76—87.

¹⁷⁵ *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года... С. 122.

¹⁷⁶ *Сарбей В.Г.* Указ. соч. С. 64. Следует заметить, что эта информация документально не подтверждена и крайне противоречива. Как известно, Наполеон 18 мая 1804 г. был провозглашен императором французов и Франция стала империей.

Кроме того, на завоеванных Наполеоном землях создавались герцогства, королевства, княжества, но никак не республики (только за период 1805–1807 гг. были созданы Итальянское, Неаполитанское, Вестфальское королевства, герцогства Берг, Варшавское и др.). В то же время, как свидетельствуют вышеприведенные документы, Украина никогда не занимала главное место в планах Наполеона. Это выдумка советской украинской историографии, возникшая на материале трудов И. Борщака. В действительности существовали проекты польских и французских политических и военных деятелей, которые в контексте возрождения Польши рассматривали и будущее украинских земель, находившихся в составе Российской Империи (См. об этом: *Ададуров В.* Концепція трьох Польських королівств Роландра та її співвідношення із зовнішньополітичною доктриною французького уряду під час війни 1812 р. // Український історичний журнал (далее УИЖ). 2007. № 1. С. 200–211; *Он же.* Меморандуми польських авторів початку ХІХ ст. як джерело уявлень уряду Наполеона Бонапарта про південно-західні окраїни Російської імперії // УИЖ. 2008. № 2. С. 154–166). Также следует заметить, что на самом деле никакого антироссийского национального движения в украинских землях, входивших в состав Российской Империи в начале ХІХ в., не существовало. Это тоже фантазия исследователя, ведь в подроссийской Украине отсутствовала политическая сила, которая могла бы поднять и возглавить такое движение. В частности, на Левобережье (Гетманщине) бывшая казачья старшина превратилась в «малороссийское дворянство», получив новое положение в обществе и возможности для дальнейшего развития и улучшения благосостояния, превратившись в преданных слуг. Что касается Правобережья, то тут, в связи с преобладанием польских помещиков, профранцузские настроения шляхты были очевидны, так как в большинстве своем она сочувствовала делу восстановления независимости Польши и видела в Наполеоне своего освободителя от чужеземного ига (См. *Потрашков С.В.* Украина в Отечественной войне 1812 года: внутренний аспект // *Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 6–7 сентября 1999 г.) / Сост. А.В. Горбунов. М., 2000. С. 211). Однако накануне и во время войны 1812 г. она заняла выжидательную позицию, а те из шляхты, кто действительно вызывал опасения, были нейтрализованы российскими властями (См. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича под редакцией К.А. Венского. Т. 1 // *Сборник Русского императорского исторического общества. СПб., 1909. Т. 128. С. 128, 491). На наш взгляд, гораздо более сильны были социальные противоречия. Доказательством этого может служить аналитическая записка, написанная сотрудником Особенной канцелярии военного министра, уроженцем Украины подполковником П.А. Чуйкевичем «Примечания о Малороссии» (март — апрель 1812 г.), адресованная военному министру Российской**

«освободительным» воззваниям Наполеона на Украине верили мало. На самом же деле, по утверждению автора, Наполеон считал украинские земли разменной монетой для расчета со своими союзниками по завоеванию Российской Империи. В частности, Правобережную Украину планировалось вернуть польскому королю, австрийскому императору не только оставить всю Галицию, но и передать Волынь; турецкому султану были обещаны Крым и Северное Причерноморье¹⁷⁷. Эту же информацию подают авторы учебного пособия для

Империи М.Б. Барклаю де Толли. В частности, анализируя ситуацию, которая может возникнуть в связи с вторжением неприятеля, он утверждал, что «сей край, в коем ненависть народа к дворянству очевидна, может быть возмущен...» (*Кравченко В.В. Україна напередодні російсько-французької війни 1812 р. очима сучасника // Схід — Захід, 1999. Вип. 2. С. 209*). Как подчеркнул современный харьковский исследователь С. Потрашков, «П. Чуйкевич полностью разделял опасения многих представителей господствующего класса России в том, что Наполеон может пустить в ход антикрепостническую пропаганду, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство». (*Потрашков С.В. Тревожное время: юго-западные и южные окраины Российской империи накануне и в начальный период наполеоновского нашествия // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международной научной конференции, 9–11 сентября 2008 г. / Сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2009. С. 45*). В. Сарбей также ошибается, утверждая, что М. Кутузов был киевским военным губернатором в 1806–1812 гг. (См. *Сарбей В.Г. Указ. соч. С. 67*). На самом деле, как известно, он занимал эту должность до марта 1808 г. См., например: *Синельников Ф.М. Жизнь фельдмаршала Кутузова. 2-е изд. СПб., 2007. С. 158–160*.

¹⁷⁷ *Сарбей В.Г. Указ. соч. С. 64*. Неизвестно, откуда автор почерпнул такие сведения. Во-первых, в это время не было титула польского короля, как не существовало и Польского королевства как такового. Согласно русско-французскому договору о мире и дружбе, подписанному в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г. было создано герцогство Варшавское (см. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия первая (далее ВПР). М., 1963. Т. 3. С. 632, 638), во главе которого находился король Саксонский, герцог Варшавский Фридрих-Август. Во-вторых, ни в одном официальном документе не встречается обещание императора французов вернуть полякам Правобережье, хотя следует заметить, что они надеялись на это в случае победы над Россией. Однако вместе с тем существовало множество проектов, согласно которым на Волыни планировалось создание королевства во главе с военным министром герцогства Варшавского, одним из инициаторов антироссийского восстания на Украине, которое так и не состоялось, князем Ю. Понятовским, с 1813 г. маршалом Франции (*Абалихин Б.С. Отечественная война 1812 года на Юго-Западе России. Волгоград, 1987. С. 8*).

поступающих в вузы под редакцией доктора исторических наук, профессора Ю. Мыщыка¹⁷⁸, при этом создавая новые мифы. Так, говоря о планах императора французов относительно украинских земель, они утверждают, что существовали и планы переселения части казаков на берега Рейна для создания заслона против возможного нападения со стороны Германии, однако этот замысел остался нереализованным¹⁷⁹.

Каким образом возникала подобная информация? Автором подавляющего большинства приведенных нами мифов был вышеупомянутый И. Борщак. Именно он писал о встрече французского посла в Константинополе с запорожцами, которая будто бы произошла в сентябре 1805 г. во время его поездки к месту назначения через Галац, Браилов и Констанцу. Во время этой встречи, по словам И. Борщака, генерал Себастиани пообещал казакам, что после разгрома России он вернет им старинные вольности, которые отныне будут защищены великим императором Наполеоном. Более того, французский генерал дал казакам деньги и «соответствующие про-

¹⁷⁸ Мицик Ю.А., Бажан О.Г., Власов В.С. Історія України. К., 2010. С. 212.

¹⁷⁹ Там же. Эта же информация была размещена авторами и в предыдущих редакциях данных учебных пособий (См. Мицик Ю.А. Історія України: Посіб. для вступників для вищих навчальних закладів. К., 2001. С. 16; Бажан О.Г., Білоусько О.А., Власов В.С., Мицик Ю.А. Історія України: Навчальний посібник. К., 2006. С. 243–244; Кульчицький С.В., Мицик Ю.А., Власов В.С. Історія України: Довідник для абітурієнтів та школярів загальноосвітніх навчальних закладів. К., 2010. С. 211–212). Во-первых, что именно авторы подразумевают под понятием «Германия»? Ведь в то время она не была единым государством. Во-вторых, непонятно, откуда авторы почерпнули такую информацию. Ведь, как известно, Наполеон 12 июля 1806 г. создал в германских землях Рейнскую конфедерацию и стал ее протектором (См. Kerautret M. Le grands traités de l'empire (1804–1810). P., 2004. Т. 2. P. 205–221). Священная Римская империя перестала существовать. В 1808 г. в состав Рейнского союза вошли почти все германские государства, за исключением Пруссии (осталась, хоть и в урезанном виде, на карте Европы только благодаря заступничеству Александра I во время личных встреч с Наполеоном 13(25) и 14(26) июня 1807 г. в Тильзите). (См. ВПР. Т. 3. С. 638). Таким образом, Наполеон достиг в Германии почти полной гегемонии. Кроме того, как уже было указано, в это время существовало и герцогство Варшавское, контролировавшее потенциально опасную Пруссию. Поэтому у императора французов не было надобности переселять казаков на берега Рейна для защиты Франции.

кламации» для распространения в Украине. И. Борщак с сожалением отмечал, что этих грамот нет в Париже, и выражал надежду, что они со временем будут найдены в Украине, Румынии или в Турции¹⁸⁰. Однако благодаря архивным изысканиям В. Ададунова удалось раскрыть и эту фальсификацию И. Борщака¹⁸¹.

Некоторые авторы идут еще дальше. Так, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины А. Доник не просто повторяет утверждение советской историографии об Украине как «разменной монете» в планах Наполеона накануне войны с Россией (1812 г.). Он утверждает, что император французов выработал проект нового обустройства Европы с автономными славянскими территориями. В частности, Украине была отведена роль буферной зоны между Западной Европой и Россией, которую предполагалось завоевать и расчленить¹⁸². Говоря о планах императора французов относительно России, следует заметить, что автор, к большому сожалению, снова повторил утверждения советских исследователей, которые, как верно подметил известный саратовский историк Н. Троицкий, «надуманны и несерьезны»¹⁸³. Как свидетельствуют источники, у Наполеона были совсем другие планы в отношении России. Его основной стратегической задачей было нанести поражение русским армиям в одном-двух приграничных сражениях и, таким образом, заставить Россию подписать выгодный для Франции мир, в частности принудить ее

¹⁸⁰ Борщак І. Указ. соч. С. 40.

¹⁸¹ См. об этом: Ададунов В. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 42–44; *Он же*. Юго-западные окраины Российской империи в иерархии приоритетов восточноевропейской политики Наполеона... // Эпоха 1812 года... Труды ГИМ. М., 2010. Вып. 183. С. 387–389. Следует заметить, что этот миф оказался очень живучим среди украинских историков, несмотря на появление вышеуказанных работ. См., например: Михальчук П.А., Куций І.П. Новітня історія України. Тернопіль, 2007. Ч. 2. С. 240.

¹⁸² Донік О.М. Україна у складі двох імперій... С. 110; *Он же*. Участь українського народу у Вітчизняній війні 1812 року // Україна: хронологія розвитку. Т. 5. С. 52. В этой работе автор, к большому сожалению, снова повторяет тезис украинской советской историографии о том, что Украина играла одну из главных ролей в планах Наполеона.

¹⁸³ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 135.

соблюдать все условия континентальной блокады. Как утверждал известный наполеоновед Ж. Тюлар, борьба с Англией стала краеугольным камнем всей внешней политики Наполеона: «...любое государство, не участвующее в континентальной блокаде, превращалось во врага: невозможно было сохранить нейтралитет в том противостоянии, которое Наполеон навязал “океанократам”»¹⁸⁴. 5 июня 1811 г., в ходе беседы с бывшим послом Франции в России А. Коленкур, Наполеон так сформулировал цели предстоящей войны: «Для того чтобы мир был возможным и прочным, нужно, чтобы Англия убедилась, что она не найдет больше пособников на континенте. Нужно, следовательно, чтобы русский колосс и его орды не могли больше угрожать югу вторжением»¹⁸⁵. Как свидетельствовал также камердинер Наполеона Констан, император в Дрездене (май 1812 г.) сказал маршалу А. Бертье следующее: «Я ничего плохого не хочу Александру; это не с Россией веду я войну, так же как, как не с Испанией. У меня есть только один враг — Англия, и это до нее я стараюсь всеми силами добраться в России. Я буду преследовать ее повсюду»¹⁸⁶.

Кроме того, А. Доник в своей книге нарушает хронологические рамки событий, повторяя, например, вслед за известными украинскими историками Д. Дорошенко и Н. Полонской-Василенко, что после вторжения наполеоновской армии в Россию в 1812 г. дворянин Я. Мочуговский из южной Полтавщины радовался успехам Наполеона и высказывал желание, чтобы Наполеон уничтожил Россию. В Переяславском уезде один из лидеров автономистического движения В. Лукашевич поднимал бокал за здоровье Наполеона, а в Пирятинском уезде открыто провозглашались тосты «за республику»¹⁸⁷. Исследователь вместе с вышеупомянутыми историками ошибочно

¹⁸⁴ Тюлар Ж. Наполеон, или миф о спасителе. М., 1996. С.170.

¹⁸⁵ Коленкур А. Мемуары... С. 40.

¹⁸⁶ Наполеон. Годы величия. Воспоминания секретаря Меневаля и камердинера Констана. М., 2001. С. 364.

¹⁸⁷ Дорошенко Д. Нарис історії України. Львів, 1991. С. 504 (впервые был издан в Варшаве в 1932–1933 гг.); Полонська-Василенко Н. Історія України. К., 1992. Т. 2. С. 280 (вышла в свет в Мюнхене в 1972–1976 гг.).

утверждает, что эти события имели место в 1812 г.¹⁸⁸. Однако это, как известно, произошло в 1807 г.¹⁸⁹

Следующим примером антинаучности могут служить главы книги кандидата исторических наук, доцента Харьковского педагогического университета им. Г. Сковороды В. Смирнова «Отечественная война Российского государства против наполеоновского нашествия в 1812 году» и «Освобождение русской армией Центральной и Западной Европы от наполеоновской деспотии»¹⁹⁰. Так, еще во вступлении автор, анализируя историографию поднятой темы, указывает в основном только работы дореволюционных российских и советских авторов¹⁹¹, совершенно не принимая во внимание взгляды современных исследователей, не совпадающие с его концепцией. Более того, он практически не использует источники.

Мы остановимся на самых показательных мифах, хотя с выводами автора относительно других проблем, поднятых в монографии, также можно не согласиться. Так, уже в самом начале исследования автор снова повторил тезис советской историографии, утверждая, что во многих своих деяниях Наполеон Бонапарт повторял преступную политику всех тех, кто пытался покорить и закабалить Россию ранее¹⁹². Очередной выдумкой является утверждение В. Смирнова о том, что в Бородинском сражении русская артиллерия оказалась более маневренной и лучшего качества, чем французская¹⁹³. Следует заметить, что несмотря на то, что русская артиллерия количественно превосходила

¹⁸⁸ Донік О. Україна у складі двох імперій... С. 113.

¹⁸⁹ См. об этом: Павловский И. Ф. Дела об государственной измене и нарушении общего спокойствия, производившиеся в Малроссии в 1807 г. // Киевская старина, 1903. Кн. 12. С. 136–138. Этот же ошибочный тезис повторяется в монографии О. Иваненко. См. Иваненко О. А. Українсько-французькі зв'язки: Наука, освіта, мистецтво (кінець XVIII — початок XX ст.). К., 2009. С. 57.

¹⁹⁰ Смирнов В. Н. Указ. соч. С. 4–239.

¹⁹¹ Там же. С. 9–15.

¹⁹² Там же. С. 31.

¹⁹³ Там же. С. 83.

французскую¹⁹⁴, общеизвестно, что она действовала менее эффективно и была значительно хуже организована на поле боя¹⁹⁵.

Весьма спорным является утверждение автора о том, что после вступления в святую Москву враг предал ее пламени и грабежу¹⁹⁶. Заметим, что мародерство действительно имело место среди французской армии, занявшей древнюю русскую столицу, несмотря на то, что оккупационные власти старались навести порядок в городе¹⁹⁷. Что касается основных причин и виновников известного московского пожара, возникшего сразу после вступления наполеоновской армии в Москву, то общеизвестно, что его организаторами и виновниками были сами русские¹⁹⁸, хотя в дальнейшем локальные пожары возникали и по вине французских солдат (например, разведение многочисленных бивачных костров).

¹⁹⁴ Следует заметить, что количество орудий в русской и французской армиях в Бородинской битве, как и численность противоборствующих армий, постоянно уточнялись исследователями. Так, по данным А. Васильева и А. Елисеева, количество орудий в русской армии составляло примерно 620 против предыдущих 640 (*Васильев А.А., Елисеев А.А. Русские соединенные армии при Бородине. 24–26 августа 1812 г. М., 1997*). Что касается количества орудий во французской армии, то, по последним данным известного екатеринбургского исследователя В. Земцова, оно достигало 583–593 орудия вместо 587, как считалось ранее (*Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2008. С. 166*).

¹⁹⁵ См. об этом: *Грабе П.Х. Из памятных записок. М., 1873. Ч. 2. С. 86; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 180; Земцов В. Указ. соч. С. 230; Безотосный В.М. Наполеоновские войны. 2010. С. 187.*

¹⁹⁶ *Смирнов В.Н. Указ. соч. С. 93.*

¹⁹⁷ См. об этом: *Попов А.Н. Отечественная война 1812 года. М., 2009. Т. 2. С. 661–662, 669–674, 718, 733–736, 748–749; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России... С. 195–196; Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 185–186, 232, прим. 28; Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010. С. 60, 73.*

¹⁹⁸ Об этом см.: *Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 31–43; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России... С. 189–195; Попов А.И. Великая армия в России... С. 179–183; Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 192–198; Земцов В.Н. 1812 год... С. 41–47, 67–98.*

Следующим примером мифотворчества В. Смирнова является его утверждение о том, что Наполеон не только занял Москву («сердце» России) и планировал новое наступление на Петербург (ее «голову»). За взятием Петербурга должно было с неизбежностью последовать раздробление и полное уничтожение России. Далее говорилось, что в своих гегемонистических далеко идущих замыслах Бонапарт важную роль предполагал возложить на вновь созданное Польское государство. С этой целью предполагалось его усиление за счет восточнославянских (белорусских и малороссийских) земель под контролем Наполеона. Для этого он создал для князя Понятовского особое герцогство Смоленское, планировал стратегически укрепить Польшу¹⁹⁹. На самом деле в последние недели пребывания в Москве император французов продолжал думать над заключением перемирия с русскими и начал разрабатывать планы отступления в случае его неудачи. Как известно, существовало по крайней мере три варианта отступления из Москвы. Одним из них был план командира 4-го армейского корпуса Великой армии, вице-короля Италии Е. Богарне, который предложил идти в направлении Петербурга с целью создания угрозы столице Российской империи²⁰⁰. Это также был один из вариантов, принуждающих Россию к заключению мира. Однако хотя Наполеон и отказался от этого проекта, он, как метко подметил известный московский историк В. Безотосный, раскрыл основное желание императора французов представить отступление наступлением²⁰¹.

Что касается усиления Польши и создания Смоленского герцогства для князя Понятовского, то, во-первых, это выдумка советской историографии²⁰², во-вторых, она упомянута не к месту.

Приверженцем И. Борщака был и современный волгоградский историк Б. Абалихин, упорно настаивавший на серьезной заинтере-

¹⁹⁹ Смирнов В.Н. Указ. соч. С. 106–107.

²⁰⁰ Correspondence de Napoléon I-er, publ. par ordre de Napoléon III. P., 1868. T. 24. P. 236–238.

²⁰¹ Безотосный В.М. Указ. соч. С. 203.

²⁰² Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года... С. 436.

сованности Наполеона юго-западными окраинами России²⁰³. Он, так же как и В. Котов, утверждал, что июльские пожары 1811 г. в Киеве, Луцке, Ковеле, Дубно, Каменец-Подольске, Остроге, Староконстантинове, Тульчине и Умани не были случайными. Организаторами поджогов они считали французов, а исполнителями местную шляхту польского происхождения²⁰⁴. Одако, как свидетельствуют источники, эти пожары были ни чем иным, как стихийным бедствием²⁰⁵. Также Абалихин упорно пытался навязать свою ошибочную теорию, что император французов после отступления из Москвы хотел прорваться в украинские губернии Российской Империи²⁰⁶.

Однако в современной российской историографии эта теория не прижилась. В частности, ее полная несостоятельность была доказана в работах известных исследователей — В. Безотосного, А. Попова,

²⁰³ В 1964 г. в Киеве защитил кандидатскую диссертацию «Боевое содружество украинского и русского народов в Отечественной войне 1812 года». К., 1964. 330 с., а после переезда в Волгоград в 1980 г. защитил в Саратове докторскую диссертацию. (*Абалихин Б.С. Борьба с наполеоновской армией на юго-западе России в период Отечественной войны 1812 г. Автореф. дис... д-ра ист. наук. Саратов, 1980. 24 с.*)

²⁰⁴ См. *Котов В.М. Завойовницькі плани Наполеона I... С. 85; Абалихин Б.С. Український народ у вітчизняній війні 1812 р. К., 1962. С. 8–9; Он же. Отечественная война на юго-западе России. С. 8–13; Он же. Отечественная война 1812 г. и украинское казачество // Українське козацтво: витоки, еволюція, спадщина. К., 1993. Вип. 2. С. 49–50.*

²⁰⁵ См. об этом: *Левицкий О. Тревожные годы: Очерки из общественной и политической жизни г. Киева и юго-западного края в 1811–1812 гг. // Киевская старина. 1891. №10. С. 1–21, № 11. С. 169–194; «Наполеонида» на Сході Європи... С. 118–123; Потрашков С.В. Тревожное время... // Отечественная война 1812 года... Можайск, 2009. С. 45–50.*

²⁰⁶ *Абалихин Б.С. Борьба с наполеоновской армией на юго-западе России... Автореф. дис... д-ра ист. наук. С. 20; Он же. О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 63–79; Он же. Отечественная война 1812 г. и украинское казачество. С. 53–54; Он же. 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000. С. 105–108; Он же. Историческое значение Малоярославецкого сражения // От Тарутина до Малоярославца: К 190-летию Малоярославецкого сражения / сост. Н.В. Котлякова. Калуга, 2002. С. 125–135.*

Н. Троицкого²⁰⁷. Передовая часть украинских исследователей тоже занималась изучением и развенчанием этих и подобных им мифов²⁰⁸.

Последователем И. Борщака в современной российской историографии можно назвать кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ИРИ РАН Е. Мезенцева, который в своей монографии «Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции)» фальсифицирует источники, тем самым создавая новые мифы²⁰⁹. Так, он утверждает, что в октябре 1803 г. Наполеон в беседе с польскими эмигрантами публично заявил, что намерен восстановить под своим протекторатом Польшу в границах 1772 г., что означало отторжение от России Белоруссии и Правобережной Украины²¹⁰. При этом историк ссылается на документы, не подтверждающие эту мысль. В частности, в сборнике документов «Внешняя политика России XIX и начала XX века» упоминается сообщение посланника в Париже А.И. Моркова от 16(28) октября 1803 г. министру иностранных дел Российской империи А.Р. Воронцову. В нем говорится, что в беседе с одним из польских эмигрантов Бонапарт высказывал сожаление по поводу судеб Польши, порицал прежнее французское правительство и самих поляков, допустивших разделы страны²¹¹. Далее указано,

²⁰⁷ *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 130–131; *Он же.* Наполеоновские войны. С. 201–204; *Попов А.И.* Великая армия в России... С. 290–291; *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов... С. 260–261.

²⁰⁸ *Ададуrow В.* «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 340–345; *Захарчук О.* Прожекты польского генерала Михала Сокольніцкогo и Отечественная война 1812 года // Отечественная война 1812 года... С. 201. Однако, к большому сожалению, эти мифы продолжают жить. Так, М. Варварцев утверждает, что провалом закончилось и «наиболее безопасное», по определению Наполеона, отступление его армии из Москвы через Малоярославец в Украину (см. *Варвацев М.М.* Наполеон I Бонапарт // *Енциклопедія історії України.* К., 2010. Т. 7. С. 169.

²⁰⁹ См. об этом: *Захарчук О.Н.* Вступление России в войну с Францией в 1805 г.: факты и домыслы в новой работе Е.В. Мезенцева «Война России с наполеоновской Францией в 1805 г. (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции)» / Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IX: Сборник материалов // Труды ГИМ. М., 2010. Вып. 183. С. 398–412.

²¹⁰ *Мезенцев Е.В.* Указ. соч. С. 26.

²¹¹ ВПР. М., 1960. Т. 1. Док. № 225. С. 533.

что полный текст документа опубликован в Сборнике Русского императорского исторического общества. Создается впечатление, что Е. Мезенцев с ним не ознакомился. А ведь в нем говорится, что, рассуждая о судьбах Польши с неким Жабокрицким, поляком из Галиции и кавалером Мальтийского ордена, Наполеон заявил, что «теперь потребовалось бы чудо, чтобы восстановить Польшу»²¹². Кроме того, в монографии Ж. Тюлара «Мюрат, или Пробуждение нации», на которую также ссылается автор, не содержится сведений о том, что Наполеон твердо обещал полякам независимость их страны. Однако первый консул Французской республики говорил о такой возможности в далеком будущем²¹³.

Еще выразительнее мифотворчество проявляется в работах «историков-любителей», ярким примером каковых является книга М. Голденкова «Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г.». Хотя автор в предисловии говорит о войне 1812 г. как о самой мифологизированной войне в русской истории и смело заявляет о попытке развенчать мифы²¹⁴, на самом деле его книга множит их количество в геометрической прогрессии.

Причин возникновения новых мифов, как нам видится, по крайней мере, две. Во-первых, это банальная неосведомленность как в уже устоявшихся исторических фактах, так и в новых взглядах современных историков на отдельные эпизоды войны 1812 г. Так, например, известный русский полководец генерал-фельдмаршал граф П. Румянцев-Задунайский назван одним из блистательных генералов А. Суворова, генерал-майор М. Кутузов в 1788 г. командовал осадой крепости Очаков²¹⁵. Второй причиной, очевидно, является желание

²¹² Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / Под ред. А. Трачевского. Т. 2 1803–1805 // Сборник Русского императорского исторического общества. СПб., 1890. Т. 77. Док. 156. С. 381.

²¹³ Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 162.

²¹⁴ Голденков М. Указ. соч. С. 3.

²¹⁵ Там же. С. 122, 128. Следует заметить, что П. Румянцев никогда не был в подчинении генерал-фельдмаршала (впоследствии генералиссимуса) А.В. Суворова, князя Италийского, графа Рымникского. Что касается утверждения автора относительно генерал-майора М. Голенищева-Кутузова, то общеизвестно, что в 1788 г. осадой турецкой крепости Очаков командовал генерал-фельдмаршал,

во что бы то ни стало внести свою лепту в создание «новой истории независимой Беларуси». Будучи сам наполовину белорусом и посему с большим уважением относясь к этой стране, не могу, тем не менее, согласиться с отдельными утверждениями автора, который слишком свободно обращается с чужими территориями, считает белорусами и выдающегося польского поэта А. Мицкевича, и известного российского военачальника шотландского происхождения М. Баркляя де Толли²¹⁶. Но поскольку в 2010 г. появилась рецензия на эту книгу доктора исторических наук А. Попова²¹⁷, то мы не будем останавливаться на ее детальном анализе.

Таким образом, этой публикацией мы хотели бы не только развенчать вышеуказанные мифы, но также и предотвратить создание новых.

Наполеон и массовая культура сегодня: Романы, манга, комиксы, видеоигры

Кандис Оброн-Ваттэр

Наше сообщение относится к секции 4 «Наполеоноведение и мифотворчество», и в нем будет поставлен вопрос об использовании фигуры Наполеона в наше время в новых средствах массовой культуры: видеоиграх, манга, комиксах, а также в современном романе.

Прежде всего отметим, что фигура Наполеона присутствует у французских авторов, таких как Анри Виард в «*La bande à Bonaparte*» (1969) (прим. перев.: дословно «Банда Бонапа»), и у амери-

светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический. Заметим также, что М. Голденков односторонне освещает деятельность М. Кутузова. Так же, говоря о потере глаза адмиралом Г. Нельсоном на Корсике 10 июня 1783 г., автор снова допускает ошибку (см. *Голденков М.* Указ. соч. С. 130). На самом деле это произошло летом 1794 г. См. об этом: *Эджингтон Г.* Адмирал Нельсон. М., 1992. С.119; *Великие адмиралы / Сост. Д. Свитмэн. М., 2002. С. 260.*

²¹⁶ Там же. С. 56, 236.

²¹⁷ *Попов А.И.* Неизвестная война // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6. С. 302–309.

канских, таких как Стив Берри в его романе «*Le mystère Napoléon*» (2011) (прим. перев.: дословно «Загадка Наполеона»). И сделаем это для того, чтобы выявить мотивы, которые возникают сегодня в современной мировой литературе из наполеоновского мифа. Кроме того, поставим целью обнаружить присутствие Наполеона Бонапарта в видеоиграх, так называемых стратегиях или войнах, предназначенных для аудитории всех возрастов, желающих виртуально испытать дрожь на поле сражения или удовлетворение от удачного маневра. Игрок занимает место Наполеона и становится в свою очередь верховодцем, стратегом. Также мы затронем использование фигуры Наполеона в манга (в Японии) и в комиксах (в Европе), которые, как мы увидим, представляют его по-разному. Франция показывает себя более осторожной в том, что касается использования образа Наполеона. В Японии, наоборот, как и в Соединенных Штатах, видят в историческом персонаже архетип героя и селф-мейд-мена. Мы также намерены показать чрезмерное использование наполеоновского мифа и его адаптацию в XXI веке при помощи большого набора средств массовой информации. Эти новые средства, после живописи и кино предшествующих столетий, кажется, отвечают всеобщему желанию видеть, как в чертах человека, происходящего из народа, близкого его ценностям и его нуждам, снова появляется всемирная личность, вырывающаяся человека из посредственности и обезличивания, что, кажется, обещает новый XXI век.

Действительно, кто не знает сегодня имени Наполеона Бонапарта? Если спросить любого человека, неважно, из какой страны, он будет в состоянии назвать несколько фактов об «историческом персонаже». Генерал, Император французов, человек маленького роста, треуголка, диктатор, стратег.. вот каким Наполеон остается в коллективном воображаемом XXI века, если спросить кого бы то ни было. Но почему же он продолжает интересовать, восхищать, давать пищу воображению? Почему спустя двести лет после его смерти мы обнаруживаем его фигуру в художественной продукции, в видеоиграх, в романах, в рекламе, в Интернете? Наше исследование начинается со следующего утверждения: фигура Наполеона всегда имеет место, она продолжает существовать и призывает новые поколения к ее адаптации. Это утверждение порождает

определенные вопросы, на которые мы постараемся ответить в нашей статье.

Прежде всего, почему мы может говорить о «мифе» относительно Наполеона Бонапарта? Так как, как писал Лучиан Бойя, «Александр Великий, Карл Великий, Жанна д'Арк, Наполеон являются одновременно и реальными личностями, и мифическими героями. Таким же образом вся история превращена в миф, то есть структурирована и ориентирована согласно критериям воображаемого».²¹⁸ Для Жильбера Дюрана Наполеон являлся «катализатором мифов».²¹⁹ Он возродил древние мифы, такие как, например, миф о Прометее, о существах из народных сказок, таких как людоед, а также о легендарных исторических личностях, с которыми он любил быть сравниваемым (Юлий Цезарь, Ганнибал, Александр Великий).

Мы также вправе задуматься, благодаря каким процессам он перешел из Истории в Легенду, а затем в Миф. Точность исторического факта стирается за чередой веков, чтобы в итоге оказаться лишь экстраполяцией. Рассказ о жизни Наполеона кажется только что порожденным воображением некоего рассказчика. Молодой корсиканец, изгнанный со своего острова вместе с семьей, ставший Генералом благодаря своему таланту, затем Император из гордости, чтобы затем снова оказаться сосланным на свой остров, где он умер в одиночестве и вдали от мира. Вот почему «для литературы, театра, кино, радио, телевидения, даже для детективного романа Наполеон представляет неисчерпаемый источник. Поэтому же он укоренился так глубоко в коллективной памяти»²²⁰, как верно пишет Роже Дюфрес. «Прометей нового времени», который украл божественный огонь, чтобы предложить его людям, маленький корсиканец, ставший великим, чтобы спасти народ Европы, наследник Революции: столько существует активных мифологем, которые сохраняют миф о Наполеоне даже в наши дни.

²¹⁸ Boia L. Pour une histoire de l'imaginaire. P.: Ed. Les Belles lettres, 1998. P. 160.

²¹⁹ Durand A. Introduction à la mythologie, Mythes et sociétés. P.: Ed. Albin Michel, 1995. P. 36.

²²⁰ Dufresse R. Napoléon, Coll. Que sais-je? P.: Ed. Presses universitaires de France, 1996. P. 123.

Вот почему Роже Бастид пришел к тому, чтобы говорить об «упрямом»²²¹ постоянстве мифа. Народ является одновременно его просителем, создателем и жертвой, помимо своей воли. Мифический механизм снабжает его личностями, которых нужно восхвалять, героями, которых можно брать за образцы, тотемами, на которых он сможет построить свою собственную идентичность, для того чтобы индивид неуклонно ссылался на нее и находил в ней ответы, которые он ищет. Жюль Берто пишет в таком случае очень верно, что «эта власть гипнотизма, имя Наполеона сохраняет ее и по ту сторону могилы, оно продолжает неотступно преследовать умы, оно продолжает оказывать на нас воздействие сквозь время»²²² и сквозь пространство, потому что его «империя» простирается сегодня далеко за пределы Европы, от Японии до Соединенных Штатов: фантастическая империя.

²²¹ *Durand G. Introduction à la mythologie — Mythes et sociétés. P.: Ed. Albin Michel, 1995. P. 36.*

²²² *Bertaut J. Napoléon et l'occulte // Revue Historia. № 193. Décembre 1962. P. 800.*

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

А. Дюма, Наполеон и июльская монархия

Земцов Владимир Николаевич

Тема Наполеона занимала в творчестве А. Дюма-отца важное, а нередко и определяющее место. Уже в 1831 г., сразу после установления Июльской монархии Дюма пишет драму в шести актах «Наполеон Бонапарт, или 30 лет французской истории». В 1840 г. — документальное повествование «Наполеон. Жизнеописание». Наконец, на закате Второй империи и своей собственной жизни Дюма создает трилогию «Белые и синие», «Компаньоны Жею» и роман «Кавалер де Сент-Эмен», который так и не был закончен и был опубликован только в 2005 г. Сюжеты, персонажи и аллюзии, связанные с эпохой Наполеона, были во множестве распылены и по другим произведениям Дюма. Так, наиболее впечатляющие картины войны 1812 г. оказались в «Путевых впечатлениях о России», созданных в результате путешествия автора и его литературного поденщика О. Маке по Российской империи в 1858 г. Но первое место среди творений великого автора, которые создавали миф о Первой империи, должен занять роман «Граф Монте-Кристо».

«Двадцать седьмого февраля 1815 года дозорный Нотр-Дам де-ла-Гардал знает о приближении трехмачтового корабля “Фараон”, идущего из Смирны, Триеста и Неаполя», — так начинается этот восхитительный роман²²³. Действительно, на высокой горе, возвышающейся над Марселем, в те годы была церковь (на ее месте во второй половине XIX в. возведут величественный собор), с которой было удобно наблюдать за приближающимися к порту (теперь он называется Старый порт) кораблями. Но для любого француза, который открыл выпуск «Журналь де Деба» от 28 августа 1844 г.,

²²³ Дюма А. Граф Монте-Кристо. М., 1955. Т. 1. С. 3.

в котором главками начал печататься роман-фельетон «Граф Монте-Кристо», было еще и понятно, что речь здесь идет о самом кануне высадки бывшего императора Наполеона с о. Эльба в бухте Жуан и начале знаменитых «100 дней». Этими бурными событиями 1815 г. окончательно завершалась великая эпоха Наполеона и начиналось время Реставрации и Июльской монархии, время, в котором жил и Дюма, и его читатели. Дюма, фактически впервые для себя, писал о современности!

В отечественной историографии вплоть до второй половины 1980-х гг. эта эпоха никогда серьезно не изучалась. Только в последние два десятилетия появились работы²²⁴, в которых исследователи попытались учесть оживленные споры французских авторов, ведущиеся на протяжении почти полутора сотен лет. Суть этих споров кратко можно представить так²²⁵. Вплоть до середины XX в., начиная с публикации фундаментального труда П. Тюро-Данжена «История Июльской монархии», вышедшего в конце XIX в., эпоха характеризовалась как господство денежной аристократии, основанное на системе личного управления короля. Хотя авторы и отмечали рост благосостояния и процветание Франции, но указывали и на наличие серьезных социальных противоречий, обусловленных ориентацией власти исключительно на интересы богатой буржуазии. Особое внимание исследователи уделяли личности и деятельности крупнейшего историка Ф. Гизо, ставшего с 1840 г. во главе правительства. «Я не знаю, — писал исследователь И. Лука-Дюбретон, — чему больше поражаться: его красноречию, его культуре или его нечувствительности к проблемам своего времени». Историк-доктринер, губящий Францию, — так воспринимали деятельность Гизо многие думающие французы в годы, когда начал выходить роман А. Дюма и когда приближалась буря революции 1848 г.

²²⁴ См. работы Е.И. Федосовой, З.М. Каштанова, Е.В. Киселева, и особенно — Н.П. Таньшиной (*Таньшина Н.П.* Теория и практика французского либерализма. М., 2000; *Она же.* Луи Филипп Орлеанский // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 37–56).

²²⁵ Обзор сделан на основе: *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: дисс. доктора исторических наук. М., 2005.

В 1960-е гг. во французской историографии поднялась «реви-зионистская волна». В работах Р. Ремона, а затем и других авторов был провозглашен иной подход к характеристике социального состава правящей элиты (которая, кстати, была столь ярко изображена в романе Дюма). По мнению историков-реви-зионистов, это не было «царством банкиров и крупной буржуазии», которые очень слабо были представлены в парламенте. Скорее, как утверждали историки, политическая власть была в руках «гомогенной категории граждан», однородность которой основывалась на идентичности рода занятий и культурного уровня, но не равенстве экономических условий.

Более мягкий, чем это было ранее, наметился подход и к личности Гизо. Признавая антидемократизм Гизо, французские историки стали верить, что политические структуры 1830–1840-х гг. все же стали наброском современных Франции конца XX в. демократических институтов. Но и эти оценки, появившиеся в последние десятилетия, в свою очередь также продолжают оспариваться... И над всеми этими порою бурными дебатами, сопровождающимися выходом обширных, великолепно фундированных трудов, непоколебимо возвышаются портреты банкира Данглара, генерала графа де Морсер (Фернана Монтего), королевского прокурора маркиза де Сен-Моран (Жерара де Вильфора), воплотившие в сознании миллионов читателей и зрителей разных стран образ Июльской монархии!

Вспомним несколько зарисовок из романа Дюма. Вот, к примеру, как описал Альбер де Морсер в ответ на вопрос графа Монте-Кристо одного из пэров тогдашней Франции:

«— Это коллега моего отца. Недавно он горячо выступал против того, чтобы членам Палаты пэров был присвоен мундир. Его речь по этому вопросу имела большой успех; он был не в ладах с либеральной прессой, но этот благородный протест против намерений двора при-мирил его с ней. Говорят, его назначат послом.

— А в чем состоят его права на пэрство?

— Он написал две-три комических оперы, имеет пять-шесть акций газеты “Век” и пять или шесть лет голосовал за министерство»²²⁶.

Впечатляющая характеристика политика?

²²⁶ Дюма Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 129.

А вот пассаж о роли «денежных мешков». Альбер де Морсер, бесе­дуя с бароном Дангларом, говорит, что тот, если бы пожертвовал баронским титулом, все равно остался бы миллионером.

«Это, по-моему, наилучший титул при июльской монархии, — возразил Данглар»²²⁷.

Наконец, вот характеристика военных, которые любили напо­мнить о своей тяжелой и благородной доле честного солдата:

«Полноте, — сказал Монте-Кристо с тем же убийственным хлад­нокровием, — что вы говорите! Разве вы не тот самый солдат Фер­нан, который дезертировал накануне сражения при Ватерлоо? Разве вы не тот самый поручик Фернан, который служил проводником и шпионом французской армии в Испании? Разве вы не тот самый полковник Фернан, который предал, продал, убил своего благоде­теля Али? И разве все эти Фернаны, вместе взятые, не обратились в генерал-лейтенанта графа де Морсер, пэра Франции?»²²⁸

Характеристики убийственные. Таковы были в глазах Дюма те, кто процветал в годы Июльской монархии.

Совсем иными были выведены образы тех, кто остался в славном прошлом — люди Первой империи, прошедшие вначале тяжкий путь революционера 1793 г., затем присягнувшие тому, кто воплотил в себе честь и величие Франции, — Наполеону, и оказавшиеся за бортом жизни, но не сломленные, при новых правителях. Таким был в ро­мане Дюма Нуартье де Вильфор, жирондист 1793 г., сенатор 1806 г., благородный борец с предателями в 1815 г., любящий дед, честный и сильный человек во все последующие годы.

Но ведь в подлинной истории, которую Дюма и его соавтор О. Маке взяли за основу фабулы, было не так! Там, в настоящей жизни, вопиющий произвол, презрение к человеку и его достоинству ис­ходили как раз от Великого Наполеона! Напомним эту подлинную историю, обычно известную под названием «Алмаз и мщение»²²⁹.

²²⁷ Там же. С. 130.

²²⁸ Там же. С. 398.

²²⁹ Эта история множество раз воспроизводилась в литературе (*Hamburg C. Polizei-Geheimnisse*. Stuttgart, 1865. Vol. 2; *Ashton-Wolfe H. True Stories of Immortal Crimes*. N.Y., 1931. P. 19–33; *Kovářik J. Hrabě Monte Christo a ti druzi: skutečné asudy románových hrdinů II*. Třebíč: Tempo, 1998; *Морья А. Три Дюма*. Ч. 6. Гл. 1 (любое

В феврале 1807 г. сапожный подмастерье Франсуа Пико (Picaud), молодой и красивый малый 27 лет, родом из Нима, зашел к своим землякам, которые частенько собирались в кабачке возле площади Сен-Оппотьюн. Этот кабачок содержал также бывший житель Нима Матье Лупиан (Lourian). Лупиан был уже не так молод, как Пико, и был вдовцом с двумя детьми. В кабачке сидело еще трое знакомых, также уроженцев Юга из департамента Гар. Все они обратили внимание на сияющий вид своего юного земляка Пико, который с радостью и с некоторым вызовом сообщил о своей предстоящей женитьбе на Маргарите Вигору (Vigoux), красивой и богатой девушке, за которой дают 7 тыс. франков. Пико широким жестом пригласил всех на предстоящую церемонию в церкви Сен-Ле, а потом на танцы в Les Basquets de Vénus на улице Ур (Ours). Затем Пико распрощался, спеша в мэрию и к кюре²³⁰.

Когда он ушел, Лупиан, снедаемый завистью, предложил своим землякам разыграть шутку — написать донос комиссару полиции, сообщив о том, что Пико — английский агент, и тогда последний, вместо веселой свадьбы, проведет несколько дней в заключении. Из трех приятелей, к которым обратился кабатчик, только один — Антуан Аллю (Allut) — запротестовал, говоря, что это дурная шутка, но его быстро засмеяли, уверяя, что ничего страшного не будет. Тем не менее, Аллю отказался участвовать в этом «розыгрыше» и покинул кабачок. Между тем трое приятелей в тот же день состряпали донос на Пико, для пущей важности назвав его дворянином из Лангедока и уверяя, что он связан с восстанием в Ванде, осуществляя связь между Югом и Западом.

издание); *Черняк Е.Б.* Пять столетий тайной войны. М., 1991. С. 461—463; и др.). Мы решили обратиться, что называется, к первоисточнику — документальному рассказу Жака Пеше. Вначале без особого труда мы обнаружили текст этого рассказа в «Ревю де Пари» за 1845 г. (Revue de Paris. Nouvelle Série. Année 1845. T. 11. November. Bruxelles, 1845. P. 199—215), а затем — в «Мемуарах, извлеченных из архива парижской полиции» за 1838 г., вышедших под авторством самого Пеше (Mémoires tirés des Archives de la Police de Paris. P., 1838. T. 5. P. 197—228 // Bibliothèque nationale de France (<http://gallica.bnf.fr/akk:/12148/bpt6k64>)). Именно в этом издании рассказ под названием «Алмаз и мщение» появился на свет впервые.

²³⁰ Как было установлено историками в дальнейшем, бракосочетание должно было состояться во вторник 17 февраля 1807 г.

В ночь с 15 на 16 февраля полиция арестовала Пико, который с этого момента просто «исчез». Ни родители, ни друзья ничего не смогли узнать о его судьбе! Полицейский комиссар, которому Лупиан отнес донос, поспешил проявить рвение и немедленно представил бумагу самому министру полиции²³¹. Министр полиции, в свою очередь, распорядился как можно скорее арестовать Пико и хранить все в строжайшей тайне.

Здесь мы должны напомнить, что обычной практикой в эпоху Империи Наполеона было то, что министр полиции мог дать санкцию на арест и заключение любого человека, вне зависимости от его социального положения, чина и прочего и без каких-либо очевидных доказательств его вины, если это касалось «государственной безопасности». Как правило, арестованные попадали в одну из восьми тюрем, находившихся в Венсенне, Ле Аме, замке Иф, Пьер-Шателе, Сомюре, Ландскроуне, Фенестреле и Компьене. Декретом Наполеона от 13 марта 1810 г. такая практика была даже узаконена. Единственной уступкой гуманизму стал объезд раз в год членами Государственного совета этих тюрем. Проверяющие должны были удостовериться в приемлемости условий содержания заключенных и занести их жалобы в специальный журнал. Как правило, эта процедура проходила в присутствии коменданта тюрьмы и никаких последствий для заключенных не имела.

Несчастный Пико, которому, как и Эдмону Дантесу, не сообщили, в чем же его обвиняют, не только оказался в заключении в далекой крепости Фенестрель, расположенной в пьемонтских Альпах, но еще и должен был как особо опасный преступник лишиться своего имени. Теперь он превратился в Жозефа Люше (Lucher).

Ж. Пеше, который рассказал публике о судьбе этого несчастного сапожника, не счел нужным останавливаться на описании условий его пребывания в течение семи лет в Фенестреле. Поэтому нам при-

²³¹ В тексте рассказа, опубликованном от имени Пеше, говорится о герцоге Ровиго, то есть А.Ж.М.Р. Савари, как о министре полиции. Но Савари, получивший титул герцога Ровиго только в следующем, 1808 г., стал министром полиции в 1810-м! До этого министром полиции был Ж. Фуше. Единственным объяснением этой «неточности» может быть тот факт, что Савари действительно возглавлял особую полицию, которая должна была контролировать «официальную полицию» во главе с Фуше.

шлось самим попытаться это представить. Фенестрель, находящийся ныне на территории Италии, являет собой впечатляющий комплекс оборонительных сооружений, чем-то напоминающих Великую китайскую стену, оседлавшую обширную горную местность. Построенный в течение конца XVII—XVIII вв., Фенестрель оказался хорошо приспособленным для содержания заключенных. В начале XIX в. заключенные пребывали, главным образом, в форте Сан Карло. Это массивное многоэтажное сооружение, которое и сегодня производит на посетителей сильное впечатление, имело 44 комнаты, превращенные в камеры. Кардинал Бартоломео Пакка (1756—1844), вступивший под его своды 6 августа 1809 г. и проживший здесь три с половиной года, вспоминал, прежде всего, длинный, темный, освещавшийся только через одно окно коридор с очень низким потолком. С правой стороны были камеры, двери которых могли запирались железными цепями. Кардиналу отвели самое лучшее помещение, но и оно производило на него удручающее впечатление: потолок в некоторых местах был поврежден, стены были грязными и прокопченными, деревянный пол был наполовину прогнившим и попорченным крысиными лазами²³².

Кардинал Пакка находился в Фенестреле с августа 1809 г. по февраль 1813 г. Он оставил подробные воспоминания, впервые вышедшие в 1830 г., то есть в год смерти Пеше²³³. Пребыванию автора в крепости была посвящена сотня страниц. В эти строки мы вчитывались с большим вниманием, стремясь уловить хотя бы малейший намек на пребывание там... нет, не Пико-Люше (кардинал Пакка, исполнявший должность секретаря папы Римского, был выше того, чтобы хотя бы даже замечать существование тех заключенных, которые были из числа простонародья), а некоего богатого священнослужителя из Милана. Дело в том, что Пико-Люше прислуживал этому миланцу столь самоотверженно, что тот, покинутый своими близкими, умирая в январе 1814 г., оставил ему огромное состояние, размещенное частью в банках Гамбурга и Англии, частью представлявшее собой ренту с имений в Италии, доходы с которых должен был выплачивать один амстердамский банкир, а частью — в виде золота и драгоценных камней, спрятанных в тайнике.

²³² Historical Memoirs of Cardinal Pacca, Prime Minister to Pius VII, Written by Himself. L., 1850. Vol. 1. P. 282—286.

²³³ *Pacca B. Memorie storiche...* Pesaro, 1830. T. 2.

По-видимому, в полицейском досье, которое использовал Пеше, имя этого высокопоставленного миланского священнослужителя названо не было. Мы попытались найти хотя бы намек на этого человека.

О ком только не упоминал кардинал Пакка на страницах своих мемуаров! Среди прочих оказался и российский подданный знаменитый граф Кассини (Cassini). Напомним, что Витторио-Мария-Джиокино (Виктор Иванович) Капицукки граф ди Кассини ди Страда (1754—1811), выходец из известной пьемонтской семьи, в молодые годы отправился в Россию и после встречи с Г.П. Потемкиным, в июне 1790 г. был принят на русскую службу. Он был послан Потемкиным в Варшаву с неким секретным поручением, претерпел там многие несчастья, наконец, был по требованию русского правительства освобожден и достойно награжден. В 1795 г. его назначили генеральным консулом, а в 1801 г. — поверенным в делах России в Риме. В 1809 г. он чем-то навлек на себя гнев Наполеона, был арестован в Падуе и отправлен в Фенестрель. Пакка свидетельствует, что Кассини, оказавшийся в крепости вскоре после кардинала, уже находился в плохом состоянии и в дальнейшем вплоть до своей смерти в 1811 г. непрерывно болел²³⁴. Напомним, что Россия в те годы находилась в мире с Наполеоном, который, однако, вероломно хватал российских подданных, сажал их в тюрьмы и умертвлял.

По словам Пакка, в конце 1810 — начале 1811 г. в сердца заключенных Фенестреля вселилась надежда на то, что Наполеон все же проявит несвойственное ему милосердие и объявит амнистию по случаю ожидавшегося рождения наследника престола. Но тщетно. 21 марта 1811 г. в 2 часа пополудни из Турина прибыл жандарм с известием о рождении Римского короля и с приказом дать в честь этого события салют. Но... «надежды рассеялись вместе с дымом артиллерийского салюта»²³⁵.

²³⁴ Сын В.И. Кассини Павел Викторович (1797—1871) стал действительным статским советником и генеральным консулом в Триесте, затем — в Венеции, а его внук (Артур Павлович) — русским посланником в Китае. После революции в России потомки Кассини оказались за границей, и один из них — Олег Кассини (1913—2006) стал прославленным американским модельером, официальным дизайнером Жаклин Кеннеди.

²³⁵ Historical Memoirs of Cardinal Pacca... P. 350—351.

Хотя некоторые заключенные, которые были приговорены к пятилетнему сроку, и освобождались, вместо них прибывали другие, в том числе многочисленные священнослужители²³⁶. Мы не исключаем, что среди тех, кого упоминает Пакка, мог быть тот самый миланский клирик, оставивший заключенному Пико-Люше огромное состояние. Однако в тексте ничто не указывает на то, что это мог быть именно он. В этой связи напомним, что Пакка покинул крепость в феврале 1813 г., а таинственный миланец скончался только через год — 4 января 1814 г.²³⁷ Если исходить из замечания о том, что Пико-Люше прислуживал ему недолго (a servi moins de domestique), нельзя исключать, что Пакка его даже и не видел. Таким образом, даже предположительно назвать имя этого человека сегодня не представляется возможным.

Пико-Люше вышел из тюрьмы только в 1814 г. после падения Империи, просидев, таким образом, безвинно 7 лет! Хотя Пико-Люше теперь был богачом (мы опускаем то, как Пико-Люше удалось, объехав Милан, Амстердам, Гамбург и Лондон, вступить в права наследства), но жажда мщения терзала его сердце. Более того, он продолжал оставаться в неведении и в отношении причин своего ареста.

15 февраля 1815 г., ровно через 8 лет после того, как его схватила полиция, день в день, он вновь оказался в Париже. Пико-Люше узнал, что его невеста Маргарита два года ждала пропавшего жениха, но затем вышла замуж за Лупиана, дело которого теперь процветало. Полагая возможным выведать обстоятельства произошедших в 1807 г. событий у Антуана Аллю, который возвратился в Ним, Пико-Люше покинул Париж и выехал в Марсель. По-видимому, в Марселе он взял карету и под именем аббата Бальдини (Baldini) отправился в Ним, к гостинице, которая была известна под названием «Люксембург».

Хотя Пико-Люше было тогда 34–35 лет, выглядел он значительно старше. Его внешность настолько изменилась, что было совершенно невозможно узнать в нем того жизнерадостного малого, который

²³⁶ Пакка среди прочих упоминает о некоем Marchese Giovanni Naro Patrizi, прибывшем в Фенестрель 28 декабря 1811 г. и переведенном чуть позже в замок Иф.

²³⁷ Mémoires tirés des Archives de la Police de Paris. P. 203.

завоевал любовь красавицы Маргариты Вигору. Собрав сведения об Аллю, который был отягчен многочисленным семейством, «аббат Бальдини» наконец-то встретился с ним лично. Он рассказал Аллю, что был заключен за «государственное преступление» в Неаполе в знаменитый кафель дель Ово (по-французски — *château d'Œuf*), где он в 1811 г. встретил человека примерно 30 лет, уроженца Нима, Пьера Пико²³⁸. При этих словах Аллю вскрикнул и на вопрос «аббата Бальдини» сказал, что это был один из его хороших друзей. Тогда «аббат Бальдини» сообщил, что заключенный вручил ему алмаз стоимостью по меньшей мере в 50 тыс. франков (полученный им от одного англичанина) с настоятельной просьбой отдать его Аллю, если тот расскажет о причине ареста Пико. Сам же «аббат Бальдини», узнав имена людей, погубивших Пико, должен начертать их на могильной плите несчастного страдальца, чей прах покоится в Неаполе.

Не станем останавливаться на подробностях последующей сцены, когда все колебания Аллю были отмечены его супругой, вошедшей в этот момент в комнату и принявшей участие в разговоре. Этот реальный персонаж очень напоминает жену Кадрюсса Карконтю из романа Дюма. Аллю уступил и назвал имена Лупиана и его сообщников — Жерве Шобара (*Chaubard*) и Гийома Солари (*Solari*). Аллю и его жена получили этот алмаз и продали его ювелиру за приличную сумму. Четыре месяца спустя они узнали, что ювелир перепродал алмаз одному турецкому купцу за 200 тыс. франков. Алчность захватила душу Аллю — он убил ювелира и вместе с женой бежал в Грецию.

Между тем Пико-Люше, на этот раз под именем Проспер, по рекомендации одной дамы поступил работать официантом (*comme garçon limonadier*) в кафе, которое содержал Лупиан. Жена Лупиана, Маргарита, бывшая когда-то невестой Пико, уловила в облике нового официанта что-то знакомое, но быстро отогнала от себя все подозрения, которые будили в ней давние воспоминания. К скрытой радости Пико-Проспера здесь же, в кафе у Лупиана, он увидел и двух других уроженцев Нима — Шобара и Солари. Вскоре тело Шобара было найдено на мосту Искусств (*pont des Arts*). На рукоятке ножа,

²³⁸ Мы не можем сказать, почему в тексте Франсуа Пико превратился в Пьера Пико. Возможно, как это предлагает А. Моруа, Пико звали Пьер-Франсуа.

которым он был заколот, красовалась надпись «Номер один». Вскоре после этого был отравлен пес, охранявший кафе.

Как мы уже знаем, у Лупиана от первого брака была дочь, которой в ту пору исполнилось 16 лет, и она была красива, как ангел. Некий богатый маркиз соблазнил ее, но, под нажимом Лупиана и его жены, дал согласие жениться. Лупиан был счастлив, брачная церемония состоялась, ожидался свадебный пир на 150 персон. В назначенный час гости стали съезжаться. Но «маркиз» не появился. Вместо этого Лупиан был извещен письмом, что по приказу короля «маркиз» должен был быть арестован. Чуть позже, когда был уже подан десерт, выяснилось, что этот «маркиз» был просто-напросто беглым каторжником, который на этот раз просто сбежал от преследования.

Четыре дня спустя, в воскресенье, когда вся семья выехала на природу, дом, где размещалось кафе Лупиана, оказался охвачен огнем, причем с девяти точек сразу. Все сгорело. Друзья Лупиана отвернулись от него. Один только официант Проспер остался с его семьей. Он помог Лупиану открыть новое кафе на улице Сен-Антуан. Туда вновь стал заходить старый приятель Лупиана Солари, который, однако, вскоре был кем-то отравлен. Во время его похорон на черном сукне, покрывавшем гроб, все увидели листок бумаги, на котором были начертаны слова «Номер два».

Между тем несчастья продолжали преследовать Лупиана. Его сын от первого брака Эжен, связавшись с бандой воров, попался на краже и был приговорен к 20 годам тюрьмы. Прекрасная Маргарита, жена Лупиана, умерла. Сам Лупиан был в отчаянии. Именно в этот момент верный Проспер проявил готовность «помочь» семейству и «взять на себя содержание» мадемуазель Лупиан. И отец на это пошел.

Но Пико-Люше-Просперу и этого оказалось мало. Однажды вечером, когда Лупиан брел по аллее парка Тюильри, человек в маске предстал перед ним. Он заставил Лупиана вспомнить о совершенном им в 1807 г. преступлении и в нескольких фразах поведал ему о своей мести. Наконец, не давая жертве опомниться, Пико произнес:

— Теперь настал твой черед. Теперь номер три.

С этими словами Пико нанес своему обидчику удар ножом в сердце.

Совершив последний акт мести, Пико побрел к выходу из парка, когда чья-то железная рука схватила его. Он был оглушен, повален на

землю, связан по рукам и ногам. Очнулся он в темном подвале. Его похитителем оказался Аллю, который мало-помалу выяснил, кто же были в действительности «аббат Бальдини» и «официант Проспер». Аллю приковал Пико к стене цепью и начал морить голодом и жадой, требуя от него бешеной платы за хлеб и воду. Мучитель хотел таким образом получить все состояние Пико, которое он оценивал более чем в 16 млн! На следующий день Аллю установил «порядок» — он будет кормить Пико два раза в день и за каждый обед тот будет платить ему 26 тыс. франков.

Пико отказался. Постепенно он становился все более инертным, слабел физически и уже не мог произнести ни слова... В конечном итоге он лишился рассудка. В припадке бешенства и злобы Аллю заколол его. Оставив тело Пико в подвале, Аллю покинул Париж и бежал в Англию.

Много лет спустя, в 1828 г., перед смертью, Аллю поведал некоему французскому католическому клирику об этой истории. Более того, он продиктовал ему все детали тех событий и подписал каждую страницу. После смерти Аллю «l'abbé P...» отправил в парижскую полицию этот документ, предложив полицейским, между прочим, найти останки бедного Пико.

Почти невероятная и, одновременно, такая жизненная история! Имела ли она место на самом деле? И не могла ли она быть плодом воображения одного или нескольких людей?

Обратимся к фигуре Жака Пеше, от имени которого сей рассказ был опубликован в 1838 г. Жизнь этого человека оказалась примечательной. Родившийся в Париже в 1758 г., Пеше стал адвокатом. Вместе с аббатом Морелли, известным писателем и экономистом, составил «Словарь коммерции», участвовал в написании «Энциклопедии методики». Приглашенный к работе в администрацию вначале министра финансов Ш.А. Калонна, а затем Л.М.А. Ломени де Бриенна, он занимал там различные должности. В 1789 г., будучи членом парижского муниципалитета, Пеше сыграл заметную роль в событиях 14 июля. В новом муниципалитете, которым руководил знаменитый Ж.С. Байи, Пеше стал видной фигурой, занявшись организацией работы полиции. Этот опыт он изложил в двух томах «Словаря полиции», изданных в 1789 и 1791 гг. Будучи конституционным монархистом, Пеше в 1792 г. оказался в тюрьме, но выжил. В

1799—1800 гг. он публикует «Универсальный словарь торговой географии», а затем — в 1805 г. — «Топографическое и статистическое описание Франции». Благодаря этим трудам Пеше получает известность как крупный экономист и даже основатель статистики. В эпоху Империи и Реставрации он продолжает активную деятельность в качестве журналиста (редактирует «Газет де Франс» и «Меркурий») и, в особенности, в качестве архивиста, заняв пост хранителя архива полицейской префектуры. Пеше становится известен и как своего рода эксперт-криминалист, выпустив исследование о самоубийстве (эта работа привлечет в дальнейшем внимание молодого К. Маркса, который сделает ее перевод на немецкий язык и сопроводит его собственными пассажами²³⁹). Своего рода завершающей работой Пеше стали «Мемуары, извлеченные из архивов полиции» (1827). 28 сентября 1830 г. Пеше умер.

Обратившись к этим «Мемуарам», вышедшим в 1827 г., мы не смогли обнаружить в них той самой истории, которая стала известна как «Алмаз и мщение». Эта история оказалась опубликована только в 5-м томе посмертного 6-томного издания «Мемуаров» Пеше, вышедшем в 1838 г. Это издание было осуществлено бароном Э.Л. де Ламот-Лангон (1786—1864) на основе сохранившихся бумаг Пеше.

Таковы факты. И эти факты не могут не породить пять предположений на предмет авторства знаменитой истории «Алмаз и мщение»:

1. Ее мог сочинить Ламот-Лангон. 2. Ее мог сочинить Пеше. 3. Ее мог сочинить «аббат П...». 4. Ее мог сочинить Аллю или человек, назвавшийся этим именем. 5. Ее мог сочинить еще кто-то, кого мы совсем не знаем²⁴⁰.

Однако все эти сомнения вряд ли могли возникнуть в головах А. Дюма и его соавтора-поденщика О. Маке. Фабула «Алмаза и мщения» могла стать хорошей основой романа, действие которого должно

²³⁹ Одно из последних изданий: *Marx K. Marx on Suicide. Psychosocial Issues.* Chicago, Illinois, 1999.

²⁴⁰ Дабы хотя бы частично развеять сомнения, которые мы породили в головах любезных читателей в отношении подлинности приведенной нами захватывающей истории, отметим, что ряд деталей, которые были найдены исследователями в дальнейшем, подтверждают правдивость того, что было опубликовано от имени Пеше в 1838 г.

было происходить в современной для авторов Франции и который должен был обличить отнюдь не произвол Первой империи, но продажность и ничтожество хозяев Июльской монархии.

Становление Июльской монархии происходило на фоне республиканских и пролетарских восстаний, многочисленных покушений на жизнь нового короля. Большую активность в эти годы стали проявлять и бонапартисты, совершившие попытки государственных переворотов в 1836 и в 1840 гг. Вообще же 1840 год стал во многом поворотным. Только недавно — в 1839 г. — в Париже произошло восстание бланкистов, создавших «Общество времен года», как в 1840 г. состоялся очередной мятеж, подготовленный племянником Наполеона Ш.Л.Н. Бонапартом. Но и этого мало. Правительство А. Тьера, втянутое в восточные дела, не совсем удачно поддержало египетского пашу Мухаммеда Али против турецкого султана. Тьеру пришлось уйти в отставку и уступить руководство правительством Ф. Гизо, который будет оставаться у руководства страной вплоть до революции 1848 г. Гизо, раздраженный поведением прессы и разных «писак», которые высмеивали не только правительство, но и самого короля, развернул судебные преследования писательских и журналистских кругов.

Дюма как демократ и республиканец оказался в оппозиции к правительству. Он покидает Париж и едет в Италию. В 1841—1842 гг. писатель живет во Флоренции и часто посещает виллу Кварте, в которой живет в изгнании Жером Бонапарт, экс-король Вестфалии, брат покойного императора Наполеона. Дюма отнюдь не смущают королевские крови своих собеседников. Для него эти люди олицетворяли великую эпоху и были не сопоставимы с жалкими нуворишами современной ему Франции. Поэтому когда Жером предложил Дюма сопровождать его сына, 20-летнего Наполеона Жозефа Шарля Поля Бонапарта, которого называли принцем Наполеоном, а домашние — Плон-Плоном, в путешествие на о. Эльбу, место ссылки покойного императора, писатель согласился. Эта поездка, о которой рассказал сам Дюма в «Беседах», состоялась с 27 июня по 1 июля 1842 г.

Путешественники исходили Эльбу, а затем отправились поохотиться на соседний островок Пианозу, где в изобилии водились зайцы и куропатки. Во время охоты проводник указал Дюма и принцу На-

полеону на соседний остров, живописную скалу, напоминающую по форме сахарную голову.

— Если ваши превосходительства соблаговолят посетить этот остров, они смогут там великолепно поохотиться.

— А как называется этот благословенный остров?

— Его называют островом Монтекристо.

Это имя очаровало Дюма.

— Монсеньор, — обратился он к принцу, — в память о нашем путешествии я назову «Монтекристо» один из романов, который когда-нибудь напишу²⁴¹.

Дюма очень хотелось побывать на этом острове, но не пришлось. Так как остров был ничейным, то, согласно тогдашним порядкам, по возвращении с него путешественникам пришлось бы пробыть несколько дней в карантине, что писателя совершенно не устраивало. Единственное, что удалось сделать, это обогнуть остров кругом на лодке и внимательно рассмотреть его берега.

По возвращении во Францию Дюма заключил с издателями М. Бетюном и Плоном договор о написании многотомного труда «Парижские путевые записки», в которых он намеревался углубиться в историю и археологию французской столицы. Но обстоятельства заставили изменить этот план. Дело в том, что публикация Эженом Сю «Парижских тайн», действие которых разворачивалось в современной ему Франции и которые выходили в виде романа-фельетона, то есть по частям, тем самым интригуя читателей неожиданностью продолжения, вызвала большой резонанс и привела к небывалому коммерческому успеху. Вот тогда-то под нажимом издателей Дюма и его «негр» Маке, историк и библиофил, задумали небывалое по своей увлекательности произведение из «современной жизни».

Трудно определенно сказать, кто именно из двух соавторов первый обратил внимание на историю «Алмаз и мщение», но, по-видимому, им был все же Огюст Маке, который в дальнейшем, представив черновую рукопись, будет оспаривать у Дюма в суде его права на авторство романа. Начиная с книжки «Journal des Debats» от 28 августа 1844 г. и заканчивая выпуском января 1846 г. это произведение в виде романа-фельетона вышло в свет.

²⁴¹ Эта сцена описана по: *Моруа А. Указ. соч.*

Оно имело грандиозный, небывалый успех, который был вызван не только авантюризмом фабулы и сюжета, не только яркими портретами человеческих пороков и добродетелей, но и, во многом, «актуальностью» картины современного для Дюма и его читателей французского общества. Подлинные события, которые легли в основу фабулы и «кричавшие» о деспотизме Наполеона, но перенесенные силой писательского гения во времени, теперь обличали Июльскую монархию, а эпоха начала XIX в. наоборот представляла временем великих свершений и добродетелей. Поразительно, но и сама Июльская монархия, стремительно терявшая всякую опору, прибегла в эти годы к созданию культа Наполеона. Никто иной как Луи-Филипп приказал в 1840 г. вернуть во Францию тело покойного императора, устроив в этой связи небывалые по своему размаху и эмоциональному накалу траурные церемонии.

В 1848 г. Июльская монархия падет. Немалую роль в ее крахе сыграет величайший роман «Граф Монте-Кристо», в котором подлинные события прошлого, переименованные силою писательского гения и превращенные в миф, окажутся сильнее той истории, которая была «настоящей».

Миф о Наполеоне в художественном сознании XIX в.

Шервашидзе Вера Вахтанговна

Шатобриан в «Замогильных записках» пророчески предсказал бессмертие Наполеона в культурной памяти европейских народов: «Мир принадлежит Наполеону. Что не захватил он, после смерти захватила его слава. А деспотическая власть памяти даже сильнее»²⁴². Великая Французская революция, открывшая новую эпоху в самосознании европейских народов, сделала из безвестного корсиканца Бонапарта императора Франции. Недаром Наполеон любил повторять: «Я есть Французская революция». Наполеон сумел закрепить основные революционные завоевания (право на собственность,

²⁴² Шатобриан. Замогильные записки. М., 1995. С. 277.

равенство перед законом, равенство возможностей). Но бесконечные войны за власть над Европой, требовавшие все новый и новый «налог кровью», стали причиной краха империи.

На протяжении XIX в. отношение к Наполеону было сложным и неоднозначным. Ранние романтики — Шатобриан, де Сталь, Б. Констан, Ш. Нодье — свидетели эпохи, участники событий — создают антибонапартистский миф: Наполеон — узурпатор, «вселенной бич», тиран и деспот, «заставивший умолкнуть Францию». Шатобриан выразил общее отношение своих современников: «Наполеон погубил наше будущее; приучил общество к безвольному подчинению, развратил нравственность»²⁴³. Отношение к Наполеону изменяется под влиянием культурно-исторической ситуации. В эпоху Реставрации — в эпоху «безвременья», «бесчестья и позора» — память об императоре приобретает идеальные черты. В. Гюго писал: «В нашем веке был только один великий человек, одно великое дело: этот человек — Наполеон, это дело — свобода»²⁴⁴. Романтические драмы В. Гюго 30-х гг. являются опосредованным отражением мифа о Наполеоне как о символе свободы, ломающем все традиционные каноны: шут Трибуле («Король забавляется») становится «некоронованным королем», бывший лакей («Рюи Блаз») — премьер-министром, куртизанка — национальной героиней (Мария Делорм).

Стендаль, на пике антибонапартистских настроений, в своих воспоминаниях («Жизнь Наполеона», «Воспоминания о Наполеоне») стремится противопоставить «черной» легенде правду о великом императоре, «любовь к которому он сохранил до конца своих дней». Для героев Стендаля — Жюльена Сореля, Фабрицио дель Донго — французский император и его эпоха — символ героизма, свободы и безграничных возможностей.

Смерть Наполеона 5 мая 1821 г. на острове св. Елены окружила его имя ореолом «мученичества». Мандзони назвал остров св. Елены наполеоновской «Голгофой»; Пушкин (стихотворение «Наполеон») писал: «И миру вечную свободу / из мрака ссылки завещал». В «Песнях» Беранже, в поэзии Ламартина и Гейне Наполеон — символ Свободы, «представитель победоносного равенства», обожаемый

²⁴³ Там же. С. 280.

²⁴⁴ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 217.

народом и ветеранами Великой армии, сохранившими безграничную верность своему императору.

Байрон, отразивший «мятежный дух» современной эпохи, в своих поздних произведениях («Бронзовый век», «Видения суда») противопоставил современным властителям Европы — Священному союзу — романтизированный миф о Наполеоне. Отзвуками этого мифа в поэзии Байрона становятся его герои — «своевольцы», тираноборцы и богоборцы, «преступающие» черту дозволенного. «Фетишисты черты» Байрона (от Гяура до Каина) — не только самопроекция сознания поэта, но и отражение мятежного духа современности. Недаром Пушкин считал, что «Корсар» Байрона был обязан своим успехом характеру главного персонажа, таинственно напоминающего человека, чья роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая второй. Пушкин выстроил романтическую триаду — Корсар — Байрон — Наполеон: «сближение с Наполеоном льстило его самолюбию»²⁴⁵.

В «байронизме не только идеализация абсолютной свободы, но и одержимость какой-либо грандиозной идеей, вытесняющей из поля зрения внешний мир, провозглашающей своеволие личности, ее готовность “преступить черту”». Эта тенденция получает свое дальнейшее развитие в философии Ницше. Наполеон был для Ницше «великим человеком», повернувшим колесо Истории. Он считал, что все «возвышенные надежды XIX в. обязаны своим возникновением Наполеону»²⁴⁶. Отвергая «романтический нарциссизм», противопоставление собственной индивидуальности миру, Ницше создает новую модель культа сильной личности — «дионисийского человека», преступающего черту запретов, моральных и социальных норм и создающего императив имморализма²⁴⁷. «Сверхчеловек» Ницше — разрушитель старых ценностей и творец новых. Миф о Наполеоне, воплотивший идею вседозволенности и свободы, находит опосредованное отражение в героях-своевольцах Ф.М. Достоевского. Но в отличие от Ницше «метафизика своеволия» для Достоевского — зло, преступление, за которым должно следовать наказание.

²⁴⁵ Там же. С. 39.

²⁴⁶ Цвейг С.Ф. Ницше. М., 1990. С. 150.

²⁴⁷ Ницше Ф. Ессе Homo. М., 1998. С. 63.

Достоевский, изображая трагическую безысходность «фетишистов черты» (безумие Ивана Карамазова, самоубийство Кириллова), называя их «нарушителями божьих и человеческих законов». Метафизика своеволия определяется писателем как «духовное заболевание европейского сознания, предвещающее “сумерки богов”».

Сложное опосредованное отражение наполеоновского мифа в философии Ницше и творчестве Достоевского представляет реконструкцию романтической парадигмы на другом мировоззренческом и эстетическом уровне.

Литература:

1. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978.
2. *Ницше Ф.* Эссе Нотто. М., 1998.
3. *Цвейг С.Ф.* Ницше. М., 1990.
4. *Шатобриан.* Замогильные записки. М., 1995.
5. *Шахов А.* Очерки литературного движения в первой половине XIX в. СПб., 1894.

В отблесках московского пожара

Барбара Соммовиго

Мы анализировали образ Наполеона таким, каким он начинает вырисовываться в двух текстах, опубликованных с разницей в два года: «Наполеон Бонапарт, или Тридцать лет истории Франции», написанном Александром Дюма (1831), и «Сельский врач» Оноре де Бальзака (1833).

Эти два произведения по праву являются частью возрождения золотой легенды тридцатых годов, и в то же время они подчеркивают особый аспект личности Наполеона, что является отражением исторической реальности, а именно плачевного состояния, в которое Реставрация повергла императорскую армию. Действительно, оба текста показывают, что Наполеон, прежде чем стать императором, был солдатом, и он представлен таким, как все, и как все, он претерпевает все испытания войны: голод, холод и великий ужас смерти.

Несмотря на то что два текста различаются по своей природе, — речь идет о романе и о драматическом произведении, — выбранный авторами способ изображения один: это представление. В обоих случаях действие разворачивается в театре: импровизированном, условном у Бальзака, так как речь идет о сеновале, который вечером наполняется зрителями, с соответствующим освещением и двумя старыми солдатами, ведущими разговор; и реальном, настоящем у Дюма, так как речь идет о драматическом тексте, написанном для того, чтобы быть сыгранным.

Анализ и сравнение этих приемов позволило вырисовывать личность Наполеона: с одной стороны, за счет использования ностальгического воспоминания из рассказа на вечерних посиделках, а с другой, под маской исторической метафоры драмы. Точкой соприкосновения в нашем исследовании станет анализ эпизода о Москве: с одной стороны, следует посмотреть, каким образом рассказывает об одном и том же историческом факте — разгроме Наполеона в России, а с другой — каким оказывается изображение личности Наполеона, которое из этого следует.

Такой метод позволяет выявить, каковы устойчивые детали, участвующие в построении этого мифа, который, несмотря на такие бесповоротные поражения, как Русская кампания, не был развенчан временем.

Наполеон в русской карикатуре 1812–1813 гг.

Березовая Лидия Григорьевна

Уже при жизни великого императора французов складывалось мифологическое представление не только о его действиях, но и его внешнем облике. Удивительная судьба «маленького капрала» волновала современников еще и в силу неординарности его внешности, почти стопроцентной визуальной узнаваемости. В условиях отсутствия визуальных средств массовой информации (даже до первого из них — фотографии — Наполеон не дожил два десятка лет) единственным средством передачи облика была живопись — слишком медлительная и уникальная, чтобы удовлетворить массовый интерес к личности и внешности великого императора.

Наполеон Бонапарт, его жизнь и смерть, личность и судьба глубоко волновали всех европейцев, в том числе и русских. Наполеон демонстрировал новый тип судьбы «self-made»: лишь самому себе, своему таланту, смелости и удаче он был обязан своей головокружительной судьбой. Оттого он стал мечтой и звездой тысяч неизвестных честолюбцев. Драматические повороты его судьбы, невероятные победы, негибкая воля, любовь и ненависть современников, наконец, изгнание и гибель уже два столетия служат источником сюжетов для литераторов, поэтов, живописцев. Тема борьбы Испании за независимость против Наполеона составляет цикл офортов «Бедствия войны» Ф. Гойи. Наполеона высмеивали художники Англии, Пруссии, Испании, а после падения императора — и сами французы. В 1996 г. в музее Мальмезон в Париже состоялась выставка рисунков европейских художников о Наполеоне. Но среди них не было русских карикатур, хотя они составили значительную часть сатирической иконографии легендарного императора.

Задолго до рокового 1812 г. Наполеон уже стал главным источником беспокойства Александра I, которое не исчерпывалось политическими или экономическими мотивами. Глубоко уязвленный военными поражениями под Аустерлицем и Фридрихсборгом и еще более — вынужденным миром с «узурпатором» в Тильзите, российский император должен был соблюдать «идеологическое молчание» и внешнюю лояльность по отношению к Наполеону до самого 1812 г. Уже из Тильзита в 1807 г. специальным распоряжением министра иностранных дел А.Я. Будберга редактору официальной «Северной газеты» Я. Потоцкому предписывалось «с настоящего момента упразднить в наших периодических изданиях все, что направлено против французского правительства»²⁴⁸. Министерство внутренних дел предостерегало литераторов и публицистов от негативных выпадов в адрес нового «брата» русского государя. Полная публикация статей Тильзитского договора сопровождалась тотальным журналистским молчанием²⁴⁹.

²⁴⁸ Архив внешней политики России. Фонд Канцелярия. Д. 12724 «а». Л. 77. А.Я. Будберг — Я. Потоцкому. 16/29 июня 1807 г.

²⁴⁹ Санкт-Петербургский журнал. 1807. № 9. Сентябрь.

Да и в национальном сознании русских француз еще не воспринимался врагом. Говорящие по-французски дворяне, одевавшиеся по выкройкам из Парижа русские модницы, вся культура аристократического салона начала XIX в. не вступала в ментальное противоречие с французским духом. Даже революция не убила российское франкофильство, дав лишь повод для ворчания и шуток: «Все Кузнецкий мост и вечные французы», «Мосье L'Abbe, француз убогий...». И в народной присказке о французах присутствует насмешка, но нет ненависти: «Французик, веселая голова, живет спустя рукава, шилом бреется, дымом греется, сыт крупницей, пьян водичей»²⁵⁰.

Только начавшаяся Отечественная война создала массовый спрос на представление о внешнем облике завоевателя, на знание особенностей его личности и поведения. Удовлетворить этот интерес под силу оказалось нарождавшейся журналистике и «народным» лубочным картинкам. Тогда впервые в России появилась карикатура как жанр, и Наполеон стал ее настоящим героем. Впервые политическая сатира сыграла столь заметную роль в национальном самосознании.

Высмеивание врага — один из древнейших способов деморализовать противника и поднять собственный боевой дух. Изобретение дешевого и простого способа изготовления гравюры на меди в конце XVIII в. позволило дополнить сатирическую журналистику сатирическим рисунком. Появился жанр карикатуры и сатирического комикса, поначалу в виде забавных жанровых картинок, в которых безраздельно царствовал стиль и художественно-образительный язык народного лубка и балаганного раешника. Но теперь народная карикатура оказалась в руках профессионалов. При Ахметьевской типографии под Москвой сложилась школа русских граверов, большинство которых принадлежали к академической школе Н.И. Уткина, гравера европейского уровня. Картинки продавались в Москве у Спасских ворот Кремля — в этом «народном толкучем клубе под чистым небом, где с утра до ночи толкался всякий люд, кто с товарами, кто с вестями»²⁵¹. Закупавшие картинки оптом прямо на фабрике «офени» разносили их в лубочных коробах по всей России. Цена

²⁵⁰ Ровинский Д.А. Русские народные картинки: Альбом. В 3 ч. СПб., 1900. Ч. 2. С. 29.

²⁵¹ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. В 5 кн. Кн. V. СПб., 1881. С. 13.

примитивных рисованных картинок «для народа» не поднималась выше 1—1½ коп. за штуку.

Главным героем сатирических листов 1812—1813 гг. выступает император Франции Наполеон Бонапарт. Ему посвящено 72 известных карикатуры. Такое внимание было вызвано взлетом национального самосознания с началом кампании 1812 г. И Александр I, вынужденный после Тильзита любезничать с «корсиканским выскочкой», и русское общество были оскорблены «нашествием 1812 года» гораздо более, чем того ожидал Наполеон. Французского императора в России стали называть не иначе, как «Буонапарте», намекая на его низкое происхождение. Как позже писал А.С. Пушкин, в 1812 г. общество переменялось: «народ ожесточился», светские балагуры присмирели, «дамы струхнули», а гостиные наполнились «патриотами», которые отказывались говорить по-французски, «закричали о Пожарском и Минине», стали проповедовать «народную войну», собираясь отбыть в тишь Саратовской губернии. Лейтмотивом русского патриотизма 1812 г. стала не столько ненависть к врагу, сколько побуждения чести и доблести, стремление соответствовать высоким образцам исторического героизма. А Московский пожар в сентябре 1812 г. знаменовал начало настоящей народной, Отечественной войны.

Тогда и начался расцвет военно-политической журналистики. Официальную точку зрения представляли «Санкт-Петербургские ведомости», «Санкт-Петербургский журнал», «Московские ведомости», «Северная почта», в значительной степени новый «Вестник Европы», которым после Н.М. Карамзина руководил М.Т. Каченовский, а также «Русский вестник», который издавал С.Ф. Глинка. Материалы в этих изданиях большей частью носили официальный характер подчеркнуто государственно-патриотической направленности. Сатирическая журналистика в 1812 г. сразу берет тон патриотизма. Она защищает Отчизну, русского царя, народ и лишь в этой мере борется с завоевателями. Много патриотизма, много насмешки и юмора, нет — злобы и ненависти.

Но и здесь появлялись сатирические материалы. Еще до нашествия Наполеона на Россию в феврале 1812 г. в «Санкт-Петербургском вестнике» были напечатаны басни В.Л. Пушкина «Волк и лисица» и А. Измайлова «Совет мышей», в которых содержались намеки на

коварство французского императора, который рисовался в образе лисицы или кота²⁵².

Особое место в истории русской журналистики военного времени занял журнал «Сын Отечества». Как декабристы могли сказать о себе «мы — дети 1812 года», так и журнал «Сын Отечества» был поистине детищем Отечественной войны, когда, по словам А.С. Пушкина, «как сильно билось русское сердце при слове Отечество!». Его и называли «журналом 1812 года». Его редактор и издатель Николай Иванович Греч — прежде учитель словесности в гимназии, секретарь цензурного комитета — смог издавать свой журнал, получив рекомендацию графа С.С. Уварова и денежную субсидию в тысячу рублей от самого Александра I. В условиях войны правительству требовалась поддержка общества, и формировать «общественное мнение» следовало методами, соответствующими европейским стандартам. Таким образом, журнал с самого начала рассчитывал на широкий круг читателей и ориентировался на самые злободневные вопросы военного времени.

«Сын Отечества» именовал себя «историческим и политическим журналом». Печатаемые материалы включали в себя исторические экскурсии, политические трактаты, свежую информацию о текущих военных и политических событиях, воспоминания и участников, и очевидцев. Дополнительный раздел «Смесь» содержал «анекдоты», как тогда называли краткие рассказы о подлинных удивительных происшествиях, а также оды, басни, стихи, иногда рисунки. Журнал выходил четыре раза в месяц, фактически являясь еженедельником. Именно «Сын Отечества» сформировал основные сюжеты для политической сатиры, в т.ч. и образ Наполеона. Свидетельства современников, которые в условиях военного времени «демонизировали» описания внешности французского императора, стали основой для карикатуристов.

Жгучий интерес к личности и биографии этого человека соседствовал с тем ужасом, которое внушали свалившиеся на Отечество беды в связи с предпринятым им походом. В № 2 журнала «Сын Отечества» был помещен «Гражданский катехизис», созданный

²⁵² См., например: Санкт-Петербургский вестник. 1812. № 2. Февраль. СПб., 1812. С. 61–63.

в Испании в 1808 г. на волне освободительной борьбы. В распространенном тогда формате «вопрос — ответ» звучит «апокалипсическая» характеристика Наполеона:

Вопрос: «Кто враг нашего благополучия?»

Ответ: «Император французов».

Вопрос: «Кто он таков?»

Ответ: «Новый, бесконечно кровожадный и корыстолюбивый властелин, начало всякого зла и искоренитель всего добра; скопище всех пороков и злодейств».

Вопрос: «Сколько он имеет естеств?»

Ответ: «Два: сатанинское и человеческое»²⁵³.

Наполеон рисуется как гордец, возомнивший себя властителем мира. Журнал «Сын Отечества» обещает современникам показать, словно в «ужасном зеркале», «верное изображение» его, «утрюмое и мрачное»²⁵⁴. «Человеческий» облик «великого и ужасного» императора крайне интересовал современников. Ведь до 1812 г. в России даже не знали толком, как выглядит Наполеон. Только в начале 1813 г. в журнале «Сын Отечества» была напечатана первая относительно систематическая, претендующая на объективность биография Наполеона, написанная генералом Сарразеном, «свидетелем и участником событий». В ней помещено описание внешности французского императора: «Наполеон Бонапарте... имеет от роду 43 года. Ростом он в пять футов и два дюйма (157,5 см. — Л.Б.). Сложением он крепок. Со времени принятия Императорского титула он потолстел. Лицо его безобразно и неправильно; цвет лица желтоват. Физиономия его пасмурна; взгляд свиреп; и обыкновенный тон груб; голос могильный; уловки его неуклюжи; наружностью он прост и часто весьма неопрятен. В обхождении холоден»²⁵⁵.

«Художественные» описания внешности Наполеона русскими очевидцами немногочисленны. Одним из первых оказался Федор Корбелецкий, человек удивительной судьбы. Его описания поведения и облика Наполеона при вступлении в Москву цитировала и пересказывала такая масса авторов почти двести лет, что первоис-

²⁵³ Сын Отечества. 1812. № 2.

²⁵⁴ Сын Отечества. 1812. № 1. С. 2.

²⁵⁵ Сын Отечества. 1813. № 1. С. 19.

точник давно забыт. Между тем Федор Корбелецкий писал свое сочинение под давлением весьма невыгодных для него обстоятельств. Рядовой чиновник Министерства финансов был послан в Москву с незначительной миссией вполне мирного свойства. Поверив в победные релянции о победе под Бородино, он в конце августа 1812 г. бестрепетно поехал по Калужской дороге и вскоре оказался в расположении движущейся к Москве французской армии. По этой причине значительное место в своем сочинении Ф. Корбелецкий отвел описанию того, как он «по странному случаю» оказался в плену, как мужественно держался на допросе, как, отвечая на вопросы о количестве русских войск в Москве, «удвоивал» воинскую силу и «утроивал» численность земского ополчения²⁵⁶.

Современные авторы ошибочно полагают, что Ф. Корбелецкий состоял переводчиком при Наполеоне, неверно трактуя употребленное тем слово «гид». Между тем, пленник французским языком вовсе не владел. Он служил «проводником» для армии, вступающей в незнакомый город, за что позже сам Наполеон наградил его сто-рублевой ассигнацией, которую Ф. Корбелецкий, по его словам, «за ненадобностью сжег при свидетелях». В силу такого стечения обстоятельств автор оказался очевидцем нервного и продолжительного ожидания Наполеоном на Воробьевых горах «депутации из Москвы». Этот момент автор описывает как единственный случай, когда французскому императору изменила его выдержка: «Он приведен был... в чрезвычайное изумление... род *исступления* или *забвения самого себя*. Ровные и покойные шаги его в ту же минуту переменяются в *скорые* и *беспорядочные*. Он оглядывается в разные стороны... трясется, цепенеет, — щиплет себя за нос... Он представлял тогда человека *беснующегося*...»²⁵⁷.

Описание внешности Наполеона, сделанное Ф. Корбелецким, оказалось едва ли не первым в России «словесным портретом» великого императора: «Наполеон при среднем росте, имеет лицо

²⁵⁶ Корбелецкий Ф. Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной. М., 1813. В журнале «Сын Отечества» № 18 за 1813 г. помещены фрагменты популярного сочинения, но имя автора ошибочно написано как Г. Корбелецкий.

²⁵⁷ Корбелецкий Ф. Указ. соч. С. 27.

большое, грозное; короткошей, плечист и корпусом ровен. Цвет лица его оливковый, волосы на голове черные, лоб наклонный или навислый, глаза малые, но быстрые, щеки плоские, нос длинный и прямой, с малою, едва приметною горбиною, губы маленькие, прижатые, борода выдававшаяся вперед и довольно кверху поднятая. Он имеет вид важный, говорит тихо и мало и всегда... погружен в размышление. С маршалами и генералами своими обращается равнодушно... никаким знаком почести раболепию их не ответствует... не заметил я, чтоб он смеялся или по крайней мере улыбнулся, и никогда с открытою головою... он всегда сохранял постоянное хладнокровие и величавость»²⁵⁸.

Описание императора в сочинении Ф. Корбелецкого (1813 г.) иллюстрировалось гравюрой с карикатурным его изображением: огромный нос, вздернутый подбородок, со свирепым выражением глаз, в треуголке и в очках, подаренных ему под Малоярославцем. Гравюра имеет только подпись гравера И. Шелковникова, автор не указан²⁵⁹. Карикатурное изображение этого «злобного» профиля Наполеона имело несколько модификаций. Один из подобных портретов под названием «Видно коршуна по взгляду» сопровождался обширным пояснительным текстом с лейтмотивом «лицо есть вывеска души». Пояснительный текст утрирует описание «истинного портрета Наполеона», сделанное Ф. Корбелецким: «длинно-поклопный нос», «коварно-злобным огнем сверкающие глаза», «малорослый рыцарь»²⁶⁰. Авторы этого профиля соединили портреты Наполеона и его матери Летиции: на перевернутом изображении императора видится силуэт старухи в капоре. Оба изображения продавались во всех лавках по 4 коп. за пару. Позже И. И. Тербенев изготовил точную копию этого профиля Наполеона, но при ближайшем рассмотрении она производит жуткое впечатление. Лицо императора составлено из мертвых тел, а одежда — из обрывков карты Европы. Для зрителя XIX в. такой художественный прием заставлял вспомнить гравюру

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же. С. 72–73.

²⁶⁰ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. II. С. 219. См. также листы № 522, 523 и в Кн. IV листы 523а, 523б, 523в.

XVIII в., изображавшую голову царя Ирода, составленную из трупов Вифлеемских младенцев²⁶¹.

Сходные описания внешности императора появились в свидетельствах последующих лет. Внешние признаки изображений Наполеона превратились в канон, позже сформулированный М.Ю. Лермонтовым: «На нем треугольная шляпа и серый походный сюртук». Повторение этих признаков делало фигуру Наполеона узнаваемой даже на неумелых рисунках. На одном из листов 1812 г. рукой неизвестного нарисованы мужики, подносящие Наполеону «хлеб-соль» на блюде: дубину, топор и гранату. Французского императора можно узнать только по неизменной треуголке²⁶².

Эмоциональные описания Наполеона в журнале «Сын Отечества» рисовали образ великого и ужасного злодея: «кровожадный, ненасытимый опустошитель, разоривший Европу», «коварный притеснитель», «ужасный разрушитель», «железное сердце твое», «ужасная твоя душа». Русские публицисты, ведя информационную войну, отказывались признавать историческое величие Наполеона: «Наполеон был в Москве — был не героем и завоевателем, а разбойником и убийцей»²⁶³. Однако эмоциональные сравнения императора Франции с Калигулой, Нероном, Атиллой, Батыем, употребление превосходных степеней прилагательных в описаниях его злодейств демонстрировали колоссальность фигуры пришедшего в Россию завоевателя.

Общий тон политической сатиры в 1812 г. был задан более демократичным жанром — «летучими листками», которые распространялись среди населения и являлись самым мобильным средством информации. Эти листки, или «афишки», как именовал их генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин, стали разноситься по домам горожан начиная с 13 июня 1812 г. и содержали известия о военных событиях. Исследователь П.А. Картавов собрал и в 1904 г. издал 57 из них мизерным тиражом в 30 экземпляров²⁶⁴. Несколько афиш

²⁶¹ Ровинский Д.А. Русские народные картинки: Альбом. Ч. 2. С. 460.

²⁶² Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. II. С. 187. Лист № 442.

²⁶³ Сын Отечества. 1812. № 1. С. 1, 2, 6, 7, 12, 13. № 6. С. 229 и др.

²⁶⁴ Картавов П.А. (настоящее имя Обнорский П.А.). Ростопчинские афиши. СПб., 1904.

опубликованы в сочинении Н.В. Борсука к столетию 1812 года; большая часть никогда не переиздавалась. Фактически это была настоящая информационно-пропагандистская кампания, в которой использовались все наличные коммуникационные возможности начала XIX в. Губернатор Ф.В. Ростопчин хотел не просто информировать москвичей для избежания паники, но и активно влиять на умонастроение людей. Самая первая афишка вообще не содержала реальной информации. Сочиненная самим Ростопчиным в стиле народных прибауток и скоморошин история о «Корнюшке Чихирине» появилась в июле 1812 г. Некий мещанин Корнюшка Чихирин, «выпив линий крючок», «разругал скверными словами всех французов» и перед народом произнес речь в стиле складных народных побасенок. Гаерским языком ярмарочного Петрушки он приглашал французов в Москву «хоть на святки, хоть на масляницу», обещая, что русские девки их «жгутами так припопоят, что спина вздуется горой». Обращаясь к Наполеону, он уверял его в безнадежности похода на Москву: «Знаешь ли ты, забубенная голова, выведено 600 000, да забритых 300 000, да старых рекрут 200 000. А все молодцы, одному Богу веруют, одному царю служат... ну как же тебе к нам забраться, не токмо что Ивана Великого, да и Поклонной во сне не увидишь... не наступай, не начинай, а направо кругом домой ступай и знай из роду в род, каков русский народ...». Текст был дополнен лубочной картинкой с изображением кабака, целовальника, подсчитывающего выручку, и самого Кирюшку, держащего речь к народу²⁶⁵.

Генерал-губернатор до последнего момента не верил в возможность сдачи Москвы, уповая на уклончивые обещания М.И. Кутузова. Афиша в день Бородинского сражения (26 августа) извещала, что «ничего не произошло за весь день... французов хорошо попарили, видно, отдыхают...»²⁶⁶. Глава города стремился поднять дух его за-

²⁶⁵ *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки: Альбом. Ч. 2. С. 454. См. также: *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. в 2 т. Т. 2. СПб., 1895. С. 255.

²⁶⁶ *Борсук Н.В.* Ростопчинские афиши. М., б/г. С. 88. Афиша № 11 от 26 августа 1812 г. Не случайно листовка от 3 июля извещала о «деле Верешагина», когда двое горожан были осуждены и отданы на растерзание толпе за «панические слухи» о сдаче Москвы. См. подробно об этом кровавом происшествии: *Борсук Н.В.* Указ. соч. С. 13—35.

щитников и жителей, прибегая к разговору с народом его языком. Он готов был осуществить даже безумный проект катания горожан на воздушном шаре над Москвой, чтобы убедить их в том, что и шар сделан «ко вреду и погибели злодея»²⁶⁷. 30 августа, когда русские войска уже покидали Москву, Ростопчин издал афишу, в которой он «жертвовал правдой», убеждая горожан в решимости М.И. Кутузова защищать Москву. Он призывал жителей к самообороне: «Мне надобно молодцов... хорошо хоть с топором, не дурно с рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки...»²⁶⁸. Почти немедленно после ростопчинского призыва С.Н. Глинка поместил в «Русском вестнике» слова простых крестьян, будто бы сказанные в ответ: «Рады за начальником нашим идти в огонь и воду... рады с ним и жить и умереть!»²⁶⁹.

По сравнению со словесным уничтожением французского императора карикатура обладала еще более весомыми возможностями. Карикатуристы России открыли свои «боевые действия» против французских войск также с момента нашествия 1812 г. Ни одно событие в истории России XIX в. не было так роскошно иллюстрировано в «народной галерее». Карикатуры появились в журнале «Сын Отечества», на летучих «афишках» губернатора Москвы Ф.В. Ростопчина, на лубочных картинках, распространяемых в народе. Грозному гулу вражеских пушек противостояли не только войска и ополченцы, но и шутовские ростопчинские «афишки», сатирические лубки, журнальные карикатуры и сатиры. Ведущая роль предназначалась словесной пропаганде, а карикатура должна была служить иллюстрацией для облегчения диалога с народом. Подчас один и тот же сюжет связывал воедино литературное произведение, свидетельство участников событий и сатирический рисунок.

Собиратели «русских народных картинок», ученые второй половины XIX в. — И.М. Снегирев, П.А. Картавов, М.Н. Лонгинов и др. — отдали должное этой стороне национальной жизни. Ученый-фольклорист Д.А. Ровинский в 1870—1880-е гг. совершил настоящий научный подвиг, собрав и описав почти все известные тогда лубки, находящиеся в музеях и частных коллекциях. В его пятитомном

²⁶⁷ Борсук Н.В. Указ. соч. С. 87. Афиша № 11 от 22 августа 1812 г.

²⁶⁸ Картавов П.А. Указ. соч. С. 58. Афиша № 45.

²⁶⁹ См.: Картавов П.А. Указ. соч. Примечания. С. XII.

труде, до сих пор не превзойденном, описано более полутора тысяч раритетов такого рода, в т.ч. 183 карикатуры, касающиеся сюжетов Отечественной войны 1812 г. Около 150 карикатур находится в составе «особо ценной коллекции» Бородинского военно-исторического музея-заповедника, несколько листов в Историческом музее и Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Остальные разбросаны по небольшим музеям и частным собраниям; несколько листов — в зарубежных музеях.

Во главе русских карикатуристов стояли Иван Иванович Терebeneв, Алексей Григорьевич Венецианов, Иван Алексеевич Иванов и круг связанных с ними графиков и художников. Только у И.И. Терebeneва исследователи насчитывают до 49 карикатур. «Человек пылкий и легкомысленный, с характером, не терпящим принуждения», он в 1812 г. первый понял возможности графики как действенного оружия в общенародной войне. Высмеивающие Наполеона, его маршалов и генералов, прославляющие русское оружие, патриотизм и силу духа русских людей офорты И.И. Терebeneва распространялись по России и за ее пределами, рождая многочисленные подражания и повторения. Офорты раскрашивали вручную, некоторые из них распространялись вместе с печатными текстами, большинство из которых художник сочинял сам. Изобретательные по композиции, выразительные по рисунку, остроумные по замыслу, его карикатуры перекликались с традицией лубочных народных картинок и сами подчас именовались «народными картинками». По словам близкого к нему художника А.Е. Измайлова, терebeneвские карикатуры были «остроумные и единственные в своем роде»²⁷⁰.

И.И. Терebeneву русская журналистика обязана становлением живописной политической сатиры как особого жанра публицистики. Но еще более важно, что его примеру последовала целая группа известных и начинающих художников грозной военной поры. Карикатурами «стреляли» в Наполеона более 40 русских художников, профессионалы и любители. По количеству и мастерству сатирических рисунков с И.И. Терebeneвым сопоставимы И.А. Иванов и А.Г. Венецианов, который еще в 1808 г. собирался издавать «Журнал карикатур». Среди профессиональных художников, рисунки

²⁷⁰ Русская старина. 1901. № 1. С. 245.

которых сатирически отражали события 1812—1813 гг., также были А.Е. Мартынов, К.А. Зеленцов, В.К. Шебуев. Известны рисунки непрофессиональных художников Смирнова, Богучарова, появлявшиеся в «Сыне Отечества», «Московских ведомостях», в ростопчинских «афишках».

Сатирическая графика 1812 г. выполнялась в технике офорта или простого рисунка в соответствии с требованием динамичности и простоты изготовления. Искусно раскрашенные от руки акварелью отдельные сатирические листы были относительно дороги — 1—5 рублей и выходили тиражом 200—300 экземпляров. Они обычно выставлялись в витринах магазинов или выходили вкладкой в газетах и журналах. Плохой раскраски рисунки раскупались в средних слоях населения, а простой народ видел их расклеенными на стенах домов.

Первые сатирические листы принадлежали профессиональным художникам А.Г. Венецианову и И.А. Иванову и были направлены против «французского воспитания», карикатурно изображали высылку из Москвы французских актрис²⁷¹. Однако очень скоро главное место в пантеоне врагов занял император французов Наполеон. Образ Наполеона усилиями карикатуристов совершил эволюцию от ужасного до смешного и жалкого.

Наполеон часто представлен скачущим: то на санках по шею в бочонке, то в лубочном ящике, то в крестьянских дровнях, то в польской кибитке. На одной из картинок И.И. Терebeneва «Французский вояжер 1812 года» Наполеон, в огромных валенках, скорчившийся от холода, едет в санках на свинье, шерсть у которой стоит дыбом, как у ежа. Наполеон говорит: «На Париже прохладно, на Москве очень жарко», а свинья отвечает на «французский манер»: «Уи, Уи, мосье». На картинке И.А. Иванова крестьянин схватил под уздцы лошадь, которая везет сани с Наполеоном, и говорит: «Постой-ка, не в свои ты сани, брат, садись. Ты править нашу лошадку не годишься»²⁷². Неизменными в облике французского императора оставались треуголка, ботфорты, сюртук, что делало изображения мгновенно узнаваемыми.

²⁷¹ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. II. С. 175—177. Листы № 419—425.

²⁷² Там же. С. 158, 188. Листы № 386, 447.

Пребывание Наполеона в России представлено сатириками как полное неприятностей от русского «гостеприимства». На одной из карикатур Наполеон пляшет вприсядку, вдвоем с маршалом «под нашу дудку». На другом листе И.И. Теребенева ополченец, солдат и казак парят Наполеона в бане, а тот кричит: «Этакова мучения я сроду не терпел — меня скоблют и жарят, как в аду». На третьей картинке Наполеона «угощают»: он провалился в бочку с тестом, на голову ему валится венок из калачей, во рту пряник, а «ратник» наливает в стакан сбитень. Все «угощения» символичны и связаны с реальными местами военных действий: тесто «Калужское», пряник «Вяземский», сбитень вскипячен на Московском пожаре²⁷³.

Образ Наполеона анимирован образами животных, среди которых наиболее часто встречаются волк и орел. Басни И.А. Крылова, которые часто печатались в «Сыне Отечества», служили непосредственным материалом для сатирических листов. Басня «Волк на псарне» рисует главную неудачу французского императора: рассчитывал поживиться в «овчарне, а попал на псарню». Лист «Пастух и волк», принадлежащий И.И. Теребеневу, выводит на сцену того же главного ловчего волков, под именем которого понимался М.И. Кутузов: «ты — сер, а я, приятель, сед. И волчью я твою натуру знаю...». Текст на листе И.И. Теребенева следует тому же образу: «А я попросту, как в старину бывало, приноровил, схватил и как хочу, так теперь его и поворочу». К изображенной в руке пастуха волчьей шкуре приставлена голова Наполеона в треуголке²⁷⁴. Вполне определился и «зверинец» Наполеона: орел на цепи, крокодил, волк, кот, осел, свинья, петух. Лишь одна из картинок имеет анимационную двусмысленность: «русский» петух клюет поверженного французского орла²⁷⁵.

Наиболее многочисленны карикатуры, связанные с вынужденным «отъездом» Наполеона из России. Бегство представлено паническим и лишенным чести. На рисунке И.И. Теребенева «грабитель Московский» кричит «Гони!» из боязни попасть в плен русским. Французский император, стремительно убегающий из России, на-

²⁷³ Ровинский Д.А. Русские народные картинки: Альбом. Ч. 2. С. 440, вклейка.

²⁷⁴ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. II. С.156. Лист № 383.

²⁷⁵ Там же. С. 201. Лист № 480.

против, в Париж прибывает не спеша: то на раке, то верхом на палочке: «Спустив все с рук, спешим на палочке верхом»²⁷⁶. Карикатура И. И. Терebeneва «Обратный путь, или Действие русского слабительного порошка» изображает Наполеона в самом затруднительном положении. Стоящий рядом с императором крестьянин напяливает на него знаменитую треугольную шляпу, а казак подстегивает его нагайкой и приговаривает: «Ступай, неси скорее по старой дороге домой и скажи своим, что насилиу мог донести собранную с русских контрибуцию». А крестьянин добавляет: «А чего в штанах не унесешь, так ин в шляпу покладешь»²⁷⁷.

Занятные случаи, помещаемые в отделе «Смесь» журнала «Сын Отечества», служили сюжетной основой для сатирических рисунков. Поскольку подавляющее количество сообщений описывало бедствия отступающей армии, эта тема доминировала и в карикатуре. «Сын Отечества» оказался самым «продвинутым» журналом, впервые в отечественной журналистике помещая в некоторых номерах рисунки и схемы. Ценность такого новшества подчеркивалась тем, что намерение опубликовать незамысловатые «картинки» торжественно анонсировалось редакцией за несколько номеров. Рисунок «Бивак французских войск под Вильною на попятном их пути» сделан «с натуры» и представляет самый распространенный образ бедствий французских солдат: лежат мертвые и замерзшие тела, оборванные солдаты жарят конину²⁷⁸. Рисунок того же автора «Ретирада французской армии» был приложен к № 19 «Сына Отечества» за 1813 г. Он изображал «с натуры» «Военное одеяние французской гвардии во время, как большая армия *свободно* производила *попятное движение* свое от Москвы к Вильно, за Вислу, Одер, Эльбу и проч., и проч., и проч.». Восемь фигур, несчастные и оборванные, в немыслимых одеяниях, представляли разные рода элитных французских войск. Примечательно, что для читателей «Сына Отечества» подписи к рисункам сделаны не только на русском, но и на французском языке. По

²⁷⁶ Там же. С. 158, 212. Листы № 386, 506. Кн. IV. С. 221. «Азбука».

²⁷⁷ Ровинский Д.А. Русские народные картинки: Альбом. Ч. 2. С. 440.

²⁷⁸ Сын Отечества. 1813. № 27.

всей видимости, автором этих рисунков, сделанных в одной манере, был самодеятельный график М. Богучаров²⁷⁹.

Два великих противника Наполеоновской армии в России — голод и холод — служили неистощимым материалом для забавных сюжетов как в сатирической журналистике, так и в карикатуре. Особенно распространенной оказалась тема французской еды. В конце 1812 г., уже во время катастрофического состояния отступающей французской армии в журнале появилась краткая история о том, что голодающие солдаты не брезгают употреблять в пищу ворон. В том же номере была опубликована басня И.А. Крылова «Ворона и курица», в которой также использован образ вороны применительно к французам. Напомнив читателю известную русскую пословицу «попал, как кур во щи», журнал предлагал переиначить ее на сатирический манер: «попала, как ворона во французский суп»²⁸⁰. Это выражение стало крылатой остротой и послужило сюжетом для карикатуры И.И. Терebeneва «Французский суп». Оборванные французские солдаты с жадностью поедают растрепанную ворону, сами чем-то похожие на нее. Уже после окончания войны вышло собрание басен И.А. Крылова, в котором художник Галактионов использовал тот же мотив бедствий французов для виньетки к басне «Ворона и курица». Два неприятельских солдата ловят ворон на фоне кремлевских башен²⁸¹.

Картины бедствий французской армии переносятся на самого Наполеона, словно он точно так же терпит голод и холод. Очевидцы 1812 г. упоминали о том, что вначале французы не употребляли в пищу многих традиционных русских продуктов. Но когда кончились собственные запасы, голодавшие солдаты уже не брезговали ничем. «Гастрономические» страдания Наполеона и его армии служили неистощимой темой для насмешек карикатуристов. На листе «Кухня главной квартиры в последнее время пребывания в Москве» изображен повар, готовящий на обед кошку, лягушек, крыс и ворон. Рядом

²⁷⁹ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. II. С. 192. Лист № 455. Кн. IV. С. 439. Лист № 455а.

²⁸⁰ Сын Отечества. 1812. № 8. С. 44.

²⁸¹ Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравиров XVI—XIX вв. В 2 т. Т. 1. Стлб. 195.

гвардеец с вожделием сторожит добычу в мышеловке. Авторская подпись выразительна: «Рисовано с натуры, самовидцем». Надпись на картинке приглашает граждан нести на французскую «кухню» мышей, кошек, лягушек, обещая в награду крест Почетного легиона²⁸².

Второй распространенной темой карикатур о «бедствиях французов» были русские морозы. Сам М.И. Кутузов писал: «В конце октября начались морозы и вьюги. Неприятель сбит с дороги и рассыпался по полю, где довольно одной холодной ночи, и без преследований, для его гибели»²⁸³. Французы, лишенные теплой одежды, замерзали тысячами. Денис Давыдов выразил кратко формулу развернувшейся партизанской («скифской», как он сам говорил) войны: «Убить, да уйти». Это было истребление беспорядочно отступавшей армии, пленных партизаны не брали. Тогда родилась устрашавшая несколько поколений европейцев легенда о безжалостном казаке, а слово «казак» непереводимым вошло в европейские языки.

Известия о том, что отступающая армия жестоко страдает от русских холодов, породили образ «зимних квартир» для иноземцев, которые они нашли в сугробах (№ 448, 449, 450, 451 из собрания Д.А. Ровинского). Действительно, партизаны находили выкопанные в снегу убежища отступающих французов, где во множестве обнаруживали трупы замерзших солдат²⁸⁴. Одна из лубочных картин А.Г. Венецианова изображает Наполеона, погруженного в снег так, что видна лишь его голова и знаменитая треуголка. Двое встречающих императора маршалов тревожатся: «Ай, ай, он чуть не погибает!», «Что повелите возвестить в парижском Бюллетене?». На этот вопрос Наполеон отвечает проклятиями и распоряжением известить парижан о том, что армия разместилась на «зимних квартирах» и добавляет: «Да всевозможно постарайся скрыть от англичан, что русские черт знает нас куда загнали. Прибавь еще, что казаки... Постой! Об них из всей ты мочи лги! Короче, говори ты все, кроме правды»²⁸⁵.

²⁸² Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. II. С. 182.

²⁸³ Русская старина. 1877. № 2. С. 296.

²⁸⁴ Сын Отечества. 1813. № 8. С. 90.

²⁸⁵ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. II. С. 189.

Излюбленным патриотическим сюжетом являлись подвиги партизан, лихих казаков, «неустрасливых русских», уподобляемых героям древности Муцию Сцеволе и Курцию. Листы академика пейзажной живописи И.А. Иванова «Русский Курций», «Русский Сцевола, лишающий себя руки, чтоб не служить Наполеону, врагу Отечества» были помещены в журнале «Сын Отечества»²⁸⁶. Затем последовали картинные подвиги владимирцев, сычевцев со старостой Геркулесом, подвиги крестьянина Силы Богатырева, ратника Храброва, Павла Прохорова, Вавилы Мороза. Рисованные И.А. Ивановым «ратник Иван Гвоздила» и «милицейский мужик Долбила» сопровождалась раешными двустижиями и были выполнены в простой манере. «Наполеоновская» треугольная шляпа позволяла зрителю «опознать» французов даже на примитивном рисунке. Еще более впечатляющи победы крестьянок над французами при помощи кочерги, ухвата, вил и другой домашней утвари: старостиха Василиса колет вилами; «Терентьевна доколачивает башмаком», бабушка Кузминишна — глиняным горшком. Французы на картинках шествуют под конвоем «бабушки Спиридоновны» и «бабушки Кузминишны», «старостихи Василисы с девками», крестьянки Власьевны²⁸⁷. С такими героинями призыв Ростопчина «залить Московский пожар кровью французов» был исполнен скоро: в одной Москве и ее окрестностях за шесть недель «сидения неприятельской армии» были перебиты более 30 000 французских солдат²⁸⁸. На одном из таких листов о крестьянских подвигах «Терентьевны» прямо указано: «Происшествие, случившееся в Москве на Никольской улице в октябре 1812 года. В. Лапин»²⁸⁹.

Басня И.А. Крылова «Обоз», помещенная в № 8 «Сына Отечества» за 1812 г., опиралась на многочисленные сообщения о нападениях крестьян на французские обозы. Тот же сюжет использован в офорте И.И. Терebeneва «Крестьянин, увозящий у французов пушку». Бросившие в поле пушку французы мародерствуют в деревне, а крестья-

²⁸⁶ Сын Отечества. 1812. № 6. 1813. № 1.

²⁸⁷ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. II. Листы № 480, 482, 485, 487 и др.

²⁸⁸ Отечественные записки. 1826. № 26. С. 50, 72.

²⁸⁹ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. II. С. 203.

нин, воспользовавшись моментом, угоняет орудие. Это изображение еще до публикации басни И.А. Крылова было помещено в журнале «Сын Отечества» (1812. № 5), а позже вышло и отдельным листом²⁹⁰. В отличие от русских удалцов, неприятельские солдаты часто изображались в виде несчастных уродов и калек²⁹¹.

Но по мере нарастания бедствий бегущей неприятельской армии все меньше смешного содержалось в картинках. Жутко и страшно смотреть на полуодетых, погибающих от голода солдат, брошенных своими командирами и перешедших под «команду» Василис. Им даже нельзя повторить слова Вологодского ратника: «Сидел бы ты дома, так не доконал бы тебя Ерема!», потому что не своей волей они пришли в Россию. Привел их на бойню человек, почитающий себя великим полководцем и оставивший свою гибнущую армию. Примечательно, что один из листов И.И. Терebeneва 14 февраля 1813 г. напоминал о милосердии русских. Изображенных на нем пленных французских солдат кормят русские гвардейцы со словами: «Один лишь Росс с врагами чтит христианскую кровь. Сколь месть его страшна, столь искренна любовь»²⁹².

С начала 1813 г. ведущей темой сатир на Наполеона служил контраст между великими замыслами и ужасным их крахом, между авантюризмом императора и страданиями простых солдат. Насмешкам подвергалась «гордая мечта» Наполеона, покорив Россию, стать властелином мира. В № 13 «Сына Отечества» за 1813 г. в обширном пародийном тексте обыгрывалась привычка Наполеона заранее готовить манифесты о своих планируемых успехах. «Донесение военного министра герцога Фельтрского Е.В. императору Наполеону о знаменитых успехах компании 1812 и щасливых предвестиях 1813 года» насмешничало о «мудрости, не соединенной с храбростью», о «высокопарном пустословии» и претензиях на то, чтобы сделать народы счастливыми, «внушив им омерзение к излишним потреб-

²⁹⁰ Там же. С. 159. Лист № 390.

²⁹¹ Листы И.А. Иванова «Изгнание из Москвы неприятеля отрядом легкой кавалерии под командой генерал-майора Илонайского 4 октября 1812 г.» и «Наполеон формирует новую армию из разных уродов и калек» (1813).

²⁹² *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. Кн. II. С. 194. Лист № 462. Напечатано в «Сыне Отечества». 1813. № 6.

ностям». Аналогом этой сатиры были рисунки и карикатуры на тему «развал империи Наполеона».

Катастрофическому расхождению замыслов и реальности, судьбе великого завоевателя посвящена серия карикатур И.И. Теребенева 1813 г. Особенно выразительны карикатуры: «Нос (с огромными бородавками), который Наполеон привез из России домой», «Наполеон в намерении своем уничтожить Пруссию силится съесть громадный гриб», «Мыльные пузыри» с надписями «порабощение Англии», «взятие Петербурга», которые пускает Наполеон, Наполеон учит своего сына бегать, продает награбленные антики, показывает народу фокусы и др.²⁹³

Если серьезные статьи о Наполеоне как исторической личности в 1812 г. сравнивали его с Атиллой, Батыем, Александром Македонским и пр., то сатирические листы в 1813 г. предложили неожиданное сравнение грозного императора с бароном Мюнхгаузеном (лист № 514 в собрании Д.А. Ровинского). Два героя, по мнению авторов, сходны в приверженности к поведению по русской пословице: «Не любо — не слушай, а врать не мешай». Пропагандистская «война перьев», которая разгорелась в журналистике на всем пространстве Европы в эпоху наполеоновских войн, требовала в т.ч. и контрпропаганды. На листе изображен сам Наполеон в неизменной треуголке, который «проповедует царям и великим мира», а рядом малолетний сын императора рассматривает книжку о Мюнхгаузене. Насмешливая надпись гласит: «Исчезла древняя слава моя перед великим сим героем! К стопам его повергли слабые опыты того искусства, коим некогда прославился Мюнхгаузен! Да заменят в потомстве он — меня, Бюллетени его — книгу мою». Надписи были сделаны по-русски и по-немецки в расчете на внимание нового союзника 1813 г. — Пруссии. Другие образы контрпропаганды: мыльные пузыри (№ 401), воздушные змеи (№ 403), ширмы (№ 407), чучела (№ 409).

Выход русской армии в Европу вызвал новую волну патриотизма. Русское самосознание, со времен Петра I страдавшее комплексом неполноценности и вторичности, теперь могло убедить других и себя в своей зрелости и абсолютном «европействе». Впервые это упоительное для нации ощущение русские испытали в 1813—1815 гг.

²⁹³ Там же. Листы № 397, 406 и др.

Одним из важных сюжетов в этом формате была публицистическая реакция на смерть М.И. Кутузова, князя Смоленского, в марте 1813 г. Возвеличивание полководца началось с титула Спасителя России, и вскоре его фигура стала главной в пантеоне героев. После кончины М.И. Кутузова сложились стереотипные описания его облика как полностью противоположного Наполеону: «преклонные лета», седина, неторопливость, отсутствие честолюбия и корысти. «Сколь величав, покрытый сединами!» — пишет В.А. Жуковский. В этом цикле раскрывается уникальная черта русской сатиры на Наполеона: его никогда не сравнивали с российским императором Александром I, что, казалось бы, следовало ожидать. Национальное неприятие «высочки», «узурпатора», оскорбившего сакральность императорского титула, вызвало снижение пропагандистского статуса незванного гостя. Наполеон в журналистике противопоставлен не императору Александру I, а М.И. Кутузову. И в карикатурах Наполеон никогда не борется с русским царем — присутствие последнего в сатирических листках было бы неуместным. Героическую борьбу ведут лица из народа (лукавые и умелые «мужики»), лихие казаки М. Платова, неуловимые партизаны Д. Давыдова, доблестные воины под водительством «народного» полководца. Отечественная война уже в августе 1812 г. приобрела характер национального движения, а не противостояния императоров. Архимандрит Филарет писал в 1813 г. о пришествии Наполеона в Москву: «Он наступил на сердце России»²⁹⁴.

Настойчивое напоминание о том, что Наполеон — дутая величина, что он лишь обманывает французов и своих союзников, звучало все чаще по мере продвижения русской армии по Европе. Карикатура вплотную занялась контрпропагандой. Наполеон изображается не великим завоевателем, а великим лгуном. Накануне Лейпцигской битвы появился лист, где император произносит перед французами речь, стоя на ходулях: «Кто смел разнести столь ложны слухи, что будто б стал я меньше мухи?» (№ 509). Изображение французской гвардии в виде оборванцев, уродов и калек сопровождалось их криками «велик, велик Наполеон!»²⁹⁵.

²⁹⁴ Сын Отечества. 1813. № 31. С. 232.

²⁹⁵ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. II. С. 166. Лист № 404.

Одна из значительных теребеневских картинок 1813 г. — торжественный въезд Наполеона в Париж. Она сложна по композиции и наполнена множеством персонажей и символов. Шествие начинается с русского мужика верхом на кляче, затем следуют трубачи, гренадеры, гусары, которые несут своего замерзшего товарища. Все шествие проходит через Триумфальные ворота, увенчанные орлами и фигурой Славы²⁹⁶. На другом листе И.И. Теребенева в листе «Разрушение всемирной монархии» Наполеон балансирует на разваливающейся бочке, из которой на свободу рвется черт. На досках, из которых сколочена бочка, написаны названия государств: Вестфалия, Голландия, Швейцария, Вюртемберг, Гессен, Италия. Бочку скрепляет обруч «континентальная система». Снаружи бочку атакует штыком русский солдат, а казак пикой пронзает мешок с надписью «контрибуция». Неизменный «серый сюртук» и треугольная шляпа делают фигуру французского императора узнаваемой²⁹⁷.

Наполеон «убаюкивает Францию», Наполеон — «последняя буква алфавита», Наполеон, скатившийся с горы, — конец великого человека вызывал не только насмешку, но и сознание его значительности. Один из листов 1813 г. изображал французского императора в виде корабля, разбившегося о скалы с названиями «Россия», «Москва» и тонущего у берегов Европы. На картинках прослеживалась судьба: «Хотя высоко влез и силою гордился, Но справить я не мог — на Эльбу вдруг спустился»²⁹⁸. В документах есть свидетельство того, что существовал и лист, изображавший Наполеона на острове св. Елены. Доска для изготовления этого листа была уничтожена.

После 1815 г. и особенно после кончины Наполеона в 1821 г. в русских сочинениях появилась нота сожаления о судьбе великого человека: «Кажется, что судьба определила разрушить очарование, которое в глазах многих людей представляет Наполеона великим человеком...»²⁹⁹. Автор военных портретов 1812–1815 гг. А. Афанасьев в 1821 г. создал гравюру «Кончина Наполеона», в которой уже не со-

²⁹⁶ Ровинский Д.А. Подробный словарь... Т. 2. С. 460.

²⁹⁷ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. II. С. 172. Лист № 415.

²⁹⁸ Там же. С. 171–172.

²⁹⁹ Сын Отечества. 1813. № 3. С. 145.

держалось ничего сатирического, а, напротив, видна была скорбь от кончины великого человека.

Своего рода «дайджест» карикатур на Наполеона представлен в оригинальном послевоенном издании азбуки «Подарок детям в память 1812 года для назидания потомкам»³⁰⁰. Подобно русским детским азбукам, каждая буква алфавита снабжена картинкой и стихом. Только на этом лубке все стихи и изображения посвящены сатире 1812 г. Так буква «В» сопровождается буквальным пересказом лубка «Вороний суп»: «Ворона как вкусна! Нельзя ли ножку дать? А мне из котелка хоть жижи полизать». В других «буквах» геройствуют те же «Власьевны», казаки, а Наполеон озабочен своим огромным носом, который надо доставить обратно в Париж. Эта «азбука» была отпечатана в Петербурге в 1814 г. и состояла из 34 картинок, составленных из карикатур 1812 г. с двустишиями на каждую букву алфавита. Представлены листы И.И. Теребенева, И.А. Иванова, А.Г. Венецианова с несколько измененными надписями. В 1880 г. появилось несколько экземпляров этой азбуки в нераскрашенных листах, которые продавались по 5 руб. Оба издания сейчас являются библиографической редкостью.

В 1813 г. «русская тема» приходит и в европейскую журналистику. Историк и коллекционер К.А. Военский в 1912 г. представил к юбилейной выставке уникальную ценность из своей коллекции — платок 1813 г. английской работы с 10 сатирическими изображениями Наполеона. Исполненный пропагандистский заказ погиб во время кораблекрушения, но несколько экземпляров этого платка уцелело в самой Англии, откуда они попали в Россию, в т.ч. в музей Бородины³⁰¹. Европейские карикатуристы использовали и тематику русских художников. Очевидно, при содействии А.Н. Оленина пять русских карикатур попали в Англию, три из них были воспроизведены английским карикатуристом Дж. Крукшенком. В свою очередь, листы английского графика Т. Роулэндсона были известны в России. Всеевропейский диктатор стал предметом всеевропейской сатиры.

³⁰⁰ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. IV. С. 221–224. Азбука.

³⁰¹ Военский К.А. Из редкостей моего книгохранилища. М., 1915. С. 1–5.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИФЫ О НАПОЛЕОНЕ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Образ и формирование наполеоновского мифа в современной французской литературе: творчество Клода Симона

Кристоф Люци

В ряде романов Клода Симона, начиная с «произведений-расследований», одним из которых являются «Дороги Фландрии», появившиеся в 1960 г. и до более поздних, «Георгик», 1981 г. и «Акации», 1989 г., можно с самого начала поддаться искушению считать, что воспоминание о наполеоновских сражениях играет особую роль в тексте, причем, как это часто бывает в обширной литературе, представляющей имперский миф, оно оказывается оживлением «археологической памяти», предполагающей их увековечивание с помощью художественных произведений. Эта склонность к «древности», или скорее к древностям, на которую Ницше налагает запрет в своих «Несвоевременных размышлениях» и которую он ставит в опасную и пагубную связь с «историей трактатов и сражений», тем не менее, является такой, как он нам ее объясняет, выступая против подлинного исторического смысла, воспринятого как «сила в становлении». Однако этот спор, который возвращает нас к вопросу о критической отстраненности в творчестве Симона, с одной стороны, по отношению к процессу письма, а с другой — по отношению к дискурсивному содержанию, затрагивающему обычно «блестящее и значительное раскрытие сражения», заслуживает более точного прочтения текстов.

Текстуальные доказательства, извлеченные из «Акации», хотя и краткие, устанавливают критическую дистанцию между повествовательной точкой зрения и точкой зрения персонажей, солдат 1914 г., зачисленных на фронт Соммы. «Война», «фронт», оставленные без какой бы то ни было семантической основы и лишённые таким образом ужасной реальности, которую нужно постигать и, что хуже,

проживать, кажутся для этих только что завербованных солдат, едущих в вагоне поезда, отсылающими к захватывающей и успокаивающей легкости страниц, которые листаешь в детских учебниках и на которых в золотых буквах выступают великие наполеоновские потрясения. Историческое значение, воспринимаемое через рассказ повествователя, лишается какого бы то ни было укоренения в ужасной реальности, которая, тем не менее, его еще недавно породила, в то время как она близка к тому, чтобы снова повториться. Изложение этого парадокса воскрешает в памяти в подробностях метафору истории, воспринятую как ницшеанская «бутылка» с этикеткой, стоящая на полке, пыль с которой не стряхивали и которую с давних пор больше не открывали.

В другом месте в «Георгиках» присутствуют фрагменты переписки прародителя-генерала Империи, представленного под именем L.S.M., которые выявляют наполеоновского персонажа, возведенного в ранг мифа. Впрочем, в продолжение восстановления образа человека Земли здесь же появляются ветераны Гвардии, в качестве эха к теме возвращения к сельским ценностям.

Романические пассажи, ссылающиеся на имперский миф с помощью разрозненных знаков и предназначенные для терпеливого раскрытия читателем, взятые из таких произведений, как «Акация» и «Дороги Фландрии», так же как и из писем генерала L.S.M. в «Георгиках», составляют подлинное свидетельство особой концепции военной жизни и ее нерушимой связи с жизнью сельской. Они говорят о чем-то большем, чем просто внутренняя интертекстуальность в творчестве Клода Симона, а значит об интертекстуальности очень стойкой во всей совокупности текстов. Однако это не значит, что представленная здесь статья полностью исчерпывает свой предмет. Частое употребление общих мест, стратегий, пересекающихся приемов делают, например, из генерала империи L.S.M. активного участника нового дискурса о войне и, в особенности, о наполеоновской эпопее, некой формы «правдиво лгать», как писал Луи Арагон, намного более обладающей свидетельской правдой, чем сухость и пристрастность институциональных страниц учебников истории. Не слышится ли здесь явное эхо одной дорогой Наполеону мысли, который утверждал после 18 июня 1815 г., приведшего к развязке битвы при Ватерлоо, что «история — это ложь, с которой все согласны»?

Наполеон: воплощение литературного мифа в творчестве Виктора Гюго

Стелла Колонна

Наполеон отличается от других исторических личностей множественностью и разнообразием его представлений в общественном и коллективном сознаниях. Цель и основной интерес нашего исследования заключаются в том, чтобы задуматься, как Наполеон может воплотить литературный миф.

Император несет определенный образ. Он может быть поочередно то позитивным, то негативным. Следует признать, что Наполеон занимает совершенно особое, неоднозначное место в коллективном воображаемом. Различные, даже скорее дихотомические, представления о нем являются порождением общего коллективного воображаемого, которое сформировалось благодаря писателям XIX века, позиционировавшим себя за или против императора.

Народ, под влиянием слухов, побуждаемый недовольством и жадный до чудес, довольно быстро оказался под влиянием легенды, но именно писатели XIX века довели до совершенства миф, созданный во времена империи. Легенда, рожденная из взаимодействия народа и поэтов, кажется, таким образом, более или менее спонтанным повествованием, предполагающим масштаб чего-то религиозного или чудесного и выдающим себя за то, чем оно и являлось: чистый поэтический вымысел и культ замещения, к которому обращаются по необходимости. Миф был создан в силу обстоятельств. Наполеон во многом был сам этому причиной. Но это не значит, что был создан образ, противоречащий своему веку, так как он, наоборот, соединился с ним и на время воплотил его, что, в свою очередь, дает возможность понять его неудержимый подъем.

Одновременно с ментальным и фигуральным образами Наполеон не переставал способствовать созданию литературных произведений, которые бы воспевали его гений и его подвиги. Но его надежды оставались тщетны. Несколько драматургов и оперных авторов все же вменили себе в обязанность восхвалять великие поступки исключительного человека. Но настоящие гении века продолжали

молчать. Таким образом, времена империи завершаются, но ни одно великое литературное или историческое произведение не воздало должное величайшему гению нового времени. Поворот в сторону Наполеона происходит среди тех, кто в 1814 г. первыми предъявили обвинения.

В этом смысле Виктор Гюго кажется писателем века романтиков, наиболее проникнутого наполеоновской легендой. Его отношение к будущему императору французов было сложным. Между императором и молодым поэтом образовалась прочная связь, переходящая от ненависти к восхищению и уважению.

Его роялистское детство заставило его расти в ненависти к тирану, захватившему власть и оказавшемуся похитителем идентичности, ввиду того что он был корсиканец и таким образом не принадлежал к французскому народу. Но Наполеон, благодаря Великой армии, все же заслужил уважение поэта, который смог лишь принять имперское величие.

Таким образом, на смену фигуре тирана и представлениям об узурпаторе приходит аллегория Исполина, повествование о котором приняло эпические масштабы. Наполеоновская легенда, придуманная и осмысленная Виктором Гюго, снова оказывается наделена в высшей степени символическим и мифическим измерением.

По примеру Гюго, который в «Отверженных» придает империи масштабы эпопеи, где сталкиваются между собой Титаны, но которая обречена на небытие, так как был брошен вызов Богу, Бальзак тоже изображает Наполеона как сверхчеловека. Для этих двух поэтов-романистов гений Наполеона выражается только через посредничество сверхъестественных сил. Гюго и Бальзак, таким образом, наводят на мысль о двойственности, присущей гению, бушующее воображение которого не знает ни границ, ни правил, что подвергает его опасности быть увлеченным невообразимыми замыслами и привести государство к катастрофе.

Романтики в этом случае — не восторженные поклонники, они не признают силу, войну, деспотизм и милитаризм. Их чувства больше захватывает романический характер исключительной жизни, в которой вершины сменяются пропастями. И воспевают они пораженного Титана. Они возвращают герою необыкновенный

масштаб больше, чем народная легенда. И тогда это оказывается не торжествующий отец народа с эпинальской картинки, а молодой генерал, Первый консул, Герой, столь прекрасно увековеченный Давидом.

Наполеон имеет все, что свойственно эпическому персонажу, основным качеством которого была бы способность завладеть своим поколением. Если он им не завладел в прямом смысле слова, то он его за десять лет, по меньшей мере, ошеломил. На самом деле, за мифической личностью скрывается человек, наделенный исключительной аурой и выдающейся судьбой, для которой Наполеон стал совершенным воплощением. Как замечательно сказал Жан Тюлар, «миф становится популярным, только если он напоминает человеку о его смертности».

Эти произведения формируют народные уמוнастроения, и миф достигает полноты своего символизма. В этом смысле воображаемое участвует в создании мифа, и особенно мифа литературного. Воображаемое играет решающую роль, поскольку именно оно дает возможность литераризации мифа. Миф, далекий от того, чтобы составлять основу застывшего повествования, призван по своей природе, предполагающей постоянную передачу, к непрерывным преобразованиям. Рассказчики мифов, вместо того чтобы быть только повествователями, обеспечивают ему постоянное обновление. Рассказывать мифы — значит вводить в них нечто новое и таким образом участвовать в обновлении, в творчестве мифа. Однако основные изменения происходят от работы над переделкой воображаемого. Действительно, литературная форма представляет собой место сохранения и трансформации предыдущего религиозного наследия. Пример мифов показывает, таким образом, как в определенной культуре воображаемое подвергается постоянным преобразованиям, среди которых одновременно встречаются не только такие, как появление и закат мифов, но и циклические и ритмичные изменения тех же семантических корней. Жизнеспособность мифической сферы лучше всего может быть оценена через изменения мифов. Эти мифические преобразования так же касаются литературных и художественных мифов, как и мифов социальных и политических, которые становятся эхом в недрах исторического времени.

Отечественная война 1812 г. в народном музыкальном творчестве башкир

Ильясов Тимур Тагирович

Башкирские воины на протяжении многих веков помогали русскому государству во внешних конфликтах, активно служили защите всего Отечества. Объединенные сопричастностью к интересам страны, защищая свою территорию, Родину «ата-бабалар ере» («край отцов»), башкиры приняли самое активное участие в Отечественной войне 1812 г. С началом войны башкирские кантоны в общей сложности направили в действующую армию от 20 до 28 полков. Башкиры с большим желанием участвовали в освобождении Родины. Эти события оставили большой след в народном музыкальном творчестве башкирского народа.

По легендам мелодий, тексту исторических песен в какой-то степени можно проследить основные этапы боевой деятельности воинов башкирских полков, начиная от подготовки конников к походу против французов до участия башкир в крупных сражениях вплоть до взятия Парижа и возвращения на родину — Урал. В народном музыкальном творчестве башкир сохранились песни «Иремель», «Эскадрон», «Сокол-птица», «Русоволосая» («Хары сэс»), «Ужель не слышали в чужих краях...», «Ахмет-Баик», «Баик», «Кахым-туря», «Абдрахман-батыр»³⁰² и др.

В народе говорят, что после одного из крупных сражений, в котором участвовали и башкиры, Кутдус (Кутузов) вызвал к себе их командира Кахым-турю и сказал ему: «Любезные мои башкиры, молодцы». Вернулся Кахым-туря к своим, и они начали его расспрашивать, о чем говорил с ним Кутдус-батыр. Кахым-туря не смог выговорить по-русски все, что говорил ему Кутдус, и передал своим конникам, что он сказал ему: «Любезники башкирцы, любизар, молодец, молодец». Башкиры тут же сочинили песню, выговаривая: «Любезники, любизар, маладис, маладис»³⁰³.

³⁰² Башкирское народное творчество. Т. 8. Песни (дооктябрьский период) / Сост., автор комментариев С.А. Галин. Уфа: Китап, 1995. С. 62–75.

³⁰³ БНТ. Т. 8. С. 71–72.

Фельдмаршалу М.И. Кутузову посвящена отдельная песня «Кутузов», в которой чувство уважения и дань великому полководцу выражены словами, повторяющимися в каждом куплете³⁰⁴. Повторением этих слов устами своих воинов башкирский народ оценил Кутузова как честно выполнившего свой долг перед Отечеством патриота, выделяя его как большую историческую личность, показывая значимость этого человека и совершенных им дел для страны. Называя его ласково, по-своему «Кутдус-батыр», башкиры тем самым принимают его как своего.

Любовь к Отечеству ярко отражена в словах варианта песни «Хэй, край мой»³⁰⁵.

События Отечественной войны 1812 г. богато отражены в музыкальном творчестве башкирских кураистов. Курай — башкирский традиционный духовой музыкальный инструмент, изготавливаемый из полого ствола одноименного растения. Музыкальное исполнительство на курае и военное дело башкир на протяжении долгого времени находились во взаимодействии. Традиционный музыкальный инструмент курай — это спутник башкирского воина. Музыкальный инструмент, по всем характеристикам подходящий для кочевого образа жизни, соответствует его использованию и в суровых военно-походных условиях, поднимая боевой дух солдат.

В военно-походных условиях часто играли на курае, изготовленном из металла. «...Кахыму-туре³⁰⁶ курай отлили из серебра. Он в Париже на серебряном курае играл...», — так рассказывал известный кураист Ишмулла Дильмухаметов фольклористу Рашиту Шакуру³⁰⁷. Подтверждением этому могут служить слова об игре этого офицера на серебряном курае в песне «Кахым-тура»³⁰⁸.

³⁰⁴ Там же. С. 74–75.

³⁰⁵ Там же. С. 70.

³⁰⁶ Кахым-тура (Кахым Мырдашев) — участник Отечественной войны 1812 г., кураист, майор одного из башкирских полков.

³⁰⁷ Шакур Р.З. Страна поющих журавлей: Статьи и очерки о башкирском фольклоре, музыкальных инструментах, о народных певцах и музыкантах Башкортостана. Уфа: Китап, 1996 (на башк. языке). С. 16.

³⁰⁸ БНТ. Т. 8. С. 73.

В работе художника XIX в. А.А. Островского «Башкирские конники на привале»³⁰⁹, изображены башкирские воины во время отдыха, один из которых играет на курае.

В репертуаре башкирских кураистов до наших дней сохранились народные музыкальные произведения, посвященные событиям Отечественной войны 1812 г. В таких мелодиях, как «Ерян-кашка»³¹⁰, «Французская»³¹¹, «Батыр-егет»³¹², «Вторая армия»³¹³ отражены трагические и героические страницы истории.

Реальным участникам этих событий посвящен ряд исторических наигрышей: «Кахым-туря»³¹⁴, «Наполеон Бонапарт»³¹⁵ и др.

Мелодии курая воодушевляли бойцов на подвиги, наполняя их духовной силой, напоминали о родных краях, славных боевых традициях народа, согласно которым каждый башкирский джигит считал своим долгом защищать свои земли.

Сильный воинский дух, неприхотливость в военно-походных условиях, отвага и героизм — это те стороны башкирского воина, которые неоднократно подчеркивались свидетелями той эпохи. На наш взгляд, это было бы не совсем возможно без присутствия под рукой традиционного музыкального инструмента башкир, исполнения песен. Для башкирского воина звуки курая, напоминая о родине, семье, красоте родного края, былых героических событиях, воодушевляли на военные подвиги, помогали стойко переносить тяготы военной службы.

³⁰⁹ Репродукция с картины А. А. Островского «Башкирские конники на привале» // *Усманов А.Н.* Башкиры в Отечественной войне 1812 г. Уфа: Башкортостан, 1964. С. 97.

³¹⁰ БНТ. Т. 8. С. 67–68; *Сулейманов Г.З.* Курай. Учебник для обучения детей игре на курае. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1985 (на башк. яз). С. 95.

³¹¹ БНТ. С. 62.

³¹² Там же. С. 64.

³¹³ Там же. С. 65.

³¹⁴ *Сулейманов Г.З.* Курай. С. 131; Карим Дияров. Мелодии седого Урала / Сост. Р.З. Шакуров и Ф.Х. Камаев. Уфа, 1988 (на башк. языке). С. 48–49.

³¹⁵ *Рахимов Р.Р.* Курай. Учебное пособие для учащихся музыкальных школ и училищ. Уфа: Китап, 1999 (на башк. яз). С. 58.

Наполеон от первого лица: футуристические отождествления (Игорь Северянин и Владимир Маяковский)

Елена Гальцова

Наполеон — романтический герой русской поэзии XIX века³¹⁶, и русские поэты часто обращались к нему на «ты», подчеркивая тем самым определенную духовную близость. Разумеется, что за поэтическим «ты» стоит многовековая традиция мировой литературы, обзор которой не входит в рамки нашего эссе, но о непосредственном предшественнике, от которого отталкивался романтический миф о Наполеоне, все же нельзя не упомянуть. Это был В.А. Жуковский, с его классической инвективой против Наполеона, написанной в эпоху патриотического подъема в 1812 г.: «Давно ль, о хищник, пожирал / Ты взором наши грады? / Беги! Твой конь и всадник пал: / Твой след — костей громады; / Беги! И стыд, и страх сокрой / В лесу с твоим сарматом.» («Певец в стане русских воинов»). Очень скоро этот образ был заслонен другим, ассоциировавшимся с отрицанием царского самодержавия, а Наполеон уже представлялся как героическое воплощение свободы, и поэтическое «ты», не теряя при этом своей условности, выражало, скорее, отношение сочувствия и восхищения. Приведем лишь несколько хрестоматийных примеров из великого множества стихотворений, воплотивших русский романтический миф о Наполеоне: «Ты человечество презрел. / В свое погибельное счастье / Ты дерзкой веровал душой» (А.С. Пушкин, «Наполеон»); «И Галлия тебя, о хищник, осенила; / Побегли с трепетом законные цари (А.С. Пушкин, «Наполеон на Эльбе») «Да, тень твою никто не порицает, / Муж рока! Ты с людьми, что над тобою рок. / Кто знал

³¹⁶ Библиография работ, посвященных образу Наполеона в русской поэзии XIX в., очень обширна. Упомянем лишь некоторые работы: Бродский Н.Л., Сидоров Н.П. Отечественная война в русской поэзии. — М., «Польза», 1912; Реизов Б.В. Пушкин и Наполеон // Русская литература 1966, №4 с.49-58; Бочаров С.Г. «Ты человечество презрел». Образы Петра I и Наполеона в творчестве А.С. Пушкина и других писателей XIX века М., 1997; Померанц Г.С. Наполеонов комплекс в русской литературе // Наполеоновская легенда и реальность. М., 2003; Вольперт Л.И. Лермонтов и литература Франции. СПб, 2008.

тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог./ Великое ж ничто не изменяет. (М.Ю. Лермонтов. «Эпитафия Наполеона»)… Романтическое «ты», обращенное к Наполеону, — это, прежде всего, дань риторической традиции, о чем с особой очевидностью свидетельствует лермонтовская эпитафия, сам жанр которой предполагает подобное обращение. Но это, разумеется, и определенная игра с дистанцией между поэтом и героем истории — поэт оказывается и своеобразным собеседником одинокого Наполеона в изгнании, и тогда «ты» — это знак близости, сообщничества (тем более, что поэт сам всегда ощущает себя изгнанником в обществе); и хранителем возвышенной памяти о мертвом герое, «общение» с которым — это уже общение с Вечностью, и тогда «ты» подчеркивает великую сакральную дистанцию между поэтом и героем. В конечном счете, романтический поэт, всегда осознающий свое величие как творца, и герой истории, оказываются в определенной степени сходны между собой: собственно они оба — герои, и обращение на «ты» — один из знаков близости. Но русский романтический поэт не может сказать прямо: «Я — Наполеон», и если в стихах встречается это «я», то оно возникает лишь в случаях передачи прямой речи самого Наполеона³¹⁷. Та же тенденция проявляется и у русских символистов, в особенности у В.Я. Брюсова: «Да, на дороге поколений, / На пыли расточенных лет, / Твоих шагов, твоих движений / Остался неизменный след» («Наполеон», 1901).

Мы остановимся на одном аспекте образа Наполеона в поэзии русского футуризма — проблеме непосредственного отождествле-

³¹⁷ В целях ограничения предмета нашего исследования, мы вынуждены опускать многие нюансы смыслов. Во-первых, нужно учитывать суггестивную функцию разграничения «я» поэта и «ты», обращенного к Наполеону, ибо поэт подразумевает себя героем. Во-вторых, и у Пушкина, и у Лермонтова наблюдаются переходы от второго лица к третьему и обратно, что создает эффект неопределенности, расшатывающий различие между «ты» и «он». В-третьих, подобный же эффект может возникать и при передаче воображаемой речи Наполеона от первого лица, и т.д. В качестве гипотезы о невозможности самоидентификации с Наполеоном-героем в романтизме можно привести знаменитые слова Лермонтова по поводу Байрона — «Нет, я не Байрон, я — другой, / Еще неведомый избранник». Романтический поэт — исключительный герой, ни на кого не похожий.)

ния с героем в стихах Игоря Северянина «Поэза возмездия» (1913) и Владимира Маяковского «Я и Наполеон» (1915). Северянин заявлял: «Я — гениальный корсиканец! / Я — возрожденный Бонапарт!», и Маяковский — «Сегодня я — Наполеон!». Рассмотрим эти два случая по отдельности.

Игорь Северянин был одним из первых в России, кто в 1911 г. принял слово «футуризм», создав из него термин «эго-футуризм», тут же добавив, что не имеет ничего общего с итальянскими футуристами, которые «осмертили местоимение «я»» (1912)³¹⁸. Разумеется, после знаменитой фразы покорителя литературы — «Я, гений Игорь-Северянин, / своей победой упоен: / Я повсеградно оэкраен! / Я повсесердно утврежден!» («Эпилог. Эго-футуризм», 1912)³¹⁹, — ассоциация с образами воинственных завоевателей представляется в творчестве Северянина почти неизбежной. Тем не менее, необходимо сразу же напомнить о сознательной иронической установке поэта, писавшего в 1912 г.: «Допустим, я — лирик, но я — и ироник» («Корректное письмо»), — причем это идея проходит лейтмотивом через все его творчество 1910-х годов: «Ведь я лирический ироник: / Ирония — вот мой канон («Двусмысленная слава»). Предсказуемость появления в его творчестве Наполеона сопровождалась и некоторыми косвенными обстоятельствами. В 1910 г. его книга «Интуитивные краски» была показана Л.Н. Толстому, высказавшего крайне критическое суждение и особенно сильно разругавшего стихотворение «Хабанера II» (1909). Северянин любил вспоминать об этом эпизоде, утверждая, что критика со стороны автора «Войны и мира» помогла ему добиться известности. С упоминания об этом стихотворении Северянин начинает «Поэзу возмездия»³²⁰:

«Моя вторая Хабанера
Взорвалась, точно динамит.

³¹⁸ Манифест «Интуитивная школа «вселенский эго-футуризм» (Грядущее осознание жизни и искусства). Цит. по Русский футуризм. Сост. В.Н. Терехина. М., 199. С. 131.

³¹⁹ Поэзия русского футуризма. СПб., 2001. С. 344.

³²⁰ Здесь и далее цит. по книге Поэзия русского футуризма. СПб., 2001. С. 347-348.

Мне отдалась сама Венера,
И я всемирно знаменит!».

Возможно, возникновение образа Наполеона — это отдаленный намек на толстовский роман «Война и мир» и негативный образ Наполеона, с которым Северянин полемизирует. Еще одним, более очевидным, фактором повышения интереса к образу Наполеона является празднование столетия победы в Отечественной войне 1812 года. Лично для Северянина 1912 год оказался временем достижения широкой известности, и это год расцвета «эго-футуризма». Все эти события находят свое отражение в стихотворении:

«То было в девятьсот девятом...
Но до двенадцатого — дым
Все стлался по местам, объятым
Моим пожаром золотым.
Возгрянул век Наполеона
(Век — эхо громогласных дел!)»

Поэт шел к славе с 1909 г., сначала он был неизвестен, невидим, точно в «дыму», но потом его известность сначала стала разгораться, словно золотой пожар: образ, в котором, разумеется, звучит отголосок культурного клише, связанного с памятью о наполеоновских войнах — о московском пожаре. В северянинском пожаре все прекрасно — определение «золотой» обладает по преимуществу положительными коннотациями. На этом фоне образ Наполеона совершенно антипатриотичен — он не захватчик, но герой и завоеватель. Поэтому новое время, согласно Северянину, — это «век Наполеона», время славы («громогласных дел»). Этого первого упоминания о Наполеоне уже достаточно, чтобы понять, что поэт, победивший в борьбе за славу, подразумевает свое сходство с французским героем. Но Северянин осознанно создает избыточность смысла: он развивает идею отождествления с Наполеоном, несколько раз повторяя одну и ту же мысль («Я — гениальный корсиканец! / Я — возрожденный Бонапарт!»). Нам представляется, что смысл этих повторов как раз в создании театральной аффектации, иронической дистанции, которая должна уберечь читателя от того, чтобы принимать эти заявления слишком всерьез.

В центре стихотворения — богатая рифма, прежде всего ценная своим звучанием, которое может расцениваться как почти точное «эхо» (и «эхэ» — тоже слово стихотворения): «Наполеон-Хамелеон» («Возгрянул век Наполеона... Вселенского Хамелеона/ Душа — бессмертный мой удел»). Как понимать смысл этой рифмы, почему герой — «хамелеон»? Хамелеон воплощает идею изменчивости, способности поэта быть всем — так, он «Был Карлом Смелым, был я Дантом,/ Наполеоном — и собой». И Наполеон, разумеется, тоже «хамелеон», что делает возможным его «возрождение». Но основная функция Хамелеона, как нам кажется, заключается в другом — вызвать у читателя если не шок, но, во всяком случае, удивление. Возможно, этот эффект достигается за счет несовместимости понятий: во-первых, «хамелеон» ассоциируется обычно с понятием адаптации к окружающей среде, а не с завоевательным ее разрушением, во-вторых, если предположить что это какой-то особенный «Хамелеон» («Вселенский», по определению Северянина), можно предположить, что в нем значимо звучание первых звуков — «хам», слова, обладающего для современной Северянину культуры целым спектром значений, разработанных и символистами, и футуристами. Однако ассоциация Наполеона с «хамом» довольно неожиданна для русской культуры того времени, когда жил Северянин, это скорее образ наполеоновского времени, с ругательными определениями «корсиканское чудовище» и т.п., которые были отброшены романтиками. Образ хамелеона работает также и на театральную составляющую стихотворения — поэт, он же комедиант, изменчив, подобно хамелеону, приспособляясь к разным ролям.

Продолжая романтическую трактовку образа Наполеона как героя и используя мотив посмертного явления Наполеона, Северянин осознанно отбрасывает один из важнейших для романтиков тему — тему изгнанничества и жертвы, и отказывается от трагизма:

Но острова Святой Елены
Мне не угрожен небосклон:
Не мне трагические плены,
Зане я сам Хамелеон!
Что было в девятьсот девятом,
То будет в миллиард втором!

Я покорю миры булатом,
Как покорял миры пером.

Наполеоновский миф сводится к простейшей функции — Наполеон-завоеватель, что подтверждается дальнейшим сравнением с другими завоевателями, в сфере литературы и военного дела — уже упоминавшимися Данте и Карлом Смелым. «Перо» и «булат» — оружие лирического героя, который будет постоянно покорять мир, то «пером», то «булатом», до тех пор, пока мир не исчезнет:

Так! будет то, что было, снова —
Перо, булат, перо, булат..
Когда ж Земли падет основа —
О ужас — буду я крылат!..

Концовка, несомненно ироническая, свидетельствует о победе «пера» (которое предвещает и образ «крылатого» поэта) в бесконечной смене поприщ, но рифма «булат — крылат» настойчиво напоминает о поле битвы.

Отождествление поэта с Наполеоном — центральная идея «Поэзы возмездия»: поэт упивается своими победами, время которых совпало со столетием Отечественной войны 1812 г.; настойчивые повторы — свидетельство совершенно осознанной дистанции от образа Наполеона, который является для поэта, скорее эпатажной театральной ролью, нежели объектом серьезной идентификации, к тому же лирический герой то ассоциирует себя с Наполеоном, то с «собой», сохраняя двойственность; образ Хамелеона, главной функцией которого является его исключительно удачная рифмовка с именем Императора французов, подчеркивает эпатажность и, более того, странность, в какой-то степени несовместимость имени Наполеона с рядом поэтических ассоциаций. Все это свидетельствует об определенной ироничности в самоидентификации «я» поэта и Наполеона Бонапарта.

Как показало дальнейшее творчество Игоря Северянина, образ Наполеона оказался для поэта вовсе не случайным. Он снова появляется в его стихах, посвященных Первой мировой войне, но здесь уже поэт не предпринимает никаких попыток отождествления себя

с Наполеоном. Явная любовь Северянина к Наполеону в этой ситуации оказывается... как нельзя более политкорректной, ибо Франция была союзником России в этой войне. Но справедливости ради, надо заметить, что коль скоро война 1914 г. была объявлена «отечественной», по аналогии с 1812 г., то подобная трактовка Наполеона была все-таки не самой распространенной в ту эпоху.

Северянин противопоставляет Наполеона зачинщику войны Вильгельму II. В «Поэзе к Европе», написанной в июле 1914 г., он объясняет захватчикам: «Кощунственно играть в Наполеона, — / Им надо быть! — вот в этом-то и грехи». Упоминание о Наполеоне отражает умонастроения Северянина, как и многих участников войны, которые воспринимали ее как войну без героя. Наполеон оказывался в роли героя, рядом с которым Вильгельм II выглядел как «шут». С такой инвективой Северянин обращается к Вильгельму II в другом стихотворении «Поэза возмущения», написанном в августе 1914 г.: «Ты — варвар! Ты — тиран! Ты — шут Наполеона!»³²¹. Он обращается к Вильгельму II, напоминая ему о его претензиях на то, чтобы быть очень просвещенным правителем: «Культурнейший монарх культурной части света! / Оратор и мудрец! Философ и солдат!»³²² Поэт стыдит монарха за то, что тот опозорил страну Бетховена, Канта, Гете и Шиллера, и в этом контексте Наполеон имплицитно оказывается не только военным героем и освободителем народов, но и защитником великой культуры.

Отождествление поэта и Наполеона из «Поэзы возмездия» привлекло внимание критиков своего времени. Приведем размышления одного из современников, которые были опубликованы В.В. Пашуканисом в отдельной книге «Критика о творчестве Игоря Северянина» (1916). В довольно двусмысленной и по преимуществу ругательной статье «Двухнедельный удалец» автор, подписавшийся инициалами А.Б., воспринимает самоидентификацию поэта с Наполеоном совершенно всерьез и даже видит в этом определенный знак времени, которому не хватает настоящей литературы: «Когда же к таланту присоединяется еще и смелость, перед нами «завоеватель», Тамерлан, Наполеон. Так обстоит дело с Игорем Северяниным.

³²¹ Северянин И. Собрание сочинений в 5 томах. Спб., 1995, Т.1. С. 545.

³²² Там же, с. 544.

Если в первом сборнике «Громокипящий кубок» он именовал себя растяжимым понятием «гений», то во втором сборнике, в «Златолуре», он уже чувствует себя Наполеоном, ни больше, ни меньше... С виду как будто маньячество, а на деле поистине судьба Наполеона, остров Св. Елены в океане бездарности, бессилия и трусости... Нет, у меня не поднимается рука на самохвальство Северянина, на его многочисленные «самогимны» и упоенное хвастовство — это не от маньячества, а от сознания «прав и преимуществ». Точно так же и исключительное внимание к Игорю-Самозванцу не от заблуждения, а от яркого впечатления на фоне всеобщей тусклости»³²³.

Обратим внимание на то, что от рассмотрения «Поэзы возмездия» критик перешел к клиническим определениям (маньячество), возможно совершенно бессознательно среагировав на имя Наполеона как одного из любимых героев психиатрических лечебниц. И хотя в конечном счете А.Б. отмечает психиатрическую гипотезу, само упоминание о ней представляется вполне в духе времени, о чем речь пойдет немного ниже. Приведем сначала ход рассуждений критика: «Психиатр нашел бы тут все элементы душевного распада, все атрибуты истерии, перед социологом — яркая картина буржуазного вырождения, историк литературы увидит смешение стилей и разрыв с традициями, но... поэзия остается поэзией при всяких мнениях»³²⁴.

Психиатрическая составляющая играет большую роль в разработке образа Наполеона в ранней поэзии Маяковского, который осознанно эпатирует читателя, разыгрывая перед ним сцены мании величия. И в отличие от Игоря Северянина, который придерживался иронической дистанции в пространстве между лирической экзальтацией и ее критическим осмыслением, Маяковский представляет безумие, балансируя на грани игры и серьезности, создавая атмосферу особой патетики и заставляя читателя верить в подлинность сумасшествия.

Использование образов безумия было довольно характерно для русских футуристов, выразивших тем самым протест против здра-

³²³ Цит. по книге Игорь Северянин. Царственный паяц. Сост. В.Н. Терехина, Н.И. Шубникова-Гусева. Спб., 2005. С. 382-382.

³²⁴ Там же. С. 384.

вого смысла и ценностей общества. Отказ от сознания было для них формой возвращения к исконному примитивному состоянию, своего рода утопическим проектом. Современники, как благожелательно относившиеся к футуристам, так и критики, быстро обратили внимание на частое использование тематики безумия. В 1914 г. вышли две книги, посвященные клинической составляющей русского футуризма: Е. П. Радин «Футуризм и безумие» и А. Закржевский «Рыцари безумия (футуристы)». Закржевский ищет в большей степени психологическую, нежели психиатрическую основу футуризма, обращая особое внимание на эго-футуризм. «Психологическая основа эго-футуризма может быть выражена словами одной из великих теней прошлого — Макса Штирнера: «Ищите самих себя, станьте эгоистами, и пусть каждый из вас обратится во всеильное «я»!»³²⁵ Рассуждения Радина более радикальны — он видит в русском футуризме все признаки выражения бессознательного, и, более того, он проводит прямые аналогии между творчеством душевнобольных и футуристов и делает вывод о патологичности, и ошибочности футуристического творчества. В основе его доказательств — работы французского психиатра Пьера Жанэ³²⁶: «Пьер Жанэ признает, что при истерии мы имеем дело с сужением поля сознания и расширением всех подсознательных процессов. При этом вполне оправдывается возможность разделения личности — удвоение, утроение ея. Одни отправления представляют подлинный лик — сознательный образ личности, а другие — подсознательную область мыслей, чувствований, представляющую настолько еще связною, что она образует вторую личность — личину подлинного лика»³²⁷. Радин видит «корни футуризма, как и символизма и душевного заболевания — в подсознательной области»³²⁸. Он разделяет различные степени психических патологий в творчестве эго-футуристов и кубо-футуристов, к которым в то время относился Маяковский: «Если эго-футуристы ставят «я» в сверхчеловеческом

³²⁵ Закржевский А. Рыцари безумия (футуристы). Киев, 1914. С. 90-91.

³²⁶ Автора книги «Психологический автоматизм» (1889), которая впоследствии окажется одним из источников философии французского сюрреализма.

³²⁷ Радин Е. П. Футуризм и безумие. Спб., 1914. С. 9.

³²⁸ Там же. С. 14.

ореоле обожествления, то кубо-футуристы идут далее и ставят себя в центр мира. То же делают и душевно-больные»³²⁹.

В эпилоге «Владимир Маяковский. Трагедия» (1913) поэт утверждает свое суверенное «я», полностью отвергая бессмысленный и несправедливый мир, но беря на себя страдание всех людей. В его патетические размышления добавляется казалось бы юмористическая нота, в которой откровенная шутка («я петух голландский») смешивается с классическим намеком на манию величия («я король псковский»)³³⁰:

«Иногда мне кажется -
я петух голландский
или я
король псковский.
А иногда
мне больше всего нравится
моя собственная фамилия,
Владимир Маяковский»³³¹.

Одно из первых упоминаний о Наполеоне возникает у Маяковского в поэме «Облако в штанах» (1914-1915), лирический герой которой очень похож на лирического героя «Владимир Маяковский. Трагедия». Поэт, страдающий за все человечество, отождествляет себя сначала и Иисусом Христом, но затем достает нож, для того, чтобы убить Бога, допустившего столько несправедливости. Маяковский представляет поэта-сверх-человека, шествующего по миру с Наполеоном в качестве своей собачки:

³²⁹ Там же. С. 16

³³⁰ См. выражение типичной мании величия в стихотворении Алексея Апухтина «Сумасшедший» (1890):

«Я королем был избран всенародно,
Но это всё равно. Смущают мысль мою
Все эти почести, приветствия, поклоны...
Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданных и очень устаю.»

³³¹ Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. М., 1955, Т.1. С.172

«Невероятно себя нарядив,
пойду по земле,
чтоб нравился и жегся,
а впереди
на цепочке Наполеона поведу, как мопса»³³².

В этой сценке поэт демонстрирует в этой сцене свое абсолютное превосходство, он идет завоевывать мир, презирая всевозможные представления о власти, славе и героизме. Он — больше, чем Наполеон, который низведен до образа домашнего животного. Но при более внимательном рассмотрении в этой метафоре проявляются черты определенной близости между поэтом и Наполеоном. Образы собаки для Маяковского обладают по преимуществу положительными коннотациями, в своих любовных посланиях к Лили Брак он часто представлял себя (и рисовал) в виде щенка, в этом было что-то глубоко трогательное и даже сокровенное³³³. Наполеон в виде собачки — это не только и не столько выражение презрения и превосходства, сколько ощущения некоей дружественности. Более того, можно предположить, что выбор породы — «мопс», был продиктован не только для того, чтобы подчеркнуть образ дэнди (особенным образом наряженного, ведущего на изысканной цепочке собачку, порода которой пользовалась особым успехом в аристократических кругах), но и тем, что мопс является частью легендарной жизни Наполеона. Напомним о знаменитом мопсе по имени Фортюнэ, принадлежавшем его супруге Жозефине де Богарнэ, благодаря которой эта порода стала очень популярной во Франции. Таким образом, мопс Маяковского может рассматриваться и в качестве исторической отсылки к наполеоновскому мифу. Получается, что поэт не противопоставит Наполеону, но особым образом связан с ним, и в этом смысле цепочка — не просто красивый аксессуар, но и один из очевидных знаков этой связи, которая чуть позже проявится в идее отождествления поэта с Наполеоном.

Это отождествление происходит в 1915 г., в разгар Первой мировой войны, в поэме «Флейта-позвоночник» и стихотворении «Я и На-

³³² Там же. С. 187

³³³ См. также его стихотворение «Вот так я сделался собакой» (1915).

полеон». Любопытно, что после начала первой мировой войны Северянин использует образ Наполеона уже не от первого, но от третьего лица, представляя его как символ страны-союзника — Франции, и в конечном счете проявляет своеобразный политический конформизм. Стратегия Маяковского совершенно противоположна — его Наполеон оказывается выражением внутренних переживаний героя, который выражает глобальный протест против войны как таковой, а не против конкретного захватчика. Использование образа Наполеона не только лишено всякого конформизма, но и в определенной степени является политическим вызовом тогдашней России, с ее ура-патриотическими настроениями.

В поэме «Флейта-позвоночник» образ Наполеона отталкивается от романтического противопоставления славы Наполеона и его падения и заточения на острове Святой Елены:

Короной кончу?
Святой Еленой?
Бури жизни оседлав валы,
я — равный кандидат
и на царя вселенной
и на кандалы.

Быть царем назначено мне —
твое личико
на солнечном золоте моих монет
велю народу:
вычекань!³³⁴

Отождествление лирического героя с Наполеоном происходит здесь как бы совершенно естественно, в отличие от театрального и ироничного поэта «Поэзы возмездия», лирический герой Маяковского не играет роль, он совершенно серьезен и его перевоплощение в Наполеона служит для драматизации идей в поэме. При этом образ Наполеона как «царя вселенной» оказывается частью личной

³³⁴ Там же. С. 204.

мифологии поэта — истории его любви: он использует свою власть для того, чтобы прославить свою возлюбленную.

Стихотворение «Я и Наполеон»³³⁵ — высшая точка наполеоновского мифа в раннем творчестве Маяковского, именно здесь идея интериоризации образа Наполеона получает свое наибольшее развитие.

Маяковский начинает свое стихотворение с описания Москвы: здесь, на Большой Пресне, в «месте спокойеньком», «тихоньком» живет поэт, не ведая о войне, а вокруг него — город, замерший в тревоге, «молится и молится красными крестами», а «у бульвара цветники истекают кровью, как сердце, изодранное пальцами пуль», и т.д. Метафоры, использованные в описании Москвы создают впечатление обезумевшего города, превратившегося в сплошную галлюцинацию, в которой смешиваются функции людей и неодушевленных предметов. Страх усиливает это всеобщее состояние безумия: «Тревога жиреет и жиреет, жрет зачерствевший разум». Страдающий за все человечество поэт хочет защитить свой город: «встретить неб самодержца» и «убить солнце»:

«Через секунду
встречу я
неб самодержца, —
возьму и убью солнце!»

Здесь Маяковский возвращается к мотиву убийства бога и убийства солнца, которые были использованы как в его творчестве («Облако в штанах»), так и в творчестве его друзей-футуристов (опера «Победа над солнцем», 1913, А. Крученых, М. Матюшин, К. Малевич). Разумеется, бог, которому бросает вызов поэт, — это бог войны, и бороться с ним поэт намеревается по-военному:

Тебе,
орущему:
«Разрушу,
разрушу!»

³³⁵ Здесь и далее стихотворение цитируется по тому же изданию. С. 72-74.

вырезавшему ночь из окровавленных карнизов,
я,
сохранивший бесстрашную душу,
бросаю вызов!

Именно в этом контексте возникает образ Наполеона. Безумию войны поэт противопоставляет безумный ответ: он, в качестве Наполеона, призывает свое войско — войско сумасшедших. Причем этот призыв подготовлен новым образом солнца, связанным уже не с «неб самодержцем», а с великим французским полководцем, вспомнившим о «солнце Аустерлица» перед Бородинским сражением — образе, который превратился в клише. Возникновение этого второго солнца нарушает первоначальную логику стихотворения (поэт намеревается убить бога войны — солнце), которая соскальзывает к клишированному (или, по терминологии Пьера Жанэ, «автоматическому») образу.

Идите, изъеденные бессонницей,
сложите в костер лица!
Все равно!
Это нам последнее солнце —
солнце Аустерлица!

Люди, «изъеденные бессонницей», — это часть обезумевшего города, представленного в начале стихотворения. И, как будет видно из следующей строфы, они же — клинические сумасшедшие, которых ведет за собой лирический герой, ставший на какой-то момент Наполеоном:

Идите, сумасшедшие, из России, Польши.
Сегодня я — Наполеон!
Я полководец и больше.
Сравните:
я и — он!

Поэт воплощает клинический случай расщепленного сознания: он представляет себя как Наполеона, и он говорит о том, что он

«больше», чем Наполеон, используя еще несколько культурных клише, связанных с легендарной жизнью французского полководца — посещение больных чумой на Яффе, подвиг на Аркольском мосту, египетский поход, и подчеркивая, что он сделал в тысячу раз больше подвигов: «я каждый день иду к зачумленным / по тысячам русских Яфф!»; «а я прошел в одном лишь июле / тысячу Аркольских мостов!»; «в сердце, выжженном, как Египет, есть тысяча тысяч пирамид!».

В предпоследней строфе поэт больше не настаивает на своей раздвоенности (Наполеон и «больше», чем Наполеон), снова приводя образ солнца, которое он называет «мое предсмертное солнце, / солнце Аустерлица», тем самым возвращаясь к своей наполеоновской ипостаси. Но это происходит только для того, чтобы окончательно от нее избавиться, оставшись в образе поэта, бросившего вызов войне-солнцу и оказавшегося его жертвой: «Помните, — пишет Маяковский: — еще одного убила война — / поэта с Большой Пресни!»

Отождествление между лирическим героем и Наполеоном, в результате которого поэт оказывается «больше», чем Наполеон, интересно не столько результатом (к которому романтики уже подходили имплицитно, а Северянин разъяснил довольно буквально), сколько самим процессом развертывания этого отождествления, в котором главную роль играет тема безумия. Призывая сумасшедших из России и Польши, «я-Наполеон» драматизирует идею безумия войны, но при этом его собственная мания величия оказывается как раз де-драматизирована, ибо признавая себя сумасшедшим он как бы снимает пафосность сравнения себя с Наполеоном. Тема безумия позволяет Маяковскому выстроить сложную структуру лирического героя, который в какой-то момент теряет свою идентичность и единство своей личности (которая, как мы показали, расщепляется), как бы сливаясь с хаосом войны, в котором он, в конечном счете, погибает, тем самым снова обретая себя как поэта. В этом контексте клише, связанные с наполеоновской легендой, оказываются аналогом психических автоматизмов, характерных для душевнобольных, что только усиливается идею абсолютной невыносимости переживаемой поэтом ситуации войны.

Таким образом, благодаря клиническому отождествлению лирического героя с Наполеоном, Маяковскому удается выразить свои антивоенные настроения с особой силой и трагизмом. Как ни

парадоксально, образ Наполеона-полководца служит Маяковскому в антивоенных целях, но это происходит не в силу внешних обстоятельств (как это было у Северянина в его патриотических инвективах, направленных против Кайзера), но именно благодаря внедрению Наполеона в бессознательное поэта. Тема расщепления личности, возникшая благодаря мотиву безумия, выражает стремление передать персональное бессознательное начало личности и коллективное бессознательное толпы. Состояние самотождественности, единства личности, к которому в конце стихотворения приходит лирический герой — это своеобразный синтез сознательного и бессознательного, который завершается, с тематической точки зрения, жертвенной гибелью поэта и его воззванием к коллективной памяти.

ОБРАЗ НАПОЛЕОНА И ЕГО ЭПОХИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАЦИЙ

Наполеоновский миф в России XIX–XX вв.

Секиринский Сергей Сергеевич

Наполеоновский миф уже при жизни его создателя становится феноменом европейской политики и культуры. Востребованности наполеоновской легенды способствовала ее многофункциональность, отразившая с теми или иными преувеличениями разнообразие ролей, исполненных Бонапартом в политической жизни и по-разному воспринятых общественным мнением европейских стран — вплоть до формирования образов-антиподов: «светлой» и «черной» легенд о Наполеоне, что вовсе не исключало их взаимовлияния³³⁶. Да и сама Французская революция, как теперь все более выясняется, генерировала множество мифов о себе, о составлявших ее ключевых событиях и фигурах³³⁷. И в этом смысле творец наполеоновской легенды, давно ставшей предметом анализа в специальной литературе³³⁸, тоже был сыном породившей его эпохи. После ухода Наполеона с исторической сцены судьбы созданного им мифа неразрывно связаны с попытками воплотить его заново, «повторить». Наполеон III и череда других «спасителей» Франции дали много пищи для сравнительных

³³⁶ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» (пер. с франц.). М., 1997. С. 366.

³³⁷ См.: Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007.

³³⁸ Geyl P. Napoleon: For and Against. New Haven and London, 1963; Descotes M. La legende de Napoléon et les écrivains français du XIX siècle. P., 1967; Tulard J. Anti- Napoléon. P., 1965; Idem. Le Mythe de Napoléon. P., 1971; Bainbridge S. Napoleon and English Romanticism. Cambridge, 1995; Wesling, Molly W. Napoleon in Russian Cultural Mythology. N.Y., 2001; Собуль А. Герой, «легенда», история (пер. с франц.) // Французский ежегодник, 1969. М., 1970. С. 233–254; Наполеон. Легенда и реальность. Материалы научных конференций и наполеоновских чтений, 1996–1998. М., 2003.

размышлений по этому поводу³³⁹. Как метко заметила Т.С. Кондратьева о более позднем времени и другой стране, «русские переживали собственную революцию, одновременно переживая в своем воображении революцию Французскую»³⁴⁰. Поэтому идея аналогии вполне исторична, реальна в том смысле, что сфера ее бытия — действительность верований, мифов, коллективного воображаемого. Питая амбиции не одного поколения политиков, военных, интеллектуалов, наполеоновский миф пустил прочные корни в культурах целого ряда стран. Анализируя основные вехи «рождения польского варианта наполеоновской легенды» и причины исключительной популярности императора французов среди поколений польских политических деятелей (не исключая и Ю. Пилсудского), интеллигенции, молодежи, современный польский историк Я. Чубаты заметил, что «сила его влияния может вызывать удивление у представителей тех народов, в исторической и коллективной памяти которых Наполеон стал “Атиллой XIX века”»³⁴¹. В числе этих народов, прямо не названных, подразумевалась, конечно, прежде всего Россия. Но проблема, требующая изучения, как раз и состоит в том, что отношение в нашей стране к Наполеону вовсе не было столь одномерным, как это показалось польскому исследователю, возможно, под влиянием той военно-патриотической традиции изучения «грозы Двенадцатого года», которая оттеснила на второй план другие аспекты развития наполеоновской темы в отечественной истории³⁴². Очень точно со-

³³⁹ *Choisel F.* Bonapartisme et gaullisme. P., 1987; *Thody Ph.* French Caesarism from Napoleon to Charles de Gaulle. L., 1989.

³⁴⁰ *Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак термидора (пер. с фр.). М., 1993. С. 198.

³⁴¹ *Чубаты Я.* Политические шансы, национальные мифы и эмоции. О значении наполеоновской эпохи в истории Польши // Историк и художник. 2008. № 1–2 (15–16). С. 156, 157.

³⁴² Тема «Наполеон и его русские современники» активно разрабатывается и в настоящее время. См.: *Лобачкова М.Г.* Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг.: автореферат дисс. ... канд. истор. наук. Самара, 2007; *Амбарцумов И.В.* Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX века: магистер. дисс. РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2008; *Тюна Я.В.* Общественное мнение Рос-

существование в русском сознании «светлых» и «черных» сторон наполеоновского образа передал один из мемуаристов-ветеранов 1812 г.: «гению подражали, а врага ненавидели»³⁴³. Именно поэтому уже в начале XIX в. борьба против Наполеона превращалась для российского императора и, по крайней мере, части его ближайшего окружения в идеологическое и политическое *соперничество* с ним в области перестройки внутригосударственных и международных отношений. В то же время обличения и «негодующие крики» против Бонапарта становились формой оппозиции либеральным начинаниям русского царя³⁴⁴, а падение М.М. Сперанского накануне войны с Наполеоном рассматривалось порой в консервативных кругах как «первая победа над французами»³⁴⁵. Наполеоновский образ вдохновлял в ту пору не только политические амбиции реформаторов, но и деятелей возникающих после завершения эпохи наполеоновских войн «тайных обществ» (П.И. Пестель, С.И. Муравьев-Апостол, М.Ф. Орлов)³⁴⁶. В дальнейшем наполеоновский миф оказал влияние и на поиски романтического героя в литературе 1820–1830-х гг. (Пушкин, Лермонтов), и на попытки идеологической репрезентации самодержавия Николая I. Есть основания полагать, что в это царствование параллельно с канонизацией памяти об Отечественной войне 1812 г. предпринимаются шаги к примирению правящей династии с ее недавним врагом посредством таких символических жестов, как включение в состав дома Романовых герцога М. Лейхтенбергского, сына пасынка Наполеона Е. Богарне (посредством его женитьбы на дочери русского императора вел. кн. Марии Николаевне и переезда в Россию); высочайшая санкция на доставку из Российской империи карель-

сии начала XIX века о наполеоновской Франции: дисс. ... канд. истор. наук. М., 2008; *Ratchinski A.* Napoléon et Alexander I. La guerre des idées. P., 2002, др.

³⁴³ Цит. по: *Казаков Н.И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 4. С. 54.

³⁴⁴ *Грунский Н.К.* Наполеон I в русской художественной литературе. Варшава, 1899. С. 60.

³⁴⁵ См.: *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 125, 127.

³⁴⁶ *Парсамов В.С.* Декабристы и Франция. М., 2010. С. 343–347, 418 (прим. 116).

ского малинового кварцита для гробницы Наполеона; публикация в 1844—1848 гг. пятитомной биографии французского императора, представленной Н.А. Полевым (и завершённой после смерти автора его братом) как героико-романтическая трагедия, внутренний конфликт между Бонапартом — едва ли не полубожественным гением, призванным судьбой для спасения Франции, и Бонапартом — человеком, с присущими ему страстями и слабостями. Созданный в этом труде образ Наполеона — укротителя «мятежа», спасителя отечества и «труженика на троне» был созвучен назидательному пушкинскому образу Петра в «Стансах», адресованных Николаю I. В обрисованную тенденцию николаевского времени хорошо вписывается и много содействовавший формированию в России более благоприятного образа Наполеона Ф. Булгарин, хотя, конечно, нельзя сбрасывать со счетов очень необычный жизненный опыт этого русского издателя и писателя, сказавшийся на его отношении к французскому императору³⁴⁷.

Распространению наполеоновского мифа в России не помешало ни появление Наполеона III, эксплуатировавшего в своих целях наполеоновскую легенду, отчасти «снизившего» образ своего предшественника и снова существенно испортившего отношения между Францией и Россией, ни косвенно связанное с этими обстоятельствами развенчание Наполеона как лжекумира Л. Толстым. Более того, в XIX столетии осведомленность в наполеонистике становится едва ли не такой же характерной чертой образованного человека, независимо от его отношения к Наполеону, как и умение ориентироваться в перипетиях античной истории и мифологии. Это хорошо видно на примере А.И. Герцена, дававшего Наполеону хотя и диалектичные, но зачастую убийственные характеристики («Как же после этого не теснить и не угнетать людей, когда это приобретает столько любви!»³⁴⁸). И в то же время пересыпавшего свои произведения ссылками на поступки, высказывания, эпизоды биографии Бонапарта. Более того, драматическую завязку «Былого и дум» — в занятой французами,

³⁴⁷ *Рейтблат А.И.* Булгарин и Наполеон // Наполеон. Легенда и реальность. Материалы научных конференций и наполеоновских чтений, 1996—1998. М., 2003. С. 202—212.

³⁴⁸ *Герцен А.И.* Былое и думы. Ч. 5 // *Герцен А.И.* Соч. в 9 т. Т. 5. М., 1956. С. 296.

горящей Москве — Герцен, как известно, предоставил благополучно разрешить не кому-нибудь, а Наполеону, отпустившему его отца с семьей из старой столицы в обмен на честное слово! Похоже, что увлеченное чтение в ранней молодости книг о Наполеоне, оставившее след в публицистике и беллетристике Герцена, свидетельствует о рано пробудившейся в этом исключительно талантливом человеке уверенности и в собственном призвании сыграть в истории роль, исполнить миссию, не такую, как самый прославленный избранник судьбы, но все-таки миссию, причем гораздо более возвышенную и благородную. Без этой воистину наполеоновской уверенности в собственном призвании не было бы ни Герцена как яркой общественной фигуры, ни его знаменитого и тоже легендарного художественного жизнеописания.

Как видно из отечественных мемуаров и беллетристики, едва ли не в каждом поколении русских юношей XIX столетия миф о Наполеоне порождал эпигонов, в большинстве оставшихся, конечно, совершенно безвестными. Одноклассником историка С.М. Соловьева по первой Московской гимназии в 1833—1838 гг. был некий сын мещанина Чернохвостов, который «в 16 или 17 лет» «влюбился в Наполеона и пришел к мысли, что он и в России, при ее настоящем положении, может сделаться Наполеоном». По словам Соловьева, это был «очень умный и развитой малый», и «у него достало настолько силы духа, чтобы начать осуществление своих мечтаний». В поисках военного поприща «тайком от матери и старшего брата» он пешком добрался до Кавказа, «чтоб поступить там в солдаты и выдраться в офицеры подвигами против горцев». Но случайно полученная травма быстро свела его в могилу³⁴⁹.

Характерно, что русских юношей, «вечно горевших» Наполеоном, влекла не только война. В пору учебы в киевской гимназии — на рубеже 1880—1890-х гг. — и будущему драматургу и переводчику Т.Л. Щепкиной-Куперник довелось познакомиться с таким же «фанатически» влюбленным в легендарный образ молодым человеком. Имени его она не запомнила и в мемуарах называла просто «Наполеон». В памяти остался только визуальный портрет: «Бледный, с шап-

³⁴⁹ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других (1877) // http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_0410.shtml

кой курчавых волос, с энергичным лицом, небольшого роста». Но со временем «Наполеона в его сердце заменила революция... и конец ему судьба приготовила трагический: он был убит в Томске в первую революцию»³⁵⁰. Наполеон, как известно, вышел из революции, а его русские поклонники, бывало, уходили в нее.

Уже ощущение сближения с Западом, возникшее с началом реформ 1860-х гг., не могло не вызвать среди осведомленной в европейской истории русской публики параллельного роста *нетерпеливых* ожиданий или *чрезмерных* опасений относительно перспектив движения по этому пути. «Формула русской истории страшно как напоминает формулу французской», — заметил К. Кавелин в эпоху дворянской фронды 1860-х гг.³⁵¹ Мысль о том, что «примеры истории научат... государя перескочить прямо с 1789 года в 1799-й, а потом перейти постепенно к концу 1851 года», была совсем не чужда и тогдашним представителям высшей бюрократии³⁵². Многоликий образ Наполеона быстро входит в становящийся ассоциативный ряд: сначала как предмет для актуального историко-политического анализа (Б.Н. Чичерин) или художественного осмысления (Ф.М. Достоевский), а затем и для прямого подражания. Знаменитая легенда о «белом генерале» была целенаправленно и артистично выстроена ее создателем — М.Д. Скобелевым в конце 1870-х — начале 1880-х гг. на основе наполеоновской эпопеи, а после ранней смерти русского генерала стараниями его зарубежных друзей возвратилась во Францию в качестве одного из удобных пропагандистских «прототипов» генерала Буланже³⁵³.

³⁵⁰ Щепкина-Куперник Т.Л. Дни моей жизни (1928) // http://az.lib.ru/s/shepkinakupernik_t_l/text_0350.shtml

³⁵¹ Письма К.Дм. Кавелина и Ив.С. Тургенева к Ал.Ив. Герцену. Женева, 1892. С. 56.

³⁵² Цит. по: Шатханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 198.

³⁵³ См.: Секиринский С.С. «Поддельная революция», тень Бонапарта и царь-миротворец // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. М., 2000. С. 102–128.

К концу XIX — началу XX в. актуализация наполеоновской темы в общеевропейском масштабе происходит под влиянием ницшеанской идеи сверхчеловека, а тесное взаимодействие национальных культур России и Франции дополняется их военно-политическим союзом, предопределившим известный параллелизм и в характере возрастающего интереса к Наполеону³⁵⁴. Выразителен диалог, произошедший на исходе XIX в. между шестилетней девочкой из русской интеллигентной семьи и ее родительницей: «Мама, что такое Наполеон? — Как? Ты не знаешь, что такое Наполеон? — Нет, мне никто не сказал. — Да ведь это же — в воздухе носится!»³⁵⁵.

Празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г. существенно умножает число книг, специально посвященных французскому императору³⁵⁶.

Всплеск интереса к Наполеону, как в России, так и за рубежом в годы, предшествовавшие мировой войне и социальным катаклизмам в Европе, оказался весьма кстати для русской читающей публики накануне 1917 г. и в пореволюционное время. Сохранилось интересное свидетельство о настроениях и круге чтения генерала Л.Г. Корнилова в австрийском плену, где он находился с весны 1915 г. до лета 1916 г. Узнавая из австрийской прессы о борьбе между

³⁵⁴ *Верещагин В.В.* Наполеон I в России. СПб., 1899; *Ковалевский П.И.* Наполеон I и его гений. 1901; *Юшкевич В.А.* Наполеон на поприще гражданского права-ведения и законодательства. М., 1905; *Трачевский А.С.* Наполеон I. Первые шаги и консульство. М., 1907; *Слонимский Л.З.* Наполеон и самодержавие. Исторический этюд. СПб., 1908. Издавалось и много переводной литературы о Наполеоне, адресованной разным кругам читателей.

³⁵⁵ *Цветаяева М.И.* Мой Пушкин (1937) // <http://www.tsvetayeva.com/>

³⁵⁶ Отечественная война и русское общество, 1812—1912: в 7 т. М., 1911. Т. 1—7; *Носков Н.Д.* Наполеон. История великого полководца. М., 1912. *Пименова Э.К.* Наполеон I / Историко-биограф. очерк. М., 1912; *Сократова Т.* Наполеон в России. М., 1912; *Военский К.А.* Наполеон и его маршалы в 1812 году. М., 1912; Библиотека 12-го года. Выпуск I. Наполеон. Рассказы из жизни Наполеона. М., 1912; Библиотека 12-го года. Выпуск VIII. Наполеон на бивуаках. М., 1912; *Соловьев Н.И.* Юность Наполеона и начало его карьеры. М., 1912; *Соловьев И.А.* Наполеон в ссылке (на о. Св. Елены) / Для детей и юношества. М., 1912; *Затворницкий Н.М.* Наполеоновская эпоха / Библиографический указатель. Вып. 1. СПб., 1914, и др.

правительством и прогрессивным блоком в России, Корнилов неоднократно говорил, что с удовольствием перевешал бы «всех этих Гучковых и Милюковых», и в то же время, словно примеривая на себя новую роль, заполнял вынужденный досуг чтением книг «почти исключительно» о Наполеоне. При этом вынужденное бездействие «еще больше раздражало его, так как он имел обыкновение проводить параллели между различными случаями из жизни великого корсиканца и своей собственной»³⁵⁷. Вообще же сформированная не без влияния интенсивной книгоиздательской деятельности историчность мышления, склонность примерять уже на пореформенную Россию, а в особенности, на ожидаемую и, наконец, вспыхнувшую в 1917 г. русскую революцию сценарий Французской революции, отличала представителей всех общественно-политических течений, не исключая порой и рядовых участников событий. Что же касается интеллектуальной элиты, враждебной большевикам, то для нее, как показывает, например, переписка Б.А. Бахметева с В.А. Маклаковым, труд французского историка А. Вандаля «Возвышение Бонапарта», впервые вышедший в 1902 г., оказался уже в 1920-е гг. «одной из... любимых книг», «полезным по нашим временам, — как отмечал Бахметев, — произведением»³⁵⁸.

Особую роль в судьбах наполеоновского мифа в нашей стране сыграли радикальные социально-политические трансформации, произошедшие в начале и в конце XX в.: в обоих случаях по истечении недолгого периода политической эйфории образ Наполеона, *разорившего* «пол-России» в 1812 г., был востребован в своей главной ипостаси «Спасителя» как символ нового государственного *строительства*.

Еще накануне революции 1917 г. казалось, что миф о Наполеоне принадлежит прошлому, а время для беспристрастной научной оценки этой исторической личности настало бесповоротно. Со страниц главного юбилейного издания, приуроченного к 100-

³⁵⁷ Мартынов Е.И. Корнилов. Попытка военного переворота. Л., 1927. С. 16–18.

³⁵⁸ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 158 (Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову. 16 ноября 1922 г.).

летию войны 1812 г. и представившего весьма широкий взгляд на деятельность французского императора, Н.И. Кареев авторитетно заявлял: «Время культа героев, великих людей, провиденциальных деятелей, исполняющих исторические миссии, отошло в область прошлого»³⁵⁹.

Таков был вывод ведущих историков той поры. Начавшаяся революция поставила его под сомнение. Когда летом 1917 г. недавний революционер-эмигрант Б.В. Савинков был назначен управляющим Военным министерством, поэт Максимилиан Волошин обратился к нему со страстным посланием: «Ваша судьба глубоко волнует меня. В революциях меня всегда пленяла сказочность неожиданных превращений: человеческих взлетов и падений. Только они выявляют на мгновение скрытые лики руководящих сил. Вся остальная обыденность революции, ил и муть растревоженных душ и вожделений, только естественный физиологический процесс, простой, как разложение трупа. Не прошло еще двадцати месяцев, как Вы, собираясь идти волонтером во Франции, говорили мне, что к концу войны будете квартирмейстером от кавалерии и не помириться на меньшем. И вот Вы во главе *русского* военного министерства! Это головокружительно и логично: конечно, не обыденной, но “звездной” логикой планет, руководящих ходом истории и судьбами отдельных избранных. Человеку даны две творческих силы: по отношению к будущему — Вера (обличение вещей невидимых), по отношению к настоящему — Разум (критицизм, скептицизм). Их субъективная окраска — энтузиазм и презрение. Силы эти противоположны и полярны, и соединение их в одном лице рождает взрыв, молнию-действие. Но обычно их стараются обезопасить, соединить в устойчивой химической комбинации в виде политической теории или партийной программы: целлулоид, приготавливаемый из нитроглицерина! Отсюда ненависть к “идеологиям”, отличающая носителей молний, создававших великие государственные сплавы — Цезарей и Наполеонов. Из всех людей, выдвинутых революцией и являющихся, в большинстве случаев, микробами разложения, я только в Вас вижу наст<оющего> “литейщика”, действенное

³⁵⁹ Кареев Н.И. Историческая литература о Наполеоне // Отечественная война и русское общество, 1812–1912: в 7 т. М., 1911. Т. 7. С. 279.

и молниеносное сочетание религиозной веры с безнадежным знанием людей»³⁶⁰.

В отличие от экзальтированных поэтов у революционных марксистов, вскоре пришедших к власти, презрения к культу великих людей было поначалу порой даже больше, чем у либеральных историков. Когда после покушения на Ленина 30 августа 1918 г. в Москве распространился слух, будто он убит, Марина Цветаева получила известие об этом вместе с весточкой «с Дону» от мужа Сергея Эфрона, белого офицера. Для Цветаевой, жившей с двумя дочерьми Алей (Ариадной) и Ириной в Борисоглебском переулке, радость была двойная: «Ленин убит, и Сережа жив!». Но для нас особенно интересен рассказ Цветаевой о реакции на слух об убийстве Ленина другого лица и состоявшемся между ними разговоре на эту тему: «Вечер того же дня. Квартирант-коммунист З<ак>с, забега в кухню: — Ну что, довольны? Туплю глаза, — не по робости, конечно: боюсь слишком явной радостью оскорбить. (Ленин убит, белая гвардия вошла, все коммунисты повешены, З<ак>с — первый)... Уже — великодушье победителя. — А вы — очень огорчены? — Я? (Передергиванье плеч.) Для нас, марксистов, не признающих личности в истории, это, вообще, не важно, — Ленин или еще кто-нибудь. Это вы, представители буржуазной культуры... (новая судорога)... с вашими Наполеонами и Цезарями... (сатанинская усмешка)... а для нас, знаете. Нынче Ленин, а завтра...

Оскорбленная за Ленина (!!!) молчу. Недоуменная пауза. И быстро-быстро: — Марина Ивановна, я тут сахар получил, три четверти фунта, мне не нужно, я с сахарином пью, может быть, возьмете для Али?»³⁶¹.

Уже после этого разговора большевик-квартирант Бернард Закс сумел пристроить не скрывавшую своих политических симпатий жену белого офицера на работу в Наркомнац. Но присущее ему деятельное сочувствие к людям обыкновенным, как и демонстративное

³⁶⁰ Цит. по: Давыдов З., Купченко В. «Душевно ваш В. Ропшин...» (Переписка Бориса Савинкова с Максимилианом Волошиным) // Максимилиан Волошин. Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. Эл. ресурс: http://az.lib.ru/s/sawinkow_b_w/text_0120.shtml

³⁶¹ Цветаева М.И. Покушение на Ленина (1925) // <http://www.tsvetayeva.com/>

презрение к жизни и смерти даже своих вождей, вскоре вышло из моды.

Призыв к реабилитации «гениального Бонапарта», выведившего Францию из революционного хаоса под лозунгом «нация прежде всего» (П.И. Новгородцев), действительно звучал из белого стана, но спустя какое-то время он нашел отклик и среди «красных». Уже дневник Д.А. Фурманова от 6 августа 1919 г. фиксирует любопытный диалог с В.И. Чапаевым, в котором выразилось (пусть и в очень наивной форме) характерное для того времени «головокружение» начдива, тоже выдвинутого революцией и вполне готового помериться силами с легендарным французским полководцем:

«— Наполеон командовал всего 18–20-ю тысячами, а у меня уж и по 30 тысяч бывало под рукой, так что, пожалуй, я и выше него стою. Наполеону в то время было легко сражаться, тогда еще не было ни аэропланов, ни удушливых газов, а мне, Чапаеву, — мне теперь куда труднее. Так что моя заслуга, пожалуй что, и повыше будет наполеоновской... В честь моего имени строятся народные дома, там висят мои портреты. Да если бы мне теперь дали армию — что я, не совладею, что ли? Лучше любого командарма совладею!

— Ну, а фронт дать? — шучу я.

— И с фронтом совладею... Да все вооруженные силы Республики, и тут так накачаю, что только повертывайся...

— Ну, а во всем мире?

— Нет, тут пока не сумею, потому что надо знать все языки, а я, кроме своего, не знаю ни одного. Потом поучусь сначала на своей России, а потом сумел бы и все принять. Что я захочу — то никогда не отобьется...»³⁶².

Разные версии наполеоновского мифа, воскресшего в противостоявших друг другу общественно-политических лагерях, лучше всего представляют две книги: «Наполеон» Д. Мережковского (1927), созданный в эмиграции и воплотивший нереализованные политические ожидания ее влиятельной части, и «Наполеон» Е. Тарле (1936), написанный в СССР по прямому заказу Сталина и его близкого окружения

³⁶² Фурманов Д.А. Рассказы; Повести; Заметки о литературе. М., 1984. Эл. ресурс: http://az.lib.ru/f/furmanow_d_a/text_0210.shtml

(К. Радек)³⁶³. В тот же год, когда Тарле приступил к выполнению важного политического заказа, в Красной армии было введено высшее воинское звание маршала, которого в русской императорской армии никогда не было. Но оно было в армиях Франции и традиционно тяготевшей к ней Польши. Именно Наполеон, став императором, восстановил звание маршала, отмененное во Франции революцией вместе с другими символами старого порядка. Можно допустить, что этот наполеоновский жест, достаточно легко узнаваемый в идейной атмосфере того времени, еще недавно пронизанной аналогиями с историей *другой* революции, был повторен Сталиным не случайно. Отныне даже потенциальные претенденты на роль «красного Бонапарта» из среды советского комсостава, на которых делала ставку часть эмиграции, все еще жившая по «сценарию» французской истории, должны были понять, что «вакантное место» занято и пределом их честолюбивых мечтаний может стать только маршальский жезл. Склонность к использованию выразительных символических жестов, построенных на исторических аналогиях, литературных и визуальных образах, проглядывает и в поступках Сталина во время и сразу после Великой Отечественной войны. Знаменитый «драматургический демарш Верховного главнокомандующего», связанный с рекламой пьесы А. Корнейчука «Фронт», стал окольным политическим ударом по генералитету, разочаровавшему Сталина летом 1942 г.³⁶⁴ Возвращение в армию погон вместе с отказом рядовому солдату в праве на минимум сокровенного — нагрудный карман на его гимнастерке (январь 1943 г.), — это был уже ободряющий сталинский жест в сторону всего офицерского корпуса, реабилитировавшего себя победой под Сталинградом, и вместе с тем указание солдату на *подобающее ему место*, как выразился 1 июня 1943 г. А.Т. Твардовский, имея в виду не только свою, попавшую тогда в полуопалу поэму «Васи-

³⁶³ См.: Кен О.Н. «Работа по истории» и стратегия авторитаризма, 1935–1937 гг. // Личность и власть в истории России. Мат-лы научной конф. СПб., 1997. С. 108–117; Он же. Между Цезарем и Чингис-ханом. «Наполеон» Е.В. Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х годов // Клио. 1998. № 3. С. 67–83.

³⁶⁴ См.: Токарев В.А. Драматургический демарш Верховного главнокомандующего // Историк и художник. 2006. № 4 (6). С. 7–31.

лий Теркин»³⁶⁵. Когда же стало ясно, что обновленный комсостав армии-победительницы выходит из войны, набрав излишний (с точки зрения руководства страны) политический вес и с окрепшим корпоративным духом, Сталин — одним *росчерком карандаша* в списке писателей и произведений, представленных к премии 1-й степени его имени³⁶⁶, — *апеллировал уже непосредственно к «солдату-народу»*, образ которого и воплотил Твардовский в «Василии Теркине». Этим новым *символическим жестом* бесспорный вождь и генералиссимус (с июня 1945 г.) великодушно поделился лаврами победителя с рядовым солдатом (о присуждении Твардовскому Сталинской премии 1-й степени за «Теркина» было объявлено в январе 1946 г.), окольным путем указав теперь уже своим генералам и маршалам *на подобающее им место*. Лишь затем (в июне 1946 г.) последовал *прямой* сталинский удар по верхушке советского генералитета, обвиненной одновременно в «бонапартистских замашках» и пристрастии к трофейному «барахлу». В свете всех этих маневров «бонапартистские замашки» обнаруживаются и в действиях главного обвинителя. Что же касается советских трактовок образа французского императора, как и примера его неудавшейся военной кампании против России в 1812 г.³⁶⁷, в период войны, то их, видимо, следовало бы рассмотреть не только в плане ставшей с тех пор расхожей параллели: «борьба России против Наполеона / борьба СССР против Гитлера», но и с точки зрения борьбы «за» Наполеона между пропагандистскими машинами двух противостоявших государств, в которой со стороны СССР принял участие академик Тарле³⁶⁸.

Если политический контекст появления и метаморфоз его «Наполеона» в 1930-х — начале 1940-х гг. достаточно освещен, то этого нельзя сказать о следующей советской биографии Наполеона, подготовленной А.З. Манфредом на исходе 1960-х гг. и,

³⁶⁵ Александр Твардовский: «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма. 1941–1945. М., 2005. С. 189.

³⁶⁶ Там же. С. 393.

³⁶⁷ *Сивков К.В.* Разгром Наполеона в России в 1812 г. М.—Л., 1941; *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. М., 1943.

³⁶⁸ *Тарле Е.В.* Гитлеровщина и наполеоновская эпоха. М.—Л., 1942.

видимо, не случайно *заказанной* ему издательством «Мысль»³⁶⁹ на волне начавшейся ресталинизации³⁷⁰. Тем не менее, новая книга о французском императоре воплотила уже не поиски власти, а склад мыслей интеллигентов-шестидесятников. Манфред, принадлежавший к поколению «романтиков революции», создал образ, который приобрел особенно выразительную внутреннюю динамику. Этого было достаточно для того, чтобы его «Наполеон Бонапарт» стал аллегорией (скорее всего не осознанной самим автором до конца) судьбы режима — наследника революции, скатывающегося в «застой». Вместе с тем идеология и мораль революции в книге Манфреда не только не подверглись эрозии, а представлены даже более последовательно и жестко, чем у Тарле. Рожденная в годы «оттепели» сравнительно большая творческая свобода этого поколения историков и обществоведов имела свои жесткие внутренние границы, особенно ярко выявленные в то время, когда попытки обновления и «оживления» революционной идеологии потерпели окончательный крах и до которого сам автор «Наполеона Бонапарта» не дожил.

Ситуация, в которой оказались страна и власть, вышедшие из периода кардинальных преобразований рубежа 1980 — 1990-х гг., снова привела к возвращению наполеоновского мифа в новообразованное пространство публичной политики. Прямые апелляции к наполеоновской теме стали тогда уделом не самих публичных политиков — предполагаемых «Бонапартов», а скорее способом их исторической «дешифровки» по аналогии или, наоборот, навязывания общественному мнению таких аналогий с помощью СМИ.

Востребованности наполеоновской легенды в России способствует не только ее изначальная многофункциональность, но и комплекс факторов отечественного происхождения: склонность российского

³⁶⁹ *Оболенская С.В.* Еще раз об Альберте Захаровиче Манфреде // Французский ежегодник, 2006. М., 2006. Эл. ресурс: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Obolenskaja-2006.html>

³⁷⁰ *Гордон А.В.* А.З. Манфред — биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м) // Там же. Эл. ресурс: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Gordon-2006.html>

общества к персонификации власти, подчас скачкообразный и кризисный характер развития страны, укоренившаяся в образованном слое привычка оценивать политические перспективы России с оглядкой на историю Франции и др.

Наполеон Бонапарт как фигура русского национального самосознания

Черепанова Розалия Семеновна

Подобно тому, как воспетый Маяковским «Товарищ Нетте» был не только парашютистом, но и человеком, Наполеон Бонапарт является не только историческим, но и мифологическим персонажем.

Хотя существует немало национальных версий этой легенды, «русская» версия остается одной из самых ярких и так часто актуализируется, что: «Наполеон, — уверенно заявляют два серьезных современных исследователя, — навеки запечатлен в русской исторической памяти»³⁷¹.

«Навеки» или нет, но на протяжении длительного времени Наполеон Бонапарт действительно остается не только актуальным воплощением «образа врага» внутри официальных идеологем, но и одной из ключевых фигур русского национального самосознания.

Столь глубокое попадание Наполеона в российскую культурную память стало возможным в немалой степени благодаря тому, что его вступление на историческую сцену совпало во времени с рождением русского национализма.

Согласно М. Хроху, национальное движение проходит в своем развитии несколько стадий. На протяжении первой (и частично второй) интеллектуалам надлежит поставить перед обществом вопросы об историческом пути своего народа («Кто мы?», «Какие мы?», «Куда мы идем?») и предложить на них внятные ответы. Естественно, что аргументация под этими «ответами» может быть только мифологической³⁷².

³⁷¹ Волгин И.Л., Наринский М.М. Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // *Метаморфозы Европы*. М., 1993. С. 128.

³⁷² Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации // *Нации и национализм* / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. С. 121–145.

Прослойка русских интеллектуалов, более или менее оформившаяся при Екатерине II, достаточно активно приступила к этой работе. От аристократического традиционализма М. Щербатова до критического детерминизма и натурализма И. Болтина, включая различные промежуточные варианты, искания русской мысли неизменно строились на фундаменте просветительского рационализма, пока не грянула Великая Французская революция, оказавшаяся не только триумфом, но и приговором для классического просветительства. А триумфом и приговором самой Французской революции стал Наполеон Бонапарт.

С самого начала его фигура олицетворяла собой Революцию, со всеми ее метафорическими оттенками Силы-Насилия, включая ту революцию сверху, которую приписывали Великому Петру, а затем Великой Екатерине, и о необходимости которой для отстающих стран так долго говорили просветители. Именно в этом качестве фигура Наполеона была опознана Павлом I. Рыцарственному, возведшему благородство в культ Павлу также не могли не импонировать такие поступки Наполеона, как посещение им солдатского чумного госпиталя в Яффе или решение отпустить на родину русских пленных. Кроме того, Павел, стремящийся подражать своему прадеду Петру I, не мог не соблазниться перспективой великих, совместных с Наполеоном, восточных походов и, несомненно, видел параллели между собой и Наполеоном как Усмирителем Хаоса и Отцом Порядка. Дм. Мережковский в своем труде о Наполеоне заметил, что Бонапарт предпочел просветительской свободе просветительскую же идею равенства, из чего и вырос весь его «деспотизм» — но ведь и «деспотизм» Павла произрастал из того же предпочтения: равенства для всех, от крепостных до аристократов, перед ним как носителем нравственной идеи.

Однако русское дворянство, чьи чувства к тому же искусно подпитывались из английских источников, этого сходства не замечало и, настроенное резко против Павла, весьма благосклонно, если не с восхищением воспринимало персону Бонапарта³⁷³. Однако сопоставляло оно Наполеона не с Павлом, а с юным Александром. Явная

³⁷³ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 230; Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 182.

линия этого сопряжения проходила через поля Просвещения, а также римской мифологии и метафорики. Другая, скрытая линия касалась легитимности их власти, поскольку оба они, так или иначе, пришли к ней в результате переворота. Рациональным обоснованием легитимности правителя, в духе философии времени, представлялись его «благодетельные» для страны преобразования и личное «бескорыстие». Известны слова молодого Александра о том, как он мечтает, дав России свободу и благоустроив ее, отречься от престола и удалиться вести тихую сельскую жизнь; аналогичные слова молодого Наполеона приводит в книге о нем Дм. Мережковский.

Вскоре в этом негласном соперничестве Бонапарт решительно вырвался вперед. Провозглашенный императором, получивший высшую, сакральную легитимность от папы римского, Наполеон укрепил и легитимность рациональную, создав в 1804 г. свой гениальный Кодекс, на фоне которого все реформы Александра I выглядели неловкими и неумелыми опытами. Предвосхищая разочарование русского общества в нем самом, на фоне впечатляющих военных успехов Франции над силами 3-й и 4-й коалиций, Александр поспешил заявить о своем разочаровании в Наполеоне, который ныне есть «знаменитейший из тиранов, каких мы находим в истории»³⁷⁴.

Надо сказать, что до 1805 г. в России циркулировали на равных условиях апологетические, памфлетно-пасквильные и относительно нейтральные печатные произведения о Бонапарте, использующие личность и судьбу французского правителя не только для обсуждения неких политических идей, но и как вариант приключенческого романа о похождениях трикстера, и как столь важный для национальной работы способ культурного означивания (Наполеон глазами «честного немца», «свободного английского мужа» или «русского патриота»). Начиная с 1805 г., разумеется, с подачи правительства, в русской печати появляются новые ноты: деспотизму Наполеона противопоставляется свобода, гласность и просвещение александровской России («Рассмотрение политических происшествий нынешнего времени русским патриотом к его соотечественникам»), а сам французский деспотизм уподобляется «султанскому», восточному, так что именно

³⁷⁴ Шильдер Н.К. Император Александр I. СПб., 1904. Т. II. С. 117–118.

Россия выступает по отношению к Франции подлинно европейской страной, наследницей великих идей Просвещения («Некоторые замечания на последнее послание Бонапарте к охранительному его Сенату, из Берлина 21 ноября 1806 г.»).

Еще более сильным ходом оказалось перенесение противостояния из поля рациональной критики в поле духовное. Оба правителя, и Наполеон, и Александр, к тому времени достаточно далеко отошли от просветительского отношения к религии и, по крайней мере, сознавали ее немалый политический и нравственный ресурс. И вот не без подачи Александра Святейший Синод в начале кампании 1806 г. выступил с объявлением Наполеона «неистовым врагом мира», который «помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устроить их на испровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона». Объявление Святейшего Синода сопровождалось выдержанным в аналогичных выражениях объявлением митрополита Римских церквей в России Станислава Богуша.

На фоне этих метафор Тильзитский мир напрямую компрометировал русскую монархию как договор с врагом рода человеческого. П.А. Вяземский отмечал в своей «Старой записной книжке»: «Когда узнали в России о свидании императоров, зашла о том речь у двух мужичков. “Как же это, — говорит один, — наш батюшка православный царь мог решиться сойтись с этим окаяннным, с этим нехристом? Ведь это страшный грех!”» [Цит. по: Василик]³⁷⁵.

По свидетельству Н.И. Греча, дворянское «общее мнение» также «порицало Александра»³⁷⁶. Против мира и союза с Наполеоном открыто выступала вдовствующая императрица Мария Федоровна, обвинявшая сына в предательстве русских интересов, а бывшие «молодые друзья» Александра I (А.А. Чарторыйский, П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев) «в своем противодействии Тильзиту... зашли так далеко, что стали распространять в Петербурге английские

³⁷⁵ Василик В. Образ Наполеона-антихриста в русском общественном сознании первой трети XIX века // <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/34380.htm>

³⁷⁶ Греч. Указ. соч. С. 228.

антиильзитские памфлеты»³⁷⁷. На подготовленной в XVIII (Болтин, Щербатов, Сумароков, Фонвизин, Новиков) и начале XIX (Карамзин, Шишков) в. почве расцвели антифранцузские, а поскольку Франция олицетворяла собой Просвещение и Европу, то и, шире, антизападнические настроения.

Образ Наполеона активно сопрягался с дискуссиями о русскости, о национальных началах (среди которых центральное место, безусловно, принадлежало православию), дискуссиями, которые с самого начала Александровского царствования с разных сторон возглавляли А.С. Шишков и Н.М. Карамзин. Последний выпустил в 1811 г. программную для русского национализма Записку «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», в которой утверждал, что союз с Францией, втягивая Россию в орбиту наполеоновской политики, только приближает неизбежное военное столкновение, и указывал, что одна из главных причин неудовольствия россиян нынешним правительством есть ненужная любовь его к рационально спланированным преобразованиям, которые, может быть, свойственны Европе, но на русской почве лишь потрясают основы Империи.

Однако «Тильзитская» позиция русского правительства могла быть прочитана не только как «предательство» русских «начал» и русских интересов, но и как проявление «русского православного смирения», последний шанс для «нехристей» стать на путь истины и добра. Шанс, которым «супостат» Наполеон не воспользовался.

Немаловажное значение для общих настроений имела и «игра» Наполеона вокруг судьбы Польши как «буфера» против России в ее амбициях не только имперской, но и вообще европейской державы. Наполеон, таким образом, в определенных кругах русской элиты воплотил своей персоной Запад в самой его сути, заведомо недружественной к России.

Таким образом, с одной стороны, «Наполеоновский вопрос» оказался переплетен с двумя «вечными» вопросами российской истории — польским и еврейским, а, с другой стороны, в русском сознании совершился «поворот» от просветительской «всечеловеч-

³⁷⁷ Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I. М., 2003. С. 186, 182.

ности» к осознанию русского культурного и цивилизационного своеобразия.

Привыкшая со времен Петра I отождествлять себя с Европой, Россия с удивлением обнаруживала, что, несмотря на все свои успехи, так и остается для Европы «чужой»: опасным или по крайней мере не слишком желанным соседом с Востока. Отголоски этих переживаний можно найти в «Войне и мире» Толстого, где Наполеон с осязаемой фальшью сокрушается о том, что Александр мог бы быть вознагражден половиной его, Наполеона, завоеваний, осчастливив тем самым свое отечество; но, отказавшись следовать воле Наполеона, вынудил его «забросить» Россию обратно «за Двину, за Днепр», восстановив против нее «ту преграду, которую Европа была преступна и слепа, что позволила разрушить»³⁷⁸.

По всем этим основаниям назревающая война 1812 г. просто обречена была стать «Отечественной», дабы Россия, отразив нашествие «двунадесяти язык», могла «спасти» Европу и тем доказать ей собственную «просвещенность» и «нужность» — вывод весьма естественный, поскольку всюду, но особенно в странах догоняющего развития, характерным для первоначального национализма выступает мессианский элемент³⁷⁹. Наполеон лишь предоставил этому потенциальному мессианизму удобный исторический повод.

Другой повод явила сама природа в виде «небесного знака» — кометы, от зрелища которой в народе: «Начались толки о преставлении света, о том, что Наполеон есть предреченный Антихрист, указанный прямо в апокалипсисе под именем Аполиона»³⁸⁰.

Диакон Владимир Василик, приводя аналогичные примеры, полагает, что «Подобные настроения были распространены и в действующей армии. В своих записках... полковник И.Л. Радожицкий

³⁷⁸ Толстой Л.Н. Война и мир: Роман в четырех томах. Т. III–IV. М., 2000. С. 29, 32.

³⁷⁹ Левкиевская Е. Русская идея в контексте исторических мифологических моделей и механизмы их сакрализации // Мифы и мифология в современной России / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2000. С. 68; Миллер А. Национализм как фактор развития // Общественные науки и современность, 1992. № 1. С. 125. С. 125.

³⁸⁰ Завалишин Д.И. Воспоминания. М., 2003. С. 1516.

вспоминал об одном из нестроевых офицеров, знатоке Священного Писания, который в начале войны проповедовал: Наполеон есть «антихрист, сиречь Аполлион», предрекал занятие французами Москвы и т.п.»³⁸¹.

Последнее, о Москве, совершенно не удивительно: сданная Москва выступает той жертвой, после которой только и может начаться низвержение Антихриста.

Сама военная кампания русских, столь странно-пассивная вначале, идеально легла на пишущийся сценарий «русскости» (как смиренности во всем, кроме твердости в Боге, так что сам русский патриотизм есть лишь не что иное, как верность вере предков и готовность за нее умереть). Не случайно эта война сопровождалась таким взлетом национального мифотворчества, рождавшего не ложь, но некую высшую смысловую правду.

Так, А.И. Тургенев, А.Ф. Воейков и Н.И. Греч на волне патриотических чувств сочиняли и печатали в респектабельном «Сыне Отечества» рассказы о крестьянине, отрубившем себе руку, на которой французы поставили клеймо («русский Сцевола»), о старостихе Василисе, взявшей французов в плен, и т.п.³⁸². То, что реальная картина народных настроений не всегда соответствовала этой красивой сказке, совершенно не имело значения: в народной памяти остались не «роптавшие» на своих дворян и якобы «готовые к мятежу» крестьяне — в народной памяти триумфально осталась именно старостиха Василиса, поскольку ее образ изображал правильное поведение не крестьянки — христианки в «апокалиптической» войне.

Соответственно, и победа в такой войне не могла быть ничем иным, как явлением Чуда. Об истоках этого Чуда можно было спорить («остервенение народа, Барклай, зима иль русский Бог»), но, так или иначе, а православная и небуржуазная Россия, победив «Антихриста», освободила Европу, и это чудо было лучшим ответом на возможные упреки в «отсталости» страны или на обвинения Александру I в неудаче его реформаторской программы. Вслед за

³⁸¹ *Василик В.* Образ Наполеона-антихриста в русском общественном сознании первой трети XIX века // <http://www.pravoslavie.ru/arithv/34380.htm>

³⁸² *Ильин-Томич А.* Кто придумал русского Сцеволу? // *Родина.* 1992. № 6/7. С. 126–127.

Наполеоновским проектом «единой Европы» Александр победно утвердил собственный проект, определив его целью создание нового порядка человеческого общежития, порядка, основанного на Слове и учении «Спасителя нашего Иисуса Христа».

Воплощенная утопия, однако, быстро рождает разочарование. Не только Меттерниху, но и многим другим самоупоение и вдохновенное миссионерство Александра казалось смешной нелепостью или азиатским коварством. Только что созданный Священный Союз уже трещал по швам, и триумф Александра довольно быстро обернулся очередной для него неудачей, что крайне обострило в русском обществе тоску по Герою, по великой исторической личности.

На этом фоне и на питательной почве романтизма образ Наполеона подвергался стремительной переоценке: «Поверженный ...наследник революции, сотрясавший “престолы царей”, становится символом либерально-оппозиционных устремлений»³⁸³. Честолюбие Наполеона, по замечанию Амбарцумова, теперь рассматривалось как проявление величия души и помыслов; «безбожие» контрастировало с приторной до лицедейства религиозностью Александра; военный гений Бонапарта, в отличие от военных способностей Александра, не вызывал сомнений, а вот «тиранство» вполне могло быть сравниваемо с разных точек зрения (в том числе, с точки зрения так и не воплощенной Александром «революции сверху»).

Так, если в 1814 г. Наполеон для Пушкина лишь «тиран», чей близок час паденья («Воспоминания в Царском Селе»), в 1815 г. он — некая демоническая фигура, замышляющая мировое зло и побежденная «младым царем полнощи» («Наполеон на Эльбе»), в 1821 г. он уже откровенно «великий человек», знающий тайны управления народом, «могучий баловень побед» из числа вершителей судеб мира, обессмертивший свое имя, презревший человечество, но не рассчитавший только русского сердца и парадоксальным образом указавший русскому народу его «высокий жребий» («Наполеон»),

³⁸³ Амбарцумов И.В. Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX века [Электронный ресурс]: Магистерская дис. / ГОУ ВПО РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2008. — Режим доступа: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Ambartsumov/intro.html>, свободный. — Загл. с экрана.

а в 1824 г. тираном выглядит уже Александр, тогда как Наполеон — подлинно «чудный муж, посланник провиденья, свершитель роковой безвестного веленья, сей всадник, перед кем склонились цари, мятежной вольности наследник и убийца», и призрак его грозным напоминанием является русскому правителю («Недвижный страж дремал...»). В 1830 г., отвечая на вопрос, в какой момент Наполеон более всего поражает воображение поэта, Пушкин вспоминает эпизод в чумном госпитале, в Яффе («Герой»); любопытно, что в этом же году император Николай I, словно продолжая соревнование своего покойного брата с Наполеоном за звание «подлинного» Героя, посетил холерную Москву.

Русским людям жребий Наполеона виделся не только уроком исторической относительности, но и столь известной в деспотических странах «судьбой-злодейкой», прикрывшейся, по моде времени, романтическими одеждами античного Рока (Лермонтов, «К ***», 1830 г.). Его пример призван научить человечество смирению и заставить задуматься о законах и перспективах его исторического пути. Таким образом, не Россия, не Москва, но уже сам Наполеон оказывался в роли Агнца на закланье, «истинного мученика» (П.А. Вяземский), «Жертвы» Рока или даже людского «вероломства» (Лермонтов, «Последнее новоселье», 1841 г.), следовательно, он уже не «Антихрист», а отвергнутый «Спаситель» (не случайно же руки его, что подчеркнуто трижды, «сложены крестом» — Лермонтов, «Эпитафия Наполеона», 1830 г.), настоящий романтический Герой, противопоставленный толпе, бессмертный и до сих пор пытающийся (возможно, в какой-то новой ипостаси) вернуться в мир (Лермонтов, «Св. Елена», 1829 г.; Жуковский, «Ночной смотр», 1836 г.; Лермонтов, «Воздушный корабль», 1840 г.).

У Пушкина, правда, — в отличие от Лермонтова, или от большинства декабристов, или от фрондеров Николаевского царствования — эта перспектива напряженного ожидания «нашего Наполеона» вызывала скорее тревогу и горечь: «Мы все глядим в Наполеоны; // Двуногих тварей миллионы // Для нас орудие одно...» (Пушкин, «Евгений Онегин»), а сам «наполеонизм» прочитывается как проявление пошлости и тщеславия рода людского, очередной виток вечного противостояния России и не принимающей ее Европы («Клеветникам России», «Бородинская годовщина»).

Таким образом, фигура Наполеона становилась в России важным маркером для само- и взаимной идентификации в ту эпоху, когда вызревание политических идеологий еще не было завершено и открытый разговор на эти темы был невозможен.

По пути, намеченному Пушкиным, следовали и Гоголь, и Хомяков, и Достоевский, и, в целом, формирующееся консервативное крыло русской мысли. В этом кругу Наполеон был воплощением страшной гордыни и претензий человека на богочеловечество, плодом «западных начал», остановленным только «русскими началами» (Хомяков, «На перенесение Наполеонова праха», 1840 г.).

В 1830—40-е гг. вообще актуализируется прочтение образа Наполеона как воплощения Европейскости: рационализма, революционности, буржуазности, пошлости — словом, всего, что несет в себе «Запад» как антипод России. В этом же ключе, по сути, выписан Наполеон и у Л.Толстого («Война и мир»): он так же противостоит «народному духу», нарочито, до пошлости, приземлен, и т.д.

Об интерпретации гоголевского Чичикова как Наполеона-Антихриста написано немало работ, и еще больше трудов посвящено «наполеонам» Достоевского. Федор Михайлович, возможно, и сам себя пытался сравнивать с Наполеоном³⁸⁴, поэтому о проблеме знал не по наслышке, от чего и ставил так безжалостно своих «наполеонов» (Раскольников, Прохарчин) на место. Однако и Наполеон у него в итоге оказывается не выше мелкого чиновника, поскольку «Наполеонизм, несмотря на свой «вселенский» замах, имманентно провинциален <...> Наполеон возлагает на себя императорскую корону и вступает в династический брак не из одних политических видов, но и для того, чтобы избавиться от своих застарелых провинциальных комплексов. Завоевавший Париж и овладевший едва ли не всей Европой, он в глубине души ощущает себя неловким провинциалом, которому вот-вот могут указать на дверь»³⁸⁵. Наполеон провинциален для Европы так же, как провинциальна для нее Россия; комплекс Наполеона — это русский национальный комплекс.

Наполеон Достоевского, вызывающий пронзительную жалость, а оттого и любовь у оказавшегося рядом маленького мальчика Ивол-

³⁸⁴ Волгин, Наринский. Указ. соч. С. 131.

³⁸⁵ Там же. С. 143—144.

гина, бесконечно трагичен в своей попытке дотянуться до исторического величия.

Наполеон Толстого, напротив, пуст и насквозь лицемерен: «Наполеон Толстого — человек самоупоенный. Наполеон Достоевского — человек страдающий», стонущий и плачущий по ночам, потому весь он — воплощенная «несвобода, это сверхличная власть, порабащующая своего носителя»³⁸⁶.

Обострение интереса к Наполеону Бонапарту в 1860—70-х гг., конечно, было связано не только с Наполеоном III и его «антирусской» политикой, но и, в первую очередь, с вопросом об историческом пути и перспективах России, тяжело переживающей последствия недавних реформ, а также с проблемой допустимости государственного террора, проводимого «сильной личностью» (реформатором) и на пути к некоей буржуазной «свободе». В разных своих ипостасях Наполеон мог олицетворять собой и западную цивилизацию в целом, и, в более узком смысле, буржуазный индивидуализм («эгоизм»), с трудом пробивавший себе дорогу в традиционном российском обществе и подвергавшийся преимущественно негативной оценке. В этих контекстах выводы Толстого и Достоевского были довольно схожи: невозможно создать что-то действительно великое тому, в ком нет простоты, добра и правды; подлинно великие преобразования суть внутренние, духовные; Россия не есть Запад. Планы Наполеона по спасению его армии, составляемые в горящей Москве (роман «Идиот»), нелепы, как нелепа вообще любая попытка преломления к России западной логики. Отвечая же на тоску отдельных русских умов по «великому цивилизатору» (характерен в этом отношении текст романа И.С. Тургенева «Дым»), Достоевский доводит ее до логического, по его мнению, завершения, вкладывая в уста лакея и убийцы Смердякова сожаления о том, что Наполеон все-таки не завоевал Россию — поскольку в этом случае «умная нация покорила бы весьма глупую»³⁸⁷. Наполеонизм, с его «всемирными» интенциями, становился, таким образом, синонимом космополитизма и знаком отсутствия национального чувства. Если на высшем уровне он мог

³⁸⁶ Там же. С. 149.

³⁸⁷ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XIV. Братья Карамазовы. Книги I—X. Л., 1976. С. 205.

еще принимать благородные культурные формы, то для обывателя неизбежно оборачивался смердяковщиной.

От пугающего, демонизированного, атомизирующего социум индивидуализма русское общество защищалось патриотической хоругвью. Пятидесятилетний и последующие юбилеи войны 1812 г. казались властям и консервативным идеологам удобной возможностью для того, чтобы попытаться консолидировать общество, в ходе модернизации стремительно раскалывающееся по разным векторам.

По всем этим обстоятельствам интерес к Бонапарту во второй половине XIX в. и в начале XX в. оставался весьма высок: «Раскройте любой ежемесячный журнал, и вы хоть что-нибудь да найдете о Наполеоне»³⁸⁸.

В литературе, научной, публицистической и художественной, тоска по сильной личности³⁸⁹, соседствует с ура-патриотическими сказками³⁹⁰, свидетельствующими о том, что «высокие» идеи интеллектуалов, связанные с национально-культурным означиванием, постепенно проникают в широкие общественные слои (фаза «Б», по М. Хроху).

Трудно удержаться от соблазна процитировать что-нибудь из этой беллетристики, тем более что, по справедливому замечанию М. Могильнер, именно «малохудожественные» произведения представляют наиболее ценный источниковый материал для исследователя, поскольку являются свидетелями широкой адаптации идей и превращения их в предмет массового потребления³⁹¹.

Так, в центре пьесы А.П. Морозова находится столкновение в 1812 г. Наполеона Бонапарта с семьей русского патриота-помещика (носящего, между прочим, замечательную русскую фамилию Энгель-

³⁸⁸ Наполеон I в России, или Русский герой отечественной войны. Ист. драма в 4-х действиях. Соч. А.П. Морозова. 2-е изд. М., 1891. С. 1.

³⁸⁹ *Верещагин В.* Наполеон I в России. 1812. М., 1895; Наполеон в Варшаве (Жертва судьбы). Ист. пьеса в 4-х действиях А.В. Мельницкой. М., 1905; Наполеон и самодержавие. Ист. этюд Л. Слонимского. СПб., 1908.

³⁹⁰ Наполеон. Драма в 4-х действиях Всеволода Чехихина. СПб., 1904.

³⁹¹ *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 14.

гардт). В первом акте пьесы старый слуга Никоныч и гувернер-немец Шульц играют в шашки. Шульц, назвав себя «кровяным» русским патриотом, собирается идти на войну против Бонапарта. «Дай я тебя поцелую!» — радуется Никоныч. Однако немец, увидев что-то непонятное в глубине двора, прячется за спину Никоныча. В поисках своей любимой курочки входит дочь хозяина Варя, нежная барышня, которая, не в силах пережить смерть курочки от ножа кухарки, восклицает: «Лучше б вы меня зарезали!». Однако все огорчения Вари меркнут перед настоящей бедой — приходит весть о начале войны с Наполеоном. Народ, в лице Никоныча и Наумовны, а также заезжий барин Стрешнев едины в патриотическом порыве. Даже Варя хочет идти на войну. Немец Шульц, хоть и показавший себя было трусом, исправляется и тоже готов к испытаниям. В следующей сцене весь этот патриотический интернационал дружно гоняет подвернувшегося еврея Шмуля. В третьем действии наконец появляется и Наполеон: «Явление 13. Шульц, Шмуль, Наумовна, Никоныч, Жомини, потом Бертье и Наполеон». Следует монолог Наполеона с самим собой: «Москва! <...> Сердце русской земли, колыбель народной славы, она дорога каждому русскому... И я возьму ее во что бы то ни стало! Возьму ее только, и тогда взята будет вся Россия. Со взятием же России — Европа вся моя!»; «Много лет веду я войны непрерывно, но такой ужасный, твердый оплот встречаю впервые»; «Что за народ? О, если бы мне покорить его, и тогда с этим народом я бы легко покорил весь свет!»³⁹².

Несмотря на сомнительные художественные достоинства, эта пьеса, по-видимому, имела своих почитателей. По крайней мере, в 1899 г. другой автор, некий М. Горный, написал на ее основе повесть. В ней продолжается важное дело культурно-национального означивания (после русских, немцев и евреев в повести появляются поляки), а также используются в примитивном, почти пародийном виде многие идеи «Войны и мира». Варичка выписана настоящей нигилисткой 1870-х гг.: серьезная барышня без кокетства, просто одетая, с неразвитой грудью. Наполеон предлагает освободить ее отца из плена в обмен на ее любовные услуги, поскольку «всегда любил» полных женщин и за прошедшие с начала войны месяцы грудь Варички чудесным образом

³⁹² Наполеон I. Указ. соч. С. 3–5, 14–15, 39, 40, 41, 47.

успела «развиться вполне». Получив отказ, Наполеон обращается к ее отцу с уговорами перейти на сторону французов. Энгельгардт гордо отвечает: «Убей же меня скорее, ненасытный зверь!.. Русский не боится смерти!» Дома Наполеона встречает сын: «Папа, папа! — спрашивал его маленький король, — ты побил гадких казаков? — Но Наполеон, только что спасшийся от них, не отвечал ребенку ничего и вдруг, томимый тяжелыми предчувствиями, заплакал»³⁹³. — Чем не «страдающий Наполеон» Достоевского в «варианте для бедных»?

Любопытно, что крестьяне у Горного пересказывают друг другу слухи о том, что Наполеон был тайным сыном императора Павла и потому пришел отвоевывать у Александра причитающиеся ему полцарства. Эти «полцарства» продолжают долгую дворянскую традицию, идущую еще от Ф. Ростопчина и С. Глинки, конструирования с помощью фигуры французского императора не только «России» как таковой, но и, в частности, наивного и сказочного «простого народа».

Приближающийся столетний юбилей Отечественной войны почти совпал во времени и с торжествами к трехсотлетию дома Романовых, и с тревожными ожиданиями нового международного военного конфликта. Самим понятием и мифологией «Отечественной войны» правительство и консервативная общественность конституировали желаемое единство власти и «народа».

Советская власть, при внешней замене национальной риторики на классовую, на деле уверенно унаследовала разработанный царскими пропагандистами официальный дискурс, с его центральной идеей «великого цивилизатора». Примеряя на себя маски Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Великого, Сталин не забыл и о Наполеоне. Известно, что он лично «рецензировал» книгу Е. В. Тарле, находя в ней, надо полагать, немало импонирующих ему моментов сходства между собой и французским императором. Тарле придал Наполеону черты беспощадного и расчетливого политика, замечательного администратора, подчеркнув его огромное историческое значение в переходную эпоху от старого общества к новому. Некоторые биографические детали и психологические характеристики Бонапарта в изложении Тарле также можно было при желании приложить к Сталину³⁹⁴.

³⁹³ Там же. С. 269.

³⁹⁴ Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 13.

Кроме того, следует иметь в виду, что Наполеон — чуть ли не первая фигура в Новой европейской истории, подлинно любимая массами и пришедшая к власти не только благодаря Силе, но и благодаря Любви (Антихристов момент «соблазнения», покушение на прерогативы Христа, чья суть есть любовь). Фантастическое умение Бонапарта, порой вопреки всем внешним обстоятельствам, внушать эту «народную» любовь и использовать ее, так пугавшее легитимных монархов XIX века, не могло не впечатлять людей XX-го.

Пришедшие сталинизму на смену «новые веяния», соответственно, потребовали новых оценок сильной личности в истории и нового прочтения темы «народной любви».

Книга А.З. Манфреда писалась в условиях, когда еще не был окончательно сделан выбор между реформами и «застоем» и, казалось, власть еще можно было «вразумить» и убедить: «Мне (и наверняка не только мне), — вспоминает один из учеников Манфреда, — он говорил примерно следующее: “У Тарле Наполеон — одиночка, я хочу показать, что у него были замечательные сподвижники”. Продолжая эту линию, исследователь противопоставлял французского императора кремлевскому диктатору. Сталин, говорил Манфред, не терпел вокруг себя по-настоящему талантливых людей; Наполеон настолько был талантлив сам, что собрал под своим руководством круг выдающихся личностей <...> Нельзя назвать А.З. “шестидесятником” в принятом ныне значении, подразумевающим выраженную оппозиционность политическому и идеологическому режиму. Но он всецело разделял идеалы его очищения, “возвращения к истокам”, десталинизации, те идеи, что витали в общественном сознании после похорон диктатора, были торжественно провозглашены XX съездом...”³⁹⁵. Наполеон Манфреда высоко ценит науку и искусство, совсем не хочет конфликта с Россией и, в противоположность Наполеону Тарле, на заре своего исторического пути искренне верит в высокие идеалы революции и желает «изменить этот мир к лучшему». Наполеон Тарле, как и сам Сталин, довольно холоден к женщинам; его главная страсть — власть

³⁹⁵ *Гордон А.В.* А.З. Манфред — биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м) [Электронный ресурс]: // Французский ежегодник, 2006. М., 2006. — Режим доступа: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Gordon-2006.html>, свободный. — Загл. с экрана.

и политика. Манфред, как и полагается «шестидесятнику», не может пройти мимо темы женщин в судьбе Мужчины и описывает Жозефину типичной для своего времени «боевой подругой» Героя. Вопрос, волнующий Манфреда применительно к Наполеону, думается, также задавали себе многие советские интеллектуалы: «С какого времени Бонапарт стал сознательно, планомерно стремиться к установлению своей диктатуры?..». Под выводом Манфреда подписалось бы большинство советских политических оппозиционеров и диссидентов: «Режим, установившийся во Франции, был автократией, единоличной диктатурой, самодержавием, просвещенной деспотией, чем угодно, но только не тем, чем официально назывался. Это не было больше республикой»³⁹⁶. Общее резюме над судьбой Наполеона звучало как предостережение от лица интеллектуалов, обращенное к современным лидерам: «По мере своего превращения в диктатора, императора, обладавшего неограниченной властью, он отрывался от действительности, он переставал ее ясно видеть и понимать»³⁹⁷.

Однако главное значение и функция образа Наполеона и в XX веке заключалась в его потенциях мобилизовать общество вокруг правящего режима в моменты особых испытаний. Характерно, что в опубликованном тексте речи В.М. Молотова от 22 июня 1941 г., где важным является каждое слово, каждый риторический оборот, присутствует отсылка к фигуре Наполеона Бонапарта (и стоящему за ней Чудесному Спасению, победе духовной силы над физической, материальной), а предстоящая война уже именуется «отечественной».

Эта «загадочная», малообъяснимая рационально, «роковая» гибель передовой европейской армии в России является, собственно, стержневым моментом «Наполеоновского мифа». Гибель Наполеона не только олицетворяет ограниченность человеческого разума и просветительского рационализма. Всем своим сказочным подтекстом эта история призвана предупреждать людей Запада: «Не ходите в Россию!». Именно на ее «заколдованном пространстве» великий полководец непонятным образом допускает ошибку за ошибкой, фатально нарушает собственные же — правильные — решения, а могучая армия начинает таять, еще не дав ни одного сражения.

³⁹⁶ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 38, 415.

³⁹⁷ Там же. С. 549.

Этот смысл «Наполеоновской легенды» актуализируется не только в России, в случае возможной угрозы с Запада, но и в Европе, когда она ощущает опасность из России и также нуждается в мобилизации. Наполеоновский миф, таким образом, это еще и вариант общего мифа Запада о Востоке и Востока — о самом себе.

Библиография:

1. *Амбарцумов И.В.* Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX века [Электронный ресурс]: Магистерская дис. / ГОУ ВПО РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2008. — Режим доступа: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Ambartsumov/intro.html>, свободный. — Загл. с экрана.
2. *Василик В.* Образ Наполеона-антихриста в русском общественном сознании первой трети XIX века // <http://www.pravoslavie.ru/arghiv/34380.htm>
3. *Верещагин В.* Наполеон I в России. 1812. М., 1895.
4. *Волгин И.Л., Наринский М.М.* Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // *Метаморфозы Европы.* М., 1993.
5. *Глинка С.Н.* Записки. М., 2004.
6. *Гордон А.В.* А.З. Манфред — биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м) [Электронный ресурс]: // *Французский ежегодник, 2006.* М., 2006. — Режим доступа: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Gordon-2006.html>, свободный. — Загл. с экрана.
7. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 2002.
8. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XIV. Братья Карамазовы. Книги I—X. Л., 1976.
9. *Завалишин Д.И.* Воспоминания. М., 2003.
10. *Ильин-Томич А.* Кто придумал русского Сцеволу? // *Родина.* 1992. № 6/7.
11. *Левкиевская Е.* Русская идея в контексте исторических мифологических моделей и механизмы их сакрализации // *Мифы и мифология в современной России /* Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2000.
12. *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1972.

13. *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. Данте. Наполеон. М., 2000.
14. *Миллер А.* Национализм как фактор развития // *Общественные науки и современность.* 1992. № 1. С. 125.
15. *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.
16. Наполеон. Драма в 4-х действиях Всеволода Чехихина. СПб., 1904.
17. Наполеон I в России, или Русский герой отечественной войны. Ист. драма в 4-х действиях. Соч. А.П. Морозова. 2-е изд. М., 1891.
18. Наполеон в Варшаве (Жертва судьбы). Ист. пьеса в 4-х действиях А.В. Мельницкой. М., 1905.
19. Наполеон и самодержавие. Ист. этюд Л. Слонимского. СПб., 1908.
20. Наполеон I в России. Ист. повесть М. Горного. М., 1899.
21. *Сироткин В.Г.* Наполеон и Александр I. М., 2003.
22. *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1992.
23. *Толстой Л.Н.* Война и мир: Роман в четырех томах. Т. III–IV. М., 2000.
24. *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации // *Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.* М., 2002.
25. *Шильдер Н.К.* Император Александр I. СПб., 1904. Т. II.

Генезис наполеоновского мифа в историческом сознании современной России: социологическое измерение

Великая Наталия Михайловна

Проблемы исторического сознания, исторической памяти относятся к кругу междисциплинарных, изучаемых не только исторической наукой, но и психиатрией, психологией, антропологией, философией, литературой, педагогикой и, конечно, социологией.

Историческая память, историческое сознание, коллективная память, социальная память, ставшие предметом социологии, де-

монстрируют своеобразный «бум памяти», который особенно ярко проявился в начале 2000-х гг., хотя внимание к феномену памяти социологи проявляли с начала XX в. Стартом социологических исследований памяти дали работы М. Хальбвакса, который и ввел в оборот термин «коллективная память»³⁹⁸.

Сегодняшний интерес к проблемам памяти скорее сфокусирован вокруг «мнемо-истории», которая в отличие от самой истории означает не прошлое как таковое, а прошлое, «которое вспоминают»³⁹⁹ и которое во многом носит мифологический характер.

Избирательность памяти, формирующая определенные смыслы в общественном сознании, зависит от многих факторов: личного опыта, образования, влияния СМИ, культурного бэкграунда, актуальной социальной и политической ситуации и культурной политики власти. Помимо коллективной памяти в научный дискурс был включен и термин «коллективное забвение» (collective forgetting), возникший как результат изучений т.н. «амнезийных обществ», где целый ряд воспоминаний вытесняется, исключается из общественного сознания.

Обращение социологов к проблемам «забвения» и «мифологизации» истории расширило и предмет исследования для социологов, в который стали включаться разнообразные артефакты, памятники, исторические места и даты, памятные события и церемонии, воспоминания, дневники, устные истории, нарративы, что обогатило и методы исследования (кейс-стади, биографические методы, контент-анализ и методы визуальной социологии).

Проблема соотношения мифа и истории, несмотря на многочисленную литературу, нуждается в дальнейшей разработке. Заметим, что довольно сложно соотнести термины «миф» и «история», при том что сам термин «миф» допускает множественность толкований⁴⁰⁰: миф

³⁹⁸ Halbwachs M. Les cardes sociaux de la mémoire. P.: Presses Universitaires de France, 1952. Les Travaux de L'annee Sociologique. P., 1925.

³⁹⁹ Романовский Н.В. Новое в социологии — «бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 14.

⁴⁰⁰ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1930; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1970; Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976; Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978; Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987 и др.; Myth,

как способ переживания и объяснения жизни и миф как художественная конструкция, миф как продукт коллективного творчества и миф как плод идеологической работы, миф как вторичная семиологическая система.

Социологов интересует не столько литературный миф и не специфика историографии о Наполеоне, а мифы массового сознания. Главная исследовательская задача в этой связи — описание методик и способов анализа исторического мифа (в данном случае, о Наполеоне) социологическими методами.

Об исторических мифах и историческом сознании

Как ни парадоксально звучит, на протяжении истории происходило расширение области мифического, так как научные теории определяли и соответственно меняли критерии реального⁴⁰¹. В каждую историческую эпоху область мифологического зависит от того, что мы принимаем за «реальное». Как справедливо заметил Ф. Сакс, вряд ли мы сможем понять исторический период, если оставим без внимания присущие ему ненаучные представления и предрассудки⁴⁰².

Противопоставление мифа и истории — отчасти оправдано, т.к. доминирующая точка зрения на миф состоит в том, что все мифы противостоят истории (*Historie*), а повествование считается мифом, если описываемые события не соответствуют данным исторической критики.

Однако эта грань значительно тоньше. Важнейшая часть исторического сознания — это эмоционально нагруженные представления об исторических фактах, событиях, людях, выдающихся деятелях, героях и злодеях, составляющих историческое сознание, которые играют роль ценностных ориентиров, во многом определяющих

Religion and Society: Structural Essays. Cambridge etc., 1981; *Vernant J.-P.* Myth and Thought among the Greeks. L., 1938; *Liebrucks B.* Irrationaler Logos und rationaler Mythos. Würzburg, 1982; *Faszination des Mythos: Studien zu antiken und mod. Interpretationen.* Basel, 1985; *Morcea Eliade Aspects du muthe? Paris, Gallimard, "Idees", 1963; Barthes R.* Mythologies. P. Seuil, 1957.

⁴⁰¹ *Рефуле Ф.* Миф и история // СИМВОЛ. № 15, 1986. С. 43–51.

⁴⁰² *Sax F.* Lectures. L., 1957. Vol. 1. P. 73.

оценку современной действительности и поведение людей в современном мире. Эти эмоции — главная питательная среда современной мифологии и современного мифотворчества.

В этой связи, историческое общественное сознание и обыденное сознание — хороший мостик между историей, историческим знанием и мифом.

Под историческим сознанием мы будем понимать систему знаний, представлений, взглядов, традиций, идей, концепций, посредством которых у той или иной социальной общности (в нашем случае, нации) формируется представление о своем происхождении, важнейших событиях в своей истории и выдающихся деятелях прошлого, о соотношении своей истории с историей других общностей людей и всего человеческого сообщества.

А под историческим мифом — упрощенное понимание исторических процессов, в ходе которого возникают различной степени искажения. Речь, конечно, идет о «третичной», а не о «первичной» (архаической) мифологии⁴⁰³. В той степени, в какой повествования, относящиеся к событиям прошлого, не совпадают с реконструкцией прошлого, проводимой *современной историографией*, они считаются *мифическими*.

Историческое сознание имеет достаточно сложную структуру, обусловленную путями и способами его формирования. Первый (низший) уровень исторического сознания, соответствующий обыденному уровню общественного сознания, формируется на основе накопления непосредственного жизненного опыта. На этом уровне историческое сознание проявляется в расплывчатых, эмоционально окрашенных воспоминаниях, зачастую неполных, неточных, субъективных. Следующий уровень исторического сознания касается исторической памяти, которая предполагает и освоение некой систематизированной информации (в т.ч., через систему образования).

В рамках данной работы мы рассматриваем мифотворчество как способ функционирования обыденного сознания, как результат

⁴⁰³ Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. М. Олкотт и А. Малащенко; Моск. Центр Карнеги. М., 2000. 99 с.

бессознательной имитации и осознанной реконструкции, а также как следствие навязывания мифопорождающих представлений о действительности или косвенного внедрения в сознание готовых мифов, построенных идеологами и предназначенных для массового употребления.

Один из источников ремифологизации — «полузнание»: человек субъективно и объективно становится неспособен овладеть знанием как целостностью, а «полузнание» неизбежно включает в себя иллюзии и стереотипы⁴⁰⁴.

Избирательность памяти, формирующая определенные смыслы в общественном сознании, зависит от многих факторов: личного опыта, образования, влияния СМИ, культурного бэкграунда, актуальной социальной и политической ситуации и культурной политики власти. Помимо коллективной памяти в научный дискурс был включен и термин «коллективное забвение», возникший как результат изучения т.н. «амнезийных обществ», где целый ряд воспоминаний вытесняется из общественного сознания.

В этой связи встает целый ряд оснований для анализа в рамках социологического подхода: выявление неосознанного следования схемам мифического мышления, особенностей бессознательной реконструкции мифа в художественном творчестве, осознанное использование исторических и идеологических мифов.

В качестве анализа исторического мифа мы предлагаем ряд методов, результаты применения которых использованы в данной статье:

— традиционный опрос общественного мнения⁴⁰⁵ (при изучении исторического сознания и исторической памяти);

— качественную методiku неоконченных предложений⁴⁰⁶ (при изучении стереотипов и ассоциативных рядов), которая релевантна

⁴⁰⁴ Автономова Н. Миф: хаос и логос // Н.С. Автономова. Заблуждающийся разум: Многообразие вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. М., 1990. С. 30–57.

⁴⁰⁵ Использовались опросы общественного мнения 2001, 2003, 2010 гг. Фонда «Общественное мнение». Всероссийский опрос городского и сельского населения 23 июня 2001 г. — 1500 респондентов. Опрос 2010 г. — июль, 2000 респондентов.

⁴⁰⁶ Социологическое исследование, проведенное среди студентов московских вузов методом неоконченных предложений. Выборка 220 человек. Архив автора.

нашей исследовательской ситуации, поскольку необходимо найти основные составляющие широкого, недостаточно структурированного объекта⁴⁰⁷;

— метод контент-анализа текстов⁴⁰⁸ (при выявлении структуры мифа и ассоциативных рядов), где используется как количественный, так и качественный анализ;

— методы визуальной социологии при выявлении образа мифического героя (Наполеона) в печатной и кинорекламе⁴⁰⁹.

Специфика исторического сознания и особенности воспроизводства исторических мифов

В современном обществе историческое сознание является результатом целенаправленной деятельности образовательных, государственных и иных социальных институтов. Особенно это касается чувства гордости за историческое прошлое своего народа. Именно оно обуславливает национальное достоинство и позитивную идентичность. И если актуализация чувства гордости за прошлые победы и успехи в известном плане консолидирует сообщество, то негативно воспринимаемые события и факты провоцируют отчуждение от страны, государства, формируют чувство неполноценности у целого народа.

Французский историк М. Ферро убедительно показал, что курсы истории, которые используются в разных странах для обучения молодежи, нередко трактуют одни и те же исторические факты по-разному в зависимости от национальных интересов. Эти представления, находясь в плену у идеологии, по необходимости так или иначе искажают реальность⁴¹⁰. В итоге научные по видимости произведения многих

⁴⁰⁷ Климова С. Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология: методология, методы, математические модели. 1995. № 5–6.

⁴⁰⁸ Исследование «Образ Наполеона в печатных СМИ» (изучался массив данных по общенациональной газете «Российская газета» с 2004 по 2011 гг.).

⁴⁰⁹ Авторское исследование «Визуальный образ Наполеона на телеэкране»: анализировались рекламные ролики, сюжеты телеигры КВН.

⁴¹⁰ Elster J. Belief, Bias and Ideology // Rationality and Relativism. Oxford, 1982. P. 123.

наших современников имеют зримые черты социальной конструкции и по ряду параметров весьма близки к мифологии.

Величие Наполеона тем больше, чем сильнее в России гордятся победой над ним, ибо победа над великим противником возвышает более, чем над слабым.

Историческая память, являясь основой мифотворчества, избирательна — она нередко делает акценты на отдельных исторических событиях, игнорируя другие.

И коллективная память, и коллективное забвение могут выступать важнейшим средством национальной и культурной идентичности, интегрирующим общество. Если память акцентирует внимание на победах и героях, то функция забвения — забыть те события, которые могут нарушать функциональное единство общества, например проявления насилия и жестокости, трусости и предательства. Забвение приобретает различные формы: от насильственного забвения до забвения как «унижающего молчания». Нация — не только общность, объединенная общей историей и общим прошлым, но и совместно забытые вещи⁴¹¹.

В этой связи важнейшей стратегией коллективного сознания является правильное сочетание «памяти» и «забвения», правильного выбора, что помнить, а что забывать.

Структура образа Наполеона в массовом историческом сознании

Структура образа Наполеона в современном историческом сознании включает в себя несколько элементов с разным весом: «великий француз»; «великий полководец»; «государственный деятель»; «великий любовник».

Наполеон остается одним из символов Франции и великим французом. Здесь надо заметить, что для русских Франция сама по себе нагружена массой символов и смыслов, при этом долгие годы остается на первом месте в рейтинге стран Западной Европы по уровню симпатий к ней.

В массовых опросах общественного мнения респонденты в большинстве своем демонстрируют как позитивное отношение,

⁴¹¹ Renan E. What Is a Nation? // H.K. Bhabha (ed.). Nation and Narration. L., 1990 (orig. pub. 1882). P. 7–19.

так и разностороннее знание прошлого и настоящего, культуры и истории этой страны⁴¹². В рейтинге исторических периодов, которые вызывают интерес у российских граждан, «война с Наполеоном» стоит на 10-м месте, при этом русские единодушны в оценке этого периода, их мнение консолидировано, они не видят серьезных противоречий в описании событий и роли отдельных личностей. По сути, официальная историческая версия войны 1812 г. в максимальной степени совпадает с тем, что мы видим в исторической памяти.

В списке известных французов Наполеон стоит на третьем месте (6%), уступая пальму первенства Шарлю де Голлю (12%) и действующим премьерам Жаку Шираку в 2001 г. и Н. Саркози в 2010 г.

Популярность героя может быть показана и «индексом цитирования». Можно сказать, что использование наполеоновских цитат и афоризмов широко распространено в российском публичном и информационном пространстве. Так, в изучаемом контент-анализом массиве данных (10% статей) обыгрывались его слова (или приписываемые ему слова):

а) о власти, силе, политике, успехе, славе: «Я люблю власть. Но люблю ее, как художник. Я люблю это, как музыкант любит свою скрипку, из которой он вытягивает звуки и аккорды гармонии» (для рейтинга «Форбс»); «Большие батальоны всегда правы»; «Храбрые в минуту опасности краснеют, трусы — бледнеют» (про теракты); «Ввязаться в бой, а там, как выйдет» (про участие в кинофестивале); «Большая политика — это здравый смысл, примененный к большим делам»; «Маршальский жезл в каждом солдатском ранце»; «Нам укрытием служит патриотизм».

б) характеристика Наполеоном городов, стран, народов: назвал площадь Сан-Марко в Венеции «роскошной гостиной Европы», Москву — «столицей азиатского абсолютизма», Россию — «империей Севера»; «В России нет дорог — только направления»; «Если каждый китаец топнет ногой, будет землетрясение».

в) афоризмы-призывы, восклицания: «Держайте!», «Воюйте!», «Какая прекрасная смерть!», «Здесь я построю второй Париж!»

⁴¹² Опрос, проведенный Фондом общественного мнения в июле 2010 г. Выборка всероссийская, 2000 человек.

г) о разнице между славой и успехом: «Я изучал успехи других полководцев и пришел к выводу, что они сделали все для того, чтобы эти успехи состоялись. А слава моя — это не сорок выигранных битв, а Гражданский кодекс»; что признавал трудолюбие основой успеха; слова Наполеона о Кутузове после битвы при Бородине: «Вы, гений, предпочитаете громкой славе верную победу».

д) об образе жизни: «Четыре часа спит мужчина, пять — женщина, шесть — идиот».

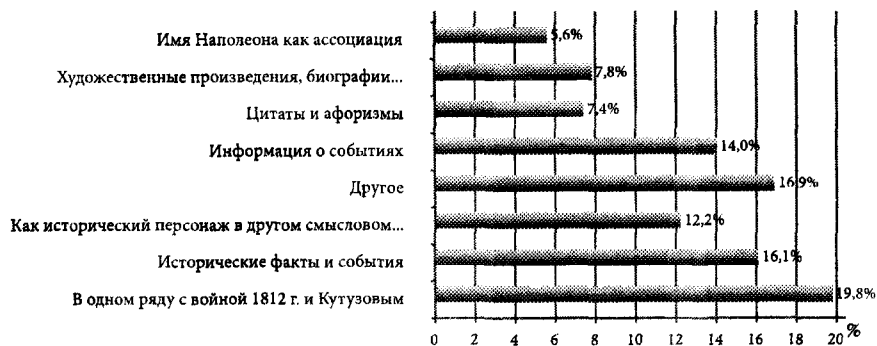
е) характеристика исторических лиц — о Луизе, супруге короля Фридриха-Вильгельма III, как «одной из красивейших женщин Европы»; о Суворове, Александре.

В целом за 7 лет было выявлено всего 408 упоминаний о Наполеоне. Тематическое распределение статей выглядит следующим образом (см. график): лидирующим является кластер, включающий в себя упоминания о Наполеоне в контексте событий войны 1812 г. и, как правило, рядом с М. Кутузовым (19,8%). От 10 до 15% выпадает на кластеры сообщений, связанные с реальными историческими фактами и событиями из жизни Наполеона (16,1%), где Наполеон упоминается как исторический персонаж в контексте других событий истории (12,2%), о современных событиях культурной жизни, связанных с наполеоновской тематикой (спектакли, фильмы, книги, выставки и т.д.) (14%). Менее 10% упоминаний — цитаты и афоризмы Наполеона (8,9%), созданные ранее различные художественные произведения и фильмы (7,8%), использование имени Наполеона как ассоциации и объяснительной модели для событий сегодняшнего дня (5,6%).

1. Лидером по упоминанию имени Наполеона является кластер об **Отечественной войне 1812 г. (19,8% упоминаний)**, большинство из них встречается только в контексте войны, в том числе в связи с историческими реконструкциями битв, годовщин изгнания из России и т.д. Используются такие коннотации, как «победа над Наполеоном», «бегство Наполеона из Москвы», «вторжение Наполеона», «грязнула война с Наполеоном», «поход Наполеона» и т.д. Примерно треть из этих сообщений содержит также имя М. Кутузова.

2. **Статьи об исторических фактах и событиях (16,1%)** включают в себя сообщения и рассказы о фактах из жизни Наполеона, в которых не всегда возможно отделить реальный исторический факт от

вымысла: «помнил имена 6 тысяч своих солдат; боялся белого цвета и белых лошадей; перед приездом своей невесты учился танцевать; запрещал своим подругам мыться; проиграл в шахматы роботу; страдал от обострения пыльцевого ринита» и т.д. Активно обсуждаются многочисленные версии смерти Наполеона. В 25 публикациях Наполеон предстает главным образом в свете своих **имперских амбиций** и в связи с **законотворческой и государственной деятельностью** — учрежденными им орденами (5) — Орденом Почетного легиона и Орденом Академической пальмовой ветви; в связи с принятием Гражданского кодекса (5); принятием закона, по которому после смерти мужа все его финансовые средства наследует только жена (1), в связи с деятельностью учрежденных им счетных судов (1). Кроме этого, имя Наполеона упоминается в контексте **исторических событий** — поражении при Ватерлоо, Египетского похода, Итальянского похода, продажи Луизианы США.

3. Как исторический персонаж в другом смысловом контексте, безоценочно имя Наполеона употребляется 50 раз (14,7%): нефранцузское происхождение; упоминание в описании сюжета фильма «Братья Гримм»; Дом инвалидов, где похоронен; гостиница в Гренобле, где он останавливался; «французы после Наполеона нигде не побеждали»; жена Жозефина; пасынок Наполеона Евгений Богарнэ и т.д.

4. Имя Наполеона как ассоциация, объясняющая что-то в современной реальной жизни (6,5%), чаще используется как символ величия, работоспособности: «наполеоновская мерка»; «маленький

Наполеон» про футбольного тренера Дика Адвоката; «наполеоновские планы» (в положительном значении), «комплекс Наполеона» («Из грязи в князи». Бедный, но умный и гордый человек вступает в трагическую схватку с судьбой и либо погибает, либо преодолевает ее»). Правда, иногда с долей иронии и пародии, как у Гоголя (пародия Чичикова в «Мертвых душах», тема в «Старосветских помещиках», «где Гоголь пишет о естественной жизни старичков, сравнивая их с людьми, завоевавшими полмира и оставшимися в конце жизни на куске земли, на котором нельзя посеять даже картошки, — прозрачный намек на каменистый остров Святой Елены, где умер Наполеон»).

5. Информация о событиях — 57 упоминаний (12,1%), которые можно разделить на блоки: художественные и документальные фильмы и мини-сериалы⁴¹³; исторические реконструкции; спектакли, оперы⁴¹⁴; выставки; другое (празднование 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 г.; реставрация памятников, связанных с войной 1812 г. в Малоярославце и в Москве; аукционы.

6. Созданные ранее художественные произведения, биографии Наполеона, художественные фильмы, балеты, песни (7,9%): в связи с романом Л.Н. Толстого «Война и мир» (7); балет «Наполеон Бонапарт» Тихона Хренникова (4); опера Рыбникова «Война и мир» (2); биографии (3); песня Шаляпина «В двенадцать часов по ночам из гроба встает император...»; фильм «Марыся и Наполеон»; фильм «Кутузов» 1943—44 гг. (реж. Владимир Петров); фильм «Война и мир» Бондарчука (3); фильм «Наполеон и Саманта»; книга Тарле «1812 год. Нашествие Наполеона на Россию»; симфония Антона Эберля,

⁴¹³ «Хозяин морей», мини-сериал «Наполеон» (реж. Ив Симоно, 2002), «Новые одежды императора», «Наполеон капут!»; телепроизведение Э. Радзинского «Жизнь и смерть Наполеона»; художественно-документальный сериал «И ты, Брут?! Всемирная история предательства» (один из героев); документальная лента «Потерянная армия Наполеона».

⁴¹⁴ В постановке Михаила Резникова «Наполеон и корсиканка», в постановке Трушкина — «Морковка для императора» (И. Губача), «Корсиканка» в Театр-студии киноактера, в Тольятти, в театре «Колесо» — «Жозефина и Наполеон»; «Наполеон Первый» Ф. Брукнера в московском Театре имени Маяковского, премьера «Войны и мира» в Большом театре; перевод пьесы «Наполеон I» Фердинанда Брукнера; фестиваль архивного кино «Белые столбы» с показом лент о Наполеоне.

посвященная Наполеону; Консульский марш; «Марш Наполеона»; «героическая» симфония № 3 Бетховена и т.д.

7. Другие упоминания (12,2%): а) **содержат** отсылку к «времени Наполеона» как исторической эпохе (возникновение специальных барабанных установок, тамбур, французский аналог ЕГЭ с 1809 г., лагеря, первые трюфели незадолго до Наполеона и т.д.);

б) показывают имя Наполеона в названиях других предметов: торт «Наполеон» — 4, сорт яблок Наполеон, рыба Наполеон, коньяк «Наполеон», отель в Париже «Наполеон».

При этом 78% упоминаний Наполеона в статьях не имеют какой-либо оценочной характеристики, а среди упоминаний, которые имеют эмоциональную окрашенность, две трети носят негативную окраску.

Наполеон как мифологический персонаж

Формирование исторического мифа может быть выражено в следующих схемах, которые мы анализируем на примере наполеоновского мифа в массовом сознании.

1. Крайняя упрощенность исторических событий и процессов. Миф обычно лишен любого представления о неоднозначности происходящего. В мифе фигурируют только наиболее явные и очевидные причинно-следственные связи, сложным явлениям даются простые характеристики и объяснения. Как писал Р. Барт, «при переходе от истории к природе миф действует экономно; он уничтожает сложность человеческих поступков, придает им простоту сущностей и элиминирует всякую диалектику, пресекает всякие попытки проникнуть по ту сторону непосредственно наблюдаемого; он творит мир без противоречий, ...и располагает его перед нашим взором во всей его очевидности, безмятежной ясности; кажется, что вещи значат что-то сами по себе»⁴¹⁵.

Наполеоновские войны интерпретируются как грабительские, захватнические, с использованием терминов «коварное нападение».

⁴¹⁵ Barthes R. Mythologies. P. Seuil, 1957; Барт Р. Миф как деполитизированное слово // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989. С. 115–118.

Так, название «Отечественная война» появилось лишь во времена царствования императора Николая I в 1837 г., война стала рассматриваться как народная, освободительная, при этом факты о крестьянских восстаниях, бунтах отсутствовали в учебниках по истории и в советское время. Зато большой популярностью пользовалась история о крестьянке Василисе Кожинной, возглавившей один из партизанских отрядов, которая сама стала мифическим персонажем, оставшись на открытках и лубочных картинках.

2. Произвольный подбор фактов под заранее сформированный тезис. Миф может приниматься априорно, поскольку у каждого мифа есть доминирующая идея. Те факты, которые не соответствуют этой идее, исключаются. Недостающие факты часто выдумываются, а вписывающиеся в канву мифа преувеличиваются. Происходит «...лишение истории, когда Миф лишает предмет, о котором он повествует, всякой историчности. История в мифе испаряется, играя роль некоей идеальной прислуги: она все заранее приготовляет, приносит, раскладывает и тихо исчезает, когда приходит хозяин, которому остается лишь наслаждаться, не спрашивая, откуда взялась вся эта красота»⁴¹⁶.

Так, в российском общественном мнении давно и прочно утвердилась точка зрения, что отступали мы до Москвы, а потом началась серия побед. Механизм формирования мифа здесь следующий: «ИТОГОВАЯ ПОБЕДА ПОЗВОЛЯЕТ ТРАКТОВАТЬ В КАЧЕСТВЕ ПОБЕД ВСЕ ОТДЕЛЬНЫЕ ПОРАЖЕНИЯ». Вместе с тем, во время войны 1812 г. за всю кампанию французы потерпели единственное серьезное поражение, причем в бою, который ничего не решал (под Березиной).

3. Отсутствие критики источников. В рамках мифа истинны те источники, которые соответствуют идее мифа. В роли источника по политической и социальной жизни общества той или иной эпохи может выступить посвященное этой эпохе художественное произведение (например, кинофильм) вне зависимости от его реальной достоверности.

⁴¹⁶ Барт Р. Миф как деполитизированное слово / Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989. С. 119.

Несмотря на огромное количество произведений о Наполеоне (русских авторов⁴¹⁷), в современной образовательной системе активно используются немногие.

При этом если поэзия, за исключением известного стихотворения Лермонтова («Бородино»), проходит мимо подавляющего большинства школьников, то Л. Толстого читают все выпускники и одна из тем обязательных сочинений посвящена именно Наполеону. Именно от Толстого идут такие черты образа, как холодность, равнодушие, бесстрастность, стремление к обладанию, а также некоторые внешние характеристики, как подрагивание ляжки. Именно эти ассоциации доминируют в завершающих фразах студентов (недавних школьников), заполняющих бланки «неоконченных предложений».

Именно Толстой сформулировал главную метафору для описания войны 1812 г. и победы русских — «дубина народной войны». Заметим при этом, что другие точки зрения, будучи весьма популярны в обществе XIX в. и отраженные в литературе (например, в романе Загоскина «Русские в 1812 г.»), рассматривающие войну 1812 г. как войну двух благородных соперников, как рыцарскую войну, постепенно ушли на второй план.

Третий источник мифологии о войне 1812 г. — отечественная фильмография: художественный фильм Ф. Бондарчука «Война и мир» (1967 г.) и, как ни странно, телемюзикл «Гусарская баллада» (1962 г.), в основу сюжета которого положена история о первой женщине-офицере, кавалер-девице Н. Дуровой, которая участвовала в сражениях под Смоленском, Колоцким монастырем, при Бородине.

4. Стремление дать качественную оценку всему происходящему. Однозначность и беспелляционность этой оценки («черно-белое восприятие»). Личностям и событиям, фигурирующим в мифе, дается простая и однозначная качественная оценка. Например, тот или иной политический деятель в обязательном порядке характеризуется как «хороший» или «плохой», итоги сражения — как «победа» или «поражение». При этом не допускается наличие «плохих» черт у «хорошего»

⁴¹⁷ Ни один из отечественных классиков (в области литературы) не обошел наполеоновской темы. От Жуковского и Пушкина до Марины Цветаевой, страсть которой простиралась до того, что из личной иконы был выброшен святой, а в оклад вставлен Бонапарт. Кстати, именно она переводила Ростанова «Орленка» с французского на русский.

события или личности — в противном случае неизбежен мгновенный переход в разряд «плохих». Миф обычно рисует либо черной, либо белой краской, оттенки недопустимы.

Так, среди упоминаний в СМИ, изучаемых контент-анализом, две трети (66,7%) носят негативную эмоциональную окраску. Они включают в себя 18 упоминаний — в связи с Отечественной войной 1812 г. (о его «вторжении», «нападении» и т.д.); 9 упоминаний о нем как об агрессоре, завоевателе — «жестокая диктатура», низкие попытки объединения Европы, пытался взорвать Спасские ворота, символ врага и т.д. 7 упоминаний по поводу его психоэмоциональных характеристик — истеричность, высокомерная поза. Упоминания с позитивной оценкой (33,3%) связаны с описанием его выдающихся качеств: таланта полководца, государственного деятеля, работоспособности и т.д.

5. Эмоциональная окрашенность. Миф обязательно окрашен эмоционально, он не допускает равнодушия к описываемым явлениям и рассчитан на пробуждение у людей четко определенных эмоций. Категоричность выражается в формулировках «великий», «талантливый», «непревзойденный», «злодей», «Антихрист» и т.д. В разные годы, в разные исторические периоды доминировали различные аспекты образа.

Однако если в художественной и в интеллектуальной среде симпатия — главная эмоциональная составляющая сегодняшнего отношения к Наполеону (см., например, пьесы, посвященные Наполеону⁴¹⁸, работы Э. Радзинского), то в обыденном сознании преобладают нейтральные и негативные составляющие.

По мнению критиков, образ французского императора воплощается как своего рода «избранное» из основных и из второстепенных источников отечественной «наполеонианы», формировавших за почти два века наше русское представление об этом человеке и наше отношение к нему, где «ненависть к вождю захватнических войск не противоречит восторгам перед его административно-военным гением, где неприятие его жестокости и мании величия смыкается

⁴¹⁸ Пьесы «Морковка для императора», «Корсиканка» (по пьесе И. Губача), «Наполеон первый» по пьесе Ф. Брукнера, «Наполеон в Кремле» по пьесе В. Малягина, оперетта О. Штрауса «Шляпа Наполеона».

с состраданием к узнику острова Святой Елены, к последнему герою-романтику Французской революции, уничтоженному единением коронованных посредственностей с нарастающей мощью банкирских домов...»⁴¹⁹.

Эту эмоциональность мы встречаем в современных газетных публикациях. Так, с одной стороны, Наполеон упоминается как один из грозных диктаторов — наравне с Гитлером, Сталиным, как «омерзительная фигура», говорится о его «ужасающей диктатуре», «низких» попытках объединения Европы; он характеризуется как один из исторических персонажей, имевших «вожделенные взгляды на российские просторы», отрицается его роль в истории (8 сообщений).

С другой стороны — восторженное поклонение: он и «живое чудо», один из тех людей — Петра, Александра Великого, Цезаря, Вашингтона, Тамерлана, Гитлера, Сталина, о которых не забывают, к которым «обязательно вернуться, не раз и не сто раз», «кумир молодежи» наравне с Путиным, Пушкиным, Шевчуком, «великий полководец, историю побед которого должен знать любой культурный человек», гений и провидец.

6. Оппозиция. Герой — Антигерой. В отечественном массовом сознании Наполеон, как правило, противопоставляется Кутузову. Это классический мифологический сюжет борьбы двух героев. В данном случае логика выстраивания сюжетов очень близка описанной К. Леви-Строссом логике мифа, предполагающей преодоление противоположностей путем замены «главной» оппозиции.

7. Мультиплицидность. Как подлинно мифологический персонаж, Наполеон в России, оставаясь частью официальной исторической науки, существует в нескольких медиальных средах. Появившись в качестве литературного персонажа (в книгах, пьесах, стихах), затем он обретает популярность на кино- или телеэкранах, затем мультиплицируется в сиквелах, игрушках, вещах и потребительских брендах и т.д. Фарфор и бронза, названия продуктов и сувениры, шахматы и куклы, бутылочные штопоры и чернильницы — мы встречаем наполеоновские «воплощения» и в дешевых безделушках, и в дорогостоящих предметах роскоши.

⁴¹⁹ Золотцев С. Актер особенной стати // Завтра. 01.03.1998.

Так, на Красной площади (в одеждах исторических персонажей) наряду с Лениным, Сталиным, Марксом мы часто видим и Наполеона, что позволяет говорить о том, что он по-прежнему культурный (и узнаваемый) герой сегодняшнего времени⁴²⁰.

Не будем останавливаться на литературных аспектах наполеоновского мифа, а обратимся к рекламе, т.к. в ней упрощенная форма подачи материала сочетается с удивительным разнообразием культурных значений. Рекламная фраза содержит два «сообщения», первое из которых говорит о необычайно высоком качестве товара, другое — призвано обеспечить узнаваемость.

Прошлое — всегда хороший материал для формирования второго сообщения, поскольку смысловая насыщенность позволяет избежать пояснений и обойтись одним словом или именем.

Важно оценить, что представление прошлого в рекламе не маскируется под презентацию, не фальсифицирует, не пропагандирует, как в других жанрах (в кино, образовательных программах и т.д.). Ее задача — сыграть на том, что уже существует.

Рекламные ролики, где использован позитивный образ Наполеона, как правило, связывают его образ с успешностью, что, в частности, так необходимо для бизнеса (см. например, видеоролик для офисного центра «Наполеон» со слоганом «Если крепости не сдаются, их берут в аренду»⁴²¹ или ролик ювелирных магазинов «Алтын»⁴²²). К числу весьма удачных рекламных роликов последних лет можно отнести рекламные ролики банка «Империял». В первом ролике — «Барабан» — Наполеон демонстрирует личную храбрость на поле сражения, когда рядом падает снаряд⁴²³. Во

⁴²⁰ Ленин и Наполеон на Красной площади. Видеосъемка // <http://www.youtube.com/watch?v=KTqy4YwAtf0&feature=related>

⁴²¹ Рекламный видеоролик для офисного центра «Наполеон» // <http://www.youtube.com/watch?v=-COsPT7IGH8>

⁴²² Рекламный ролик ювелирного магазина «Алтын» // <http://www.youtube.com/watch?v=Ki5Me-lbGos>

⁴²³ Рекламный видеоролик банка «Империял» (барабан) // <http://www.youtube.com/watch?v=kymX1J8ngM4&feature=related>

втором — «Зима» — способность достойно проигрывать⁴²⁴. Слоган кампании — «вечные ценности», а Наполеон — безусловно, положительный герой, носитель архетипа ГЕРОЯ (ХРАБРЕЦ) и архетипа мудреца (где он выступает в качестве человека, принимающего удары судьбы).

Аналогичным образом использован образ Наполеона в рекламе делового еженедельного журнала «Компания», где в Наполеона одет один из самых успешных бизнесменов современной России⁴²⁵.

Вместе с тем, большая часть архива «рекламных образов» эксплуатирует идею о победе русских (включая и предыдущие), как, например, мультипликационная реклама чипсов «Хрустим» (ХрустЕАМ)⁴²⁶.

8. Актуализация. Актуализация, так же как и избирательность, в первую очередь связаны со значимостью исторического знания и исторического опыта для современности, для происходящих в настоящее время событий и процессов и возможного их влияния на будущее.

Миф неизбежно содержит в себе некий вывод, весьма актуальный для дня сегодняшнего и завтрашнего. Например, миф «русские не сдаются» или «русские прусских всегда бивали» означает — «и сегодня побьем, и завтра». Именно поэтому исторические мифы представляют величайшую ценность для любой политической силы и во многих случаях идеологизированы.

В этой ситуации историческая память нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени. Так и миф о Наполеоне наполнялся то любовными историями, то его ролью во время революции, то отношениями с родственниками и соратниками.

⁴²⁴ Рекламный видеоролик банка «Империал» (зима) // <http://www.youtube.com/watch?v=Os9hQxg3qGM&p=92D6AD49EAED482D&playnext=1&index=10>

⁴²⁵ Профиль. 2010. Сентябрь. С. 2.

⁴²⁶ Рекламный видеоролик чипсов «Хрустим» // <http://www.youtube.com/watch?v=IHfFZE1z5MM>

Его имя используется как символ врага, нападающего на Россию («Что значит мощь народа, не побежденного никакими гитлерами и наполеонами»), или как символ диктатора (поясняя поведение Каддафи)⁴²⁷.

9. Десакрализация как следствие демифологизации истории демонстрирует наличие мифа.

Один из механизмов десакрализации — отрицание значимости явления. Вспомним, как русская проза безжалостно отбросила дистанцию в отношении Наполеона: Наполеон из имени собственного становится именем нарицательным.

Другой путь — ирония, который использовался с войны 1812 г. Заметим, что в наше время в десакрализации в большей степени нуждается русская сторона, поэтому шутки, анекдоты и другие образцы устного народного творчества (современного) в равной мере посвящены и французской, и российской стороне.

Мы считали необходимым в рамках нашего исследования обратиться и к смеховой культуре, представленной разными формами анекдотического жанра.

Анекдот в повседневном сознании выступает как противоположность мифа. В нем выражается скепсис относительно высших ценностей и абсолютов, утверждаемых мифом. Если миф цепляется за факты, которым придается мистическое значение, то анекдот рассматривает факты в перспективе обыденной жизни, где все непрерывно меняется, наслаивается друг на друга и бесследно исчезает. Анекдот отказывается от превращения фактов в ценности, заведомо «не ценит» то, о чем рассказывает, поскольку рассказанное необходимо только для того, чтобы над ним посмеяться⁴²⁸, что происходит, например, в последней комедии «Ржевский против Наполеона»⁴²⁹.

⁴²⁷ Исследование «Наполеон в СМИ». Архив автора.

⁴²⁸ *Орнатская Л.* Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 87–94 // http://anthropology.ru/ru/texts/ornatsk/anecdote_14.html

⁴²⁹ Рекламные ролики фильма «Ржевский против Наполеона» // <http://www.youtube.com/watch?v=5JpV1n4H6XA>) <http://www.youtube.com/watch?v=EpFGMjnMXcQ&feature=related>

Для анализа этой стороны общественного сознания мы выбрали также «пародии» из известной телевизионной игры КВН («Клуб веселых и находчивых»), в которую играют студенты.

Общий анализ всех скетчей о Наполеоне позволяет выделить следующие их типы:

- Пародии на историю и исторических персонажей⁴³⁰;
- Пародии на литературные произведения о Наполеоне, в первую очередь на «Войну и мир»⁴³¹;
- Пародии на театральные постановки о Наполеоне. Их, кстати, за последние 10 лет в России было немало. В актуальном театральном репертуаре — 8 спектаклей о Наполеоне русских и зарубежных авторов⁴³²;
- Пародии на фильмографию о Наполеоне и войне 1812 г., здесь лидер — уже называвшийся мюзикл «Гусарская баллада» (см. эпизод «Давным-давно» из мюзикла и пародию на него⁴³³);
- Пародии на авторов, которые пишут и говорят о Наполеоне (в частности, на известного драматурга Э. Радзинского).

В содержательном плане рейтинг тем, обыгрываемых в пародиях, выглядит следующим образом:

1. Наполеон и Кутузов. При этом Кутузов во всех пародиях выполняет роль «трикстера». Спящего, усталого, толстяка, ловчака, хитреца, который неожиданно наносит удар и выигрывает, что хорошо ложится и на исторические факты, и на «толстовский» образ Кутузова. Не случайно во всех пародиях так легко выявляются аллюзии на текст Толстого⁴³⁴.

2. Наполеон и Жозефина. Классический сюжет мифа — всепобеждающая и всепоглощающая любовь.

3. Наполеон как ГЕРОЙ (полководец, храбрец, борец).

⁴³⁰ КВН (<http://www.youtube.com/watch?v=dMHa4d-8MpA&feature=related>)

⁴³¹ КВН (<http://www.youtube.com/watch?v=5frZc7QkIV4&feature=related>)

⁴³² КВН (<http://www.youtube.com/watch?v=OoXo8ugUZxQ>)

⁴³³ Мюзикл «Гусарская баллада» // <http://www.youtube.com/watch?v=Tqttc0ujso4&feature=related>; КВН: Пародия на «Гусарскую балладу» // <http://www.youtube.com/watch?v=LIGlgGO2hjA>

⁴³⁴ КВН (<http://www.youtube.com/watch?v=dMHa4d-8MpA&NR=1>)

Таким образом, генезис наполеоновского мифа сегодня имеет различные основания:

- **Идеологические.** Формируется властью или оппозицией для решения своих задач — легитимации, повышения собственного авторитета и т.д.
- **Коммерческие,** особенно популярные в последнее время. Миф формируется для того, чтобы подороже его продать. В наименьшей степени связан с реальностью и наиболее скандален. Огромное количество теле- и радиопередач о Наполеоне далеки от исторической критики.
- **Научные.** Миф формируют профессиональные историки. Пример — написание популярных монографий и школьных учебников.
- **Художественные.** Именно этот источник наполеоновского мифа в массовом сознании имеет, пожалуй, первостепенное значение в современных условиях.

Наполеон запечатлен не только в русской исторической памяти, но и в русском художественном сознании. Только за последние 10 лет в Москве шло 8 спектаклей о Наполеоне, как русских, так и зарубежных авторов. В настоящее время один из культовых российских режиссеров Юрий Грымов начал съемки нового художественного фильма о войне 1812 г., готовится к постановке новая опера Рыбникова «Война и мир».

Несмотря на сужение образа Наполеона за последнее столетие, он остается культурным и мифологическим героем.

«Безумие войны»

Тициана Горуппи

Название, на первый взгляд незначительное, даже банальное, должно быть рассмотрено буквально, так как оно намекает на тесную связь между войной и безумием в двух рассказах Бальзака, «Полковник Шабер» и «Прощай».

Что представляет настоящий интерес — это литературная переработка, хотя и полностью верная исторической правде, о двух наполеоновских сражениях, при Эйлау и при Березине. Первое, прославленным

героем которого является Шабер, несмотря на свой неоднозначный исход, так как французская армия понесла значительные потери, обычно причисляется к победам императора, таким образом, оно не вносит изменения в славную судьбу империи. Второе, наоборот, является одним из самых ужасных поражений Франции, обозначивших конец империи, и Стефани оказывается одной из его многочисленных безымянных жертв. Несмотря на то что личная история двух главных действующих лиц тесно связана с этими двумя историческими событиями, с самого начала становится понятно, что символическая идея берет верх над интригой.

Полковник, после того как его объявили павшим под Эйлау, через несколько лет возвращается во Францию, полностью залечив свои раны, готовый вернуть себе свое имя, свою роль мужа, свое богатство, но его жена, которая снова вышла замуж, его решительно отвергает. Стефани тоже возвращается во Францию через несколько лет, но совершенно больная, и напрасно ее дядя-врач пытается вылечить ее от безумия. На первый взгляд кажется, что речь идет о двух ситуациях, одинаковых в начале, но разных в своем развитии: Шабер становится жертвой ненависти и корысти, Стефани, наоборот, превращается в объект любви и преданности. Однако окончание сближает этих двух персонажей вплоть до того, что их можно отождествить: Шабер и Стефани прекращают жить после Эйлау и Березины, каждый из них имеет схожий полностью физический опыт сражения, связанный со всеми ужасами боя, кровью и увечьями.

Их трагический, но навсегда личный опыт войны, рассмотренный как невозвращение, повторяется с ними одновременно в историческом и символическом значении. Шабер выбирает больницу для сумасшедших, Стефани предпочитает смерть исцелению. Тем не менее, все то же безумие, к которому они приходят, сообщает, с одной стороны, о трудности, даже о невозможности покинуть империю, чтобы вступить в Реставрацию, а с другой, об их преданности своей идентичности: Шабера — идентичности имперского солдата, Стефани — возлюбленной. Таким образом, речь идет о совершенно трагическом восприятии времени, в котором прошлое и настоящее, вместо того чтобы выстраивать временную последовательность, представляют собой, наоборот, два противоположных полюса исторического опыта. Подобное заключение предвещалось, однако, с самого начала. По возвращении во Францию Шабер кажется живым мертвецом, «вы-

рытым из могилы трупом», а Стефани похожа на занятное животное, на привидение, словно главные герои, лично пережив историческое потрясение, связанное с возвращением Бурбонов и падением императора, осознали в ментальном отчуждении единственный способ сохранить свою первоначальную идентичность.

Наполеон в женских дневниках российской аристократии XIX в. (около 1840 г.)

Катрин Виолле

Страстное поклонение, которое обращали к личности Наполеона большинство русских девушек, ведших личные дневники, является удивительным по многим причинам, учитывая, что оно проявлялось повторяющимся образом в их дневниках, писавшихся по-французски около 1840 г. Это поклонение было не только вездесущим, но оно принимало самые разнообразные и самые неожиданные формы — от юношеского восторга до фетишизма. «Я считаю, что это совершенно невозможно, чтобы человек, который имеет рассудок, не восхищался таким прекрасным и таким необыкновенным человеком, [как Наполеон]», — писала, например, в своем дневнике путешествий юная Наталья Шаховская в возрасте 16 лет. Исторические знания точно определяют то, о чем рассказывают девушки, и непрерывный поиск всевозможных следов их кумира, безусловно, дает повод для улыбки, но остается показательным для изучения умонастроений того времени.

В.В. Верещагин и В.В. Розанов о Наполеоне (истоки и источники негативного отношения)

Тимашева Ольга Владимировна

Объединяя два имени, художника и философа, и ориентируясь на их сочинения, я руководствовалась не тем, что обоих авторов зовут Василий Васильевич, а также не тем, что оба они волжане, один из Череповца, другой из Костромы, но тем особым отношением, которое

они испытывают к России, той преданной любовью к своей родине, которой наполнено все их творчество. При этом стоит отметить, что про Верещагина (1842–1904) не раз говорили, что его характер, ум, техника в жизни и в искусстве были «американизированные» (М.В. Нестеров). Художник Верещагин — великий путешественник, желавший в одиночку познать мир во всех его проявлениях.

Неославянофил Розанов (1856–1919) был мистик и путаник в вопросах социальной жизни, но при этом обладал особой русской совестливостью мученика христианской веры. Случалось, его объявляли «антихристианином» в духе Ницше, и в этом определении проявлялось заметное многим из разных пределов России его нарочитое тяготение к крайностям, характерная амбивалентность мышления (Д.С. Мережковский).

Какое место в жизни каждого из них занимала история?

Если подойти к Верещагину с позиций Л.Н. Гумилева, то его надо признать типичным «пассионарием», то есть человеком, обладающим повышенным желанием действия, стремлением изменить окружающий мир, ищущим приключения, стремящимся оказаться в центре конфликтов, выразить делом и словом свое отношение к происходящему. Среди его авторитетов М.Д. Скобелев, П.О. Макаров, Томас Эдисон, Дюма-отец. Все они укладываются в единое философское представление о «художничестве», то есть о творчестве, которое превыше всего. Далекие путешествия, да еще без «шлейфа», без компаньонов, требовали от Верещагина, помимо личного мужества и уверенности в себе, глубокого познания истории, мировой и национальной.

Розанова интересовала не собственно история, а скорее философия истории. Все познаваемое распределено им в «понимании» (термин Розанова), содержится в его формах, но только еще закрытых, непознанных; понимание завершает деятельность разума и дает ему успокоение. Это, как ему кажется, заложено в запросах и требованиях современности (*Религия и культура*, 1899). Выступив со статьей *Место христианства в истории*, Розанов обнаружил свою вполне определенную славянофильскую окраску в духе К.Н. Леонтьева и стал решительным противником некоторых основных идей догматики. Его статьи о браке (1898) еще более продвинули его в этом отношении. Много в них было сказано такого, что повергло в не-

поддельное изумление как единомышленников, так и противников философа (по его мнению, например, день Ходынской катастрофы есть вместе с тем и счастливый день русской истории). И все же нельзя не признать, что встречающееся у Розанова своеобразное освещение исторических событий может пробудить у любого читателя мысль своими неожиданными параллелями и поворотами.

К концу XIX в. тема Наполеона была уже всесторонне освоена русским культурным сознанием. Большой популярностью пользовались мемуары участников Отечественной войны Дениса Давыдова, Федора Глинки, Ивана Лажечникова, Надежды Дуровой. Вышли фундаментальные труды историков А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича, М.В. Довнар-Запольского, Н.К. Шильдера. Сотнями исчислялись поэтические вариации на тему Наполеона, десятками — исторические романы о нем. Уже написаны *Ночной смотр* В.А. Жуковского, *Воздушный корабль* М.Ю. Лермонтова, *Наполеон* А.С. Пушкина. Личность Наполеона стала предметом художественного изучения едва ли не во всех возможных вариантах: «великий полководец», «бич Европы», «орудие иллюминатского заговора», «ничтожество, вознесенное волей судьбы», «романтический бунтарь-одиночка»... Варьировались оценки наполеоновского похода на Россию — кто он: «изувер-завоеватель» или «благородный противник»? «Гений, совершивший непростительную ошибку» или «орудие Провидения»?⁴³⁵

Русское культурное сознание уже с самого начала XIX столетия имело дело не столько с реальным Наполеоном, сколько с наполеоновским мифом. Наполеон стал частью отечественной мифологии. Даже когда он осознавался «злым гением», он был русским «злым гением». По наполеоновскому вопросу определялись писатели и публицисты, политики и историки. Наполеон — не только следствие якобинского террора, но и духовная эманация русского свободомыслия, наших представлений о сверхчеловеке и его роли в истории. Одновременно образ inferнального чудовища в том или ином лексическом решении как прошел в сознании русского человека через всю войну 1812 г., так и продолжает двигаться в последующие

⁴³⁵ Кошелев В.А., Чернов А.В. После битвы нет врагов, есть только люди // Художник В. Верещагин. Наполеон в России. 1812. Тверь, 1993. С. 14.

годы. Враг России воплощал в себе адовы силы, и потому конфликт с ним носит *вселенский, космический* характер.

Среди литературных трудов, изданных художником Верещагиным, — *На войне в Азии и Европе. Воспоминания художника В.В. Верещагина*; автобиографические повести *Литератор* и *Детство и отрочество художника В.В. Верещагина*; *Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей*; *На Северной Двине. По деревянным церквам, а также 1812. Пожар Москвы. Казаки. Великая армия. Маршалы. Наполеон I* (1895).

«Жизнь Наполеона I за 20 лет, — пишет Верещагин — представляла ряд фактов, до такой степени поражающих воображение, что люди склонялись придавать им значение свыше predetermined событий, а в самом великом полководце видеть исполнителя неотразимых приговоров судьбы. Позже, в кампанию двенадцатого года Наполеон до того увлекся, что сразу вступил в борьбу с климатом и пространствами Севера и пал, но облик его через это не потерял обаяния, а напротив, украсившись ореолом страдальчества, стал еще более интересен для всякого мыслящего человека, философа, политика или военного»⁴³⁶. Тут может показаться, что художник оценивает Наполеона нейтрально и скорее положительно.

Однако, как автор книги мемуаров «Наполеон I в России» и цикла живописных работ, посвященных Отечественной войне 1812 г., Верещагин продемонстрировал свое резко отрицательное отношение к Наполеону и наполеоновскому нашествию в Россию. События, о которых он поведал, произошли задолго до его рождения; русские история и литература уже достаточно глубоко представили и сами события, и личность Наполеона, все это было в основных чертах понятно следующему поколению. Но, с точки зрения Верещагина, это еще не сумела представить живопись.

Действительно, если вообразить себе, как визуально был обозначен Наполеон и его сражения, то вспоминаются в первую очередь картины Жака Луи Давида *Наполеон переходит Альпы* и художника Гро Бонапарт *на Аркольском мосту*, *Чумные в Яффе*, *Поле битвы при Эйлау*. Гизо отмечал, что манера последнего, то есть «Гро, быть может,

⁴³⁶ *Верещагин В.В. Повести. Очерки. Воспоминания. Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Кошелева и А.В. Чернова. Тверь. 1990. С. 297.*

лучше всякой другой, пригодна для сюжетов национальных»⁴³⁷. В более поздние времена во Франции официально признанным баталистом высокого уровня стал считаться Эрнст Мейсонье (1815—1891). Этот французский живописец, график, скульптор учился у Л. Конье. Известность он приобрел, выполняя декоративные виньетки и сделав иллюстрации к произведениям Бернардена де Сен-Пьера (1831), что пристрастило его к изучению исторического костюма. Считается, что он испытал на себе также влияние голландских жанристов XVII в., поскольку писал бытовые и батальные сцены, наряжая персонажей в эффектные исторические костюмы различных эпох, покоря зрителя тщательной отделкой деталей, приятным колоритом, занимательным сюжетом⁴³⁸. При Наполеоне III и при его покровительстве он создал серию работ о Наполеоне I (1814 год, 1864; обе находятся в Париже в музее Орсе). Верещагин, находясь в Париже, с ним познакомился. Когда он спросил у Мейсонье, как тот писал снежную дорогу в 1812 г., то ответ был примерно таков: «Намесил глины на небольшой платформе и несколько раз протолкал взад-вперед пушку, потом копытом с подковой намял следы лошадиных ног, посыпал мукой, опять протолкнул пушку и проч., пока не получилось некое подобие дороги, потом посыпал соли, и дорога была готова.

— Зачем соли?

— Для блеска, который, как вы знаете, всегда есть в снегу»⁴³⁹.

Верещагин к своей наполеоновской серии готовился самым тщательным образом. Исходя из представления, что художник должен быть непосредственным участником того, что он изображает, ему необходимо создать свою собственную историю, в которой бы по-своему преобразались общепринятые источники: воспоминания современников, документы, старые публикации. Ведь все это под-сказывает атмосферу времени, воспроизводит настроение прошлого. Сначала Верещагин материализовал историю в слове, то есть написал свой «1812 год» и лишь потом воссоздал ее в пластических образах. Но в серии его картин не было, как в некоторых предыдущих его

⁴³⁷ История XIX века, под редакцией Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 1. С. 340.

⁴³⁸ Булгаков Ф. Мейсонье и его произведения. СПб., 1907.

⁴³⁹ Верещагин В. В. Наполеон в России. 1812. Тверь, 1993. С. 256.

произведениях, глобальных философских обобщений, а также схем сражений или летописи событий.

«До Верещагина, — как пишет А. Бенуа, автор нашумевшей в свое время книги “История русской живописи”, — все батальные картины, какие только можно было видеть у нас во дворцах, на выставках, в сущности, изображали шикарные парады и маневры, среди которых мчался на великолепном коне фельдмаршал со свитой. Здесь и там на этих картинах, в очень умеренном количестве и непременно в красивых позах, были разбросаны рго fogma несколько чистеньких убитых. Самая природа, окружавшая эти сцены, была причесана и приглажена так, как в действительности этого не могло быть даже в самые тихие и спокойные дни, и при этом еще все такие картины и картинищи были всегда исполнены в той сладенькой манере, которую занесли к нам во времена Николая Первого Ладюрнер, Зауервейд и некоторое время проживавший у нас Раффе. Эту розовую манеру с успехом сумели перенять все наши доморожденные баталисты (Тимм, Коцебу, Филиппов, Грузинский, Виллевалде и др.), написавшие бесчисленные, очень вылощенные, очень вкусенькие и убийственно однообразные картины, что никому и в голову не приходило, что на самом деле все выглядит не так. Толстой в своем “Севастополе” и в “Войне и мире” разрушил эти иллюзии, а Верещагин повторил затем в живописи то, что было сделано Толстым в литературе»⁴⁴⁰.

Из этой общей, выдержанной и весьма благосклонной оценки, за исключением последнего абзаца, баталиста Верещагина плохо видно, как Бенуа конкретно отзывался о его цикле на темы войны 1812 г., а он был суров: «Как? Как можно изобразить Наполеона “пузатеньким низеньким человеком в каком-то шутовском ярком наряде”?»⁴⁴¹ Это так контрастирует со словами Лермонтова: “на нем треугольная шляпа и серый походный сюртук”».

Верещагин в статье *О прогрессе в искусстве* писал о необходимости отыскания характерных мелочей, на которые он лично как писатель и репортер потратил немало времени. В исторических хрониках, прочитанных художником, было запечатлено убийство купеческого

⁴⁴⁰ Бенуа А. История русской живописи в XIX веке. М., 1998.

⁴⁴¹ Стасов В.В. Верещагинские картины // Стасов В.В. Избранное. М., 1950. С. 376.

сына Верещагина (это не предок, а просто однофамилец), привязанного за ноги к лошадиному хвосту, за которым бежала, глумясь, чернь. Это только лишь отдельный, микроскопический в его книге эпизод в непрерывной трагедии других, подобных. При посещении, например, Колочского мужского монастыря, где он разыскивал надпись, оставленную Наполеоном на стене, которую он не нашел, ему удалось записать рассказы монахов... «Мы только что сели обедать, как они набежали, он вошел, как был в шапке, пожелал нам по-польски доброго аппетита, и — как раз против меня было пустое место, — перешагнув через скамейку, взял ложку и стал есть наши щи. Съел немного, сказал: “Добрые щи!” — и ушел...»⁴⁴² Не исключено, возможно, что это кем-то сочиненный исторический анекдот, если вспомнить о том, как было написано в листках Ростопчина о том, что французы на русской земле «от щей задохнутся».

Подобных историй и заметок у Верещагина великое множество. Вот некоторые из них, попавшие в раздел *Пожар в Москве*:

«Как описать все в городе, отданном на грабеж, — говорит очевидец, — солдаты, маркитанты, преступники из тюрем и публичные женщины бегали по улицам, врывались в покинутые дома и выхватывали оттуда все, что могло им приглянуться. Одни накутывали на себя шелковые с золотом одежды, другие взваливали на плечи, сколько могли, без разбора всяких мехов, там одевались в женские и детские шубки, солдаты и всякая уличная сволочь разодевались в придворные одежды. Толпы бросались к погребам, выбивали двери и, перепившись, шатаясь, уносили награбленное. Это безобразие не ограничивалось только покинутыми домами: солдаты врывались во все жилые квартиры и насиловали всех попадавшихся женщин. Когда генералы получили приказание выехать из Москвы, распущенность достигла крайнего предела: солдаты, не сдерживаемые присутствием начальства, дошли до чудовищного безобразия, не жалели ничьих убежищ, не щадили ни церковных, никаких других украшений и богатств»⁴⁴³.

⁴⁴² *Верещагин В.В.* Повести. Очерки. Воспоминания. Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Кошелева и А.В. Чернова. Тверь, 1990. С. 242.

⁴⁴³ *Верещагин В.В.* Наполеон в России. 1812. Тверь, 1993. С. 39–40.

«Церковная утварь, образа и все священные вещи верующих, — говорит аббат, — были пограблены или позорно выброшены на улицы. Священные места были превращены в казармы, бойни и конюшни, и даже неприкосновенность гробниц была нарушена»⁴⁴⁴.

«Мы встретили еврея, — рассказывает Бургонь, — который рвал на себе бороду и пейсы при виде горевшей синагоги, которой он был раввином, так как он болтал немного по-немецки, то мы поняли, что вместе со своими одноверцами он снес в храм все, что имел наиболее ценного... Когда мы вошли с ним в самый еврейский квартал, оказалось, что в нем все выгорело до тла — приятель наш при виде этого вскрикнул и упал без чувств. Через минуту он открыл, однако, глаза, и мы, давши ему оправиться, стали спрашивать, чего он так испугался: он дал понять, что дом его сгорел, а с ним, вероятно, и вся его семья. Сказавши это, он снова впал в беспамятство»⁴⁴⁵.

«В Рождественском монастыре придумали молодых монахинь сажай вымазать... Идут они двором, а навстречу французы — тотчас их окружили, старухи-то начали отплеиваться и показывать, что клирошанки гадкие, черные. Рассмеялись французы. Стояла тут бочка с водой, один из них налил воды в ковш и показывает им, чтобы умывались. Они сробели и хотели бежать. Французы их догнали и начали их умывать. Девочки кричат, и старухи кричат, а французы помирают со смеху. Как их вымыли, начали говорить: жоли филь»⁴⁴⁶.

Интересны замечания и записанные наблюдения Верещагина про Кремль. В тот момент Кремль — не крепость и не цитадель, а просто красивое возвышенное место, обнесенное стеной, и потому особенно ярко выступает желание Наполеона хоть чем-нибудь отомстить русским. Он отдает приказ о полном уничтожении Кремля.

«Мины под Кремлем были расположены таким образом, что огонь должен был сообщиться им по выступлении Мортье с последними войсками и всеми тяжестями, которые возможно было увезти... Действие взрыва было просто ужасно — огромные камни были отброшены на пятьсот шагов, чуть не все оставшиеся еще в Москве

⁴⁴⁴ Там же. С. 44.

⁴⁴⁵ Там же. С. 40—41.

⁴⁴⁶ Там же. С. 42.

оконные рамы и двери выбиты, и, конечно, не оставалось цельных стекол — осколки их врезывались в соседние стены, камни влетали в комнаты. Упали 2 башни, также часть стены и арсенала, дворец и пристройки к колокольне Ивана Великого: самая колокольня пошатнулась, дала трещину, но устояла»⁴⁴⁷.

При этом любопытно первое впечатление некоего француза при вступлении в Москву: «Мы были поражены чудным видом Москвы, и авангард с восторгом приветствовал город криком: Москва! Москва! — говорит Labaume. — Все бросились на высоту и наперерыв один перед другим открывали и указывали друг другу новые красоты. Дома, выкрашенные разными красками, купола, крытые железом, серебром и золотом, удивительно разнообразили вид; балконы и террасы дворцов, памятники и особенно колокольни давали в общем картину одного из тех знаменитых городов Азии, которые до тех пор мы считали существовавшими только в воображении арабских поэтов»⁴⁴⁸.

Работая над своей книгой, Верещагин как автор исторических записок собрал множество интересных фактов, доверяя готовым рукописям и изданиям, из которых немало, если не большинство, французских. Вот кого он указал: «Анштедт, A.F. de V., Барклай, Бернадот, Богданов, Богданович, Bulletins, Бутурлин, Bourgeois, Bourgogne, Булгаков, Глинка, Граббе, Gourgaud, Daumery, Давыдов, Данилевский, Deniée Dumas, général; Durdant, Duverger, Journal pendant la compagnie de 12, d'Ysnar, chevalier, Constant, Кербелецкий, Кутузов, Кичеев, Корнет, записки; Labaume, Lettres sur la guerre de 1812; L.G.L.D; Marbot, Moniteur, Marin de la garde, Муравьев, Officier de la jeune garde, Оленин, Попов, Pradt, l'Abbé, Porter, Roos, Ростопчин, Rappe, Segur, Solytk, Saint Vrice, Терконель, лорд; Толычева, Fain, Fézensac, Fusil, m-me; Феофилакт, De la Fluse, Феньшау, Чернышев, Chambray, Chaptal, Шаховской, C-sse Choisel Gouffier, Шишков».

В списке приведенных авторов есть хорошо и мало знакомые имена (Кутузов, Данилевский — Анштет, Толычева), есть имена, которые трудно найти в справочниках и энциклопедиях (Bourgeois, Bourgogne, Labaume), есть авторы, переведенные на русский язык

⁴⁴⁷ Там же. С. 54–55.

⁴⁴⁸ Там же. С. 35.

и хорошо известные в России (Séguire), есть такие, которые совсем не известны и вообще анонимны (Корнет, записки; Marin de la garde; Officier de la jeune garde, A. F. de B.). Каждое имя представляет интерес для потомков и нуждается в комментариях.

Например, Анштедт (Анштет) Иван Осипович (1766—1835) — это директор дипломатической канцелярии армии Кутузова, русский дипломат и действительный тайный советник, автор своих заметок о Наполеоне и его русской кампании.

Толычева Татьяна — Новосильцова Екатерина Васильевна, писательница, выступавшая под псевдонимами «Татьяна Толычева» и «Колдун-говорун».

Бернадот (Bernadotte) Жан Батист (1763—1844), маршал Франции, в 1818—44 гг. занимал престол Швеции под именем короля Карла XIV Юхана, основателя династии Бернадотов. Во время войн революционной Франции выдвинулся на пост командира дивизии. В наполеоновской армии командовал корпусом.

Филипп-Поль де Сегюр (Philippe Paul de Séguire, 1780—1873) — французский бригадный генерал, входивший в окружение Наполеона, оставивший воспоминания по истории наполеоновских войн. Двухтомный труд графа Филиппа-Поля де Сегюра *История Наполеона и Великой армии в 1812 г. (L'Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant L'année 1812)* был опубликован еще в 1824 г. Книга имела успех. За три года было выпущено не меньше десяти изданий работы Сегюра. Несмотря на то что книга Сегюра разошлась массовым тиражом, она встретила неоднозначную оценку у современников. Многие из бонапартистов, обожествлявших образ покойного императора, сочли этот труд Сегюра лживым и предательским.

Против Сегюра публично выступил барон Гаспар Гурго (1783—1852), ординарец Наполеона в 1812 г. и верный его слуга в изгнании на острове Святой Елены. Гурго боролся за придание образу Наполеона в бурбоновской Франции героического характера. Возмущенный Гурго в 1825 г. издал свою работу «Наполеон и Великая армия в России, или Критический разбор материала г-на графа Ф.-П. де Сегюра».

«Гурго поставил перед собой задачу во что бы то ни стало опровергнуть все то, что Сегюр написал — и об императоре, и о событиях Бородинского сражения. Бородинская битва, по Гурго, была не просто выиграна Наполеоном, но и выиграна блестяще, следствием чего

и стало занятие русской столицы французской армией. Наполеон и накануне, и в день битвы демонстрировал кипучую энергию. Это в значительной степени и обусловило победу французского оружия. Гурго решительно отверг обвинения Сегюра в том, что император отказался использовать Гвардию. Вообще, по Гурго выходило, что было невозможно действовать при Бородино более разумно, чем действовал Наполеон»⁴⁴⁹.

Есть среди источников, отмеченных Верещагиным, также имя Рооса, просто написанное латиницей Roos. Лишь недавно, благодаря публикации статьи Б.П. Миловидова *Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса* стало известно, кто он и в чем его заслуги: «Среди тех пленных, которые навсегда связали свою судьбу с Россией, были и врачи. В частности, чрезвычайно интересна судьба Генриха Рооса, оставшегося после войны в России и дослужившегося до должности главного доктора Мариинской больницы в Петербурге. В начале XX века, в 1912 г. в связи с юбилеем Отечественной войны независимо друг от друга с заграничного немецкого издания были выполнены два перевода его воспоминаний на русский язык, изданных соответственно в Москве и в Петербурге»⁴⁵⁰.

Заслуживает внимание как источник генерал де Фезенсак. Его Верещагин цитирует многожды, хотя и не полностью, предпочитая более описания Филиппа де Сегюра и Рене Буржуа.

Военные мемуары де Фезенсака (Général duc de Fézensac Souvenirs militaires de 1804 a 1814, Soteca, Napoléon I Editions, 2008) появились впервые в 1849 г., и с тех пор до 2008 г. не переиздавались. Новая публикация воспоминаний, по утверждению рецензентов, произвела сильное впечатление на современников. Величие событий, искренность тона, четкость и изящество стиля выигрышно и очень притягательно прозвучали сегодня. «Никто до него не писал так строго и точно о передвижении армий с одновременной оценкой того, что собой представляет война с разных точек зрения, — пишет

⁴⁴⁹ *Зобнин. Жизнь замечательных людей. Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния.* М., 2008. С. 169.

⁴⁵⁰ *Миловидов Б.П. Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Можайск, 2008. С. 317.*

Алэн Филльон. — Это, конечно, героизм, отвага, позор и слава, но это также ужасные страдания, сопровождающие любые успешные действия»⁴⁵¹. Ниже приводится описание Бородинского сражения, написанное де Фезенсаком [перевод автора данной статьи — с. 181–194 указанного издания].

В главе «Русская кампания в 1812 году» генерал, герцог де Фезенсак пишет: «...Император, ежедневно полагая увидеть русских, чтобы навязать им битву, дал увлечь себя на дорогу в Москву, его не волновал факт усталости войск и отсутствия связи с другими, не находящимися на дороге из Смоленска в Москву, корпусами. Ставка была 25 в Дорогобуже, 26 и 27 в Славково, 28 около Семлево, 29 в одном лье от Вязьмы, 30 в Вязьме, 31 в Велищеве, 1 сентября в Гжатске в 38 лье от Москвы. Мы с большим опозданием сожалеем о сожженной Вязьме, дома которой буквально были поглощены пламенем. Проезжая через этот город, император увидел солдат, растаскивающих водку из горящего магазина. Это зрелище привело его в ярость; он бросился в толпу, махая хлыстом и грязно ругаясь. Невозможность настигнуть русскую армию и те опустошения, которые она осуществляла за собой, на нашем пути, противоречили его планам и приводили императора в жуткое состояние, жертвами которого становились те, кто оказывался рядом с ним. Только в Гжатске он узнал, что враг наконец остановился, чтобы дать битву; никогда ранее он так не радовался.

Генерал Кутузов только что сменил генерала Барклая в командовании русскими армиями; император Александр все свои надежды возложил на этого нового генерала, и его доверие к этому человеку было разделено армией и народом. Чтобы это доверие оправдать, Кутузов наконец решил вступить в это генеральное сражение, тем более что приближение к Москве делало принятие такого решения необходимым. Император Александр отправился в этот город в июле; его присутствие вызвало энтузиазм; знать и купечество единодушно сделали огромные вложения, более того, они заверили Александра, что враг никогда не войдет в Москву. В общем, русский генерал прежде, чем сдать город, должен был дать бой. Кутузов выбрал Бородино, находившееся за рекой Колочь, это в пяти лье от Можайска и двад-

⁴⁵¹ *Fillion A. Introduction // Général duc de Fezensaque, Souvenire militaire de 1804 a 1814. Soteca, 2008. P. 12.*

цати пяти лье от Москвы. Как только Наполеона об этом информировали, он прибыл в Гжатск, чтобы принять свои решения. Армия снова пришла в движение 4-го и отодвинула вражеский авангард. 5-го утром мы были на месте.

Генерал Кутузов собрал для участия в битве 100 000 человек пехоты и 30 000 конных; в это число входили две русские армии, увеличенные с помощью влившихся подкреплений и за счет милиции Москвы.

Речка Колоочь прикрывала его правый фланг, выходящий с другой стороны на Москва-реку, он был защищен многочисленными батареями; ставка была размещена за равелином и укреплена тремя сильными редутами; левый фланг перед лесом, который пересекал старую дорогу на Москву, также был укреплен одним редутом. Другой редут был построен в шестнадцати туазах от центра и был, так сказать, авангардом данной диспозиции войск русских. Император дал приказ атаковать: утром генерал Компан из первого корпуса захватил его, и после этого захвата редут три раза переходил из рук в руки. Подошедшие затем силы нашей армии встали лагерем напротив вражеской армии русских. Императорские палатки расположились на высотке у дороги за деревней Валуево. Императорская гвардия расположилась в каре вокруг нее.

Весь день 6 числа был употреблен на то, чтобы разведать вражеские расположения и построить войска для битвы. Император принял решение атаковать центр и левый фланг русских, захватывая редуты, сооруженные в этих точках. Впоследствии он поместил 5-й корпус справа от старой дороги; 1-й и 3-й корпуса в центре, напротив больших редутов, за ними стояла кавалерия около того редута, который был захвачен накануне, императорская гвардия была в резерве; 1-й корпус на крайнем левом фланге, около деревни Бородино. Общее число выставленного императором войска не превышало 120 000 человек. Все уверяют, что императору было предложено маневрировать на правом фланге, чтобы обогнуть русских слева и заставить их оставить свои позиции; но он хотел битвы, он полагал ее необходимой, и он очень боялся, что она не состоится. Мы провели весь день в генштабе, и то впечатление, которое я тогда получил, до сих пор не выходит у меня из памяти. Было что-то грустное и одновременно располагающее в противостоянии двух армий, которые предполагают уничтожить друг друга. Все войска получили приказ одеться в лучшую одежду.

как для праздника. Особенно императорская гвардия казалась готовящейся скорее к параду, чем к битве. Потрясающе выглядело хладнокровие старых солдат; на их лицах не читалось ни беспокойства, ни энтузиазма. Новое сражение было с их точки зрения еще одной победой, и чтобы разделить эту уверенность, достаточно было взглянуть на них. Вечером из Парижа прибыл г-н де Боссе, префект палаты и представил Императору большой портрет его сына; это показалось всем добрым предзнаменованием. Полковник Фабье приехал вслед за Боссе, он прибыл из Испании, чтобы представить императору детали о положении наших дел после проигрыша в битве у Саламанки. Наполеон, несмотря на свои серьезные обязанности, не отпускал его от себя в течение всего вечера. 7 числа в два часа утра обе армии были уже на ногах; каждый беспokoйно ждал результат этого ужасного дня. С обеих сторон была решимость победить или погибнуть; разгром армии оставил бы нас без всяких ресурсов; дальше он должен был освободить Москву и разбить наголову Великую армию. Можно также сказать, что ни с той, ни с другой стороны не пожалели слов для того, чтобы заечь солдат; каждый генерал разговаривал со своими на своем языке, связанном с близкими им идеями и привычками. В русской армии священники с благочестивым видом объезжали ряды войск. Солдаты получали от них благословение на коленях, они слушали призывные проповеди священников и их пожелания; генерал Кутузов обращался к религиозным чувствам солдат: “Только с нашей верой я хочу сражаться и победить. Только с этой верой я хочу победить или умереть, а если придется умереть, то, умирая, я должен видеть победу. Солдаты, вспомните ваших жен и детей, которые просят у вас защиты; подумайте о своем императоре, который глядит на вас, и прежде чем зайдет завтрешнее солнце, распишитесь кровью супостата и его легионов в вашей вере и вашей верности на полях нашей родины”. Во французской армии маршалы собрались вокруг Императора возле главного редута, чтобы получить последние указания. С первыми лучами солнца император воскликнул: “Вот оно, солнце Аустерлица!”

Каждый полк выкинул свое знамя, и полковники громко прочли следующее воззвание: “Солдаты! Начинается битва, которую мы так долго ждали; с этой минуты победа зависит от вас; она нам необходима; она нам даст изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое воз-

вращение на родину. Ведите себя так, как вы вели себя в Аустерлице, Фридланде, Витебске, Смоленске, чтобы самые дальние потомки ваши вспоминали о вашем поведении в этот день; пусть говорят про вас: “Он участвовал в этой великой битве под Москвой!”

Солдаты ответили гулом одобрения, восклицаниями, раздался пушечный выстрел, и битва завязалась. По тому же сигналу императорская гвардия и офицеры генштаба выехали из лагеря; все вместе мы собрались возле редута, который захватили вчера, перед которым и остановился Император. Начиналось генеральное наступление по всей линии фронта, и здесь Император, в первый раз в его военной жизни, не принял никакого в нем участия. Он все время оставался где-то в четверти лье от поля битвы, получая донесения от генералов и отдавая приказы настолько правильные, насколько они могут быть такими, в отдалении от передовой. Никогда не довелось мне видеть битвы более ожесточенной, чем в тот день; маневры осуществлялись с трудом, мы яростно атаквали по всему фронту. 1-й и большой редут на правом фланге были захвачены полком кирасиров, потом этот редут был отбит неприятелем, затем снова захвачен первой дивизией 1-го корпуса, отделившегося от вице-короля. 1-й и 3-й корпуса захватили дважды два редута на левом фланге. 4-й корпус овладел деревней Бородино и сдерживал движение на правом фланге русской армии, чтобы окончательно опрокинуть противника. В этот момент я был послан к вице-королю, которого я нашел в центре всех войск, и я был свидетелем того, как он отбивал атаку русских. Каждый офицер, возвращавшийся с поля боя, приносил новость о проявлении героизма. И вот по всей линии фронта мы стали победителями; русские были отодвинуты со всех своих позиций, тщетно пытаясь их восстановить; долгими часами они оставались под огнем нашей артиллерии; однако в два часа пополудни они начали бороться только за возможность отступить. Говорят, что тогда маршал Ней попросил Императора выдвинуть вперед молодую гвардию, чтобы победа была полной; но потом он отказался от этой идеи, не желая делать этот непроверенный шаг. Генерал Кутузов ретировался вечером. Наши войска, изнемогая от усталости, едва могли его преследовать. Армейские корпуса начали разбивать бивуаки там, где они стояли.

Потери и с той, и с другой стороны были огромны, речь шла о 28 000 жертв у французов и о 50 000 у русских. Среди погибших

со стороны России могут называть князя Евгения Вюртембергского и князя Багратиона, с нашей стороны погиб командующий кавалерийским корпусом генерал Монбрэн, генерал Коленкур, брат герцога Висента де Коленкура, адъютанта Императора. О потере последнего очень сожалели в генштабе, где его очень любили. Он должен был заменить на поле боя погибшего генерала Монбрэна, но его тоже убили на большом редуте. Большое число офицеров всех чинов и званий остались на поле битвы. На следующее утро пятый корпус на правом фланге начал движение на Москву. Генерал Кутузов, боясь быть отрезанным от своей армии, решился на полное отступление.

Император объехал с нами поле битвы, оно было ужасно, буквально все было покрыто трупами; мы видели все виды ран и все виды страданий, русских мертвых и раненых в значительно большем числе. Император навестил раненых, дал им воды и попросил, чтобы о них позаботились. Но в тот же день армия продолжила свое продвижение тремя колоннами на Москву. Взятие этой столицы должно было упрочить победу, и именно там Император хотел подписать мирное соглашение. Русский авангард защищал какое-то время Можайск, чтобы иметь возможность спалить его до конца. Генштаб перебрался туда 10-го.

Вот именно тогда принц Невшатель предложил мне попросить у Императора назначить меня полковником 4-го линейного полка вместо полковника Масси, убитого в Бородинском сражении. Я согласился на это предложение с признательностью, и будучи назначенным буквально на следующий день, отправился в Можайск, чтобы присоединиться там к моему новому полку»⁴⁵².

Настоящее описание Бородинского сражения сделано значительно позднее, чем оно происходило на самом деле, но тем интереснее то, как выглядит эта битва с точки зрения боевого наполеоновского генерала, в данном сражении даже не полковника. Учитывая то, что к моменту выхода мемуаров, то есть к 1847 г., в мировой истории уже были проставлены все точки над *i* в отношении Наполеона и всех его битв, можно сказать, что повествование Фезенсака поражает простотой, безыскусностью и непредвзятостью. В книге воспоминаний

⁴⁵² Général duc de Fézensac. Souvenirs militaires de 1804 a 1814. Soteca, Napoléon I Editions, 2008. P. 181–194.

автор пишет в основном о себе, о своей линии жизни, о своей судьбе и о том, что лично ему удалось увидеть. Думается, что личная память явного наполеониста вносит свою лепту в те многочисленные описания сражения, которые ныне известны.

Завершая рассказ о Верещагине как об авторе книги «Наполеон I в России. 1812», хочется снова подчеркнуть высокую эрудицию автора, составившего свой взгляд на события 1812 г. на основании многих проштудированных им источников, из которых большую часть составляли французские. В своей книге он и цитировал их часто по-французски, то есть приводил параллельный своему русскому переложению французский текст. Из этого следует, что почти весь критический запал, вся правда о событиях начала XIX в. непременно следуют из французских источников, из французских оценок. О чем бы ни рассуждали французы, свидетели исторических событий, представляющие разные сословия, книги их и записки не только критически настроены против Наполеона, но и единогласно его осуждают. Даже если речь идет о преданных Наполеону маршалах и генералах, их мнения разоблачают ошибочную заданность русского похода, начавшегося желанием привнести свет французского Просвещения, а закончившегося каннибализмом. Поведение Великой армии в России противостоит кумиротворчеству, идеализации истории.

Итогом огромной работы Верещагина стали 20 его картин, не все из которых до последнего времени были хорошо известны даже в России.

Современное представление о войне 1812 г. по-прежнему не лишено некоторого, хотя и довольно поверхностного романтизма: как отмечают некоторые исследователи, во многих сочинениях, мемуарах, а также эпистолярном наследии бросается в глаза «непропорционально» выступающая на передний план тема рока, судьбы, промысла Божьего, воли Провидения⁴⁵³. Пытаясь постичь смысл происходящих событий, простые люди не прибегали к геополитическим обобщениям, а осмыслили события в стилистике, напоминающей об Апокалипсисе.

⁴⁵³ Бойцов М.А., Ильин В.В. Отечественная война 1812 года в эпистолярном наследии современников (первая треть XIX века) // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. М., 1998. С. 276–277.

В таком же ключе размышляет и Розанов, философ религиозного направления, противник любого кровопролития и пуще всего т.н. «революционного» (Французской революции в частности, как и других безобразий в Европе). Он, в частности, пишет в статье «Отчего не удался памятник Н.В. Гоголю?»: «Помните ли вы тот разговор Чичикова с генералом Бетрищевым, где упоминается об “Истории генералов 12-го года”? Если придвинуть сюда еще “историю о капитане Копейкине”, то оба эти эпизода составят всего несколько страниц великой и грустной поэмы, великой и страшной поэмы; но их впечатление до того неотразимо, что у читающего ничего не остается от влитанного с детства восторга к Отечественной войне. Труд этого года, страдания этого года и, наконец, подлинное величие его куда-то улечивается. А никакого порицания нет, никакой сатиры нет. Нет насмешки, глумления. Страницы, как страницы»⁴⁵⁴. Розанов во всех своих сочинениях, во всех статьях и многочисленных записях пытался стереть патину с событий, которые, с его точки зрения, часто были ложно оценены. Его видение войны 1812 г. и Наполеона тоже было достаточно поздним и возникшим не без влияния больших писателей, в частности Л. Толстого, но оно наложилось на то в его размышлениях, что, по его мнению, для русского человека лучше.

25 апреля 1915 г. он пишет в *Мимолетном*: «От великих людей становится потно, нудно, шумливо, тесно, во всех отношениях несносно.

Бог уродил белые грибы в лесу. Пришел “великий человек”, повалил корзины, собранные нами. — Собирайтесь все в поход. Думаю завоевать Азию.

Он “думает”, а нам какая радость.

Суть “великого человека”, глубочайшая его суть — безбожие.

Не надо! Не надо! Не надо!

Друг мой Наполеон, ты не больше Солнца. Солнце вечно, а ты через 37 лет умрешь.

И после тебя тоже “будут собирать грибы”. Зачем же ты ронял корзины? Собираение грибов выше, и лучше, и чище Наполеона»⁴⁵⁵.

⁴⁵⁴ Розанов В.В. Сочинения. М., 1990. С. 350.

⁴⁵⁵ Розанов В.В. Мимолетное (собрание сочинений под общей редакцией А.Н. Николюкина). М., 1994. С. 80.

Розанов ищет в каждом человеке христианина, хотя его собственные отношения с православием складывались сложно и не сразу. Однако он приходит к мысли о том, что без святого не до порога. Тем ужасны революции, что они растаптывают сокровенное в человеке. Так было и с Французской революцией:

«Из сердца надо вырвать французскую революцию.

Горе, что она была не из священника, а из хулигана. “Лакей, сбегавший от барина и вернувшийся к его дому, его поместью, чтобы сжечь его” — вот суть революции, от края и до края, от вершины и до глубины.

Ну, а от лакея не родится ничего, кроме лакейской цивилизации. И такова Европа с парикмахерской техникой, с “происхождением человека” и проч. и проч. С Наполеоном и его маршалами, как суть “швейцар с булавой” и линия официантов.

Забывать...

Забывать ее...

Забывать все...

Европа должна быть совершенно новой. Тихою. Богобоязненной. Нищелюбивою. Помнить о смерти — особенно!!! Пользоваться жизнью — скромно. Жалеть сирот. Сострадать нищему.

Многоплодною. Детолюбивою. М.б. многоженною. Не знаю: если это *сумеют* (великое и трудное мастерство)⁴⁵⁶.

Продолжая размышлять дальше о гении и революции, Розанов подчеркивает, что все революционеры — самолюбцы и честолюбцы: «И Наполеон из революции родился только потому, что уже и Карно, и Дюмурье, и Мирабо — были “только поменьше” Наполеонами. В революции был скрыт могучий гениальный лакей (Фигаро, *Племянник Рамо* Дидро). Русская святость восстала на этот дух зависти и уныния, “дух празднословия”: на этого окаянного “Каина”⁴⁵⁷. Розанов полагал, что Достоевский первый внес свое справедливое слово в оценку этой революции, и оно раздавило в ней *гадкого человека* (будущего Наполеона), хотя он оставил существо революции как *движения и порыва*. Розанов был убежден, что эксцессы революционеров напоминают собою самые темные

⁴⁵⁶ Там же. С. 159.

⁴⁵⁷ Там же. С. 215.

«изуверные» секты, с человеческими жертвоприношениями и со сладострастием собственного самозакалывания. Трагедию на Ходынском поле, повлекшую массовую гибель людей, Розанов определял как искупительную кровавую жертву для разрушения отъединенности царя от народа после мученической кончины императора Александра II. Весь ужас Ходынской катастрофы писатель представил как мистическое воздаяние подданным за грех цареубийства террористами. А бесчисленные человеческие жертвы и горькие плоды «изнурительных» мечтаний о земном рае Розанов считал главной причиной неизбежного крушения будущего социалистического строя.

Кроме того, он гениально предсказал появление и развитие террора. Метафизический корень террора он выводил из древнейшего начала человеческой истории — начала жертвенного, из понятия самой «жертвы». Именно это чувство, «странное и страшное», Розанов считал корневым истоком современного террора, вечно возрождаемого «негодованием “святых людей” на грех человеческий»: «Давай его сюда, “заколем — ли оживем”, “если этот не умрет, я не могу жить”». Идеиные основы европейского революционного террора мыслитель видел в религиозных ересьях о потерянном рае и мечтаниях.

Большим поклонником творчества Розанова и его учеником считал себя Д.С. Мережковский (1866—1941), русский прозаик и поэт-символист, один из ярчайших представителей «серебряного века». Как многие из тех, кого волновала не только «смена вех», но также и цивилизаций, он ездил в Грецию, переводил греческие трагедии, издал, в частности, религиозно-философскую трилогию *Христос и Антихрист*, где у него христианство — правда о небе, а язычество — правда о земле, и в будущем соединении двух начал состоит полнота религиозной истины⁴⁵⁸.

Размышлял Мережковский и о Наполеоне, хотя его одноименный историко-биографический роман в двух частях был издан только в 1929 г. Первая часть романа характеризует масштабы и особенности личности Наполеона; вторая описывает в хронологической последо-

⁴⁵⁸ Мережковский Д. С. Собр. соч. в четырех томах (составление и общая редакция О.Н. Михайлова). Т. 1. М., 1990.

вательности его судьбу как полководца и государственного деятеля. Сохранив стилистику и структуру исторического исследования, автор, вместе с тем, развил здесь и собственные философские концепции, выявив в своем герое «последнее воплощение Бога Солнца»⁴⁵⁹. Идеи книги о Наполеоне исходили из концепции «Третьего Завета», проповедовавшейся Мережковским. Атлантида для него — конец первого человечества. Апокалипсис — конец «Второго Завета». Наполеон, по Мережковскому, одновременно воплощает в себе и то, и другое. История Наполеона в ее метафизическом аспекте интересовала Д.С. Мережковского на протяжении всей жизни. В 1913 г. он написал очерк *Св. Елена*, в котором Наполеон был изображен как сочетание аполлоновского и дионисийского начал.

Литература:

1. *Бенуа А.* История русской живописи в XIX веке. М., 1998.
2. *Бойцов М.А., Ильин В.В.* Отечественная война 1812 года в эпистолярном наследии современников (первая треть XIX века) // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. М., 1998.
3. *Булгаков Ф.* Мейсонье и его произведения. СПб., 1907.
4. *Верещагин В.В.* Наполеон в России. 1812. Тверь, 1993.
5. *Верещагин В.В.* Повести. Очерки. Воспоминания. Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Кошелева и А.В. Чернова. Тверь, 1990.
6. *Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999. С. 10–13, 169.
7. *Зобнин.* Жизнь замечательных людей. Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния. М., 2008.
8. История XIX века, под редакцией Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 1.
9. *Кошелев В.А., Чернов А.В.* После битвы нет врагов, есть только люди // Художник В. Верещагин. Наполеон в России. 1812. Тверь, 1993.
10. *Мережковский Д.С.* Собр. соч. в четырех томах (составление и общая редакция О.Н. Михайлова). Т. 1. М., 1990.

⁴⁵⁹ Зобнин. Указ. соч.

11. *Миловидов Б.П.* Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Можайск, 2008.
12. *Розанов В.В.* Сочинения. М., 1990.
13. *Розанов В.В.* Мимолетное (собрание сочинений под общей редакцией А.Н. Николюкина). М., 1994.
14. *Стасов В.В.* Верещагинские картины // *Стасов В.В.* Избранное. М., 1950.
15. *Bénédite L. Meissonier.* P., 1910.
16. *Fillion A.* Introduction // Général duc de Fezensaque. Souvenire militaire de 1804 a 1814. Soteca, 2008.
17. Général duc de Fézensac. Souvenirs militaires de 1804 a 1814. Soteca, Napoléon I Editions, 2008.

Влияние Кодекса Наполеона на правовой статус женщин во Франции и России

Ворошилова Светлана Вячеславовна

Французский гражданский кодекс, созданный по поручению и при непосредственном участии Императора Франции Наполеона Бонапарта в 1804 г., является одним из наиболее ярких и значимых гражданско-правовых актов за всю историю развития права. Он стал образцом для создания гражданских кодексов в Италии, Бельгии, Голландии, Швейцарии и других странах. Существенное влияние Кодекс Наполеона оказал и на развитие гражданского права в России. Являясь выразителем идей революции и опираясь на основные положения римского права, французский гражданский кодекс содержал ряд передовых для своего времени положений — отмену сословных привилегий, равенство всех перед законом, неприкосновенность частной собственности и др. Но несмотря на всю свою «революционность» и прогрессивность, в статьях, закрепляющих правовое положение женщин, Кодекс предусматривал существенные ограничения.

В связи с тем, что вдохновитель кодекса — Наполеон придерживался мнения, что «с тех пор, как стоит свет, добродетель женщин

всегда была под сомнением»⁴⁶⁰, французское гражданское законодательство устанавливало институт власти мужа над женой, в соответствии с которым жена была обязана подчиняться мужу в деле выбора места жительства и в воспитании детей. Без разрешения мужа она не могла выступать в суде и поступать на службу⁴⁶¹. И хотя отдельные статьи Кодекса подчеркивали равенство мужа и жены, например «Супруги обязаны к взаимной верности, помощи, поддержке», в целом мужчина занимал в семье господствующее положение. Согласно статье 213, «муж обязан оказывать покровительство своей жене, жена — послушание мужу»⁴⁶².

Зависимость жены от мужа предусматривалась и российскими законами. Статья 107 Свода законов гражданских устанавливала обязанность жены «повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома»⁴⁶³.

Характеризуя власть мужа над женой, известный цивилист Д.И. Мейер отмечал, что муж вправе требовать от жены повиновения тем или другим его приказанием, не выходящим за рамки закона, а также требовать, чтобы жена находилась при нем в его квартире и без его разрешения не могла даже временно находиться в другом месте. Вместе с тем, автор упоминает и об обязанности мужа хранить своей жене верность и доставлять ей приличное содержание (приют, продовольствие и одежду)⁴⁶⁴.

В силу своей власти, по российским законам, муж имел право требовать не только, чтобы жена проживала с ним совместно, но и следовала за ним при всякой перемене его постоянного места жительства (СЗРИ. Т. X. Ч. 1. Ст. 103). От обязанности совместного проживания жену не освобождал даже отказ мужа доставлять ей со-

⁴⁶⁰ Цит. по: *Синайский В.И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910. С. 122.

⁴⁶¹ Французский гражданский кодекс 1804 г. М., 1941. Ст. 213, 215, 216.

⁴⁶² Там же. Ст. 212, 213.

⁴⁶³ Свод законов гражданских. Т. X. Ч. 1. Ст. 107. СПб., 1900.

⁴⁶⁴ *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. СПб., 1864. С. 691.

держание⁴⁶⁵. Вместе с тем, отечественные законы предусматривали основания, по которым обязанность совместной жизни супругов прекращалась: 1) если один из супругов страдал душевной болезнью; 2) если он не имел постоянного места жительства; 3) если по вине одного из супругов было невозможно то брачное сожитие, которое предусматривается статьей 106 (СЗРИ. Т. X. Ч. 1)⁴⁶⁶.

При обсуждении ст. 213 кодекса Наполеона 1804 г., предусматривающей обязанность жены проживать совместно с мужем, было принято, что разрешение всех затруднений по этому вопросу должно быть предоставлено «нравам и обстоятельствам». На этом основании французские юристы находили, что суду, таким образом, предоставлялся полный простор в выборе средств принуждения жены к совместному жительству: за мужем могло быть признано право разлучиться с женой (*separation des corps*)⁴⁶⁷ в силу тяжкой обиды, нанесенной ему нежеланием жены жить с ним; ему могло быть предоставлено право отказать жене в содержании или право арестовать доходы с имения, которыми пользовалась жена. На жену мог быть наложен штраф за каждый день и каждый час промедления, наконец, допускалось принуждение общественной силой к совместному жительству⁴⁶⁸.

Российские законы также предусматривали за мужем право требовать водворения жены в свой дом с помощью полиции, что активно обсуждалось и осуждалось многими юристами⁴⁶⁹.

Объясняя обязанность жены проживать с мужем совместно, К.П. Победоносцев указывал на то, что муж и жена являются одним телом, причем муж является главой жены, вследствие чего жена и не

⁴⁶⁵ Законы гражданские с объяснениями по решениям гражданского кассационного департамента. Сост. А.Л. Боровиковский. СПб., 1909. С. 20.

⁴⁶⁶ Законы гражданские. Практический и теоретический комментарий. Под ред. А.Э. Вормса и В.Б. Ельяшевича. М., 1913. С. 256.

⁴⁶⁷ *Séparation des corps* — буквально «разделение тел».

⁴⁶⁸ Законы гражданские. Практический и теоретический комментарий. Под ред. А.Э. Вормса и В.Б. Ельяшевича. М., 1913. С. 257.

⁴⁶⁹ См., например: *Боровиковский А.Л.* Отчет судьи. Т. II. Суд и семья. СПб., 1892. С. 222; *Анненков К.Н.* Права семейные и опека. СПб., 1905. С. 169 и др.

может отлучаться от него⁴⁷⁰. По мнению Г.Ф. Шершеневича, обязанность совместного жительства супругов была основана на праве личной власти, от которого муж не мог отречься и которое не мог отчуждать. Именно этим он объяснял запрещение законом любых актов, приводящих к самовольному разлучению супругов (СЗ. Т. X. Ч. 1. Ст. 46, 103)⁴⁷¹.

Следует отметить, что зависимость жены от мужа была характерной чертой законодательства многих западноевропейских государств того периода. По австрийскому гражданскому уложению 1811 г. муж являлся главой семьи, ему преимущественно принадлежало право вести хозяйство, а жена была обязана следовать за мужем в его место жительства, помогать ему по возможности в ведении хозяйства и в приобретении средств. Ст. 175 устанавливает власть мужа, под которую попадала женщина, вступая в брак⁴⁷². Саксонское гражданское уложение 1863 г. не называет мужа главою семьи, но предполагает это, т.к. постановляет, что муж имеет право требовать от своей жены послушания⁴⁷³. Гражданское уложение Германской империи 1896 г. предоставляло мужу право решать все вопросы, касающиеся совместной супружеской жизни, избирать место жительства и место поселения. Жена же была обязана производить домашние работы и помогать мужу в его предприятии⁴⁷⁴.

Необходимо подчеркнуть, что закон, предписывая жене быть послушной мужу, вместе с тем, вменял последнему в обязанность хорошо обходиться с женой. Более того, плохое обращение с женой и повторяющиеся оскорбления могли стать для жены основанием для расторжения брака⁴⁷⁵.

⁴⁷⁰ Цит. по Анненков К.Н. Права семейные и опека. СПб., 1905. С. 158.

⁴⁷¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. Изд. 11. М., 1915. С. 47.

⁴⁷² Общее гражданское уложение Австрийской империи 1811 г. СПб., 1884. Ст. 91, 92.

⁴⁷³ Саксонское гражданское уложение 1863 г. СПб., 1885. Ст. 1631.

⁴⁷⁴ Гражданское уложение Германской империи 1896 г. СПб., 1898. Ст. 1354, 1356.

⁴⁷⁵ См.: Общее гражданское уложение Австрийской империи 1811 г. СПб., 1884. Ст. 109; Французский гражданский кодекс 1804 г. М., 1941. Ст. 231; Гражданское

Обязанность следовать за мужем по французскому законодательству сопровождалась следующими ограничениями: муж должен был иметь приличный достаток и постоянное место жительства — жена не была обязана следовать за бродягой; жена могла не следовать за мужем, если была больна и если ее здоровье не позволяло ей жить там, где поселился муж; она могла не следовать за мужем, если тот «практикует у себя бесчестную профессию и содержит у себя любовницу»⁴⁷⁶.

Саксонское уложение также содержало ряд обстоятельств, освобождающих жену от обязанности следовать за мужем: «жена обязана следовать за мужем в место его жительства, разве бы серьезная опасность для ее блага, в частности для ее жизни или здоровья, или основательное опасение относительно будущего содержания оправдывали уклонение от сей обязанности»⁴⁷⁷.

Германское уложение, предоставляя мужу право избирать место жительства и место поселения, освобождало жену от обязанности следовать за мужем, если он «злоупотребляет своим правом»⁴⁷⁸.

По законам России от мужа, не состоящего на службе, требовалось представление свидетельства о постоянном месте жительства. Кроме того, устанавливались особые правила об освобождении жены от обязанности следовать за мужем, подлежащим ссылке по решению суда, а также переселению или удалению по приговорам обществ и административным порядком.

Особую критику среди защитников прав женщин вызвала ст. 230 Кодекса Наполеона, в которой говорилось, что «жена могла просить развода по причине прелюбодеяния мужа только в том случае, если муж содержал свою сожительницу в общем доме»⁴⁷⁹. Для мужа никаких ограничений в праве требовать развода по причине неверности своей

уложение Германской империи 1896 г. СПб., 1898. Ст. 1568; Калифорнийское гражданское уложение 1873 г. СПб., 1892. Ст. 73.

⁴⁷⁶ Французский гражданский кодекс 1804 г. М., 1941. Ст. 213.

⁴⁷⁷ Саксонское гражданское уложение 1863 г. СПб., 1885. Ст. 1636.

⁴⁷⁸ Гражданское уложение Германской империи 1896 г. СПб., 1898. Ст. 1354.

⁴⁷⁹ Это условие было отменено законом 27 июля 1884 г., в новой редакции ст. 230 содержала: «жена может требовать развода по причине прелюбодеяния мужа».

жены закон не предусматривал. Развод допускался также по причинам «злоупотребления, грубого обращения или тяжелой обиды одного из супругов в отношении другого; присуждения одного из супругов к тяжкому и позорящему наказанию; взаимного и упорного несогласия супругов»⁴⁸⁰. Под влиянием католической церкви в кодекс было введено положение о раздельном жительстве. Оно устанавливалось по тем же основаниям, что и развод⁴⁸¹.

Разрешение раздельного жительства или разлучение супругов без разрыва брачного союза допускалось в XIX — начале XX в. законодательством почти всех западноевропейских государств. Во многих государствах, таких как Англия, Голландия, Бельгия, Франция, Германия, Австрия и др., оно существовало вместе с разводом, и лишь в некоторых, таких как Испания и Португалия, без развода.

Свод законов Российской Империи содержал в себе статьи, строго запрещающие «всякие акты, клонящиеся к самовольному разлучению супругов». Только в 1860 г. было принято дополнение к ст. 103, которое К.П. Победоносцев оценивал как первую «законную возможность для жены без расторжения брака уклониться от совместного жительства с мужем»⁴⁸². С введением в начале XX в. в Свод законов Российской Империи статьи 103, за супругом признавалось право отказаться от совместной жизни, если она «представляется для него невыносимой»⁴⁸³.

Неравноправное положение женщины проявлялось и в ее имущественном положении в семье. Французский гражданский кодекс 1804 г. определял имущественные отношения между супругами брачным договором, который ввиду важности его должен был совершаться в нотариальной форме и устанавливал данные отношения по одной из следующих четырех систем: 1) система общности имущества, при которой образовывалась единая имущественная масса из всего приобретенного каждым супругом, причем эта масса во время брака

⁴⁸⁰ Французский гражданский кодекс 1804 г. М., 1941. Ст. 229–233.

⁴⁸¹ Там же. Ст. 306.

⁴⁸² *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. II. Права семейные, наследственные и завещательные. СПб., 1871. С. 105.

⁴⁸³ Закон 12 марта 1914 г. «О личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям» / Сост. П.С. Цыпкин. СПб., 1914. С. 14.

находилась в управлении мужа, а по прекращении брака делилась пополам; 2) дотальная система, при которой приданое жены поступало в управление мужа, тогда как прочее имущество жены обособлялось под управлением жены; 3) система раздельности имуществ супругов. Если супруги не заключили брачного договора, то отношения определялись системой общности имуществ, которая признавалась законодателем наиболее отвечающей идее брака и соответствующей историческим началам⁴⁸⁴. Но, по общему правилу, если в брачном договоре специально не предусматривалось иного, устанавливался режим общности для имущества мужа и жены. При таком порядке распоряжение семейным имуществом полностью предоставлялось мужу, который мог действовать без участия и согласия жены.

Характеризуя имущественное положение замужней женщины, В.И. Синайский отмечал: «кодекс Наполеона решительно отверг самостоятельность жены, так как жена сама нуждалась в покровительстве мужа. Жена никаким образом не участвовала в управлении общим имуществом. Муж один управлял этим имуществом, мог продавать, отчуждать и закладывать его без согласия жены (ст. 1421). Более того, жена без согласия мужа не могла совершать никаких юридических сделок даже в отношении собственного имущества (ст. 217). Таким образом, в имущественном отношении жена не являлась ни товарищем мужа, ни собственно дееспособным субъектом гражданского права»⁴⁸⁵. Соглашаясь с известным юристом, можно лишь добавить, что некоторые незначительные исключения из общего правила (например, жене не требовалось согласия мужа, чтобы возбудить против него дело о разводе, или жена могла самостоятельно завещать свое имущество) не меняли существа дела.

Ограничение замужней женщины в правах в Кодексе Наполеона проявлялось и в определении взаимоотношений родителей с детьми. Родительская власть, по существу, была сведена к отцовской власти. Всякие соглашения между родителями о передаче отцовской власти матери признавались недействительными⁴⁸⁶. Отец, недовольный по-

⁴⁸⁴ Французский гражданский кодекс 1804 г. М., 1941. Ст. 1393.

⁴⁸⁵ Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910. С. 124.

⁴⁸⁶ Французский гражданский кодекс 1804 г. М., 1941. Ст. 372, 1388.

ведением своего несовершеннолетнего ребенка, мог лишить его свободы на срок до одного месяца. При вступлении в брак дети должны были получить согласие своих родителей, но в случае разногласия между ними учитывалось мнение отца⁴⁸⁷.

Кодекс Наполеона предусматривал признание отцом его внебрачных детей, но согласно статье 340 «отыскание отцовства» было запрещено. Вместе с тем, статья 341 разрешала «отыскание материнства». Таким образом, женщина не могла потребовать выплаты алиментов от отца ее ребенка, рожденного вне брака.

Германское гражданское уложение 1896 г. предоставляло родительскую власть матери лишь в двух случаях: 1) когда отец умер или объявлен умершим; 2) когда отец утратил права родительской власти и брак прекратился⁴⁸⁸. Таким образом, родительская власть в германском праве представляется в большей степени как власть отеческая. Этому принципа придерживались также Австрийское и Саксонское гражданские уложения, предусматривающие преимущественное право отца в деле воспитания детей и избрания для них образа жизни⁴⁸⁹, управлении и пользовании имуществом несовершеннолетних детей⁴⁹⁰, а также представлении детей во всех делах⁴⁹¹.

В Своде законов Российской Империи, в ст. 164–179 (Т. X. Ч. 1), устанавливающих «власть родительскую в личных отношениях», не предусматривалось преимущество отеческой власти. Точно так же в статьях, устанавливающих «власть родительскую по имуществу» (СЗРИ. Т. X. Ч. 1. Ст. 180–195) не проводилось различия в родительской власти отца и матери. Вместе с тем, в разделе «об опеке и попечительстве над несовер-

⁴⁸⁷ Там же. Ст. 146.

⁴⁸⁸ Гражданское уложение Германской империи 1896 г. СПб., 1898. Ст. 1684.

⁴⁸⁹ Общее гражданское уложение Австрийской империи 1811 г. СПб., 1884. Ст. 148; Саксонское гражданское уложение 1863 г. СПб., 1885. Ст. 1802; Гражданское уложение Германской империи 1896 г. СПб., 1898. Ст. 1631.

⁴⁹⁰ Общее гражданское уложение Австрийской империи 1811 г. СПб., 1884. Ст. 149; Саксонское гражданское уложение 1863 г. СПб., 1885. Ст. 1811; Гражданское уложение Германской империи 1896 г. СПб., 1898. Ст. 1627.

⁴⁹¹ Общее гражданское уложение Австрийской империи 1811 г. СПб., 1884. Ст. 152; Саксонское гражданское уложение 1863 г. СПб., 1885. Ст. 1822; Гражданское уложение Германской империи 1896 г. СПб., 1898. Ст. 1630.

шеннолетними» есть одна статья, устанавливающая преимущественное положение отца как опекуна (СЗРИ. Т. X. Ч. 1. Ст. 226): «опека над имуществом, дошедшим в собственность малолетним детям, при жизни их родителей принадлежит отцу». Несмотря на это, Сенат в своих решениях прямо высказывался за преобладающее значение отеческой власти.

В конце XIX в. французское законодательство постепенно меняется в сторону расширения имущественных прав замужних женщин. В 1891 г. закон признал за обоими супругами право на наследственную долю из имущества пережившего супруга. В 1893 г. законодательно закрепляется полная имущественная самостоятельность разлученной жены. И только в 1907 г. замужним женщинам предоставляется право распоряжаться своею собственностью независимо от согласия мужа⁴⁹². Выступая по поводу столетнего юбилея Кодекса Наполеона в 1904 г., известный французский цивилист, профессор Пилон отмечал: «судебная практика мало-помалу вычеркивает из законодательства право верховенства мужа; она уравнивает права обоих супругов; принципу авторитета наследует принцип равенства»⁴⁹³.

Особенностью русского законодательства об имущественных правах супругов являлось законодательное закрепление принципа раздельного владения имуществом. Браком не составлялось общего владения в имуществе супругов. Каждый из них мог иметь и вновь приобретать свою отдельную собственность (СЗРИ. Т. X. Ч. 1. Ст. 109). Эта статья устанавливала полную независимость вещных прав каждого из супругов на свое имущество, как на то, которое ему принадлежало до вступления в брак, так и на приобретенное во время брака. Соответственно, каждый из супругов имел право распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению, от своего имени, независимо друг от друга и не спрашивая на то дозволения. Признавая имущественную самостоятельность замужних женщин, К. Н. Анненков все же отмечал, что фактически, в силу своей власти, муж мог устанавливать различные препятствия для жены в этом отношении⁴⁹⁴.

⁴⁹² Французский гражданский кодекс 1804 г. М., 1941.

⁴⁹³ Цит. по: *Синайский В.И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910. С. 129.

⁴⁹⁴ *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. Т. V. Права семейные и опека. СПб., 1905. С. 178.

Таким образом, можно утверждать, что институт власти мужа над женой был заимствован отечественным законодательством из французского права. Вместе с тем, отечественное законодательство и судебная практика по данному вопросу имели ряд отличительных особенностей: во-первых, русское право не считало мужа естественным попечителем несовершеннолетней жены и признавало за последней право самостоятельно просить себе попечителя на общих основаниях. Не признавало оно также, в отличие от французской практики, право мужа вскрывать в известных случаях письма, адресованные жене; во-вторых, отдельные постановления гражданских законов относительно ограничения свободы замужней женщины, по мнению ряда исследователей, вытекали не из предоставления мужу особой власти над женой, а из желания предупредить раздельное жительство супругов; в-третьих, принципиальное равенство прав мужа и жены закон признавал при определении условий для узаконения внебрачных детей и для усыновления, а также в области опеки над детьми⁴⁹⁵.

Отмечая ограниченное положение женщин, следует подчеркнуть и прогрессивное влияние Кодекса Наполеона на развитие семейного права XIX в. Введение гражданского брака, возможность раздельного проживания супругов и предоставление жене права на развод характеризовали новое отношение законодателя к вопросам семьи и брака.

«Миф двенадцатого года» и выборы в IV Государственную Думу

Лапин Владимир Викентьевич

Особенностью политической и культурной жизни России начала XX столетия была острая актуализация исторических событий и активное использование «исторической» аргументации в полемике по различным вопросам. Значительную роль в этом играла волна юбилеев, буквально захлестнувшая страну и ставшая одним

⁴⁹⁵ *Вормс А. Э.* О правах и обязанностях от супружества возникающих / Законы гражданские. Практический и теоретический комментарий. Под ред. А. Э. Вормса и В. Б. Ельяшевича. М., 1913. С. 240–242.

из важнейших явлений жизни государства и общества. Объяснялось это совпадением трех составляющих: а) так называемых «круглых дат» знаковых событий отечественной истории, б) повышенного общественного интереса к прошлому, в) прочной традиции использования «исторических заветов» для обоснования действий практически во всех сферах. При этом указанные составляющие «активировали» друг друга. Осознание необходимости перемен в экономической, социальной и прежде всего в политической сфере фокусировало внимание на двухсотлетиях преобразований Петра I, на столетиях реформ Александра I, на полувекových юбилеях реформ Александра II. Пушкинский и Суворовский юбилеи стали едва ли не главными событиями в 1899 и 1900 гг. Они фактически дали старт своеобразному соревнованию в «отдании дани» государственным мужам, военачальникам, деятелям науки и культуры. Всего по подсчетам К.Н. Цимбаева в начале XX в. прошло празднование на общероссийском уровне около 160 юбилеев, в среднем — по одному в месяц⁴⁹⁶. Немалое число памятных дат отмечалось и в отдельных регионах. Так в 1909 г. на Кавказе прошли мероприятия, связанные с официальной датой «покорения» Чечни и Дагестана (пленение имама Шамиля 25 августа 1859 г.).

С особым размахом отмечались двухсотлетие Полтавской битвы (1709), трехсотлетие Дома Романовых (1613), пятидесятилетие отмены крепостного права (1861). Однако вне конкуренции оказалось столетие Отечественной войны 1812 г. Достаточно сказать, что только специальной литературы (в основном «для народа») напечатали около 700 наименований общим тиражом более 4,5 млн экземпляров. В конкурсе драматических произведений, посвященных изгнанию Наполеона из России, участвовало 25 авторов. Парады, молебны, торжественные собрания, концерты и народные гуляния прошли во всех губернских и уездных центрах страны. Такое внимание к победе над «двунадесятью языками» объясняется целым рядом обстоятельств, из которых резонно выделить два. Во-первых, память о 1812 годе в сознании нации связывалась с апогеем могущества России на международной арене, с величайшим военным и нравственным под-

⁴⁹⁶ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX — начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 99.

вигом. «Одоление Антихриста» казалось самым значимым событием в истории государства. Во-вторых, на протяжении всего столетия, минувшего после войн с Наполеоном, память о них и особенно о кампании 1812 г. не угасала, а наоборот, постоянно поддерживалась с помощью различных коммеморативных действий. Поэтому торжества 1912 г. стали своеобразным итогом формирования мифа об Отечественной войне.

В 1912 г. совпали два крупных события в жизни России — столетие Отечественной войны 1812 г. и выборы в IV Государственную Думу. Элементы мифа «12 года» стали широко использоваться всеми партиями и политическими группировками в борьбе за голоса избирателей. Эта борьба нашла свое отражение на страницах периодической печати, изучение которой дает ценный материал для воссоздания картины того, как формировалась культура исторической аргументации, также о процессе складывания в массовом сознании представлений об эпохальных событиях в истории страны.

Одна из особенностей избирательной кампании 1912 г. состояла в том, что правительственные круги намеревались для создания послушного парламентского большинства добиться избрания в Думу как можно большего числа священников. Опорой власти в этом являлись правые политические группировки, выразителем мнений которых была газета «Московские ведомости».

Поскольку недостаток патриотизма в 1812 г. спустя столетие считался неискупаемым грехом, политические противники искали в истории борьбы с Наполеоном компромат друг на друга. Левые партии и партии центра единым фронтом выступили против «фиолетовой» Думы, намекая на традиционный цвет одежды церковных иерархов. Сначала газета «Вечернее время» напечатала заметку о несоответствии изображения на проектируемой юбилейной медали исторической действительности. На медали предполагалось выбить как символ единения всех сословий горожанина, воина, священника и пахаря. Авторы заметки протестовали против изображения священника как «представителя касты, которая сто лет назад предпочла остаться в стороне от народного движения». Эту статью с благожелательными комментариями перепечатал ряд газет либерального направления. Эти же издания акцентировали внимание своих читателей на отсутствии среди героев войны «пастырей человеческих»,

на случаях их сотрудничества с врагами. В самый разгар юбилейных торжеств «Утро России» в передовой статье сначала обвинило Синод, что он запланировал провести в IV Думу 350 священников-депутатов, а затем в заметке Т. Ардова с характерным названием «Божие — Богу» заявило о порочности стремления российских священнослужителей активно заниматься политикой⁴⁹⁷. Автор апеллировал к авторитету Льва Толстого: «Из всех русских сословий, терпевших сто лет тому назад злое горе Отечественной воны, духовенство явило себя наименее активным. Деятельность его под военной грозой настолько была ничтожна, что, например, Толстой в “Войне и мире” мог спокойно обойтись без духовного сословия, не только не выведя на сцену ни одного его представителя, но даже и не упоминая о нем, будто его тогда в России вообще не существовало». Общий вывод: «Поразительно бедно и бесцветно было участие православного духовенства в событиях Отечественной войны»⁴⁹⁸. В самом конце юбилейного года тот же А. Амфитеатров снова вернулся к теме неблагоприятного поведения «церковного начальства» в годину испытаний. В статье «Наполеона просфора. Эпизод 1812 года» он рассказал читателям, что при подходе неприятеля к Смоленску первыми убежали губернатор Арш и епископ Ириней. Вслед за ними покинули свою паству и прочие настоятели приходов, побросав все церковное имущество. Здесь журналист избрал прием противопоставления иерархов и простых священнослужителей. Он рассказал читателям, что в разоренном городе остались всего два священника, одним из которых был Никифор Мурзакевич. Он помогал раненым, оставшимся в Смоленске, отпевал умерших, ободрял обывателей, оставшихся без крова и потерявших своих близких. При защите церкви от мародеров он был ранен, но, несмотря на все это, вернувшиеся «беглецы в рясах» обвинили его в предательстве, ссылаясь на то, что Мурзакевич дал Наполеону просфору, не обращая внимания на обстоятельства этого события. Священник нес просфоры раненым русским солдатам, но был остановлен на улице конвоем французского императора и представлен Наполеону. Тот потребовал предъявить содержимое котомки и взял просфору, которую достал из мешка Мурзакевич. Амфитеатров

⁴⁹⁷ Утро России. 1912. № 206. 6 сентября; № 213. 16 сентября.

⁴⁹⁸ Утро России. № 98. 28 апреля.

фокусировал внимание читателей на том, что дезертиры судили того, кто остался на своем посту⁴⁹⁹.

Фактически такую же позицию занял и «Гражданин». В статье А. Кона «Вопрос минуты» говорится о неуместности присутствия духовенства в Думе. При этом предлагалось «поднимать сельское духовенство», поддерживающее «огонь веры в народе», который и стал причиной массового героизма в 1812 г.⁵⁰⁰

Правая пресса ответила яростными контратаками, всячески прославляя заслуги отечественного духовенства в 1812 г. Российские клерикалы, желавшие играть активную политическую роль, ратовали за созыв церковного собора и опять же не обошлись без апелляции к юбилею: «Прежде всего торжества, имеющие происходить по случаю проявления к России милости Божьей в эпоху 1812 года, были бы только украшены созывом церковного собора, который и со своей стороны засвидетельствовал бы молитвенную благодарность Русской церкви за великую Божью милость к России»⁵⁰¹. Впоследствии для подкрепления указанных идей были напечатаны статьи «Духовенство в 1812 году» и «Памяти героя-священника», в которых доказывалась важная роль духовных пастырей в борьбе против иноземных захватчиков⁵⁰². За честь православных священников вступилось «Вечернее время». Газета напомнила о Петре Гаврилове, не пустившем французов в Сорокосвятскую церковь Москвы, а также о Михаиле Гратинском, который вернулся в занятую французами Москву и демонстративно отслужил молебен 15 сентября в день восшествия на престол Александра I. При этом пастырь отказался вознести хвалу Наполеону⁵⁰³.

Более того, правые предъявили обвинения в предательстве московским старообрядцам, которые якобы встретили французов хлебом-солью. Это был удар по лидеру «Союза 17 октября» (партии

⁴⁹⁹ Утро России. 1912. № 297. 25 декабря.

⁵⁰⁰ Гражданин. 1912. № 38. 23 сентября.

⁵⁰¹ Московские ведомости. 1912. № 7. 10 января.

⁵⁰² Московские ведомости. 1912. № 119. 24 мая; № 139. 16 июня; № 209. 8 сентября.

⁵⁰³ Дядя Кит. Эхо жизни // Вечернее время. 1912. № 195. 7 сентября.

октябристов) А. И. Гучкову, выходцу из кругов московского купечества, не принадлежавшего к официальной церкви.

На почве антиклерикальных настроений «сошлись» казалось бы непримиримые враги — «Земщина» и «Утро России». Первая газета согласилась со второй в том, что духовенство играло в 1812 г. жалкую роль. Обозреватель «Земщины», прочитавший несколько мемуаров священнослужителей, выносил суровый вердикт: «Чувство подмечено холодным семинарским риторством. Патриотизм — отпиской на тему о любви к отечеству — не тому наглядному отечеству, которое сейчас вот живым телом своим страдает, но к отечеству вообще, к отечеству риторической задачи по Цицерону и Бюссюэту. Все время слышишь чиновников в рясах, и никогда человека, русского, сына отечества»⁵⁰⁴.

Разумеется, нападка на духовенство, столь блекло проявившее себя в тяжкую годину, полемика в прессе не ограничивалась. Конституционные демократы (кадеты) в своих изданиях сделали несколько выпадов в адрес октябристов, рассказывая, как «исторические предки» последних — российские промышленники, прикрываясь пожертвованиями, наживались на военных поставках, немилосердно завышая цены. В ответ печатные органы октябристов рассказали, что профессора Московского университета сначала уклонились от сбора средств, а затем предъявили немыслимые заявки на компенсацию за имущество, якобы разграбленное и сожженное французами. Это был всем понятный намек на фиктивность кадетского тезиса о бескорыстности российской интеллигенции, являвшейся в 1912 г. важнейшей опорой кадетской партии. «Московские ведомости» в редкой публикации обходились без того, чтобы не бросить камушек в «кадетский огород». Профессор Введенский также в юбилейной статье сделал несколько едких замечаний в их адрес⁵⁰⁵.

Большинство полемических конструкций затейливостью не отличалось. Задавался облеченный в патетические формы вопрос: почему удалось победить в 1812 году? Предлагался ответ: потому что не было — и далее следовал перечень «язв», от которых следо-

⁵⁰⁴ Дневник печати // Земщина. 1912. № 1067. 9 августа.

⁵⁰⁵ Проф. А. Введенский. Теперь и тогда // Московские ведомости. 1912. № 203. 1 сентября.

вало незамедлительно лечить общество и государство. Поражение в Русско-японской войне и революционные события консерваторы в 1912 г. объясняли так: «Господь, видимо, хотел вразумить нас за столь радикальное забвение заветов нашей славной истории и, в частности, истории двенадцатого года. Однако вразумились ли мы?»⁵⁰⁶.

Характерной является передовая статья «Вечернего времени»: «Все нам нужна такая путеводная звезда, вечно напоминающая, как и почему Россия победила непобедимых, спаслась сама и спасла всю Европу, а с ней и весь мир от наполеоновского порабощения... Тогда не было левых нынешнего хулиганско-революционного пошиба с наклонностями грабительства и “свободомыслящие” люди прежнего времени в своих заблуждениях не позорили русского имени, не желали развала и гибели России, а были только искренне заблуждающимися людьми, не сознававшими своих заблуждений. Теперь все свободомыслие свелось к разнузданности во всем. Наше современное освободительство — сплошной позор, сплошное отрицание всех основ государственности и общественности, начиная с религии и нравственности, кончая национальным чувством... Под угрозой этой опасности у нас опять замечается подъем национального самосознания и униженного русского самолюбия; но еще далеко это не проявляется с такой силой, какая нужна русским людям, чтобы окончательно и решительно сбросить с себя гнет левой напасти и инородческой наглости... В заветных примерах великого прошлого мы можем найти вдохновение для творчества великого будущего»⁵⁰⁷. Здесь следует заметить, что в 1912 г. в головах образованного населения прочно укрепилась связь между Отечественной войной и декабристами, которые уже приобрели ореол мучеников. В вышеприведенном пассаже отчетливо видно стремление разделить два «освободительства» — то, которое привело к событиям 14 декабря 1825 г., и то, которое грозило монархическому строю в начале XX столетия. Представители первого названы заблуждающимися, а сторонники второго — революционными хулиганами. В данном случае эффективно могла работать антитеза «нравственно—безнравственно».

⁵⁰⁶ Проф. А. Введенский. Теперь и тогда // Московские ведомости. 1912. № 203. 1 сентября.

⁵⁰⁷ Вечернее время. 1912. № 185. 24 августа.

Победа над Наполеоном представлялась прежде всего как нравственный подвиг, совершить который, естественно, могли только люди высокоморальные. Особенностью же российской политической культуры было то, что все соперники и враги обвинялись не столько в ошибках, в некомпетентности, в незнании истинных нужд страны и т.д., сколько в аморальности. Особо отвратительными чертами наделались противники власти. Таким образом, всем оппозиционерам вне зависимости от градуса их оппозиционности решительно отказывалось в праве считать себя наследниками героев 1812 г.

Другой достаточно типичный пример юбилейной полемики — восхваление графа А. Бобринского на страницах «Гражданина». Автор рубрики «Речи консерватора» без малейшего стеснения уравнивал известного реакционера с великими полководцами: «Сто лет назад от такого бича и врага, как Наполеон I, спасали Россию такие люди, как Барклай, Кутузов, а в 1912 году спасает Россию от такого бича и от такой беды, как безлюдие, такой великий человек, как граф А. Бобринский!»⁵⁰⁸.

Монархисты и прочие сторонники ограничения полномочий парламента не стеснялись сравнивать Думу с нашествием двенадцати языков и обвинять ее в деятельности, разрушительной для государства, общества и православной церкви⁵⁰⁹.

Поскольку одной из важнейших задач внутренней политики в межреволюционные годы правительство считало укрепление экономических и политических позиций дворянства, оно и зависима от него печать старались поддержать авторитет этого сословия. Правая пресса изо всех сил старалась убедить читателей в том, что именно русское дворянство возглавило борьбу с захватчиками, понесло наибольшие людские и материальные потери. Либералы наоборот акцентировали внимание на том, что крестьянство, вынесшее на своих плечах всю тяжесть борьбы с Наполеоном, ничем за это не было вознаграждено, и его ожидания лучшей доли были обмануты властями и помещиками: «Недаром последний период войны называют народной войной. Русский мужик был ее героем, крестьянин — мужественный, самоотверженный, забывший свои собственные крепостные цепи, когда дело шло о борьбе за родину, и вернувшийся под патриархальное помещи-

⁵⁰⁸ Гражданин. 1912. № 2.

⁵⁰⁹ Московские ведомости. 1912. № 1. 1 января.

чье иго, когда ни одного француза не осталось в России. Потому что, чувствуя могущество освободительных принципов, которые пробовал принести с собой в Россию Наполеон, представители русской общественной власти старались противопоставить им те же принципы. Они сулили, то глухо, то довольно явственно, волю мужику, если он поможет сокрушить супостата. Мужик верил и помогал. А когда пришло время награждать его, про волю, да не только про мужицкую волю — забыли окончательно»⁵¹⁰.

Крайне правые при описании встречи императора с московским дворянством «осовременили» историю, явно намекая на попытки октябристов влиять на решение «военных вопросов»: «Среди дворян происходил горячий спор. Один из них (вероятно, родоначальник нынешних октябристов) сказал:

— Мы должны спросить Государя, сколько у нас войска и где наше войско.

Сей дворянин, очевидно, предполагал, что Александр созвал купечество и дворянство на совещание Государя с сословными чинами, с сословным представительством, что в действительности у Александра и мысли не было». Должный отпор, по мнению «Союза русского народа», «протооктябрист» получил от типичного представителя титульной нации, который был «высокий ростом, плечистый, статный, благовидный, речистый в русском слове», который будто бы сказал: «Россия должна выдержать сильную борьбу, и эта борьба требует небывалой доселе меры. Двинемся сотнями тысяч, вооружимся, чем можем. Двинемся быстро в тыл неприятеля; составим дружины конные; будем везде тревожить неприятеля;отрежем его от Европы и покажем Европе, что Россия встает за Россию... Так отнесся к горю и опасности России русский православный простой народ!»⁵¹¹.

«Вечернее время» использовало такой популярный жанр, как раек, и в уста деда-раешника вложило следующие слова: «Вспоминаем мы теперь, как во время оно славные русские войска разбили огромные полчища Наполеона и как сам непобедимый Наполеон удрал из России почти что без панталон. Прошло уже сто лет со времени наших славных побед, промелькнут еще многие века быстротечно,

⁵¹⁰ Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Т. I. М., 1911. С. 4.

⁵¹¹ Русское знамя. 1912. № 150. 5 июля.

но эти победы будут жить в истории вечно... И вот, когда пройдут дни празднования этого славного юбилея, тогда снова опустимся мы в нынешнюю жизнь, о прошлом жалея. Тогда был у всех лучших чувств подъем, а теперь мы совсем другие песни поем... Люди были не нынешним чета, во всем была добронравная простота. Большинство все были верующие, честные, благопристойные, человеческого звания вполне достойные. Соблюдали чистоту души и постились, каждый день Богу молились, к родителям да к старшим питали уважение, защищали отечество от опасности и унижения. Вообще было совсем иное положение. А теперь не в сто лет, а в какой-нибудь десяток, изменился человек с головы до пяток. Все меньше становится людей высоконравственного склада; молодому поколению чего-то новенького надо. У одного еще на губах не обсохло молоко, а он уже залетает высоко: на старших да на родителей ему наплевать, ничто ему отец, ничто ему мать. Скажет: милые родители, я иду в освободители, потому что их славят “Речь”, “Копейка”, “Биржевка”, а против их советов передовым людям идти неловко, к тому и каждая другая левая газета тоже советует это, да и каждый левый депутат напевает на тот же лад; а главное в том — быть освободителем очень удобно — можно устроиться бесподобно: только бастуй, не учись, не работай и не знайся ни с какой заботой, да и о деньгах не тужи. Потому что для их легкого добывания “освободителями” придуманы “политические” грабежи. Поэтому-то так много стало “освободителей”, и наплевать мне на все, начиная с родителей... Это в интеллигенции, но не лучше и в самом простом быту; там тоже детки действуют начистоту и нередко, если родители им не дают денег на водку, то готовы им перерезать глотку. В таких мерзостях мы двинулись вперед, и такое “освободительство” у нас теперь через край прет... Если мы будем жить, в чем-нибудь левым веря, то всегда будем хуже зверя... Пора, пора взглянуть на все здраво и начинать сворачивать вправо. Для этого нам надо выбирать в Государственную Думу не левых бунтарей, развратителей и предателей, а только честных правых законодателей, которым наша родина дорога и которые сумели бы скрутить нашего развращающего левого врага. Тогда нам во всем обеспечены будут прогресс и победа. Верьте совету старого “балаганного деда”»⁵¹².

⁵¹² Балаганный дед. Раешник // Вечернее время. 1912. № 183. 22 августа.

Полемическая стратегия октябристов также не представляла собой какие-то сверхсложные конструкции. Главным объектом атаки был имидж российского дворянства в «грозную годину»: беззаветная готовность отдать все свое имущество и даже жизнь за Россию и царя. Газета «Утро России», сообщила читателям о шокирующих результатах опроса дворян — потомков участников войны 1812 г.: «Общий тон желаний настолько нескромен, что едва ли мог прийти в голову самим виновникам события — зато не скупятся на просьбы потомки. В обильном материале так и пестрят: “прошу дать мне казенное место с хорошим окладом”, “прошу выкупить мои имения, находящиеся в нескольких залогах”, “дать мне крупную субсидию”, “поместить всех детей на казенный счет”»⁵¹³.

Юбилейную волну предлагалось использовать для «единения» расколотого общества, но при этом каждая политическая сила считала свою программу единственно возможной платформой такого единения. «...Если бы настоящие торжества внесли в разъединенные умы и настроения общества утраченное нами было единство взглядов и стремлений, согласие в понимании хотя бы существеннейшего в наших очередных задачах, в пределах только что написанных вопросов, то это было бы великим для нас приобретением; в этом ведь именно и заключается, точнее, должно бы заключаться значение настоящих празднеств»⁵¹⁴.

Имидж Москвы как столпа державы, как места сосредоточения истинно народных сил, самого здорового православия, самого искреннего монархизма в 1912 г. был заметно подпорчен живой памятью о недавних событиях, когда для наведения порядка в белокаменной пришлось посылать гвардейские части и применять артиллерию. Те, кого это особенно беспокоило, поторопились заявить, что «...Бородинские торжества убедили Россию и Петербург в особенности о ложности представления об особой революционности Москвы»⁵¹⁵.

⁵¹³ К юбилею 1812 года // Утро России. 1911. № 8. 12 января.

⁵¹⁴ Проф. А. Введенский. Теперь и тогда // Московские ведомости. 1912. № 203. 1 сентября.

⁵¹⁵ Е. Г. Падение вредной легенды // Московские ведомости. 1912. № 209. 8 сентября.

Для националистически настроенных политиков главным объектом для нападок были поляки, составлявшие после немцев самый многочисленный и боеспособный контингент армии Наполеона. Об этом не забыли упомянуть «Московские ведомости», отмечая при этом антироссийский настрой «панства» и нейтральное отношение простого народа⁵¹⁶. В печатном органе «Союза русского народа» газете «Русское знамя» несколько раз упоминалось «предательство поляков» в связи с юбилеем войны⁵¹⁷. Либеральные авторы много-томника «Отечественная война и русское общество» не могли обойти молчанием «польский вопрос». Они нашли следующую корректную с их точки зрения формулу: «Соединяя свою судьбу с ярко горевшей звездой Наполеона и посылая своих храбрейших сынов умирать под стенами Сарагосы и на полях Бородина, поляки верили, что этим путем они приближаются к осуществлению своей мечты о восстановлении польского государства»⁵¹⁸.

Особой формой борьбы являлись рецензии на литературные и драматические произведения «юбилейного» характера. Критики заметно щадили политических сторонников и нещадно громили противников. Нетрудно понять, почему псевдонародная и «ходульная» пьеса В.М. Данильченко получила одобрение на страницах «Московских ведомостей»⁵¹⁹. Иван Кашкаров на страницах «Русского знамени» добрым словом отозвался о брошюре Васенко «Год великих испытаний» и о книге Михневича «На память об Александре I». По мнению автора, «После многих десятков лет, предшествовавших нынешнему 1912 году, сквозь преобладавшее в нашей книжной и газетной литературе отрицательное направление, враждебное всему русскому, православному и народному, блеснул как бы светлый теплый луч, взрыв неподдельного, родного и торжествующего возгласа, обрадовавшего и ободрившего каждого истинного патриота своего

⁵¹⁶ Дневник печати // Московские ведомости. 1912. № 209. 8 сентября.

⁵¹⁷ Русское знамя. 1912. № 132. 13 июня; № 136. 17 июня; № 136. 17 июня; № 142, 24 июня; № 157. 13 июля; № 175. 3 августа.

⁵¹⁸ Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Т. 1. М., 1911. С. 198.

⁵¹⁹ Загуляева Ю. Петербургские письма // Московские ведомости. 1912. № 211. 12 сентября.

отечества». Обе работы признаны написанными «со знанием дела и согреты любовью к родине»⁵²⁰.

В юбилейные дни внешнеполитическая ситуация требовала от журналистов и политиков известной осторожности при прославлении побед русского оружия. Если в 1812 г. немцы (пруссаки) и австрийцы были неискренними союзниками Наполеона (приняли сторону России в 1813 г.), то столетие спустя ситуация оказалась совершенно иной. Теперь Франция являлась союзницей, а Германия и Австрия — противниками. Тон задала редколлегия многотомной публикации «Отечественная война и русское общество» во главе с А. Дживелеговым, С. Мельгуновым, В. Пичетой. В обращении к читателям они так обозначили цель своей работы: «...Наша цель — дать книгу, объективную в полном смысле слова, — и такую, которая, воздавая должное русскому и русским, не делала бы из квази-патриотического ликования издевательства над французами и их невольными союзниками по “великой” армии. И те и другие слишком дорогой ценой заплатили за безумство Наполеона. Их мужество, их благородные страдания, их трагическая судьба в 1812 году — плохой предлог для шовинистических излиятий. Пусть другие заслуживают свои сомнительные лавры на этом пути...»⁵²¹. Призывы к корректности в отношении французов звучали со страниц печатных органов всех направлений. Достаточно типичным выглядит по этому поводу мнение генерала от инфантерии В. Г. Глазова: «Ввиду нашей дружбы с Францией, вполне естественным является сохранение в данном случае чувства меры по отношению к тогдашним нашим противникам. Поэтому юбилейные дни будут носить религиозно-благотворительный характер, а отнюдь не воинственный»⁵²². Журналистов либерального толка при этом смущало прохладное отношение к юбилею со стороны европейцев. Н. Минский делился своими впечатлениями о ситуации во Франции в статье «Парижская неделя»: «Как и следовало ожидать, Франция отнеслась к Бородинской годовщине с унылым равнодушием. Если бы не союзнические симпатии к России, сильно разогретые поезд-

⁵²⁰ Русское знамя. 1912. № 103. 8 мая.

⁵²¹ Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Т. 1. М., 1911. С. 5.

⁵²² Столетний юбилей Отечественной войны // Петербургская газета. 1912. № 66. 8 марта.

кой Пуанкаре, французы, может быть, и не глядели бы в сторону “ля Москова”, как они прозвали Бородинский бой. Теперь пришлось отметить постыльную годовщину, которой так заинтересована дружественная нация». Автор отметил, что в отличие от российских театров, сцены которых заполнили «юбилейные» спектакли, на парижских подмостках никто не вспоминает о 1812 году. Публикаций в газетах мало, а те, которые появляются, в большинстве своем — перепечатки из учебников истории или романа Гюго в сопровождении иллюстраций с картин Верещагина. Минский объясняет это «особенностью развития общества французского — понижением интереса к истории и повышением интереса к сиюминутным проблемам»⁵²³.

Даже откровенно реакционный «Гражданин» пришел в ярость от предложения «Нового времени» стараться соблюдать политкорректность в юбилейных статьях о 1812 году: «Очевидно патриоты-националисты “Нового времени”, принявшие за лозунг своего кредо иностранной политики холопство перед Францией и Англией, боятся каких-либо антифранцузских демонстраций по случаю столетнего юбилея 1812 года. <...> Во всяком случае и того небольшого количества мозгов не хватило у патриотов “Нового времени”, чтобы понять, что Наполеон I давно уже превратился в легендарное лицо, иным русским, невзирая на 1812 год, даже симпатичное, другим немилое, что французские войска после 1812 года, несмотря на боевые отношения, на севастопольских бастионах добродушно братались с нашими войсками, и вообще о вражде русского и французского народов в истории нет упоминаний, и что, следовательно, празднуя столетний юбилей войны против галлов и двенадцати языков, ставшей тоже легендарной, никому в голову из русских, кроме “Нового времени”, не может прийти портить это грандиозное народное торжество чествования Отечественной войны какими-либо антифранцузскими демонстрациями»⁵²⁴.

О том, что столетие великой эпопеи превратилось в арену борьбы за умы россиян, что борьба проходила не только в столицах, свидетельствуют заключительные слова рапорта уездного воинского начальника городка Слободской Вятской губернии о бородинских

⁵²³ Утро России. 1912. № 210. 12 сентября.

⁵²⁴ Гражданин. 1912. № 2.

празднествах: «Так был довольно *единодушно без тени партийного политиканства* (курсив наш. — В.Л.) отпразднован в городе и уезде 26 августа — исторический юбилей Отечественной войны»⁵²⁵.

Юбилейные мотивы ясно видны в передовой статье «Русского знамени» от 29 марта 1912 г. о попытках некоторых думских фракций оказать давление на правительство при решении вопросов, связанных с финансированием вооруженных сил. Ее автор указывал на прозорливость власти, способной принимать правильные решения без всяких советов и тем более указок со стороны. Прочность России в 1812 г. объяснялась тем, что русский народ в те времена «политикой не баловался, а жил своей жизнью и копил нравственные силы. Проникнутый верой в Бога и покорностью Божьему предопределению, народ спокойно жил, инстинктивно сознавая, что о его благополучии постоянно печется Тот, на кого это возложено провидением...». Подвести итог всем этим витиеватым конструкциям можно так: русским императорам во всех сферах, включая военные, подсказывает Бог, и потому они ни в чьих советах не нуждаются, ни в генеральских, ни в депутатских: «Всякое касательство государственной думы к делам армии и военного флота должно быть устранено <...> Прежнее непосредственное главенство над армией и флотом должно быть всецело охранено от всяких поползновений разных адмиралов и генералов <...> Русская армия и флот тогда только будут мощной, несокрушимой силой, когда будут однородны и едины и подчинены только своему Верховному Вождю»⁵²⁶.

Активное использование «юбилейных» аргументов в борьбе за кресла в IV Государственной Думе — свидетельство того, что «миф двенадцатого года» в начале XX столетия стал важной частью национального исторического сознания. Политические силы различных направлений повели активную борьбу за историческое наследие победителей Наполеона Бонапарта. Использование юбилейных мотивов в предвыборной полемике за места в IV Думе стало частью этой борьбы. «Юбилейные» конструкты, закрепившиеся в историографии и коллективном историческом сознании, завоевывали лидирующие места в аргументах при дебатах практически по любым

⁵²⁵ ОР РНБ. Ф. 1070. Отд. 3. Т. 2. № 23. Л. 32 об.

⁵²⁶ Русское знамя. 1912. № 70. 29 марта.

вопросам. Изучение этих сюжетов позволяет исследовать один из способов внедрения и закрепления указанных схем в коллективное историческое сознание.

Идеи бонапартизма в период русской революции и гражданской войны: «брюмер» генерала Л.Г. Корнилова и «Тулон» подпоручика М.Н. Тухачевского

Копылов Николай Александрович

Исторический опыт России начала XX в., изобиловавшего социальными и политическими катаклизмами, снова и снова заставляет обращать внимание на проблему поиска государственной властью путей и методов выхода из системных кризисов, на роль отдельных личностей в переломные периоды общественно-политического развития. Во времена, сопровождаемые возрастающей политической активностью граждан, политических партий, власть стремилась найти себе союзников в структурах, ориентированных на сохранение государственных институтов, способных противостоять анархии и хаосу. Поэтому совершенно естественно взоры государственных, политических и общественных деятелей обращаются к армии, являющейся одним из важных структурных элементов государственного механизма, осуществляющих одну из важных функций — защиту государства от нападения извне.

Однако в период внутренней нестабильности армия оказывается вовлеченной в политическую борьбу и становится, в ходе ее, одной из ведущих сил.

История XX столетия свидетельствует, что армия играла главенствующую роль в политической жизни Германии, Франции, Польши, Испании, где представители военных кругов не только принимали активное участие в общественно-политической деятельности, но и длительное время находились во главе государства. Подобными примерами могут служить выступления германского рейсхвера в период ноябрьской революции и Веймарской республики (Капповский путч), диктатура маршала Юзефа Пилсудского в Польше и генера-

лиссимуса Франко в Испании, президентство генерала Шарля де Голля в период Пятой республики во Франции, а также политическая борьба в 1917 г. в России и попытка генерала Л.Г. Корнилова установить военную диктатуру.

В поворотные моменты истории общества человеческие взоры невольно обращаются к образам великих людей прошлого, в деяниях которых ищется аналогия с поступками современников. Именно в трагический для России период февраля — октября 1917 г. и последовавшей затем гражданской войны становится жизненно важным образ Наполеона Бонапарта как военного и государственного деятеля, рожденного Великой Французской революцией.

Следует отметить, что наполеоновское наследие было объектом пристального изучения русских общественных и политических мыслителей на протяжении всего предшествовавшего времени. Особое внимание деятельности Наполеона уделяли военные теоретики, превратившие французского императора в своеобразного кумира стратегической мысли. На рубеже XIX—XX вв. большим успехом пользовалось высказывание, что «Наполеон I и Мольте есть два великих исторических имени, озаряющих блеском своего оригинального гения начало и конец нашего (XIX. — Н.К.) столетия»⁵²⁷.

На фоне этого успешно формировался «наполеоновский миф» о великом полководце, творце и художнике военной мысли: «По странной игре природы, в нем уживались рядом строгая точность математического ума и широко развитая, чрезвычайно богатая фантазия, которая иногда преодолевала холодные расчеты рассудка и увлекала полководца на путь рискованных, даже фантастических предприятий. ...В той материальной области, какой, на первый взгляд, является война, Наполеон был художником, прежде всего»⁵²⁸. Более того, пользуется популярностью сравнение наполеоновской эпохи с современностью, далеко не в пользу последней. Так в вышедшей в Санкт-Петербурге в конце XIX в. работе «Стратегия в эпоху Наполеона I и в наше время» капитан Генерального штаба Е.И. Мартынов (в будущем генерал) вынес развитию военной мысли

⁵²⁷ Мартынов Е.И. Стратегия в эпоху Наполеона I и в наше время. СПб., 1894. С. 285.

⁵²⁸ Там же. С. 286.

на протяжении столетия следующий вердикт: «...за это время сузилось и уменьшилось значение высшей творческой части искусства, основанной на вдохновении и потому доступной только гению или крупному таланту; но зато расширилось и увеличилось значение той стратегической техники, которая почти исключительно основывается на положительном знании, на готовых уже шаблонах и потому доступна каждой образованной и трудолюбивой посредственности. ... Наполеон, пылкий, страстный корсиканец, своею гениальною, но увлекающеюся натурой вполне соответствовал своему тоже гениальному, но еще далеко не установившемуся времени»⁵²⁹.

В революционные годы XX в. обществу оказался нужен совсем другой образ Наполеона. Очевидцы глобальных социально-политических потрясений видят в нем решительного политика, вершителя судьбы государства, человека, сделавшего карьеру благодаря революции. В данный период становятся популярными два этапа наполеоновской биографии: переворот 18 брюмера 1799 г., положивший конец общественному хаосу, и взятие французской революционной армией Тулона — как начало блистательной карьеры полководца. Образ молодого Бонапарта нуждается в реальном воплощении, и русское общество, возрождая в эти трагические годы «наполеоновский миф», выдвигает в качестве аналогии своих современников — генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова, а затем — «красного маршала» М.Н. Тухачевского.

Подобный выбор не случаен. Л.Г. Корнилов вошел в историю русской революции как генерал, попытавшийся совершить военный переворот, пресечь дальнейший развал русской государственности и установить диктатуру. Военная карьера Наполеона Бонапарта в период Великой Французской революции, а также применяемые им в сражениях тактические приемы напоминают биографию и поступки М.Н. Тухачевского. Пристальное изучение биографий Корнилова и Тухачевского невольно заставляет обращать внимание не только на схожие моменты в их карьере, но и на совпадения с жизненным путем уроженца Корсики.

Корнилов и Тухачевский были людьми разных судеб, но их могут объединить условия, в которых прошли детские годы. Л.Г. Корнилов

⁵²⁹ Там же. С. 285–286.

родился в 1870 г. в семье волостного писаря, отставного офицера Сибирского казачьего войска. Скромное социальное происхождение заставляло его делать военную карьеру, опираясь исключительно на личные качества. Примерно в подобном положении оказался и представитель младшего поколения М.Н. Тухачевский, 1893 года рождения. И хотя он принадлежал к старинному дворянскому роду, но неравный брак отца во многом причислял его к разряду «незаконнорожденных». Биографы Тухачевского не раз отмечали, что «дитя наследника аристократического рода, имевшего “римские корни”», и простолюдинки (дочери недавнего крепостного), Михаил Тухачевский подсознательно ощущал двойственность, «ущербность» своего происхождения⁵³⁰. Эта черта во многом предопределила карьеризм будущего «красного маршала», делавшего всегда ставку на личное превосходство перед конкурентами. В данном случае невольно вспоминается молодой человек Наполеоне Буонапарте, чье корсиканское происхождение служило причиной третирования со стороны учеников бриеннской военной школы.

Учеба в военном училище была важным этапом в жизни Корнилова и Тухачевского. Здесь проявились их главные качества, обеспечившие им окончание учебного заведения с высшими баллами, что давало право выбора будущего места службы. Оба героя за успехи в учебе и дисциплине были произведены в портупей-юнкера, а Тухачевский затем — в фельдфебели, что давало право командования в училищной роте. Характеристики, которыми наградили их товарищи и училищное начальство, во многом одинаковы. Корнилов при выпуске получил следующую аттестацию: «Тих, скромн, добр, трудолюбив, послушен, исполнителен, приветлив, но вследствие недостаточной воспитанности кажется грубоватым и может показаться даже резким, что нельзя приписать его недисциплинированности. Будучи очень самолюбивым, любознательным, серьезно относится к наукам и военному делу, он обещает быть хорошим офицером. Дисциплинарных взысканий не было»⁵³¹. Однокашник Тухачевского по Александровскому военному училищу оставил такой портрет Михаила Николаевича: «Дисциплинированный и преданный требованиям

⁵³⁰ Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 14.

⁵³¹ Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. Л.: Skiff Press, 2000. С. 29.

службы, Тухачевский был скоро замечен своим начальством, но, к сожалению, не пользуется любовью своих товарищей, чему виной является он сам, сторонится сослуживцев, ни с кем не сближается, ограничиваясь лишь служебными, чисто официальными отношениями. Сразу, с первых же шагов Тухачевский занимает положение, которое изобличает его страстное стремление быть фельдфебелем роты или старшим портупей-юнкером»⁵³².

Из-за разницы в возрасте Корнилов и Тухачевский встретили Первую мировую войну в разных чинах — первый был генерал-майором и командующим 48-й пехотной дивизией; второй в чине подпоручика служил младшим офицером в лейб-гвардии Семеновском полку. Для них война открывала возможность продвижения по службе. Следует отметить, что к августу 1914 г. Корнилов из 16 лет, прошедших с момента окончания Николаевской академии Генерального штаба в 1898 г., только три с небольшим года командовал строевыми частями, что во многом объясняет его поведение в должности командира дивизии. Как здесь не вспомнить знаменитого капитана Бонапарта, который из 71 месяца службы (с 1785 по 1791 гг.) провел вне строя 38 месяцев⁵³³.

Начальники Корнилова в годы войны не раз отмечали его стремление к самостоятельным действиям, которые зачастую не были ни с кем согласованы. Командующий 8-й армией, в которую в 1914—1915 гг. входила корниловская дивизия, генерал от кавалерии А.А. Брусилов так характеризовал этого своеобразного комдива: «Это был смелый человек, решивший, очевидно, составить себе имя во время войны. Он всегда был впереди и этим привлекал к себе сердца солдат, которые его любили»⁵³⁴. С другой стороны, корниловский начальник заметил одну черту поведения, ярко проявившуюся в последующий революционный период: «...генерал Корнилов свою дивизию никогда не жалел. Во всех боях, в которых она участвовала под его начальством, она несла ужасающие потери»⁵³⁵. Военная карьера Л.Г.

⁵³² *Посторонкин В.Н.* Неизвестное о маршале Тухачевском // Военно-исторический журнал. М., 1990. № 12. С. 88.

⁵³³ *Лашук А.* Наполеон. Походы и битвы. 1796—1815. М., 2004. С. 20.

⁵³⁴ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. Минск, 2003. С. 288—289.

⁵³⁵ Там же. С. 138.

Корнилова прервалась в апреле 1915 г., когда 48-я пехотная дивизия оказалась в окружении, а сам генерал попал в плен.

Для М.Н. Тухачевского начало войны совпало с окончанием училища. Молодой офицер жаждал военных подвигов, так как понимал, что только личная отвага сможет обеспечить быстрое продвижение по служебной лестнице, заставив сослуживцев забыть о его неблагоприятном происхождении. «Он очень молод еще, но уже выделяется заметно: хладнокровен, находчив и смел, но... непонятно, на чем все это держится? Это тип совершенно особой формации. Много в нем положительных качеств, он интересен, но в чем-то не очень понятен. И откуда берутся такие? Молодой из ранних. Ни во что не верит, нет ему ничего дорогого из того, что нам дорого; ум есть, отвага, но и ум, и отвага могут быть нынче направлены на одно, завтра же — на другое, если нет под ними оснований достаточно твердых; какой-то он... — гладиатор!» — вспоминал об этом периоде жизни Тухачевского его сослуживец по лейб-гвардии Семеновскому полку подпоручик С.Н. Толстой⁵³⁶. Следует отметить еще одну важную портретную черту, бросавшуюся в глаза окружавшим Михаила Николаевича, — схожесть с генералом Бонапартом. «Это был молодой человек, аристократически раскованный, худой, но весьма изящный в своей потрепанной форме. Бледность, латинские черты лица, прядь волос, свисавшая на лоб, — придавали ему заметное сходство с Бонапартом времен Итальянского похода», — отмечал впоследствии очевидец пребывания Тухачевского в плену Реми Рур, опубликовавший одну из первых иностранных работ о красном полководце под псевдонимом Поль Фервак⁵³⁷.

Как и молодой Наполеон, Тухачевский стремится найти свой «Тулон», знаменующий начало его военной карьеры. Однако его первый военный подвиг подобен знаменитому мифу об Аркольском мосте, во многом заложившем основу будущей наполеоновской эпопеи. Сохранившееся описание первого боя молодого гвардейского офицера, составленное полковыми сослуживцами, звучит так: «Второй батальон, в 6-й роте которого находился Тухачевский, сделав большой

⁵³⁶ Толстой С.Н. Осужденный жить. Автобиографическая повесть. М., 1998. С. 177.

⁵³⁷ *Fervacque P. Le chef de l... armee Rouge — Mikail Touratchevski. P., 1928. P. 13.*

обход, неожиданно появился с правого фланга австрийцев, ведущих с остальными нашими батальонами фронтальный бой. И принудил их поспешно отступить. Обход был сделан так глубоко и незаметно, что австрийцы растерялись и так поспешно отошли на другой берег реки Сан, что не успели взорвать подготовленный к взрыву деревянный высоководный мост через реку. По этому горящему мосту, преследуя убегающего неприятеля, вбежала на другой берег 6-я рота со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским. Мост задушили, перерезали провода, подошли другие роты, переправа была закреплена, причем были взяты трофеи и пленные»⁵³⁸. В этом бою проявились качества, ставшие впоследствии своеобразной визитной карточкой полководца Тухачевского. «Он проявил явное и вполне объяснимое стремление выделиться — стать первым. Юношеская, безоглядная смелость, амбициозность, замеченная еще в училище, сочетались с холодным умом и умением на практике применять совсем недавно полученные теоретические знания», — так представят потомкам своего героя биографы будущего маршала⁵³⁹. За взятие моста подпоручик Тухачевский был награжден первым орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами, а всего за семь месяцев пребывания на фронте он станет кавалером пяти орденов. В феврале 1915 г., на полтора месяца раньше Корнилова, в ходе боев под г. Ломжа Тухачевский попадает в плен, который, казалось, ставит крест на его воинской карьере. Однако наши герои совершат одинаковый по факту и беспрецедентности поступок — побег из военного плена, который вернет их на родину, объятую революционным вихрем, где каждому будет суждено встретить свой «брюмер» и свой «Тулон». И хотя Корнилов и Тухачевский по-разному принимают революционные события в России, их объединяет и, тем более, связывает с историческим прототипом одно: именно революция вывела беглецов из плена небытия в первые ряды военных деятелей, дав возможность не только достичь высоких военных постов, но и совершить деяния, связавшие их имена в сознании современников и потомков с образом Наполеона Бонапарта.

⁵³⁸ Кантор Ю. Указ. соч. С. 49.

⁵³⁹ Там же. С. 48.

К февральским событиям 1917 г., ознаменовавшим крушение монархического режима, имя генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова уже было довольно широко известно в России. Он оказался единственным генералом русской армии, совершившим летом 1916 г. побег из вражеского плена. Именно тогда силами прессы начал складываться образ народного героя войны, а апогеем триумфа стала аудиенция у императора Николая II и вручение ордена Св. Георгия III степени. Символично, что одним из последних распоряжений русского монарха накануне отречения стал приказ о назначении Л.Г. Корнилова на должность главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, утвержденный потом уже новой российской властью. Таким образом, фронтной генерал с ореолом «народного героя войны» оказывается в отдаленных от него до недавнего времени высших правительственных кругах. Революция открыла перед Корниловым новые возможности. На посту начальника Петроградского гарнизона он старался укрепить представление о себе как о революционном генерале. Награждение участников февральского восстания в армии и арест императрицы в Царском Селе связали Корнилова с новым режимом. На проводимую революционной властью военную реформу он смотрел с позиций, не привычных для обычного царского генерала. Им были сделаны предложения по введению военно-революционных судов и преобразованию института военных комиссаров, что означало признание и одобрение проводимого в армии правительственного курса.

Именно весной 1917 г., в условиях продолжающейся войны, разложения некогда единой армии, постоянных кризисов нового Временного правительства и общей внутренней нестабильности, рождается образ Корнилова как кумира военной молодежи, человека, способного взять на себя ответственность за судьбу армии и государства. Исследователи давно отметили, что в сложившейся обстановке новой власти необходимо было найти «надежную опору в армии, и Корнилов как боевой генерал с безупречной репутацией героя войны очень подходил на эту роль. ...Последовавшая затем феерическая череда назначений, никак не связанная с успехами Корнилова на каждом предыдущем посту, имела уже исключительно политическую природу. В своих воспоминаниях министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский вполне

справедливо отмечал, что после революции стремительная карьера генерала “развивалась вопреки воле его прямого начальства”⁵⁴⁰. Кроме того, русское офицерство, «оказавшееся после Февраля на фронте и в тылу в атмосфере солдатской ненависти совершенно униженным и беззащитным, закономерно воспринимало Корнилова как выразителя своих интересов. Симпатичен был образ героя войны, генерала-демократа из “простых” и общественности, декларировавшей свою приверженность революционному оборончеству»⁵⁴¹. В ходе стремительно развивающихся революционных событий карьера Корнилова делает стремительный взлет, и в июле 1917 г. он становится Верховным главнокомандующим русской армии, получив высший пост в военном управлении, который оставался бы для него недостижимым при старом режиме.

Однако столь быстрый подъем отнюдь не способствовал политическому и профессиональному росту революционного генерала. Для окружавших его людей «он был, прежде всего, солдат, храбрый рубака, способный воодушевить личным примером армию во время боя, бесстрашный в замыслах, решительный и настойчивый в выполнении их. Но его интеллектуальная сторона далеко не стояла на высоте его воли... Политический кругозор Корнилова был крайне узок... При его наивности и при той легкости, с которой он поддавался личной лести, он был всегда окружен проходимцами и авантюристами темного происхождения и невысокого разбора»⁵⁴². Исходя из данной оценки, можно согласиться с тезисом о том, что, пытаясь сыграть роль Сийеса времен французской Директории, русские политики видели в новом главковерхе силу, способную вооруженным путем навести порядок в стране с тем, чтобы впоследствии уйти в тень. Однако события развернулись совсем по другому сценарию.

Изначально Л.Г. Корнилов стремится к диалогу с властями, поэтому он получает много сторонников как в политической, так и в военной среде, в первую очередь среди офицерства. Он не только имел репутацию генерала-республиканца, но никогда не заявлял

⁵⁴⁰ Гребенкин И.Н. Л.Г. Корнилов: штрихи к портрету // Отечественная история. М., 2005. № 4. С. 112.

⁵⁴¹ Там же. С. 113.

⁵⁴² Миллюков П.Н. Россия на переломе. Т. 2. Париж, 1927. С. 57.

о возможности реставрации монархии. Его программа — не просто восстановление в армии традиционных порядков, но и попытка учесть новые демократические тенденции. Выдвинутая уже в первые дни после назначения на должность Верховного главнокомандующего, она заключала в себе следующие моменты: 1) восстановить в пределах территории военных действий закон о смертной казни и военно-революционных судах; 2) в кратчайшие сроки произвести самую основательную чистку всего командного состава; 3) восстановить дисциплинарную власть начальников начиная от ротного командира и выше; 4) усилить комиссариат в армии, введя его в корпуса и предоставив комиссарам право конфирмации смертных приговоров; 5) точно установить круг ведения войсковых комитетов, возложив на них лишь вопросы хозяйственные и внутреннего порядка; 6) воспретить законом во всех воинских частях на время войны митинги и собрания; 7) воспретить ввоз и распространение в районе расположения армии литературы и газет большевистского направления; 8) воспретить въезд в район расположения армий всякого рода делегаций, депутатий и агитаторов без предварительного разрешения соответствующих военных властей⁵⁴³.

Точка зрения Л. Г. Корнилова весьма подходила военному министру Временного правительства, а потом и министру-председателю А. Ф. Керенскому, который усмотрел в генерале проводника своих идей в армии. Предложение о проведении чистки командных кадров означало для Керенского возможность уволить противников революционных начал и укрепить влияние правительства в армии, а для Корнилова — поставить на место старых офицеров более молодые кадры, разделяющие точку зрения командующего.

Некоторые отечественные исследователи отмечают обоюдную нужду друг в друге министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского и Верховного главнокомандующего. «Корнилов был нужен Керенскому как сильная личность, способная помочь стабилизировать политическую ситуацию в стране, парализовать левозэкстремистские движения в стране и, прежде всего, в армии. Но и Керенский был нужен Корнилову. Как глава правительства он

⁵⁴³ Красная летопись. Пг., 1923. № 6. С. 31–33.

“легализировал” бы действия Верховного главнокомандующего по наведению порядка и установлению твердой власти»⁵⁴⁴.

Подробный анализ программы Корнилова позволяет установить, что его действия вовсе не сводились к попытке контрреволюционного переворота и установления политической реакции, как считалось в отечественной историографии⁵⁴⁵. Наоборот, на первых порах Корнилов стремился к диалогу с Временным правительством, что могут подтвердить дальнейшие действия генерала. Следует также отметить, что, работая над своей программой, Корнилов оставался, прежде всего, военачальником, поэтому ставил проблемы армии и успеха военных действий на первое место.

Программа Корнилова нашла отклик среди представителей политических партий России. Здесь во многом генералу помогли действия Главного комитета созданной при Ставке Верховного главнокомандующего военно-политической организации «Союз офицеров армии и флота», который помог установить связи Ставки с представителями кадетской партии.

В ходе правительственного кризиса лидер партии П.Н. Милюков, выступая в прессе, неоднократно говорил о необходимости политической перестройки «...путем быстрой, но мирной эволюции власти»⁵⁴⁶. Кадеты понимали, что в данной ситуации армия превращается в важную политическую силу, поэтому прилагали все усилия для установки связей с военной верхушкой. Центральный комитет партии разрабатывает резолюцию о государственной власти и вооруженных силах, что было главной темой прошедшего в конце июня девятого съезда партии. В отличие от военных кадеты предлагали свое решение проблемы вооруженных сил: 1) вооруженные силы России составляют одну общую для всего государства организацию, подчиненную президенту Российской Республики, верховному вождю армии и флота; 2) власть президента в качестве верховного вождя армии и флота

⁵⁴⁴ *Португальский А.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А.* Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. С. 177.

⁵⁴⁵ См., например: *Капустин М.И.* Заговор генералов. (Из истории корниловщины и ее разгрома.) М., 1968; *Иванов Н.Я.* Корниловщина и ее разгром. Из истории борьбы с контрреволюцией в 1917 году. Л., 1965.

⁵⁴⁶ Речь. 1917. № 173. 26 июля. С. 2.

осуществляется им через ответственное перед народным представительством правительство в лице входящих в его состав министров, военного и морского»⁵⁴⁷.

Кадетам был необходим военный лидер, которого армия выдвинула бы сама. Они надеялись, что таким человеком станет генерал Корнилов, который своими решительными мерами стабилизирует положение внутри страны и позволит провести дальнейшие изменения в правительстве.

В свою очередь, Корнилов, на первых порах, хотел соединить республиканские взгляды с позицией защитника офицерства. Генерал заявил, что появления у власти Романовых он не желал бы, так как «...эта семья уже выродилась и не имеет даровитых личностей»⁵⁴⁸ (кроме того, реставрация означала для Корнилова конец карьеры. Монархисты не простили бы ему республиканства. — *Н.К.*). От диктатуры Корнилов также не отказывался. По его мнению, «...она могла бы спасти положение, и если придется взять власть в свои руки, то он этого избегать не будет»⁵⁴⁹.

Таким образом, позиция Корнилова заключалась в следующем: возврат к старому недопустим, а все экономические и социальные вопросы должны быть разрешены в духе справедливости. Генерал не терял надежды на мирный способ разрешения кризиса.

Все эти действия постепенно формировали новый образ Корнилова как политика и лидера российского офицерства. Многое здесь зависело от личного отношения Корнилова к премьеру Временного правительства. Как отмечал один из сослуживцев генерала и один из первых исследователей революционного движения в армии генерал Е.И. Мартынов, «...Керенский, сделавшийся главой правительства и весьма быстро заразившийся манией величия, усвоил в себе высокомерный тон в сношении со старшими генералами. Скромный труженик Алексеев и дипломатичный Брусиллов (предшественники Корнилова на должности Верховного главнокомандующего. — *Н.К.*) позволяли себя третировать, но подобная тактика была неприменима к обидчивому Корнилову, который был глубоко убежден в превос-

⁵⁴⁷ Вестник Партии народной свободы. 1917. № 12. С. 14.

⁵⁴⁸ ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 1. Л. 178.

⁵⁴⁹ Там же.

ходстве военной власти над гражданской и, в свою очередь, свысока смотрел на адвоката Керенского»⁵⁵⁰.

Это противостояние выявилось уже во время первой встречи Корнилова с премьером в Петрограде 3 августа 1917 г. Во время чтения доклада, представленного Корниловым премьеру, выявились основные противоречия, разделившие впоследствии этих людей. Корнилов настаивал на проведении в жизнь пунктов своей программы, на что Керенский не мог дать немедленного согласия, поскольку они могли вызвать резкую критику в общественных кругах. Как отмечал один из офицеров-корниловцев, член Союза офицеров, Временное правительство, «рожденное на штыках, оглядывалось на штыки и взывало к ним»⁵⁵¹. Армия, в основной массе, не была готова к подобным мерам, поэтому работа над военной реформой была поручена временно управляющему военным и морским министерством, видному члену партии социалистов-революционеров Борису Викторовичу Савинкову.

Савинков, разделявший основные взгляды Корнилова, был против поспешных решений. Он не раз заявлял, что боеспособность армии можно возродить лишь «путем решительных, но осторожно проводимых реформ»⁵⁵². Такой разносторонний подход к проблеме армии постепенно расколол русское общество. Как писали современники, в России образовались два основных политических течения: буржуазное, основанное на продолжении войны и укрепления армии, и большевистское, стремящееся ликвидировать войну и разложить армию⁵⁵³. Будучи сугубо военным человеком, Корнилов требовал немедленного проведения в жизнь его предложений. Всецело поглощенный ведением боевых действий, он считал, что армию и государство можно спасти только при помощи незамедлительных жестких мер. Находящийся между Корниловым и Керенским, Савинков отстаивал точку зрения правительства и премьера. Он был готов к сотрудничеству со Ставкой, но только при условии планомерного

⁵⁵⁰ *Мартынов Е.Н.* Корнилов (Попытка военного переворота). М., 1927. С. 47.

⁵⁵¹ *Севский В.* Генерал Корнилов. Ростов н/Д, 1919. С. 27.

⁵⁵² *Савинков Б.В.* К делу Корнилова. Р., 1919. С. 19.

⁵⁵³ *Мартынов Е.Н.* Указ. соч. С. 45–46.

изменения основных принципов военного законодательства. Таким образом произошло столкновение военных и государственных точек зрения.

Ставка хотела временно изменить или дополнить законодательство, в то время как Временное правительство и военное министерство стремились к изменению всей военной структуры. Несоответствие породило противостояние и стремление осуществить диктат военных как средство для преобразования армии и страны.

Доверяя приходящим из столицы сведениям о возможной поддержке решительных мер со стороны ведущих политических партий и финансовой верхушки, Корнилов не ищет более компромисса, а настаивает на проведении своей программы в жизнь. Более того, он открыто заявляет о том, что не побоится и самых решительных действий. В свою очередь, Керенский убедился в том, что Корнилов должен быть смещен с занимаемой должности. В глазах премьера Ставка превратилась в гнездо контрреволюции, и Керенский пришел к выводу о замене Верховного главнокомандующего.

Таким образом, сложившаяся к середине августа 1917 г. политическая ситуация требовала решительных действий по реформированию правительства. Казалось, что повторяются события брюмера VII года республики (ноября 1799 г.), только на этот раз вместо дивизионного генерала Бонапарта лидером военных кругов выступал Л.Г. Корнилов. 28 августа 1917 г. он обращается к армии с приказом, в котором заявляет: «Принимая во внимание, что при создавшейся обстановке дальнейшие колебания смертельно опасны и что предварительно отданные распоряжения отменять уже поздно, я, сознавая всю тяжесть ответственности, решил не сдавать должность Верховного главнокомандующего с тем, чтобы спасти Родину от неминуемой гибели, а русский народ от немецкого рабства. В этом моем решении меня поддержали главнокомандующие фронтами, и я убежден, что вместе со мною пойдут также все честные защитники нашей многострадальной Родины»⁵⁵⁴. Вслед за этим генерал приказывает двинуть к столице верные ему войска. Как некогда Бонапарт шел на Сен-Клу, дабы осво-

⁵⁵⁴ Дело Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г. М., 2003. Т. 2. С. 497.

бодить многострадальную республику от власти болтунов-адвокатов и жесткими диктаторскими методами навести порядок в стране, так в конце августа 1917 г. Корнилов решил, что единственный способ выйти из социально-политического кризиса — это военная диктатура. Однако ему не удалось реализовать свои планы. Вместо победы и должности первого консула его ожидали поражение и арест. Но решительные действия и убежденность, что только военной силой можно добиться цели, навсегда закрепили за Корниловым в сознании современников и потомков образ несостоявшегося диктатора, «Бонапарта русской революции». Ровно через год, когда мятежный генерал уже будет убит под Екатеринодаром, в сентябре 1918 г., уже после октябрьских событий на военно-политическом небосводе взойдет звезда молодого офицера, которого нарекут «Красным Наполеоном».

М. Н. Тухачевский провел в немецком плену около трех лет, совершив при этом четыре неудачные попытки побега. В крепости Ингольштадт, где размещался специальный лагерь для беглецов, он встретил известие о падении русской монархии. Из немецких газет он получал сведения о развале русской армии, слабости Временного правительства, об углубляющемся общественно-политическом кризисе. Все это заставляло молодого офицера думать о необходимости единой твердой власти, которая должна создать и новую сильную армию. Эту армию должны были возглавить новые молодые полководцы взамен царских генералов, и, может быть, в ней найдется место и для бывшего гвардейца Тухачевского. Сравнивая настоящее положение России с эпохой жирондистов во Франции, Михаил Николаевич уверен, что Временное правительство должна сменить твердая и решительная власть. Он мечтает оказаться на родине и снова служить ей. В сентябре 1917 г. Тухачевский совершает свой пятый побег, и 20 ноября он оказывается в Петрограде.

Это было время, когда, захватив власть, большевики пытались заложить основы новой революционной государственности. Служивцы Тухачевского по Семеновскому полку, в рядах которого он снова оказался, воспринимали происходящие события довольно осторожно. «Никто из офицеров в стойкость Советской власти не верил. На октябрьский переворот мы все смотрели как на авантюризм, затеянный большевиками», — вспоминал о тех днях один из

офицеров-семеновцев⁵⁵⁵. Тем не менее, предпринимаемые большевиками шаги по строительству нового государственного аппарата убеждают Тухачевского сделать выбор в пользу службы новой власти. Издание декрета «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» 16 декабря 1917 г. и декрет о создании новой рабоче-крестьянской Красной армии от 28 января 1918 г. открывают для бывшего пленника новый путь, на котором залогом карьерного продвижения станут его личные качества и талант, а не социальное происхождение. В новых условиях можно повторить успех Наполеона. Сестра М.Н. Тухачевского, Елизавета Николаевна, вспоминала об этом периоде жизни будущего «красного Бонапарта»: «Его деятельной натуре, так долго лишенной живой работы, открывалось большое поле деятельности, чему он не мог не радоваться»⁵⁵⁶.

В начале марта 1918 г. Тухачевский покидает северную столицу и едет в Москву. Как потом вспоминала жена командира Семеновского полка Бржовская, в день отъезда Тухачевский произвел на нее «самое отрадное и неизгладимое впечатление. Красивые лучистые глаза, чарующая улыбка, большая скромность и сдержанность. За завтраком муж шутил и пил за здоровье “Наполеона”, на что Тухачевский только улыбался. Мне почему-то казалось, что он способен стать “Героем”. Во всяком случае, он был выше толпы»⁵⁵⁷.

В Москве Тухачевский оказывается в момент острейшего кризиса, когда большевики, оказавшись в политическом одиночестве, остро нуждались в помощи старых специалистов. В первую очередь, это касалось новой армии, которая остро нуждалась в новых штыхах, а эти штыхы — в командирах. Лидер большевиков Ленин вынужденно принял решение об использовании «буржуазных военных» для нужд защиты революции: «Если ставить вопрос в том смысле, чтобы мы только руками чистых коммунистов, а не с помощью буржуазных специалистов построили коммунизм, то это — мысль ребяческая... Без наследия капиталистической культуры нам социа-

⁵⁵⁵ Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР в 1930–1931 гг. М., 2000. С. 390.

⁵⁵⁶ Кантор Ю. Указ. соч. С. 93.

⁵⁵⁷ Соколов Б.В. Тухачевский. Жизнь и смерть «Красного маршала». М., 2003. С. 43.

лизма не построить. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм»⁵⁵⁸. Новая армия создавалась не просто для войны, а для войны гражданской, но это только убеждает Тухачевского в правильности выбора: условия новой войны никто не знает, и это открывает возможность для творческого проявления его возможностей.

Будущий полководец гражданской войны начал свою службу новой власти с работы в Военном отделе Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), занимавшегося подготовкой законодательных актов по вопросам военного строительства. На этом посту Тухачевский сумел проявить себя в качестве хорошего организатора и аналитика. Он был одним из инициаторов создания института военных комиссаров, просуществовавшего в Красной армии до 1942 г., причем он отстаивал принцип обязательного военного обучения партийных представителей. В июне 1918 г. Михаил Николаевич пишет «Проект организации курсов военных комиссаров», который должен был научить военкомов «разбираться в обстановке, в требованиях военного искусства»⁵⁵⁹. Данная работа проводилась в рамках создания системы единоначалия в вооруженных силах. Кроме того, идеи бывшего подпоручика сыграли свою роль при подготовке постановления ВЦИК от 29 мая 1918 г. о переходе к всеобщей мобилизации в Красную армию.

Работая в столице, Тухачевский сделал еще один важный шаг, который определил его дальнейшую судьбу: 5 апреля 1918 г. он вступил в РКП(б). Этот поступок сам по себе довольно рискованный, ведь в то время власть большевиков казалась призрачной, и мало кто стремился связать с ней жизнь. Современные исследователи ярко подчеркнули, что «в начале 1918 года победа большевиков казалась призрачной даже им самим, наглядный пример февральской революции также убеждал в нестабильности режима, захватившего власть»⁵⁶⁰. В таких условиях «вероятность оказаться в лагере побежденных представлялась куда большей, нежели надежда на скорый

⁵⁵⁸ Кантор Ю. Указ. соч. С. 118.

⁵⁵⁹ Там же. С. 106.

⁵⁶⁰ Там же. С. 95.

карьерный рост»⁵⁶¹. Отношение представителей военного сословия прежней России к политике большевиков наглядно демонстрирует шаткость сложившейся в стране ситуации. За период добровольного комплектования Красной армии из почти трехсоттысячного царского офицерского корпуса на советской службе находилось не больше 8000 человек⁵⁶². Из них в партии состояли единицы, поэтому для бывшего царского офицера, да еще гвардейца, это был рискованный шаг, окончательно отделявший его от прежних ценностей и друзей, но зато приближавший к новой власти. Тухачевский не побоялся рискнуть и, как потом оказалось, выиграл.

Летом 1918 г. казалось, что Советы доживают свои последние дни. Большевики контролировали не более 1/15 части бывшей империи. Рабочие и крестьяне, на которых опирались Ленин и его соратники при захвате власти, не довольные проводимой политикой, отказывали новой власти в поддержке. Вспыхнувший на огромном протяжении от Пензы до Владивостока мятеж чехословацкого корпуса, казалось, поставил на повестку дня вопрос о существовании Советской власти как таковой. В это время Главнокомандующий вооруженными силами А.Ф. Мясников в июне 1918 г. представил советским руководителям докладную записку, в которой состояние дел характеризовалось как катастрофическое: армии еще нет, ее необходимо срочно создавать⁵⁶³. Кандидат на пост командарма должен был обладать двумя основными критериями: способностью к решительным действиям и преданностью большевикам. Этому как раз и соответствовал М.Н. Тухачевский, положительно зарекомендовавший себя на штабной работе. В 25 лет он становится командующим 1-й революционной армии и направляется на первостепенный по значению Восточный фронт. Он едет туда с одной целью — победить, найти свой «Тулун», ибо любая неудача будет означать конец карьеры.

Тухачевскому пришлось практически формировать армию «с нуля», создавая из разрозненных партизанских отрядов единый

⁵⁶¹ Там же.

⁵⁶² Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 314.

⁵⁶³ Старцев В.И. Первые месяцы большевистской власти: от войны политической к войне гражданской // Драма российской истории: большевики и революция. М., 2002. С. 258–259.

военный организм. Впоследствии он так описывал ситуацию лета 1918 г.: «В первый период деятельности Красной армии, когда последняя не приняла еще форм крепкой регулярной армии, какие она имеет теперь, многие высказывали мнение, что это не больше, как партизанская война, которая ведется без всякой системы и которой трудно придать какую-нибудь систему. Я помню, как весной прошлого года один из наших видных военных руководителей, старый офицер генерального штаба, говорил про старый офицерский корпус: «Мы неспособны вести вашу войну. Мы подготовлены к ведению войны европейской, к вождению массовых армий, но мы не приспособлены к той войне, которая ведется нами, например на Украине»⁵⁶⁴. Анализируя условия, в которых работал молодой командарм, можно провести параллель с ситуацией, в которой оказался двадцатисемилетний командующий Итальянской армией дивизионный генерал Наполеон Бонапарт. «Кавалерия была в самом дурном состоянии, — писал впоследствии в своих работах на острове Св. Елены изгнанный император, — она отдыхала на Роне, но и там плохо обстояло дело с фуражом. В арсеналах Ниццы и Антиба было много артиллерии, но не доставало перевозочных средств. Все упряжные лошади пали от голода. Финансы были истощены настолько, что несмотря на все усилия, правительство могло дать армии для открытия кампании только 2000 луйдоров и на 1 миллион векселей, часть которых были опротестованными. В армии чувствовался недостаток во всем...»⁵⁶⁵.

Как и его кумир, Тухачевский применял решительные меры для скорейшего формирования вверенной ему армии. Как потом вспоминали сослуживцы Михаила Николаевича, он «добивался не дисциплины вообще, а основанной на требованиях партии к революционным бойцам и командирам. Для беспощадной борьбы с анархией, дезертирством, изменой, трусостью, грабежами и пьянством впервые в Красной Армии были созданы военно-революционный полевые трибуналы»⁵⁶⁶. Однако борьба для Тухачевского не означала исключительное применение карательных методов. Никакого насилия, безза-

⁵⁶⁴ Тухачевский М. Н. Война классов. Статьи 1919–1920 гг. ГИЗ, 1921. С. 5–6.

⁵⁶⁵ Наполеон Бонапарт. Военное искусство. Опыт победоносных кампаний. М., 2009. С. 16.

⁵⁶⁶ Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М., 1964. С. 37.

кония Тухачевский не допускал. «Как-то он узнал о случае расстрела белых солдат. Последовал его приказ: "...под личную ответственность командиров и политических комиссаров при них: никаких насилий и репрессий над перебежчиками и пленными из мобилизованных белогвардейцами крестьян и рабочих не чинить, а доставлять в штаб дивизии. Политические комиссары сумеют расправиться с явными врагами революции и сохранить жизнь тем рабочим и крестьянам, которые, будучи мобилизованы чехословаками, не захотели идти против своих братьев-красноармейцев"»⁵⁶⁷.

Действия молодого командарма довольно быстро дали положительный результат. Через два месяца, к сентябрю 1918 г. 1-я Революционная армия могла успешно вести боевые действия. Впереди была первая самостоятельная операция Тухачевского — взятие Симбирска, опорного пункта противника на Волге. Именно здесь бывший подпоручик Семеновского полка, а ныне командующий армией нашел заветный «Тулон». Город был взят по-наполеоновски: решительным штурмом, с форсированием реки на глазах у изумленного противника. Вот как описывал этот бой сам Тухачевский: «В первую голову был пропущен паровоз без машиниста, на полных парах, с открытым регулятором для испытания пути и разрушения бронепоезда противника, если бы таковой встретился, за этим паровозом двигался броневой поезд. ...За бронепоездом двигалась вторая бригада Симбирской дивизии. ...Артиллерийской подготовкой руководил инспектор артиллерии тов. Гардер. Переправой руководил тов. Энгельгардт. Артиллерия пристрелялась еще днем и с начала наступления наших войск переносила постепенно огонь на тылы противника. Бешено несущийся паровоз и убийственный артиллерийский огонь сразу же произвели на белых сильное моральное впечатление. За паровозом выступил бронепоезд, и завязалась перестрелка»⁵⁶⁸. Падение Симбирска имело не только важные стратегические результаты — вытеснение противника со средней Волги. Оно означало, что на революционном небосводе зажглась яркая звезда молодого полководца — М.Н. Тухачевского. С этого момента он постоянно находится на командных постах борьбы с контрреволюцией, командует армиями и фронтами.

⁵⁶⁷ Там же. С. 38.

⁵⁶⁸ Тухачевский М.Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 89.

О нем положительно отзываются и друзья, и враги. Одни считают, что Тухачевский — «человек, безусловно свой, смелый до авантюризма... будет в любом месте отлично командовать не только армией, но и фронтом»⁵⁶⁹. Другие нарекают его «красным Бонапартом» и находят «самым талантливым красным полководцем, самым смелым военным вождем красной армии III интернационала»⁵⁷⁰, справедливо для побежденных отмечая, что именно Тухачевский «победил белых под Симбирском, спасши Советы в момент смертельной катастрофы... На Урале он выиграл “советскую Марну” и, отчаянно форсировав Уральский хребет, разбил белые армии адмирала Колчака и чехов на равнинах Сибири. Он добил и опрокинул на французские корабли армию генерала Деникина»⁵⁷¹.

Окончание гражданской войны и введение большевиками новой экономической политики в 1921 г. ознаменовали конец периода революционной борьбы, в которой обществом востребованы такие яркие и неординарные личности, как Л. Г. Корнилов и М. Н. Тухачевский. Волею сложившихся обстоятельств, они, способные на решительные и бескомпромиссные поступки во времена хаоса, войны и революции, оказались ненужными в мирный период. Примером этому может служить яркая карьера и трагический финал «красного Бонапарта», маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского.

Наполеон в официальном политическом дискурсе нацистской Германии. 1933–1945

Дацишина Марина Викторовна

Объектом данной статьи является официальный дискурс нацистской Германии. Предметом статьи являются приемы вытеснения прошлого в немецком официальном дискурсе на примере периода наполеоновских войн.

⁵⁶⁹ Минаков С. Указ. соч. С. 129.

⁵⁷⁰ Гуль Р. Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М., 1990. С. 23.

⁵⁷¹ Там же.

Статья написана с привлечением широкого круга опубликованных и неопубликованных источников. Автор традиционно идет на расширение хронологических рамок, заявленных в статье, приоритетным считая проблемный подход.

Основные технологии по манипуляции с историческим прошлым

Использование аналогий с наполеоновскими войнами в официальном дискурсе нацистской Германии было одной из технологий манипуляции с прошлым — вброс современных событий в исторический контекст.

При манипуляции с историческим прошлым используют три основные технологии:

- вброс исторического события в современность;
- вброс современных событий в исторический контекст;
- пересмотр исторических событий с целью лишения ряда из них сакрального смысла (дегероизация прошлого).

Актуализация темы Наполеона в официальном дискурсе нацистской Германии

Политическая элита нацистской Германии постоянно использовала приемы манипуляции с прошлым. Интересна в этой связи история обращения немецкой пропаганды к теме Наполеона.

События назначения Гитлера канцлером, поджога рейхстага, создания первых концлагерей для политических оппонентов, а также убийство Рема и его сторонников в 1934 г. были интерпретированы как национальная (или *националистическая*) революция, сопоставимая с Великой Французской революцией. Подчеркивалось, что революция в Германии являлась мирной, почти бескровной.

В 1940 г., по приказу Гитлера, останки сына Наполеона были перенесены из Вены в Париж. Согласно комментарию Геббельса, такой жест должен был, якобы, обеспечить лояльность французов⁵⁷². Нацисты по возможности потакали и Петену, и собственным

⁵⁷² Цит. по: *Аганов А.Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы» / Пер. с нем. М.: Палеотип, Логос, 2002. С. 61.

«франкофилам», пытаясь привлечь на свою сторону французскую интеллигенцию, и отчасти в этом преуспевали⁵⁷³.

Тема Наполеона и война против СССР

С началом войны против СССР официальный политический дискурс игнорирует параллели с войной 1812 г. Вместе с тем, в ближнем окружении Гитлера тема Наполеона обсуждалась достаточно регулярно, а обращение к ней было продиктовано разными причинами.

В феврале 1945 г. Гитлер признался Мартину Борману, что перед вторжением в Россию он внимательно изучил опыт Наполеона. Одним из опорных текстов этого изучения была известная книга Клаузевица⁵⁷⁴ «Моя война». В ней известный военный деятель, перешедший в 1812 г. на русскую службу, называл нападение Наполеона на Россию ошибкой⁵⁷⁵. В конце лета 1941 г. (между 8 и 11 августа) Гитлер в одной из своих застольных бесед сказал, что при обсуждении нападения Германии на СССР он рассматривал две возможные тактики Сталина: тактику отхода вглубь страны, как это было в войну 1812 г., и тактику отчаянного сопротивления. Гитлер предсказывал развитие войны по второму варианту, т.к. не верил в добровольную сдачу крупнейших промышленных предприятий. Вместе с тем в начале августа 1941 г. Гитлер еще не видел параллелей нападения на СССР с кампанией Наполеона в России⁵⁷⁶.

В конце марта 1942 г. причиной обращения к теме Наполеона стало его осуждение за самопровозглашение императором и представление должностей и титулов членам своей семьи и приближенным⁵⁷⁷. В апреле 1942 г. Гитлер самоуверенно заявлял, что победы мирового значения, которые французы одержали «под руководством этого

⁵⁷³ *Марабини Ж.* Повседневная жизнь Берлина при Гитлере / Пер. с фр. Т.А. Баскаковой. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 132.

⁵⁷⁴ *Клаузевиц К. фон.* О войне: стратегия в условиях непредсказуемости, роль лидера в достижении победы. М.: Бизнеском, 2008.

⁵⁷⁵ *Сьард Д.* Наполеон и Гитлер: Сравнительная биография / Пер. с англ. И.С. Соколова, А.И. Криволапова. Смоленск: Русич, 1995. С. 272, 273.

⁵⁷⁶ *Тревор Р.Х.* Застольные беседы Гитлера. 1941–1944 гг. / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 52.

⁵⁷⁷ *Тревор.* Указ. соч. С. 363–364.

уникального военного гения, корсиканца Наполеона», не меняют сути характера французов, который, по мнению Гитлера, продолжал оставаться мелкобуржуазным⁵⁷⁸.

Призрак Наполеона преследовал политическую элиту нацистской Германии до самого конца. Она возвращалась к теме наполеоновских войн музыкальными аллюзиями и иллюстрированными подарочными изданиями: 1) В феврале 1943 г., когда в Германии был объявлен 4-дневный траур по армии Паулюса, по радио бесконечно передавали вторую часть Пятой симфонии Бетховена. Как известно, Бетховен писал ее с перерывами с 1804 по 1808 гг. Это было время наполеоновских войн, и премьера Пятой симфонии состоялась в 1808 г. в Вене, которая с 1805 г. была оккупирована войсками Наполеона⁵⁷⁹; 2) Подарочные издания о наполеоновских войнах преподносились в качестве рождественских подарков. В декабре 1944 г. Мартин Борман написал в письме своей жене о том, что его последняя любовница, малоизвестная немецкая актриса, прислала ему в подарок на Рождество книгу фон Бюхлера о Наполеоне. Борман пересылал подарок жене с просьбой ничего не говорить своей любовнице, с которой Герда Борман была хорошо знакома⁵⁸⁰.

Несмотря на то что тень Наполеона не давала покоя нацистской политической элите, официальный дискурс опасных параллелей между нападением Наполеона на Россию и нападением Гитлера на СССР не проводил. Среди населения Германии такие параллели также не были распространены. «В июле (1941 г. — *прим. автора*) мало кому из немцев приходило в голову сравнение со злополучным вторжением Наполеона в 1812 г. в Россию, зато многие гордились, что рейх нанес поражение России, не ослабляя в то же время военных усилий против Великобритании»⁵⁸¹. Таким образом, культивировалось не сходство, а отличие похода Наполеона и нападения Германии: Германия продолжала давление на Великобританию, т.е. фактически

⁵⁷⁸ Тревор. Указ. соч. С. 378.

⁵⁷⁹ См.: Вторая мировая война день за днем. Серия 50. Режиссер Виктор Правдюк. 2005. <http://gopora.ucoz.ru/publ/9-1-0-31>

⁵⁸⁰ См.: Борман М. Письма / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 190.

⁵⁸¹ Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Русич, 1996. С. 472.

сражалась на двух фронтах. Официальный дискурс подчеркивал превосходство армий вермахта над армиями Наполеона.

Геббельс отметил в своем дневнике 22 июня 1941 г. реакцию официального Лондона и Москвы на нападение Германии на Советский Союз: «Лондон заявил пока, что Гитлер сошел с ума, и ссылается при этом на пример Наполеона, о чем и Молотов говорил. По этому поводу мы еще будем полемизировать»⁵⁸². Однако уже 3 июля, зная о ряде кровопролитных боев и упорном сопротивлении отдельных частей Красной Армии, он пишет: «только бы погода в последний момент не опрокинула наши расчеты»⁵⁸³. Спустя пару месяцев после начала войны события на фронте и, главное, в тылу немецких армий начинают противоречить плану «Барбаросса», и начиная с августа 1941 г. немецкая военная элита, столкнувшись с партизанским движением на оккупированной части СССР, вынужденно обратилась к истории партизанского движения и его роли в войнах, которые когда-либо вела Россия⁵⁸⁴. Партизанский опыт русских в борьбе с Наполеоном рассматривался генералами вермахта достаточно подробно.

Параллель «Наполеон–Гитлер» в советской контрпропаганде⁵⁸⁵

Адресация к войне с Наполеоном использовалась советской пропагандой. Она была призвана убедить немецких солдат в бес-

⁵⁸² Цит. по: *Агапов А.Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». М.: Палеотип, Логос, 2002. С. 358.

⁵⁸³ Там же. С. 379.

⁵⁸⁴ Стоит отметить, что аналогичное обращение к опыту ведения партизанской войны в период Великой Отечественной войны делает и советская элита. В личном фонде начальника советского Центрального штаба партизанского движения Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко мы находим конспекты книг издания 1919 г. с анализом опыта ведения партизанских действий в России против Наполеона. Подробнее см.: Конспект книги В.Н. Клембовского «Партизанские действия». Пг., 1919. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 625. Оп. 1. Д. 9. Л. 43–67.

⁵⁸⁵ Сравнение противостояния советской и нацистской пропаганды в период Великой Отечественной войны см.: *Дацишина М.В.* Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 149–156.

полезности сопротивления. В советских листовках подчеркивалось, что, как до него Наполеон, Гитлер погубит здесь лучшие силы, цвет немецкой нации⁵⁸⁶. Несмотря на то что после войны немецкие генералы укоряли советскую пропаганду за «грубость», тем не менее, они были вынуждены признать, что над немецкими позициями разбрасывалось большое количество листовок, на которых были изображены заснеженные русские степи, покрытые трупами немецких солдат⁵⁸⁷. С самого начала Великой Отечественной войны сильное разлагающее действие советской пропаганды, ее большую эффективность, по сравнению с британской пропагандой, признавал министр пропаганды гитлеровской Германии Йозеф Геббельс⁵⁸⁸. Солдаты армии «Центр», принимавшие участие в битве под Москвой, отмечали, в отличие от послевоенных откровений своих генералов, что судьба Наполеона и *замерзшего французского солдата* действовала угнетающе⁵⁸⁹. Если для немецких частей советская пропаганда действовала угнетающе, для французских батальонов в составе 4-й группы армий «Центр» она имела роковое значение⁵⁹⁰. Назначенный 18 декабря 1941 г. командующим группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге обратился с воодушевляющей речью к солдатам четырех французских батальонов непосредственно у Бородино. «На следующий день французы смело пошли в бой, но, к несчастью, не выдержали ни мощной атаки противника, ни сильного мороза и метели. Таких испытаний им еще никогда не приходилось переносить. Французский легион был разгромлен, понеся большие потери от огня противника и от мороза. Через

⁵⁸⁶ Бурцев. Указ. соч. С. 73.

⁵⁸⁷ Цит. по: Блюментрит Г. Роковые решения. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР. М., 1958. <http://russia-west.ru/viewtopic.php?id=472>

⁵⁸⁸ В дневниковой записи Геббельса 27 июня 1941 г. читаем: «Призывы к нашим солдатам сдаваться. Пусть совершенно глупо и неумело, но нельзя оставлять это без внимания. Большевики не англичане. В подрывной пропаганде они кое-что смыслят». Цит. по: Агапов. Указ. соч. С. 361, 365.

⁵⁸⁹ Бурцев М.И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981. С. 73.

⁵⁹⁰ Цит. по: Блюментрит Г. Роковые решения. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР. М., 1958. <http://russia-west.ru/viewtopic.php?id=472>

несколько дней он был отведен в тыл и отправлен на Запад»⁵⁹¹. Тем самым, французские части в составе вермахта фактически повторили судьбу Наполеона.

Опасность исторических параллелей становилась все более очевидной и для немецких частей. 10 декабря 1941 г. начальник штаба оперативного руководства сухопутных вооруженных сил вермахта Йодль в директиве «О контрпропаганде» отмечал, что *зима* будет в еще большей мере использована противником для усиления разложения. Поэтому невыполнение приказа о запрете слушать радиопередачи и неисполнение приказа о сдаче и уничтожении вражеских листовок могли повлечь за собой тяжелые последствия и даже смертельную опасность для армии и народа⁵⁹². Гитлер поделился с Геббельсом, что особенно разрушительные последствия информация о русской зиме будет иметь не для фронта, а для тыла.

Мемуары наполеоновского генерала как настольная книга немецкой военной элиты

И организованный дискурс советской пропаганды, и стихийные «запросы прошлого», и сама обстановка под Москвой, когда оставленные без зимнего обмундирования немецкие солдаты умирали от обморожения, привели к тому, что обращение немецкой военной элиты к теме войны с Наполеоном стало неизбежным. Кроме того, официальная немецкая пропаганда, долгое время находившая общие черты в деятельности Наполеона и Гитлера, во многом сама подготовила такое обращение. Офицеры вермахта *запрашивали прошлое*, адресуясь к теме гибели французской армии в России. Скорее всего, роман «Война и мир» Л. Н. Толстого они не читали. Однако немецкий генерал Гюнтер Блюментрит в книге «Роковые решения», опубликованной в Нью-Йорке в 1956 г. и переведенной в СССР с небывалой скоростью уже в 1958 г., писал, что под Москвой в 1941 г. «воспоминание о Великой армии Наполеона преследовало нас, как привидение. Книга мемуаров наполеоновского генерала Коленкура⁵⁹³, всегда ле-

⁵⁹¹ Там же.

⁵⁹² Цит. по: Бурцев. Указ. соч. С. 82–83.

⁵⁹³ Анри Коленкур — генерал и дипломат, был послом наполеоновской Франции в России, неоднократно встречался с Александром I, сопровождал Наполеона

жавшая на столе фельдмаршала фон Клюге, стала его библией. Все больше становилось совпадений с событиями 1812 года»⁵⁹⁴. Коленкур, сопровождавший Наполеона во время его бегства из России, оставил подробные мрачные свидетельства гибели наполеоновской армии, которые не могли не тревожить элиту вермахта. «2 декабря, — писал Коленкур, — мороз такой, что оставаться на бивуаках было невыносимо <...> На каждом шагу можно было встретить обмороженных людей. Которые останавливались и падали от слабости или от потери сознания. Если им помогали идти или, вернее, с трудом тащили их, то они умоляли оставить их в покое. Если их клали на землю возле бивуаков <...>, то как только эти несчастные засыпали, они неминуемо обречены были на смерть»⁵⁹⁵; «на тысячах людей я видел это действие мороза и наблюдал смерть от замерзания. Дорога была покрыта трупами этих бедняг»⁵⁹⁶.

(Следует отметить, что для европейского читателя периода Второй мировой войны мемуары Коленкура были сравнительной новинкой. Впервые полностью (в трех томах) они были напечатаны на французском языке только в 1933 г. Опубликованные мемуары стали предметом изучения кадровых дипломатов и историков в области международных отношений. Советник посольства Германии в СССР Густав Хильгер был из числа предвоенных читателей мемуаров Коленкура, он читал их в июне 1941 г. Хильгер проводил две параллели: Гитлер — Наполеон, Шелленбург (посол Германии в СССР. — *прим. автора*) — Коленкур. «Коленкур, — писал позднее в воспоминаниях Хильгер, — играл по отношению к Наполеону роль, похожую на роль Шуленбурга по отношению к Гитлеру. Как и Коленкур, Шуленбург был убежденным приверженцем дружественных отношений между его страной и Россией. Оба предостерегали от опасностей, вытекающих из войны с восточным колоссом, и оба

во время бегства из России. Оставил мемуары о походе Наполеона в Россию, которые неоднократно переиздавались на многих языках мира.

⁵⁹⁴ Цит. по: *Блюментрит Г.* Роковые решения. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР. М., 1958. <http://russia-west.ru/viewtopic.php?id=472>

⁵⁹⁵ Цит. по: *Коленкур А. де.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. Москва—Таллинн, Скиф Алекс, 1994. С. 328.

⁵⁹⁶ Там же. С. 329.

потерпели неудачу в своих усилиях удержать своих повелителей от нападения на Россию»⁵⁹⁷. В СССР впервые мемуары Коленкура были напечатаны в 1943 г., в издание вошел сокращенный перевод первых двух томов французского издания. Мемуары Коленкура также стали одним из опорных текстов советского патриотического дискурса.)

Таким образом, немецкое общественное сознание, с одной стороны, было подготовлено к восприятию параллели Гитлер — Наполеон самой немецкой пропагандой, с другой стороны, оказавшись в сложной ситуации под Москвой и подвергаясь влиянию со стороны советской пропаганды, оно запрашивало прошлое о возможных исходах ситуации и обращалось к теме поражения Наполеона под Москвой. Такому обращению к прошлому уже не могли помешать ни призывы Геббельса, ни заклинания Гитлера. Запрос, который делало у прошлого немецкое общество, требовал ответа и находил его в истории гибели наполеоновской армии.

Механизм вытеснения наполеоновского дискурса из немецкого массового сознания

А. Превосходство. Наполеон — это лишь слабый предшественник Гитлера. Отвечая на этот вызов из прошлого после неудачи под Москвой зимой 1941—1942 гг., Гитлер уже не мог ограничиться замалчиванием или простым отрицанием очевидных параллелей с гибелью наполеоновской армии⁵⁹⁸. Он использовал свой излюбленный прием гиперболизации. Выступая в рейхстаге 27 апреля 1942 г., Гитлер, желая доказать, что солдаты вермахта мощнее армии Наполеона, заявил, что Наполеон сражался в России при 25 градусах, а солдаты

⁵⁹⁷ Цит. по: Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания / Пер. с нем. и сост. Г.Я. Рудой. М.: ТЕРРА, 1996. С. 82—83.

⁵⁹⁸ Отдавая себе отчет, насколько устойчивы параллели судьбы двух армий среди руководства вермахта, Гитлер в конце февраля 1942 г. заметил в близком кругу, что «когда январь и февраль уже позади, нашим врагам придется отказаться от надежд на то, что нас постигнет участь Наполеона <...> Какое облегчение все-таки». Цит. по: *Тревор*. Указ. соч. С. 327.

вермахта — при минус 45 и даже минус 52⁵⁹⁹. Ссылаясь на эту речь 9 июня 1942 г., Гиммлер подтвердил, что зимой 1941—1942 гг. «мы (т.е. немцы. — прим. автора) стояли абсолютно перед катастрофой»⁶⁰⁰. Продолжая отстраиваться от судьбы Наполеона в России, нацистская пропаганда ссылается на то, что французская армия была разбита, поскольку решила отступить, в то время как вермахт подчинился приказу Гитлера о запрете на отступление. В мемуарах, которые были опубликованы в 1953 г., фельдмаршал Манштейн писал: «когда зимой 1941 г. советское контрнаступление было, наконец, остановлено, благодаря сопротивлению наших войск, Гитлер был убежден, что только его стоп — приказ от 16 декабря 1941 г. — не допускать отхода без разрешения — спас немецкую армию от судьбы, постигшей армию Наполеона в 1812 г.»⁶⁰¹. Несколько ранее, осенью 1946 г., генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель в своих записях, составленных для его защитника на Нюрнбергском процессе д-ра Нельте, писал: «не могло быть другого решения, кроме как стоять до последнего и сражаться, иначе, лишившись оружия, армии пришлось бы пережить отступление, подобное отступлению Наполеона в 1812 г.»⁶⁰².

В официальном политическом дискурсе Германии использовалось два тезиса в целях риторического разрыва параллели «Наполеон—Гитлер»: 1) немецкая армия продолжала сражаться, якобы, в более сложных погодных условиях, чем армия Наполеона; 2) немецкая армия не отступала, как Наполеон, и не убегала из России, а значит, не будет разбита. Таким образом, параллель с судьбой Наполеона преодолевалась не фактом отрицания возможности сравнения, а превосходством по критериям сравнения. Заявлением, что армия вермахта более стойкая, чем армия Наполеона, утверждалось, что нельзя повторить судьбу того, кто слабее тебя.

⁵⁹⁹ Клемперер В. ЛТІ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

⁶⁰⁰ Речь Гиммлера перед командующими фронтовыми участками и начальниками управлений Главного управления имперской безопасности (РСХА) 9 июня 1942 г. Цит. по: Откровения и признания... С. 253.

⁶⁰¹ Манштейн. Утерянные победы. М., 1998. http://www.fidel-kastro.ru/2WW/manshteyin_uteryanniye_pobediy.html#ТОС_id3365451.

⁶⁰² Цит. по: Откровения и признания... С. 333.

В. Замещение. Актуализация новых исторических сюжетов. Потерпев поражение под Москвой, политическая элита Германии актуализировала в немецком обществе новые исторические сюжеты и параллели. Так, в феврале 1942 г. немецкие обыватели ворчали по поводу участия Италии в войне, обвиняя в неудачах ненадежных воинов из итальянских соединений. Немецкая пропаганда внутри Германии была вынуждена проводить параллель между Германией и Италией, указывая на сходство между итальянской фашистской революцией и немецким социал-демократическим движением⁶⁰³.

Позже актуализировались сюжеты немецкой истории, связанные с периодом правления Фридриха Великого, как его называли немцы, «старого Фрица». Особенно отчетливым это стало накануне гибели режима. 28 февраля 1945 г. Геббельс записал в своем дневнике: «Мы должны быть такими же, каким был Фридрих Великий, и вести себя так же, как он. Фюрер вполне соглашается со мной, когда я ему говорю: дело нашей чести позаботиться о том, чтобы, если когда-нибудь, через 150 лет, в Германии возникнет такой же крупный кризис, наши внуки смогли бы сослаться на наш пример героической стойкости»⁶⁰⁴.

В дневниках Геббельса и в переписке руководителей оккупационных администраций на оккупированной части СССР в 1942–1943 гг. находим актуализацию сюжетов, связанных с деятельностью британского разведчика Лоуренса Аравийского. Идея манипулятивного использования населения оккупированных территорий в целях борьбы с официальной властью этих стран была актуальна для политической элиты нацистской Германии, т.к. рассчитывать только на собственные силы она уже не могла.

С. Противопоставление. Наполеон был врагом Германии. Вплоть до конца Второй мировой войны тема наполеоновских походов была одной из важных в официальном дискурсе нацистской Германии. Так, создание известных отрядов фольксштурма должно было актуализировать память о событиях далекого 1813 г., когда были созданы резервные подразделения из числа добровольцев, готовых погибнуть в войне с французами. Создатели отрядов фольксштурма немного

⁶⁰³ Герцштейн. Указ. соч. С. 268–269.

⁶⁰⁴ Цит. по: Откровения и признания... С. 423.

опоздали и не использовали в пропаганде 130-летний юбилей битвы народов, которая произошла под Лейпцигом в 1813 г.; в 1943 г. в отрядах еще не было надобности. Однако в 1944 г. некруглый юбилей все-таки был использован. «По предложению Генриха Гиммлера, днем создания фольксштурма стали считать 18 октября 1944 г.»⁶⁰⁵. (Важно отметить, что, актуализируя противостояние «француз—немец», нацистская пропаганда не обращала внимания на то, что Наполеону в «битве народов» противостояла не только Пруссия, Австрия и Швеция, но и, прежде всего, Россия.) На новом этапе сравнение с Наполеоном преодолевалось путем полного разрыва возможных параллелей с ним, т.к. теперь Наполеон предстал не как более слабый предшественник, а как враг.

Вывод. Итак, в сложный период истории политическая элита нацистской Германии встала перед проблемой актуализации определенного исторического сюжета. При этом она откровенно опасалась деморализующих и опасных параллелей и пыталась исключить (вытеснить) их из организованного дискурса. Параллели из прошлого предсказывали ей гибель и поражение. Простое отрицание исторической параллели, как и попытка ее замещения другими историческими сюжетами, оказались неэффективными. Последним шагом в отчаянной попытке разорвать параллель «Гитлер—Наполеон» стала декларация «Наполеон — это враг Германии».

Таким образом, технология вытеснения темы Наполеона из официального политического дискурса нацистской Германии включала три этапа: 1) превосходство, утверждение, что Гитлер сильнее Наполеона; 2) замещение, попытка актуализации других исторических сюжетов); 3) противопоставление, Наполеон — это враг Германии⁶⁰⁶.

⁶⁰⁵ Там же. С. 299.

⁶⁰⁶ Последний тезис был наиболее устойчив. Его питали традиционно франкофобские настроения нацистской верхушки. Вспомним, что еще в марте 1924 г. во время судебного процесса в Мюнхене Гитлер заявил, что если Англия просто хочет быть первой в Европе, то Франция, якобы, является постоянным врагом Германии. В «Майн кампф» Гитлер также заявлял, что Франция, якобы, является смертельным врагом немецкого народа. С целью оправдания оккупации Франции в 1939–1940 гг. немецкие историки получают политический заказ: исследовать вопросы, связанные с подписанием Вестфальского мира 1648 г. и политику Франции за 400 лет с тем, чтобы доказать, что Франция всегда

ВОЙНЫ НАПОЛЕОНА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ

Первое появление Наполеона Бонапарта на поле битвы во время экспедиции на Сардинию (1793): Корсика и формирование наполеоновского мифа

Жан-Доминик Поли

Революционная Франция объявляет «войну королям и мир народу». 16 сентября 1792 г. Исполнительный совет Национального собрания решил захватить владения Виктора-Амадея III, герцога Савойи, князя Пьемонта и короля Сардинии. Атака острова должна была начаться с Корсики. Эта военная кампания оказалась забыта. Однако в ней были задействованы значительные для того времени средства и был мобилизован весь средиземноморский флот. Среди тысяч людей, принявших участие в кампании, был и молодой Наполеон.

С самого начала революции он решил служить на родном острове, где 1 апреля 1792 г., в чине капитана артиллерии, в возрасте 23 лет он был избран подполковником во второй из двух батальонов национальной гвардии Корсики. Он прошел военное обучение, участвуя в подготовке военной кампании против Сардинии, и участвовал в сражениях в качестве капитана артиллерии. Здесь он получил боевое крещение и смог показать себя, испытать свою храбрость и осуществить свои дерзкие замыслы, даже если случай был упущен.

Причины, побудившие его пройти военное обучение на Корсике, объясняются формированием его политических представлений, основанных на корсиканской революции, — особенно связью с республиканской античностью. Действительно, существовала важней-

стремилась ликвидировать Германию как единое государство. Таким образом, позиционирование Наполеона как врага становилось составной частью официального антифранцузского дискурса нацистской Германии.

шая связь между молодым офицером и Паскалем Паоли, который был с ранних лет для него политическим примером для подражания. Паскаль Паоли, генерал корсиканского народа (1755–1769), герой эпохи Просвещения, снискавший триумф в Национальном собрании как первый защитник Свободы, избирался на самые высокие должности после своего возвращения на остров в 1790 г.

Исполнительный комитет требовал, чтобы в военной кампании против Сардинии одновременно участвовали объединенный средиземноморский флот под командованием адмирала Трюге и десантные войска, порученные генералу д'Ансельму, а затем, в декабре 1792 г., генералу Брюне, временному командующему армии Вара (которая в 1793 г. была объявлена армией Италии). Соединение военной эскадры, ставшей на якорь в Специи, и судов с марсельскими добровольцами было намечено в Аяччо, чтобы там взять на борт корсиканские войска и направиться на самый юг Сардинии для атаки столицы, Кальяри.

Флот Трюге прибыл в Аяччо 15 декабря 1792 г. 18 декабря моряки учинили большие беспорядки. Несколько корсиканских гвардейцев были убиты, расчленены, и части их тел проташены по городу. Теперь совместные действия корсиканских и материковых войск были невозможны. Трюге изменяет свой план кампании. Флот и транспортные корабли должны взять Кальяри, в то время как национальные корсиканские войска проведут диверсионную атаку на севере Сардинии из Бонифачо. 6 января 1793 г., не дожидаясь кораблей из Марселя, Трюге сажает на корабли 1800 человек и отплывает в Кальяри.

8 января 33 транспортных корабля с 6000 марсельских волонтеров покидают Вильфранш. После ужасных репрессий, совершенных в Бастия, марсельцы прибывают в Кальяри 2 февраля. Из-за неблагоприятных погодных условий им удастся высадиться лишь 14-го. Бомбардировка Кальяри, начатая 27 января, продолжается, когда в ночь с 15 на 16 февраля происходит инцидент: марсельцы стреляют друг в друга и, объятые ужасной паникой, бросаются в бушующее море. Они бунтуют и требуют, чтобы их обратно посадили на корабли. 22 февраля флот покидает сардинские воды. Исполнительный совет приказывает Трюге отправляться в Брест, объявив войну Англии 1 февраля.

В Бонифачо Бонапарт урегулирует заключительные действия операции. Моряки флотилии провоцируют несколько стычек. 9 февраля молодой офицер оказывается втянут в одну из них, и его едва не разрывают на части. Один сержант из его батальона высвобождает его, убивая одного из нападающих.

Диверсионная атака из Бонифачо имеет трагический оттенок, так как она осуществляется людьми, которые не знают, что военная кампания потерпела поражение. Не считая моряков, экспедиционный корпус насчитывает около 600 человек под командованием подполковника национальной гвардии Корсики Колонны Чезари.

Пользуясь затишьем в ночь с 19 на 20 февраля, флотилия, сопровождаемая корветом *Fauvette* (прим. перев.: дословно «Славка»), появляется перед островом Маддалены 22 февраля (20-го экспедиционный корпус Трюге снова садится на корабли, и 22-го флот покидает Кальяри). Высадка войск происходит в порту острова Сан Стефано, который находится напротив порта Маддалены, в 4 часа дня, под проливным дождем. Люди «полностью лишены всего того, что было необходимо для кампании, они шли без палаток, без обмундирования, без шинелей и без артиллерийского обоза» (Наполеон Бонапарт, доклад, направленный из Бонифачо военному министру 2 марта). Преимущество на их стороне, атака острова Маддалены неизбежна: это «благоприятный момент, который в войне решает все». Из осторожности Колонна Чезари медлит. 23 февраля молодой офицер захватывает башни и полностью уничтожает сопротивление на Сан Стефано. В ночь с 23-го на 24-е, под дождем и ледяным ветром, Бонапарт начинает обстреливать с предельной точностью два военных форта с артиллерийскими орудиями на Маддалене. Он сам наводит орудия. Бомбардировка продолжается «целыми днями 24 и 25 числа». Когда форты оказываются разрушены, Колонна Чезари объявляет атаку Маддалены на следующее утро. Бонапарт и «корсиканские войска ликуют от радости» (Элуа Жан Пейру), в отличие от моряков.

Поздно ночью с 23-го на 24-е число Колонна Чезари узнает, что экипаж *Fauvette* взбунтовался и решил вернуться в Бонифачо. Он договаривается об отсрочке отправки флотилии, чтобы дать возможность войскам погрузиться на корабль. На острове офицеры сдерживают своих людей. Бонапарт проявляет все свои способности командующего. Наконец, все люди, принимавшие участие

в операции, смогли сесть на корабли, один за другим, но у них не было возможности поднять на борт артиллерию. После беспокойной ночи, на рассвете 27 февраля корабли прибывают в Санта Манза, на северо-востоке Бонифачо.

Бонапарт в своем докладе от 2 марта отмечает, что «победа была уже близка». «Мы подчинились, но с сердцем, полным смятения и боли».

Плачевный провал экспедиции требовал того, чтобы были найдены виновные. Приговор Паоли, вынесенный Конвентом, имел трагические последствия. Молодой офицер вступает за него, аргументируя тем, что он является «предтечей Французской революции» («Национальному Конвенту», документ, появившийся после 18 апреля 1793 г.). Но революционный процесс не может быть изменен. Перелом произошел. Молодой Бонапарт покидает свой родной остров вместе со своей семьей.

Отныне отношения героя (и его мифотворчество) с Корсикой будут лишь анекдотическими. Новое рассмотрение военной кампании на Сардинии может показать, что Корсика и ее история формируют матрицу, отгалкиваясь от которой, Наполеон может реализовать свою фантастическую судьбу, и что «полет орла» также подготавливается на Корсике.

Незыблемость традиций. Привилегии и права швейцарских полков на службе Французской империи (1804–1815 гг.)

Беспалов Александр Викторович

В статье на основе анализа массива ранее опубликованных работ рассказывается о взаимодействии Швейцарской конфедерации и Франции в военной сфере и о формировании прав и привилегий швейцарских полков на службе у королей и императора Наполеона I.

Ключевые слова: король, анализ, император, Швейцария, привилегии.

История швейцарских полков на службе сначала французских королей, а затем и императора Наполеона I (1804–1814, 1815 гг.) уходит своими корнями в далекое прошлое. Впервые они громко заявили

о себе в начале XIV в., когда объединенные силы кантонов Швиц, Ури и Унтервальден подняли восстание против гнета австрийских эрцгерцогов.

Основной силой швейцарского ополчения была пехота, вооруженная алебардами. Горная страна выставляла великолепных, неприхотливых и выносливых солдат. Прекрасно используя условия местности и плотное колонное построение, швейцарцы одержали громкие победы над войсками австрийских эрцгерцогов и императора «Священной Римской империи германской нации» при Моргартене (1315), Лаупене (1339) и Земпахе (1389), добившись фактического признания своей независимости.

«Войны швейцарцев XIV–XV веков способствовали формированию и укреплению их военной организации.

Были приняты постановления, согласно которым каждый житель кантона должен был иметь хорошее вооружение и по первому требованию выступить в поход... Не подлежащие явке следовали за войском в качестве резерва...

Обращению с пикой и алебардой, метанию камней и стрельбе из арбалета каждый воин обучался самостоятельно...

Воины обучались маршировать в составе баталии под звуки барабана, сохраняя свое место в затылок впереди идущего и держась своего знамени, которое имел каждый отряд. В бою все знамена ставились в центре баталии.

Большое внимание уделялось укреплению воинской дисциплины. В бою воины обязаны были точно соблюдать приказы своих начальников. Паникера или дезертира соседний воин был обязан заколоть. В арьергарде выделялось несколько воинов, обязанных убивать на месте всех, нарушавших боевой порядок»⁶⁰⁷.

Безусловно, появление великолепной швейцарской пехоты не осталось без внимания соседних государств. Спрос на услуги уроженцев кантонов был чрезвычайно велик. В конце Столетней войны (1337–1453 гг.) в 1452–1453 гг. французский король Карл VII впервые прибег к заключению договора о найме швейцарских солдат. До этого во французских войсках преобладали шотландские наемные отряды. Желая извлечь максимальную выгоду из сотрудничества с кантонами

⁶⁰⁷ *Разин Е.А.* История военного искусства. СПб., 1994. Т. 2. С. 452–453.

и тем самым лишить императора, папу и других европейских государей поступления резервов хорошо подготовленных солдат, Людовик XI Валуа (1461—1483 гг.) в 1474 г. прибег к заключению письменного договора (капитуляции) со Швейцарией о порядке найма на французскую службу ее уроженцев⁶⁰⁸.

Именно он послужит отправной точкой в четырехсотлетнем сотрудничестве Франции и Швейцарии на военном поприще. На его основе будут разрабатываться все последующие договоры о найме швейцарцев на королевскую и императорскую службу и подтверждаться их права и привилегии.

По договору 1474 г. король Людовик XI обязывался:

— пока он жив, платить ежегодно 20 000 франков договаривающимся кантонам, которые должны равномерно распределять эти деньги между собой;

— уравнивать в правах швейцарцев и французские ордонансовые роты;

— платить за каждый выход на поле боя каждому швейцарскому солдату, по меньшей мере, его трехмесячное жалованье;

— в случае нападения Бургундии на кантоны и невозможности оказать им военную помощь, платить им в вознаграждение 20 000 рейнских гульденов каждую четверть года, не считая уже упомянутых годовичных платежей;

— за это швейцарцы обязаны, если король ведет войну и требует помощи, доставлять ему вооруженных людей, с тем чтобы они получали от него жалованье по 4 1/2 гульдена⁶⁰⁹ в месяц каждый⁶¹⁰.

Заметим сразу: у кантонов всего два требования — уравнивать с французами в правах их граждан и вовремя платить деньги.

Швейцарцы строго соблюдали условия договора. В сражениях при Грансоне (1476) и Нанси (1477) они сполна отработали заплаченные им деньги. Бургундская армия была разгромлена наголову, а герцог

⁶⁰⁸ *Sellen J. de. Privilèges des troupes suisses au service des rois de France. P., 1891. P. 8.*

⁶⁰⁹ Первоначально гульденом называли золотую монету, чеканившуюся в Германии с XIV в. в подражание золотому флорину.

⁶¹⁰ *Domanje F. Les droits et les privilèges des parties étrangères à «l'ancien régime». P., 1879. P. 29—33.*

Карл Смелый — главный противник Людовика — погиб. Бургундские земли вошли в состав Франции. Именно с этого момента и зарождается традиция постоянного найма швейцарцев на французскую службу.

«Швейцарцы, подобно всем горцам, — прекрасные солдаты, если они вымуштрованы; где бы они не служили в качестве регулярных войск под чужими знаменами, они сражались очень хорошо. Однако они не отличаются быстрой сообразительностью, и для того чтобы у них появилась уверенность в своих силах и чувство спайки, они нуждаются в более длительном обучении, чем, например, французы или немцы Северной Германии»⁶¹¹.

Как правило, французские короли старались набирать солдат в «малых» или «лесных» кантонах. Предпочтение всегда отдавалось католикам. К элите королевской армии — гвардии имели прямое отношение две швейцарские части.

Первая — Рота швейцарцев (Cent-Suisses) с громким девизом: «Она пользуется доверием народа» была сформирована при Карле VIII, в конце 1496 г., в качестве личной охраны монарха.

Возглавлял роту представитель высшей французской аристократии, как правило, родственник королевского дома в ранге капитан-сюринтенданта (со времен Генриха IV — полковник, позже — капитан-полковник).

«Рота делилась на 6 отделений приблизительно по 16 чел., из которых два отделения посменно, каждый день, были дежурными и несли караульную службу по охране монарха не только во дворце (вместе с телохранителями), но и везде, где бы он ни находился, в т.ч. и около палатки в военное время. При приеме королем посла или другого важного лица, швейцарцы размещались друг напротив друга перед дверьми зала, в котором заседал суверен.

За административные и уголовные проступки швейцарцы несли ответственность только перед собственными судьями, судившими провинившихся по швейцарским законам и обычаям, находясь вне французской юрисдикции. В качестве судий выступали офицеры-швейцарцы, составлявшие трибунал по личному указанию капитан-полковника.

⁶¹¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 2001. Т. 4. С. 46.

Рота швейцарцев принимала активное участие в кампаниях французских королей — во время Итальянских войн (1494—1559 гг.) под знаменами Людовика XII, Франциска I. В знаменитом сражении французской армии против войск Священной Римской империи при Павии (24 февраля 1525 г.), когда король Франциск I попал в плен, рота швейцарцев была почти полностью уничтожена, сражаясь за монарха.

Дворцовая рота швейцарцев комплектовалась, как правило, из числа самых достойных солдат полка швейцарской гвардии. Поскольку и в полк отбирались далеко не худшие представители кантонов, Рота являлась элитным подразделением, как того и требовал ее статус в «Табели о рангах» Королевской гвардии»⁶¹².

Король Людовик XII (1498—1515) учредил должность генерал-полковника королевских швейцарцев. Данный пост, как правило, занимали члены королевской семьи или принцы крови.

Вторая гвардейская часть — полк Швейцарской гвардии — был создан 12 марта 1616 г. согласно приказу короля Людовика XIII (1610—1643). Он состоял из 13 рот. Двенадцать комплектовались уроженцами строго определенных кантонов, а тринадцатая, т.н. Генеральная, — из самых отборных рекрутов всех кантонов. Полк покрыл себя неувядаемой славой практически во всех войнах, которые вела Франция на протяжении XVII—XVIII вв. Швейцарцы с отличием участвовали в 69 кампаниях, 152 сражениях и 29 осадах⁶¹³.

Лебединой песней полка стала оборона королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 г. от разъяренных французских инсугентов. Погибло более 600 человек. Восстановленный в 1814 г. полк просуществовал до июля 1830 г.

Более многочисленными были полки простой швейцарской пехоты. При Людовике XI существовала одна швейцарская бригада в составе двух полков. Его сын Карл VIII довел численность швейцарских полков до пяти, а Генрих II до семи. Последний король из династии Валуа Генрих III (1574—1589) располагал девятью швейцарскими полками.

⁶¹² Чиняков М.К. Королевская гвардия Франции // Воин. 2001. № 9. С. 27.

⁶¹³ Васильев А.А. Честь и верность. Швейцарские гвардейцы при защите французского королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 года // Армии и битвы. 2002. № 1. С. 20.

Своего расцвета на французской королевской службе швейцарцы достигли в царствование Людовика XIV (1643—1715). Количество полков варьировалось от 14 до 22.

Людовик XVI (1776—1792) располагал одиннадцатью полками швейцарской пехоты. Великая Французская революция положила конец существованию швейцарских полков. Все они были расформированы.

На протяжении трехсот лет службы швейцарцев королям Франции расширялись и их привилегии.

При Людовике XIV (1643—1715) на все швейцарские полки были распространены следующие привилегии:

- равные права с французскими частями;
- жалованье на уровне королевской французской гвардии;
- право обучения швейцарских кадетов во французских военно-учебных заведениях;
- получение французского гражданства после семи лет безупречной службы или вследствие тяжелых ранений или увечий на королевской службе;
- разрешение богослужений с обязательным введением в штат полков капеллана;
- девиз на полковые знамена «Честь и верность»;
- подсудность только своим полковым трибуналам. Суд проводился по швейцарским законам, офицерами-швейцарцами. Французская юрисдикция и военное право на швейцарцев не распространялись;
- командование швейцарскими частями осуществляли только офицеры-швейцарцы;
- право ношения красного форменного кафтана (данной привилегией, помимо швейцарцев, пользовались несколько частей гвардии, драгуны и ирландцы)⁶¹⁴.

Таким образом, к началу Великой Французской революции 1789 г. швейцарские полки приобрели целый ряд прав и привилегий, от которых они не собирались отказываться. Они полностью комплектовались уроженцами кантонов и находились под командованием

⁶¹⁴ Rode A. La justice militaire de Louis XIV. P., 1838. P. 87—94; Sellen J. de. Privilèges des troupes suisses au service des rois de France. P., 1891. P. 32—35.

своих офицеров. Трепетное отношение швейцарцев к своим правам и привилегиям стало легендой.

Так, когда в 1521 г. французский король Франциск I не нашел средств рассчитаться со своими швейцарскими гвардейцами, они побросали оружие и ушли, спокойно заявив: «Нет денег, нет и швейцарца!».

Данное выражение стало нарицательным. Зато не было ни одного сражения, в ходе которого швейцарцы бежали бы с поля боя. Они стояли до конца и неоднократно спасали разбитые французские полки от полного истребления. Так было при Неервиндене (1693), Гохштедте (1704), Мальплаке (1709), Фонтенуа (1745) и Россбахе (1757).

С падением Бурбонов служба швейцарцев под французскими знаменами прервалась, но, как оказалось впоследствии, ненадолго. Многочисленные войны, которые вела Французская Республика, а затем и империя, требовали все новых и новых резервов. В 1798 г. французские войска вторглись на территорию Швейцарии и, подавив сопротивление народа, преобразовали ее в Гельветическую республику. Согласно Капитуляции (договору) от 19 декабря 1798 г. Гельветическая республика обязывалась выставить на стороне Франции 18 000 солдат в составе шести полубригад⁶¹⁵. Кроме того, из швейцарских полков на пьемонтской службе в том же 1798 г. было сформировано два гельветических легиона.

Первые два гельветических легиона были созданы 6 ноября 1798 г. в Северной Италии. Они были сформированы из пяти полков Сардинской службы: Беллемонта, Эрнеста, Пейеримхоффа, Бачманна (Бахманна) и Циммерманна. Французы заставили Сардинского короля распустить свои швейцарские полки, — и тут же взяли всех солдат себе на службу. Затем эти два легиона участвовали в битве под Вероной 29 апреля 1799 г., были включены в состав гарнизона Мантуи и защищали эту крепость вплоть до ее капитуляции 28 июля 1799 г. В момент капитуляции многие солдаты-швейцарцы перешли служить в войска Союзников, остальные были отправлены во Францию под честное слово не воевать в течение года. По-видимому, легионы эти в своем прежнем виде возобновлены не были.

⁶¹⁵ *Chapter I. The History and Organization of the Swiss in the Service of France 1789–1815.* L., 1975. P. 4–5.

Гельветические линейные батальоны формировались в шести кантонах из местной милиции. К началу кампании 1799 г. было сформировано всего три батальона. В январе 1800 г. шесть гельветических полубригад были переформированы в три. Ни о каких правах и привилегиях для гельветических частей не было и речи. Чувствуя себя ущемленными, швейцарцы дезертировали тысячами и всячески уклонялись от призыва на службу.

В 1799 г. в результате государственного переворота во Франции утвердилась новая форма правления — консулат. Первым консулом стал выдающийся полководец и государственный деятель, дивизионный генерал Наполеон Бонапарт. В 1804 г. он провозгласил себя императором Франции. К этому времени французское влияние опиралось на созданные под эгидой Бонапарта Итальянскую, Гельветическую и Батавскую республики.

В 1803 г. между Францией и Швейцарской конфедерацией был подписан новый оборонительный и военный договор (27.09). Первый консул объявлял себя медиатором (покровителем и защитником) Швейцарской конфедерации. В соответствии с военным договором Швейцария была обязана выставить на стороне Французской Республики, а с 1804 г. и империи контингент в составе 16 тысяч человек. Франция брала все расходы по содержанию швейцарцев на счет своей казны. Они должны были составить четыре пехотных полка, не считая запаса в 4 тысячи человек и батальона гренадер, пригодных для гвардии⁶¹⁶.

Являясь дальновидным политиком и прагматиком, несмотря на свою авторитарность, Наполеон I прекрасно понимал, что нельзя ломать старые устои и традиции. Император восстановил должность генерал-полковника швейцарцев. С 1803 по 1809 г. ее занимал маршал Ланн, а после его гибели при Асперне в 1809 г. маршал Бертье принц Невшательский.

В договоре 1803 г. четко расписывались права и обязанности сторон. Приведем некоторые из них:

1. Жалованье всех четырех швейцарских полков будет установлено и оплачиваемо так же, как и у линейной французской пехоты...

⁶¹⁶ Вилков А.В. История и униформа 2-го полка швейцарцев (1806–1816) / на правах рукописи. С. 3.

Военные, которые являются частью этой группы войск, будут иметь те же права в пенсии по старости, когда они отслужат время, определенное законом, или когда получат ранение, у Французской Республики.

2. Вербовка в швейцарские полки проводится только на добровольной основе, насильственная вербовка категорически запрещена. Они заключат контракт служить верно Французской Республике в течение 4 лет, и по истечении этого срока они будут иметь право завербоваться вновь на 2, 4, 6 или 8 лет...

5. Каждый полк будет иметь свой административный совет.

6. Швейцарские войска, которые будут на службе у Франции, не будут когда-либо использованы за континентальным регионом Европы.

7. Они сохранят свободное выполнение религии и правосудия. Люди, которые будут под следствием в случае правонарушений или фактов дисциплины, будут осуждены только швейцарским военным судом...

Кроме того, этот договор предусматривал равные права для швейцарских офицеров во французской армии, а также возможность обучения швейцарских студентов в военно-учебных заведениях Франции.

Запрещалось призывать на службу осужденных уголовным судом. Набор рекрутов проводился в строгих возрастных рамках. Новобранец должен был иметь на момент призыва от 18 до 40 лет, быть ростом не менее 5 футов и 2 дюймов (155 см), для вольтижеров 4 фута 9 дюймов (140 см). Кроме того, он был обязан предоставить медицинское свидетельство о годности к прохождению службы⁶¹⁷.

В марте 1812 г. был заключен новый договор, дополнявший старый двумя пунктами:

1. Швейцарское правительство обязывается заменять за свой счет дезертиров по мере того, как они появятся. Будет стараться заменить только тех, которые ушли в первые два года пребывания в депо.

2. Оно обязуется не иметь никаких полков на службе у другой державы, напоминать всем швейцарцам, которые служат за границей

⁶¹⁷ Вилков А. В. Указ. соч. С. 3—4.

и принимать все средства убеждения и власти, чтобы возвратить их в страну⁶¹⁸.

Следует отметить тот факт, что формирование швейцарских полков шло крайне медленно. Только Первый полк принял самое активное участие в кампании 1805 г. в Италии. Он входил в состав корпуса, блокировавшего Венецию, а затем принял участие в битве при Кастель-Франко. С 1806 по 1811 г. первый швейцарский полк находился на неаполитанской службе.

Формирование 2–4-го полков было активно развернуто только в 1806 г. Декрет об их формировании был опубликован 12 сентября 1806 г.

Набор добровольцев проводился во всех кантонах, за исключением полунезависимого кантона Вале и княжества Невшатель, которые самостоятельно выставляли свои контингенты на службу Франции. Согласно данным Шаллера, всего было набрано 144 роты из 19 кантонов⁶¹⁹.

Швейцарским полкам на французской императорской службе было возвращено право ношения красного мундира.

За период 1807–1812 гг. швейцарские полки воевали в Португалии и Испании, а в Отечественной войне 1812 г. приняли участие все четыре швейцарских полка, входивших в состав 9-й пехотной дивизии дивизионного генерала Мерля 2-го корпуса Великой армии.

То, что привилегии, вновь дарованные императором Наполеоном I швейцарским полкам, были блестящим шагом дальновидного политика и военачальника, подтвердили события на Пиринейском полуострове и в России.

Так, летом 1808 г. вся Франция была поражена капитуляцией корпуса одного из талантливейших генералов империи графа Дюпона перед испанцами при Байлене (21–22 июля). Однако никто не удосужился понять, что граф сделал все возможное и невозможное, дабы спасти свои войска, и сложил оружие только после ожесточенного сражения. Среди тех, кто сражался насмерть и стоял до конца наравне с моряками Старой императорской гвардии и гвардией Парижа, был

⁶¹⁸ *Chapter I. The History and Organization of the Swiss in the Service of France 1789–1815. L., 1975. P. 6.*

⁶¹⁹ *Schaller H. Histoire des Troupes suisses. Lousanne, 1882. S. 38.*

и второй батальон четвертого швейцарского полка под командованием шефа батальона Кристена из Унтервальдена. Это был очень опытный и знающий офицер⁶²⁰.

«Основная часть корпуса состояла из 19-летних новобранцев, плохо обученных, непривычных к длительным переходам. Они плохо перенесли поход от Пиренеев до Толедо. Застигнутые врасплох суровой кастильской зимой, молодые солдаты, без шинелей, покрывали улицы отставшими от своих частей людьми и заполняли госпитали.

Среди этих плохо подготовленных войск было несколько элитных подразделений, которые выделялись прекрасной выучкой и своей сплоченностью: это были солдаты гвардии Парижа, моряки императорской гвардии и три швейцарских батальона из 2-го, 3-го и 4-го полков, “солдат, пользующихся доброй славой, выносливых и храбрых”, которые прослужили более пяти лет.

Наряду с корпоративным духом и со своей традиционной дисциплиной, они проявили терпение в испытаниях»⁶²¹.

В четыре часа утра 19 июля 1808 г. с восходом солнца генерал Дюпон прибыл на позиции своего авангарда, недалеко от Байлена. Спустя тридцать минут началось сражение, в ходе которого второй батальон четвертого швейцарского полка покрыл себя не только неуязвимой славой, но и увидел предательство своих товарищей, находившихся на службе короля Испании Хосе I Бонапарта (1808—1814).

После семи часов битвы на сорокоградусной жаре и участия в трех бесплодных атаках генерал Дюпон созвал военный совет и принял решение ввести в бой части императорской гвардии, еще не бывшие в деле, то есть свой последний резерв. Генералам же было предложено возглавить эту решающую атаку, в которой должны были принять участие полки швейцарских «афранчесадос» и батальон «французских» швейцарцев, остатки пехоты и кавалерии бригады Дюпре.

В полдень гвардейские моряки и парижская гвардия с грозными криками «Да здравствует Император!» пошли вперед, но и это не принесло Дюпону успеха. Возглавлявшие атаку гвардейские моряки

⁶²⁰ Ibid. S. 35.

⁶²¹ La bataille de Baylen, 19 juillet 1808. Les troupes suisses au service de l'Empire // <http://www.michweb.ch>

в экстравагантных синих куртках, похожих на доломаны гусар, и в золоченых киверах с огромными красными султанами, хотя и дошли до самых испанских батарей и даже захватили два орудия, но были фактически стерты с лица земли испанскими пулями и картечью. Гибель элитных частей французской армии была и ужасна, и прекрасна одновременно.

Наконец, в 12:30 то, что должно было рано или поздно произойти, произошло. «Франко-испанские» швейцарцы натолкнулись на «испанских» швейцарцев.

Шесть «франко-испанских» швейцарских рот остановили свое продвижение и перестали стрелять. Раздались крики: «Стойте! Мы тоже швейцарцы и не хотим воевать против своих!» Со стороны испанских позиций слышалось примерно то же самое. Началось братание, в результате которого швейцарские части Пре и Рединга Младшего отказались драться против своих соотечественников и перешли на сторону испанцев. В этом, на мой взгляд, не было ничего удивительного, ибо всего три месяца назад эти два полка верой и правдой служили испанским Бурбонам.

Но в предательстве обвинили и второй батальон 4-го швейцарского полка на французской императорской службе. Это мнение намертво вошло в историю наполеоновских войн. А что же было на самом деле?

«Когда наши земляки с криками бросились навстречу испанцам, мы остолбенели. Наш обескровленный батальон сократился втрое. Мертвые ребята лежали на этих дьявольских склонах, другие со стонами зывали о помощи... Наш капитан, получивший две раны, повернул к строю свое окровавленное лицо: “Ребята, стоять. Стоять насмерть!”...»

Только несколько трусов покинули строй и сдались испанцам. Остальные молча смыкали ряды под огнем вражеских пушек»⁶²².

Вскоре из всех наемников под знаменами Дюпона осталось лишь примерно сто семьдесят человек. Это уже был удар ниже пояса. Однако это и было все, что осталось от 2-го батальона 4-го швейцарского полка.

⁶²² Die Sweitzer Soldaten in Spanien 1808—1811. Brief und Memoiren. Zürich, 1908. S. 21—23.

Известный швейцарский военный историк профессор Х. Р. Фурер в своей статье дает такую оценку действиям швейцарцев при Байлене: «Позор сдачи двух швейцарских полков испанским частям Рединга не должен бросать тень на верность долгу и присяге солдат и офицеров 4-го полка, сделавших в этой битве все возможное и невозможное для достижения победы»⁶²³.

Стойкость, мужество и преданность долгу продемонстрировала швейцарская дивизия и в битве на Березине в ноябре 1812 г.

Участник сражения, капитан второго швейцарского полка Луи Бего так описывал увиденное им в тот роковой день: «Наполеон уже не был тем великим императором, которого я видел в Тюильри; у него был усталый и беспокойный вид. Я его вижу как сейчас, в его знаменитом сером сюртуке. Он крайне медленно взобрался на коня и объехал весь 2-й корпус Удино. Следя за ним глазами, я увидел, как он остановился перед 1-м швейцарским полком и стал внимательно смотреть на противоположный берег. Мой друг, капитан Рей, имел возможность встать налюбоваться им... Время от времени он брался за свою зрительную трубу. Зная о движении русской армии, шедшей форсированным маршем от берегов Днепра, он опасался быть отрезанным и попасть во власть неприятеля, который намеревался нас окружить сразу с трех сторон прежде, чем были закончены мосты. Не знаю, быть может я ошибаюсь, но мне кажется, что это мгновение было одним из самых ужасных в его жизни. Лицо его, однако, не обнаруживало волнения: на нем можно было заметить лишь нетерпение»⁶²⁴.

Наблюдения капитана Луи Бего подтверждаются и воспоминаниями капитана 1-го швейцарского полка Россле. При этом оба швейцарских офицера описывают разговор между императором и генералом Эбле, руководившим наведением переправы. Император требовал ускорить работы, несмотря ни на какие трудности. Практически никто из тех, кто, стоя по горло в ледяной воде, наводил мосты, не выжил. Березина стала памятником мужества французских понтонеров.

«К часу дня мост для пехоты был готов. Первым его пересек взвод французской легкой пехоты и саперы для устройства дороги

⁶²³ *Fuhrer H. R.* Die Zweitzer auf ausländische Dienst. Zürich, 1984. S. 67.

⁶²⁴ *Begos L.* Souvenirs des campagnes. Lousanne, 1859. S. 164–165.

на правом берегу. Хотя первыми должны были переправиться войска Удино, они оказались еще не собранными, реку форсировала кавалерия Домбровского: 2-й и 7-й уланские, затем кав. бригада Кастекса, направленные к Брилям, для поддержки передовых войск. Вслед за тем дошла очередь до Удино. Несмотря на непрочное сооружение, маршалу удалось даже переправить два орудия с несколькими зарядными и патронными ящиками. Кирасиры Думерка переходили мост пешком, держа лошадей под уздцы. Первой переправилась 6-я пехотная дивизия Леграна, находившаяся в прекрасном состоянии. Войска приветствовали своего вождя кличем: «Да здравствует император!»⁶²⁵.

Самой последней через реку переправлялась 9-я пехотная дивизия, в состав которой входили и швейцарские полки. Когда они стали проходить мимо императора, он спросил у генерала Мерля: «Вы довольны швейцарцами?».

«Да, Сир, если швейцарцы атакуют с тем же мужеством, с каким они умеют обороняться, Ваше Величество будет довольно».

«Да, я знаю, это доблестные солдаты»⁶²⁶.

«26-го в час пополудни мы получили приказ двинуться, и сами также очутились у входа на мост, на этот хрупкий мост, где я опять увидел Наполеона в той же позе, в какой я его оставил, таким же задумчивым и молчаливым, не обращавшим на нас никакого внимания, хотя мы все повторяли, подходя к нему, тот же возглас, которым он, по-видимому, нимало не интересовался»⁶²⁷.

«Утром 28 ноября войска маршалов Удино (2-й армейский корпус, около 9300 человек) и Нея (3-й армейский корпус, около 5400 человек), а в общей сложности не более 10 000 боеспособных солдат, должны были защищать, развернувшись в две линии, главную дорогу на Стахов, упираясь флангами в лес и деревню Брили.

2-й армейский корпус встал в первой линии, в направлении Стахова, на его левом фланге развернулась 9-я дивизия Мерля в следующем порядке: 2-я бригада Кондра в составе 1-го и 2-го швейцарских полков прикрывала проселочную дорогу Стахов—Брили,

⁶²⁵ *Васильев И.В.* Указ. соч. С. 198.

⁶²⁶ *Schaller H.* Op. cit. S. 135.

⁶²⁷ *Васильев И.В.* Указ. соч. С. 198.

рядом 3-я бригада Амея (3-й швейцарский полк) и 123-й линейный полк (голландский), кроатский полк получил приказ прикрывать 9-тиорудийную батарею на небольшом пригорке, а рядом с ним встал 4-й швейцарский полк, 6-я и 8-я дивизии расположились правее, легкая кавалерия на крайнем правом фланге на дороге в Зембин, кавалерийская дивизия Думерка в резерве»⁶²⁸.

Утро 16(28) ноября 1812 г. выдалось снежным, морозным и пасмурным. В легких шинелях и походных штанах швейцарские солдаты страдали от холода. К этому времени в рядах дивизии Мерля оставалось всего две тысячи человек.

Выполняя приказ, швейцарцы выдвинули вперед цепи вольтижеров. За ними в батальонных колоннах встали роты линейной пехоты. Примерно в семь часов утра раздались первые выстрелы русской артиллерии, и сражение закипело по всему фронту. Незадолго до этого момента лейтенант 1-го швейцарского полка Томас Леглер (Гларус) запел сочиненную им накануне песню, которая вошла в историю Швейцарии как «Песня о Березине» и чуть не стала национальным гимном этой страны.

Попав под шквальный огонь русских батарей, швейцарцы приняли вправо и, войдя в лес, столкнулись с неприятельскими егерями. «Наутро мы получили приказ идти по шоссе, которое вело в Борисов и в этом месте проходило через лес. Русские, имевшие с этого времени предполагать, что переход совершится на этом пункте, направили туда значительные силы... и их артиллерия сметала все, что расположилось на дороге. Мы были вынуждены кинуться в лес, в то время как наша артиллерия расположилась на дороге, чтобы противостоять неприятельской. Здесь завязался на целый день отчаянный бой. Мы развернули туда нашу линию, несмотря на все затруднения, представляемые лесом, и, продвигаясь вперед, скоро повстречались с неприятелем... Русские употребили на этом пункте все свои усилия, чтобы отбросить нас, в то время как мы не давали им ходу»⁶²⁹.

⁶²⁸ *Maag*. Sweizer Soldat in der Kriegsgeschichte. Bern, 1911. S. 284. Кроме того, согласно данным этого источника, в составе швейцарских полков к началу сражения было 1100–1200 человек, т.е. не более 200–300 активных штыков в каждом полку.

⁶²⁹ *Васютинский А.М. и др.* Французы в России в 1812 году по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 3. М., 1912. С. 195.

Завязался кровопролитный бой. Несмотря на невероятные усилия солдаты Мерля, обойденные с правого фланга, стали медленно отходить к переправе в районе Брилей. «Швейцарцы оказались от переправы всего лишь на расстоянии ружейного выстрела. А сражавшиеся на правом фланге 1-й и 4-й полки находились почти на уровне мостов. Командир 1-го швейцарского полка Блатман был сражен пулей в грудь. В условиях лесистой местности единого руководства боем с обеих сторон не существовало. Сражение рассыпалось на ряд отдельных схваток»⁶³⁰. Практически все высшие и старшие офицеры, руководившие боем, были ранены. Среди них был и маршал Удино.

На помощь швейцарцам подошли польские части и в первую очередь Легион Вислы. Лихой атакой поляки исправили положение, но затем, увлекшись, они, попав под огонь неприятельских орудий, пехоты и кавалерии, были вынуждены податься назад.

Император приказал контратаковать противника кирасирам Думерка. Их атака была блестящей из-за грубой ошибки генерала Сабанеева, приказавшего большинству русских полков действовать в стрелковых цепях. Однако и французская кавалерия не переломила ход битвы. Русская пехота и кавалерия упрямо шли вперед.

К этому времени у швейцарцев практически кончились патроны. Адьютант второго швейцарского полка Луи Бего приказал отправиться за патронами в тыл унтер-офицеру Барбю, но тот был убит, второй посланец получил тяжелое ранение. В сложившейся ситуации командир полка отдал приказ отбиваться штыками.

«В это время лейтенант Леглер услышал за своей спиной раздраженный голос командира дивизии: “Почему ослаб огонь?” “Нет патронов” — ответил храбрый швейцарец. Он подошел к генералу Мерлю и, указывая на массу кавалеристов противника, находившихся в 200 шагах от фронта, обратился к командиру дивизии: “Мой генерал, вы видите, что здесь фронт обороняет всего 300 человек, у которых нет патронов; но возможно мы сможем устоять, если вы распорядитесь атаковать в штыки?” “Хорошо, мой друг, отправляйтесь, пожалуйста, вдоль линии и распорядитесь от моего имени, что я приказал атаковать в штыки, сделаем энергичную атаку”.

⁶³⁰ *Васильев И.Н.* Несколько громких ударов по хвосту тигра. М., 2001. С. 251.

Леглер подъехал к капитану Цингу, принявшему командование 1-м полком после смерти Блатмана, и передал ему приказ. “Слушай приказ командира дивизии! — прокричал сквозь грохот канонады Цинг своим подчиненным. — Штыковая атака! Барабанщики, выбивайте сигнал атаки!”.

Вместе с батальонами Цинга в атаку пошел и полк Вандервейда⁶³¹. Швейцарские полки опрокинули русскую пехоту. Однако их фронт вскоре был прорван Павлоградским гусарским полком.

Русская пехота и кавалерия медленно теснили швейцарцев к переправам. В ходе схватки пал командир второго швейцарского полка шеф батальона де Вандервейд. Пуля попала ему в горло. Его тут же в снегу захоронили лейтенанты Бауман и Монеи. Вскоре после гибели Блатмана был убит и командир бригады бригадный генерал Кондра. Командование возглавил бывший командир 1-го швейцарского полка полковник Рогетти. Тяжелое ранение получил бригадный генерал Амей. Командир 3-го швейцарского полка шеф батальона Вальтнер упал под ноги своих подчиненных с оторванной головой, капитан Цинг также погиб. Шеф батальона Имтурн был вынесен с поля боя на скрещенных ружьях с перебитыми ногами. Измотанные тяжелым сражением и голодом, швейцарцы стояли насмерть. Одному из унтер-офицеров удалось прорваться к своим соотечественникам с патронным ящиком. Солдаты выбегали из строя и, быстро набив сумы и карманы патронами, возвращались обратно. Второй полк возглавил капитан Луи Бего. Солдаты отбили семь атак неприятельской пехоты и кавалерии. В ходе схватки были ранены два офицера-знаменосца. Вся поляна была усеяна грудями трупов.

«Бомбардировка не прекращалась. В лесу с шумом падали громадные деревья. Прибавьте к этому крики раненых и ужас тех, которые уцелели, при виде того, как падают сраженные ядрами их соседи; а потом падают и они сами, в тот момент, когда считают себя уже вне опасности. Нужно самому видеть это ужасное зрелище для того, чтобы представить себе его!»⁶³². Сам Бего также получил ранение в ходе этого боя.

⁶³¹ *Maag*. Schweizer Soldat in der Kriegsgeschichte. Bern, 1911. S. 287.

⁶³² Французы в России... Ч. 3. С. 215.

Лишь под вечер остатки швейцарских полков, всего около 300 человек, были отведены в тыл к деревне Занивки. В каждом из швейцарских полков к концу этого кровавого дня осталось по 60—100 человек. Так, в 4-м швейцарском полку в гренадерской роте Шаллера — 6 человек, в вольтижерской роте Ландоля — 2 человека, в ротах центра — не более 20 человек.

«Храбрые швейцарцы, вы все заслужили крест Почетного легиона. Я доложу об этом в рапорте императору», — сказал, проезжая через их лагерь, генерал Мерль. Император крайне высоко оценил действия швейцарских полков в битве на Березине. 62 человека стали кавалерами ордена Почетного легиона. Среди них 13 офицеров и 4 унтер-офицера первого полка, 13 офицеров и 4 унтер-офицера второго полка, 11 офицеров и 4 унтер-офицера третьего полка, а также 9 офицеров и 4 унтер-офицера из четвертого полка⁶³³.

В ходе сражения второй швейцарский полк потерял убитыми — шефа батальона, 3 капитанов, 3 первых лейтенантов, 5 вторых лейтенантов; ранеными — капитана, 5 первых лейтенантов, 2 вторых лейтенантов.

Остатки швейцарских полков отошли на территорию Германии. Так как швейцарцы отступали крайне организованно и сплоченно, то их части сохранили профессиональное ядро. Согласно рапорту полковника д'Аффри, на 1 января 1813 г. в его распоряжение прибыло 43 человека из 4-го полка во главе с капитаном Блеулером, которые вынесли все знамена швейцарских полков из России, 11 человек из 1-го полка во главе с капитаном Рессле, 87 человек из 3-го полка с капитаном Тейлером и 70 человек из 2-го полка, приведенных капитаном Рюска⁶³⁴.

Таким образом, жертвенность и стойкость швейцарских полков позволили императору спасти остатки Великой армии и продолжить отступление.

Достаточно большая группа швейцарских солдат и офицеров сохранила верность императору Наполеону I и в период «Ста дней». Они составили второй иностранный (швейцарский полк). В него вошли 87 ветеранов второго швейцарского полка, 92 из третьего и 91 из чет-

⁶³³ Schaller H. Op. cit. S. 140—141.

⁶³⁴ Ibid. S. 151.

вертого швейцарского полков⁶³⁵. Данная часть приняла участие в сражениях при Линьи и Вавре (1815), но на поле Ватерлоо произошла катастрофа, которая привела к повторному отречению императора от престола. Во Франции вновь воцарился «добрый» король Людовик XVIII. Одним из первых декретов короля второй иностранный (швейцарский) полк был расформирован. Так закончилась история службы швейцарцев под знаменами императорской Франции.

Таким образом, император Наполеон, вернув швейцарцам все права и привилегии, полученные ими за верную службу его предшественникам, смог привлечь на свою сторону достаточно большую группу сторонников и тем самым обеспечил себе поступление под его знамена граждан Конфедерации.

В свою очередь, швейцарцы в условиях авторитарной наполеоновской империи смогли сохранить свои права, внутреннюю автономию и национальную самобытность, что является безусловным достижением.

Участие донских казаков в войне России и Австрии с наполеоновской Францией в 1805 г.

Мезенцев Евгений Вячеславович

К 1805 г. мужское население Войска Донского насчитывало 116 тыс. казаков, причем число взрослых казаков, годных к службе, составляло 44 тыс. чел., из которых формировалось 80–86 донских полков⁶³⁶.

В 1805 г. Александр I планировал привлечь к войне против Наполеона 19,5 тыс. донских казаков, т.е. 42% от их общего количества. Но из-за быстрого окончания войны участие в боевых действиях успели принять лишь 5,5 тыс. донцов (12%)⁶³⁷.

⁶³⁵ Chapter I. Op. cit. P. 12.

⁶³⁶ Сапожников А.И. Войско Донское в наполеоновских войнах: кампании 1805–1807 гг. М., 2008. С. 23, 30.

⁶³⁷ Там же. С. 37.

По договоренности с союзниками — Англией и Австрией царь обязался выставить для войны с Францией не менее 180 тыс. солдат, разделенных на 6 армий и корпусов. В состав 50-тысячной Подольской армии М.И. Кутузова было назначено поначалу 6 донских казачьих полков, но фактически отправилось в поход лишь 4: войскового старшины Дмитрия Михайловича Киселева 2-го и подполковников Алексея Гавриловича Сысоева 1-го, Василия Егоровича Ханженкова 1-го и Аркадия Ивановича Исаева 3-го⁶³⁸.

В 27-тыс. Волынский корпус генерала Ф.Ф. Буксгевдена было включено 4 донских казачьих полка: полковника Гордеева 1-го Петра Михайловича, подполковника Денисова 14-го Петра Григорьевича и войсковых старшин Малахова 1-го Тимофея Андреевича и Мелентьева 3-го Федора Федоровича⁶³⁹. В другие войсковые группировки (Северную и Литовскую армии и в Померанский, Ионический и Резервный корпуса) было назначено 28,5 донских казачьих полков, но из них 22 еще находились на Дону и только 16 (28) сентября 1805 г. отправились в назначенные им армии, явно запаздывая с мобилизацией⁶⁴⁰.

В итоге всех этих проволочек из указанных 28,5 полков только 2,5 полка, входивших в Померанский корпус (И.И. Фролова 1-го, М.А. Протопопова 1-го и две сотни полка А.Д. Грекова 17-го), приняли участие в нескольких небольших стычках с французами в Ганновере⁶⁴¹. Да и сам войсковой атаман М.И. Платов и его Атаманский полк выступили с Дона в действующую армию с опозданием на месяц, в результате чего не успели к Аустерлицкому сражению⁶⁴². Таким образом, в боевых действиях на территории Австрийской империи успели принять участие лишь 8 донских казачьих полков Подольской

⁶³⁸ Там же. С. 44–45; М.И. Кутузов. Документы... Т. 2. М., 1951. С. 534.

⁶³⁹ Сапожников А.И. Указ. соч. С. 45.

⁶⁴⁰ Там же. С. 44, 45; ВПР. Т. 2. М., 1961. С. 323; РГВИА, ф. 13, оп. 2/100, св. 178, д. 152, л. 454–458.

⁶⁴¹ Сапожников А.И. Указ. соч. С. 63–66; Соколов О.В. Аустерлиц... Т. 2. М., 2006. С. 180; Санкт-Петербургские ведомости за I половину 1806 года. С. 26, 38; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 256–264; Мезенцев Е.В. Указ. соч. С. 95, 257.

⁶⁴² Мезенцев Е.В. Указ. соч. С. 95, 257.

армии Кутузова и Волынского корпуса Буксгевдена. Их действия мы и рассмотрим.

Для движения за границу Подольская армия в начале августа 1805 г. была сформирована в 6 дивизий («колонн»), в каждую из которых было включено по одному казачьему полку. Однако 13 (25) августа 1805 г. в день выступления 1-й колонны Подольской армии за границу в пределы Австрии 3 донских казачьих полка (А.Е. Грекова 9-го, Т.Д. Грекова 18-го и П.Х. Кирсанова) внезапно были остановлены и получили приказ перейти в состав других русских армий. В итоге в Австрию в составе Подольской армии отправилось всего 3 казачьих полка: В.Е. Ханженкова 1-го, А.Г. Сысоева 1-го и Д.М. Киселева 2-го, к которым затем присоединился полк А.И. Исаева 3-го⁶⁴³.

По прибытии Кутузова в Браунау на австро-баварскую границу он имел уже при себе часть казаков, о чем свидетельствуют донесения Наполеону французского шпиона Карла Шульмейстера из Браунау⁶⁴⁴.

Поскольку в послужных списках казачьих офицеров полков Сысоева и Ханженкова записи об участии в боевых действиях начинаются лишь с 3 (15) ноября 1805 г., ясно, что до этого данные полки в боях с французами не участвовали⁶⁴⁵. Следовательно, они прибыли к армии уже после Кремской битвы, поскольку допущение, что эти казаки могли отступать от Браунау до Шенграбена, находясь все время в резерве и не участвуя в боях, немыслимо, так как в услугах малочисленных казаков очень нуждались, хотя бы для разведки. Догонявший же армию полк Исаева присоединился к ней тоже уже после Кремса⁶⁴⁶.

Следовательно, в Браунау прибыл казачий полк Киселева, и именно он должен был принимать участие почти во всех стычках и боях от Браунау до Кремса, поскольку других казаков при армии в это время не было, а для аванпостной службы и разведки казачьи услуги были действительно необходимы.

⁶⁴³ М.И. Кутузов. Документы. Т. 2. М., 1951. С. 19–20, 30–34, 37–38; Сапожников А.И. Указ. соч. С. 46, 62.

⁶⁴⁴ Из истории военной разведки. М., 1991. С. 98.

⁶⁴⁵ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3640, л. 2–52; Сапожников А.И. Указ. соч. С. 50.

⁶⁴⁶ РГВИА, ф. 26, оп. 1, д. 6, л. 14–15; ф. 471, оп. 1, д. 12, л. 7–8, 10–12.

При Амштетене казаки, по словам очевидцев, два раза удачно атаковали вместе с гусарами французскую кавалерию и опрокидывали ее, а накануне Кремской битвы донцы Киселева вместе с егерями поймали в виноградниках 40 французских разведчиков из корпуса Мортье и доставили их в штаб Кутузова⁶⁴⁷. Причем сделали они это, видимо, в пешем строю, поскольку местность у Кремса была неудобна для действий кавалерии⁶⁴⁸.

При Шенграбене впервые появляются казачьи полки Сысоева, Ханженкова и Исаева. Они сперва стояли на аванпостах, а затем отошли на фланги багратионовского отряда: Сысоев — на правое крыло, встав рядом с черниговскими драгунами, Ханженков и Исаев — на левое, примкнув к павлоградским гусарам⁶⁴⁹.

На левом русском крыле маршалу Ланну удалось атакой кавалерии сразу отрезать стоявший у села Вейкерсдорф крайний казачий полк Исаева, который вынужден был отступить к Цнайму другой дорогой. Поскольку этот полк фактически не успел принять участия в шенграбенском бою, он не получил георгиевского знамени и обычно не упоминается в описаниях этого сражения⁶⁵⁰.

Казаки Ханженкова вместе с павлоградскими гусарами продержались несколько дольше, проведя пару атак на французскую конницу и пехоту и нанеся врагам некоторый урон, но затем также были отсечены от основных сил арьергарда и тоже отошли к Цнайму другой дорогой. Поэтому хотя полк Ханженкова и получил георгиевский штандарт, но ни один из офицеров полка не был награжден, не успев отличиться чем-то особенным⁶⁵¹.

⁶⁴⁷ Буковский И. Г. Фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858. С. 18, 32, 35, 36.

⁶⁴⁸ Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799—1805 гг. Т. 1. М., 2006. С. 240.

⁶⁴⁹ РГВИА, ф. 26, оп. 1, д. 6, л. 14—15; ф. 471, оп. 1, д. 12, л. 7—8, 10—12; Сапожников А. И. Указ. соч. С. 48—49, 53, 54, 55; Сражение при Шенграбене... С. 353—354.

⁶⁵⁰ РГВИА, ф. 26, оп. 1, д. 672, л. 1—2; Сражение при Шенграбене... С. 355, 362, 365.

⁶⁵¹ Там же. С. 362, 365; Ермолов А. П. Записки... С. 49; Сапожников А. И. Указ. соч. С. 49.

Зато очень отличился донской полк Сысоева, который находился в составе багратионовского арьергарда в течение всего сражения.

Некоторые историки путают А.Г. Сысоева 1-го с его более знаменитым сыном — В.А. Сысоевым 3-м и полагают, что при Шенграбене полком командовал В.А. Сысоев 3-й. Хотя донской историк М.С. Жиров еще в начале XX в. установил истину⁶⁵², некоторые исследователи, например В.М. Безотосный и О.В. Соколов, до сих пор повторяют старую ошибку⁶⁵³.

А.И. Сапожников же полагает, вероятно, что В.А. Сысоев 3-й в 1805 г. и позднее служил в полку отца, будучи его заместителем, почему в феврале 1807 г. по выходе отца в отставку и принял полк от отца под свою команду⁶⁵⁴. Однако послужные списки офицеров полка А.Г. Сысоева 1-го за 1805 г. ясно показывают, что В.А. Сысоева 3-го среди них не было⁶⁵⁵. Из других же архивных документов видно, что по достижении в 1798 г. чина войскового старшины, дающего право на командование полком, В.А. Сысоев 3-й получил под команду собственный полк⁶⁵⁶. Таким образом, отец и сын командовали разными полками.

В Шенграбенском бою полк Сысоева 1-го сначала ходил в атаку вместе с черниговскими драгунами на французскую конницу и пехоту, а затем вместе с егерями прикрывал отступление багратионовского отряда⁶⁵⁷. У деревни Грунт французским пешим стрелкам удалось обойти русских, перерезав им путь отхода. Тогда по приказу Сысоева суворовский ветеран есаул Е.А. Попов 19-й, пять лет носивший в левом бедре французскую пулю, полученную в Альпах, дерзко бросился

⁶⁵² Терновский К. Наши полковые знамена // Донские областные ведомости. 1906. № 91. С. 3.

⁶⁵³ Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М., 1999. С. 177.

⁶⁵⁴ Сапожников А.И. Указ. соч. С. 51.

⁶⁵⁵ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3640, л. 1–52.

⁶⁵⁶ Там же, ф. 407, оп. 1, д. 2974, л. 48.

⁶⁵⁷ РГВИА, ф. ВУА, д. 3124, л. 88 об.; Там же, ф. 26, оп. 1, д. 670, л. 17, 20; д. 672, л. 106; д. 673, л. 11; Сражение при Шенграбене. Отрывок из походного журнала 1805 года // Отечественные записки. 1823. Ч. 13. № 35. С. 362, 365; Pascal A. Les bulletins de la Grande Armee. Т. 3. Р., 1842. Р. 157; Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 49.

на врагов во главе трех сотен казаков. Через рвы, наполненные водою, и кустарники он «с сильным стремлением на неприятеля вдарил в конном строю и обратил в бегство, очистив дорогу»⁶⁵⁸.

За свои подвиги при Шенграбене донцы Сысоева были довольно щедро награждены: 5 офицеров (есаулы Е.А. Попов 19-й и Д.А. Быкадоров и хорунжие И.И. Жиров, Я.П. Мордовин и Ф.С. Щучкин) получили орден св. Анны III ст., а сам Сысоев 1-й — орден св. Владимира IV ст. с бантом⁶⁵⁹.

Рядовые же казаки получили не менее 15 знаков отличия ордена св. Анны (солдатских анненских медалей)⁶⁶⁰. Кроме того все участники боя получили отчеканенную по царскому приказу памятную медаль с надписью «Пять против тридцати»⁶⁶¹. Наконец, царским указом от 15 (27) ноября 1805 г. для всех полков, участвовавших в Шенграбенском сражении, была учреждена коллективная награда — почетные георгиевские знамена.

Для казаков (по одному на полк) такие знамена были изготовлены только в январе 1807 г., а в полки высланы лишь в октябре при царской грамоте от 27 сентября 1807 г.⁶⁶²

Любопытно, что к столетию шенграбенского боя в 1905 г. правительство Австрии за свой счет поставило на месте побоища величественный памятник бесстрашному русскому отряду, в т.ч. и героям-казакам⁶⁶³.

Продолжая отходить, Кутузов 6 (18) ноября соединился в Брюнне с отступавшим от Вены 13-тыс. австрийским корпусом И. Лихтенштейна, а 7 (19) ноября у Вишау с первой 14-тыс. колонной корпуса Буксгевдена⁶⁶⁴. Отступив еще немного, Михаил Илларионович 10 (22) ноября в Ольшанах близ Ольмюца (Оломоуца) встретился со второй

⁶⁵⁸ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3640, л. 4.

⁶⁵⁹ Донцы XIX века. Ростов н/Д, 2003. С. 461; Сапожников А.И. Указ. соч. С. 49.

⁶⁶⁰ М.И. Кутузов. Документы... С. 172.

⁶⁶¹ *Amort C. Kutuzov a Napoleon na Morave. Praha, 1971. S. 58.*

⁶⁶² М.И. Кутузов. Документы... С. 220, 278; РГВИА, ф. 471, д. 12, л. 7–8, 10, 12.

⁶⁶³ РГВИА, ф. 471, оп. 1, д. 12, л. 1.

⁶⁶⁴ АВПРИ, ф. 132. 1806 г., оп. 724, д. 32, л. 21; Документы штаба М.И. Кутузова... С. 122–124; Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 552, 567.

13-тыс. колонной корпуса Буксгевдена, а 12 (24) — 14 (26) ноября туда прибыла из Петербурга и русская гвардия, в составе которой находился лейб-казачий полк из 2 сотен донцов. Теперь в составе австро-русской армии стало 9 казачьих полков⁶⁶⁵.

Во время отступления Кутузова к Оломоуцу у Раусница между русским 6-тыс. арьергардом под командой Багратиона и французским 14-тыс. авангардом под началом Мюрата произошел 8 (20) ноября 1805 г. еще один бой, в котором с нашей стороны приняли участие 4 казачьих полка: Сысоева 1-го, Ханженкова 1-го, Малахова 1-го и Киселева 2-го⁶⁶⁶. По свидетельствам местных моравских жителей, казаки при Рауснице при помощи гусар и драгун уничтожили 2 французских конных полка и нагнали на врагов такого страха, что они всю ночь провели в тревоге, ожидая нападения донцов⁶⁶⁷.

Особенно отличился в Раусницком бою опять полк Сысоева, захвативший в плен 1 обер-офицера, 1 унтер-офицера и 29 рядовых французов, из них 11 пленных взял есаул Е.А. Попов 19-й, отряженный с сотней на левый фланг, где опрокинул 3 вражеских эскадрона⁶⁶⁸. Вероятно, он смял их с помощью двух эскадронов санкт-петербургских драгун под командой майора И.Ф. Гернгросса, которые в этот момент атаковали 11-й драгунский полк врага из 3 эскадронов, отняв у них штандарт⁶⁶⁹.

Неприятельского унтер-офицера схватил урядник Степан Иванович Попов⁶⁷⁰, а французского офицера пленил какой-то рядовой казак, имя которого осталось неизвестным. Царь велел разыскать героя и вручить ему от своего имени 50 голландских червонцев (150

⁶⁶⁵ Документы штаба М.И. Кутузова... С. 179, 181, 185, 193, 200; *Бутовский И.Г.* Указ. соч. С. 27–28; *Керновский А.А.* История русской армии. Т. 1. М., 1991. С. 204.

⁶⁶⁶ *Сапожников А.И.* Указ. соч. С. 55.

⁶⁶⁷ Юрий Лейнар. Воспоминания горожанина Брно (на чеш. яз.) // *Bitva u Slavkova a Valka Roku 1805. Trebic*, 2005. S. 176.

⁶⁶⁸ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3640, л. 2, 4.

⁶⁶⁹ АВПРИ, ф. 121, 1806 г., оп. 724, д. 32, л. 22; М.И. Кутузов. Документы... С. 187, 214.

⁶⁷⁰ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3640, л. 42.

рублей серебром)⁶⁷¹ не только за доблесть, но и за милосердие к пленнику, так как скромный герой «ничего от него себе в добычу не взял, даже и денег, кои он ему предлагал»⁶⁷². Примечательно, что, захватив при Рауснице 30 пленных и убив, вероятно, не меньшее количество врагов⁶⁷³, полк Сысоева сам потерял всего 5 бойцов: двух убитыми (есаул Быструлев и один рядовой казак) и трех ранеными (есаул Быкадоров и два рядовых донца)⁶⁷⁴. Такая ситуация была типичной в ходе всех войн России с республиканской, а затем наполеоновской Францией: нанося противнику значительный урон, сами казаки почти всегда теряли в несколько раз меньше бойцов!⁶⁷⁵

Тем временем на военном совете в Ольмюце Александр I, поддержанный своими «молодыми друзьями» из царской свиты и частью австрийского генерального штаба, настоял на немедленном переходе в контрнаступление. Кутузов предлагал повременить с этим хотя бы до подхода корпуса Эссена 1-го, в состав которого входило 3 донских казачьих полка (походного атамана подполковника Д.Р. Андропова, майора И.И. Андриянова 2-го и войскового старшины Х.П. Кирсанова), но его не послушали⁶⁷⁶.

При переходе австро-русской армии в контрнаступление от Ольшан к Брюнну близ Вишау произошел 16 (28) ноября 1805 г. крупный бой между русским авангардом под началом Багратиона и авангардом французским под началом Мюрата. В этом столкновении приняло участие 5 донских казачьих полков: Малахова 1-го, Сысоева 1-го, Гордеева 1-го, Киселева 2-го и Исаева 3-го⁶⁷⁷.

⁶⁷¹ РГВИА, ф. 26, оп. 1, д. 670, л. 20; Документы штаба М.И. Кутузова... С. 182.

⁶⁷² М.И. Кутузов. Документы... С. 187.

⁶⁷³ Сапожников А.И. Указ. соч. С. 108, 109, 113, 121, 122, 234, 258 и др. (на этих страницах приводятся сведения, что в войну 1806–1807 гг. казаки в боях обычно убивали французов в 2–3 раза больше, чем брали в плен).

⁶⁷⁴ Документы штаба М.И. Кутузова... С. 179–181.

⁶⁷⁵ См. об этом, например: Сапожников А.И. Указ. соч. С. 121–122, 234.

⁶⁷⁶ Сапожников А.И. Указ. соч. С. 62; Мезенцев Е.В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М., 2008. С. 156–158.

⁶⁷⁷ Сапожников А.И. Указ. соч. С. 57.

В ходе боя и преследования отступающей вражеской кавалерии казакам при содействии павлоградских и мариупольских гусар удалось поочередно окружить и пленить два французских эскадрона, а третий эскадрон они взяли в плен самостоятельно⁶⁷⁸.

Из 500 нижних чинов, взятых в плен при Вишау, казаки, вероятно, захватили не менее половины⁶⁷⁹. В этом бою наряду с сысоевцами особенно отличился донской полк Малахова, которым по случаю ранения при Рауснице командира руководил есаул М.А. Капылков. Он и сотник Е.Л. Семилетов — оба участники Итальянского и Швейцарского похода Суворова⁶⁸⁰ — были награждены орденами св. Владимира с бантом⁶⁸¹. Три других казачьих офицера — есаул Г. Коротков и сотники С. Плетнев и Я.А. Траилин (принадлежавшие, вероятно, тоже к полку Малахова) получили ордена св. Анны III ст.⁶⁸²

В ходе преследования отходящего дальше противника хорунжий Дмитрий Филиппович Горин из полка Денисова 14-го, уроженец Пятиизбянской станицы, во главе разъезда казаков встретил 17(29) ноября у местечка Жданца партию французских драгун. Он разбил ее и взял в плен их начальника — капитана Холанта, за что получил от царя 25 червонцев (75 рублей серебром)⁶⁸³.

В Аустерлицкой битве 20 ноября (2 декабря) 1805 г. согласно диспозиции генерал-квартирмейстера союзной армии бездарного австрийского генерал-лейтенанта Франца Вейротера, 8 казачьих полков были расписаны по различным колоннам армии, но так бестолково, что в 3-й и 4-й колоннах (генерал-лейтенантов И.Я.

⁶⁷⁸ РГВИА, ф. 26, оп. 1, д. 673, л. 26 об. — 27; М.И. Кутузов. Документы... С. 215, 255; *Amort C.* Op. cit. S. 89; *Соколов О.В.* Аустерлиц... Т. 2. М., 2006. С. 13; Обзор кампании 1805 года в Германии и Италии. СПб., 1889. С. 198; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С. 160.

⁶⁷⁹ РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3131, л. 1; М.И. Кутузов. Документы... С. 255.

⁶⁸⁰ *Сапожников А.И.* Указ. соч. С. 57.

⁶⁸¹ Там же.

⁶⁸² Там же.

⁶⁸³ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3378, л. 7.

Пржибышевского и И. Коловрата) казаков вовсе не оказалось, а в 1-ю и 2-ю колонну (генерал-лейтенантов Д.С. Дохтурова и А.Ф. Ланжерона) было назначено всего по 2,5 сотни казаков полка Денисова 14-го⁶⁸⁴. Далее все согласны, что казачий полк Малахова находился в составе авангарда Багратиона (6-й колонны)⁶⁸⁵. А вот как были распределены остальные 6 казачьих полков, среди историков существуют значительные разногласия, определенные противоречиями в документах⁶⁸⁶.

Ближе всех к истине подошел О.В. Соколов, который полагает, что в австрийском авангарде М. Кинмайера были донские полки Исаева 3-го и Мелентьева 3-го, в 5-й колонне Лихтенштейна — Гордеева и Сысоева, а у Багратиона — Малахова, Киселева и Ханженкова⁶⁸⁷.

Небольшая поправка лишь в том, что полк Сысоева уже утром 20 ноября (2 декабря) 1805 г. был оттеснен французами к северо-востоку и стал действовать в составе соседнего отряда Багратиона, что видно из послужных списков полка⁶⁸⁸.

По послужным спискам сысоевцев видно, что они часто сходились с врагом врукопашную. Так хорунжий Жиров был «в правую щеку ранен саблею», хорунжий Щучкин «в левую щеку от рта по против уха саблей жестоко ранен и на левой руке большой палец отрублен»⁶⁸⁹.

Еще чаще были ранения пулями. Сам Сысоев 1-й и есаул Попов 19-й были контужены: первый — в левую ногу, второй в голову. Хорунжие Усачев и Акинтьев ранены пулями в левые ноги, а урядник В.И. Мельников — в левую руку⁶⁹⁰.

В полку Денисова есаул Горин при Аустерлице снова отличился. Он выбил из седла (вероятно, ударом пики) вражеского офицера, ко-

⁶⁸⁴ М.И. Кутузов. Документы... С. 207–208, 218–219, 222–223, 226.

⁶⁸⁵ См., например: Соколов О.В. Аустерлиц... Т. 2. М., 2006. С. 200; М.И. Кутузов. Документы... С. 208; Сапожников А.И. Указ. соч. С. 59–60.

⁶⁸⁶ М.И. Кутузов. Документы... С. 209–210, 218.

⁶⁸⁷ Соколов О.В. Аустерлиц... Т. 2. СПб., 2006. С. 196, 200.

⁶⁸⁸ *Duffy Ch.* Op. cit. P. 125, 184.

⁶⁸⁹ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3640, л. 10, 14.

⁶⁹⁰ Там же, л. 2, 4, 16, 18, 48.

торый, правда, успел саблей легко ранить героя в левое плечо⁶⁹¹. «Сбил верхоконного француза» и урядник Белгородцев Федор Степанович из Каменской станицы, под урядником С.К. Лапиным был убит при атаке конь, а сам полковой командир подполковник П.Г. Денисов 14-й был «жестоко контужен» в левую ногу⁶⁹².

В полку Гордеева сотники Ф.М. Телешов и урядник Ф.П. Мордовин были ранены пулями: первый — в левую ногу, а второй — в левую щеку. Урядник же Г.П. Меркулов был ранен в голову и левую руку саблей⁶⁹³.

Полк Исаева 3-го тоже действовал неплохо. Одна его сотня действовала вместе с двумя эскадронами Санкт-Петербургских драгун подполковника Балка при задней бригаде 2-й колонны (Фанагорийский и Рязский пехотные полки), которая весь день вела упорный бой на южных Праценских высотах. Казаки Исаева вместе с Санкт-Петербургскими драгунами при одной из контратак были окружены втрое превосходящими силами французской кавалерии Маргарона, но сумели вырваться из кольца⁶⁹⁴.

К концу битвы они были оттеснены на юг к колонне Дохтурова, где весь день вели жаркий бой основные силы Исаевского полка (4 сотни). По свидетельству очевидца из Московского полка, донские полки Исаева и Мелентьева вместе с венгерскими гусарами Кинмайера неоднократно ходили в атаку против французской конницы и часто опрокидывали ее, но затем были вынуждены отходить под огнем пехоты и артиллерии. Казаки тут так разгорячились, что стали бросаться даже на пушки, бившие по ним в упор картечью⁶⁹⁵.

При отступлении колонны Дохтурова часть казаков Исаева, по свидетельству Ланжерона, потеряла своих лошадей в Меницком

⁶⁹¹ Там же, д. 3378, л. 7.

⁶⁹² Там же, л. 3, 39, 41.

⁶⁹³ Там же, л. 10, 26, 36.

⁶⁹⁴ *Каменский Е.С.* История 2-го драгунского Санкт-Петербургского полка. Т. 2. М., 1900. С. 40, 48.

⁶⁹⁵ *Бутовский И.Г.* Указ. соч. С. 48.

пруд⁶⁹⁶, но это сообщение недостоверно. После битвы французы спустили воду из Менецкого пруда, но в отличие от Сачанского пруда, на дне которого враги нашли 38 утонувших орудий и трупы 133 артиллерийских лошадей и трех солдат, на дне Меницкого пруда не оказалось абсолютно ничего!⁶⁹⁷

Обращают на себя внимание ранения казаков холодным и огнестрельным оружием исключительно с левой стороны. Это объясняется техникой кавалерийского боя. Нормальному человеку — правше рубить в левую сторону и отбивать клинок противника с этой стороны крайне неудобно, поэтому вражеский всадник при преследовании всегда старается заехать слева⁶⁹⁸. Заметно, что казаки часто скакали назад, но это было, в основном, притворное бегство, чтобы заманить противника в засаду, что видно из весьма небольших потерь в большинстве казачьих полков.

Интересно ранение хорунжего Щучкина, у которого левая щека была глубоко разрублена от рта до самого уха. Вероятно, французский кавалерист применил тут особый, «пилящий» удар, который позволял сабле шире и глубже входить в тело. Этот прием французы переняли в Египте от мамелюков⁶⁹⁹.

Примечательно, что нигде не отмечены колющие ранения клинками, особенно колющий удар в горло — излюбленный прием французской кавалерии, являющийся как бы ее фирменным знаком⁷⁰⁰. Видимо, к 1805 г. казаки, для которых еще в 1799 г. подобные «дуэлянтские» удары были непривычны, уже выработали приемы отражения таких ударов.

Любопытно, что на Щучкина напали слева два противника (сразу или поочередно — неясно), один из которых отрубил ему большой

⁶⁹⁶ Ланжерон А. Ф. Записки графа Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и Венгрии в 1805 году // Военный сборник. 1900. № 12. С. 53.

⁶⁹⁷ Соколов А. В. Аустерлиц... Т. 2. М., 2006. С. 71; *Amort C.* Op. cit. S. 113; *Duffy Ch.* Op. cit. P. 148.

⁶⁹⁸ Сапожников А. И. Указ. соч. С. 68, 70.

⁶⁹⁹ Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 209.

⁷⁰⁰ Там же. С. 155; Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 544; Лашук А. Наполеон. Походы и битвы. М., 2004. С. 735.

палец на левой руке (вероятно, Щучкин переложил шашку из правой руки в левую), а другой — разрубил щеку⁷⁰¹. Видимо, французы настолько уважали боевые способности казаков, что даже с левой стороны нападали на них порой по двое.

Большинство пулевых ранений было причинено, вероятно, pistolетными выстрелами. Другими словами, даже заскакивая к казаку с левой, не удобной для него стороны, французские всадники предпочитали не вступать с донцом в рукопашный бой, а стрелять в него или его коня с расстояния нескольких метров из pistolета.

Обращает на себя внимание отсутствие ранений в грудь и живот (при скачке вперед) и в спину (при движении назад). Видимо, попасть пулями в казаков, быстро скачущих на маленьких лошадаках в рассыпном строю, было весьма трудно, тем более что донцы обычно пригибались, укрываясь от пуль за шеей коня, или соскальзывали под брюхо своей лошади, когда видели, что противник целится⁷⁰². В рукопашном же бою донцы, видимо, пикой не подпускали врага обычно на расстояние удара клинком, как при атаке, так и при отступлении⁷⁰³.

Из послужных списков казаков и других источников видно, что в войну 1805 г. донцы сталкивались, в основном, с легкой французской конницей (гусарами и конными егерями) и реже — с драгунами, причем во многих случаях успешно⁷⁰⁴. С кирасирами казаки в эту войну встречались всего три раза (при Рауснице, Вишау и Аустерлице) и всегда довольно неудачно, поскольку не научились еще бороться с закованными в броню всадниками. Впрочем, сильный удар пикой мог выбить из седла и кирасира, так же как и ловко наброшенный аркан⁷⁰⁵.

⁷⁰¹ Сапожников А.И. Указ. соч. С. 60.

⁷⁰² М.И. Кутузов. Документы... С. 235.

⁷⁰³ Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 349—350; Чандлер Д. Указ. соч. С. 322.

⁷⁰⁴ Бутовский И.Г. Указ. соч. С. 31, 35, 38, 42; Каменский Е.С. Указ. соч. С. 23, 40, 48; Хрещатицкий Б.Р. Указ. соч. С. 203—205; РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3640, л. 10, 14; д. 3378, л. 7; д. 3309, л. 10, 26, 36.

⁷⁰⁵ Сапожников А.М. Указ. соч. С. 68, 70; Брак Ф. Аванпосты легкой кавалерии. Воспоминания. Тверь, 1906. С. 48; Соколов О.В. Аустерлиц... Т. 1, М., 2006. С. 277—278;

По ведомости Кутузова казачьи полки потеряли в Аустерлицкой битве убитыми и пропавшими без вести: Денисова и Малахова — по 4 человека, Сысоева — 13, Мелентьева — 14, Ханженкова — 25, Гордеева — 31, Исаева — 46 и Киселева — 55 человек⁷⁰⁶. Относительно большие потери 4 последних полков объясняются тем, что они частично попадали в окружение. За все же предыдущие бои войны казачьи полки имели убитых не более 30 чел., т.е. в среднем по 4 чел. на полк⁷⁰⁷.

Примечательно, что Багратион еще при Аустерлице хотел сделать то, что осуществил при Бородине атаман М.И. Платов. Багратион послал в обход французского левого фланга у Велятица и Сивица казачий полк Малахова и часть павлоградских и мариупольских гусар. Но этих сил оказалось мало, и французы отбили нападение⁷⁰⁸.

Лейб-казачий гвардейский полк при Аустерлице спас Семеновский и Преображенский полки, которые окружила французская кавалерия. Лейб-казаки вместе с кавалергардами опрокинули сначала мамелюков, французских гвардейских конных егерей и часть конницы Келлермана вместе с пешими стрелками корпуса Бернадота, но затем сами были опрокинуты. При этом один тяжело раненый лейб-казак (Иван Абашин) попал в плен⁷⁰⁹.

Любопытно, что в ночь перед Аустерлицкой битвой казачий пикет из полка Малахова едва не пленил возле Працена самого Наполеона, который слишком близко подъехал к русским сторожевым постам⁷¹⁰.

Amort С. Ор. cit. S. 89; *Бутовский И.Г.* Указ. соч. С. 18, 32, 35, 36.

⁷⁰⁶ М.И. Кутузов. Документы... С. 235; *Сапожников А.И.* Указ. соч. С. 104–105.

⁷⁰⁷ Документы штаба М.И. Кутузова... С. 179–181; *Сапожников А.И.* Указ. соч. С. 121–122, 234 и др.

⁷⁰⁸ *Тюлар Ж.* Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 139; *Duffy Ch.* Austerlitz, 1805. L., 1977. P. 129–130.

⁷⁰⁹ *Мезенцев Е.В.* Указ. соч. С. 226–229; *Хрещатицкий Б.Р.* История лейб-гвардии казачьего полка. СПб., 1912. Ч. 1. С. 203–204; *Жеребков А.Г.* История лейб-гвардии казачьего полка. СПб., 1876. С. 79–80; *Сапожников А.И.* Указ. соч. С. 61.

⁷¹⁰ Там же. С. 60; *Duffy Ch.* Ор. cit. P. 89–90; *Manceron C.* Austerlitz 2 decembre 1805. P., 1960. P. 217–218.

Имеется также сообщение французского шпиона К. Шульмейстера, что перед Аустерлицким сражением цесаревич Константин Павлович хотел сформировать из казаков и гусар диверсионную группу для внезапного нападения с тыла на ставку Наполеона с целью его пленения или убийства⁷¹¹. Но в русских источниках о таком плане ничего не говорится.

В мемуарах И.Г. Бутовского и рапорте Ф.Ф. Манахина имеются свидетельства о нападении казаков с тыла на французский лагерь в ночь после Аустерлицкой битвы, причем казаки освободили много русских пленных⁷¹². На наш взгляд, это была группа казаков из полка Малахова (вероятно, 1-2 сотни), которые, видимо, днем у Велятица все-таки прорвались в тыл французов. Будучи отрезаны от своих, эти казаки, вероятно, затаились до темноты в лесу, а ночью решили вернуться к своим напрямик через спящий французский лагерь.

Интересно сравнить потери сторон. За всю войну донцы (считая и лейб-казаков) потеряли убитыми и пропавшими без вести менее 250 человек, в том числе в плен попало всего 2 казака (оба при Аустерлице): лейб-казак Абашин и неизвестный армейский казак, видимо, из полка Киселева⁷¹³. В то же время 4 тыс. казаков пленили около 2 тыс. французов и убили, по меньшей мере, столько же, т.е. в среднем каждый казак убил или пленил одного противника⁷¹⁴. Причем 3/4 пленных казаки захватили во время партизанских действий в тылу французов.

Из казачьих командиров особенно отличились в таких набегах хорунжий В.А. Чиснаков и урядник Ф.С. Гогалев — оба из полка Денисова 14-го⁷¹⁵. Командование партизанскими отрядами из казаков и гусар Кутузов поручал обычно гусарским или драгунским

⁷¹¹ Из истории военной разведки. М., 1991. С. 98.

⁷¹² Бутовский И.Г. Указ. соч. С. 50; РГВИА, ф. 26, оп. 1, д. 321, л. 831.

⁷¹³ М.И. Кутузов. Документы... С. 235; Документы штаба М.И. Кутузова... С. 179—181; Хрещатицкий Р.Б. Указ. соч. С. 204; РГВИА, ф. 26, оп. 1, д. 314, л. 587.

⁷¹⁴ Чуйкевич П.А. Подвиги казаков в Пруссии. СПб., 1810. С. 121; Савельев А.И. 300-летие Войска Донского. СПб., 1870. С. 111.

⁷¹⁵ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3378, л. 15, 51.

офицерам, из которых наиболее прославился штабс-капитан В.А. Прендель (1766–1852)⁷¹⁶. Его отряд из 100 гусар и 150 казаков захватил в Гросснемшице французский обоз, разбив охрану из 250 чел. При этом более 60 французов было убито, а 46 взято в плен⁷¹⁷. Всего за время своего рейда Прендель захватил во вражеском тылу в плен 6 офицеров и более 260 нижних чинов и истребил обозы 11 французских полков, в том числе личные повозки генерала Ван-дама и еще 6 генералов⁷¹⁸. Таковы заслуги донских казаков в войне 1805 г.

Между имперским и локальным патриотизмом: влияние наполеоновских войн на идентичность дворянства Малороссии

Мельник Зоряна Анатольевна

В статье рассматривается становление малороссийского дворянства, основные признаки его идентичности и влияние наполеоновских войн на настроения местных элит. Главной задачей автора является поиск ответа на вопрос, какой вид патриотизма был доминантным и почему. Проблема рассмотрена на примере жизненных фактов трех представителей украинской элиты: И. Котляревского, В. Капниста и Д. Трощинского.

Ключевые слова: украинское дворянство, идентичность, казачье ополчение, наполеоновские войны.

Политика Екатерины II, направленная на централизацию и унификацию владений империи, внесла значительные изменения в устройство, структуру и мировоззрение жителей бывшей Гетманщины. Было введено единое для всей империи административное устройство (1780 г.), отменена Запорожская Сечь (1775 г.), а украинская элита уравнена в правах с русским дворянством, с пожалованием

⁷¹⁶ *Партизан В.А. Прендель...* С. 309–312; *Давыдов Д.В. Военные записки.* М., 1982. С. 158–160; М.И. Кутузов. *Документы...* С. 302–303, 339.

⁷¹⁷ Там же. С. 302–303.

⁷¹⁸ *Партизан В.А. Прендель...* С. 309–312.

соответствующих титулов (Грамота для дворянства 1785 г.). Именно с этого времени начинается сближение уже бывшей казацкой старшины с русским дворянством. Не следует забывать, что Российская Империя была империей одного состояния, наделенного определенными правами, и этим состоянием были дворяне. Для периферийных элит упомянутая Грамота открывала возможность превратиться в центральную, слившись с ней⁷¹⁹, достигнув высоких рангов, а соответственно и титулов.

Данная тематика продолжает оставаться малоисследованной и в русской, и в украинской историографии. В дореволюционный период она интересовала одиноких исследователей-краеведов, которые обращали внимание на события, которые касались определенной местности и ее жителей, не рассматривая проблему комплексно⁷²⁰. Историки, которые описывали события 1812 г. в полном объеме, останавливались на фактах, что касались украинских земель, сосредотачиваясь на статистическом вычислении вклада украинских земель в войну 1812 г. и не углубляясь в персоналии. Наконец, вряд ли было возможным рассмотрение украинского и российского дворянства как двух разных феноменов, и были ли они таковыми?

Советская историография благодаря идеологической ангажированности рассматривала всех дворян как «порок» общества, стремившихся лишь к собственной наживе и не особо желающих защищать государство во время войны. Хотя теплые отзывы достались тем, кто был щедрым жертвователем и помогал с обеспечением армии. Ударение в исследованиях обычно ставилось на участии в войне 1812 г. простых людей, патриотическому подвигу жителей современных России и Украины, а также дружбе двух народов, что

⁷¹⁹ А. Мотиль утверждает, что периферийная и центральная элиты в пределах империи находятся в состоянии конфликта. См. подр.: *Мотиль О.* Підсумки імперій: занепад, розпад і відродження. Київ: Критика, 2009. С. 19.

⁷²⁰ *Павловский И.* К истории Полтавского ополчения 1812 г. // Киевская старина. 1904. № 3; *Китицын П.* Полтавское дворянское ополчение 1812–1814 гг. // Киевская старина. 1904. № 7–8; *Горновский И.* К истории Харьковского земского ополчения 1812 г. // Русская старина. 1905. № 3.

обязывало каждого из них заступаться друг за друга⁷²¹. Хотя такие взгляды были далеки от реальности, все же они побудили к более глубокому исследованию участия украинцев в войне 1812 г., которая по аналогии с русской традицией также была названа Отечественной. Был издан сборник документов, посвященных этой проблематике, но он очень быстро стал раритетом, не доступным для исследователей⁷²².

Проблема идентичности украинского дворянства в современных исследованиях рассматривалась в общих трудах, посвященных истории Украины, что, конечно же, дает представления о ситуации в Украине или в тогдашней Малороссии (имеются в виду земли бывшей Гетманщины⁷²³), однако не содержит исчерпывающей информации об идентичности украинской элиты.

В украинской историографии распространено мнение, что этнически украинское общество разделялось на две группы: на тех, кто был связан с новгород-северским кружком автономистов и надеялся на возобновление автономии украинских земель при содействии Наполеона и его армии, а также на тех, кто был напуган социальной политикой императора французов и опасался, что он отменит крепостное право или лишит дворянство привилегий⁷²⁴.

⁷²¹ *Абалихин В.* Украинское ополчение 1812 г. // http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Abalixin_01.pdf; *Он же.* Отечественная война 1812 года на юго-западе России. Волгоградский педагогический институт, 1987; *Стрельський Р.* Участь українського народу у Вітчизняній війні 1812 р. Київ, 1953. И др.

⁷²² *Український народ у Вітчизняній війні 1812 р.* Збірник документів. Київ, 1948.

⁷²³ Гетманщина — государство, основанное Б. Хмельницким, которое с 1654 г. приняло протекторат Московского царства. Окончательно ликвидирована Екатериной II в 1764 г., в целях унификации малороссийских земель в составе империи. Вместо гетмана верховным органом стала Малороссийская коллегия // *Субтельний О.* Україна: Історія: учебное пособие. Київ: Либідь, 1993. <http://studentbooks.com.ua/content/view/468/49/1/3/#26683>

⁷²⁴ См. подр.: *Полонська-Василенко Н.* Історія України. Т. 2: Від середини XVII століття до 1923 року. Київ: Либідь, 1995. <http://studentbooks.com.ua/content/view/469/49/1/5/>

Однако исследования последних лет фактически опровергли этот тезис, поставив под сомнение наличие среди слоев элиты Малороссии весомого пронаполеоновского течения⁷²⁵. Это исследование не будет развивать имеющиеся в историографии интерпретации, но будет посвящено рассмотрению мировоззренческих идентичностей представителей тогдашней малороссийской элиты, которая еще помнила свои казацкие корни и времена «вольностей», но одновременно уже отметилась на службе империи, получив высокие придворные должности. Важно ответить на вопрос: как относилась она к событиям 1812 г., какими мотивами руководствовалась в своих поступках, воевала ли за империю или за собственные интересы? Процесс ассимиляции дворянства и поиск им собственной идентичности историки обычно разделяют на две модели. Одна модель — направление на скорейшую интеграцию во властные структуры государства, а также вливание в дворянское сословие, другая — настаивание на восстановлении бывших автономных признаков, которое сосредоточилось вокруг восстановления суда и казачества. Исследователь З. Когут разделяет дворян на ассимиляторов и традиционалистов⁷²⁶, В. Белоцерковский — на патриотов-автономистов, которые стремились к реставрации украинской государственности (правда, непонятно, какой именно государственности, очевидно, речь идет об автономном статусе Гетманщины. — *Прим. автора*); «малороссов», которые работали на благо Российской Империи, но оказывали сочувствие и Малороссии; и романтиков, восхищавшихся культурой, языком, бытом, мировоззрением и моралью широких масс⁷²⁷.

Тем не менее, основная масса дворянства была полна теплых чувств к своей малой родине, однако, проявляла их по-разному: кто искал союзников для восстания за границей, как Василий Капнист,

⁷²⁵ См. подр.: Ададуров В. «Наполеоніда» на Сході Європи: уявлення проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку ХІХ століття. Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2007.

⁷²⁶ Когут З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760—1830. К.: Основи, 1996. <http://litopys.org.ua/coss5/koh12.htm>

⁷²⁷ Білоцерківський В. Історія України. Київ: Центр учбової літератури, 2007. С. 105.

кто обращался к образу казачества, как Иван Котляревский в своей «Энеиде», а кто, имея связи в Петербурге, помогал сделать карьеру выходцам из родного края в высших инстанциях империи, как Александр Безборотько.

Часто «новые дворяне» высказывались о том, что чувствуют себя более русскими, чем русские по происхождению (В. Кочубей)⁷²⁸. С одной стороны, это можно считать примером того, что ассимиляция двух элит (русского дворянства и казацкой старшины) состоялась более чем удачно. Кроме того, подобные заявки можно расценивать и как «комплекс неполноценности», и как двойную идентичность. В. Липинский считал это типичным комплексом народов, не имеющих своего государства⁷²⁹.

Разделение малороссийских дворян на две группы по стратегии поведения выглядит не всегда целесообразно, поскольку сложно четко провести границу между тем, кого к какой группе отнести, наконец, одна и та же личность могла выражать совершенно противоположные позиции от украинофильства к русофильству.

Разнообразие настроений дворян можно проследить, рассматривая отдельные личности. Для этого исследования были выбраны три фигуры, которые, по мнению автора, можно условно считать различными примерами локального патриотизма. Самым ярким представителем является В. Капнист, который в 1791 г. организовал тайную миссию в Берлин с целью навязывания контакта с Прусским двором (через министра Герцберга) для поддержки антироссийского восстания на Украине⁷³⁰. Однако, получив сдержанный отказ, больше никаких активных действий по решению судьбы Гетманщины не совершал. Даже больше, в 1812 г. написал стихотворение «Видение плачущего над Москвой россиянина», правда, напечатано оно было только через 100 лет. По одной версии, из-за обличительного изображения современной ему жизни, по другой — по неизвестным причинам.

⁷²⁸ Сутельный О. Указ. соч. // <http://studentbooks.com.ua/content/view/436/49/1/2/#19051>

⁷²⁹ Там же // <http://studentbooks.com.ua/content/view/436/49/1/2/#19051>

⁷³⁰ Оглоблин О. Берлінська місія 1791 р. Історіографія і методологія питання // <http://litopys.org.ua/coss3/ohl26.htm>

Поэма была адресована некоему «превосходительству» и содержала сообщение: «Прошу ваше превосходительство взглянуть на картину чувствъ челоѣка, искренно сѣтующаго о нашемъ отечествѣ и желающаго къ пользѣ онаго употребить уже погасающее дарованіе свое»⁷³¹. В произведении запечатлен страстный патриотизм, идеи славянофильства, увлечение русской культурой и религией⁷³², восприятие Москвы как символа государственности и могущества:

Лишь узнал я древнерусскую столицу,
Что главу над всеми царствами вносила
И, простря со скиптром мощную десницу,
Жребий стран решала сильных, отдаленных,
Как ее увидел я, предо мной лежащу
На громаде пепла среди сел сожженных!

Одновременно, несмотря на отчаяние лирического героя, произведение вселяет надежду на будущее возрождение Москвы руками своих подданных: «Ты зришь, — мне с кротостью вещало привиденье, — России торжество, врагов ее паденье»⁷³³.

Рассмотрев эти два элемента биографии Василия Капниста, создается впечатление, что речь идет о двух разных лицах, одно из которых — пылкий повстанец, а другое — не менее пылкий сторонник того, против чего собирался восставать. Конечно, можно предположить, что взгляды В. Капниста эволюционировали и он превратился в чрезвычайно лояльного подданного, но также возможно, что, с одной стороны, он был недоволен определенной политикой империи (это отражено в известном произведении «Ябеда»), а с другой, не мыслил себя в другой системе ценностей, чем та, что была возможной только

⁷³¹ *Канонькин Н.В.* В. Капнист и стихотворение: «Видение плачущего над Москвой россиянина 1812 года октября 28 дня» // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1912. Т. XVII. Кн. 4. С. 94.

⁷³² Там же. С. 97.

⁷³³ *Капнист В.* Видение плачущего над Москвою россиянина 1812 года октября 28 дня // И славили Отчизну меч и слово: 1812 год глазами очевидцев. Поэзия и проза / Сост. и примеч. Ю.А. Беляев. М.: Современник, 1987. http://az.lib.ru/k/kapnist_w_w/text_0120.shtml

в Российской империи: преемственность традиций, религия и т.д. То есть война поставила его перед определенным выбором, и этот выбор был осуществлен однозначно в пользу России. Принимая во внимание соотношение локального и имперского патриотизма, можно даже утверждать, что победил имперский, однако он включал в себя и локальный патриотизм, и определенную систему ценностей.

Как отмечает А. Оглоблин, украинское шляхетство, и в частности В. Капнист, наученный горьким опытом 1791 г., хорошо понимали, что Наполеон начал войну против России не в интересах освобождения Украины (и других народов); кроме того, политика Наполеона по отношению к Польше отнюдь не могла быть по душе украинским патриотам⁷³⁴. Поэтому активность украинских дворян в 1812 г. не обязательно означала замену одних взглядов другими. Наконец появился шанс на восстановление казачества, т.е. объявлялся набор в казачье ополчение, что было своеобразной мечтой для В. Капниста⁷³⁵. Он даже сам стремился приобщиться к нему, но не смог по состоянию здоровья⁷³⁶.

Конечно, сравнивать события 1791 г., когда происходила миссия В. Капниста, и события 1812 г., когда нависла угроза захвата уже бывшей Гетманщины, нецелесообразно. Поскольку в первом случае еще были чрезвычайно свежими переживания от потери Гетманщины автономии и еще теплились слабые надежды на ее возвращение. Подобное случилось и в 1812 г., но это время требовало уже совсем иного участия. Возвращаясь к концепции соотношения двух видов патриотизма, можно утверждать, что лояльность к империи могла зависеть от политики, которую она воплощала: в годы Екатерины II перспектива полной ассимиляции двух элит империи выглядела более определенной, чем во времена Александра I. В частности, после

⁷³⁴ Оглоблин О. Люди Старої України та інші праці. Острог—Нью-Йорк, 2000. С. 102.

⁷³⁵ «Положение, на каком может быть набрано и содержано войско охочих козаков» должно было быть отдельным от русской армии формированием добровольцев, возглавляемым украинским старшиной. См. подр.: Субтельний О. Указ. соч. // <http://studentbooks.com.ua/content/view/468/49/1/4/>

⁷³⁶ Казанжи О. Українська національна ідеологія у творчості Василя Капніста // <http://www.ukrlit.vn.ua/article1/1735.html>

отклонения императрицей идеи В. Капниста о создании отдельного казачьего войска, он вышел в отставку и вернулся в свой родной город Обуховку⁷³⁷. Таким образом, представляется, что для Василия было важнее воплощать замыслы, связанные с Малороссией, а не сделать карьеру при дворе⁷³⁸.

Обращаясь к двум типам патриотизма: локального и имперского, целесообразно также учитывать, что сепаратизм мог быть проявлением не только недовольства определенными действиями императоров, но также механизмом защиты от ассимиляции и потери собственной идентичности. Таким образом украинская элита, как и народ в целом, теряя казацкие признаки и не приобретя новых, общеимперских переживаний, оказывались на своеобразной границе между идентичностями, а соответственно, сосредоточивали свои усилия не на активном противостоянии империи, а на поиске самих себя через обращение к фольклору, языку, традициям и т.п.

События 1812 г. стали первым вызовом для украинского дворянства, поскольку ставили его перед выбором, какую сторону поддерживать в этом противостоянии. С одной стороны, для империи было важно получить от украинских земель поддержку, как продовольствием, так и людьми. Объявлялся набор в казацкие полки, что давало крестьянам надежды на освобождение от крепостных повинностей, а элите — на восстановление казачества как символа уникальности традиций Гетманщины и определенной автономности. Кроме того, Наполеон планировал поднять восстание на этих территориях, правда, силами польской шляхты⁷³⁹. В это время украинское дворянство продемонстрировало лояльность к Российской Империи. Хотя в историографии упоминаются и такие личности, что выражали симпатию к Наполеону, например В. Лукашевич произносил тосты за здоровье императора французов. Но никаких действий они не пред-

⁷³⁷ Там же // <http://www.ukrlit.vn.ua/article1/1735.html>

⁷³⁸ Сюдюков І. Василь Капніст: патріот «безнадійної епохи» // День. 2002. № 128. <http://www.day.kiev.ua/69441/>

⁷³⁹ Абалухин В. Отечественная война 1812 года на юго-западе России. С. 13.

принимали, и даже уже упомянутый Лукашевич активно занимался комплектованием казачьих полков⁷⁴⁰.

Учитывая ограниченное число источников, трудно сказать, какие дискуссии велись в дворянских кругах, однако можно предположить, что от союза с Наполеоном отвлекало несколько вещей: его значительная приверженность к полякам и возможная перспектива восстановления Речи Посполитой, стремление императора французов привлечь к войне Турцию⁷⁴¹, которая была долгое время опасным соседом Гетманщины, а также слухи об отмене крепостного права, что явно не входило в планы новоиспеченных дворян, которые часто очень долго доказывали свое право принадлежать к нобилитету.

Участие украинских дворян сводилось, в основном, к формированию казачьих полков и их финансированию (обеспечению всем необходимым), но идти воевать они не спешили, как отмечал Дмитрий Трошинский⁷⁴². Однако были и такие, что охотно вступали в полки вместе со своими крестьянами. Все же украинскому казачьему и земскому ополчению не хватало опытных кадров. Трудно точно ответить на вопрос: почему дворяне не хотели воевать? То ли не ощущали непосредственной угрозы для собственного благополучия, то ли считали, что это не «их» война? Например, Котляревский отказывался идти в поход из-за здоровья своей матери, хотя до того добровольно воевал в русско-турецкой войне⁷⁴³.

Яркий пример доминирования локального патриотизма над имперским находим в споре Д. Трошинского и генерал-губернатора Малороссии Якова Лобанов-Ростовского о территории, на которой будут воевать казацкие полки. Трошинский убеждал генерал-губернатора

⁷⁴⁰ Сарбей В. Національні відродження України. Серія: «Україна крізь віки». Київ: Альтернатива, 1999. С. 67.

⁷⁴¹ Абахиин В. Отечественная война 1812 года... С. 7–9.

⁷⁴² Там же. С. 48.

⁷⁴³ «Твердо уповаю на уверение Вашего сиятельства, что я только употреблен Вами для формирования полка, а не для служения в оном. Я и по бедности моей, и по старости матери моей, которую поддерживать есть мой долг, никакой службы несть вне Полтавы не могу» // *Лист И. Котляревського до Я. Лобанова-Ростовського*. Августа 12-го дня 1812 г. м. Горошин. <http://www.osvita.poltava.org/poltavwuna-v-1812-rokax.html>

не отправлять их за пределы Малороссии, поскольку это негативно повлияет на их боевой дух⁷⁴⁴.

Но несмотря на отсутствие четкой позиции украинского дворянства, наполеоновские войны все же стали тем рубежом, который отмежевал время казачества от времени создания новых идентичностей, тесно связанных с империей. Обещанные казацкому ополчению привилегии освобождения от крепостной зависимости не были воплощены в жизнь, а их социальный статус мог даже существенно ухудшиться. Большая часть ополченцев из бывших подданных господина превратились в государственных крестьян, проживавших в военных поселениях. Не изменилось и положение Малороссии, вопреки надеждам на расширение автономии, как это случилось с польскими землями⁷⁴⁵. Таким образом, война 1812 г. последний раз оживила казацкие традиции и надежды на восстановление автономного государства, которые после этих знаменательных событий навсегда ушли в историю.

Другим следствием кампании Наполеона было распространение идей Французской революции, которые, с одной стороны, стали новым ориентиром для части дворянства, а с другой, внесли новые ценности в мировоззрение Восточной Европы, что впоследствии вылилось в формирование организаций масонов и декабристов. Таким образом, эпоха наполеоновских войн не только разделила два мира: домодерный и современный, но также внесла в ряды дворянства новые идентичности: посвященных избранных (масонов) или смелых реформаторов (декабристов). Например, уже упомянутые И. Котляревский и В. Капнист принадлежали к полтавской масонской ложе «Любовь к истине»⁷⁴⁶.

Можно сделать заключение, что наполеоновские войны оказали значительное влияние на становление украинского дворянства,

⁷⁴⁴ «Казаки будут сетовать, когда увидят, что их близкие и семья остаются на произвол врагу без тех, кто мог бы стать в их обороне» // Казацкое вiйсько. <http://histua.com/ru/knigi/ocherki-po-istorii-ukrainy/kozacke-vijsko>

⁷⁴⁵ Субтельний О. Указ. соч. // <http://studentbooks.com.ua/content/view/469/49/1/6/#35389>

⁷⁴⁶ Савченко В. Масоны в Украине (XVIII–XIX вв.) // <http://www.ukrmason.org/rus/history6.php>

которое находилось в состоянии поиска собственных приоритетов, что условно можно свести к приоритетам локальным и имперским. Одни представители этой прослойки пытались работать в своих собственных поместьях и исследовать особенности «малой Родины», другие же сосредоточивались на возможности карьеры на высших должностях империи. То есть один вектор поведения был направлен на сохранение того, что ассоциировалось с Гетманщиной, а другой — на получение положения при дворе; в конце концов, второй способ поведения выглядел как компенсация за утраченное (можно было стать центральной нацией во влиятельном государстве).

Таким образом, формировались различные мировоззренческие схемы. Однако данный феномен был более сложным явлением, включавшим в себя переменчивое отношение к Российской Империи в зависимости от властной политики; страх перед потерей идентичности, что часто приводило к замене одной идентичности другой; желание получить титулы и выгоды благодаря государственной службе и т.д. Подобные внутренние компромиссы приводили к созданию альтернативных идентичностей, например славянофильства⁷⁴⁷.

Приведенные выше факты и размышления — только краткое введение в проблематику; для того чтобы отобразить полную картину мировоззренческих изменений, недостаточно только трех фигур. Важно продолжать и расширять исследования такой малоисследованной темы, которой является украинское дворянство, что будет вкладом не только в украинскую или русскую историографию, но также во всестороннее изучение влияния эпохи Наполеона.

Поццо ди Борго — русский дипломат корсиканского происхождения

Анна Моретти

Наполеон Бонапарт и Карл (Шарль-Андре) Поццо ди Борго происходили из одного рода, провели детство в одном городе, Аяччо, и их семьи некоторое время даже жили под крышей одного и того же

⁷⁴⁷ Козым З. Указ. соч. // <http://litopys.org.ua/coss5/koh12.htm>

дома, который сегодня во всем мире известен тем, что в нем родился будущий император Франции. И, казалось бы, судьбы этих двух людей если и должны были развиваться параллельно, то в одном направлении, указанном гением Наполеона. Но, в данном случае, как, впрочем, и во многом, что касается жизни Бонапарта, «Великая» История предопределилась «маленькой», «личной» судьбой (пусть и не согласился бы с таким высказыванием Лев Николаевич).

Связанные родственными узами начиная с XVI в., семьи Бонапартов и Поццо ди Борго на протяжении двух столетий были как соратниками, так и соперниками. В середине XVIII в. обе семьи объединяет идея о независимости Корсики и ее вдохновитель Паскаль Паоли, «*Babbu di a Patria*»⁷⁴⁸.

Наполеон и Шарль-Андре с воодушевлением воспримут Французскую революцию, которая позволила вернуться опальному Паоли из Англии на родной остров. Однако долгожданное возвращение «Отца корсиканской нации» навсегда разъединит двух кузенов: после пламенной речи Люсьена в Тулоне в 1793 г., в которой Паоли и Поццо ди Борго были обвинены в сговоре против революционной Франции, Бонапартов изгоняют с Корсики.

Кровная вражда начинается между двумя блистательными политиками. Поццо ди Борго еще какое-то время остается на Корсике, рядом с Паоли, и даже становится президентом государственного совета во время Англо-корсиканского королевства (1794—1796). Но после того как Бонапарт завоевывает Корсику, он дарует амнистии всем, кроме... Поццо ди Борго. И будущий посол Российской Империи, тайно, через остров Эльба, перебирается в Лондон, а затем, благодаря дружеским отношениям с бывшим вице-королем Англо-корсиканского королевства лордом Эллиотом, сопровождает его в Вену.

По рекомендации графа Разумовского, Поццо ди Борго в 1804 г. переезжает в Петербург и становится помощником (специалистом по Наполеону) министра иностранных дел Чарторыйского. В 1804 г., когда Наполеон будет провозглашен императором, Поццо ди Борго напишет письмо Александру I, в котором станет призывать российского императора к борьбе за восстановление власти Бурбонов.

⁷⁴⁸ Отец корсиканской нации (перевод с корсиканского языка).

Итак, генерал-адъютант (1814), генерал от инфантерии (1829), будущий граф (1826) Поццо ди Борго будет не только пристально следить за карьерой своего великого соперника, но и пытаться влиять на нее. Вплоть до того, что, как по иронии судьбы, в начале 1814 г. от имени всех союзных держав Поццо ди Борго был послан в Англию к Людовику XVIII с предложением вновь занять престол Франции, а позже он был уполномочен Александром написать доклад об условиях содержания Наполеона на острове Святой Елены.

Поццо ди Борго будет суждено вновь увидеть восторженную толпу, приветствующую Наполеона, пусть это и был всего лишь прах великого императора, перенесенный для захоронения в Дом Инвалидов с далекого острова Святой Елены. В то время Поццо ди Борго проживал в особняке напротив Дома Инвалидов, так же как когда-то на Корсике скромный дворец его семьи находился на соседней улице с Casa Bonaparte. Странный удел восхищаться и ненавидеть друг друга, идти в ногу, но по разным сторонам одной дороги преследовал их даже после смерти: Поццо ди Борго покоится на кладбище Père-Lachaise, по соседству с Домом Инвалидов, но на противоположном берегу Сены...

В данной статье мы попытаемся разобраться, какой вклад внес Поццо ди Борго в развитие отношений между союзными державами и Империей Наполеона и насколько тесно были вплетены личные обиды и интересы в дипломатические сети, раскинутые этим блистательным политиком со столь удивительной судьбой.

Род Поццо ди Борго, так же как и род Буенопарте, был одним из самых древних на Корсике. И судьба распорядилась таким образом, что две семьи на протяжении столетий будут и соперничать, и дружить. Первый конфликт, описанный в архивах, произошел в 1579 г., когда патриархи двух семейств противостояли друг другу в качестве адвокатов. Апогей дружбы этих семей приходится, как ни странно, на период Корсиканской революции (1755–1769), время появления на свет протагонистов этой истории. «От любви до ненависти один шаг», и этот шаг в данном случае был настолько мал, что, по словам Альбера Вандала, «Поццо ди Борго был человеком, который больше всех ненавидел и больше всех обожествлял Наполеона»⁷⁴⁹.

⁷⁴⁹ Vandal A. Napoléon et Alexandre Ier. L'alliance russe sous le premier empire. P.: E. Plon, Nourrit et Cie, 1891–1896.

Но вначале была дружба, настоящая, искренняя, на которую могут быть способны только чувственные страстные натуры. Поццо ди Борго был старше Наполеона, и учился он вместе с Жозефом Фешем, сводным братом Летиции, а дружил со старшим братом будущего императора Жозефом. Но начиная с 1786 г. Наполеон и Поццо ди Борго все больше и больше времени проводят вместе, обсуждая политику, размышляя о религии и философии. Один из молодых людей получил французское образование, второй — итальянское, в дебатах и беседах их знания дополнялись и углублялись. Поццо ди Борго выделялся своим умом из массы корсиканской знати, окружавшей вернувшегося из ссылки Паскаля Паоли. В 1789 г. он становится самым молодым депутатом корсиканской ассамблеи. Ему двадцать пять лет, минимальный возраст, который в то время позволял занимать политические должности. Ни Жозеф, ни Наполеон в силу возраста не могут и мечтать о публичной карьере. До поры до времени их дружбе ничего не угрожает. До поры до времени...

Выборы в местные органы управления столкнут сначала Шарля-Андре и Жозефа, чуть позже — двух друзей. Но «яблоком раздора» для молодых людей стал национальный корсиканский герой Паскаль Паоли. Оба юноши его обожествляли. Оба оспаривали его благосклонность, признание и внимание. А Паоли не мог забыть предательства Карла-Мари Буенопарте, который с легкостью поменял идеалы независимой Корсики на подданство Франции. К тому же, Паоли порой казалось, что молодой Бонапарт несколько неуважителен: то он раскритикует тактику ведения генералом битвы против французов, то выскажет противоположное мнение по поводу нынешней политической позиции «отца корсиканской нации». Поэтому Паоли приблизил к себе Поццо ди Борго.

Пьер Ордиони⁷⁵⁰ сказал, что корсиканцы никогда не предают, что они остаются верными как в любви, так и в ненависти. Они не изменяют ни своим идеям, ни своим клятвам. Поэтому Наполеон остался верен Франции Робеспьера, Поццо ди Борго — Франции Мирабо, а Люсьен — революционной конвенции. И дело тут вовсе не в корсиканской вендетте и семейных распрах. Наполеон и Поццо

⁷⁵⁰ *Ordioni P. Pozzo di Borgo, diplomate de l'Europe française. P.: impr.-libr. Plon, 1935.*

ди Борго были двумя антиподами и физически, и психологически. Шарль-Андре был высоким кудрявым блондином, шутник, красавец. Его внешность произведет такое впечатление на Наполеона, что он будет говорить о его красоте даже двадцать лет спустя. Поццо ди Борго был религиозен, расчетлив, с аналитическим умом. Бонапарт — атеист, импульсивен, спонтанен в своих поступках. Поццо ди Борго — юрист, теолог, философ. Бонапарт — офицер артиллерии, который в течение восьми лет не видел Корсики и почти забыл ее традиции.

10 августа 1792 г. — день свержения французской монархии, побега короля, его ареста, восстаний на улицах Парижа, день, который навсегда разъединит Наполеона и Поццо ди Борго: один уйдет с головой в революцию, другой — в контрреволюцию.

В 1793 г. Люсьен выступает в Конвенции в Тулоне. Ему восемнадцать лет, он хочет проявить себя, показать свои блестящие ораторские способности. Позже Люсьен напишет в своих мемуарах, что он был воодушевлен криками собравшихся и желал еще больше возбудить их своей речью. В накале страстей он не скупился на слова и в порыве красноречия обвинил Паоли в измене Франции, заявив, что тот вернулся на Корсику лишь только для того, чтобы передать ее в руки англичан. В результате собрание провозглашает Паоли предателем. Люсьен тут же отправляет записку старшему брату, в которой с гордостью объявляет: *nostra fortuna e fatta*. «Наша судьба решена»....

Наполеон в гневе читает это послание, он понимает всю тяжесть обвинений и предвидит последствия, к которым приведет опрометчивый поступок его брата. Это письмо будет прочитано не только Наполеоном, записку перехватят и доставят Паоли. «Отец корсиканской нации» вызовет Наполеона на личную беседу. Их разговор останется в тайне, но когда, по словам Ордиони, Бонапарт покинул кабинет Паоли, ему навстречу шел Поццо ди Борго. Их взгляды встретятся... некоторое время они будут неподвижно смотреть друг другу в глаза. Следующий и последний раз эти два великих человека увидят друг друга только в подзорную трубу во время битвы при Ватерлоо.

Семья Наполеона предана анафеме. Им приходится бежать с Корсики. Поццо ди Борго скажет позже, что это изгнание с острова привело Наполеона к Тулону. Тогда как Поццо ди Борго остается с Паоли и вскоре становится премьер-министром Англо-корсиканского королевства.

После падения Англо-корсиканского королевства дружеские отношения с сэром Эллиотом приводят Поццо ди Борго в Лондон. Благодаря этому покровительству корсиканца принимают в высших кругах британской столицы. А после того как в 1799 г. Эллиота делают послом в Вене, Поццо ди Борго с удовольствием принимает приглашение последовать за лордом в австрийскую столицу.

С 1789 г. Вена стала оплотом французской эмиграции. Поццо ди Борго блистал в салонах, писал доклады о политической ситуации в Европе. Корсиканец находился в Вене, когда до него дошла весть о том, что Бонапарт готовится стать императором французов. Именно французов, а не Франции, как бывшие монархи. Народным императором, в своем роде. Поццо ди Борго, монархист по духу и котрреволюционер, решает служить другому могущественному императору, с которым, и корсиканец это прекрасно понимал, Наполеон вынужден считаться. Этим императором был, конечно же, Александр. Поццо ди Борго не мог бездействовать тогда, когда его кровный враг торжествовал. Лорд Эллиот отговаривает своего друга ехать в Лондон, где к политику-иностранцу будут всегда относиться со снисхождением или с опаской.

Итак, дорога одна — Санкт-Петербург. 28 февраля 1804 г. Поццо ди Борго пишет письмо Чарторыйскому, в котором излагает свое желание служить царю. В октябре 1805 г. он прибывает в столицу Российской Империи. Александр очень быстро оценит таланты, усердие и ум корсиканца. В 1806 г. российский император посылает Поццо ди Борго с дипломатической миссией в Вену. Граф Разумовский и Поццо ди Борго должны были вести переговоры с австрийским императором, целью которых было создание русско-австрийской коалиции против Бонапарта. Камнем преткновения австрийской политики был польский вопрос. Обстановка в провинции Галиция, принадлежавшей тогда Австрии, была очень беспокойной.

Националистические настроения, возбужденные успехами и обещаниями независимости, данными Наполеоном, могли привести к восстанию в разделенной Польше, тем самым окончательно подорвав и без того плачевную политическую и экономическую ситуацию в Австрии. Наполеон-романтик желал сделать Польшу независимой. Наполеон — расчетливый политик понимал, что своей изощренной игрой он сможет обеспечить нейтралитет Австрии. Понимали всю

важность польской карты и русские дипломаты. Австрии предлагали атаковать немногочисленные французские войска в Богемии. В этом случае Наполеон был бы вынужден покинуть Польшу, а Александр тут же отправил бы туда 150 000 своих солдат.

Но Австрия не была готова к войне. Вена желала продлить как можно дольше перемирие, чтобы укрепить свои силы, и боялась, что в случае поражения условия мира для австрийцев будут катастрофическими. Миссия Поццо ди Борго в Вене провалилась, но дипломат тем не менее решил остаться в столице Австрии, где он чувствовал себя полезным Европе. После того как 5 июня 1807 г. битва при Фридланде окончательно разрушит надежды четвертой коалиции, Поццо ди Борго будет направлен с миссией на Восток для представительства в переговорах с Турцией.

Корсиканский политик лично участвовал в битве за Корфу, из которой русские вышли победителями, но в самый разгар переговоров с Турцией пришла весть о тильзитском мире. Миссия Поццо ди Борго на Востоке была завершена, так же, впрочем, как и его служба у Александра. Дело в том, что Бонапарт пристально следил за судьбой своего соотечественника. В Вене, куда корсиканец вернулся, на него началась охота, а Санкт-Петербург его попросили покинуть. Вынужденная мера, по словам Александра, но необходимая для поддержания дружеских отношений с Францией.

Преданный бывшими покровителями и позабытый большинством аристократов, когда-то льстивших ему в салонах, корсиканский дипломат будет скитаться между Австрией и Пруссией, прячась у оставшихся верными ему друзей от тайной полиции Наполеона. Поццо ди Борго продолжает писать доклады о политической ситуации в Европе, переправляет их Александру и... яростно защищает гениальность Наполеона в беседах с австрийскими аристократами и эмигрантами, когда над победителем ухмыляются побежденные. П. Ордиони приводит слова Поццо ди Борго по этому поводу: «Что эти людишки знают о Наполеоне? Если бы они знали столько о нем, сколько знаю я, то затряслись бы от страха, как в лихорадке. Как эти лилипуты могут сравнивать себя с гигантом! Они смешны! Они все потеряют!»⁷⁵¹.

⁷⁵¹ Idem.

Уваров писал о Поццо ди Борго, что его вера в успех была непреклонна даже в тех обстоятельствах, когда надеяться уже было не на что. А поводов для отчаяния у русского дипломата было предостаточно. Теперь Европа для него уменьшилась до размеров Англии, единственной страны, где Поццо ди Борго был в безопасности. Узнав об отъезде своего бывшего чиновника в Лондон, Александр обеспечивает его пособием, видимо, с облегчением. Наконец-то этот прямой и упрямый политик не будет компрометировать российского императора в континентальной Европе. В британской столице Поццо ди Борго встречается с лордом Уэллесли, с которым он обсуждает катастрофическое положение Англии: континентальная блокада, голод, внутренний долг в несколько миллиардов и США, начинающие, под влиянием Франции, оспаривать морскую гегемонию туманного Альбиона.

Александр также стал нервничать: супружеский союз Наполеона с Марией-Луизой, альянс Франции с Голландией и с герцогством Ольденбург, где правил родственник российского императора. Россия ищет союза с Англией, и Поццо ди Борго, конечно же, являлся лучшей кандидатурой для проведения переговоров между двумя державами. 31 декабря 1810 г. Александр принимает решение о наложении эмбарго на французские товары. Отношения между Россией и Францией ухудшаются, и к Поццо ди Борго вновь возвращается надежда на реванш. Он неустанно пишет политические доклады императору, и после пожара в Москве 1812 г. Александр вызывает дипломата в Санкт-Петербург.

Отечественная война 1812 г. была в самом разгаре, и русские войска победно шествовали в сердце Европы, когда российский император решил приостановить дальнейшее продвижение своей армии. Именно Поццо ди Борго будет настойчиво советовать Александру идти на Париж и переманить на свою сторону Бернадотта, самого опасного, по мнению дипломата, союзника Наполеона. Бонапарт напишет затем в своих мемуарах на острове Святой Елены, что этим советом Поццо ди Борго изменит судьбу Франции, Европы и всего мира.

Поццо ди Борго от имени царя будет лично вести переговоры с Бернадоттом. Поставленный на трон Швеции Бонапартом, этот тщеславный маршал льстил себя надеждами стать императором Франции вместо своего бывшего покровителя. Эти заявления приво-

дили в ярость Поццо ди Борго, так как он был не только приверженцем монархии Бурбонов, но и ненавидел предательство. Интересно отметить, что Поццо ди Борго сыграет не последнюю роль и в восстановлении Бурбонов на троне Франции. После победы коалиции каждая из стран пыталась навязать своего ставленника в качестве французского императора: австриец Меттерних ратовал, по вполне понятным причинам, за Наполеона II и регентство Марии-Луизы, Великобритания хотела видеть на троне герцога Орлеанского, проживавшего долгое время в эмиграции в Лондоне, а Александр был заинтересован в кандидатуре Бернадотта.

1 апреля Поццо ди Борго становится генеральным комиссаром временного правительства Парижа под управлением Талейрана. 2 апреля Сенат свергает Наполеона, который надеялся передать власть Марии-Луизе. Поццо ди Борго же убеждает Александра в абсурдности ситуации: поменять одного Бонапарта на другого, да еще с влиянием австрийского двора. Он призывает царя восстановить Бурбонов, чтобы избежать гражданской войны, так как несколько французских регионов уже признали власть Бурбонов.

6 апреля Сенат приглашает на французский трон брата Людовика XVI, на условиях создания конституционной монархии. Представление о политическом разделе Европы у Поццо ди Борго оставалось таким же, как и во время войны с Наполеоном: континент поделен на две зоны влияния. Восточная Европа — под влиянием России, а Западная — под властью Франции. По мнению Поццо ди Борго, для укрепления союза держав был необходим союз людей. Герцог де Берри, наследник французской короны, и великая княгиня Анна, сестра Александра, как нельзя лучше подходили на эту роль. Но этот грандиозный проект, к огромному сожалению корсиканского дипломата, не состоится, так как Александр не захочет, чтобы Анна приняла католичество, а Талейран настроит Людовика против православия и предложит в жены герцогу дочь короля обеих Сицилий Франца I Каролину Фердинанду Луизу.

Неудачи не сломили Поццо ди Борго, и он продолжал действовать. Являясь доверенным лицом как у Людовика XVIII, так и у Александра, политик получает приглашение участвовать в Венском конгрессе. Одним из камней преткновения между союзными державами оставался, как и десять лет назад, все тот же польский вопрос. Александр хотел

показать либеральность своих взглядов, намереваясь даровать Польше независимость. Поццо ди Борго, страстно желающий видеть своего рода объединенную Европу, четко понимал, что возрождение националистических настроений ставят под угрозу его идею «Европейского союза». Наш корсиканец, как и многие его соотечественники, был слишком горд и искренен, чтобы стать придворным угодником. Его идеи и идеалы были гораздо важнее для него, чем царская благосклонность, поэтому Поццо ди Борго вызывал недовольство у Александра. Хотя российского императора раздражали в Вене очень многие: Людовик XVIII, лондонские дипломаты, Талейран и особенно Меттерних со своими интригами и назойливой полицией. Страсти разгорались и вокруг двух прекрасных дам. Княгиня Багратион, которую бросил Меттерних ради курляндской принцессы, стала любовницей Александра и начала открытую войну против своего бывшего возлюбленного и отца ее дочери. В салонах двух соперниц собирались лучшие умы Европы и решалась судьба мира. И поскольку обе прекрасные дамы, по словам П. Ордиони, жили в одном отеле, говорят, что Поццо ди Борго часто ошибался этажами, оказываясь в салоне то одной, то другой красавицы. Но этим политическим интригам, приправленным любовными страстями, вскоре пришел конец: Наполеон бежал с Эльбы и вновь занял Париж.

Сразу же становится актуальной проблема выбора претендента на французский престол, который смог бы стать символом контрреволюционного восстания. К радости Поццо ди Борго, большинство поддерживает кандидатуру Людовика XVIII. Союзники начинают вести антинаполеоновскую пропаганду во Франции. Бонапарт, в свою очередь, понимает, что ему необходимо переманить на свою сторону самого рьяного сторонника восстановления Бурбонов Поццо ди Борго. Что мог Наполеон предложить своему соотечественнику в 1815 г.? Конечно же, Корсику! Корсику, которая объединяла и навсегда разъединила двух соперников. Только корсиканец смог бы оценить всю щедрость такого жеста со стороны императора, только корсиканец мог донести это предложение с надлежащими эмоциями. Поэтому Чьяппе, давний друг Поццо ди Борго, был направлен в Брюссель к корсиканскому дипломату.

«Корсика! Слишком поздно!» — воскликнул Поццо ди Борго. Его судьба уже была неотрывно связана с судьбой Франции.

18 июня 1815 г. Поццо ди Борго участвует в битве при Ватерлоо. Говорят, что два врага и два почитателя друг друга увидели один другого в подзорную трубу. В этот день Наполеон окончательно потерял Европу, Францию и Корсику, а для Поццо ди Борго только начиналось решающее сражение во имя спасения Франции. В начале августа 1815 г. Александр передает Ришелье будущую карту Франции, ее урезанные территории возмутят Поццо ди Борго, после чего он попросит аудиенции с Людовиком XVIII и уговаривает его написать письмо российскому императору с просьбой пересмотреть унижительные для великой страны условия.

В 1817 г. личные и политические заслуги Поццо ди Борго были оценены обоими императорами и дипломат произведен в чин генерал-лейтенанта.

На этой строке можно было, казалось, поставить точку. Что еще требовалось Поццо ди Борго? Власть его кровного врага была свергнута, вендетта совершена, Бурбоны у власти. Российскому дипломату корсиканского происхождения оставалось лишь почивать на своих лаврах, со спокойной совестью и в достатке доживая свои дни на пенсионных пособиях, предоставляемых ему и Россией, и Францией.

Но Поццо ди Борго всю свою жизнь руководствовался не мелочным желанием отомстить Бонапарту или доказать превосходство свое личное, а своими идеалами. И боролся он не против императора, а за свое представление об устройстве и дальнейшем развитии Европы и Франции. Как и Паскаль Паоли, Поццо ди Борго был яростным сторонником монархии. Не без его усилий на трон взошли Людовик XVIII, Карл X и Луи-Филипп. Не без его усилий удалось избежать еще одной войны против Франции, которая бы окончательно обескровила и разорила эту страну. Дело в том, что после прихода к власти Николая I Поццо ди Борго потерял свое влияние в России. Революция 1830 г. и возведение на трон Луи-Филиппа были восприняты Николаем как новая революционная угроза. Николай приказал Поццо ди Борго, все еще исполняющему дипломатические обязанности в Париже, не выдавать французским гражданам виз в Россию, вызвать всех русских с территории Франции и оповестить Луи-Филиппа, что Россия не признает его правительство. Что сделал Поццо ди Борго? Ровным счетом ничего из того, что было ему приказано. Вместо этого он через своего друга Нессельроде убедил Николая I принять «Июльскую монархию».

Поццо ди Борго покинет дипломатическую службу только в 1839 г., за три года до смерти. И уйдет он в отставку лишь потому, что последним его постом окажется должность русского дипломата в Англии, в стране, против гегемонии которой во имя процветания Франции он боролся всю свою жизнь. Работа в Лондоне для него была равнозначна ссылке. Пощечина для политика, столь много сделавшего для обеих держав. Луи-Филипп лицемерно жалел об отъезде дипломата, а Николай I столь же лицемерно поздравлял его с продвижением по службе. Последним ударом для Поццо ди Борго, доживающего свой век в Париже, было триумфальное возвращение праха Наполеона в столицу в декабре 1840 г. Французская монархическая династия признала Наполеона законным императором французов, и даже британский флот во время захоронения праха Наполеона отдал долгий пушечный салют в его честь.

Наполеон часто задумывался, каким он будет представляться будущим поколениям. Этот же вопрос задавал себе и Поццо ди Борго. Если честь и слава Наполеона восстановлены, то кем же предстает в глазах истории Поццо ди Борго? Предателем Наполеона, своего родственника и друга молодости? Предателем Франции, служившим Российской Империи? Предателем России, положившим свою жизнь на благо Франции?

Журналист Вальбер напишет о Поццо ди Борго следующее: «у этого изгнанника было две родины. Одна — остров, на котором он родился и чьи горы и берег моря навсегда запечатлелись в его глазах... То, что касается России, его великой приемной матери, он ей посвятил, как сам признавался, “все свои таланты с религиозной преданностью”. Тем не менее, в течение двадцати лет он был искренним другом и страстным адвокатом Франции. И, возможно, он любил Францию больше, чем сам себе в этом признавался... Франция была для него как любовница, которую нельзя сделать своей женой и невозможно покинуть. Боялся ли он, что его страсть угаснет на следующий день после церемонии?»

Литература:

1. Correspondance diplomatique du Comte Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie en France et du Cte de Nesselrode depuis la Restauration des Bourbons jusqu'au Congrès d'Aix-la-Chapelle, 1814—1818. P.: Calmann Lévy, 1890.

2. *Filippini A.F.* Napoleone et Pozzo di Borgo. 1787.
3. *McErlean J.M.P.* Napoléon et Pozzo di Borgo. Versailles: Éd. de Paris, 2007.
4. *Ordioni P.* Pozzo di Borgo, diplomate de l'Europe française. P.: impr.-libr. Plon, 1935.
5. *Vandal A.* Napoléon et Alexandre Ier. L'alliance russe sous le premier empire. P.: E. Plon, Nourrit et Cie, 1891—1896.

Русская мемуаристика о сражении при Аустерлице

Рыбаков Сергей Петрович

Российская мемуаристика наполеоновских войн 1805—1807 гг. включает мемуары, специально посвященные «Битве трех императоров» при Аустерлице, сражениям при Иене и Ауэрштедте (1806), Прейсиш-Эйлау, Фридланде (февраль и июнь 1807 г.). Развитие отечественной мемуаристики во многом зависело от изменений общественного интереса к войнам 1805—1807 гг. и кампании 1812 г., а также от цензурных условий.

Тяжелое поражение в кампании 1805 г. привело к распаду трехсторонней коалиции. В кампании 1805 г. император Александр I явился после эпохи Петра I первым из российских государей, который сам был на войне и пережил 20 ноября 1805 г. разгром союзных российско-австрийских войск.

Мемуарная литература об участии России в наполеоновских войнах 1805—1807 гг. значительно запаздывала по сравнению с аналогичной литературой об Отечественной войне 1812 г. По сути дела, до выхода в свет в конце 1860-х гг. великого романа Л.Н. Толстого, сцены сражений Шенграбена и Аустерлица не были известны широкому читателю. Если не считать официального издания А.И. Михайловского-Данилевского «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г.» (СПб., 1844). Самому Михайловскому-Данилевскому в момент Аустерлицкого сражения было пятнадцать лет, и он не был его участником.

В предлагаемом исследовании предпринята попытка источниковедческого анализа полузабытых или малоизвестных мемуаров непосредственных участников Аустерлица. Это записки графа А.Ф. Ланжерона, генерала А.Х. Эйлера, дипломата, участника Аус-

терлица А. Чарторыйского. В качестве откликов на события 1805 г. внутри российского общества использованы дневники драматурга, литератора С.П. Жихарева.

Граф, генерал от инфантерии **Ланжерон Александр Федорович** (1763—1831) происходил из аристократического французского рода. 7 мая 1790 г. из полковников французской армии принят на российскую службу тем же чином и определен в Сибирский гренадерский полк. В 1790 г. отличился при штурме Измаила. По велению императрицы Екатерины II в составе австрийских войск воевал против революционной Франции. 22 мая 1797 г. произведен в генерал-майоры, 25 октября 1798 г. пожалован в генерал-лейтенанты. С мая 1799 по апрель 1806 г. — шеф Рязского мушкетерского полка. 20 ноября (2 декабря) 1805 г. сражался с армией Наполеона при Аустерлице. **Воспоминания А.Ф. Ланжерона о кампании 1805 г. впервые опубликованы в переводе с французского в журнале «Военный сборник» под названием «Записки графа Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и Венгрии в 1805 г.» (1900, № 9—12 и 1901, № 1—2).** Был участником русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Разбил авангард армии великого визиря у крепости Журжа (1809). С августа 1810 г. начальник 22-й пехотный дивизии. За сражение при Рушуке 22 августа 1811 г. удостоен чина генерала от инфантерии.

В 1812 г. командовал корпусом в Дунайской армии адмирала П.В. Чичагова, участвовал в сражениях у Брест-Литовска, на реке Березина, затем преследовал неприятеля до Вислы. В кампании 1813 г. находился при взятии Торна, участвовал в сражении при Кенигсварте и при Баутцене.

С августа 1813 г. находился с корпусом в составе Силезской армии, был в сражениях под Левенбергом, Гольдбергом, при Кацбахе и Бишофсверде (за участие в них пожалован императорским шифром на эполеты).

В Лейпцигском сражении 5 октября 1813 г. атаковал левое крыло противника, 7 октября войска его корпуса ворвались в город и преследовали неприятеля до Лютценских ворот (награжден орденом Св. Александра Невского с алмазами).

В кампанию 1814 г. отличился при Суассоне, Краоне, Лаоне и при взятии Реймса, командовал всей кавалерией под Фер-Шампенуазом. Под Парижем получил из рук императора Александра I орден Св. Андрея Первозванного.

После победы над Наполеоном, в 1815 г. вернулся в Россию и 16 ноября 1815 г. назначен херсонским военным губернатором, **градоначальником Одессы** и управляющим по гражданской части Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний. Затем до 1823 г. был новороссийским генерал-губернатором. Участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. С февраля 1829 г. — шеф Рязжского пехотного полка. Скончался 4 июля 1831 г. Похоронен в Успенском католическом соборе в Одессе.

Свои бумаги и мемуары он оставил французскому консулу в Одессе, тот предложил его жене Елизавете их издать, но она не решилась. Бумаги были отправлены в Париж. Спустя более полувека с шести тетрадей (тысячи страниц) были сняты копии, и они оказались в российских архивах. Спустя еще три четверти века российский историк Н. Эйдельман проанализировал часть этих мемуаров и использовал их в книге «Грань веков» (1982) и др.

Одна из первых публикаций на русском языке появилась в журнале **«Русская старина», 1895, т. 83, с. 155; № 5, с. 196** и называлась «Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии», наряду с уже упоминавшимися «Записками графа Ланжерона... 1805 г.». С источниковедческой точки зрения из исследователей следует отметить фундаментальное издание: *Соколов О. В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799—1805 гг. Том I—II. М., 2006. Гл. 13—15. При этом автор ссылается на Journal... Ланжерона, хранящийся в Рукописном фонде Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

«Записки графа Ланжерона» о сражении при Аустерлице написаны в конце 1826 г. Сам Александр Федорович объясняет причину столь долгого молчания по сравнению со всеми остальными его военными кампаниями. «Сражение при Аустерлице оставило во мне слишком тяжелые воспоминания».

Свой труд А. Ф. Ланжерон разделил на пять частей.

Часть первая: короткая заметка о причинах войны 1805 г.

Часть вторая: описание самого сражения при Аустерлице и подробности относительно того, что Ланжерон видел и делал в этот день и в последующие дни до заключения мира с Австрией.

Часть третья: описание сражения, поднесенное императору Александру I, когда обвинения генерала Букстевдена заставили его оправдать себя в глазах российского императора.

Часть четвертая: описание сражения, проведенного австрийским генерал-майором Штуттергеймом. По замечанию самого Ланжерона, описание отличается «правдивостью и точностью».

Часть пятая: донесение генерала Кутузова императору Александру I с заметками, написанными одним из офицеров французского Генерального штаба и помещенными в газетах Французской Империи 18, 19 и 20 апреля 1806 г. с примечаниями самого А.Ф. Ланжерона.

В части первой А.Ф. Ланжерон пишет о военных событиях, предшествовавших сражению при Аустерлице, о причинах войны 1805 г. Автор воспоминаний отмечает, что короткая война 1805 г. и сражение при Аустерлице решили судьбу Европы и надолго сделали Наполеона посредником между народами. Оценивая роль России в политической и военной ситуации 1805 г., А.Ф. Ланжерон подчеркивает, что, в отличие от 1813 г., император Александр I «знал войну только по петербургским парадом, которые менее всего были похожи на войну».

Ланжерон пишет о приезде императора Александра I в Пулавы, замок княгини Чарторыйской (ныне — Польская Республика, Люблинское воеводство): вероятно, это произошло до 13/25 октября — даты приезда императора Александра I в Берлин... Ряд биографов Александра I (Сергей Соловьев, М., 2003, с. 98; А. Труайя, М.: Эксмо, 2004, с. 134; А. Архангельский, М.: Молодая гвардия, 2005, с. 113) не упоминают об этом факте, приводимом А.Ф. Ланжероном в его «Записках».

Здесь своевременно поставить вопрос о достоверности «Записок графа Ланжерона». Посмотрим на некоторые детали сражения при Шенграбене (или Голланбрюне) 4(16) ноября 1805 г. Ланжерон сообщает, что «бой был ужасный». «Из 8000 человек, входивших в состав арьергарда, 4000 легли на поле сражения... Уланиус, командовавший правым флангом, геройски сопротивлялся и ловко отступил... Багратион был окружен, пробился штыками и успел отступить, потеряв только восемь орудий...» «Багратион был безостановочно преследуем Мюратом, но действовал все время смело и искусно».

В примечаниях «Награды за Шенграбен» Ланжерон пишет, что «Князь Багратион получил орден Св. Георгия 2-й степени. Это был первый крест этой степени, данный после смерти Екатерины II. Товарищи Багратиона по славе также удостоились высших наград».

В подтверждение этих фактов в статье «Багратион» в энциклопедии «Отечественная война 1812 г.» (М., 2004, с. 41) читаем: «Во время... войны 1805 г. командовал арьергардом армии М.И. Кутузова, особо отличился 4.11.1805 под Шенграбенем, сдержав с 6 тыс. солдат натиск 30 тыс. французов. За этот подвиг награжден орденом Св. Георгия 2-го класса, минуя 4-й и 3-й классы». «8.11.1805 получил чин генерал-лейтенанта». (Там же.)

Что касается генерал-майора Карла Уланиуса, шефа 6-го Егерского полка, то орден Св. Георгия 3-й степени присужден в том числе за мужество и правильные распоряжения в сражениях на реке Эмс 22 октября (3 ноября), при Амштеттене 24 октября (5 ноября) и при Шенграбене 4(16) ноября 1805 г.»⁷⁵².

Возвращаясь к пребыванию императора Александра I в замке княгини Чарторыйской (Пулавы), Ланжерон отмечает антироссийскую настроенность княгини Чарторыйской, в то время как ее сын был министром иностранных дел России. Уже говорилось о молчании биографов Александра I о пребывании императора России в Пулавах. Только шестьдесят с лишним лет спустя этот сюжет вновь появится в исторической периодике: *Лемпицкий М.* Александр I в Пулавах. Его отношения к семейству Чарторыйских, 1805–1825 гг. // Русская старина, 1887, № 7. После польского восстания 1830–1831 гг. А.Чарторыйский эмигрировал. 6 октября 1831 г. исключен из членов Государственного совета и Сената Российской Империи⁷⁵³.

Затем идет краткое описание пребывания императора Александра I в Пруссии, где российский император был принят в Берлине с самыми высокими почестями.

А.Ф. Ланжерон дает крайне сдержанные характеристики генерал-адъютанту Винцингероде и австрийцу Вейротеру. Все материальные, продовольственные сбережения и обмундирование сильно уменьшились или пришли в негодность. Планы генерала Кутузова и генерала Сухтелена, а также самого Ланжерона были направлены на то, чтобы Наполеон не осмелился атаковать союзников при Ольшау. Но, —

⁷⁵² Военный орден Св. Великомученника и Победоносца Георгия. Отв. сост. В.М. Шабанов. М., 2004. С. 132.

⁷⁵³ *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. СПб., 2001. С. 713.

пишет Ланжерон, — «Император Александр хотел видеть сражение и выиграть его. К несчастью он вполне вверился Вейротеру». Для Ланжерона «образ действий и тайные намерения Вейротера являются загадкой, которая до сих пор не была разгадана... Он умер в Австрии вскоре после Аустерлицкого сражения ...» В то же время «Наполеон знал мельчайшие подробности о нашей армии, о наших силах, о предположениях и начальниках...» Далее Ланжерон приводит эпизод с миссией Долгорукого и его встречей с Наполеоном близ Вишау. «Крайняя умеренность и даже боязливость обманула Долгорукого и через него императора Александра, вообразивших, что Наполеон страшно боялся атаки с нашей стороны и отступил бы немедленно после нашего наступления».

16(28) ноября 1805 г. происходит сражение при Вишау (Вышкове). «Император Александр, — пишет Ланжерон, — присутствовал при этом, успех боя убедил его, что армия Наполеона не представит большего сопротивления, чем ее аванпосты».

Наконец, 19 ноября (1 декабря) войска прибыли на биваки к 10 часам вечера. Два категорических вывода делает Ланжерон перед описанием сражения при Аустерлице.

«Или Вейротер был генералом, совершенно не способным составить диспозицию для сражения, или он хотел предать нашу армию; середины нет между этими двумя предположениями».

«Наши корпусные командиры никогда не бывали на войне и не имели другого опыта, кроме парадов и маневров мирного времени».

* * *

Вторая часть записок содержит описание сражения при Аустерлице и последующих дней до заключения Пресбургского мира.

Что касается замечаний графа Ланжерона на диспозицию австрийского генерал-майора Ф. Вейротера, то «она была неосуществима и даже нелепа». Кроме Ланжерона при чтении с 1-го часа ночи до 3 часов (в ночь с 1 декабря на 2 декабря 1805 г.) присутствовали Буксгевден, Милорадович, Пржибышевский и Дохтуров. «Кутузов, сидевший и наполовину дремавший... перед отъездом совсем заснул».

20 ноября (2 декабря) 1805 г. в 7 часов союзники начали наступление. Главные силы союзников — 4 колонны и отряд конницы.

4-я колонна генерала И.К. Коловрата перешла в наступление с опозданием, около 9 часов подверглась удару главных сил противника и после двухчасового боя оставила Праценские высоты. Ланжерон пишет, что в 9 час. 30 мин. утра граф Каменский донес, что французы действительно заняли Праценские высоты.

Оценка А.Ф. Ланжерона после случившегося такова: «В этот момент я находился в деревне Сокольниц; я поручил генералу Олсуфьеву продолжать атаку, а сам поехал к бригаде Каменского. *Это было ошибкою, может быть простительною в нашем положении, но все-таки ошибкою, которую я всегда буду ставить себе в упрек; я должен был тогда остановить голову своей колонны, сговориться с Пржибышевским, предупредить о случившемся Буксгевдена и Дохтурова и спешить на помощь Каменскому...*» (курсив мой. — С.Р.). Оценка А.Ф. Ланжерона весьма категорична: «Бездействие и недостаток решимости у Буксгевдена являются одной из главных причин проигрыша сражения или, по меньшей мере, нашего полного поражения».

Когда Ланжерон прибыл к графу Каменскому, то он «не видел никого из свиты императоров, ни из штаба Кутузова». Ланжерон «не получал ни приказаний, ни донесений, но ясно видел, что наш центр прорван», колонна Коловрата—Милорадовича рассеяна и сражение «безнадёжно потеряно».

А.Ф. Ланжерон отмечает, что наши солдаты «несмотря на критическое положение, в котором они находились, ...держались превосходно в продолжение почти двух часов...»

«Наконец, адъютант князя Шварценберга привез... известие о катастрофе с четвертой колонной (Коловрата—Милорадовича. — С.Р.)».

Каменский, «поведение которого в этом сражении, — по мнению Ланжерона, — заслуживает наилучшей похвалы», продолжал бой еще несколько времени и затем соединился с остатками русских и австрийских батальонов четвертой колонны. «Все они потеряли свою артиллерию... но бригада Каменского спасла их знамена». Как замечает Ланжерон, «оба императора и Кутузов находились при этих остатках четвертой колонны».

Описывая неудачи четвертой колонны (Коловрата—Милорадовича), А.Ф. Ланжерон пишет об ошибке генерала Милорадовича, подставившего Наполеону свою колонну, а с ней и всю армию. На-

полеон «сказал перед сражением и потом повторял, что если бы мы охраняли Праценские высоты, он (Наполеон. — *С.Р.*) нас никогда не атаковал бы». Четвертая колонна была разбита и рассеяна менее чем за полчаса: командир 1-го батальона Новгородского полка генерал С.Я. Репнинский (1775—1818) получил пять пулевых ранений⁷⁵⁴.

Генерал Г.М. Берг (1765—1838), командир Малороссийского гренадерского полка (впоследствии — герой войны 1812 г.) был ранен и взят в плен. А.Ф. Ланжерон приводит редкие сведения о случившемся. «Генерал Берг был привезен к Наполеону, находившемуся недалеко. Так как воротники офицеров Малороссийского полка, имевшего шефом принца Баденского, были вышитые, то Наполеон принял Берга за гвардейца и спросил, где находится гвардия и император Александр. Берг ему ответил, что он не может и не должен этого говорить...» «Я имел глупость об этом спрашивать, — сказал Наполеон. — Дай Бог, чтобы с ним не случилось чего-нибудь худого».

Французы, по описанию А.Ф. Ланжерона, предводимые Сультом (1769—1851) и Бернадотом (1763—1844), развивали достигнутые успехи с быстротою, не позволявшей союзникам собраться.

Как отмечает Ланжерон, «Напрасно Кутузов со своей свитой, император Александр и его адъютанты делали все, что могли, чтобы исправить столь ужасное поражение, которое в сущности было непоправимо, и восстановить порядок в войсках; им не удалось этого достичь».

Наконец, граф Буксгевден получил от генерала Кутузова приказ отступать. Близ Аугеста через канал был худой мост. Граф Буксгевден одним из первых перешел по нему со своим штабом... Вскоре колонна Вандамма (1770—1830) попыталась захватить мост... «Было около 4-х часов; наступила темнота, мокрый и холодный снег шел уже целый час... невозможно было увеличить ужас нашего положения».

А.Ф. Ланжерон восклицает: «Мне уже случалось видеть проигранные сражения, но о таком поражении я не имел понятия... не оставалось двух человек одной и той же роты вместе...»

Среди героев Аустерлица был Баргратион, действовавший на самых трудных участках. Кутузов в рапорте императору писал, что Ба-

⁷⁵⁴ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 613.

гратион в этом сражении «удерживал сильное стремление неприятеля и вывел корпус свой из сражения при Аустерлице в порядке...»⁷⁵⁵.

Дополняя описание сражения, А.Ф. Ланжерон рассказывает об операциях четырех колонн левого фланга, некоторые подробности о действиях кавалерийской колонны, гвардейского корпуса и арьергарда князя Багратиона.

О движении нашей кавалерии А.Ф. Ланжерон узнал от нескольких офицеров, принимавших участие в битве. Уланский полк Великого князя Константина, бывший на левом фланге, атаковал неприятеля. Но французы, возглавляемые генералом Ф. Келлерманом (1735—1820), выдвинувшие батареи, уничтожили картечью уланский полк, который был отброшен, рассеян. Командир полка, генерал барон Е.И. Меллер-Закомельский (1766—1830) был тяжело ранен, и четвертая часть полка выбыла из строя.

Елизаветградский гусарский полк попал под картечь, и командир его, генерал Эссен был убит во время атаки во главе своего Черниговского драгунского полка.

Храбрый подполковник Алексей Петрович Ермолов⁷⁵⁶ со своей конно-артиллерийской ротой прикрывал отступление удивительно смело и искусно.

В 10 часов утра часть французских войск, рассеявших нашу четвертую колонну, показалась перед гвардией. Великий князь Константин (который ею потом командовал в 1813 г.) приказал Преображенскому и Семеновскому полкам атаковать в штыки. Французы были подкреплены, и наши гвардейцы принуждены были отступить и очистить Блазовиц; однако, они не потеряли ни одного орудия и ни одного знамени. Кавалергарды сильно пострадали. Полковник князь Н.Г. Репнин-Волконский (1778—1845) был ранен и взят в плен.

Два эскадрона конной гвардии, под начальством полковников Е.И. Оленина (1774—1827) и А.П. Ожаровского (1776—1855) воспользовались атакою Преображенского полка и произвели атаку, которая была более удачна, и они взяли одно французское знамя.

⁷⁵⁵ Гр. Шенкман. Генерал Багратион. СПб., 2003. С. 92—93.

⁷⁵⁶ Впоследствии — с 9 апреля 1816 г. — главноуправляющий в Грузии и командующий Отдельным Грузинским (позднее Кавказским) корпусом, а также чрезвычайный посол в Тегеране.

4-й егерский полк и Павлоградские гусары были на правом фланге близ гор; за ними во второй линии встали полки Архангело-городский, Псковский и Староингерманландский под начальством генералов: графа Николая Михайловича Каменского (1776—1811), Евгения Ивановича Маркова (1769—1828) и Григория Григорьевича Энгельгарда (1759—1833). В центре на большой дороге расположилась конно-артиллерийская рота князя Льва Михайловича Яшвиля (1768—1836) и Мариупольский гусарский полк.

Позади Круга 6-й егерский полк с генералом К.К. Уланиусом (ум. 1808); за ним кирасиры Ее Величества под начальством графа Иоанна Витта (1782—1840).

Наполеон противопоставил нашему авангарду маршала Ланна (1769—1809). Он приказал занять артиллерией все высоты, обстреливающие большую дорогу и пространство между деревнями Круг и Дворошна.

5-й егерский полк овладел Дворошной и держался в ней. Три пехотных полка понесли большие потери от артиллерийского огня французов, сильно превосходившего наш. Князь Л.М. Яшвиль, имея двенадцать орудий, храбро боролся с ним.

Когда французская кавалерия опрокинула союзную, она обрушилась на авангард генерала К.К. Уланиуса, потом он был окружен и взят, не будучи поддержан кирасирами Ее Величества, командир которых граф Витт не счел это своевременным.

А.Ф. Ланжерон дает пространную характеристику графу Иоанну Осиповичу Витту. Причем в записках Ланжерона ни один политический и военный деятель — участник тех событий не удостоился столь пространной характеристики. Завершает эту характеристику А.Ф. Ланжерон словами: «Я имел случай хвалить графа Витта, но мне не случилось на него жаловаться; тем не менее, я никогда не сделаюсь его другом и никому этого не посоветую, в особенности, если он находится в положении, в котором может затмить его, и если они идут по одной карьере: Витт слишком ловок, чтобы не быть опасным»⁷⁵⁷.

А.Ф. Ланжерон отмечает роль П.И. Багратиона в отступлении через Аустерлиц: «Князь Багратион исполнил это трудное поручение

⁷⁵⁷ Военный сборник. 1900. № 11. С. 44.

с таким же усердием и преданностью, как и счастливо. Он упорно удерживался, насколько было возможно, впереди и позади Аустерлица, и его полки оказались единственными, сохранившими немного порядка в этом роковом отступлении».

«Император (Александр I. — *С.Р.*) нашел свои повозки только через 10—12 дней после сражения и оставался в это время в весьма затруднительном положении».

Далее приводятся, по сведениям А.Ф. Ланжерона, данные потери: «Наши потери в людях в этом сражении не были так велики, как сначала думали. Русские потеряли 16 000 тысяч убитыми и взятыми в плен, а австрийцы от 3000 до 4000 тысяч человек. Мы потеряли 156 орудий (130 русских и 26 австрийских) и 36 русских знамен».

А.Ф. Ланжерон дает, по его представлению, перечень причин поражения союзников.

«Первая ошибка: ...никогда не давать бесцельного сражения, выигрыш которого не может окупить ужасных последствий в случае поражения».

Второе — «Мы должны быть битыми благодаря одной нашей диспозиции, которая была нелепой; мы были побиты скорее по непонятной недальновидности Милорадовича и затем из-за нерешительности Буксгевдена».

Третье — «Ни полки, ни начальники, ни генералы не имели необходимой опытности, чтобы противостоять старым ветеранам Наполеона... было большим заблуждением атаковать их и еще большим думать, что достаточно нам появиться перед ними, чтобы победить их».

«Только два генерала были наказаны... генерал-лейтенант Пржибышевский и я (А.Ф. Ланжерон. — *С.Р.*). Последний не был включен в список новых начальников дивизий, и ему было приказано удалиться со службы». Через шесть лет А.Ф. Ланжерон командовал армией.

С И. Я. Пржибышевским поступили строже... его судили, и 31 октября 1810 г. он был разжалован в рядовые (утвержден приговор 25 ноября 1810 г.).

Все справочники, энциклопедии, примечания к части III тома I романа «Война и мир» Л.Н. Толстого завершают биографическую канву И.Я. Пржибышевского на 1810 г.

В 1999 г. в сборнике «Персональные истории»⁷⁵⁸ была опубликована статья Алексея Монахова «Императорские шахматы, или горе побежденным», посвященная в основной своей части судьбе И.Я. Пржибышевского. Во вступлении автор пишет: «Быть может, лишь долгие и дотошные архивные поиски смогут дать ответ, где и когда окончилась нелегкая жизнь» И.Я. Пржибышевского.

Между тем в «Записках» А.Ф. Ланжерона мы читаем, «что И.Я. Пржибышевский оставался солдатом более десяти лет и потом снова восстановлен в своих чинах». Конечно, уже упоминался вопрос о достоверности воспоминаний А.Ф. Ланжерона («Записки писались 20 с лишним лет спустя после событий, имеются некоторые неточности в воспроизведении имен участников сражения, что связано с переводом с французского на русский и др.»). И все же подробности дальнейшей судьбы генерал-майора Лошакова, а также подтверждения некоторых фактов, приведенных ранее: о награждении П. Багратиона орденом Св. Георгия 2-го класса (минуя 4-й и 3-й классы) и генерал-майора Карла Уланиуса, шефа 6-го Егерского полка, орденом Св. Георгия 3-й степени — подтверждаются современными источниками: энциклопедией «Отечественная война 1812 г.»⁷⁵⁹ и сборником «Военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия»⁷⁶⁰.

Завершая эту часть «Записок», А.Ф. Ланжерон дает свою версию о медлительности, с которой Наполеон преследовал союзников. Наполеон приказал генералу Ш.Э. Гюдену (1768—1812) двинуться к Галичу, чтобы отрезать нам путь отступления. Но, пишет А.Ф. Ланжерон, или потому что Ш.Э. Гюден «слишком поздно получил приказ о движении, или потому что он его вяло исполнил», Ш.Э. Гюден «не прибыл вовремя, и мы были спасены».

Со своей стороны, генерал Кутузов, предвидевший возможность движения неприятельского корпуса, «ускорил отступление...», и когда союзники узнали о приближении Ш.Э. Гюдена 23 ноября (5 декабря), в полдень, тотчас был отдан приказ об отступлении прямо войскам, минуя начальников. ...И армия собралась в Галиче. «Там, — отмечает

⁷⁵⁸ Персональные истории. М., 1999. С. 124—207.

⁷⁵⁹ Отечественная война 1812 г. С. 41.

⁷⁶⁰ Военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия / Отв. сост. В.М. Шабанов. С. 132.

А.Ф. Ланжерон, — остановились Императоры со всей их свитой». «Трудно, — продолжает Ланжерон, — поддерживать строгую дисциплину среди 70 000 солдат, умирающих с голода».

В Галиче император Александр I лишил Вейротера своего доверия, и обязанности генерал-квартирмейстера армии снова возложили на генерала Сухтелена Петра Корниловича (1751–1836)⁷⁶¹.

К этому моменту «Император Александр со своей свитой находился на иждивении австрийского императора, так как при нем не было ничего, кроме одного лакея»⁷⁶².

«Между тем император Франц вел с Наполеоном переговоры о мире», который был заключен 26 декабря 1805 г. в Пресбурге (Братислава) между Францией и Австрией.

Завершает описание кампании 1805 г. А.Ф. Ланжерон следующим отрывком: «Венгры... приняли русских с широким и радушным гостеприимством... каждый крестьянин старался поделиться всем, что имел, с тем, кого судьба привела расположиться у него...». К описанию кампании 1805 г. и сражения при Аустерлице А.Ф. Ланжерон прибавляет два письма, написанных по-французски генералами М.А. Милорадовичем и М.И. Кутузовым, которые, по мнению Ланжерона, в том числе дают представление о характере каждого из авторов.

* * *

В реляции, представленной императору Александру I генералом Кутузовым, с примечаниями, написанными офицером французского генерального штаба и помещенными в журналах Французской Империи 18, 19 и 20 апреля 1806 г. (и замечаниями одного русского генерала)⁷⁶³, отмечается, что в генеральном сражении 20 ноября (2 декабря) русские войска «явили новые доказательства своей храбрости и неустранимости».

Далее перечисляется список раненых генералов: генерал-лейтенант Эссен 2-й (умерший от ран), генерал-майоры: Сакен, Н.И. Депрерадович (1767–1843), Жилицкий, Г.М. Берг (1765–1833),

⁷⁶¹ См.: Сухтеленские чтения. СПб., 2002.

⁷⁶² Ланжерон А.Ф. Воен. сб. 1900. № 11. С. 49.

⁷⁶³ Имя русского генерала в журнале «Военный сборник» (1901, № 1) не расшифровывается.

И.И. Миллер (1776—1814), Е.И. Меллер-Закомельский (1766—1830), последние три были взяты в плен, так же как генерал-лейтенанты И.Я. Пржибышевский и Вимпфен и генерал-майоры Селеков, Штрих и Шевлаков. Последний был болен, выехал из Вишау и совсем не был в сражении.

«Замечания или опровержения одного русского офицера на заметки французского офицера по поводу реляции генерала Кутузова о сражении при Аустерлице» составляют 11 пунктов. Русский офицер пишет, что «повторил в этих замечаниях много подробностей», написанных им ранее, «но считал эти повторы необходимыми ради придания силы и последовательности тому», что считал долгом (курсив мой. — С.Р.) ответить французскому очевидцу.

Далее следует интересная ремарка, которую необходимо привести полностью, так как в «Записках графа Ланжерона» много подробностей, отсутствующих в других источниках.

Вот полный текст ремарки русского офицера: «Я должен согласиться что все сказанное им (французским офицером. — С.Р.) о намерениях Наполеона и о наших ошибках справедливо, но его оскорбления и преувеличения столь же неприличны, как и смешны; я принужден сознаться, что в реляциях Кутузова много заблуждений и ошибок. Написал ее не он, но ему не следовало бы подписывать это сочинение Толля»⁷⁶⁴. Это утверждение подлежит тщательному источниковедческому анализу.

* * *

Эйлер Александр Христофорович (1773/79—1849) — генерал от артиллерии (1834). Внук математика Л. Эйлера, сын генерала Х.Л. Эйлера. В 1805 г. в чине капитана сражался с Наполеоном при Аустерлице. Участник кампании 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813—1815 гг. Похоронен в Санкт-Петербурге на Волковском лютеранском кладбище.

⁷⁶⁴Толь Карл Федорович (1777—1842) — воспитывался в 1-м кадетском корпусе, был учеником М.И. Кутузова. Участник кампании 1805 г. против Наполеона. В кампанию 1812 г., по утверждению А.И. Михайловского-Данилевского, без К.Ф. Толя не проводился ни один военный совет и не принималось ни одно решение.

«Записки Александра Христофоровича Эйлера» были опубликованы А.А. Эйлером в журнале «Русский архив»⁷⁶⁵.

Отрывок воспоминаний А.Х. Эйлера сравнительно небольшой по объему, но во многом подтверждает сведения, приводимые А.Ф. Ланжероном.

«20 ноября было Аустерлицкое сражение, первое для всей гвардии... Колонна Милорадовича, бывшая на левом фланге гвардии, не сделав выстрела, убежала, и мы, едва в 5 тысяч человек, должны были продержаться против 30 тысяч французов под предводительством самого Наполеона... нас... перегнали через ручей и даже рассеяли; но гвардия не убежала... Гвардия вообще дралась истинно с большим духом, пехота три раза ходила на штыки, а кирасиры сделали две атаки, но сила превозмогла; из гвардии потеряно много людей и одно орудие с подпоручиком Демидовым. Общая же утрата артиллерии из всей армии была значительна. Наступившая ночь дала нам возможность ретироваться без потери; мы пошли на Галич, что на границе Венгрии. ...В Галиче простояли мы 6 дней почти без пищи и фуража; люди кормились находимым иногда в ямах картофелем, а чаще голодали... В Венгрии принимали нас очень хорошо, лелеяли и кормили досыта, но переходы по горам и через реки и ручьи без мостов в декабре месяце были трудны. Маршрут был через Краков и Брест-Литовск, а оттуда по прежней дороге в Петербург, но форсированный, отчего так же и от совершенного голода в Галиче, гвардия потеряла много отличных людей... В начале апреля (1806 г. — С.Р.) пришли мы к Петербургу, а на Фоминой неделе вступили в столицу. (Фомина неделя — 1-я неделя после православной Пасхи. — С.Р.) Фомина неделя прилась в 1806 г. на 2–8 апреля.

Однако до прибытия гвардии в Санкт-Петербург сведения о сражении были крайне скудными. Об этом читаем в дневнике С.П. Жихарева — литератора, драматурга, переводчика (1788–1860).

Запись от 30 ноября, четверг: «Получено известие, что 20 числа мы претерпели жестокое поражение под Аустерлицем...»

Запись 2 декабря, суббота: «Известия из армии мало-помалу определеннее... Конечно, потеря немалая в людях, но народу хватит у нас

⁷⁶⁵ Русский архив. 1880. Кн. 2. № 11. С. 333–399.

не на одного Бонапарте, как говорят некоторые бородачи-купцы, и не сегодня, так завтра подавится...»

Запись 3 декабря, воскресенье: «Всюду толкуют о подвигах князя Багратиона, который мужеством своим спас арьергард и всю армию... Кажется, что мы разбиты и принуждены были ретироваться по милости наших союзников, но там, где действовали одни, и в самой ретираде — войска наши оказали чудеса храбрости. Так должно и быть».

И, наконец, запись 18 декабря, понедельник: «В день рождения государя кавалерская дума поднесла ему, через депутатов своих, князей Прозоровского и Куракина, орден Св. Георгия 1-й степени, но государь, не приняв его, приказал сказать думе..., что находит теперь приличным принять только знак 4-й степени».

Полный текст награждения императора Александра I орденом Св. Георгия 4-й степени приводится в справочнике В.М. Шабанова «Военный орден Св. Великомученника и Победоносца Георгия»⁷⁶⁶.

К двухсотлетней годовщине Министерства иностранных дел России вышла книга Гавриила Кессельбреннера, профессора МГИМО (Университета) «Известные дипломаты России. Министры иностранных дел Российской империи»⁷⁶⁷. Среди других биографий находим очерк об Адаме Чарторыйском — министре иностранных дел России в 1804—1806 гг. (с. 98—121). **Адам Чарторыйский** (1770—1861) — князь, государственный деятель⁷⁶⁸.

Князь Адам Чарторыйский после вступления на престол в 1801 г. императора Александра I играл заметную роль в политической жизни России: во время существования «Негласного комитета» (1801—1803 гг.) при Александре I входил в его состав, в 1802 г. был назначен товарищем (заместителем) министра, а в 1804 г. — министром иностранных дел России. 20 ноября (2 декабря) 1805 г. находился вместе с императором Александром I на поле сражения при Аустерли-

⁷⁶⁶ Шабанов В.М. Военный орден Св. Великомученника и Победоносца Георгия. М., 2004. С. 205—207.

⁷⁶⁷ Кессельбреннер Г. Известные дипломаты России. Министры иностранных дел Российской империи. М., 2002.

⁷⁶⁸ Обширную справку о нем и библиографию см. в справочнике: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802—1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 712—714.

це. Об этом Адам Чарторыйский пишет в главе XII своих «Мемуаров» (рус. пер., т. I, М., 1912). Впоследствии, начиная с 1815 г. Адам Чарторыйский — сенатор-воевода и член Административного совета Царства Польского. Во время Польского восстания 1830—1831 гг. Чарторыйский возглавил повстанческое правительство. После подавления восстания эмигрировал во Францию. 6 октября 1831 г. исключен из членов Государственного совета и Сената Российской Империи. В эмиграции жил в «Отеле Ламбер» в Париже, ставшем центром польской эмиграции.

Отдельные главы «Мемуаров» Адама Чарторыйского писались одновременно, в конце 50-х гг. XIX в. Глава XII, посвященная Аустерлицу, оказалась незавершенной... Но, тем не менее, написанная ее часть «Подготовка к войне. Убийство герцога Энгийенского. Отношения России и Франции. Разрыв. Переговоры с Пруссией. Поездка в Берлин. Война. Аустерлиц» дает малоизвестные подробности сражения при Аустерлице.

А. Чарторыйский пишет: «Утром (2 декабря. — *С.Р.*) наши аванпосты безуспешно атаквали французов... мы увидели французские колонны, быстро мчавшиеся вперед... Император (Александр I. — *С.Р.*) был также поражен быстротой их движения...»

«Я (А. Чарторыйский. — *С.Р.*) ...прискакал к возвышению, с которого мог видеть все, что делалось там, где находился русский гвардейский корпус и вся кавалерия... Атаки (французов. — *С.Р.*)... повторенные несколько раз, задержали меня некоторое время на холме... приблизившись к месту, где шла борьба между гвардией и французами, я встретил принца Шварценберга⁷⁶⁹. ...Я убеждал его восстановить порядок в находившихся подле него отрядах... он... сказал, что боится вмешиваться в планы действий, когда все уже было в полном разгаре...»

А. Чарторыйский дополняет картину происходящего: «...По счастливой случайности мне удавалось находить Императора (Александра I. — *С.Р.*) в различных пунктах, куда он попеременно являлся;

⁷⁶⁹ Шварценберг Карл Филипп (1771—1820) — с 1800 г. шеф 2-го уланского полка (который стал именоваться уланским полком Шварценберга). В кампанию 1805 г. возглавлял правое крыло австрийской армии. После 2-го Парижского мира 1815 г. назначен президентом Гофкригстрата. В январе 1817 г. вышел в отставку.

он часто посылал меня вперед, чтобы видеть, что там делалось. Иногда же я случайно оставался совершенно один».

Говоря об отступлении, А. Чарторыйский приводит малоизвестные детали: «Император (Александр I. — С.Р.) направился к Аустерлицу, еще занятому отрядом Багратиона, превратившимся теперь в арьергард. Туда собрались и его адъютанты: генерал-адъютант Х.А. Ливен (1774—1838), генерал П.А. Милорадович, князь Михаил Долгоруков, младший брат князя П.П. Долгорукова (1777—1806)... Он был ранен в бедро, что, однако, не помешало ему продолжать сражаться...⁷⁷⁰ Я (А. Чарторыйский. — С.Р.) заметил среди них также... Вейротера, который (характеристика дана самим А. Чарторыйским. — С.Р.) был на всех пунктах сражения и подвергал себя риску с большим мужеством, желая помочь беде, одним из главных виновников которой он был сам» (глава 12, с. 363).

Описывая вторую половину дня, А. Чарторыйский отмечает: «Генералу Винцингероде поручили доставить Багратиону приказ отступить к Аустерлицу и продержаться там насколько возможно дольше, не подвергая себя, тем не менее, какой-либо опасности».

«День склонялся к вечеру. Генералы вернулись на свои посты, а император (Александр I. — С.Р.) для безопасности должен был отправиться в Галич... Император был чрезвычайно подавлен. Страшное волнение, перенесенное им, отозвалось на его здоровье. Я был с ним один и... помогал ему. Мы провели так два дня и три ночи, прежде чем добраться до Галича... Проезжая через деревни, мы только и слышали несвязные крики солдат... Проездив несколько часов, мы прибыли, наконец, в значительное селение. Там я нашел комнату для императора...» Далее А. Чарторыйский добавляет: «Я хотел соединить обоих императоров в одном месте, чтобы лучше обеспечить их безопасность, но мне это не удалось. Император Франц брел своей дорогой, поручая мне иногда передать от его имени утешение Александру»⁷⁷¹.

⁷⁷⁰ Долгоруков Михаил Петрович награжден орденом 4-й ст. Св. Георгия за Аустерлиц. См. справочник: Шабанов В.М. Военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия. М., 2004. С. 207.

⁷⁷¹ На этом месте глава 12 «Мемуаров» А. Чарторыйского обрывается. Примечание А.А. Кизиветтера, историка, редактора изд. 1912 г.: «Следующая глава о Швеции

Таким образом, мемуары А. Чарторыйского не только дают малоизвестные детали сражения при Аустерлице, но и дополняют и подтверждают общую картину происходивших событий.

* * *

Война 1805 г. к моменту начала работы Л. Толстого над первой редакцией романа «Война и мир» была далеким и смутным заграничным походом 80-тысячной русской армии, локальным по сравнению с Отечественной войной 1812 г., в которой участвовало до 1 миллиона человек и погибло до 300 тысяч русских воинов⁷⁷².

Мемуары А.Ф. Ланжерона (1826 г., рус. пер. 1900–1901 гг.), воспоминания А.Х. Эйлера (публикация 1880 г. А.А. Эйлером), «Мемуары» А. Чарторыйского (рус. пер. 1912 г. с комментариями А.А. Кизиветтера) практически не использовались Л. Толстым при описании Шенграбена и Аустерлица.

Как сообщает В.Л. Кучин в своем исследовании «Капитан Тушин из “Войны и мира” в романе и в жизни»: «Помимо книг Михайловского-Данилевского, Ермолова, Федора Глинки, Дениса Давыдова, было какое-то личное собрание семейных и из артиллерийской бытности легенд... об Аустерлице. Использованные Толстым источники ищутся и находятся до сих пор»⁷⁷³.

Отражение культурно-исторического менталитета людей наполеоновской эпохи в военной мемуарной литературе: русско-французский взгляд

Приказчикова Елена Евгеньевна

Мемуарно-автобиографическая литература, будучи источником личного происхождения, справедливо рассматривается как «окно в прошлое» (термин А. Гладкова), позволяющее исследовать не только

была продиктована гораздо раньше, вскоре после описанных событий».

⁷⁷² Кучин В.Л. Капитан Тушин из «Войны и мира» в романе и в жизни. М.: ИСТЕК, 1999. С. 57.

⁷⁷³ Там же. С. 60.

специфику исторических реалий своего времени, но и культурно-исторический менталитет людей данной эпохи. В силу этого «...безмемуарные эпохи (а такие бывают) кажутся нам молчаливыми, наглухо запертыми»⁷⁷⁴.

Массовый выход мемуарного текста в литературное и культурное пространство эпохи осуществился в первой четверти XIX в. как реакция на события наполеоновских войн. Именно тогда мемуарный текст получает признание как попытка человека зафиксировать личный взгляд на историческое событие, который человек хотел сделать достоянием общественности, сознательно предназначая свое произведение для печати. Установка на публикацию, появившаяся в первые десятилетия XIX в., производит настоящую революцию в мемуаристике, так как абсолютное большинство мемуарных произведений XVIII в. были предназначены для «домашнего» употребления, «писались в стол».

В случае с военными мемуарами I половины XIX в. основной задачей, стоящей перед автором, как правило, было осознание своего места в историческом процессе. На первый план выходит историческое самосознание личности, возвышение «я» личного до «мы» общенационального. В военных мемуарных источниках необыкновенно сильна тенденция к созданию собственной концепции действительности, опирающейся, как правило, на рассказ о ключевых событиях 1812 г., которым дается соответствующая авторскому мировоззрению интерпретация. Такими событиями для мемуаристов 1812 г. (как с русской, так и с французской сторон) были битва за Смоленск, Бородинское сражение, битва за Малоярославец, начало отступления французов по старой Смоленской дороге, Березинская переправа.

Еще более существенным фактором для филологов, культурологов, философов является то обстоятельство, что именно в мемуарных произведениях, посвященных наполеоновской эпохе, впервые начинает осмысляться и, в определенном смысле, глорифицироваться специфический тип личности, чей менталитет неизменно привлекал симпатии потомков. Это было связано с тем, что наполе-

⁷⁷⁴ Гладков А.К. Мемуары — окно в прошлое // Вопросы литературы. 1974. № 4. С. 123.

оновская эпоха и в России, и во Франции очень рано, практически сразу же после смерти Наполеона на острове Святой Елены, стала осознаваться как эпоха историческая, не имеющая аналогов в современности. В результате формируется четкая антитеза «век нынешний — век минувший», причем явно не в пользу первого. Подобная установка находит себя в «Бородино» М. Лермонтова, «Современной песне» Д. Давыдова, наконец, в пушкинской «Метели», в которой воскрешается героический дух наполеоновской эпохи: «...Время незабвенное! Время славы и восторга...». Во Франции, несмотря на все неизбежные ограничения, связанные с политическим режимом Реставрации, бывший адъютант Наполеона генерал Ф. Сегюр в 1824 г. выпустил в свет свои записки, где будет очень четко проследиваться тенденция к прославлению наполеоновской эпохи через восхищение уже начавшим уходить в вечность поколением: «Что за люди! Что за командир! Какая судьба! Это — те самые люди, которые за тринадцать лет перед тем на юге, в Египте, попробовали победить Восток и разбились о его ворота! Позднее они победили всю Европу!»⁷⁷⁵. Ф. Булгарин, русский писатель, поляк по происхождению, который успел послужить и в русской армии, и в армии Наполеона, в своих «Воспоминаниях» давал такую оценку «поколению героев» и их эпохе: «Чудная эпоха, которая не скоро повторится на земле, эпоха истинно мифологическая! <...> Войны Александра и Наполеона, как некогда сподвижники Энея и Агамемнона, обращают на себя внимание умных людей нового поколения!»⁷⁷⁶.

Это максимальное сближение ментальности русских и французов было вызвано у Булгарина не только фактом последовательного служения в обеих армиях. В отношении русских к французам заметен еще один аспект, который философ К. Леонтьев в статье «Наши новые христиане» охарактеризовал как эстетическую любовь русских к французам. Он писал: «Русское дворянство времени Александра I восхищалось тогдашними французами, вредя им стратегически (а, следовательно, и лично) на каждом шагу»⁷⁷⁷. Эстетическое увле-

⁷⁷⁵ Сегюр Ф. де. Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 183.

⁷⁷⁶ Булгарин Ф. Ф. Записки. М., 2001. С. 171.

⁷⁷⁷ Леонтьев К. Н. Наши новые христиане, гр. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский // Леонтьев К. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 8. 1885. С. 357.

чение русского дворянства Францией и французами, составляющее одну из черт сознания образованного общества России, не осталось незамеченным в русских военных мемуарах I половины XIX в. Генерал М. Орлов, принимавший участие в переговорах о капитуляции Парижа в 1814 г., писал: «Мы любили язык, литературу, цивилизацию и мужество французов, с убеждением и энтузиазмом отдавали им во всех этих отношениях справедливую дань удивления»⁷⁷⁸. Однако, с другой стороны, ссылаясь на собственный опыт «самовидца», он отмечал и обратную тенденцию, заключающуюся в том, что «в это время и долго после того русские пользовались у французов гораздо большей благосклонностью, чем другие нации»⁷⁷⁹. У французов последнюю точку зрения М. Орлова подтверждали адъютант Наполеона граф Ф. де Сегюр, французский дипломат Ш. Массон и даже сам Наполеон, отмечая определенное духовно-психологическое сходство двух наций. В воспоминаниях Б. О'Мирры, врача императора на острове Святой Елены, тот заявляет: «По храбрости русских солдат можно сравнить только с французскими»^{780 781}.

Использование метода контент-анализа по отношению к мемуарным источникам позволяет четко выделить следующие характерные черты исторической психологии поколения.

Прежде всего, это культ «ритуального» буйства, рисовки удалью и молодечеством, который проявлялся не только в бытовом поведении людей, но и на поле брани. Ф. Булгарин, говоря о наполеоновской эпохе, характеризовал ее как время, когда «люди жили не по календарю, говорили не под диктовку и ходили не по стрункам, то есть когда какая-то рыцарская необузданность подчиняла себе этикет и образованность»⁷⁸². Этот культ «ритуального буйства», не-

⁷⁷⁸ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. М., 1963. С. 17.

⁷⁷⁹ Там же.

⁷⁸⁰ О'Мирра Б. Голос с острова Святой Елены. Воспоминания. М., 2004. С. 368.

⁷⁸¹ В результате складывалась парадоксальная ситуация, когда французы, самый просвещенный и образованный народ Европы XVIII — I половины XIX в., признают равными себе представителей полуварварской Восточной Европы, отказывая в этом безусловно европейским народам: англичанам, пруссакам, австрийцам.

⁷⁸² Булгарин Ф. Ф. Сочинения Ф. Булгарина: в 3 ч. Ч. 3. СПб., 1830. С. 351.

изменно фиксирующийся в мемуарных источниках более позднего времени, во многом отражал протест против прозаического бытия «железной зимы» (Ф. Тютчев) Николая I в России или «Франции пигмеев» (П.-Ж. Беранже) Людовика XVIII. По справедливому мнению Ю.М. Лотмана, модель подобного поведения «строилась как победа над неким признанным корифеем данного разгула. Смысл поступка был в том, чтобы совершить неслыханное, превзойти того, кого еще никто не мог победить»⁷⁸³.

Хрестоматийными примерами разгульного поведения российско-го дворянства начала XIX в. могут служить многие эпизоды из жизни М. Лунина и его товарищей-кавалергардов, переданные в «Записках» С. Волконского и «Воспоминаниях» Н. Белоголового. Начиная от «купания» М. Лунина в полной форме в Петергофском заливе, «чтобы не оскорблять приличий» в пику генералу-немцу, запретившему подобные купания, до мести Наполеону путем «пускания» в окна французского посла А. Коленкура «удобометательных» камней. Все эти примеры «шалостей» гвардейской молодежи 1800 — начала 1810-х гг. неоспоримо свидетельствуют о том, что в этот период идеи свободомыслия и патриотизма связаны с идеей «буйства» и «кутежа» как проявлением страсти к первенству и желанием как можно более полно выразить неординарность и оригинальность собственной натуры. С этой точки зрения в одном ряду стоят желание отомстить за позор Аустерлица и серенада в честь императрицы Елизаветы Алексеевны; полковые попойки с ящиками шампанского и протест против введения в русской армии прусских порядков, выразившийся в ночной скачке в полураздетом виде за эскадронным командиром, сбежавшим домой в самый разгар пирушки.

Зеркальную ситуацию можно увидеть и в наполеоновской армии. Живым символом «настоящего гусара» в армии французов был генерал А. Лассаль, обладающий замечательными военными достоинствами, но не меньшей склонностью к кутежу и разгулу. Генерал М. Марбо писал о нем: «Лассаль был красив и остроумен, был хорошо образован и воспитан, но вел себя как шалопай. Он пил, ругался, орал

⁷⁸³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 357.

песни, все разбивал, был заядлым игроком. Он был прекрасным наездником, его храбрость граничила с дерзостью»⁷⁸⁴.

Культ ритуального буйства, рисовки удалью и молодечеством, который был присущ людям наполеоновской эпохи, переносился ими и на их поведение на поле брани. Известны многие исторические анекдоты про графа М. Милорадовича, которые прославляют именно эту черту его характера, являясь при этом вернейшим слепком военной психологии эпохи. Пожалуй, самыми известными из них являются рассказ об «обеде» Милорадовича под пулями французских стрелков, когда он увидел, что маршалу И. Мюрату «вздумалось под выстрелами русских часовых кушать кофе», а также случай, когда Милорадович, заметив, что французы открыли огонь по нему и его свите, надел на себя Анненскую ленту со словами: «Посмотрим, умеют ли они стрелять?» С. Волконский, вспоминая события турецкой кампании 1811 г., рассказывает в своих «Записках» о состязании в храбрости на турецких аванпостах между генерал-майором и выходцем из армии Наполеона Ансельмом Жибори и казачьим полковником Сыроевым «как доказательство молодечества тогдашнего поколения»⁷⁸⁵.

Подобный тип героизма, равно близкий сердцу как французов, так и русских, известный французский драматург Э. Ростан охарактеризовал словом *панаш* (от фр. *panache* — рыцарский султан). Он говорил: «...панаш — это душа отваги <...> Шутить перед лицом опасности — это высшая вежливость»⁷⁸⁶.

Одной из основных черт времени, во многом определившей лицо наполеоновской эпохи, был культ героической античности, воспринимавшейся людьми той эпохи в качестве второй (если не первой!) действительности. В результате подготавливалась ситуация, которую С. Николаев охарактеризовал как *антиклизацию* русской культуры XVIII в.⁷⁸⁷ Культ античности проникал во все сферы человеческого

⁷⁸⁴ Марбо М. де. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 268–269.

⁷⁸⁵ Волконский С. Г. Записки. Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1991. С. 158.

⁷⁸⁶ Луков Вл. А. Теоретическое осмысление неоромантизма: академическая речь Ростана // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 114.

⁷⁸⁷ Николаев С. И. Первая четверть XVIII века: Эпоха Петра I // История русской переводной художественной литературы: в 2 т. Т. 1. СПб., 1995. С. 85.

бытия: в политику, в сферу бытового поведения и в искусство. Человек наполеоновской эпохи смотрел на себя сквозь призму античных образов и мотивов. Поэтому без знания античности трудно (если вообще возможно!) понять психологию и практику поведения людей того времени, старающихся жить по ее героическим образцам. Когда французский республиканский генерал А. Дюма (отец знаменитого романиста) отличился, сдерживая чуть не в одиночку австрийцев у стратегически важного моста во время Итальянской кампании генерала Бонапарта, то Наполеон, обнимая и поздравляя героя, назвал его новым Горацием Коклесом. После того как немецкий студент Штабс, пытаясь совершить покушение на Наполеона, был арестован и предстал перед французским императором, то первым вопросом, с которым тот обратился к несостоявшемуся убийце, был вопрос: «Вы хотели стать Брутом?». Подвиг русского крестьянина, якобы отрубившего себе правую руку, чтобы не служить в наполеоновской армии, нашедший отражение на страницах журнала «Сын Отечества» в 1812 г., получил соответствующее духу времени название: «Подвиг русского Сцеволы». Наполеон, вручая свою судьбу Англии после своего сокрушительного поражения под Ватерлоо, в письме к английскому принцу-регенту писал: «Как Фемистокл, я ищу приюта у очага британского народа».

Во всех этих случаях античные ономомифы являются своеобразным кодом, за которым стоит соответствующая культурная ситуация. Знание этого кода обеспечивало читателю или зрителю данной сцены правильное понимание сюжетной ситуации и способы ее моделирования в конкретную жизненную ситуацию современности. С подобной традицией было связано одно из интересных направлений антикизации европейской культуры, которое А. М. Михайлов назвал мифориторической культурой. Данный тип культуры «основывается на готовом слове и пользуется только им»^{788 789}.

⁷⁸⁸ Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII—XIX вв. // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 308, 310.

⁷⁸⁹ Подобный тип поведения человека за рамками наполеоновской эпохи очень быстро стал осознаваться исторически ограниченным. Уже для Л. Н. Толстого «готовое» слово риторической культуры является синонимом лжи, притворства, напыщенности, о чем он неоднократно пишет в романе «Война и мир».

В русле подобных традиций и интересов самым читаемым античным автором оказался Плутарх с его «Сравнительными жизнеописаниями знаменитых греков и римлян», увлечение которым в эпоху революции и наполеоновских войн приняло массовый характер, а сам автор рассматривался как учитель доблести, славы и чести. Ю.М. Лотман так скажет о данном культурно-психологическом феномене времени: «Быть человеком — означало быть “римлянином”. Не только в Париже, но и в Петербурге и Москве жажда героизма порождала “римскую помпу”»⁷⁹⁰. Среди почитателей Плутарха мы находим польского адъютанта Наполеона Ю. Сулковского и С. Глинку, издателя патриотического журнала «Русский вестник», декабриста И. Якушкина, назвавшего это произведение греческого автора настольной книгой поколения декабристов, и Р. Стурдза, придворная дама российской императрицы Елизаветы Алексеевны.

Механизм создания «плутарховского» мифа очень ярко проявляет себя в «Записках» С. Глинки, который признавался, описывая свою учебу в кадетском корпусе: «Древний Рим стал и моим кумиром. Не знал я, под каким живу правлением, но знал, что вольность была душой римлян <...> Исполинский призрак древнего Рима заслонял от нас родную страну»⁷⁹¹. Сам Глинка моделирует на себя плутарховское поведение после ссоры с кадетом Безаком, в результате чего мемуариста заключают в карцер, где он предается героическим мечтам о подвиге Катона, который «кружился у меня в голове»⁷⁹². Не имея возможности поразить себя кинжалом, подобно римскому герою, Глинка готов был раздробить свою голову о стену.

В военных записках античный код Плутарха, как правило, соседствует с культурными кодами гомеровской «Илиады», греческого историка Ксенофонта, римских историков Тацита и Тита Ливия, создавая незабываемый героический колорит времени. Например, в «Воспоминаниях» Ф. Булгарина отступление М. Кутузова после сдачи армии австрийского фельдмаршала К. Мака в 1805 г. сравнивается с «Анабасисом» Ксенофонта. О французской армии

⁷⁹⁰ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 242.

⁷⁹¹ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 79–80.

⁷⁹² Там же. С. 125.

говорится как о войске, предводимом «первыми полководцами Европы, которых имена сделались столь же славны, как имена героев Гомеровых»⁷⁹³. А. Норов, рассказывая о битве под Смоленском, последовательно сравнивает генералов Н. Раевского, Д. Дохтурова, И. Паскевича, Д. Неверовского с Аяксом, Ахиллесом, Диомедом, Гектором нашей армии, то есть с героями гомеровской «Илиады»⁷⁹⁴. Генерал М. Марбо так комментирует поведение солдат 14-го линейного полка в битве под Прейсиш-Эйлау, со всех сторон окруженных русскими и отдающих Марбо своего «орла», чтобы он не достался неприятелю: «Это было прямо по Тациту: “Caesar, morituri te salutant!” Однако здесь это кричали герои!»⁷⁹⁵. В целом, если соотнести между собой «культ ритуального буйства» и культ «героической античности», то становится очевидным, что первый относится к искусству жить, в то время как второй — к искусству умирать. Или, если воспользоваться термином В. Земцова, к «искусству правильно умирать»⁷⁹⁶.

Следующей важной чертой культурной жизни эпохи было всеобщее увлечение театром, причем театр, так же как и античность, воспринимался людьми рубежа веков и первых двух десятилетий XIX в. как изначальная модель для реальной жизни, ее идеальный образец. В результате этого «...люди революции (можно добавить: и первых двух десятилетий XIX в. — *Е.П.*) ведут себя в жизни как на сцене»⁷⁹⁷. Точнее сказать, они неизменно ощущают себя активными действующими лицами мировой истории, развертывающейся у них на глазах. Так, безусловным актером на сцене истории чувствовал себя Наполеон, который даже брал уроки у знаменитого трагика Ф.Ж. Тальма, чтобы придать своим жестам, своему поведению, своей манере держаться ту театральную величественность, ко-

⁷⁹³ Булгарин Ф.Ф. Записки. М., 2001. С. 256.

⁷⁹⁴ Норов А.С. Воспоминания Авраама Сергеевича Норова // Русский архив. 1881. № 5. С. 342.

⁷⁹⁵ Марбо. Указ. соч. С. 209–210.

⁷⁹⁶ Земцов В. Искусство правильно умирать // Родина. 2002. № 8. С. 26.

⁷⁹⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 182.

торая считалась неотъемлемой чертой подлинного героя истории. В мемуарах А. Коленкура, обер-штальмейстера императорского двора и одного из доверенных лиц императора, Наполеон произносит следующие слова: «Царствовать — это значит играть роль. Государи всегда должны быть на сцене»⁷⁹⁸. При этом театральность не должна пониматься исключительно как возвышенно-величественная, «императорская» манера держать себя. Театральность могла предполагать намеренное опрошение своего образа в соответствии с ролью «первого солдата армии», «маленького капрала».

Механизм «театрального поведения» человека наполеоновской эпохи мог включать в себя прямую отсылку к конкретной пьесе, чаще всего трагедии, или же моделировался по правилам театральной композиции в целом. Например, прусская королева Луиза, приехав в Тильзит, где решалась судьба ее королевства, по свидетельству Наполеона, встретила его как мадемуазель Ж. Дюшенуа в «Цинне». Семнадцатилетний корнет Кавалергардского полка граф П. Сухтелен после битвы под Аустерлицем на замечание Наполеона, что тот слишком молод, чтобы участвовать в столь крупных сражениях, отвечает ему знаменитыми словами дона Родриго из корнелевского «Сида»: «Перестаньте, трусы, считать года богов: судьба Цезарей быть доблестными раньше своих лет!», чем приводит Наполеона в восхищение. П. Вяземский, разбирая в своих «Записках» зверский поступок графа Ф. Ростопчина с московским купеческим сыном Верещагиным, которого он принес в жертву черни, приходит к выводу, что это кровавое действо было разыграно не только для усиления народной ненависти к неприятелю, но и для Наполеона. Французский император должен был по достоинству оценить этот трагический спектакль и его основных действующих лиц: патриота-военачальника (Ростопчина), предателя (Верещагина), разгневанную толпу граждан и вестника-иностранца (француза Mouton), которого Ростопчин избавляет от казни и отпускает со словами: «Пооди, расскажи твоему царю, как наказывают у нас изменников!»⁷⁹⁹.

⁷⁹⁸ Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 346.

⁷⁹⁹ Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 450.

Для наполеоновской эпохи основной сферой приложения законов театрализации, а значит и эстетизации действительности, была сфера военных действий. Наиболее четко и определенно, в свойственной ему афористической лапидарной манере этот «театральный» взгляд на сражение был сформулирован самим «главным режиссером» этой блестящей и кровавой эпохи, Наполеоном, который в беседе с графом Л. Нарбонном перед Бородинским сражением сказал: «Сегодня будет сражение: а что такое сражение? Трагедия: сперва выставка лиц, потом игра страстей, а там развязка».

Подобная театрализация военной действительности с использованием всех названных Наполеоном элементов композиционной структуры трагедии неизменно присутствует во всех военных мемуарах эпохи. При этом в качестве «выставки лиц» неизменно выступает парадная «батальная зарисовка» поля боя с подробнейшим описанием расположения русской и французской армий и характеристикой виднейших генералов и маршалов. Эта традиция находит свое отражение в «Очерках Бородинского сражения» Ф. Глинки и «Дневниках офицера Великой армии» Ц. Ложье, «Мемуарах» М. Марбо и «Военных записках» Д. Давыдова. Общей традиции не избегают в своих мемуарах даже люди столь мирных профессий, как врачи. Так, Г. Роос, чьи мемуары отличаются предельным натурализмом при описании сцен отступления французской армии, все же не может преодолеть искушения дать эстетически-возвышенную «выставку лиц» — изображение кавалерийских корпусов перед началом их вторжения в Россию и во время перехода через Неман, которое он называет «величественное зрелище»⁸⁰⁰.

Любимым сюжетом «игры страстей» у всех, без исключения, мемуаристов является описание стремительных кавалерийских атак. Это вполне естественно, так как именно стремительные атаки кавалерии на поле боя, скоротечность кавалерийских атак и их разрушительные для хода сражения последствия, сама грандиозность зрелища массивной кавалерийской атаки создавали впечатление быстрой смены действий и сцен в трагедии, производили незабываемое эстетическое впечатление на зрителей. Это ощущение передает-

⁸⁰⁰ Росс Г. С Наполеоном в Россию. М., 1912. С. 9.

ся всеми мемуаристами, описывающими подобные сцены: Ф. Глинкой и Д. Давыдовым, Ц. Ложье и Е. Лабомом, Р. Зотовым и Н. Дуровой. Особенное впечатление производили на мемуаристов массивные атаки кавалерии маршала Франции И. Мюрата. Д. Давыдов, бывший свидетелем подобной атаки в сражении под Прейсиш-Эйлау, вспоминал: «Загудело поле, и снег, взрываемый 12 тысячами сплоченных всадников, поднялся и завился из-под них, как вихрь из-под громовой тучи»⁸⁰¹.

Что касается развязки, то в случае с кампанией 1812 г., по мнению современников, таковой являлся феномен Березинской переправы. Являясь естественной развязкой Отечественной войны 1812 г., она, в силу своей необыкновенной трагичности, рассматривалась мемуаристами как почти что апокалиптический аккорд «кровавой драмы нашествия» (Р. Зотов), начавшейся шесть месяцев назад переходом армии Наполеона через Неман. Это ощущение испытали на себе как русские мемуаристы, например Р. Зотов, А. Ермолов, В. Штейнгель, И. Арнолти, Я. Храповицкий, так и французские: Л. Бего, М. Марбо, Ж.-Л. Ларрей, А.-Ж.-Б. Бургонь.

Сближению поля сражения с театральной сценой во многом способствовала блестящая форма того времени, вносящая в боевые действия оттенок парадно-романтической красоты, также уподобляя генералов, офицеров и даже солдат актерам на сцене. Любопытным фактом в этом контексте является эстетическое восприятие двух самых шеголеватых людей той эпохи: начальника французской кавалерии Неаполитанского короля И. Мюрата и генерала от инфантерии графа М. Милорадовича, относительно которых А. Ермолов заметил в своих «Записках»: «Третьего подобного не было в армиях»⁸⁰². Д. Давыдов, столкнувшись с И. Мюратом во время встречи двух императоров в Тильзите, написал в записках: «Его красавость стана и лица, его карусельный род одежды, со всем кокетством молодой красавицы носимый, бросалась в глаза. Известно, что он наряжался богаче и великолепнее на те сражения, в которых он предвидел больше опасностей»⁸⁰³. Ф. Глинка воздвиг

⁸⁰¹ Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982. С. 70.

⁸⁰² Ермолов А.П. Записки. М., 1991. С. 210.

⁸⁰³ Давыдов. Указ. соч. С. 101.

настоящий литературный памятник «храброму, авангардному начальнику» М. Милорадовичу в «Очерках Бородинского сражения», отмечая, что генерал в своем блестящем генеральском мундире и с амарантовой шалью вокруг шеи «казалось, оделся на званый пир!»⁸⁰⁴.

Следующей чертой культурно-исторической ментальности субкультуры «детей Марса» была традиция восприятия войны как рыцарского поединка, благородного занятия истинных мужчин. Этот культ чести частично находил свое отражение в военных артикулах эпохи, однако, в гораздо большей степени, в неписаном кодексе поведения, которым должен был руководствоваться офицер, чтобы не потерять право на уважение сослуживцев и начальников, не потерять уважение к самому себе, т.е. иметь право воспринимать себя как образец «идеального воина».

Анализ сущности войны как культурной функции человечества был подробно дан в монографии И. Хейзинга «Homo ludens», в которой автор, рассматривая войну в сфере действия законов чести, отмечает: «...война становится священным установлением и в этом качестве облекается всем духовным и моральным декором»⁸⁰⁵.

Законы чести диктовали рыцарское отношение к пленному неприятелю, проявившему образцы мужества и храбрости, т.е. выступившему в роли идеального воина. В соответствии с этой традицией Наполеон освобождает из плена ефрейтора лейб-гвардии Финляндского полка Леонтия Куренного, поразившего французов своей доблестью в сражении под Лейпцигом. Более того, он повелевает объявить в приказе по армии о подвиге этого русского героя, ставя его в пример своим солдатам. В сражении под Аустерлицем беззаветную храбрость проявил Кавалергардский полк, в особенности 4-й эскадрон, не позволивший французской кавалерии разгромить русскую гвардейскую пехоту. Командир эскадрона граф Н. Репнин, раненный в грудь и контуженный, попал в плен и был отпущен Наполеоном в знак уважения к его доблести. Впоследствии Наполеон в знак уважения к доблести русских генералов П. Тучкова и П. Лиха-

⁸⁰⁴ Глинка Ф.Н. Очерки Бородинского сражения // Письма русского офицера. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. Киев, 1991. С. 90.

⁸⁰⁵ Хейзинг И. Homo ludens. М., 1992. С. 113.

чева, попавших в плен в кампанию 1812 г., возвратил им шпаги, точно так же, как впоследствии австрийскому генералу М. Мервельдту при Лейпциге и генералу К. Полторацкому при Шампобере. Подобную же любезность неоднократно практиковал А. Суворов по отношению к французским республиканским генералам, взятым в плен во время его Итальянской кампании.

Тот факт, что пленник-офицер в определенном смысле считался «собственностью» и «гостем» своего победителя (в соответствии с традицией, идущей от рыцарских времен), не мог не способствовать также зарождению частных дружеских отношений. Подобных примеров можно привести очень много, и военная мемуарно-автобиографическая литература первой половины XIX в. дает нам возможность погрузиться в атмосферу этих человеколюбивых благодеяний.

Так, Д. Давыдов в своих «Военных записках» подробно рассказывает о благородном поведении по отношению к его брату Евдокиму, раненному под Аустерлицем, поручика французского конногренадерского полка Серюга. Благородство Серюга с необходимостью вызывает ответное благородство со стороны самого Д. Давыдова, плату долга чести. Когда смертельно раненый в сражении под Прейсиш-Эйлау Серюг, в свою очередь, попадает в плен к русским, Давыдов принимает самое горячее участие в его судьбе, сумев скрасить братской заботой последние дни его жизни. Когда в сражении под Валутиной горой в плен к французам попал раненый генерал П. Тучков, то он стал личным гостем начальника французского штаба маршала А. Бертье, который окружил его дружеской заботой. Бертье пригласил к нему Ж.Д. Ларрея, главного хирурга французской армии, нашел женщину, которая могла бы выстирать генералу запачканный кровью мундир, дал ему белье из своего гардероба, ссудил на первое время достаточно большой суммой денег. Кроме того, мемуарист отмечает в «Моих воспоминаниях о 1812 году», что «с самого почти утра до вечера беспрестанно посещали меня разные чиновники, бывшие при главном штабе армии, предлагая всевозможные услуги свои, и коих учтливое и хорошее обращение со мной заставило меня иметь к ним всякое уважение»⁸⁰⁶. Генерал А. Ермолов в 1812 г.

⁸⁰⁶ Тучков П.А. Мои воспоминания о 1812 году // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 236.

приютил у себя, по его признанию в «Записках», престарелого полковника Николая, угощавшего императора Александра в своем полку во время заключения Тильзитского мира. Д. Давыдов, в свою очередь, рассказывает в «Военных записках» о дружеских отношениях, которые сложились между А. Ермоловым и французским артиллерийским полковником Марионом, который долгое время пользовался гостеприимством русского генерала, живя в его доме в Орле. А. Норов, тяжело раненый в Бородинском сражении и оставленный в Москве вместе со многими другими русскими офицерами, рассказывает в своих воспоминаниях, с какой заботой относился к нему генерал А. Лористон, бывший в 1811 г. послом Франции в России и знакомый А. Норову по петербургским светским кругам: «Он оказал мне самое теплое участие, заявив, чтобы я относился к нему во всем, что будет мне нужно, и обещал присылать наведываться обо мне, а в тот же день прислал мне миску с бульоном»⁸⁰⁷. Декабрист М. Фонвизин, по воспоминаниям М. Францевой, в кампанию 1814 г. был взят в плен вместе со своим дивизионным командиром З. Олсуфьевым и всем русским отрядом во время ночной атаки маршала Н.Ш. Удино. Удино снабдил Фонвизина рекомендательным письмом к своим друзьям в Париже, где будущий декабрист был ласково принят и жил на свободе.

В целом, можно сказать, что в подобных частных взаимоотношениях людей, в обход и вопреки состоянию общественно-политической и военной вражды, нашла свое воплощение идея всеобщего братства людей — естественное следствие гуманистического духа эпохи Просвещения. Человек того времени, как правило, ненавидел своих противников, равно военных или политических, только как абстрактную враждебную силу, угрожающую независимости отечества или его собственным политическим и гражданским свободам, не перенося своей ненависти на конкретных частных лиц. Всякий раз, когда ему приходилось сталкиваться лицом к лицу с конкретными представителями этой враждебной силы, то место общего, и опять-таки достаточно абстрактного, состояния ненависти и вражды сразу же занимала идея естественного человеческого братства. Возникало желание строить свои отношения

⁸⁰⁷ *Норов. Указ. соч. С. 369.*

с себе подобными по закону сердца и чувства, на основе принципов гуманизма.

Наконец, для культурно-исторического менталитета наполеоновской эпохи было органично существование рядом с культом военных подвигов и культом чести «законов сердца», законов сострадания и человечности, берущих свое начало в этике сентиментализма и этическом максимализме «эпохи чувствительности» (термин А. Веселовского). Прежде всего, идеал чувствительного поведения проявляется при характеристике действующих лиц записок: офицеров, генералов, маршалов. Не случайно одним из самых известных афоризмов Наполеона, обращенных к армии, был призыв «Будьте всегда добрыми и храбрыми»⁸⁰⁸. Подобная установка приводила к тому, что мужество, не облагороженное чертами высокого гуманизма, носящее оттенок свирепости, подвергалось в мемуарной литературе резкой и безусловной критике.

Очень примечателен разговор Д. Давыдова с партизаном А. Фигнером, изложенный в «Дневнике партизанских действий». На просьбу Фигнера позволить «растерзать» пленных Давыдова его новым «ненатравленным» казакам мемуарист отвечает: «Не лишай меня, Александр Самойлович, заблуждения. Оставь меня думать, что великодушие есть душа твоих дарований: без него они — вред, а не польза»⁸⁰⁹. Само собой разумеется, что чувствительность характеризует поведение двух «Баярдов» эпохи — И. Мюрата и М. Милорадовича. Так, современники-мемуаристы, восхищаясь героической храбростью Милорадовича, не забывали подчеркнуть его человеколюбие. Например, Ф. Глинка в «Письмах русского офицера» пишет: «Его и самые неприятели любят, вероятно, за то, что он, сострадая об них по человечеству, дает последний свой запас и деньги пленным»⁸¹⁰. Черты чувствительности присущи в высшей степени и И. Мюрату, что отмечено в записках Л.Ф. Боссе, Ц. Ложье, аббата Сюрюга. Мюрат у Л.Ф. Боссе обещает казакам заботиться о многочисленных русских раненых, оставшихся в Мо-

⁸⁰⁸ Наполеон Бонапарт. Путь полководца. М., 2008. С. 614.

⁸⁰⁹ Давыдов. Указ. соч. С. 204.

⁸¹⁰ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 95.

скве, и казаки говорят, «что великодушные этого героя французской армии равно его храбрости»⁸¹¹. Ц. Ложье и аббат Сюрюг рассказывают в своих воспоминаниях о заботе короля Неаполитанского о московских погорельцах. К примеру Сюрюг, сам житель французской колонии в Москве, свидетельствует: «Многих (погорельцев. — *Е.П.*) радушно приютил у себя Неаполитанский король, который теперь основался во дворце князя Андрея Разумовского»⁸¹². Таким образом, подводя итог анализа причин, позволивших именно И. Мюрату и М. Милорадовичу добиться чрезвычайной популярности в армии, стать своеобразным символом эпохи, можно сказать, что идеал истинного война, рыцаря без страха и упрека наполеоновской эпохи, предполагал органичный синтез трех составляющих элементов: героической внешности, блестящей храбрости и истинного человеколюбия.

Чертами чувствительного человека наделяется в мемуарной литературе и Наполеон. В записках адъютанта Наполеона генерала Ф. Сегюра французский император трогательно заботится о русских раненых, оставшихся на Бородинском поле, и заявляет, что «после боя уже нет врагов — есть только люди»⁸¹³. Упоминание об этом эпизоде есть и в записках польского графа Р. Солтыка с комментарием: «Бесстрашный и спокойный во время сражения, он был гуманен и чувствителен после победы»⁸¹⁴. В «Дневнике...» Ц. Ложье рассказывается, как заботился Наполеон о московских погорельцах, более 400 из которых «великодушно помещены в Запасной дворец, где они получают не только верное пристанище, но и уход, помощь и пропитание»⁸¹⁵.

⁸¹¹ *Боссе Л.Ф.* Мемуары // Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 2 т. Т. 2. М., 1912. С. 207.

⁸¹² *Сюрюг А.* Воспоминания о пребывании французов в Москве // Русский архив. 1882. Кн. III. С. 233.

⁸¹³ *Сегюр.* Указ. соч. С. 11.

⁸¹⁴ *Солтык Р.* Наполеон в 1812 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 177.

⁸¹⁵ *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой Армии в 1812 году. М., 2005. С. 109.

В свою очередь жестокость, бесчувствие, любое отступление от канонов чувствительного поведения во время экстремальных условий, например пожара Москвы и сопровождающего его грабежа, представляется авторам мемуаров страшным злом в силу того, что искажает изначально добрую природу человека. Так, Э. Лабом, описывая разгул огненной стихии в ночном городе, тем не менее, делает вывод, что «страшнее всего все-таки был тот ужас, который царил в человеческих сердцах, ужас, который еще более усиливался в ночной тишине»⁸¹⁶. Делаво в своих записках приводит ряд эпизодов, наглядно иллюстрирующих «разгул страстей» во время пожара и грабежа: французский солдат грабит своих соотечественников, жителей московской колонии, не останавливаясь перед тем, чтобы снять с пальца женщины золотое обручальное кольцо, дорогой ей залог верности; один гуманный офицер поручает благодетельствованного им московского жителя второму офицеру, который, решив, что это поджигатель, приказывает расстрелять его, и т.д. Подводя итог этим печальным примерам, Делаво делает вывод: «Все эти факты я привел для того, чтобы показать, как разыгрываются страсти во время грабежа»⁸¹⁷.

Суровый финал Отечественной войны 1812 г., когда тысячи людей (прежде всего принадлежащих к французской армии) были обречены на смерть от холода и голода, утонули или были раздавлены в давке при Березинской переправе, подверг особо суровому испытанию прирожденное, по мнению людей того времени, чувство «чувствительности». Мемуаристы, как правило, переживают жесточайший нравственный кризис и испытывают нестерпимые муки совести, осознавая, что повседневная практика ужасного отступления зачастую давала образцы эгоистичного и бесчеловечного поведения. Лучше всего это чувство выразил Э. Лабом: «Этот поход был тем более страшен, что совершенно искажил наш характер, и у нас появились пороки, чуждые нам до сих пор. Люди, бывшие до этого времени честными, чувствительны-

⁸¹⁶ Лабом Э. Полная реляция похода в Россию в 1812 году // Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 2 т. Т. 2. М., 1912. С. 45.

⁸¹⁷ Делаво. Мемуары // Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 2 т. Т. 2. М., 1912. С. 61.

ми, великодушными, сделались теперь скупыми, ростовщиками и алчными»⁸¹⁸. Об этом же свидетельствуют и другие мемуаристы «Великой армии»: Л.Ф. Лежен и О. Тирион, В. де Маренгоне и М. Комб, Б.-А.-Ж. Бургонь и Франсуа. Даже романтичный Ц. Ложье, описывая переправу через Березину, вынужден был признать: «Надо сказать правду, что этот поход (в чем заключается весь его ужас) убил в нас все человеческие чувства и вызвал пороки, которых в нас раньше не было»⁸¹⁹.

Однако, несмотря на жесткость подобных откровений, нарушение самим автором-мемуаристом эталонного чувствительного поведения обычно рассматривается им как непростительный поступок, заслуживающий всякого осуждения и порицания. Очень показателен в этом отношении рассказ сержанта Б.-А.-Ж. Бургоня, как однажды во время отступления ему с риском для жизни удалось добыть несколько мерзлых картошек, отняв их у денщика некоего польского генерала. Однако он не делится счастливым приобретением с товарищами, предпочитая припрятать добычу в свой ягдташ: «Так я провел всю ночь, не поделившись с товарищами, умиравшими с голоду, тем немногим, что доставил мне случай: с моей стороны это был эгоистический поступок, который я никогда себе не прощу!»⁸²⁰.

Традиции чувствительности, идущие от литературы, философии, нравов эпохи Просвещения, сталкиваясь с жестокой действительностью, не только вызывали у авторов ощущение крушения привычных моральных жизненных ориентиров, но постоянно ставили человека в состояние выбора. Личность должна была либо «плыть по течению», приняв эгоистическую мораль толпы, либо пытаться противопоставить ей свою линию поведения. Подобное столкновение противоположных чувств и стремлений — желания выжить, спастись любой ценой, но и желания не уронить своего человеческого достоинства — могло стать причиной позднейших нравственных страданий мемуариста, но оно же могло стать причиной позднейшей гордости и надежды на изначальную доброту

⁸¹⁸ Лабом. Указ. соч. С. 346.

⁸¹⁹ Ложье. Указ. соч. С. 197.

⁸²⁰ Бургонь А.-Ж.-Б. Мемуары. М., 2003. С. 57.

человеческой природы. Можно сказать, что, несмотря на все ужасы отступления, на все «обесчеловечивание» человека в экстремальных условиях, мемуаристы, в целом, не теряли своей веры в идеалы добра и гуманизма. Поэтому, искренне ужаснувшись глубине человеческого падения в дни бедствий и отчаяния, они все же сохраняют свою веру в чувствительность человеческого сердца, точнее в «инстинкт человечности, от природы заложенный в наших сердцах»⁸²¹. Тот же Б.-А.-Ж. Бургонь, правдиво описав возмутительные случаи, в которых торжествуют эгоизм и равнодушные люди, все же заключает свой рассказ следующим признанием: «Хотя во время этой бедственной кампании было совершенно много жестокостей, зато попадалось и немало поступков человеколюбия, делавших нам честь, — не раз случалось мне видеть, как солдаты в продолжение нескольких дней тащили на плечах раненых офицеров»⁸²². Это подтверждается свидетельством других мемуаристов.

Так, кирасирский офицер О. Тирион в эпоху всеобщей деморализации при переправе через Березину демонстрирует эталонное чувствительное поведение, когда «вел под руки и поддерживал товарища, раненного ночью саблей в бедро... желая спасти его во что бы то ни стало»⁸²³. Кастеллан во время отступления за Березину без колебаний уступает свое место в санях раненому офицеру Бруквиллю и переходит Неман пешком с «лихорадкой вследствие нагноения и гангрены руки»⁸²⁴. Ц. Ложье до конца жизни был уверен, что своей жизнью он был обязан французскому капитану Дальстейну, который 16 ноября 1812 г. в окрестностях Лубян буквально спас его от замерзания. Этот благородный поступок заставляет Ложье зафиксировать в дневнике нравственно-этическую сентенцию, посвященную гуманизму как одной из важнейших добродетелей личности: «...тот, кто среди не-

⁸²¹ *Гриуа. Мемуары // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 334.*

⁸²² *Ложье. Указ. соч. С. 63.*

⁸²³ *Тирион О. Воспоминания офицера // Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 2 т. Т. 2. М., 1912. С. 265.*

⁸²⁴ *Кастеллан. Дневник // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 417.*

вообразимых бедствий мог спасти ее одному из своих ближних, достоин вечной признательности»⁸²⁵.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что жестокие реалии действительности оказались все же не в состоянии разрушить веру человека наполеоновской эпохи в идеалы мужества, чувствительности, чести. Это принципиально отличает культурно-исторический менталитет людей 1800–1810-х гг. от менталитета людей Первой мировой войны, людей «потерянного поколения», для которых жестокость, бесчеловечие и бессмысленность войны становятся решающими факторами, определившими их дальнейшее разочарование в жизни, невозможность найти себе места в этом безумном мире.

Все выделенные выше черты культурно-исторического менталитета людей наполеоновской эпохи в силу личностного начала мемуарных источников, а также неизбежной аберрации точки зрения мемуариста с течением времени, представляют собой не только объективную реальность, но некий интернациональный культурный миф, который современники хотели оставить в наследство своим потомкам. Авторы мемуаров как бы доказывали, что типу человека, который сложился в 10–20-е гг. XIX в., «с его целостью и ясностью мировосприятия, рыцарственным служением отечеству, верностью идеалам добра и справедливости, возвышенной дружбы и поэтической любви»⁸²⁶, уже не суждено было повториться в последующие десятилетия.

Литература:

1. *Боссе Л. Ф.* Мемуары // Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 2 т. Т. 2. М., 1912.
2. *Булгарин Ф. Ф.* Сочинения Ф. Булгарина: в 3 ч. Ч. 3. СПб., 1830.
3. *Булгарин Ф. Ф.* Записки. М.: Захаров, 2001.
4. *Бургонь А.-Ж.-Б.* Мемуары. М.: ООО «Наследие», 2003.
5. *Волконский С. Г.* Записки. Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1991.

⁸²⁵ *Ложье.* Указ. соч. С. 176.

⁸²⁶ *Горбачева С., Ямщиков С.* Лица пушкинских современников // Солнце нашей поэзии. М., 1989. С. 361.

6. *Вяземский П.А.* Воспоминания о 1812 году // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне ее участников и очевидцев. М.: Современник, 1988.
7. *Гладков А.К.* Мемуары — окно в прошлое // Вопросы литературы. 1974. № 4.
8. *Глинка С.Н.* Записки. М.: Захаров, 2004.
9. *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М.: Правда, 1990.
10. *Глинка Ф.Н.* Очерки Бородинского сражения // Письма русского офицера. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. Киев: Дніпро, 1991.
11. *Горбачева С., Ямщиков С.* Лица пушкинских современников // Солнце нашей поэзии. М.: Правда, 1989.
12. *Гриуа.* Мемуары // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991.
13. *Давыдов Д.В.* Военные записки. М.: Воениздат, 1982.
14. *Делаво.* Мемуары // Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 2 т. Т. 2. М., 1912.
15. *Ермолов А.П.* Записки. М.: Высшая школа, 1991.
16. *Земцов В.* Искусство правильно умирать // Родина. 2002. № 8.
17. *Зотов Р.* Рассказы о походах 1812 года // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне ее участников и очевидцев. М.: Современник, 1988.
18. *Кастеллан.* Дневник // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991.
19. *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. М.: Госполитиздат, 1943.
20. *Лабом Э.* Полная реляция похода в Россию в 1812 году // Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 2 т. Т. 2. М., 1912.
21. *Леонтьев К.Н.* Наши новые христиане, гр. Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский // *Леонтьев К.Н.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 8. Изд-во В.Н. Саблина, 1885.
22. *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой Армии в 1812 году. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2005.
23. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994.
24. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998.

25. *Луков Вл.А.* Теоретическое осмысление неоромантизма: академическая речь Ростана // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3.
26. *Марбо М. де.* Мемуары генерала барона де Марбо. М.: ЭКСМО, 2005.
27. *Массон Ш.* Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правлении Павла. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
28. *Михайлов А.В.* Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. // Античность как тип культуры. М., 1988.
29. *Муравьев А.Н.* Что видел, чувствовал и слышал // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне ее участников и очевидцев. М.: Современник, 1988.
30. Наполеон Бонапарт. Путь полководца. М.: Альфа-принт, 2008.
31. *Николаев С.И.* Первая четверть XVIII века: Эпоха Петра I // История русской переводной художественной литературы: в 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.
32. *Норов А.С.* Воспоминания Авраама Сергеевича Норова // Русский архив. 1881. № 5.
33. *О'Мирра Б.* Голос с острова Святой Елены. Воспоминания. М.: Захаров, 2004.
34. *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. М.: АН СССР, 1963.
35. *Росс Г.* С Наполеоном в Россию. М., 1912.
36. *Сегюр Ф. де.* Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М.: Захаров, 2002.
37. *Солтык Р.* Наполеон в 1812 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991.
38. *Сюрюг А.* Воспоминания о пребывании французов в Москве // Русский архив. 1882. Кн. III.
39. *Тирион О.* Воспоминания офицера // Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 2 т. Т. 2. М., 1912.
40. *Тучков П.А.* Мои воспоминания о 1812 годе // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне ее участников и очевидцев. М.: Современник, 1988.
41. *Хейзинг И.* Homo ludens. М.: Прогресс, 1992.

Мифы об участии калмыков в войне с Наполеоном в 1812–1814 гг., сложившиеся в исторической литературе

Очиров Уташ Борисович

Несмотря на то что после Отечественной войны 1812 г. минуло почти два столетия, многие ее проблемы и аспекты остаются неизученными или до конца выявленными. Мало того, в исторической литературе под влиянием разных субъективных факторов (в том числе политического и идеологического характера) сложился ряд мифов, которые могут заметно исказить наши представления об исторической реальности того времени. Ситуация стала меняться лишь в последние десятилетия, но однозначно утверждать, что освещены все нюансы наполеоновских войн и разоблачены все ложные мифы и заблуждения о том времени, на мой взгляд, пока еще рано. Одним из примеров подобного рода является история участия калмыков в войне с Наполеоном, которую в отечественной историографии принято именовать Отечественной войной 1812 г. и заграничными походами 1813–1814 гг.

Наиболее яркой иллюстрацией данного утверждения можно назвать традицию изображения калмыков, участвовавших в войне 1812–1814 гг., сложившуюся в западноевропейском изобразительном искусстве. Калмыки, которые со времен Северной и Семилетней войн у европейцев (прежде всего, немцев) ассоциируются с дикими кочевниками, изображаются в разномастных малахаях и халатах, вооруженные пиками, луками и стрелами. Если для войны 1806–1807 гг. такие изображения еще можно признать отчасти справедливыми, то для периода 1812–1814 гг. это является безусловной ошибкой. Калмыки из Ставропольского (Ставрополяна-Волге, ныне Тольятти) и Донского казачьих войск имели установленное однообразное обмундирование и вооружение. Например, С.Е. Калинин — специалист по истории иррегулярных войск периода наполеоновских войн (автор пользуется случаем, чтобы выразить благодарность за возможность ознакомиться с рукописью) — указывает, что Ставропольский калмыцкий полк имел «обмундирование, подобное тому, что было установлено для

донских казаков, но со следующими отличиями. Шапка из черной смушки с суконным шлыком красного цвета, свисавшим на правую сторону, с кожаным подбородным ремнем. При парадной форме к шапке полагался белый этишкет, как на киверах армейских полков, и белый волосяной султан (носился с левой стороны). Кафтан и полукафтан из темно-синего сукна застегивались на груди на крючки. Воротник красный стоячий невысокий и прямой, застегивавшийся на крючки и петли. Обшлага и погоны темно-синие с красной выпушкой. Шаровары темно-синего сукна, широкие, на выпуск, с однорядным красным лампасом. Кушак черный. Галстук черный. Сапоги короткие тупоносые без шпор. Портупея, лядунка и перевязи были из черной кожи. Вооружение — пика с черным древком и флюгером, у которого верх красный, низ черный; сабля произвольной формы; пара пистолетов (носившихся в ольстрах или за поясом) и карабин (носился на панталере). Поясная портупея, лядунка и лядуночная перевязь из черной кожи. Конское снаряжение казачьего образца, чепрак и подушка, темно-синие с красной обкладкой по краю. Урядники имели серебряные галуны на воротнике и обшлагах, султан с черной верхушкой; этишкет белый с кисточками оранжевого, черного и белого цветов; сапоги с прибивными к каблукам шпорами. Лядунки и лядуночной перевязи не имели. Вооружение состояло из сабли произвольной формы; пары пистолетов (носившихся в ольстрах или за поясом). Офицеры носили на плечах серебряные шнуры, свитые вдвое, наподобие жгута; этишкет серебряный; султан белый с черно-оранжевым основанием; портупея, лядунка и лядуночная перевязь с серебряными вензелем имп. Александра I в венке и цепочками. Сапоги с привинчивающимися шпорами. Вооружение состояло из сабли произвольной формы и пары пистолетов, помещавшихся в ольстрах. Офицерам полагался темляк, на эфесе сабли, из черной тесьмы с серебряной прострочкой по краям; кисть плоская серебряная, с канителью и с примесью черного и оранжевого шелка в середине. Чепрак как у нижних чинов, но с обкладкой из серебряного галуна»⁸²⁷.

⁸²⁷ Калинин С.Е. Ставропольское Калмыцкое войско (рукопись).

Калмыки из бывшего Калмыцкого ханства, служившие в 1-м и 2-м Калмыцких полках, согласно воспоминаниям полковника Тюмена, в 1811 г. после смотра в Луцке по приказу князя П. И. Багратиона получили новую форму по образцу донских казаков, хотя отличавшуюся в деталях (например, головной убор у калмыков был желтого цвета с меховым околышем, четырехугольным верхом, с султаном и этишкетом)⁸²⁸. Что касается вооружения, то холодное оружие состояло из пик длиной 4,5 аршин (3,2 м) с наконечником в 2 четверти (более 35 см) и сабель. Оружие дистанционного боя практически полностью было огнестрельным: ружья и пистолеты⁸²⁹. Стрелы и луки калмыками в 1807 г. еще применялись, но в период 1812–1814 гг. упоминания об этом отсутствуют.

В исторической литературе встречается путаница и с наименованием полков, начатая с «легкой руки» Г. Н. Прозрителева — одного из первых исследователей истории калмыцких полков в наполеоновских войнах. Если миф о том, что Ставропольский Калмыцкий полк комплектовался Большедербетовским улусом Ставропольской губернии (хотя на самом деле он формировался из ставропольских калмыков Оренбургского войска) был разоблачен еще в начале XX в.⁸³⁰, то традиция именования 1-го и 2-го Калмыцких полков «Астраханскими» существует и по сей день, несмотря на то что многие ученые, изучавшие историю калмыцких полков, опровергали этот миф⁸³¹.

К сожалению, до сих пор в исторической литературе нет четкого и ясного представления о боевом пути калмыцких полков. Например, остается дискуссионным вопрос о первом бое 1-го и 2-го Калмыцких полков. Г. Н. Прозрителев и Е. Ч. Чонов, ссылаясь на отчеты Тундутова и Тюмена (командиров 1-го и 2-го Калмыцких полков),

⁸²⁸ См.: *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. 2-е изд. Элиста: Санан, 1990. [Глава 16]. С. 27–30.

⁸²⁹ Там же. С. 28–30.

⁸³⁰ *Чонов Е.* Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 год. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 63.

⁸³¹ См., напр.: *Кичиков М. Л.* Введение // Калмыки в Отечественной войне 1812 года: сборник документов. Элиста: Калмгосиздат, 1964. С. 8.

считали, что 1-й Калмыцкий полк начал боевые действия 8 августа⁸³² в боях на Буге, а 2-й Калмыцкий полк — 18 июля в бою у Пружан⁸³³.

К.П. Шовунов, в свою очередь, полагал, что боевое крещение Калмыцких полков следует увязывать с набегом де Ламберта на территорию Герцогства Варшавского, и предложил свою дату их первого боя — 3 июля⁸³⁴. С ним соглашалась и Г.И. Герасимова⁸³⁵. Безусловно, 1-й и 2-й Калмыцкие полки могли принимать участие в рейде на территорию Польши, но следует учесть, что в этом районе противника фактически не было, за исключением отрядов польской милиции, и серьезных боестолкновений быть не могло.

Т.И. Беликов, а вслед за ним Б.С. Санджиев и М.Л. Кичиков, ссылаясь на знаменитый труд М.И. Богдановича, утверждали, что первый бой Калмыцкие полки приняли 13 июля, когда штурмовали Брест⁸³⁶. Однако, на самом деле, в этой книге калмыцкие части среди полков, участвовавших в штурме Бреста, не указаны. Впрочем, следует заметить, что М.И. Богданович, скрупулезно освещавший действия регулярных частей, к иррегулярной коннице относился не так внимательно и иногда пропускал казачьи и национальные полки при перечислении частей. При анализе действий войск 3-й армии при первом взятии Бреста мы видим следующую картину. Торماسов, начав наступление на Брест, отозвал войска из Польши, выдвинул вперед отряды графа К.О. де Ламберта и князя А.Г. Щербатова и развернул резервистов барона Ф.В. фон дер Остен-Сакена вдоль Буга. 13 июля Щербатов, оставив пехоту, стремительным ударом своей кавбригады (Татарский уланский и Евпаторийский конно-татарский полки) захватил Брест-Литовск, разгромив оба находившихся там сак-

⁸³² Все даты в статье приведены по старому стилю.

⁸³³ *Прозрителев Г.Н.* Указ. соч. С. 122, 129; *Чонов Е.* Указ. соч. С. 59–60.

⁸³⁴ *Шовунов К.П.* Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. С. 27–28.

⁸³⁵ *Герасимова Г.И.* Калмыцкие полки // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 328.

⁸³⁶ *Беликов Т.И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. С. 27; Калмыки в Отечественной войне 1812 года. С. 10.

сонских эскадрона⁸³⁷. Конница де Ламберта, в составе которой был и 1-й Калмыцкий полк, двигалась по левому (польскому) берегу Буга и не успела к началу штурма. 2-й Калмыцкий полк, по утверждению К.П. Шовунова, после возвращения из рейда в Польшу совместно с казачьим полком Чикилева встал «на кордоне по Бугу от Радзивилова до границы Гродненской губернии для надзора границы»⁸³⁸. Как видно, утверждения о том, что Калмыцкие полки участвовали в этом деле и тем самым приняли свой первый бой в войне 1812 г., оказались ошибочными.

Следует опровергнуть и миф об участии калмыков в следующем после взятия Бреста сражении — славном деле при Кобрине, отмеченном первым артиллерийским салютом в Санкт-Петербурге. В этом бою 15 июля отряды генерал-майоров К.О. де Ламберта (подчинившего себе отряд А.Г. Щербатова), Е.И. Чаплица при поддержке 1-й бригады 9-й пехотной дивизии из корпуса генерал-лейтенанта Е.И. Маркова нанесли поражение 1-й бригаде 22-й пехотной (саксонской) дивизии, усиленной уланским полком принца Клеменса. Более 2 тыс. саксонцев, израсходовав боеприпасы, капитулировали во главе с командиром — генерал-майором Г. Х. фон Кленгелем. Однако среди частей, участвовавших в Кобринском сражении, Калмыцких полков не было. По мнению К.П. Шовунова, какая-то группа калмыков действовала в составе небольшого отряда князя В.Г. Мадатова (Р.Г. Мехрабянца), перекрывшего дорогу на Пружаны, и внесла тем самым свой вклад в эту победу⁸³⁹. Однако в опубликованных биографиях В.Г. Мадатова упоминаний о калмыках в составе его отряда в сражении 15 июля нет⁸⁴⁰.

⁸³⁷ Богданович М. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным сведениям. Т. 1. СПб.: Типография Торгового дома Струговщикова, Похитонова, Водова и К°, 1859. С. 320–321.

⁸³⁸ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 29.

⁸³⁹ Шовунов К.П. Во славу Отечества. С. 28–29.

⁸⁴⁰ Князь В.Г. Мадатов // Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца... Т. I. СПб.: Типография Карла Крайя, 1845. С. 2; Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. Изд. 2-е. СПб.: Типография штаба военно-учебных заведений, 1863. С. 8–9.

В данном случае следует согласиться с мнением Г.Н. Прозрителева и Е.Ч. Чонова, тем более что командиры обоих полков после войны составили выписки о боевом пути своих частей, где четко указали даты и места их первых боев: 1-го Калмыцкого (Джамбо-тайша Тундутов) — 8 августа (стычки на Буге), 2-го Калмыцкого (Сербедаб Тюмень) — 18 июля (сражение в Пружанах).

До сих пор в исторической литературе не опровергнут миф о том, что первыми калмыками, получившими награды в 1812 г., стали воины 2-го Калмыцкого полка (урядники Мекля Сахалов, Цаган-Халга Гецелев, рядовой Иджил Эмгенов и астраханский волонтер Иван Гоглазин), которые в бою при Пружанах 17 июля «были первые примером неустрашимой храбрости и способствовали тем к разбитию онаго и обращением в бегство»⁸⁴¹. На самом деле, граф К.О. де Ламберт лишь представил их к высшей солдатской награде — Знаку отличия Военного ордена, который некоторые называли орденом Св. Георгия 5-го класса. Проверка наградных представлений, направленных к командующему А.П. Тормасову, показала, что никто из 13 воинов (Александрийского гусарского, 2-го Калмыцкого, казачьего Власова 2-го полков), представленных за Пружанское дело к «солдатскому Егорию», награжден не был. Вообще следует отметить, что из 932 представлений на рядовых воинов за первую операцию в юго-западной Белоруссии было реализовано лишь 223. Лишь в последний момент к реализованным наградным приписали 3 креста для Евпаторийского конно-татарского полка⁸⁴².

Кроме того, от внимания историков почему-то ускользнул факт награждения калмыков Ставропольского Калмыцкого полка за знаменитое сражение под Миром 27–28 июня, когда иррегулярные полки Платова (сначала было 6 полков, в том числе Ставропольский калмыцкий, Перекопский конно-татарский и 1-й Башкирский, к концу сражения их количество возросло до 11 иррегулярных и 3 регулярных) нанесли поражение 4-й легкой (уланской) кавдивизии А.А. Рожнецкого. В числе награжденных за это дело оказалось 5 калмыцких офицеров, находившихся в чинах «зауряд» (то есть как бы исполняющие обязанности, но не считавшиеся официально офице-

⁸⁴¹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 12. Л. 241 об.

⁸⁴² Там же. Л. 209–221 об.

рами); получили звание «хорунжий»: зауряд-есаулы Василий Даржаев, Николай Дандаров, зауряд-сотники Степан Медечиев, Василий Лекбедондоков, Герасим Соломов⁸⁴³. Возможно, дело в том, что представления графа де Ламберта были датированы более ранним числом, чем августовский приказ о производстве ставропольских калмыков в офицеры, который, кстати, до сих пор найти не удалось.

Продолжая наградную тему, весьма «большую» для многих войн нашего Отечества, нельзя не отметить тот факт, что за кампанию 1812 г. ни один рядовой воин 1-го и 2-го Калмыцких полков почему-то не был награжден «солдатским» Георгиевским крестом. Нельзя сказать, что Калмыцкие полки действовали неудачно или робко, терпели поражения (нет ни одного факта отступления с поля боя без приказа командиров) или что командиры отрядов не представляли калмыков к боевым наградам. Достаточно вспомнить яркое дело 7 октября под Слонимом, где отрядом Е.И. Чаплица был разгромлен наголову формируемый 3-й шеволежерский (польско-литовский) полк и татарский (литовский) эскадрон Императорской гвардии. В плен попали командующий отрядом противника генерал Я. Конопка, 13 офицеров, 240 унтер-офицеров и рядовых, захвачена полковая казна с 50 тыс. золотых⁸⁴⁴. В числе отличившихся были и калмыки 2-го полка. О майоре Сербеджабе Тюмене генерал Чаплиц писал так: «с собственным усердием и личною отважностью возбуждал своих подкомандных, сильно поражал неприятеля и оказал отменную храбрость и неустрашимость»⁸⁴⁵.

Были представлены к наградам (Знаку отличия Военного ордена) и нижние чины 2-го Калмыцкого полка: урядник Мекля Сахалов, рядовые Иджил Эмгенов, Казак (Хасг) Бухаев, Борушко Тюбжинов, волонтер Иван Гоглазин, которые «с отменною ревностью и усердием храбро поражали неприятеля и служили примером своим сотоварищам, оказали отличное мужество и неустрашимость»⁸⁴⁶. Среди историков почему-то сложился миф, что эти представления были

⁸⁴³ Там же. Д. 48. Л. 40–40 об.

⁸⁴⁴ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 34. Л. 29.

⁸⁴⁵ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 14. Л. 265 об.

⁸⁴⁶ Там же. Л. 267.

утверждены, но на самом деле документы, подтверждающие реализацию наградных реляций, найдены не были. Между тем, были найдены документы, утвержденные начальством уже после войны, о награждении Знаком отличия Военного ордена 10 рядовых воинов 2-го Калмыцкого полка за отличия при разгроме эскадронов кирасир (13 февраля 1814 г. при местечке Сезан) и мамелюков (15 февраля при г. Мо). В числе награжденных оказались уже знакомые нам Иджил Эмгенов, Казак Бухаев, Борушко Тюбжинов⁸⁴⁷. Поскольку по правилам того времени повторно «солдатский Егорий» не вручался, то на этом основании можно прийти к выводу, что наградные представления за Слоним реализованы не были. Возможно, это было связано с мнениями некоторых генералов, считавших, что не следует выдавать иноверцам награды с христианской символикой (на кресте Знака отличия Военного ордена изображался Святой Георгий Победоносец, повергающий змея — символ язычества). Ближе к концу войны эти представления были изжиты и воинам — мусульманам и буддистам награды стали вручать без ограничений на общих основаниях. Например, за Лейпциг нижние чины 2-го Калмыцкого полка получили 6 «солдатских Егориев», а за Бриен-ле-Шато и Ла-Ротьер — 5, не считая именных представлений офицеров и урядников⁸⁴⁸.

Весьма живучим во всемирной электронной сети и художественной литературе оказался миф об участии Калмыцких полков в Бородинском сражении, хотя учеными давно доказано, что 1-й и 2-й полки сражались в 3-й армии А.П. Тормасова, а Ставропольский полк 23 июля был выделен в состав летучего корпуса Ф.Ф. Винцингероде, который должен был обеспечивать связь соединенных 1-й и 2-й армий с 1-м корпусом П.Х. Витгенштейна, оставленным на петербургском направлении.

Немало ошибочных представлений сохранилось и в описании боевого пути калмыцких частей в период отступления из России. Самой значимой ошибкой, на мой взгляд, можно считать миф о том, что некий Калмыцкий полк в составе отряда Е.И. Чаплица сражался на Березине и принимал участие в неудавшемся окружении армии Наполеона. Автором этого мифа оказался авторитетный военный

⁸⁴⁷ Там же. Д. 72. Л. 407, 443.

⁸⁴⁸ Там же. Д. 86. Л. 35; Д. 72. Л. 424 об. — 425.

дореволюционный историк М.И. Богданович, указавший на это в примечаниях 3-го тома своего знаменитого труда⁸⁴⁹. В итоге данное ошибочное утверждение попало даже в фундаментальные труды по истории Калмыкии, например в «Очерки истории Калмыцкой АССР» (где участие в боях на Березине приписывалось 2-му Калмыцкому полку) или «Историю Калмыкии с древнейших времен до наших дней» (с той лишь разницей, что участие в боях на Березине приписывалось 1-му Калмыцкому полку)⁸⁵⁰. На самом деле, 2-й Калмыцкий полк из отряда Е.И. Чаплица после блистательного дела под Слонимом по приказу адмирала В.Я. Чичагова от 12 октября 1812 г. был отправлен в «обсервационный» корпус Ф.В. фон дер Остен-Сакена⁸⁵¹, а Богданович, видимо, не нашел этого приказа. Тем же числом был датирован приказ В.Я. Чичагова о переводе в тот же «обсервационный» корпус 1-го Калмыцкого полка из отряда А.И. Чернышева, вернувшегося из рейда по территории Польши. С другой стороны, нельзя не отметить тот факт, что 1-й и 2-й Калмыцкие полки доблестно сражались во многих боях в октябре — ноябре 1812 г. в составе корпуса Остен-Сакена, который своими действиями сорвал попытки австрийского (ком. — ген. князь К.Ф. фон Шварценберг) и 7-го (саксонского) (ком. — ген. Ш.Л.Э. Ренье) корпусов оказать помощь главной армии Наполеона на Березине. Благодаря этому Чичагов смог без помех дойти до Березины. Правда, «земноводному» адмиралу не удалось переиграть лучшего полководца мира, и Наполеону с наиболее свежими частями удалось ускользнуть из ловушки. Все же часть войск и остатки обозов пришлось бросить, а слово «Березина» с тех пор во французском языке может применяться как синоним слова «катастрофа».

Немало подобных мифов сохранилось в исторической литературе и о боевом пути 1-го и 2-го Калмыцких полков в кампани-

⁸⁴⁹ Богданович М. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным сведениям. Т. 3. СПб.: Типография Торгового дома Струговщикова, Похитонова, Водова и К^о, 1860. Т. 3. С. 468.

⁸⁵⁰ Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 255; История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 608.

⁸⁵¹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Отд. I. Т. XV. СПб.: Типография «Бережливость», 1911. С. 111.

ях 1813—1814 гг. Самым ярким примером можно назвать утверждения, что 1-й Калмыцкий полк якобы «в конце 1813 г. и в начале 1814 г. ...с боями прошел Германию, 13 марта... сражался во Франции» и принял участие во взятии Парижа⁸⁵², хотя ничего подобного в отчете капитана Джамбы-тайши Тундутова нет. На самом деле, полк Тундутова в 1813 г. принимал участие в осаде Модлина, а после капитуляции крепости числился до февраля 1814 г. в резервном корпусе А.А. Клейнмихеля. Первоисточником этого мифа послужил «Русско-калмыцкий календарь на 1912 г.», в котором указывалось, что за отличия в славном для русской конницы сражении при Фер-Шампенуазе 13 марта 1814 г. были награждены урядники 1-го Калмыцкого полка Сахалов и Эмгенов. Однако, на самом деле, урядники Мекля Сахалов и Орос Эмгенов служили во 2-м Калмыцком полку, о чем свидетельствуют многочисленные документы, в том числе и наградные. Тем не менее, эта ошибка была некритически воспринята некоторыми историками и получила впоследствии широкое распространение.

Со сражением при Фер-Шампенуазе связан и другой миф — об участии в этом бою Ставропольского Калмыцкого полка. На самом деле, весной 1814 г. эта часть входила в состав 5-го германского корпуса герцога Саксен-Кобургского и участвовала в блокаде крепости Майнц, которая капитулировала 11 апреля. Ложные представления об участии Ставропольского полка в сражении при Фер-Шампенуазе связаны с представлением есаула этой части князя Медичиева к ордену Св. Владимира 4-й ст. При изучении наградного листа видно, что он отличился не в составе своей части, а как адъютант командующего кавалерийским корпусом⁸⁵³.

Очевидно, что подобного рода мифов и заблуждений в истории боевого пути Калмыцких полков в войне 1812—1814 гг. еще немало, и работа по их разоблачению остается одной из основных задач, стоящих перед специалистами по истории Калмыкии, изучающими данный период.

⁸⁵² См., напр.: Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 256.

⁸⁵³ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 94. Л. 10.

«Бородино» и «Севастополь»: две баталии, один миф

Федотова Марина Сергеевна

Каждое военное поражение влечет за собой целый шлейф объяснений и оправданий. Называют действительные и мнимые причины неудачи, разделяют действующих лиц на героев и антигероев и, как правило, ищут измену. Крымская кампания не стала исключением, и после нее, как писал официоз военного ведомства «Русский инвалид», «возникло множество вопросов в нашей общественной и частной жизни, разрешение которых требует много знаний, сообщений, такта»⁸⁵⁴. После войны наряду с «ощущением катастрофы» современник отмечал «увлечение во мнениях, раздражительный тон в нападках на прошлое»⁸⁵⁵.

Крымская война 1853—1856 гг. для всех современников, которые писали о ней, оставила неизгладимые впечатления грандиозного события, и эта мысль объединяла даже непримиримых противников и оппонентов. Она выдавалась своим масштабом среди других событий прошлого, до этой войны «едва ли было событие, в котором принимал такое энергичное участие решительно целый свет»⁸⁵⁶. Появлением новых изданий, газет, ростом их тиражей характеризуются военные годы и послевоенная эпоха реформаторства. За 1855—1865 гг. число новых газет достигло 60⁸⁵⁷. Не будет большим преувеличением сказать, что читающая Россия 1854—1856 гг. пристально следила за происходящим в Крыму. Современнику представлялось, что «на всем свете» «не осталось уголка, где бы не говорили о Севастополе»⁸⁵⁸. Желанием поражения армии и флота противников были охвачены

⁸⁵⁴ Передовой человек (Современная заметка) // Русский инвалид. 1858. № 230. 22 октября.

⁸⁵⁵ Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну // Военный сборник. 1858. Т. 1. С. 1—2.

⁸⁵⁶ Из записок Севастопольца // Русский архив. 1867. № 12. Стб. 1584.

⁸⁵⁷ Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2. С. 31.

⁸⁵⁸ Из записок... Стб. 1584.

многие «милые патриотки», о которых писал другой военный публицист: «соотечественницы наши стали равнодушны к ураганам в надежде, что они побольше разобьют английских кораблей; как-во! Даже не стыдятся признаваться»⁸⁵⁹. Журналист, укрывшийся под псевдонимом Ростислав, в 84-м номере «Северной пчелы» за 1855 г. рисковал получить гневную отповедь за свой иронический тон в заметке о внимании жителей, а точнее жительниц, столицы к событиям в Крыму: «Вы обидите современную патриотку, изъявив сомнение в познаниях ее не только что насчет укреплений Севастополя, но и самих названий бастионов, редутов, батарей и даже некоторых терминов военной науки. Апроши, ложементы. Траншеи, мины, камуфлеты, мантелеты, туры, летучие сапы — все это им дело известное. Ныне нередко случается выслушивать в гостиных целый курс фортификации... В настоящее время в России вряд ли найдется смельчак, который бы решился вымолвить, что ему неизвестно имя лейтенанта (ныне флигель-адъютанта и капитан-лейтенанта) Бирюлева и даже скромных и постоянных его сподвижников (матросов и рядовых) Кошки, Зубова, Кузменкова и павших в бою Болотникова и незабвенного самоотверженного Шевченки»⁸⁶⁰. Неуклонный рост периодической печати в первой половине XIX в. и повышение ее влияния были характерной чертой России накануне войны, что нельзя сказать о грамотности. По мнению Л.Н. Толстого, который был, в целом, невысокого мнения о русской армии, «из солдат наших едва ли 1/100 знает грамоте, но, что важнее еще, [едва ли] знает религию, правительство, организацию войска, в которых они родились и воспитаны»⁸⁶¹. По статистике, в середине XIX в. читательская аудитория России насчитывала всего от 600 тыс. до 1 млн человек, что составляло лишь 1–1,5% всего населения, а к концу

⁸⁵⁹ *Гарайнов А.* Четвертое ноября // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 19 декабря.

⁸⁶⁰ Сборник известий, относящихся до настоящей войны. СПб., 1855. Вып. 26. Приложения. С. 94–95.

⁸⁶¹ *Толстой Л.Н.* [Записки об отрицательных сторонах русского солдата и офицера] // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 4. М.—Л., 1932. С. 289.

XIX в. — 3—4 млн, или 3—4% населения⁸⁶². Разумеется, следует учитывать условность цифр в таких подсчетах. Функциональная грамотность была еще более низка, так как не все грамотные люди пользовались своим навыком чтения. Судя по характеру, тематике популярной литературы, переиздаваемых «бестселлеров», так называемых низовых книг, пользовавшихся высоким спросом на книжном рынке в первой половине XIX в.⁸⁶³, читающая публика была «подготовлена» к восприятию известий о подвигах русских героев, древнерусских богатырей, в которых она видела античных героев и средневековых рыцарей. Образы юных героев античности и Трои, «красивых как Парис и смелых как Ахилл»⁸⁶⁴, сошедших со страниц журналов и книг, читающие люди вкладывали в образы героев настоящей войны в 1855 г.⁸⁶⁵ Романы⁸⁶⁶, в которых причудливо соединились антураж эпохи Александра I, княгини, князя Бородинские наполеоновской кампании с образами героев Севастополя, стали появляться и о Крымской войне. В обществе возник культ севастопольцев,

⁸⁶² *Миронов Б. Н.* Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет: X—XX вв. // *Studia Humanistica*. 1996. Исследования по истории и филологии. С. 24—46.

⁸⁶³ *Зотов Р.* Два брата, или Москва в 1812 году. М., 1850; *Кукольник Н.* Морской праздник в Севастополе. Драматическое произведение в 5 картинах. СПб., 1854; *Волков А. А.* Освобожденная Москва. Эпическая поэма. М., 1820, 1825; Гуак, или Непреборимая верность: Рыцарская повесть. В 2-х ч. М., 1824—...-1849; *Загоскин М. Н.* Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Исторический роман в 3-х ч. М., 1829—...-1846; *История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене.* М.—СПб., 1835—...-1850; *Озеров В. А.* Эдип в Афинах. Трагедия в 5 действиях, в стихах. СПб., 1804—...-1823; *Словцов П. А.* Два дня из римской истории, или Двое Сципионов Африканских. М.—СПб., 1830, 1835; *Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и невообразимой красоте царевны Анастасии Вахрамеевны.* М.—СПб., 1820—...-1849 и др.

⁸⁶⁴ Юными героями называли великих князей Николая и Михаила.

⁸⁶⁵ Н. Г. Зритель в Севастополе и два молодца. Патриотическое стихотворение из настоящей отечественной войны. СПб., 1855. С. 9.

⁸⁶⁶ Например, *Соколов А. А.* Сестра милосердия. Год в Севастополе. В 4-х книгах. СПб., 1876—1877; *Лавинцев А. И.* Под шитом Севастополя: Исторический роман с иллюстрациями. СПб., 1904; *Филиппов М. М.* Осажденный Севастополь. СПб., 1888.

а «в клубе и на домашних вечерах барыни и барышни ухаживали не как сестры милосердия за выздоравливавшими ранеными, но как поклонницы героизма. Иные из героев кокетничали легкой бледностью и слабостью, и рукавами в бантиках»⁸⁶⁷.

Современники нового столкновения России с Францией сразу заговорили о столкновении предыдущем. «Крепко начинает попахивать двенадцатым годом», — писал П.А. Вяземский⁸⁶⁸. А.И. Герцен отметил, что в 1854 г. «воздух 1612 и 1812 годов повеял в России»⁸⁶⁹. «Бородино» и «Севастополь» стали военными символами противостояния России с «Западом». Федор Тютчев писал: «происходящее теперь — только возобновление двенадцатого года, это вторая Пуническая война Запада против нас»⁸⁷⁰. Во время Крымской войны, а также после нее регулярно сравнивали эти два военных конфликта⁸⁷¹, притягивая «победоносный» характер одной войны к другой,

⁸⁶⁷ *Цебрикова М.К.* Пятидесятые годы // Вестник всемирной истории. 1901. №10. С. 20.

⁸⁶⁸ *Вяземский П.А.* Письмо Д.Г. Бибикову. 28 января 1854 г. // Полное собрание сочинений. Т. X. СПб., 1886. С. 102.

⁸⁶⁹ *Герцен А.И.* Вперед! Вперед! // Полярная звезда. 1856.

⁸⁷⁰ Из писем Ф.И. Тютчева во время Крымской войны. 1854 г. // Русский архив. 1899. Кн. 2. Стб. 518.

⁸⁷¹ *Вяземский П.А.*, кн. Не помните? // Санкт-Петербургские ведомости. 1854; *Липранди И.П.* Некоторые замечания, почерпнутые преимущественно из иностранных источников о действительных причинах гибели наполеоновских полчищ в 1812 году. СПб., 1855; *Он же.* Материалы для истории Отечественной войны 1812 года. Собрание статей. СПб., 1867; *Богданович М.* История отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам // Библиотека для чтения. 1858; Несколько слов ветерана 1812 года // Северная пчела. 1854. 4 февраля; *Миллер О.* Молитва у гроба Кутузова // Там же. 16 марта; Ростислав. Двукратное проклятие Наполеона первого (рассказ инвалида) // Там же. 2 апреля; Гордиев. Наполеон // Там же. 5 апреля; Из записок лифляндца 1810—1813 гг. // Там же. 14 октября; *Зубов Пл.* Тень певца во стане русских воинов. М., 1855; *Гаряинов А.* Воспоминания о 1812 годе // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 30 октября, 31 октября; *Гаряинов А.* Тринадцатое октября // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. № 243; *Тольчева Т. (Е. Новосильцева).* Рассказы старушки об осаде Севастополя. М., 1881; *Урусов С.С.* Из письма к издателю князя С.С. Урусова // Русский архив. 1875. Кн. 2. С. 220—225; *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XIII. СПб.,

оправдывая поражение, проводя параллели двух «эпох». Газета «Русский инвалид» писала: «Бородино, Севастополь — вот имена, которые неразлучно представляются воображению русских. Если бородинское сражение названо иностранцами “битвою великанов”, то что сказать о севастопольской осаде — об этой сплошной битве, продолжавшейся без малого год»⁸⁷².

Поражение в Крыму обострило внимание к тогда еще недавнему «триумфу» 1812—1814 гг. русских войск над армией Наполеона I. Наполеон III оценивался на фоне поступков и фигуры своего «дядюшки» Наполеона I Бонапарта. За всю постпетровскую историю России неприятельские войска дважды вступали на русскую землю, дважды это были французы и дважды их направлял человек по имени Наполеон! Уже одного этого было достаточно для того, чтобы каждое упоминание о сражениях в Крыму вызывало в памяти борьбу с «нашествием двенадцати языков». В начале 1850-х гг. были живы многие участники тех «славных баталий». Более того, на службе состояли седовласые генералы, «нюхавшие порох» при Бородине, будучи еще в чине корнетов и прапорщиков (среди них М.Д. Горчаков, Д.Е. Остен-Сакен, О.А. Квицинский, П.А. Данненберг, Н.А. Ред и др.).

Во время обороны Севастополя память о героях Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, аллюзии войн Петра I, Екатерины II, кампании 1812 г. были обусловлены необходимостью патриотического воодушевления, для подкрепления уверенности, что город неприступен, «потому что взять его — совсем другое дело: да и Наполеон не много взял у нас»⁸⁷³. Современник войны в Крыму писал: «Россия представляет теперь зрелище, во многих отношениях сходное с явлениями, происходившими в ней в достопамятную эпоху Отечественной войны: как тогда, так и теперь из конца в конец великой империи звучит мощный голос любви к престолу и к родине, со всех сторон стекаются много-

1894. С. 139; Аксаков И.С. в его письмах. Ч. 1. Т. 3. М., 1892. С. 89; Внутреннее положение России в 1855 году // Русская старина. 1901. Март и многие др.

⁸⁷² Русский инвалид. 1869. № 22. 20 февраля.

⁸⁷³ Гаряинов А. Тринадцатое октября // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 31 октября.

численные приношения в защиту общего, народного достояния»⁸⁷⁴. Аналогии и исторические параллели у современников, порой, напращивались сами собой в результате нехитрого сопоставления дат и традиционных поисков «замечательных» совпадений в датах и именах: высадка союзников в Крыму произошла 2 сентября, день вступления французов в Москву. Тильзитский мир подписан в день полтавской баталии, а последний Парижский мир 1856 г. — в день вступления русских в Париж в 1814 г.⁸⁷⁵ Желая скорее притянуть поражение войск союзников, публицист А. Горяйнов находит все новые «замечательные» совпадения с 1812 годом: 4 ноября 1812 и 1854 гг. наблюдались значительные потери французских и союзных сил. В прессе четко очерчивались стремления «сделать 1854 год еще более похожим на 1812»⁸⁷⁶. Рефлексия по поводу затопления собственного флота также актуализировала тему войны 1812 г., что помогло переосмыслить и оправдать это решение. «Подобно 1812 году, Севастопольская эпопея может служить лучшим выражением того высокого мужества и самоотвержения, на которые способен русский человек в годину бедствий своего отечества»⁸⁷⁷. Совет о затоплении кораблей 9 сентября 1854 г. напоминал Совет в Филях по вопросу о сдаче Москвы 1(13) сентября 1812 г. В исторических рассказах о севастопольской обороне непременно присутствовали легендарные слова Корнилова: «Москва горела, а Русь оттого не погибла, но, напротив, стала сильнее»⁸⁷⁸, что напрямую перекликалось со знаменитым выражением Кутузова: «С потерю Москвы еще не потеряна Россия»⁸⁷⁹. Среди

⁸⁷⁴ *Гаряйнов А.* Воспоминания о 1812 годе // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 30 октября.

⁸⁷⁵ Из записок Севастопольца... С. 1632. О том же 14 годами раньше писал *Гаряйнов А.* Тринадцатое октября // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 31 октября.

⁸⁷⁶ *Гаряйнов А.* Четвертое ноября // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 19 декабря.

⁸⁷⁷ *Парский Д. П.* Севастополь и памятники его обороны. Изд. 2-е. Одесса, 1903. С. 271.

⁸⁷⁸ *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1900. Т. 1; *Валуева-Мунт А. П.* Севастополь и его славное прошлое. СПб., 1899, 1904.

⁸⁷⁹ *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года. Т. 2. СПб., 1859.

схожих черт этих двух событий заметно четкое разделение на протагонистов (Кутузов, Корнилов) и антагонистов (Беннигсен, Меншиков). При этом в случае с военными нарративами о кампании 1812 г. антагонист (Беннигсен) предлагает дать бой, а протагонист (Кутузов) приказывает отступить, то в случае с текстами о Крымской войне роли меняются: положительный герой (Корнилов) настаивает на сражении, а антигерой (Меншиков) в ультимативной форме приказывает затопить корабли. Однако, что характерно, несмотря на эти сюжетные параллели, оба эти «совета» имеют важные отличительные смысловые особенности, которые, как ни странно, только добавляют сюжетных сходств и указывают на взаимосвязь нарративов о двух войнах. Предложению Корнилова «выйти в море и напасть на неприятельские корабли» придается новое героическое звучание, что оценивается как подвиг жертвенности моряков, акт спасения армии и города. Аллюзии и исторические параллели позволяли находить «замечательные» совпадения Крымской войны с войной 1812 г. в датах и именах; даже зимние холода в Крыму напоминали морозы 1812 г.⁸⁸⁰, а пожар в Севастополе после отступления гарнизона вызвал ассоциации с горящей Москвой 1812 г.

Кроме того, на восприятие истории войны 1812 г. колоссальное влияние оказали труды Льва Николаевича Толстого, во многом сформировавшие представления россиян об этой эпохе. Благодаря роману-эпопее культурная память России обогатилась главным мифом 1812 г. — мифом Бородина, который оказал влияние на создание мифа Севастополя. Л. Н. Толстой в романе «Война и мир», взяв символический реванш за поражение России в Севастополе, описал героев 1812 г. героями обороны 1854 г. В образах, именах и представлении русского общества на пороге перемен и грядущего «преображения» в произведениях Толстого современники узнавали время войны 1854—1856 гг.

Театральные постановки военных лет также отличались историко-патриотическими аллюзиями. В апреле 1854 г. на сцене Александринского театра была поставлена народно-патриотическая опера А. Ф. Львова «Русский мужик и французские мародеры» (соч. И. И. Куликова). После арии со словами «после грозного ненастья красно солнышко взойдет!», по словам очевидца, зал взорвался гром-

⁸⁸⁰ Цебрикова М. Указ. соч. С. 19.

кими рукоплесканиями⁸⁸¹ и потребовал повторить арию⁸⁸². В этом же году 19 марта в Киеве на музыкальном празднике в пользу семейств воинов, павших в нынешнюю войну, «хором» была спета и повторена «Патриотическая песнь», в которой были следующие слова неизвестного автора А. В.: «отозвался дух народа на призывный славы клик, и двенадцатого года уж везде сверкает штык!»⁸⁸³. В Александринском театре давались и другие пьесы и драмы с патриотическими сюжетами, одно название которых говорило само за себя: «Весть о победах», «Всеобщее ополчение», «Встреча незваных», «Любовь к отечеству», «Праздник в Севастополе» и т.п.⁸⁸⁴

В коммеморативном комплексе Отечественной войны 1812 г. уже тогда очень сильным являлся акцент на роль «народной дубины», на участие простого народа в достижении победы. Этот акцент в еще большей степени стал заметен при формировании картины Крымской войны. Не случайно героем обороны Севастополя стал простой матрос (Кошка), его похвала стала конкурировать с царским благоволением, а хвалил этот герой все того же Нахимова.

Крымская война сопровождалась ростом патриотического стихотворчества. Стихотворения времен Крымской войны, обращенные к массовому читательскому вкусу, были многочисленны и издавались немалыми тиражами. Война 1854–1856 гг. актуализировала память о войне 1812 г. как о победоносном опыте России. Ключевым призывом подавляющего количества патриотической публицистики во время Крымской кампании стал императив «вспомнить» и «напомнить» о «триумфе» русской армии в 1812 г., поскольку «не только в Европе забыли, но и в России мало или худо помнят наш православный 1812 год»⁸⁸⁵:

⁸⁸¹ В. П. Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 25 апреля.

⁸⁸² И. М. Театральная хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 12 мая.

⁸⁸³ Внутренние корреспонденции // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 11 мая.

⁸⁸⁴ Р. З. Театральная хроника // Северная пчела. 1854. 11 марта.

⁸⁸⁵ *Вяземский П. А.* Письмо Д. Г. Бибикову. 28 января 1854 г. // Указ. соч. С. 102.

Или все уж позабыли,
Как гостей ты приняла:
Как носы они знобили,
Как ложились их тела!
А уж как их угощала!
Ели, пили — упились
Кровью собственной, и мало —
На дорогу запаслись!
Памятны им эти ласки,
Не забыт и хлеб и соль,
Твой мороз в кровавой краске
И в боку от лакомств боль!
Доплелись домой бесславно,
Ополчились на тебя.
Уж дала ж ты знать исправно
Миру целому себя!⁸⁸⁶

Крымская война стала первой и единственной войной в череде конфликтов XVIII–XIX вв., когда Россия вела военные действия без единого европейского союзника, находясь в ситуации политической изоляции. Дихотомия «Россия–Запад», в которой усматривали многовековое противостояние, стала предметом историософских размышлений. Англо-французские войска в качестве неприятеля воспринимались неразрывно друг от друга и признавались отступниками христианской веры, неблагодарными предателями. Подобные смыслы наглядно отражает патриотическое стихотворчество военных лет:

...англичанин и француз вступили в службу Магомета,
что, с Турком заключив союз, два христианские народа
на утешение бесам идут во след Искариота продать Христа его врагам...⁸⁸⁷

⁸⁸⁶ Святая Русь // Требуш. Патриотические стихотворения на войну с турками, французами и англичанами. М., 1854.

⁸⁸⁷ Неизвестный автор. Петербург. 1854 г. // *Можаровский А.* Настроение русского общества во время Севастопольской обороны. Стихотворения того времени // Русский архив. 1905. Кн. 2. С. 536.

или:

Нет, год двенадцатый не сказки, и Запад видел не во сне,
Как двадцати народов каски валялися в Бородине.
И видел, что за все лишенья просил их царь пощады, мы ж
Небесным знаменем прощенья прикрыли трепетный Париж.
Но, засорив поля картечью, в Париже русский мирно жил:
Он бойкою французской речью да русским золотом сорил.
А после на Москве сожженной и над нетронутой Невой
Никем нигде не оскорбленный француз с британцем был нам свой.
Но что ж за хлеб, за соль, за дружбу он продал символ за Коран?
Что скажет летопись пред светом про франко-английский союз?
Британец в сделке с Магометом, и стыд — отурчился Француз!
Не верьте, их союз, мьгарства, расчет и вычет — все мечта:
Им русского не сдвинуть царства, за нас Христос, мы за Христа⁸⁸⁸.

Вместе с тем нельзя не отметить особенности восприятия французской армии как противника. Последнее стихотворение заметно выделяет взаимоотношения русских с французами на фоне других и французов как предателей, измена которых стала неожиданностью.

Особое внимание в публицистике уделялось историческому опыту столкновения с французской армией в 1812 г., собирательному образу Наполеона, в котором соединились Наполеон I и «новый» Наполеон III. Показательно стихотворение «Глас призрака», в котором дух Наполеона I Бонапарта, витающий над Сеной, увещевает Париж, Францию и племянника Наполеона III отказаться от идеи войны с Россией и союза с Великобританией, памятуя о 1812 годе:

... Не мни нелепою ты дружбой
С британцем русских утратить,
Не мни чалме постыдной службой
Себе бессмертье заслужить.
Не верь и дружбе неизменной

⁸⁸⁸ Автор неизвестен. Тверь, ноябрь 1853 г. Опубликовал А. Можаровский в подборке «Настроение русского общества во время Севастопольской обороны. Стихотворения того времени» // Русский архив. 1905. Кн. 2. С. 541–542.

Британских ты островитян, —
Внемли мой глас, мой глас священный,
Врагом будь вечно Англичан.
Отмсти за дядю Альбиону!
Позор тому Наполеону,
Который дружбу с ним сведет⁸⁸⁹.

В 1855 г. увидел свет альбом карандашных карикатур художника-иллюстратора Петра Боклевского «На нынешнюю войну», выполненный в виде книги, где иллюстрации сопровождались ставшим хрестоматийным стихотворным текстом «Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстон...». На одной из карикатур изображена символическая Русь в виде сердитой, довольно полной и пучеглазой женщины в сарафане и кокошнике, с метлой в руке, вталкивающей Наполеона I (фигура которого значительно меньше фигуры женщины) с берега в море. На следующей иллюстрации показаны Вандомская колонна с карикатурно выполненным Наполеоном I, на голове которого стоял галльский петух, держащий одной лапой за веревочку Наполеона III на ходулях. Громадные ножницы, висящие в воздухе, перерезают эту веревку, и Наполеон III в испуге падает. Обе эти карикатуры сопровождаются комментарием: «Если дядюшка бесславно из Руси вернулся вспять, так племяннику подавно и вдали несдобровать». Наконец, как апофеоз могущества, на последней странице альбома изображено растянувшееся до горизонта несметное русское войско, состоящее из похожих один на другого как две капли воды мужиков-солдат с топориками, с крестами на шапках и со знаменем впереди, на котором написано «С нами Бог. Разумейте языцы и покоряйтесь: 1612—1812—1855». Этот альбом интересен, в частности, тем, что в концентрированной форме отражал образы «своих» и «чужих» в ходе текущей войны. Акцентированное внимание в альбоме (4 рисунка из 8) уделено именно образам врага в лице Франции и ее императоров — Наполеона I и Наполеона III.

Имя «Наполеон» было нарицательным и символизировало первостепенного врага, «хлам человечества, увенчанную грязь,

⁸⁸⁹ Батулин С. Глас призрака // Голос за родное. Альбом патриотических стихотворений разных авторов на нынешнюю войну. СПб., 1854.

гиганта нечестия на троне»⁸⁹⁰, поэтому необходимость повторить победоносный опыт 1812 г. по умолчанию объявлялась делом чести. Л.Н. Толстой в одном из своих севастопольских рассказов рисует портрет типичного русского офицера, для которого движущей силой на войне является стремление выслужиться и добиться наград, «лишней звездочки или трети жалования», а вовсе не патриотический порыв, поскольку «всякий из них маленький Наполеон, маленький изверг и сейчас готов затеять сражение, убить человек сотню»⁸⁹¹.

Внешние характеристики Наполеона III вербально обыгрывались в сатирической форме, вероятно, напоминая о «невзрачительной» наружности его дяди: «невзрачный и худой, в усах, с козлиной бородой, шел, как петух, вполне довольный сам собой»⁸⁹². Император Наполеон III представлялся прямым наследником своего дяди по уровню честолюбия, коварства и хитрости:

Да и то мы также знаем,
Что таит Наполеон;
Хоть таит в уме лукаво,
А видна его душа:
хочет дядюшкиной славы,
что не стоила гроша!⁸⁹³

Для амбивалентных представлений о французах-противниках было характерно параллельное сосуществование образа французаврага с образом французских солдат как друзей по несчастью, которые «все-таки тоже христиане», и с которыми во время перемирия или прекращения огня не грех поделиться папиросой или водкой. Для описаний отношений между русскими и французскими солдатами характерными были репрезентации дружбы, невольной вражды: «во

⁸⁹⁰ Цебрикова М. Указ. соч. С. 21.

⁸⁹¹ Толстой Л.Н. Севастополь в мае // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 4. М.—Л., 1932. С. 53.

⁸⁹² Каратыгин П. Басня // Голос за родное. Альбом патриотических стихотворений разных авторов на нынешнюю войну. СПб., 1854.

⁸⁹³ Политика союзных держав и священный долг России // Требуш. Патриотические стихотворения на войну с турками, французами и англичанами. М., 1854.

время остановки военных действий, когда убирали убитых, уносили раненых, наши офицеры сходились дружески с неприятельскими, более с французами: англичане не были симпатичны своим высокомерием и чопорностью. Куря папиросы на кровавом поле, они, смеясь, спрашивали друг у друга: “Когда же вы прогоните нас в море?” — “Когда же вы возьмете Севастополь?”. И ответ с обеих сторон был один и тот же: “Когда наши генералы перестанут соперничать с вашими в неспособности”»⁸⁹⁴.

В то время как французские солдаты воспринимались как привычный противник⁸⁹⁵, к англичанам солдаты русской армии проявляли и ненависть, и живой интерес, и просто любопытство. Английские войска как противник для российского военного опыта были «в новинку», хотя они и объявлялись «нашими главными врагами», поэтому теперь долгом русских солдат должна была стать цель «познакомить английских лордов с русской удалью». Возможно, именно об этой новизне опыта свидетельствует запись в дневнике графа Л. Толстого: «в народе больше слышно о англичанах, чем о французах»⁸⁹⁶. Упомянутое выше известное стихотворение военных лет содержит показательный отрывок, в котором соединились и память о Наполеоне I, и различия в восприятии французов и англичан:

Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте указательным перстом.
Вдохновлен его отвагой и француз за ним туда ж,
Машет дядюшкиной шпагой и кричит: «алён, кураж!»
Полно, братцы! На смех свету не оставайтесь в дураках:
Мы видали шпагу эту и не в этаких руках!

⁸⁹⁴ Цебрикова М. Указ. соч. С. 20.

⁸⁹⁵ «Французов били бабы наши где просто палкой, где клюкой.
Не нужны ваши нам шинели, пальто, салопы: на беду,
Они вас плохо как-то грели у нас в двенадцатом году».

1854 г. Автор неизвестен. Опубликовал А. Можаровский в подборке «Настроение русского общества во время Севастопольской обороны. Стихотворения того времени» // Русский архив. 1905. Кн. 2. С. 538.

⁸⁹⁶ Дневник 3 ноября 1854 г. // Толстой Л.Н. Дневники. 1847–1910. Полное собрание сочинений. М., 1937. Т. 47. С. 29.

Если дядюшка бесславно из Руси вернулся вспять,
Так племяннику подавно и совсем несдобровать.
Альбион статья иная: он еще не раскусил,
Что за машина за такая наша Русь и в сколько сил.
То-то будет удивленье для практических умов,
Как высокое давленье им покажут без паров!
Знайте ж, машина снова будет действовать, как встарь.
Ею двигают три слова: Бог и Родина, да Царь⁸⁹⁷.

Негативный имидж англичан в глазах русских был обусловлен новизной опыта столкновения с ними, заведомым неприятием, предвзятым отношением к ним как «чопорным», «холодным», «надменным», но, по сути, могущественным противникам. К армии Туманного Альбиона было особое неприязненное отношение, которое обуславливалось давним британским морским могуществом, с которым России еще не приходилось всерьез сталкиваться и бороться. Боевые действия на Балтийском море послужили основой для стихосложения и выражения англофобии: «а тебя, вампир, адмирал Непир, ждет у нас не пир». Англичан называли «врагами православия, а надутая их аристократия так горда, что не слышит под собою земли; сверх того плебеи и аристократы как неприятели новички еще в русской школе и на святой Руси; пускай практикуются»⁸⁹⁸. Кроме того, в отличие от французских военных, англичане были непонятны в прямом и переносном смысле; общение с ними затруднялось языковыми барьерами. Сохранились воспоминания опыта общения с английскими пленными, которые вынуждены были изъясняться с русскими на французском языке как более понятном для последних⁸⁹⁹. Англичане казались «странным» врагом, однако эта чуждость заметно их выделяла и отличала от представителей других союзных армий, что можно проиллюстрировать воспоминаниями офицера: «Что это за пленные? Французы или англичане? — Должно быть

⁸⁹⁷ Неизвестный автор // Северная пчела. 1854. № 37.

⁸⁹⁸ *Гаряинов А.* Тринадцатое октября // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 31 октября.

⁸⁹⁹ ***. Из крымских воспоминаний о последней войне // Русский архив. 1869. Кн. 2. Стб. 020.

англичане. С французом сейчас разговоришься — это народ понятливый; а вот с этими почитай час бьешься, а все невдомек, чего им сердечным хочется»⁹⁰⁰.

Турецкие войска не воспринимались как серьезный противник с учетом памяти о победах Петра и Екатерины⁹⁰¹, а также победе при Синопе («русский славный штык путь указывать привык»⁹⁰², «пусть узнают нашу силу, русский любит побеждать»⁹⁰³, «мы были избалованы старой (более всего турецкой) славой, и нам казалось, что двадцати тысяч русских довольно против сорока тысяч каких бы то ни было басурманов»⁹⁰⁴). Турки были врагом «по большей части знакомым»⁹⁰⁵, с которым, «конечно, сладить было гораздо легче»⁹⁰⁶, а после высадки англо-французского десанта в Крыму турецкая армия и вовсе ушла на второй план и в боевых действиях, и в дискурс-пространстве.

О том, что общим местом для разговоров о «супостатах» всех национальностей был «трескучий патриотизм», сосуществовавший с отсутствием адекватного вооружения, «эпическими кражами» и интересом карманных выгод, пишет, в частности, публицист и писательница Мария Константиновна Цебрикова, описывая, что в Кронштадте даже после поражений все громче говорили: «шапками заки-

⁹⁰⁰ Там же.

⁹⁰¹ «Мы вновь напомним вам героев Рымника и ужас Чесменский и славный бой Кагула». См. Никитин. Воронежский мещанин. Фельетон «Война за веру» // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 8 апреля.

⁹⁰² Правда русского человека // Бог, Вера и Царь, или Герои нынешней войны. СПб., 1854. С. 10.

⁹⁰³ Солдатская походная песня // *Татаринев П.* Бог, Вера и Царь, или Герои нынешней войны. СПб., 1854. С. 14.

⁹⁰⁴ Из записок Севастопольца // Русский архив. 1867. Кн. 2. Стб. 1588.

⁹⁰⁵ *Чужбинский А.* Письма провинциала в провинцию // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 23 апреля.

⁹⁰⁶ ***. Из крымских воспоминаний о последней войне // Русский архив. 1869. Кн. 2. Стб. 017.

даем и поминали 12 год»⁹⁰⁷, забывая, что кроме них защищаться нечем. «Шапкозакидательские»⁹⁰⁸ настроения, характерные для начала войны и усилившиеся с высадкой союзных армий «на землю русскую» и первыми выстрелами в Черном, Балтийском и Белом море и на берегах Камчатки, одновременно с самоуверенностью стали сходить на нет, когда пришло понимание, что «обсчитались в количестве шапок»⁹⁰⁹, и ощущение, что «было мало нас везде, где враг являлся»⁹¹⁰.

Кампания 1812–1814 гг. и Севастопольская оборона 1854–1856 гг. хронологически отстоят друг от друга более чем на 40 лет. Однако в сознании современников Николая I и Наполеона III эти события имели больше сходств, а Крымская война воспринималась русским обществом сквозь призму военного опыта 1812 г. За основу мифа о войне 1812 г. было взято сражение при Бородино, актуализированное во время войны 1853–1856 гг. Сражение при Бородино как «победоносный» опыт стало востребовано при реконструкции памяти о Севастополе. «Бородино» и «Севастополь» стали военными символами противостояния России с «Западом». В газетной и журнальной публицистике, историографии две войны оценивались неразрывно как результат многовекового противостояния, дихотомии «Россия—Запад». Французские войска как «привычный» противник в пространстве мифа заметно выделялись на фоне союзной армии. Таким образом, сравнение этих двух войн крайне плодотворно и позволяет судить о неких параллелях в конструировании сюжетов, сформировавших единое пространство российского национально-патриотического мифа.

⁹⁰⁷ *Цебрикова М.К.* Пятидесятые годы // Вестник всемирной истории. 1901. № 10. С. 7.

⁹⁰⁸ Фразеологизм, ставший историческим и нарицательным, «шапками закидем» приписывается генералу В.Я. Кирьякову, который, по легенде, произнес его в присутствии А.С. Меншикова, перед сражением на р. Альма 8 сентября 1854 г., закончившимся, как известно, катастрофическим поражением русской армии. Характерно и показательны то, что это же выражение («войско их шапками бы закидали») находим в письме П.И. Багратиона, призывавшего начать наступление, к А.П. Ермолову (3 июля 1812 г.).

⁹⁰⁹ *Вроченский М.А.* Севастопольский разгром. Киев, 1893. С. 7.

⁹¹⁰ Там же.

Начальник Низового округа ополчения в 1812 г. граф Петр Александрович Толстой: материалы к биографии

Михаил Коробко

Имя графа Петра Александровича Толстого (1769-1844) едва ли известно кому либо за исключением специалистов по наполеоновской эпохе. У нас он считается как бы военачальником второго плана, которого знать совсем не обязательно. Хотя П.А.Толстой был достаточно успешным полководцем, но главным образом в Европе, а не в России.

П.А.Толстой, происходящий из орловской ветви графов Толстых, был родственником всесильного графа Николая Ивановича Салтыкова, оказавшего весьма значительное влияние на государственное управление в России в конце XVIII — начале XIX вв. и пользовавшегося огромным влиянием при дворе, а, кроме того, состоял в родстве с Голицыными, урожденной княжной Голицыной была его бабка Анна Михайловна Измайлова⁹¹¹.

В энциклопедиях годом рождения П.А.Толстого, как правило, указывается 1861-й. Однако из современной П.А.Толстому литературе следует весьма противоречивая датировка этого события. Известно сообщение, что когда П.А.Толстой в 1794 г. получил Георгиевский крест, ему было 24 года, следовательно, он родился в 1769 или 1770 гг.⁹¹² В некрологе П.А.Толстого сообщается, что в 1785 г. ему было 17 лет, тогда дата его рождения 1767 или 1768 гг.⁹¹³

Подобно пушкинскому Петруше Гриневу П.А.Толстой в 1775 г. был записан капралом в лейб-гвардии Преображенский полк. Произошло это в 1775 г. Однако реально службу он начал только в 1785 г. уже подпоручиком и флигель-адъютантом в штабе Н.И.Салтыкова.

⁹¹¹ Голицын Н.Н. Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных, собранные князем Н.Н. Голицыным. Киев, 1880. С. 18, 86.

⁹¹² См. Граф Петр Александрович Толстой// Москвитянин. 1844. ? 10. С. 416—420.

⁹¹³ Некролог графа Петра Александровича Толстого// Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1844. ? 10. С. 97.

В том же году П.А.Толстой переведен в армию подполковником и назначен генеральс-адъютантом при Н.И.Салтыкове.

П.А.Толстой — участник русско-шведской войны 1788—1790 гг. и участник подавления Польских восстаний в 1792 и 1794 гг., В 1792 г. он зачислен в Ингерманландский карабинерный полк, в 1793 г. переведен в Псковский драгунский полк, а 28 июня 1794 г. за отличие в бою под Брестом произведен в полковники⁹¹⁴.

По семейной легенде назначение в Псковский полк было связано со свадьбой П.А.Толстого. «Своей женитьбой на богатой княжне Голицыной получил он один из двух только во всей России четырехтысячных полков — Псковский драгунский полк, чтобы он деньгами своей жены поправил положение полка. Тогда говорили, что этот полк был дан Петру Александровичу потому, что никто его не принимал, так он был расстроен в финансовом отношении бра-том Петра Александровича, командовавшим тогда этим полком»⁹¹⁵. Однако свадьба П.А.Толстого состоялась только в 1795 г.

Его женой стала княжна Мария Алексеевна Голицына, старшая дочь «первого русского мартиниста»⁹¹⁶ генерал-майора князя Алексея Борисовича Голицына (1732-1792). Она, в ранней юности лишившаяся отца и в детстве матери, была воспитана под особым покровительством Екатерины II «...по всем строгим правилам приличий двора, умения жить в свете и страхе Божиим»⁹¹⁷. Большое состояние, унаследованное от родителей, сделало ее одной из богатейших и, следовательно, желанных невест, хотя красавицей М.А.Толстая, судя по портрету, не была⁹¹⁸. Как у всех дочерей знатных аристократов екатерининской эпохи, образование М.А.Толстой сводилось к умению хорошо говорить и писать по-французски. Кроме того, по свидетель-

⁹¹⁴ Граф Петр Александрович Толстой// Москвитянин. 1844. ?. 10. С. 416-420.

⁹¹⁵ Толстой Ф.П. Записки графа Фёдора Петровича Толстого. М., 2001. С. 55.

⁹¹⁶ Серков А.И. Русское масонство. 1731-2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 251.

⁹¹⁷ Толстой Ф.П. Указ. соч. С. 83.

⁹¹⁸ Портрет М.А.Толстой кисти В.А.Тропинина находится в Государственном музее искусств Грузии.

ству историка П.Ф.Карабанова, ее отличал благочестие и «...ум оригинальный с необыкновенными странностями»⁹¹⁹.

Посол Наполеона генерал Анн Жан Мари Рене Савари писал о М.А.Толстой в «Листках новостей», отсылаемых им в Париж, как о важном лице в петербургском обществе⁹²⁰. В августе 1805 г. она была награждена женским орденом Екатерины «меньшого креста», т.е. 2-й степени. Не меньшую роль М.А.Толстая играла и в Москве, где окончательно обосновалась после Отечественной войны 1812 г. Именно она является именно той дамой, суда которой так страшился грибоедовский Фамусов, воскликнувший: «что будет говорить княгиня Марья Алексевна!»

От брака с П.А.Толстым у М.А.Толстой было четыре сына Алексей (1798-1864)⁹²¹, Александр (1801-1873)⁹²², Егор (Георгий, 1803-1874)⁹²³,

⁹¹⁹ Карабанов П.Ф. Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора. XVIII и XIX вв. Списки П.Ф.Карабанова, приведенные в порядок, дополненные и обставленные примечаниями кн. А.В.Лобановым — Ростовским. СПб. 1872. С. 47.

⁹²⁰ Андроникашвили Б. Потомки Вахтанга VI в России: к 200-летию Георгиевского трактата// Литературная Грузия. 1983. ? 3. С. 196-197.

⁹²¹ Толстой Алексей Петрович, впоследствии генерал-лейтенант, с 1850 г. сенатор, управляющий отделением Сената в Варшаве, владелец усадьбы Знаменское-Аксиньино (ныне в черте Москвы).

⁹²² Толстой Александр Петрович, с 1830 г. камергер, с 1834 г. действительный статский советник и тверской губернатор, с 1837 г. — генерал-майор, одесский военный губернатор и управляющий гражданской частью в городе (по 1840 г.), в 1855 г. начальник нижегородского ополчения, с 1856 г. генерал-лейтенант и обер-прокурор Синода (по 1862 г.), затем член Государственного совета, владелец большого имения Троицкое на Зуше (Тульская губерния), унаследованного от отца. Был женат на княжне Анне Егоровне Грузинской (1798-1889). В их московской квартире в доме Талызиных была сожжена вторая часть поэмы «Мертвые души» и скончался ее создатель — Н.В.Гоголь.

⁹²³ Толстой Егор Петрович, генерал-лейтенант, действительный статский советник, в 1819 г. поступил на службу в Углицкий полк в чине подпрапорщика, с 1821 г. в лейб-гвардии Егерском полку, с мая 1827 г. — флигель-адъютант, участвовал в войнах с Персией в 1826-1828 гг. и Турцией в 1828-1829 гг., и в Польской кампании 1831 г., в мае 1835 г. был причислен к Министерству внутренних дел, но через 2 года вышел в отставку, по выборам московского дворянства в 1847-1850 гг. занимал должность совестного судьи (1847-1850), в 1850 г. казанский

Владимир (1805-1875)⁹²⁴ и Иван (1811-1852)⁹²⁵ Евдокия (Авдотья) Петровна Толстая (1795-1863), в замужестве Гурьева⁹²⁶, Софья (1800-1886), в замужестве графиня Апраксина⁹²⁷, Анна (1802-1884), в заму-

военный губернатор, в 1851-1854 гг. калужский военный и гражданский губернатор, в 1854-1856 гг. Таганрогский градоначальник, в июле 1859 г. руководил подавлением бунта крестьян в Спасском уезде Тамбовской губернии, 1859-1861 гг. пензенский губернатор, с 1861 г. – сенатор. Был женат на княжне Варваре Петровне Трубецкой.

⁹²⁴ Толстой Владимир Петрович, впоследствии генерал-майор. Был женат на графине Софье Васильевне Орловой-Денисовой (1817-1885).

⁹²⁵ Толстой Иван Петрович, в юности ученик историка М.П.Погодина, впоследствии действительный статский советник, унаследовал усадьбу Знаменское-Аксиньино от брата Алексея. С 4 июля 1845 г. был женат на графине Софье Сергеевне Строгановой (1824-1852).

⁹²⁶ Толстая Евдокия (Авдотья) Петровна, замужем за графом Александром Дмитриевичем Гурьевым (1787-1865). А.Д.Гурьев, действительный статский советник, в 1812 г. вступил в 3-й округ внутреннего губернского ополчения, в 1813 г. был назначен бригадным начальником 1-го Казанского и 3-го Нижегородского ополченских полков, затем откомандирован с двумя пехими и одним уральским казачьим полками в авангард действующей армии. Участвовал в ряде боев и стычек с наполеоновскими войсками, отличился в сражении при Дрездене, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, был комендантом г. Дрезден, в 1814 г. зачислен на военную службу с переименованием в генерал-майоры, в 1822 г. назначен на пост Одесского градоначальника, 1825 г. определен состоять по армии при военном министре, в 1827 г. назначен членом Военного совета Военного министерства и произведен в генерал-лейтенанты, с 1828 г. сенатор, в 1832 г. генерал-губернатор Киевской, Волынской и Подольской губерний, затем назначен членом Военного Совета, позже Полтавским и Черниговским военным губернатором, в 1835 г. назначен Киевским военным губернатором с управлением гражданской частью, а также Подольским и Волыньским генерал-губернатором, в 1837 г. перешел на гражданскую службу с производством в действительные тайные советники, являлся председателем департамента государственной экономики в Государственном Совете.

⁹²⁷ Толстая Софья Петровна, замужем за генерал-майором графом Владимиром Степановичем Апраксиным (1796-1833) владельцем подмосковной усадьбы Ольгово (Дмитровский уезд) и орловской Брасово (ныне пос. Локоть Брянской области) Из Ольгова (Дмитровский уезд), происходит два великолепных портрета П.А.Толстого, выполненных в 1799 г. В.Л.Боровиковским (по-видимому, один из них является копией или авторским повторением). Ныне один из этих портретов

жестве Бахметева⁹²⁸ и Александра (1804-1858), в замужестве графиня Мордвинова⁹²⁹.

В год своей свадьбы, 1795-й, П.А.Толстой, получил Георгиевский крест 4-й степени за штурм предместья мятежной Варшавы — Пра-

является украшением собрания литературоведа И.С. Зильберштейна, которое стало основой Музея личных коллекций в Москве. В литературе эта картина ошибочно названа портретом Н.А.Толстого, написанным в 1800-е гг. См.: Зильберштейн И.С. Первый в мире// Наше наследие. 1988. ? 1. С. 17. Другой портрет П.А.Толстого находится в фондах Музея-заповедника «Дмитровский Кремль» в г. Дмитрове Московской области. Там же экспонируется и портрет камердинера П.А.Толстого. В.С.Апраксин — внук Владимира Борисовича и Натальи Петровны Голицыных, участник Отечественной войны 1812 г., во время заграничных походов 1813-1814 гг. отличился в сражениях при Дрездене и Кульме, где получил орден Владимира IV степени; за отличие в «битве народов» под Лейпцигом произведен в подпоручики; находился в сражении при Фер-Шампенуазе и при взятии Парижа, в апреле 1814 г. переведен в лейб-гвардии Конный полк, с 1817 г. флигель-адъютант, с 1831 г. генерал-майор свиты.

⁹²⁸ Толстая Анна Петровна, замужем за адъютантом П.А.Толстого (с 27 августа 1820 г.) корнетом, впоследствии ротмистром лейб-гвардии Конного полка Алексеем Ивановичем Бахметевым (1801 — 1861). А.И.Бахметев, впоследствии управляя Московской дворцовой конторой, с 1858 г. председатель Московского Славянского Благотворительного Общества, в 1858-1859 гг. состоял попечителем Московского учебного округа, гофмейстер, изучал технологию производства стекла в Лейпциге и продолжил семейное стекольное дело в имении Николо-Пестровка (Пензенская губ.). Брак был бездетным, поэтому предприятия А.И.Бахметева по наследству достались сыну его племянницы князю А.Д.Оболенскому. к А.П.Бахметевой от родителей и братьев перешла часть деловой и семейной переписки, содержащая любопытные сведения по истории Узкого, а также некоторые хозяйственные и деловые бумаги, среди которых реестры ризниц, церквей в Узком, Троицком, а также Николы в Хлынове, в приходе которой находился московский дом Толстых в Леонтьевском переулке (улица Станиславского). См.: ЦИАМ. Ф. 1845. Формуляр А.Н. Бахметева см.: ЦИАМ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 15. Л. 1-5.

⁹²⁹ Толстая Александра Петровна, замужем за графом Александром Николаевичем Мордвиновым (1799 — 1856 или 8), с 1849 г. владелица имения Троицкое на Зуше (Тульская губерния). Мордвинов А.Н. («Вид Венеции», 1851)— коллежский советник, камергер, художник-любитель, учившийся у М. Воробьева. Первым браком А.Н.Мордвинов был женат с 1828 г. на Анастасии Алексеевне Яковлевой (ум. в 1833 г.). О Мордвиновых см.: Шереметев С.Д. Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т.3. М., 2005. С. 108.

ги⁹³⁰. Реляция фельдмаршала А.В.Суворова сообщала, что «граф Толстой, командуя двумя баталионами, во главе колонны с первыми взшел на батарею и овладел ею, где и ранен в руку»⁹³¹.

В 1797 г. П.А.Толстой стал генерал-майором и шефом Нижегородского драгунского полка, вскоре Павел I сделал его своим генерал-адъютантом и наградил орденом Анны 1-й степени. Уже в 1799 г. П.А.Толстой был произведен в генерал-лейтенанты, и направлен в армию австрийского эрцгерцога Карла для координации действий с частями А.В.Суворова, действовавшими в Европе.

Вскоре после возвращения П.А.Толстого в Россию, Павел I повелел ему уехать из Петербурга. В.Н.Геттун вспоминал, как П.А.Толстой «...рассказал мне, как он впал было в немилость императора Павла I и велено было ему выехать из С[анкт-]Петербурга в три дня. Посему он с семейством своим, собираясь в дорогу, продал собственный дом греку Калержи за 60 т[ысяч] р[ублей], из коих он отдал дворецкому 25 т[ысяч] р[ублей] на уплату мелочных долгов»⁹³². Немного позже Павел I разрешил П.А.Толстому вернуться, опрометчиво простив всех военных, по разным причинам выгнанных со службы. Недовольные составили заговор, как известно, окончившийся убийством несчастного императора в Михайловском замке. к ним примкнул и П.А.Толстой, имевший основания опасаться за непрочность своего положения⁹³³.

После вступления на престол Александра I П.А.Толстому введено было состоять по армии, но в 1802 г. он был назначен военным губернатором Выборга и инспектором кавалерии Финляндской инспекции. Через полгода П.А.Толстой переведен в должность петербургского военного губернатора, и вскоре назначен командиром

⁹³⁰ Шильдер Н.К. Дипломат поневоле// Исторический вестник. 1896. ? 6. С. 824.

⁹³¹ Посольство графа П.А.Толстого в Париж в 1807 и 1808 г.г. От Тильзита до Эрфурта. СПб., 1893. С. XX.

⁹³² Геттун В.Н. Записки собственно для моих детей// Исторический вестник. 1880. ? 1. С. 279.

⁹³³ Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII-XIX веков и Вольная печать. Изд. 2-е, испр. М., 1984. С. 256.

лейб-гвардии Преображенского полка, в котором он начинал службу и гвардейского корпуса.

По утрам к дому П.А.Толстого приходили гвардейские солдаты-именинники, которым он давал по серебряному рублю, а унтер-офицерам по два рубля. Однажды для того, чтобы иметь деньги для раздачи гвардейцам П.А.Толстой заложил в ломбарде бриллианты своей жены⁹³⁴.

В 1805 г. П.А.Толстой, ставший генерал-адъютантом, командовал двадцатитысячным десантным корпусом, отплывшем в Померанию для действий в северной Германии против французов под началом шведского короля Густава-Адольфа. После Аустерлицкого сражения корпус П.А.Толстого вернулся в Россию. Александр I в 1806 г. назначил его своим представителем в штабе командования русской армии. П.А.Толстой координировал действия генералов Л.Л.Бенигсена и Ф.Ф.Буксгевдена, командовавших корпусами, и докладывал об этом императору. Когда Л.Л.Бенигсен стал командующим, П.А.Толстой сначала выполнял обязанности дежурного генерала при нем, а позже командовал резервом армии.

Александр I в 1807 г. назначил П.А.Толстого чрезвычайным послом во Францию, но его выбор оказался неудачен: П.А.Толстой, настроенный антифранцузски, в своих донесениях рекомендовал организовать новую антифранцузскую коалицию с Австрией и Пруссией и неоднократно просил отставку. После заключения Тильзитского мира он даже нарушил дипломатический этикет, не принял в присутствии Александра I от Наполеона орден Почетного легиона, сказав, что не заслужил⁹³⁵.

В апреле 1808 г. П.А.Толстой отправил в Россию жену с детьми, чтобы она лично добивалась его вызова из Франции. После встречи Александра I и Наполеона в Эрфурте многочисленные просьбы П.А.Толстого об увольнении были удовлетворены. Вернувшись в Россию, он, получив маловажную должность инспектора рекрутского депо, в основном жил со своими близкими либо в отставной столице — Москве, либо в своем имении Троицком на Зуше Чернского уез-

⁹³⁴ Геттун В.Н. Указ. соч. С. 292.

⁹³⁵ Геттун В.Н. Указ. соч. С. 296.

да Тульской губернии, где был большой конный завод⁹³⁶. С того времени П.А.Толстой начал серьезно заниматься сельским хозяйством.

Во время Отечественной войны 1812 г. Александр I поручил П.А.Толстому возглавить один из трех округов внутреннего губернского ополчения, на которые была тогда разделена страна: 3-й или Низовой округ, центр которого находился в Нижнем Новгороде, куда в то время съехалась вся московская знать, бежавшая от неприятеля (в этот округ входили Нижегородское, Костромское, Симбирское, Пензенское, Казанское и Вятское ополчения). В 1813 г. отряды, возглавляемые П.А.Толстым, образовали особый корпус и вошли в состав польской армии Л.Л.Бенигсена, которая воевала в Богемии и победоносно участвовала во взятии Дрездена и Гамбурга.

После возвращения на родину, уже генералом от инфантерии (до войны он отказался принять это звание), П.А.Толстой в 1816 г. был назначен командующим 5-м пехотным корпусом, расквартированным в Москве и ее окрестностях⁹³⁷. А рядом с местом новой службы оказалось такое великолепное место для приложения своих сельскохозяйственных навыков, как большое имение жены — Узкое, унаследованное ею от брата Е.А.Голицына, скончавшегося в 1811 г., по разделу с сестрами.

Судя по тому, что имя Е.А.Голицына еще как минимум два года продолжало значиться в официальных документах, имеющих отношение к Узкому⁹³⁸, никто из новых владельцев не посетил за это время свою усадьбу.

⁹³⁶ ЦИАМ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 443; Комаровский Е.Ф. Записки графа Е.Ф.Комаровского. М., 1990. С.111. Троицкое на Зуше было очень большим имением, в его состав, помимо собственно Троицкого, входили деревни: Булычи, Красное Озеро, Орловка и Тросна (Зуша — название речки, протекавшей через имение). Их общее население в сер. XIX в. составляло свыше 800 человек крепостных мужского пола, т.е. с учетом женщин и детей было в два раза больше. Подробнее об этом имении, принадлежавшем П.А.Толстому в 1790-1840 гг. см.: ГАТО. О. а. ф. 111. Оп. 1. Д. 1-757.

⁹³⁷ Некролог графа Петра Александровича Толстого // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1844. ? 10. С. 101.

⁹³⁸ ЦИАМ. Ф. 383. Оп. 1. Д. 188. Л. 19 об.; Алфавит владельцам, ставившим со своего имения в Московское земское ополчение воинов // Московское дворянство в 1812 году. М., 1912. С. 281.

Во время Отечественной войны 1812 г. от Узкого и входившей в состав имения деревни Нижние Теплые Станы в Московское земское ополчение ушло 11 ратников в полном обмундировании и вооружении⁹³⁹. Эта цифра дает возможность посчитать общее количество крестьян в имении: ополчение брали каждого десятого. Французская армия выступила из сожженной Москвы 5 октября 1812 г. по Старой Калужской дороге, разоряя расположенные вдоль нее села и деревни. В «Ведомости, учиненной в Московском земском суде о владельческих селениях с показанием претерпенных ими от нашествия неприятеля разорении» по Московскому уезду отмечено, что в Узком «отнято неприятелем хлеба 2500 четвертей, сена 4700 пудов, лошадей 28, коров 30, баранов, овец 90, разграблена церковь, господский дом, имущество дворовых людей и крестьян, хлеб и весь скот, всего на сумму 124877 рублей»⁹⁴⁰. Нанесенный французами ущерб был грандиозным, однако вполне логично предположить, что пострадавшие крестьяне могли поучаствовать в разграблении усадьбы, пользуясь отсутствием владельцев.

В московском доме Толстых, находившемся в Леонтьевском переулке, сформировался кружок из лиц, осознавших необходимость развития земледелия и сельского хозяйства как основы народного благосостояния, от которого, в конечном счете, зависит и судьба страны⁹⁴¹. Становление этого кружка по времени примерно совпадает с появлением декабристских «Союза благоденствия» и «Союза спасения». И здесь, и там костяк составляли офицеры, имевшие боевой опыт 1812 г. и зарубежных походов. Принципиальная разница была лишь в возрасте и, следовательно, чинах. Интерес к сельскому хозяйству, как правило, проявили люди достаточно зрелые, пожившие, достигшие определенного положения, тогда как вокруг «Союзов» в подавляющем большинстве группировалась молодежь. Первые считали, что лучшее будущее страны обеспечат земледельческие новации. Вторые не видели его без более радикальных преобразований.

⁹³⁹ Алфавит владельцам, ставившим со своего имения в Московское земское ополчение воинов... Там же.

⁹⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 383. Оп. 1. Д. 188. Л. 19 об.

⁹⁴¹ Некролог графа Петра Александровича Толстого // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1844. ? 10. С. 98.

Кружок культурных помещиков, тесно связанный с военной и гражданской администрациями города, «легализовался» в виде Императорского Московского общества сельского хозяйства — тогда единственной организации такого рода на всю Россию⁹⁴². Общество возглавил старый приятель П.А.Толстого князь Д.В. Голицын, назначенный генерал-губернатором (главноначальствующим) Москвы. П.А.Толстой стал его заместителем, то есть вице-президентом общества. Соседями П.А.Толстого по подмосковному имению стали не менее деятельные члены общества сельского хозяйства — другому вице-президенту князю С.И.Гагарину принадлежало Ясенево⁹⁴³, отставной генерал-майор А.И.Герард владел Большим Голубиным⁹⁴⁴. Членами общества также были полковник князь Н.С.Меншиков и коллежский асессор А.А.Бекетов, владевшие расположенными ближе к Москве имениями Черемушки-Знаменское и Зюзино-Борисоглебское⁹⁴⁵. Успехам рационализации сельского хозяйства способствовала концентрация в одном регионе имений целого ряда известных рационализаторов способствовала успехам рационализации и экономического подъема сельского хозяйства в Подмосковье. Формируется по определению С.А.Козлова «культурно-хозяйственный очаг», который можно оценивать как важнейший центр рационального хозяйствования Центрального Нечерноземья в дореформенную эпоху⁹⁴⁶.

⁹⁴² Она существовала до 1930 г.

⁹⁴³ ЦИАМ. Ф. 483. Оп. 5, д. 35, л. 1 об.

⁹⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 383. Оп. 1. Д. 11. Л. 21, 55, 55 об., 56-58 об., Д. 188. Л. 14, 18, 48. См. также: Коробко М.Ю. Большое Голубино// Усадьбное ожерелье Юго-Запада Москвы. М., 1997. С. 141-142.

⁹⁴⁵ ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 5. Д 727. Л. 2-2 об., 3, 3 об., 66; Ф. 203. Оп. 744. Д. 2353. Л. 353 об., 405 об; Коробко М.Ю. Москва усадьбная. М., 2005. ; Острова Е.В., Перфильева Л.А. Черемушки: к истории создания дворца в усадьбе Меншиковых// Русская усадьба. Сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 2(18). М., 1996. С. 150; Перфильева Л.А.Черемушки — Знаменское// Усадьбное ожерелье Юго-Запада Москвы. М., 1997. С. 20-26.

⁹⁴⁶ Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центральнo-нечерноземные губернии). М., 2002. С. 348-349. В свою очередь

Благодаря П.А.Толстому, страстному любителю и знатоку садоводства, в Узком было организовано хорошо развитое оранжерейное хозяйство, приносявшее значительные доходы: «он основал в Ускове великолепные оранжереи и теплицы, славящиеся поныне во всем округе»⁹⁴⁷, — писал историк Д.О.Шеппинг. Кроме существовавших с голицынского времени Больших оранжерей, частично сохранившихся до настоящего времени, появились более десяти новых хорошо оборудованных теплиц и оранжерей. В них выращивались ананасы, персики и абрикосы, а также другие культуры, экзотические для средней полосы России. Много редких растений росло на открытом воздухе, имелся вишневый сад, в прудах разводили рыбу.⁹⁴⁸

17 февраля 1825 г. «годовое собрание» общества сельского хозяйства наградило П.А.Толстого золотой медалью «...в ознаменовании своего уважения и признательности к ревностному усердию, оказанному Вашим сиятельством при самом основании и учреждении общества, а равно и к постоянному содействию вашему в трудах и занятиях онаго...»⁹⁴⁹. Впоследствии такую же медаль получил и С.И.Гагарин.

В значительной степени трудами П.А.Толстого, С.И.Гагарина Н.С.Меншикова и др. членов Московского общества сельского хозяйства была сформирована традиция домашнего садоводства, растения широко использовались для оформления фасадов господских домов в их усадьбах и даже интерьеров. Тем не менее домашнее садоводство так и не получило широкого распространения, оставшись уделом отдельных знатоков и любителей, что связано с отсутствием надлежащего количества квалифицированных специалистов и высокой стоимостью их услуг. Граф М.Д.Бутурлин сформулировал эту мысль более витиевато: «всем садоводам известно, что задержанное

С.А.Козлов ссылается на нашу работу: Коробко М.[Ю.] Подмосковное Узкое: Имение и его владельцы// Наше наследие. 1994. ? 29-30. С. 127-135.

⁹⁴⁷ Шеппинг Д.О. Древний Сосенский Стан Московского уезда/ Сергеев И.Н. Царицыно — Суханово. Люди, события. Факты. М., 1998. С. 411. Из оранжерей, используемых П.А.Толстым, Д.А.Шеппинг мог видеть только Большие оранжереи, которые, сооружены еще при Голицыных.

⁹⁴⁸ Коробко М.Ю. Усадьба Узкое: Историко-культурный комплекс XVII-XX веков. М., 1996. С. 29.

⁹⁴⁹ ЦИАМ. Ф.419. Оп.1. Д.43. Л.6.

в зимнее время в комнате растение не поправляется и нередко про-
падает совсем»⁹⁵⁰

За «спокойствие Москвы» во время восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г. П.А.Толстому была прислана Андреевская лента — знак высшего российского ордена, который одновременно делал награжденного кавалером всех остальных государственных наград. Его собирались арестовать и связанным по рукам и ногам доставить к восставшим во время предполагавшегося ими выступления в Москве собственный адъютант ротмистр князь Н.И.Трубецкой⁹⁵¹. Участником подготовки восстания в Москве был и другой адъютант П.А.Толстого — штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка А.В.Шереметев, бывший двоюродным братом Ф.И.Тютчева⁹⁵². После подавления выступления декабристов П.А.Толстой возглавил комитет, определявший степень вины арестованных, относя их к одному из пяти разрядов (казненные были поставлены вне разрядов).

Жена П.А.Толстого при коронации Николая I была пожалована в статс-дамы и получила большой крест ордена Екатерины — высшую женскую награду страны: «Чин статс-дамы — дан ранг выше всех, даже и фельдмаршальских жен, большой же крест ордена святыя Екатерины в таком уважении, что кроме принцесс и самых наизнатнейших дам никто его не получает. Лента носится с правого плеча на левую сторону так, как орден св. Андрея. Звезда на левой стороне, портрет государыни рядом со звездой. Ленту можно всякий день и не носить,

⁹⁵⁰ Цит. по изд. [Бутурлин М.Д.] Записки графа М.Д.Бутурлина 1849-й год// Русский архив. 1898 ? 2. С. 239.

⁹⁵¹ Кошелев А.И. Записки А.И.Кошелева// Русское общество 40-Х-50-Х годов XIX в. Ч. I. М., 1991, С. 52. Трубецкой Николай Иванович, князь (1797-1873), впоследствии обер-гофмейстер, сенатор, член Государственного Совета.

⁹⁵² Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 199; Указатель Москвы и ее губернии с означением всех присутственных мест и служащих в них и с описанием столицы, уездных городов и всех селений. М., 1821. Ч. 1-2. С. 103; Шереметев С.Д. Мемуары графа С.Д.Шереметева. М., 2005. С.301.

а только по большим праздникам, портрет прилично носить часто, а звезду почти всегда на себе иметь, когда одеваться»⁹⁵³.

С того времени П.А.Толстой был «...употребляем в важнейших Государственных комитетах по назначению императора»⁹⁵⁴, став одним из ближайших сподвижников Николая I. 1 января 1826 г. он получил повеление присутствовать в департаменте военных дел, командовал сводными гвардейскими и гренадерским корпусами во время коронации, с 17 декабря председательствовал в Комитете для рассмотрения действий комиссариатского ведомства в 1819-1825 гг. и т.д.

После смерти супруги, скончавшейся 25 декабря 1826 г.⁹⁵⁵, П.А.Толстой унаследовал Узкое вместе с сыном Иваном и дочерьми Софьей, Анной и Александрой. Роскошный городской особняк вместе с большим подмосковным имением с усадьбой, многочисленными оранжереями и значительными угодьями в совокупности составляли всего лишь седьмую часть огромного наследства, оставленного женой графа, Марией Алексеевной⁹⁵⁶. Несмотря на общность владения имением, хозяйством в нем, как и раньше, занимался П.А.Толстой. В 1828 г. он основал в Москве Общество любителей садоводства.

Полководческая деятельность П.А.Толстого закончилась тем же, с чего и началась — второй Польской кампанией, т.е. подавлением Польского восстания. В 1831 г. П.А.Толстому было суждено еще раз побывать в крае, так не желавшем признать над собою тяжелую руку русских царей, на этот раз в качестве главнокомандующего Резерв-

⁹⁵³ Татищев Ю.В. Письма кн. А.А.Безбородко к Я.Л.Бакушинскому. М., 1907. С.13.

⁹⁵⁴ Некролог графа Петра Александровича Толстого// Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1844. ? 10. С. 103-104.

⁹⁵⁵ «Новая потеря в кругу знатных дам, — так откликнулся на это событие «Дамский журнал». — к общему сожалению родных и знакомых своих на 25 число прошедшего декабря скончалась здесь после кратковременной болезни супруга генерала графа Петра Александровича Толстого, графиня Мария Алексеевна, урожденная княжна Голицына. Она была статс-дама и кавалер ордена св. Екатерины». См.: [Некролог графини М.А.Толстой]// Дамский журнал. 1827. ? 2. С. 69. М.А.Толстая похоронена в Донском монастыре.

⁹⁵⁶ ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 5. Д. 1750. Л. 6, 17 об.

ной, впоследствии 3-й армией, действовавшей в Литве. По окончании кампании он был награжден золотой шагаей с алмазами и надписью из роз «За изгнание польских мятежников».⁹⁵⁷

Судя по документам, при П.А.Толстом в господском доме усадьбы Узкое периодически шли ремонтные работы! Так летом 1833 г. он был «исправлен» для размещения дочери П.А.Толстого графини Софьи Петровны Апраксиной. Она вместе с со своими детьми Надеждой (1820-1853) и Виктором (1822-1898) приехала из Орловского имения Брасово (ныне пос. Локоть Брянской области) для участия в похоронах мужа генерал-майора графа В.С.Апраксина и поселилась в Узком, где тогда жил ее брат Алексей Петрович Толстой⁹⁵⁸. Этот ре-

⁹⁵⁷ См. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Библиографический справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2002. С. 749.

⁹⁵⁸ В.С.Апраксин скончался в Курске от холеры 1 июля 1833 г. Его тело было перевезено в Москву и похоронено в Новодевичьем монастыре. См. Московский некрополь. Т. 1. СПб. С. 47. Сохранилось письмо брасовского управляющего П. Яковлева занимавшегося организацией похорон В.С.Апраксина Алексею Петровичу Толстому от 3 августа 1833 г.: «Во имя отца, вам графу Алексею Петровичу сыну, имею честь ответить, что поручение вашего сиятельства, передать Софье Петровне, об отсрочке выезда из Брасова мне весьма легко было сделать, но исполнить желание ваше затруднительно теперь. — П[е]ред отъездом моим теперь в Курск, я не был никем предворен, что нужно иметь в виду для расчета времени, исправление дома в Узком, — и даже первое ваше письмо заключалось только в том, чтобы известить вас просто: когда намерены будут из Брасова выехать, и когда может прибыть тело в Москву; то чему я видя решительное намерение Софьи Петровны ехать в Москву, занялся в Курске тем, чтобы делом сим очень долго не медлить, и въезд Соф[ьи] Петр[овны] расположить таким образом, чтобы она могла приехать в Узкое по крайней мере дня за два, до прибытия тела к Москве, и имела бы немного времени отдохнуть после дороги. По вашему же назначению выезда Соф[ьи] Петр[овны] 8 или 10 число, — она бы приехала в Москву вместе с телом, что для нее было бы весьма тяжело. Со всем тем однако же по получении ныне вашей объявы, выезда из Брасова делается одним днем позднее именно: дети выезжают сегодня же 3 августа, а Соф[ья] Петр[овна] выедет 6-е августа. Дальнейшей отсрочки сделать уже нельзя. Я полагаю, что по теперешнему хорошему времени несколько дней неоконченной работы в Узком, не сделают разницы и не встретится большого затруднения в помещении в теплую погоду. Ал[ександр] Петр[ович Толстой] и гр[афиня] Александра Петр[овна Мордвинова] выезжают отсюда также сего дня 3 августа; я спе-

монт был срочным и, скорее всего, носил косметический характер. По разделу с детьми, состоявшемуся 31 июля 1836 г.⁹⁵⁹ он стал единственным владельцем Узкого. Тогда П.А.Толстой исполнял обязанности генерал-губернатора Москвы во время отпуска Д.В.Голицына и чаще посещал свое имение. «У графа Толстого есть подмосковная, называемая Узкое, и он четыре дня проводит там, а три бывает в Москве»⁹⁶⁰, записал в своем дневнике московский почт-директор А.Я.Булгаков. Он же зафиксировал реакцию А.С.Пушкина на это назначение П.А.Толстого: «Приехал граф Петр Александрович, да не Румянцов-Задунайский, а Толстой-Узкой»⁹⁶¹ т.к. А.С.Пушкину военные заслуги П.А.Толстого виделись эфемерными по сравнению с заслугами П.А.Румянцева-Задунайского, который в его стихотворении 1829 г. «Воспоминания в Царском Селе» («Воспоминаньями смущенный...») фигурирует как «Перун кагульских берегов». Во всяком случае, очевидно, что название графской усадьбы было ему знакомо.

Видимо на отношение к П.А.Толстому наложили отпечаток личные контакты поэта с ним. 7 октября 1828 г. А.С.Пушкин по вызову П.А.Толстого, тогда управляющего главным штабом по военным поселениям, главного начальника военных поселений главнокомандующего войсками в Петербурге и Кронштате явился на заседании Комиссии, занимавшейся расследованием дела о распространении поэмы «Гавриилиада». А.С.Пушкин попросил у П.А.Толстого разрешение написать письмо Николаю I и, написав письмо, отдал ему. 26 октября П.А.Толстой передал ответ, после которого А.С.Пушкин был отстранен от дела о распространении поэмы. Копия письма А.С.Пушкина царю сохранилась в архиве родствен-

шу отправить к вам сие извещение с отъезжающими, да будьте здоровы во веки веков». См.: ЦИАМ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 87. Л. 2-2 об.

⁹⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 5. Д. 1750. Л. 6, 17 об.

⁹⁶⁰ Булгаков А.Я. «У тебя целый архив Сан-Франциско в твоём архиве...» (из «Современных записок и воспоминаний...» А.Я.Булгакова. Записки 1836-1859 гг.)// Встречи с прошлым. Вып. 9. М., 2000. С. 32.

⁹⁶¹ Булгаков А.Я. Указ. соч. Там же. .

ников П.А.Толстого Бахметевых, поступившем на государственное хранение в 1951 г.⁹⁶²

Между 1836 и 1839 гг. в Узком рядом с господским дом был сооружен, несомненно по инициативе П.А.Толстого, кирпичный классицистический северный флигель («маленький дом» или «флигель к церкви»), являвшийся как бы его продолжением и также соединенный с ним галереей. После этого старый господский дом, выстроенный еще при А.Б.Голицыне, стал называться «средним домом»⁹⁶³.

В северном флигеле находились помещения для приема гостей и личные апартаменты тогдашнего владельца Узкого графа Петра Александровича Толстого и одного из его сыновей: Владимира Петровича. Кабинет П.Н.Толстого на первом этаже северного флигеля имел достаточно скромную обстановку, в которой, однако, можно было удобно работать. На столе стояла чернильница (их не было больше ни в одном помещении) — графу приходилось достаточно много писать. Помимо обыкновенных по тому времени вещей в кабинете находились барометр и ящик с инструментами. На стене висели «икона Богородицы» и «картина цветком», выдававшая основное увлечение хозяина Узкого⁹⁶⁴.

О первоначальных формах северного флигеля можно судить по единственной фотографии 1890 г., где виден фрагмент этого здания. Известно, что первоначально он имел мощные контрфорсы, являвшиеся скорее не конструктивным, а декоративным элементом⁹⁶⁵ флигель перестроен между 1890 и 1895 гг., возможно по проекту архитектора С.К.Родионова).

⁹⁶² ЦИАМ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 564. См. также: Гурьянов В.П. Письмо Пушкина о «Гавриилиаде»// Пушкин. Исследования и материалы. Т. VIII, С. 287-288; Лернер Н. О. Заметки Пушкина о «Гавриилиаде»// Книга и революция. 1921. ? 8-9. С.118; Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.-Л., 1935. С. 317-319.

⁹⁶³ Коробко М.Ю. Усадьба Узкое: Историко-культурный комплекс XVII-XX веков. М., 1996. С. 65.

⁹⁶⁴ РГАДА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 487. Л. 5-7.

⁹⁶⁵ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1, Московская губерния, Д. 251; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 515. Л. 1; Д. 518. Л.1.

В 1839 г. П.А.Толстой окончательно вернулся в Москву и лично занялся ведением хозяйства в Узком. В издаваемом историком М.П.Погодиным журнале «Москвитянин» отмечено, что П.А.Толстой вел размеренный и спокойный образ жизни: «Лето проводил обыкновенно в подмосковной, в своем Уском, посреди сельских работ и занятий, напоминая самую простотою своей жизни что-то древнее. Досуги свои он посвящал семейству и тем, с которыми любил беседовать»⁹⁶⁶. Лицейский товарищ Пушкина М.А.Корф со своей стороны также свидетельствовал, что: «Последние годы своей жизни Толстой проводил опять постоянно в Москве или в подмосковном своем имении Узком, имев позволение не приезжать в Петербург и заниматься страстно цветами — единственной вещью в мире, которую он не считал «плевым делом»⁹⁶⁷.

По делам Общества сельского хозяйства к П.А.Толстому в Узкое неоднократно навещался экономист С.А.Маслов, бывший секретарем этой организации. «Издание журнала»⁹⁶⁸ и сношения общества внутри и вне России, возложенные на неперменного секретаря, обязывали меня докладывать графу П[етру] А[лександровичу] о предметах переписки общества, как официальной, с Министерством государственных имуществ, так и частной, а потому я нередко приезжал к нему в его подмосковное село Уское и имел утешение видеть, как он принимал к сердцу все относящееся до чести общества и пользы общественной»⁹⁶⁹, — писал позднее С.А.Маслов.

Гордость не позволила П.А.Толстому отказаться от избрания в президенты общества сельского хозяйства 2 мая 1844 г. после смерти Д.В.Голицына, но силы его уже были на исходе. П.А.Толстой скоропостижно скончался 28 сентября того же года в своем московском

⁹⁶⁶ Граф Петр Александрович Толстой// Москвитянин. 1844. ? 10. С. 420.

⁹⁶⁷ Корф М.А. Из записок барона (впоследствии графа) М.А.Корфа// Русская старина. 1899. ? 12. С. 484.

⁹⁶⁸ Имеется в виду печатный орган общества сельского хозяйства «Журнал сельского хозяйств и овцеводства», первоначально называвшийся «Земледельческий журнал», основан в 1821 г.

⁹⁶⁹ Маслов С.А. Воспоминания о графе П.А.Толстом, 2-м Президенте Императорского Московского общества сельского хозяйства. Читаны в собрании Общества 21 ноября// Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1844. ? 12. С. 307.

доме. В тот день он, по свидетельству С.А.Маслова, собирался уехать на несколько дней в Узкое: «...чтобы посмотреть, как поставили в оранжереи и простенки растения и подышать дней пять свежим воздухом. — Не задерживайтесь, граф, в деревне, сказал я ему, уже время позднее, осеннее, да и нам без вас скучно. — Нет, брат, я скоро возвращусь, а там начнем и наши заседания. Провожая, он взял меня за руку и сердечной добротой сказал: «Прощай, брат Степан Алексеевич, до свидания». — Можете себе представить, как поразило меня, случайно долетевшее на другой день известие, что гр[аф] П[етр] А[лександрович] скончался; я не верил слуху, пошел в дом графа, и нашел его на столе, спокойно сомкнувшего глаза навеки»⁹⁷⁰. На похоронах крестьяне села Узкого по собственной инициативе несли гроб с телом своего барина от его приходской церкви Николая в Хлынове до Донского монастыря, где он был похоронен рядом со своей женой⁹⁷¹.

Памятник над могилами П.А.Толстого и его жены не сохранился, хотя грядущее двухсотлетие Отечественной войны 1812 г. могло бы стать хорошим поводом для его воссоздания.

⁹⁷⁰ Маслов С.А. О последних днях жизни графа Петра Александровича Толстого (Письмо к действительному члену [Императорского Московского общества сельского хозяйства] А.Ф. Реброву)// Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1844. ? 10. С. 107-108.

⁹⁷¹ Некролог графа Петра Александровича Толстого// Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1844. ? 10. С. 97.

АВТОРЫ:

Адауров Вадим Валентинович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории нового и новейшего времени Украинского католического университета, г. Львов, Украина, v_adadourov@yahoo.fr

Березовая Лидия Григорьевна, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой истории России нового времени факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, lgber@yandex.ru

Беспалов Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и экономической теории Академии государственной противопожарной службы МЧС России, bds_69@mail.ru

Будон Жак-Оливье, профессор Университета Париж IV — Сорбонна, президент Наполеоновского института, Франция, jacques-olivier.boudon@paris-sorbonne.fr

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, заведующий кафедрой политической социологии Российского государственного гуманитарного университета, natalivelikaya@gmail.com

Виолле Катрин, ведущий научный сотрудник Национального центра научных исследований Франции (ITEM-CNRS), Франция, cviollet@wanadoo.fr

Ворошилова Светлана Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной академии права, г. Саратов, voroshilova-s-v@mail.ru

Гальцова Елена Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор РГГУ, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН, galtsova05@mail.ru

Горуппи Тициана, доктор филологии, профессор Университета Пизы, Италия, t.goruppi@rom.unipi.it

Губина Майя Викторовна, доктор исторических наук, профессор Университета Париж IV — Сорбонна, Франция, mgoubina@voila.fr

Дацишина Марина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета, ditrich@list.ru

Захарчук Олег Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Национального авиационного университета, г. Киев, Украина, korsika1769@gmail.com

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, vladimirzemtsov@yandex.ru

Ильясов Тимур Тагирович, ассистент кафедры истории Башкортостана и этнологии Башкирского государственного университета, г. Уфа, timur-il@list.ru

Колонна Стелла, аспирантка Университета Корсики им. Паскаля Паоли, г. Корте, Франция, colonnastella@yahoo.fr

Копылов Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, n-kopylov@mail.ru

Коробко Михаил Юрьевич, историк, публицист, выпускник РГГУ, лауреат Макарьевской премии, член правления Общества изучения русской усадьбы, oigu@bk.ru

Лапин Владимир Викентьевич, доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Санкт-Петербургского института истории РАН, lapin.vv@yandex.ru

Люци Кристоф, научный сотрудник Национального центра научных исследований Франции (LISA, CNRS), преподаватель Университета Корсики им. Паскаля Паоли, г. Корте, Франция, luzi.chris@gmail.com

Мезенцев Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, voencentririran@yandex.ru

Мельник Зоряна Анатольевна, ассистент кафедры мировой истории нового и новейшего времени Украинского католического университета, г. Львов, Украина, zogianam@gmail.com

Моретти Анна, доцент гуманитарного факультета Университета Паскаля Паоли, г. Корте, Франция, amoretti@rambler.ru

Оброн-Ваттэр Кандис, аспирантка Университета Корсики им. Паскаля Паоли, г. Корте, Франция, obron.candice@gmail.com

Очиров Уташ Борисович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, neville-smith@yandex.ru

Парсамов Вадим Суменович, доктор исторических наук, профессор Института истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, parsamovvs@gmail.com

Поли Жан-Доминик, профессор Университета Корсики им. Паскаля Паоли, г. Корте, Франция, jean-dominique.poli@wanadoo.fr

Постникова Алена Александровна, аспирантка исторического факультета Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, alina33_07_87@mail.ru

Приказчикова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры фольклора и древней литературы Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, miegata-logos@yandex.ru

Рыбаков Сергей Петрович, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, sergeyryb@rambler.ru

Секиринский Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, sekirinsk@mail.ru

Соммовиго Барбара, доктор филологии, преподаватель Университета Пизы, Италия, sommovigo@tom.unipi.it

Тимашева Оксана Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, timacheva@list.ru

Федотова Марина Сергеевна, Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, marafed1@yandex.ru

Черепанова Розалия Семеновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, rozache@mail.ru

Шервашидзе Вера Вахтанговна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов, shervash@yandex.ru

UNIVERSITÉ D'ETAT DES SCIENCES
HUMAINES (RGGU)

UNIVERSITÀ DI CORSICA PASQUALE PAOLI

INSTITUT DU MONDE EQUITABLE

CENTRE FRANCO-RUSSE DE RECHERCHE EN SCIENCES
HUMAINES ET SOCIALES

**LES GUERRES NAPOLEONIENNES SUR
LES CARTES MENTALES DE L'EUROPE:
CONSCIENCE HISTORIQUE
ET MYTHES LITTERAIRES**

Moscou

Maison d'édition «Kluch-S»

2011

SOMMAIRE

INTRODUCTION	446
RECHERCHES NAPOLEONIENNES ET CRÉATION DES MYTHES	
LA CAMPAGNE DE 1812 À TRAVERS LES MÉMOIRES DES SOLDATS FRANÇAIS	
<i>Jacques-Olivier Boudon</i>	448
L'INCENDIE DE MOSCOU 1812 EN TANT QUE PROBLÈME CULTUROLOGIQUE	
<i>Vadim Parsamov</i>	460
DE LA CARTOGRAPHIE MENTALE À LA TOPOGRAPHIE MILITAIRE : LES REPRÉSENTATIONS FRANÇAISES DE L'ESPACE DE L'EUROPE ORIENTALE À LA VEILLE DE LA CAMPAGNE DE 1812 (D'APRÈS LES EXEMPLES DES RÉGIONS SUD-OUEST DE L'EMPIRE DE LA RUSSIE)	
<i>Vadim Adadourov</i>	462
LA PERCEPTION RÉCIPROQUE DES ADVERSAIRES : ÉVOLUTION DANS LE TEMPS (D'APRÈS LES DOCUMENTS RUSSES ET FRANÇAIS)	
<i>Maya Goubina</i>	463
LA GRANDE ARMÉE SUR LA BÉRÉZINA DANS LA MÉMOIRE HISTORIQUE DE LA FRANCE DU XIXe SIÈCLE	
<i>Aliona Postnikova</i>	466
LES ÉLÉMENTS DE LA MYTHOLOGISATION DANS LES RECHERCHES NAPOLEONIENNES À L'ÉPOQUE POST- SOVIÉTIQUE	
<i>Oleg Zakhartchouk</i>	468

NAPOLÉON ET LA CULTURE DE MASSE AUJOURD'HUI : ROMANS, MANGAS, BANDES DESSINÉES, JEUX VIDÉO <i>Candice Obron-Vattaire</i>	470
LES GUERRES NAPOLÉONIENNES DANS LES ŒUVRES DE LA LITTÉRATURE ET DE L'ART	
A. DUMAS, NAPOLÉON ET LA MONARCHIE DE JUILLET <i>Vladimir Zemtsov</i>	489
LE MYTHE DE NAPOLÉON DANS LA CONSCIENCE CULTURELLE DU XIX SIÈCLE <i>Véra Chervashidze</i>	491
À LA LUEUR DES FLAMMES DE MOSCOU <i>Barbara Sommovigo</i>	494
NAPOLÉON DANS LA CARICATURE RUSSE 1812–1813 <i>Lidia Bérésovaya</i>	504
LA CONSCIENCE DU MYTHE NAPOLÉONIEN DANS L'ŒUVRE DE CLAUDE SIMON: LES FIGURES ENTREMÊLÉES DU GUERRIER, DU RUSTIQUE ET DU CONQUÉRANT <i>Christophe Luzi</i>	505
NAPOLÉON : INCARNATION D'UN MYTHE LITTÉRAIRE DANS L'ŒUVRE DE VICTOR HUGO ? <i>Stella Colonna</i>	517
LA GUERRE NATIONALE DE 1812 DANS LA CRÉATION POPULAIRE MUSICALE DES BACHKIRS <i>Timour Ilyassov</i>	540

NAPOLÉON À LA PREMIÈRE PERSONNE: SUR QUELQUES AUTO-IDENTIFICATIONS FUTURISTES (IGOR SÉVÉRIANINE, VLADIMIR MAĬAKOVSKI)	
<i>Elena Galtsova</i>	543
L'IMAGE DE NAPOLÉON ET SE DON ÉPOQUE DANS LA MÉMOIRE HISTORIQUE DES NATIONS	
LE MYTHE NAPOLÉONIEN EN RUSSIE AUX XIX-XXes SIÈCLES	
<i>Sergueï Sekirinski</i>	545
NAPOLÉON BONAPARTE COMME UNE FIGURE DE LA CONSCIENCE RUSSE	
<i>Rosalia Tcherepanova</i>	547
LA GENÈSE DU MYTHE NAPOLÉONIEN DANS LA CONSCIENCE HISTORIQUE DE LA RUSSIE D'AUJOURD'HUI: LA DIMENSION SOCIOLOGIQUE	
<i>Nataliya Velikaya</i>	548
LA "FOLIE DE LA GUERRE"	
<i>Tiziana Goruppi</i>	555
NAPOLÉON, IDOLE DES JEUNES DIARISTES RUSSES FRANCOPHONES (AUTOUR DE 1840)	
<i>Catherine Viollet</i>	568
GLOIRE DE NAPOLÉON, BÊTE NOIRE DE VÉRÉCHAGUINE V.V. ET DE ROSANOV V.V.	
<i>Oksana Timacheva</i>	579
L'INFLUENCE DU CODE DE NAPOLÉON SUR LE STATUT JURIDIQUE DES FEMMES EN FRANCE ET EN RUSSIE	
<i>Svetalana Vorochilova</i>	582

« MYTHE DE L'AN DOUZE » ET ÉLECTIONS À LA IVe DOUMA	
<i>Vladimir Lapine</i>	584
LES IDÉES DU BONAPARTISME PENDANT LA RÉVOLUTION RUSSE ET LA GUERRE CIVILE (1917– 1920) : «LE BRUMAIRE» DU GÉNÉRAL L.G. KORNILOV ET «TOULON» DU SOUS-LIEUTENANT M.N. TOUKHATCHEVSKY	
<i>Nicolai Kopylov</i>	586
NAPOLÉON, DANS LE DISCOURS POLITIQUE OFFICIEL DE L'ALLEMAGNE NAZIE. 1933–1945	
<i>Marina Datsichina</i>	589
LES GUERRES DE NAPOLÉON : TRADITIONS NATIONALES D'HISTORIOGRAPHIE	
LE PREMIER ENGAGEMENT DE NAPOLÉON BONAPARTE AU CHAMP D'HONNEUR LORS DE L'EXPÉDITION DE SARDAIGNE (1793), LA CORSE ET LA CONSTRUCTION DU MYTHE NAPOLÉONIEN	
<i>Jean-Dominique Poli</i>	591
LA FERMETÉ DES TRADITIONS. LES PRIVILÈGES ET LES DROITS DES RÉGIMENTS SUISSES AU SERVICE DE L'EMPIRE FRANÇAIS (1804–1815)	
<i>Alexandre Bespalov</i>	612
LES COSAQUES DU DON À LA GUERRE DE LA RUSSIE ET DE L'AUTRICHE CONTRE LA FRANCE NAPOLÉONIENNE EN 1805	
<i>Evgueni Mezentssev</i>	613

ENTRE LE PATRIOTISME IMPÉRIAL ET LOCAL : L'INFLUENCE DES GUERRES NAPOLÉONIENNES SUR L'IDENTITÉ DE LA NOBLESSE DE LA MALOROSSIIA <i>Zoriana Melnyk</i>	618
POZZO DI BORGO, AMBASSADEUR DE RUSSIE D'ORIGINE CORSE <i>Anna Moretti</i>	621
MANIFESTATION DE LA MENTALITÉ CULTURELLE ET HISTORIQUE DES GENS DE L'ÉPOQUE NAPOLÉONNIENNE DANS LES MÉMOIRES MILITAIRES : UN REGARD RUSSO-FRANÇAIS <i>Elena Prikaztchikova</i>	622
LA BATAILLE D'AUSTERLITZ DANS LES MÉMOIRES D'AUTEURS RUSSES <i>Sergueï Rybakov</i>	625
BATAILLE DE MORMANT DANS LE PARADIGME DES PROJETS HISTORIQUES ET CULTURELS FRANCO-RUSSES <i>Stepan Semenov</i>	627
LES MYTHES SUR LA PARTICIPATION DES KALMOUKS DANS LA GUERRE CONTRE NAPOLÉON EN 1812–1814 DANS LA LITTÉRATURE HISTORIQUE <i>Outach Otchirov</i>	632
«BORODINO» ET «SÉBASTOPOL»: DEUX BATAILLES, UN MYTHE <i>Marina Fedotova</i>	634
AUTEURS	637

INTRODUCTION

Napoléon, qui est-il ? l'envahisseur ou le libérateur ? le héros ou l'usurpateur ? Deux siècles se sont écoulés, mais il n'y a toujours pas de réponse définitive... Les recherches de la vérité historique ont souvent été accompagnées, dans l'espace culturel, de la création d'une multitude de mythes et les traditions nationales de l'historiographie des guerres napoléoniennes manifestent jusqu'à nos jours des divergences considérables.

Des époques historiques différentes ont fait de Napoléon un héros en y associant des caractères mythologiques. Quelles sont les représentations actuelles de Napoléon ? en quelle mesure correspondent-elles à la vérité historique ? comment sont-elles incarnées dans la littérature et les arts ? comment fonctionnent-elles dans la conscience historique des masses ? telles sont les questions traitées par les participants du colloque « Les guerres napoléoniennes sur les cartes mentales de l'Europe: conscience historique et mythes littéraires ». Ce colloque a eu lieu à Moscou, les 22 et 23 septembre 2011 à l'Université d'Etat des sciences humaines (RGGU). Il a été consacré à l'étude des relations entre l'historiographie en tant que science et la mémoire historique des nations, mais aussi à l'influence de l'héritage militaire, politique, social et culturel de Napoléon dans les pays de l'Europe et notamment en Russie, à la problématique de la création des mythes et à l'interprétation de l'action de Napoléon et de son image dans la conscience de la société, dans la littérature, les arts et la culture de masses.

Ce colloque a réuni des professeurs des universités et des chercheurs de l'Académie des sciences de Russie (Moscou, Saint-Pétersbourg, Ekaterinbourg, Oufa, Tcheliabinsk, Saratov, Elista), de l'Ukraine (Kiev, Lvov), de France (Corti, Paris), d'Italie (Pise, Naples).

Les recherches présentées au colloque appartiennent aux différents domaines des sciences humaines, l'histoire, la sociologie, les lettres, la critique d'art, la politologie, la philosophie ; plusieurs d'entre-elles ont développé avec succès des approches interdisciplinaires.

L'Université de Corti (Corse, France), le centre franco-russe de recherche en sciences humaines et sociales de Moscou, l'Institut du Monde Equitable ont collaboré à l'organisation du colloque.

Le comité d'organisation tient à exprimer sa gratitude particulière aux députés de la Douma de la Fédération de Russie, Sergueï Petrov, Mikhaïl

Starchinov, Alexandre Tchetverikov et au chef de l'administration de la ville de Mojaïsk, Igor Sungurov, pour leur soutien et leur grand intérêt pour la thématique napoléonienne.

Nataliya Velikaya, Eléna Galtsova

RECHERCHES NAPOLEONIENNES ET CRÉATION DES MYTHES

La campagne de 1812 à travers les mémoires des soldats français

Jacques-Olivier Boudon

Les acteurs de l'épopée napoléonienne ont pris très tôt conscience d'avoir vécu une expérience sans précédent et ont pour beaucoup entrepris de la relater. Si l'on s'en tient aux mémoires publiés en français, on atteint un chiffre de plus de 800 textes concernant la période du Consulat et de l'Empire⁹⁷². Parmi ces témoignages, près de 150 relatent la campagne de Russie. Ils offrent un intérêt particulier. En effet, si la plupart des récits de soldats et d'officiers mettent en avant les exploits guerriers qu'ils ont accomplis, la narration de l'expérience vécue en Russie impose un autre traitement. Les soldats sont cette fois confrontés à une expérience extrême qu'ils choisissent cependant de raconter, chacun à leur manière. Mais précisément quelle est-elle ? Comment parvient-on à dire l'indicible et comment ces récits ont-ils finalement contribué à l'essor d'une légende dorée de la campagne de Russie ?

Les premiers récits des survivants

Les récits des rescapés de la campagne de Russie se présentent sous diverses formes. Mais tous ont nécessairement été écrits par des hommes qui ont survécu à l'hécatombe subie en Russie. Encore ce propos doit-il être nuancé, car certains de ces hommes tiennent un journal qui a pu ensuite être publié alors qu'eux-mêmes n'avaient pas survécu à leurs souffrances. C'est le cas par exemple de Maurice de Tascher, cousin de l'impératrice, qui meurt d'épuisement le 26 janvier 1813 à Custrin, les notes qu'il avait rédigées étant retrouvées par un de ses frères⁹⁷³.

⁹⁷² Voir Jean Tulard et alii, *Nouvelle bibliographie critique des mémoires sur l'époque napoléonienne écrits ou traduits en français*, Genève, Droz, 1991, 312 p.

⁹⁷³ Maurice de Tascher, *Journal de campagne, 1806-1813*, Editions du Grenadier, 2008, 281 p. [1ère édition : 1933]

La force de l'expérience vécue, du traumatisme ressenti, conduit les premiers témoins à publier rapidement leur récit. Les premières relations paraissent dès la chute de l'Empire, dans un contexte politique marqué par la Première Restauration et une liberté d'expression retrouvée, qui favorise l'essor de la légende noire de Napoléon. C'est aussi l'époque où Chateaubriand publie *De Buonaparte et des Bourbons*. Concernant la campagne de Russie, le plus fameux récit est celui d'Eugène Labaume, ingénieur géographe à l'état major d'Eugène de Beauharnais. Il publie dès 1814 une *Relation circonstanciée de la campagne de Russie*. Labaume le présente comme un témoignage pris sur le vif.

« Je raconte ce que j'ai vu : témoin d'un des plus grands désastres qui aient jamais affligé une nation puissante, spectateur et acteur dans tout le cours de cette mémorable expédition, je ne viens point ici présenter des faits disposés avec art, et ornés de couleurs infidèles. J'ai écrit jour par jour, les événements qui ont frappé mes yeux, et je cherche seulement à communiquer les impressions que j'ai ressenties. C'est à la lueur de l'incendie de Moscou que j'ai décrit le sac de cette ville ; c'est sur les rives de la Bérézina que j'ai tracé le récit de ce fatal passage. Les champs de bataille qui sont joints à cet ouvrage ont été levés sur le terrain, et par ordre du prince Eugène ».

Ce sont les premiers mots de l'ouvrage. Un peu plus loin, Labaume évoque les conditions de l'écriture : « Le même couteau qui m'avait servi à dépecer du cheval pour me nourrir, était employé à tailler des plumes de corbeau ; un peu de poudre à canon, délayée dans le creux de ma main avec de la neige fondue, me tenait lieu d'encre et d'écritoire ». Il raconte ce qu'il a vu, c'est-à-dire les épisodes auxquels participe directement le corps d'Eugène, mais il s'appuie aussi, précise-t-il, sur les notes de plusieurs officiers qui ont fait la campagne. C'est une tendance que l'on retrouve chez d'autres mémorialistes qui tendent à se faire historien.

Le récit est chronologique et commence par évoquer les origines et préparatifs de la campagne, puis l'entrée en Russie et les difficultés de la progression en terre russe, entrecoupée d'escarmouches. Le ton reste impersonnel, Labaume fait peu part de ses états d'âme ; il décrit ou relate des propos entendus, par exemple « Toutes les personnes qui avaient fait la campagne d'Égypte assuraient que le soleil de cette contrée n'était pas plus brûlant que ne l'était alors celui de Russie ». Il écrit à la manière d'un chroniqueur. Il lui arrive aussi de relater le

récit d'un tiers, par exemple l'incendie de Smolensk. Ingénieur géographe, il est attentif aux lieux, à la configuration du terrain, aux cours d'eaux. Surtout, il ne ménage pas Napoléon, accusé d'avoir à Smolensk, en décidant de poursuivre vers Moscou, dédaigné « les conseils de la sagesse ». Labaume lui reproche de s'être aventuré trop loin de la France, sans chevaux, alors qu'une armée se formait en Moldavie, menaçant ses arrières⁹⁷⁴. Et il réitère cette critique déniant que le froid soit à l'origine du désastre: « La principale et unique cause de sa ruine fut d'avoir été à Moscou, en méprisant trop ce qu'il laissait derrière lui, et d'avoir voulu faire au prix de notre sang ce que le plus imprudent des monarques n'avait pas jugé prudent de faire »⁹⁷⁵. Plus loin, il évoque encore « l'ambition déréglée d'un seul homme »⁹⁷⁶. Il critique enfin son départ de l'armée, perçu comme le moyen de conserver un pouvoir despotique⁹⁷⁷.

Napoléon a connaissance du récit publié par Labaume, alors qu'il est en exil à Sainte-Hélène. Las Cases raconte, à la date du 19 juin 1816 :

« Avant et après le dîner, l'Empereur a parcouru l'ouvrage d'un ancien aide de camp du vice-roi sur la campagne de Russie. On le lui avait dit affreux. L'Empereur s'est tellement habitué aux libelles et aux pamphlets que les déclamations ne lui font plus rien. Il ne voit plus dans ces ouvrages que les faits ; et sous ce point, il ne trouvait pas celui-ci si mauvais qu'on le lui avait dit : 'Un historien y prendrait de bonnes choses, disait-il, des faits, et négligerait les déclamations qui ne sont faites que pour les sots. Or, ici, l'auteur prouve que les Russes eux-mêmes ont brûlé Moscou, Smolensk, etc... ; que nous avons été victorieux dans toutes les affaires. Les faits, dans cet ouvrage, remarquait alors l'Empereur, ont été évidemment rédigés pour être publiés sous mon règne, au temps de ma puissance. Les déclamations ont été intercalées depuis ma chute. L'auteur n'a pas pu gâter le fond de son ouvrage, mais il l'a orné de turpitudes à la façon du jour »⁹⁷⁸.

⁹⁷⁴ Eugène Labaume, *Relation circonstanciée de la campagne de Russie*, Paris, Penckouke, 1814, in-8°, VII-404 p., rééd. Sous le titre *La campagne de Russie. Le récit d'un officier de la Grande Armée 1812*, Paris, Cosmopole, 2001, p. 89.

⁹⁷⁵ Labaume, 225.

⁹⁷⁶ Labaume, 283.

⁹⁷⁷ Labaume, 287.

⁹⁷⁸ Emmanuel de Las Cases, *Le Mémorial de Sainte-Hélène*, Paris, Gallimard, coll. Pléiade, 1956, t. 1, p. 818-9.

Napoléon est donc relativement mesuré à l'égard de Labaume, accusé d'opportunisme. Il est plus sévère en revanche pour les autres pamphlétaires qui ont critiqué son action en Russie, considérant qu'ils ne « sont point français ». Il ne les cite pas, mais on peut supposer que parmi eux figure René Bourgeois qui était chirurgien major dans la Grande Armée, et a publié en 1814 un *Tableau de la Campagne de Moscou*, mettant en cause son principal responsable. A nouveau présent à Waterloo, il signe de son nom une *Relation circonstanciée de la dernière campagne de Buonaparte, terminée par la bataille de Mont-Saint-Jean, dite de Waterloo ou de la Belle Alliance*. En fait, pour ce dernier livre, il a prêté son nom à François-Thomas Delbare (1770-1855). Le ton est encore plus critique. L'ouvrage s'inscrit dans le contexte de la légende noire qui déferle après les Cent-Jours. Il lui vaut d'être nommé, après son départ de l'armée, médecin de la Maison royale de Saint-Denis et fait officier de la légion d'honneur. C'est toujours en 1814 que René-Jean Durdent, homme de lettres et artiste monarchiste – il collabore à la Gazette de France-, publie une *Campagne de Moscow en 1812*, qui précise en sous-titre « ouvrage composé d'après la collection des pièces officielles sur cette campagne mémorable où plus de 300 000 Français furent victimes de l'ambition et de l'aveuglement de leur chef »⁹⁷⁹. Il ne connaît pas moins de six éditions au cours de l'année 1814, l'ouvrage suscitant une réplique, *Hourra sur le pamphlet publié par M. R. J. Durdent et intitulé Campagne de Moskow en 1812*. Par un prisonnier de guerre rentré (Paris, Dentu, 1814, 26 p.)

Mais au total l'impression reste de ces premiers récits d'un désastre dû essentiellement à la responsabilité de Napoléon. Ce dernier se justifie point par point dans le *Mémorial*, mettant en cause en retour le « général Hiver ». Il récuse l'idée que l'armée aurait manqué de magasins, ou que l'ennemi fût présent sur ses arrières, précise surtout qu'aucun général ne lui a conseillé de s'arrêter sur la Bérézina et qu'à aucun moment l'armée n'a manqué de munitions, avant de conclure : « La marche de l'armée, au sortir de Moscou, ne doit pas s'appeler une retraite, puisque cette armée était victorieuse et qu'elle eût pu marcher également sur Saint-Pétersbourg, sur Kalouga ou sur Toula, que Koutousov eût en vain essayé de couvrir ». Il défend ensuite sa décision de quitter l'armée alors qu'elle « n'avait plus de dangers à courir », s'appuyant sur l'idée que les magasins étaient pleins

⁹⁷⁹ Paris, Alexis Eymery, 1814, 96 p.

à Wilna. Enfin il minimise l'étendue des pertes. « Dans cette malheureuse campagne nos pertes furent considérables sans doute ; mais non pas telles que l'on se l'imagine ». Et après un calcul qui exclut les soldats de nationalité étrangère, il conclut : « L'expédition de Russie coûta moins de cinquante mille hommes à la France actuelle »⁹⁸⁰, chiffre évidemment contesté par la plupart des historiens de la campagne.

Napoléon trouve aussi des défenseurs, par exemple le général Vaudoucourt qui publie dès 1815 à Londres où il est proscrit pour s'être rallié à l'empereur aux Cent-Jours, des *Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812*⁹⁸¹. Vaudoucourt a été un témoin oculaire des événements qu'il relate, mais s'est aussi appuyé, explique-t-il, sur des témoignages et des documents recueillis sur la campagne. Il récuse, dès son introduction, l'idée que l'on ait pu prévoir le désastre, alors que l'armée l'emportait. « Mais qui peut oser se vanter d'avoir seulement entrevu, avant la fin du mois de septembre, l'issue qu'aurait une campagne aussi bien commencée ? »⁹⁸². Sans remettre en cause l'étendue du désastre, Vaudoucourt l'attribue essentiellement à la rigueur des températures, reprenant la thèse officielle. Ainsi sur les causes du désastre les avis divergent, entre adversaires et partisans de Napoléon. La publication du *Mémorial* relance la querelle.

L'écho du Mémorial de Sainte-Hélène. La publication en 1823 du *Mémorial de Sainte-Hélène* relance l'intérêt des éditeurs pour la campagne de Russie. La même année que le *Mémorial* est publiée une *Histoire de la campagne de Russie*. La première édition paraît avec la seule initiale de « M. ». La seconde livre l'identité de son auteur : le marquis Georges de Chambray qui avait fait la campagne comme capitaine dans l'artillerie de la Garde avant d'être fait prisonnier. Resté dans l'armée après la chute de Napoléon, il en profite pour écrire, consultant même certains documents au dépôt de la guerre. L'oeuvre connaît un succès immédiat, caractérisé par plusieurs éditions. Quelques années plus tard, vers 1834, le baron

⁹⁸⁰ Las Cases, t. 2, p. 219-222.

⁹⁸¹ Frédéric-Guillaume de Vaudoucourt, *Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812 ; avec un atlas militaire, par un officier de l'état-major de l'armée française*, Londres, Deboffe, Egerton, Dulau, 1815, in-4°, IV-358 pages, + atlas.

⁹⁸² Vaudoucourt, t. 1, p. 3.

Mounier a l'occasion de lire le *Journal de la campagne de Russie* du duc de Fézensac dont il apprécie le ton⁹⁸³. « Mais, conclut-il, tout cela se trouve dans Chambray et plus complètement ». ⁹⁸⁴ Presque au même moment, en 1824, Philippe de Ségur fait paraître son *Histoire de Napoléon et de la Grande Armée durant l'année 1812*. L'ouvrage est également très documenté. Il est fondé sur l'expérience personnelle de l'auteur qui a participé à la campagne, mais aussi sur de très nombreux témoignages. Le livre fait polémique. Le général Gourgaud, compagnon de Napoléon à Sainte-Hélène, en publie une réfutation, sous le titre *Examen critique de l'ouvrage de M. le comte de Ségur*⁹⁸⁵. Il reprend, chapitre après chapitre, un grand nombre d'assertions de Ségur, pour les démontrer, avec pour objectif de défendre la mémoire de Napoléon et ses choix dans la guerre de Russie. Un duel s'ensuit. Les deux hommes sont légèrement blessés. Malgré tout, le livre de Ségur s'impose comme un des principaux récits de la campagne son auteur le reprenant intégralement pour former le deuxième volume de ses mémoires.

Encore en 1824, paraît conjointement à Moscou et à Paris le livre de Boutourlin, aide de camp du tsar Alexandre, sur la campagne de Russie⁹⁸⁶. Puis les témoignages se succèdent dans les années suivantes, avec un pic dans les années 1830. L'avènement de la Monarchie de Juillet qui s'appuie sur le souvenir de l'Empire et réintègre dans l'armée nombre d'officiers renvoyés en 1815 favorise ce retour d'intérêt pour l'épopée napoléonienne et particulièrement pour la campagne de Russie. Nombre d'officiers se mettent alors à écrire leurs souvenirs. C'est alors par exemple que le sergent Adrien Jean Baptiste François Bourgogne, originaire du Nord, qui appartenait à la Garde impériale, rédige ses mémoires. On sait peu de choses des conditions de la rédaction du récit. Bourgogne le conclut en précisant qu'il repose sur des notes prises au cours de sa captivité en Prusse en 1813, puis après son retour en France en 1814, ce qui explique la caractéristique encore très vivante de la narration, dont on sent qu'elle repose sur une expérience vécue. Sans doute est-ce aussi à ce moment-là qu'il établit une chronologie assez précise de

⁹⁸³ Il est publié en 1849.

⁹⁸⁴ *Souvenirs intimes et notes du Baron Mounier*, Paris, Ollendorff, 1898, p. 128.

⁹⁸⁵ Paris, Bossange, 1825, 558 p.

⁹⁸⁶ Colonel Boutourlin, *Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812*, Paris-Saint-Pétersbourg, Anselin et Pochard/Saint-Florent, 1824, 2 tomes.

son périple. Mais l'ensemble est repris une vingtaine d'années plus tard, en 1835, selon les dires de Bourgogne lui-même qui prend soin, à ce moment-là d'indiquer ce que sont devenus ses principaux compagnons encore en vie à cette date. Entre temps, il a pu prendre connaissance notamment des souvenirs d'Eugène Labaume et lire l'*Histoire de la campagne de 1812* par Ségur qu'il évoque au début de son témoignage, ce qui l'a sans doute aidé à préciser la chronologie. La publication de ses souvenirs est tardive, du moins dans leur version complète. Une partie avait en effet été publiée en 1857, c'est-à-dire du vivant de Bourgogne, dans un journal bihebdomadaire de la région valenciennoise, *l'Echo de la frontière*⁹⁸⁷, ce qui signifie que son audience a dû être très faible. On notera toutefois que cette publication intervient au lendemain de la campagne de Crimée, mais l'éditeur avait choisi de ne retenir que les trois premiers quarts du récit, conduisant Bourgogne jusqu'à Vilnius, gommant ainsi les pages les plus dures de son témoignage. Il fallut donc attendre 1896 pour que Paul Cottin, bibliothécaire à l' Arsenal, fondateur et directeur de la *Nouvelle Revue rétrospective*, en donne dans cette revue une édition complète, à partir du manuscrit consulté à la Bibliothèque municipale de Valenciennes, se présentant sous la forme d'un manuscrit de 616 pages.

C'est aussi sous la Monarchie de Juillet que le capitaine Coignet, ancien officier de la Garde, placé en demi-solde en 1814, rédige ses *Cahiers*, consacrant plusieurs chapitres à la campagne de Russie. Les *Cahiers* sont publiés une première fois en 1851, puis surtout réédités à la fin du XIXe siècle. Comme ceux de Bourgogne, les Mémoires de Coignet connaissent ensuite de nombreuses rééditions, et même une adaptation télévisuelle à la fin des années 1960. On peut encore citer les mémoires du général Marbot, qui était chef de bataillon dans le corps d'Oudinot au moment de la campagne de Russie. Dans les mémoires qu'il rédige au cours des années 1830, il consacre de très longs passages à la campagne de Russie, s'appuyant notamment sur le récit de Ségur pour s'en démarquer et écrit-il défendre la mémoire de l'armée ainsi que celle de Napoléon. Ces mémoires sont publiés pour la première fois en 1891.

La décennie 1890 s'avère en effet comme très riche en matière de publications de souvenirs et mémoires sur l'époque napoléonienne en

⁹⁸⁷ *L'Echo de la frontière. Journal politique, littéraire, commercial et judiciaire des arrondissements de Valenciennes et d'Avesne*, paraît depuis 1829.

général et la campagne de Russie en particulier. Sur ce dernier point, la parution de l'ouvrage d'Albert Vandal Napoléon et Alexandre Ier entre 1892 et 1896, mais surtout le contexte de l'alliance franco-russe ont contribué à relancer l'intérêt pour les relations entre la France et la Russie à l'époque napoléonienne. L'accent est mis sur les actions d'éclat des combattants français à une époque aussi où la France prépare la revanche contre l'Allemagne. L'intérêt ne se dément pas par la suite, comme le montre par exemple la publication des *Mémoires de Caulaincourt* dans les années 1930⁹⁸⁸, alors qu'encore de nos jours, paraissent des inédits sur cette campagne⁹⁸⁹.

Un récit mythique. Le succès des mémoires consacrés à la campagne de Russie peut surprendre. Certes le lecteur français peut vibrer aux exploits militaires des soldats de l'époque. Mais il doit aussi d'imposer la lecture de passages souvent pénibles évoquant les effets du froid, de la faim, de la fatigue, et développant un tableau mettant en scène des morts-vivants. Les auteurs s'inspirent les uns et les autres, ils ont vécu des expériences assez voisines, ils ont écouté raconter les mêmes récits, d'où une narration qui souvent donne le sentiment d'avoir déjà été entendue. Et pourtant le besoin de se raconter est le plus fort, et du côté du lecteur le besoin de lire. La force de ces témoignages vient de l'unité du récit qui en fait une véritable tragédie classique. Unité de temps : les six mois qui couvrent la campagne de Russie, unité de lieu : les plaines s'étendant de la Prusse jusqu'à Moscou ; unité d'action : la lutte des soldats pour leur survie, contre les Russes, contre le climat, contre eux-mêmes.

Mais la campagne de Russie est aussi à proprement parler une épopée quasi intemporelle. La dimension mythique de ces récits se retrouve dans leur forme cyclique que contribue à renforcer l'itinéraire emprunté par les soldats, sous la forme d'un aller-retour qui invite à repasser sur les mêmes lieux, l'exemple le plus parlant étant celui du champ de bataille de la Moskowa (Borodino) sur lequel gisent encore les cadavres des soldats tués six semaines plus tôt. La Grande Armée rejoue en quelque sorte l'Illiade et l'Odyssée, phase de combats dans un premier temps, suivi d'un long

⁹⁸⁸ *Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, grand écuyer de l'empereur*, introduction et notes de Jean Hanotau, Paris, Plon, 3 tomes, 1933.

⁹⁸⁹ Baron Dufour, *Guerre de Russie 1812*, présenté par Jacques Perot, Bayonne, Atlantica, 2007.

retour chez soi dans un second temps, qui est aussi un temps d'épreuves. Ce rapprochement est du reste opéré par les contemporains à l'image de Marbot qui écrit, à propos du livre de Ségur, sur lequel il est très critique : « M. de Ségur, dans sa narration de la campagne de 1812, fait tenir au général Koulnieff mourant un discours à l'instar des héros d'Homère »⁹⁹⁰.

L'épopée tragique que représente la campagne de Russie renvoie au mythe des origines. N'y voit-on pas vivre des hommes qui paraissent avoir perdu toute humanité ? être revenus à un stade antérieur à la civilisation ? La guerre est généralement un affrontement de deux ennemis. Dans le cas présent, le combat se produit à l'intérieur même de la Grande Armée. Labaume est le premier à parler de mœurs barbares pour décrire les relations entre les soldats de l'armée napoléonienne. Il renverse ainsi complètement le schéma généralement admis qui faisait de la Grande Armée une armée issue de la Révolution allant apporter les lumières et la civilisation aux autres peuples de la terre. A l'inverse, la propagande officielle se plaisait à décrire les Russes comme des barbares. Or avec la retraite de Russie, le barbare n'est plus l'ennemi, mais le compagnon d'hier, le soldat combattant sous les mêmes drapeaux. Labaume le résume bien : « Notre cruauté ne pouvant plus s'exercer sur l'ennemi s'étendit sur nous-mêmes. Les meilleurs amis ne se connaissaient plus »⁹⁹¹. Ségur ne dit pas autre chose : « Depuis ce jour, on commença à moins compter les uns sur les autres. Dans cette armée vive, susceptible de toutes les impressions, et raisonneuse par une civilisation avancée, le désordre se mit vite ; le découragement et l'indiscipline se communiquèrent rapidement, l'imagination allant sans mesure dans le mal comme dans le bien »⁹⁹². En un réflexe de survie, nombre de soldats s'attachent à sauver leur peau, avant de se préoccuper du voisin fût-il en danger de mort, ce que le soldat slovène Pajk traduit en termes simples : « Mais je me dois de penser avant tout à moi-même »⁹⁹³. De son côté, le capitaine Gervais souligne combien l'armée cesse alors d'être cette grande

⁹⁹⁰ *Mémoires du général baron de Marbot*, édition présentée par Jacques Garnier, Paris, Mercure de France, « Le Temps retrouvé », 2004, t. 2, p. 297. [1ère édition, 1891]

⁹⁹¹ Labaume, 248.

⁹⁹² Philippe de Ségur, *La campagne de Russie 1812*, Paris, Tallandier, coll. « Texto », 2010, p. 301.

⁹⁹³ Andrej Pajk, *Les souvenirs du vieux slovène. En Russie avec la Grande Armée*, Paris, SPM, 2008, 146 p., p. 68.

famille souvent décrite. « Chaque individu agissait pour son compte. Il n'y avait plus d'ensemble, plus de sentiments fraternels »⁹⁹⁴.

L'inhumanité se traduit en premier lieu par l'indifférence à l'égard d'autrui, on cesse, sauf exception de se porter secours. « On finit, raconte le général Boulart, par ne plus secourir ceux qui tombent, on passait à côté de ces malheureux, on les voyait couchés sur le ventre, faisant de vains efforts pour se relever, ou les bras étendus en avant, grattant la neige et luttant contre la mort, et l'on ne s'arrêtait pas ! La pitié semblait éteinte dans tous les cœurs, on réunissait tout ce qu'on avait de facultés pour ne s'occuper que de soi et éloigner la dernière catastrophe. Affreux tableau ! dont les couleurs font mal ressortir notre pauvre humanité et seraient propres à nous brouiller avec elle, si notre position n'avait pas été tout à fait exceptionnelle et aussi contre nature que l'insensibilité apparente qu'elle fait naître »⁹⁹⁵. L'étape suivante voit les soldats dépouiller leurs congénères, pour s'approprier leurs vêtements. A peine tombés sur le sol, ils sont dévalisés, le plus tôt possible après la mort, pour que les vêtements n'adhèrent pas au corps gelé, sans doute assez souvent, avant même que le mourant ait rendu son dernier souffle, comme le raconte Maurice de Tascher⁹⁹⁶.

Les soldats perdent forme humaine. Le lieutenant Chevalier est frappé par les visages hagards qu'il croise.

« La misère fit des progrès rapides. On ne voyait plus sur les routes, des soldats français, mais des fantômes couverts de haillons, des figures hâves, une longue barbe sale et terreuse, la tête entortillée de mouchoirs, les mains et les pieds enveloppés de peaux de mouton ; des vieilles jupes de femmes, des vieilles couvertures, des chabraques de chevaux, de vieilles peaux leur couvraient la tête ; à peine si on apercevait leurs yeux ternes et hagards. Et tous ces lambeaux déchirés, brûlés, dégoûtants, tout cela marchait machinalement, sans but, au hasard, sans une ombre d'espérance. Petit à petit, le sang ne circulait plus, les pieds d'abord s'engourdissaient, le sang remontait

⁹⁹⁴ Capitaine Gervais, *A la conquête de l'Europe. Souvenirs d'un soldat de l'Empire*, Paris, Bernard Giovanangeli Editeur, 2009, 319 p., p. 250. [1ère édition, 1939]

⁹⁹⁵ *Mémoires du général d'artillerie baron Boulart*, présentés par Jacques Jourquin, Paris, Tallandier, 1992 [1ère édition, 1892], p. 267.

⁹⁹⁶ Tascher, 271.

vers la tête, les yeux devenaient hagards, ne voyaient plus que des fantômes fantastiques, le sang sortait par le nez... Un rire satanique et convulsif... Un râlement inintelligible... Le malheureux ne voyait plus... Il tournait comme un homme ivre... Il tombait en riant d'un rire infernal... Le malheureux n'existait plus !... Il avait cessé de souffrir. Son ami, son frère, qui le voyait tomber, s'en apercevait à peine, il voyait tomber son camarade avec une indifférence machinale, sans songer qu'il était engourdi pour l'éternité (...) Les hommes n'étaient plus que des machines animales marchant au hasard et sans aucun but. »⁹⁹⁷.

L'anthropophagie est le degré ultime de cette déshumanisation au sein de l'armée. Elle est par exemple décrite par le Polonais Soltyk, qui raconte comment des soldats lui font payer six francs dix cuillerées de soupe à laquelle il trouve un goût étrange : « mais à peine avais-je pris la première cuillère qu'un dégoût s'empara de moi, et je leur demandai si c'était du cheval qu'ils avaient employé pour la faire. Ils me répondirent froidement que c'était de la chair humaine, et que le foie, qui se trouvait encore dans la marmite, était fort bon à manger »⁹⁹⁸. Soltyk s'empresse d'ajouter qu'il s'agissait de traînards ayant quitté les rangs de l'armée, comme pour dédouaner cette dernière, la sauvagerie commençant quand on abandonne le cadre ordonné fourni par l'institution militaire. Ségur décrit aussi des scènes d'anthropophagie, à propos de maisons en feu dans lesquelles des soldats trop épuisés pour s'en extraire : « Leurs compagnons affamés les regardaient sans effroi ; il y en eut même qui attirèrent à eux ces corps défigurés et grillés par les flammes, et il est trop vrai qu'ils osèrent porter à leur bouche cette révoltante nourriture »⁹⁹⁹. Marbot, toujours critique vis-à-vis de Ségur, récuse cette idée : « La route était suffisamment garnie de chevaux pour que personne ne songeât à se faire anthropophage » écrit-il avant de souligner que l'on pouvait trouver du ravitaillement en s'éloignant

⁹⁹⁷ Lieutenant Jean-Michel Chevalier, *Souvenirs des guerres napoléoniennes publiés d'après le manuscrit original par Jean Mistler et Hélène Michaud*, Paris, Hachette, 1970, in-8°, 436 p., p. 221.

⁹⁹⁸ Roman Soltyk, *Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie*, Paris, Le Livre chez vous, 2006 [1ère édition, 1836], p. 286.

⁹⁹⁹ Ségur, 456.

d'une à deux lieues du chemin¹⁰⁰⁰. Cette vision optimiste émane néanmoins d'un officier qui combat dans le corps d'Oudinot en avant de l'armée, ce qui peut expliquer des différences de perception. Ces scènes d'anthropophagie n'ont pas échappé aux Russes. Ainsi Koutouzov écrit à sa fille : « Quelques-uns de mes généraux m'ont assuré avoir vu deux malheureux qui grillaient sur le feu les membres de leur troisième camarade »¹⁰⁰¹. La déshumanisation rend plus difficile le récit. Cela explique que certains mémorialistes se soient refusé à aller aussi loin. Il n'est pas toujours facile de dire l'indicible, comme l'exprime bien le capitaine Gervais : « La difficulté de raconter tout ce qui s'est passé dans cette retraite, les traits de courage et ceux de barbarie, les événements qu'on pourrait croire fabuleux, est grande »¹⁰⁰². Et Ségur conclut : « Compagnons, je l'avouerai, mon esprit découragé refusait de se plonger plus avant dans le souvenir de tant d'horreurs ».

Et pourtant il achève son récit par un hymne à la Grande Armée. « Tout d'elle appartient à la renommée, ce grand gémissement comme ces cris de victoires ! Tout en elle fut grand ; notre sort sera d'étonner les siècles à force d'éclat et de deuil »¹⁰⁰³. Les mémorialistes sont des survivants qui racontent comment les épreuves ont été surmontées, comment l'inhumanité a été vaincue, comment donc la civilisation reprend le dessus. Le soldat qui rentre et qui ensuite raconte son expérience a remporté une victoire sur lui-même. C'est en ce sens que le récit a cette force. Même Napoléon, très critiqué dans les premières narrations parues, celles de Labaume ou Ségur, très critiqués à son endroit, sort quasiment exonéré de certains autres récits. Il apparaît alors lui-même comme victime de l'hiver russe, selon la version officielle qu'il a lui-même proposée, mais il retrouve aussi un aspect humain : on le voit marcher à pied, un bâton à la main, et partager, au moins en apparence, les mêmes épreuves que ses soldats. En un sens, la campagne de Russie ne déboulonne donc pas la statue du général en chef qui finalement fascine même dans la démesure.

¹⁰⁰⁰ Marbot, 403.

¹⁰⁰¹ Koutouzov à la comtesse Tiezenhausen, sa fille, Elnia, 10 novembre 1812 (en français, publiée en 1874 dans *Rousskaïa Starina*, t. 10, p. 370-2 et dans *Feuilles d'histoire*, IV, p. 520, repris dans Arthur Chuquet, *Lettres de 1812*, p. 209).

¹⁰⁰² Gervais, 244.

¹⁰⁰³ Ségur, 445.

L'incendie de Moscou 1812 en tant que problème culturologique

Vadim Parsamov

Dans l'histoire de la culture il y a des cas où le texte où l'on décrit un événement apparaît avant que cet événement se passe. L'incendie de Moscou de 1812 se rapporte à tel cas. On commençait à parler de cet incendie avant que l'ancienne capitale qui a laissé entrer la Grande Armée dans ces murs eût été embrasée. L'autodafé du bien personnel s'inscrivait parfaitement dans la conception de la guerre nationale. Le comte V.F. Rostoptchine dont le nom était lié depuis longtemps avec cet événement tragique était un des premiers qui considérait l'incendie à Moscou comme le phénomène populaire.

En 1812 on a déjà présenté tous les points de vue possibles aux causes de l'incendie: 1. Ce sont les Français qui ont brûlé Moscou, 2. Ce sont les Russes qui ont brûlé Moscou et 3. Moscou était brûlée d'elle-même. La première version ne subsistait pas longtemps à cause de son absurdité (pourquoi les Français doivent brûler le lieu de leur propre séjour?) et de la séduction d'imaginer l'incendie de Moscou comme un acte d'une immense abnégation du peuple. Les deux autres versions ont ses adeptes et ses adversaires jusqu'à présent. Dans la communication on ne se fixe pas pour tâche d'élucider quel point de vue est véritable mais de déterminer chacun de ce point de vue par les idées culturelles. On considère l'incendie de Moscou de 1812 en raison du problème sémiotique de la destruction de la ville et pas par rapport de la réalité historique. Indépendamment des causes réelles provoquant l'incendie, les contemporains «lisaient» cet événement à l'aide des différents codes culturels. On le voit le mieux par l'exemple de Serguéï Glinka. Pendant sa longue vie il exprimait trois versions possibles de l'incendie de Moscou. Avant ses campagnes étrangères pour contrebalancer la propagande napoléonienne, Glinka, affirmant que ce sont les Russes-mêmes ont brûlé Moscou, insistait sur son opinion que ce sont les Français qui ont agi selon le décret direct de Napoléon étaient les coupables de l'incendie. Cette opinion se rapporte au modèle suivant: «les barbares détruisent la civilisation». Cependant dans les conditions de l'année 1812 ce modèle n'était pas très productif. Glinka n'était pas disposé à lier avec Moscou les valeurs traditionnelles pour la civilisation

matérielle. Il s'intéresse le plus aux hautes qualités spirituelles qu'on ne peut pas exterminer en feu et en glaive. C'est pourquoi bientôt pendant sa période des campagnes étrangères il a vu dans l'incendie de Moscou la haute idée de l'abnégation des biens matériels au nom de conservation des valeurs morales. La foi et la fidélité deviennent plus fortes que le dévouement des Moscovites à sa ville comme à l'objet matériel. D'après Glinka justement cette abnégation doit servir d'exemple pour les autres peuples qui sont prêts à se révolter contre Napoléon. Enfin, en 1836 dans ses «Mémoires de l'année 1812» Glinka a changé encore une fois d'avis sur la cause de l'incendie, il l'a attribué entièrement à la volonté de Dieu. Maintenant dans l'incendie de Moscou Glinka a vu la punition de Dieu aux Russes pour leur dérogation à la foi et à la culture nationale. D'après Glinka et ses nombreux contemporains jusqu'à Alexandre I la culture russe imitative doit brûler dans ce feu lustral et la voie de la connaissance culturelle de soi et de la rénovation doit s'ouvrir. On croyait que l'Europe doit se renouveler comme la Russie. Par exemple, I.M. Mouraviev-Apostol croyait que la Russie renaîtrait à la nouvelle vie et «la nation française disparaîtrait». D'après Alexandre I, l'incendie de Moscou a rempli son cœur de la foi et a fait connaître Dieu. On sait que par ce biais on a créé la Sainte Alliance — le projet grandiose du tsar sur la transformation de toute l'Europe.

Ainsi, on lisait l'incendie de Moscou à l'aide des codes culturels. Il était une partie du complexe d'idées de la guerre nationale. En plus, l'incendie de Moscou inscrivait aussi au modèle culturel «les barbares détruisant la civilisation», remontant à la tradition romaine. A la périphérie de ce code culturel se révélait brusquement une idée «Moscou — Troisième Rome» dans son interprétation non-triviale: Troisième Rome héritait non seulement les valeurs morales du Premier mais aussi son destin tragique. Et enfin, la version du caractère involontaire de l'incendie comme le résultat de l'intervention directe de la Prévidance qui punit la ville pour les péchés des ses habitants, correspondait évidemment avec la tradition biblique. Ici il était important non seulement le moment de la punition de la ville, mais aussi le motif de sa purification par le feu et de la renaissance suivante.

De la cartographie mentale à la topographie militaire: les représentations françaises de l'espace de l'Europe orientale à la veille de la campagne de 1812 (d'après les exemples des régions sud-ouest de l'Empire de la Russie)

Vadim Adadourov

Les approches méthodologiques de la cartographie mentale permettent aux historiens de faire la reconstruction efficace des représentations des acteurs historiques à propos les phénomènes spatiaux et humaines. Cette théorie est indispensable dans l'étude des relations internationales de l'époque napoléonienne. Au début du XIXe siècle la civilisation de l'Occident a prêté une attention toute particulière à l'Europe Orientale, considérée longuement comme un phénomène détestable sous les rapports socioculturels et économiques. Cette partie du continent, exotique et mystérieuse dans la perception des habitants de l'Europe Occidentale, est devenue un des objets principaux de l'expansion de la France qui sous Napoléon essayait à assurer son hégémonie universelle. En qualité d'objet le plus considérable de sa politique dans la partie mentionnée de l'Europe l'Empereur des Français croyait la Russie qui, après les défaites de la Prusse et de l'Autriche, est restée le seul état continental qui pourrait résister aux projets du vainqueur. Ayant conscience de l'impossibilité d'échapper à un conflit décisif avec le tsar, Napoléon et son entourage politique ont prêté leur attention aux confins de cet Empire dont la plupart étaient des acquisitions récentes. Ces terrains étaient considérés par Napoléon comme l'arène de la campagne russe de 1812. De même les provinces du midi de la partie occidentale de la Russie, c'est-à-dire la Volhynie, la Podolie, l'Ukraine, la Petite Russie, la Tauride et la Nouvelle Russie, les steppes d'Azov, aussi suscitaient dans le milieu des autorités françaises un intérêt bien remarquable.

En préparant l'occupation de ces pays, encore inconnus pour eux, le gouvernement et l'état-major français devaient en former une représentation. Le processus cognitif se faisait à partir des sources premières qui se différaient par leur origine, actualité et ressource d'information. A la base de l'étude et de la comparaison de l'information reçue de sources

mentionnées s'est formé dans le milieu étroit des autorités napoléoniennes une certaine représentation générale des pays de la partie méridionale des confins occidentaux de l'état russe. Dans leur représentation ces pays se différaient sensiblement de la Moscovie sous les rapports géographiques, économiques, ethniques, socioculturels. Donc, les projets de l'expansion commerciale, politique et militaire s'appuyaient sur la chaîne kaléidoscopique des images particulières dont l'hierarchie se rangeait selon une carte mentale de l'Europe Orientale immanente à la conscience de la civilisation occidentale.

Les représentations des Français de l'espace d'Empire de Russie et ses confins occidentaux ont pris leurs chairs dans les cartes topographiques dont la plupart a été fait au Dépôt de la Guerre. Ces images dont la plus grande partie a été copiée à travers des cartes russes assez inexactes, n'ont pas formé les représentations sûrs. Ce sont les sources manuscrites et publiées que nous avons recherchées dans les archives et les bibliothèques de la France, de l'Autriche, de la Pologne, de l'Ukraine qui ont permis la reconstruction du décalage entre les représentations mentales et cartographiques des Français sur la Russie et le phénomène de la Russie réelle. Pendant la campagne 1812 les militants de la Grande Armée ont dû reconstituer d'après leurs l'expériences personnelles leurs représentations envers l'Europe Orientale dont le contenu a été formé par la lecture de textes classiques des Lumières.

La perception réciproque des adversaires : évolution dans le temps (d'après les documents russes et français)

Maya Goubina

Cette communication est consacrée à l'analyse épistémologique et comparative des textes russes et français rédigés pendant les guerres napoléoniennes de 1812 et de 1814 (correspondances, journaux intimes, carnets de route) et des mémoires relatant les mêmes événements, mais créés *à posteriori*.

Dans la première partie nous avons étudié les documents français relatant la campagne de Russie de 1812. L'image de la route est l'une des

plus saisissante dans la correspondance, les journaux et les carnets des militaires français. Elle reflète l'évolution du moral des militaires, mais elle illustre aussi la capacité de ces derniers d'observer et de voir la beauté des paysages russes malgré les horreurs de la guerre. Les vues des villes russes, l'intérieur et l'extérieur des habitations des différentes couches sociales de la société russe sont décrits plus souvent et plus en détail également dans les textes rédigés au jour le jour, alors que les mémoires postérieurs sont souvent plus informatifs quant aux fortifications des Russes. Cependant, les auteurs de tous les textes ne manquent pas de constater le voisinage de « l'opulence et du luxe avec la misère et la pauvreté » en Russie.

L'analyse des notes françaises concernant l'architecture religieuse russe nous permet de constater que la correspondance et les notes des militaires constituent le chaînon manquant dans l'histoire de l'évolution de la perception française du monde russe.

Les images de Moscou sont présentes dans toutes les sources françaises étudiées. La mémoire de l'enthousiasme qui s'est emparé des militaires fatigués d'une campagne interminable à la vue de cette ville exotique s'est conservée à travers les décennies jusque dans les mémoires postérieurs. Et si les auteurs de ces derniers accordent quand même moins de place que les auteurs de la correspondance et des carnets à la description de l'ancienne capitale russe, le lecteur est tout de même renseigné sur les richesses amassées dans les « palais » de l'aristocratie moscovite ainsi que sur les curiosités historiques du Kremlin. Enfin, les images apocalyptiques de l'incendie et de ses conséquences désastreuses sont inévitablement frappantes.

Ce sont encore une fois les textes de la correspondance et des carnets qui nous permettent de suivre l'évolution de l'attitude française envers le comportement de l'adversaire (la retraite continue des troupes et de la population civile, la destruction des biens). Et nous pouvons observer la prise de conscience progressive qui s'opère chez les militaires de la Grande Armée. Les Français se rendent compte qu'ils font face à une autre vision du monde et à une échelle de valeurs inconnue — celles de leur adversaire. Sans vraiment avoir pu rencontrer et observer le peuple russe, les Français ont fait connaissance avec sa mentalité.

En outre, l'analyse des sources françaises permet de nous inscrire dans la lignée de la pensée de Nathalie Petiteau qui indique que les mémoires ultérieurs des participants aux guerres napoléoniennes « ont pour but de

reconstituer la gloire militaire et accordent bien plus d'importance aux récits des combats qu'aux espaces traversés »¹⁰⁰⁴ contrairement à la correspondance et aux journaux rédigés au jour le jour.

Dans la deuxième partie nous avons analysé les écrits des Russes ayant été amenés à « visiter » la France dans le cadre de la campagne de 1814. La différence entre le contenu des textes rédigés au jour le jour et celui des mémoires n'est pas la même que dans le cas français. Les auteurs des mémoires russes n'accordent pas une attention privilégiée aux aspects militaires. Cependant, ce sont encore une fois la correspondance et les carnets qui permettent de suivre l'évolution de l'état d'esprit des participants de la campagne. Ainsi, ces textes reflètent la déception ressentie par les Russes à la vue de la misère régnante dans la campagne française. Les auteurs des écrits rédigés au jour le jour décrivent plus en détail la réalité française observée et une grande émotivité est caractéristique pour leurs descriptions. Les Russes s'étonnent de trouver un pays réel dont l'image ne correspond visiblement pas à leurs idées (sinon leurs rêves) d'une France imaginaire et imaginée.

Même si l'idée de « la légèreté et de l'insouciance propres au caractère national français » est présente dans toutes les sources russes, ce sont cependant les auteurs des mémoires qui font plus souvent preuve de l'intention de juger les Français. Ainsi, ils ne manquent pas de mentionner l'« insuffisance » de la vie religieuse en France. Cette opinion attire particulièrement notre attention. Car, d'un côté cet aspect du monde français post révolutionnaire était bien connu en Russie et d'un autre côté les auteurs de la correspondance et des carnets le mentionnent rarement. Ainsi, il est aisé de supposer une intention spéciale dont les auteurs des mémoires font part à leurs lecteurs.

Les notes des Russes consacrées à leur séjour à Paris sont très intéressantes. En effet, elles fournissent des illustrations convaincantes du fait que ce séjour dans la capitale française fut à la fois l'apogée et le catalyseur des réflexions des militaires sur l'Autre et sur soi-même, alors que les auteurs des mémoires une fois de plus utilisent leurs souvenirs pour construire une certaine image des Français.

¹⁰⁰⁴ Petiteau N., « Les voyages des hommes de la Grande Armée : de la vie militaire aux pratiques de la mobilité géographique » in N. Bourguinat, S. Venayre, éd., *Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal. Contraintes nationales et tentations cosmopolites. 1790-1840*, [Paris], Nouveau monde éd., 2007, 546 p., p. 347.

Notre étude nous permet, donc, d'apporter des éclairages concernant la formation et l'évolution de l'image de l'époque napoléonienne dans la mémoire des Français et des Russes. Nous avons également pu constater les spécificités nationales dans la conservation et l'évolution de cette mémoire. Les Français s'intéressent beaucoup plus à l'Autre au moment des faits, alors que son image s'efface considérablement au profit de celle de Soi quelques décennies plus tard. La pensée des Russes, quant à elle, reflète la préoccupation à peu près égale pour l'image de l'Autre et pour l'image de Soi pendant les événements, alors que dans les mémoires postérieurs l'image de l'Autre devient prépondérante.

Enfin, cette communication nous a offert l'occasion d'élargir la chronologie de notre recherche sur la perception mutuelle des Français et des Russes afin d'apporter de nouvelles données aux interrogations soulevées dans notre thèse soutenue à l'Université Paris IV¹⁰⁰⁵.

La Grande armée sur la Bérézina dans la mémoire historique de la France du XIXe siècle

Aliona Postnikova

La mémoire des Français des événements de 1812 sur la Bérézina se formait sur des versions hétérogènes qui, à leur tour, provenaient de la gamme complexe de sentiments et d'idées des participants de la Campagne russe, de l'interprétation controversée des documents authentiques, de la présentation arbitraire des romanciers ultérieurs. C'est le XIXe siècle qui devint la période décisive dans la création de l'image et même du mythe de la Bérézina dans la conscience des Français.

La version française des événements sur la Bérézina naquit déjà en novembre de 1812 dans la correspondance officielle de Napoléon. La Bérézina, selon Napoléon était une barrière importante pour arriver jusqu'aux quartiers d'hiver à Vilno ou à Minsk. C'est précisément, sur la Bérézina que Napoléon comptait attaquer les troupes russes. Après avoir

¹⁰⁰⁵ Disponible en libre accès sur le site de l'Université :

http://www.theses.paris4.sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frames.html).

traversé la rivière, Napoléon dicta le 29e bulletin de la Grande Armée où il tenta de fixer les événements sur la Bérézina comme victoire absolue des armées françaises.

Contrairement à l'Empereur, les soldats français épuisés ne pensaient plus aux victoires bruyantes. Au cours de la retraite de Russie ils découvrirent quelque chose qui, pendant la guerre, avait pour eux plus de valeur: l'amitié de soldat, fidélité à la Patrie et à l'Empereur. La Victoire pour eux ne signifiait plus vaincre l'ennemi, mais garder les traditions de la fraternité militaire. Le sentiment que les soldats français réussirent à défendre l'honneur de la Grande Armée entrera fermement dans la littérature historique et dans les Belles lettres.

Dans la mémoire des Français l'idée principale de l'image de la Bérézina — persuasion dans la victoire morale et militaro-stratégique — est conservée immuablement depuis presque 200 ans déjà. Mais cette idée s'est formée définitivement seulement vers la fin du XIXe siècle.

Immédiatement après le détronement de Napoléon, sous la Restauration, ceux qui participaient à la campagne russe, en décrivant les événements sur la Bérézina, tâchaient de revivifier l'honneur de la Grande Armée. Malgré l'attitude contradictoire à l'égard de Napoléon de la part ses anciens combattants, les mémorialistes et les historiens décrivaient constamment la bataille sur la Bérézina comme une victoire du soldat français.

A l'époque de la monarchie de Juillet se manifesta une attitude ambiguë envers les événements d'un passé encore récent. Les auteurs de cette période, sans prêter dûment attention aux buts militaro-stratégiques des parties de l'opération sur la Bérézina, présentèrent l'événement comme une grande catastrophe mais en même temps comme une victoire digne de la Grande Armée.

L'image définitive et stable de la bataille sur la Bérézina, unissant toutes les contradictions dans la perception de cet événement, s'est formée sous le Second Empire. La victoire morale des soldats de la Grande Armée et la victoire militaro-stratégique de Napoléon sur la Bérézina devinrent un axiome pour la science française.

Dans les années 90 du XIXe siècle un rapprochement militaro-politique rapide commence entre la Russie et la France, ce qui incitera les Français à réviser d'une manière considérable leur compréhension de la guerre de 1812.

La veille de la première guerre mondiale le journal *Le Temps* publia les lignes suivantes à propos des événements sur la Bérézina : « La Grande Armée

franchit la rivière sans combats avec les Russes. En France et en Russie on se souvient du drame de la guerre 1812. C'était notre victoire commune »

Ainsi, vers le début du XXe siècle la Bérézina devint définitivement le patrimoine de la mémoire historique de la nation française.

L'image des événements survenus sur cette rivière en 1812 était dorénavant perçue comme incarnation de l'héroïsme et comme la grande victoire de Napoléon et même, si paradoxale que cela puisse paraître, comme symbole de l'attraction mutuelle de deux peuples- français et russe — qui, malgré toutes les péripéties de leur histoire commune, ne perdaient jamais le sentiment du respect et de l'admiration l'un de l'autre.

Les éléments de la mythologisation dans les recherches napoléoniennes à l'époque post-soviétique

Oleg Zakhartchouk

Ainsi que toutes les sciences, l'histoire se développe par tâtonnements et erreurs. Souvent ces erreurs sont très vivaces. Elles engendrent des mythes nouveaux, s'entourent de détails, et il devient plus difficile de lutter contre elles. Dans ce contexte cet article est une tentative d'analyser ces tendances de la mythologisation du processus historique, qui furent réalisées par des certains représentants du milieu scientifique dans l'espace postsoviétique. Il s'agit en particulier des travaux de V. Smirnov (Ukraine), E. Mezentsev (Russie), M. Goldenkov (Biélorussie).

C'est l'historien-amateur, l'émigré ukrainien Ilko Bortchak (Barchak Ilia Lvovitch, 1895-1959) qui devint le "précurseur" de la mythologisation des aspects particuliers de l'étude napoléonienne. Parmi ces intérêts le sujet « L'Ukraine dans la politique des grandes puissances », de la France en particulier occupe une place importante. Il était l'un des premiers qui s'est chargé de l'étude de ce problème « Napoléon et l'Ukraine ». En travaillant dans les archives du Ministère des Affaires Etrangères de la France, I. Bortchak trouva des matériaux documentaires inconnus auparavant, qui témoignaient que le gouvernement de Napoléon Bonaparte s'intéressait aux confins du sud-ouest de l'Empire russe.

La découverte d'un mémorandum spécial du 10 février de l'année 1812, où on proposa à l'empereur des Français un projet de fondation de

l'État de Pologne, étendu jusqu'à la Dvina et au Dniepr, et la publication des matériaux essentiels concernant les terres ukrainiennes sont les mérites les plus importants de I. Bortchak selon le chercheur contemporain de Lviv V. Adadourov. Le document n'était pas signé, cependant I. Bortchak proposa que l'auteur de ce document était Alexandre Maurice d'Hauterive, évidemment parce qu'il était responsable de la recherche des matériaux d'archive sur la Russie pour Napoléon.

Grâce aux prospections d'archives d'un chercheur français connu de l'époque napoléonienne, d'un docteur en histoire F. Beaucour et de l'historien ukrainien précité V. Adadourov, il devint possible d'établir l'auteur authentique de ce mémorandum. L'auteur du document est un général de division Michail Sokolnicki, chevalier de la Légion d'Honneur et de l'ordre polonais du Mérite militaire, qui a réussi à servir dans l'armée polonaise comme dans l'armée française.

En analysant ce mémorandum ainsi que la monographie et de nombreux articles de V. Adadourov, nous en vîmes à la conclusion que I. Bortchak tâchait de faire passer les désirs pour des réalités. En réalité, ce document prévoyait la fondation sur les terres ukrainiennes d'un nouvel Etat sous le protectorat de la Pologne et non un Etat ukrainien fantoche sous le patronat de la France-ce qu'affirmait I. Bortchak.

L'autorité de I. Bortchak était si grande que les chercheurs soviétiques non seulement ukrainiens (P. Smiyan, V. Kotov, G. Gerbilski, P. Nekrasov, V. Strelski), mais aussi russes (L. Beskrovni), et de plus les chercheurs contemporains ukrainiens (V. Sabey, A. Donik, O. Ivanenko, Y. Mytsyk, N. Varvachtsev, P. Mihaltchuk, I. Kutsyi, T. Chakh, etc.) et russes (B. Abalihin) employaient souvent et continuent à employer ses assertions, sans en doute et avec cela en créant des mythes nouveaux. Pour donner l'exemple de Ces mythes on peut mentionner le chapitre (« L'armée russe dans la lutte contre les agresseurs étrangers au XIX-ème siècle ») tiré du livre d'un historien contemporain de Kharkov V. Smirnov « La Guerre Nationale de l'État Russe contre l'invasion napoléonienne en 1812 ».

On peut aussi qualifier comme adepte de I. Bortchak le chercheur contemporain de Moscou E. Mezentssev. Dans sa monographie « La guerre de la Russie contre la France napoléonienne en 1805 (les actions de l'armée russe dans la troisième coalition antifrançaise) » il falsifie les sources en créant par cela même des mythes nouveaux.

L'avant-garde des chercheurs ukrainiens (A. Adadourov, S. Potrachkov, O. Zakhartchuk) et les historiens russes contemporains (V. Bezotosni, V. Zemtsov, A. Popov, N. Troitski, etc.) s'occupent de l'étude et du découronnement de semblables mythes.

La création des mythes se manifeste encore plus expressivement dans les travaux d'« historiens-amateurs ». L'exemple frappant de ces ouvrages présente le livre de M. Goldenkov « Napoléon et Koutouzov : la guerre inconnue de l'année 1812 ».

Ainsi, par cette publication nous voudrions non seulement découronner des mythes indiqués ci-dessus, mais de plus prévenir la création des mythes nouveaux.

Napoléon et la culture de masse aujourd'hui : Romans, mangas, bandes dessinées, jeux vidéo

Candice Obron-Vattaire

« C'est une illusion bien superficielle de croire qu'il y a des mythes « nouveaux » »¹⁰⁰⁶.

Gilbert Durand

Napoléon Bonaparte. Qui ignore ce nom aujourd'hui ? Chaque personne interrogée, peu importe son pays d'origine, sera en mesure de fournir quelques informations sur ce « personnage historique ». Le général, l'Empereur des Français, l'homme de « petite taille », le bicorne, le dictateur, le stratège... voilà ce qu'il reste de Napoléon Bonaparte dans l'imaginaire collectif du XXIème siècle lorsque l'on interroge le quidam. Mais pourquoi donc continue t-il à intéresser, à fasciner, à nourrir les imaginaires et les fantasmes ? Pourquoi retrouvons-nous sa silhouette, deux cents ans après sa disparition, dans des productions artistiques, des jeux vidéo, des romans, des publicités, sur internet ? Nos travaux partent du constat suivant : la figure napoléonienne est toujours présente, elle continue à survivre et à séduire à l'aube du XXIème siècle, en s'adaptant.

¹⁰⁰⁶ DURAND Gilbert, *Introduction à la mythologie — Mythes et sociétés*, Ed. Albin Michel, Paris, 1995, p.43.

De ce constat simple sont nées certaines interrogations auxquelles nous allons tenter ici de répondre.

Tout d'abord, pour quelles raisons peut-on parler de « mythe » au sujet de Napoléon Bonaparte ? Lucian Boia nous apporte un élément de réponse lorsqu'il écrit ceci : « *Alexandre le Grand, Charlemagne, Jeanne d'Arc, Napoléon sont à la fois des personnages réels et des héros mythiques. De la même manière, l'histoire entière est mythifiée, c'est-à-dire structurée et orientée suivant les critères de l'imaginaire* »¹⁰⁰⁷. Dans le cas de Napoléon Bonaparte, nous dirons simplement qu'il existe une sorte de « halo mythique » autour du personnage : ne pouvant dissocier « le vrai du faux », on ne cherche plus la « vérité historique » mais l'essence même du « héros », à travers ses attributs caractéristiques, ce qui le différencie des autres personnages, ce qui en fait un être d'exception, au dessus de la masse. Comme nous le rappelle Annie Jourdan, « *le mythe a besoin de se faire récit pour vivre réellement* »¹⁰⁰⁸. Voilà la force du mythe napoléonien : la puissance de son « récit ». Tout y est hyperbolique, excessif, démesuré. Le nombre des batailles, de réformes, d'épouses, d'exils ; en un mot, l'aventure napoléonienne est théâtrale ! Pour Gilbert Durand, Napoléon fut « *un catalyseur de mythes* »¹⁰⁰⁹. Il fait renaître des mythes anciens tels celui de Prométhée, des figures du conte populaire tel l'ogre (comparatif utilisé par ses détracteurs), ou encore de personnages historiques légendaires auxquels il aimait à être comparé (Jules César, Hannibal, Alexandre Le Grand).

Nous sommes alors en droit de nous demander par quels phénomènes il est passé de l'Histoire à la Légende puis au Mythe ? La précision du fait historique s'estompant au fil des siècles, pour n'être plus au final, qu'extrapolation. Le récit de la vie de Napoléon semble tout droit sorti de l'imagination d'un conteur. Le jeune corse chassé de son île avec sa famille, devenu Général par son génie, puis Empereur par orgueil, pour enfin être de nouveau exilé sur une île, où il mourra seul et loin du monde. Nous parlerions aujourd'hui d'une vie romanesque, ponctuée

¹⁰⁰⁷ BOIA Lucian, *Pour une histoire de l'imaginaire*, Ed. Les Belles lettres, Paris, 1998, p.160.

¹⁰⁰⁸ JOURDAN Annie, *Mythes et légendes de Napoléon*, Ed. Privat, Toulouse, 2004, p.43.

¹⁰⁰⁹ DURAND, *Introduction à la mythologie, Mythes et sociétés*, Ed. Albin Michel, Paris, 1995, p.36.

de diverses images fantasmagoriques telles celle de l'île, du fils légitime décédé tragiquement dans sa vingt et unième année, des nombreuses conquêtes féminines, ou encore celle d'une ascension sociale fulgurante. Cette vie constitue à elle seule une trame toute établie pour les artistes, les conteurs et autres metteurs en scène et en images. C'est pourquoi, « *pour la littérature, le théâtre, le cinéma, la radio, la télévision, le roman policier même, [Napoléon] a constitué une mine inépuisable. C'est ainsi qu'il s'est ancré encore plus profondément dans la mémoire collective* »¹⁰¹⁰ comme l'écrit si justement Roger Dufraisse.

Le « Prométhée des temps modernes », celui qui vole le feu divin pour l'offrir aux hommes, le petit corse devenu grand pour sauver le peuple de France, l'héritier de la Révolution : autant de mythes efficaces qui ont fait vivre et font survivre le mythe de Napoléon encore de nos jours. Voilà pourquoi Roger Bastide en vient à parler de la pérennité « coriace »¹⁰¹¹ du mythe. Le peuple en est à la fois demandeur, créateur et victime malgré lui. Le mécanisme mythique lui fournit des personnages à aduler, des héros à ériger comme des modèles, des totems sur lesquels il va pouvoir édifier sa propre identité, afin que l'individu s'y réfère systématiquement et y trouve les réponses qu'il y cherche. Le mythe de l'homme providentiel rassure. Jules Bertaut, écrit alors très justement que « *cette puissance d'hypnotisme, le nom de Napoléon l'a conservé par-delà la tombe : il a continué à hanter les cerveaux, il continue à agir sur nous à travers le temps* »¹⁰¹² et à travers l'espace, car son « empire » s'étend aujourd'hui bien au-delà des frontières de l'Europe : du Japon jusqu'aux États-Unis, un empire fantasmagorique.

Pour certains, Napoléon ne fut qu'un imposteur, un manipulateur prêt à toutes les bassesses pour arriver au pouvoir, notamment celle de démagogie. Pour Roger Dufraisse, l'opinion s'est laissée flouée par ce personnage fantasque et génial à la fois : « *La postérité s'y laissera souvent prendre qui accordera souvent plus de crédit aux récits et écrits de Sainte-Hélène qu'aux témoignages plus probants sur les intentions et les actes de Napoléon, que l'on*

¹⁰¹⁰ DUFRAISSE Roger, *Napoléon*, Coll. Que sais-je ?, Ed. Presses universitaires de France, Paris, 1996, p.123.

¹⁰¹¹ DURAND Gilbert, *Introduction à la mythologie — Mythes et sociétés*, Ed. Albin Michel, Paris, 1995, p. 36.

¹⁰¹² BERTAUT Jules, *Napoléon et l'occulte*, Revue Historia, n°193, Décembre 1962, p. 800.

peut extraire de sa correspondance, des lois et décrets qu'il a promulgués, des instructions qu'il a données à ses ministres et à ses hauts fonctionnaires, et, bien sur, des écrits émanant des hommes de plume à son service »¹⁰¹³. L'homme, à travers le mythe, se ment sans fin à lui-même. Il se plaît à donner une dimension supérieure à certains événements restés sans réponses. Telle une construction en « mille-feuille », chaque génération vient enrichir ou appauvrir le mythe, le ternir ou l'enjoliver. Mais alors, nos sociétés actuelles ont-elles encore besoin de héros ? Certainement. Mais le « profil » du héros a changé : ce n'est plus un Saint, un soldat ou une personnalité politique. Aujourd'hui, les héros nationaux naissent par l'intermédiaire de leur réussite sociale, du sport (le football par exemple), de la musique, du cinéma, bref, de l'« Entertainment », du divertissement. Il ne s'agit plus de faire de la politique, d'avoir de grandes idées, de grands projets à offrir aux pays, le héros national doit avoir fait rêver les gens, les avoir extraits, ne serait-ce qu'un instant, de leur labeur quotidien, et leur avoir redonné l'espoir en leurs semblables et par conséquent, en eux-mêmes. A travers la notion de « héros », on retrouve souvent le besoin d'appartenir à un groupe, à un peuple qui se reconnaît le même héros, le même représentant (sentiment d'appartenance). Tombeau des Invalides en plein cœur de la capitale, statues napoléoniennes dans de nombreuses villes de province, noms de rues, bustes dans les mairies : autant de symboles qui poussent à la mémoire collective, au souvenir. On rappelle sans cesse à la population un passé réinterprété comme glorieux, une sorte d'âge d'or révolu ; l'utilisation de l'image de Napoléon comme figure tutélaire, symbole de la nation et de l'unité nationale. Le héros national, cette « *créature recomposée* »¹⁰¹⁴ selon Daniel Fabre, correspond ainsi, dans l'opinion publique, à cette équation très simple : qualités surhumaines + destin + sacrifices. En ce qui concerne Napoléon, la notion de sacrifice est venue se greffer au mythe : l'île de Sainte-Hélène comme lieu du supplice final. Sa vie sera réinterprétée comme le sacrifice d'un homme à une nation, à des valeurs républicaines... Mais la notion de « nation » n'est-elle pas en train de disparaître face à la

¹⁰¹³ DUFRAISSE Roger, *Napoléon*, Coll. Que sais-je ?, Ed. Presses universitaires de France, Paris, 1996, p.118.

¹⁰¹⁴ FABRE Daniel, CENTLIVRES Pierre, ZONABEND Françoise, *La fabrique des héros*, Mission du Patrimoine ethnologique — Collection Ethnologie de la France, Cahier 12, Edition de la Maison des sciences de l'homme, Paris, 1998, p. 5.

mondialisation ? Et avec elle l'image du héros national ? C'est pourquoi la figure napoléonienne semble s'ériger comme une figure universelle : le héros semble séduire tous les peuples.

Mais si le mythe de Napoléon est à la lisière entre l'histoire et l'imaginaire, nous ne saurions dire s'il fascine pour les faits et les avancées accomplis ou pour ce que l'on a voulu en faire : une épopée intemporelle et universelle. L'histoire n'est-elle pas elle-même « une sorte de « fiction » avec des éléments « vrais » »¹⁰¹⁵ comme nous le dit très justement Lucian Boia dans son *Pour une histoire de l'imaginaire*. L'histoire, comme les mythes, apparaissent et se renforcent à tous les échelons de la société : nous sommes tous, en quelque sorte, des créateurs de mythes, ou du moins, les vecteurs d'images et de symboles tutélaires et rassurants pour nous-mêmes et pour les générations suivantes. Le « passé » devient alors l'écran sur lequel s'écrit notre désir de héros et de faits glorieux. L'histoire napoléonienne semble en quelque sorte appartenir à tout le monde. Lucian Boia nous rappelle à ce sujet que « l'opinion a tendance à simplifier et à dramatiser les faits, à les personnaliser, à les inscrire dans une dialectique manichéenne, à hyperboliser les données »¹⁰¹⁶. Il devient ainsi difficile de démêler le mythe du fait historique. Les peintres, les dramaturges, les saltimbanques écrivent l'histoire tout autant que les historiens ou les chroniqueurs. Il nous faut pour cela nous rattacher à des images collectives, des « totems » sur lesquels nous projetons nos peurs et nos désirs. Ces « images » qui, pour Jean-Jacques Wunenburger, « solidifient les croyances » et « dynamisent les actions collectives »¹⁰¹⁷.

Ainsi, nous nous appuyons ici sur ce qui constitue, pour nous, « l'histoire dans l'œuf » : la culture de masse, la culture dite « populaire » et ses avatars du mythe de Napoléon. Il s'agit de prêter attention à ce qui a trop souvent été considéré comme de la sous-culture, du savoir « dégénéré », de « la culture au rabais », par l'intelligentsia. Nos sociétés contemporaines ne sont pas moins mythologiques que celles des civilisations passées. Il est ainsi question de ne pas négliger les sociétés et les cultures dans lesquelles

¹⁰¹⁵ BOIA Lucian, *Pour une histoire de l'imaginaire*, Ed. Les Belles lettres, Paris, 1998, p.264.

¹⁰¹⁶ Idem.

¹⁰¹⁷ WUNENBURGER Jean-Jacques, *L'imaginaire*, Que sais-je ?, Ed. Presses universitaires de France, Paris, 2003, p.97.

se développe et s'enracine le mythe de Napoléon : que ce soit la culture japonaise, la culture américaine ou la culture européenne, ainsi que la culture dite « globale », celle d'internet ou de la publicité, elles aussi marquées par l'empreinte de chaque communauté. La réutilisation de la figure napoléonienne par la culture japonaise et le manga, particulièrement, traduit un phénomène millénaire : l'influence du mythe occidental sur les cultures orientales et asiatiques ; et inversement. Depuis la nuit des temps, l'homme n'a cessé de commercer avec son voisin, et ainsi d'enrichir sa propre culture en y injectant de nouvelles représentations, de nouvelles influences.

On parle aujourd'hui de « culture de masse » pour désigner des « techniques de diffusion collective » ; une manière de toucher un maximum d'individus. Mais pour Jean-Bayart, politologue et africaniste, « toute « identité culturelle » ou « identité politique » n'est qu'illusion, car elle est une construction historique. Il n'y a pas non plus d'« identité primordiale » mais seulement des « stratégies identitaires »¹⁰¹⁸. Dans ce cas, la figure napoléonienne représente une « certaine France », qui répond à l'image qu'un japonais peut se faire de la culture française. Mais alors, quelle est cette image ? Que reste t-il du personnage une fois passé le « rouleau compresseur » de la mondialisation et de la culture de masse ?

La littérature contemporaine

Il sort environ tous les jours un livre sur Napoléon ! Nous avons donc choisi d'évoquer ici deux ouvrages, de deux auteurs contemporains : Henri Viard, écrivain et scénariste français (1921 — 1989) et Steve Berry (né en 1955) avocat et auteur américain de romans policiers.

Napoléon fait ainsi son apparition, au XXème siècle, dans le roman policier. Après avoir fait noircir des pages de poésies, de mémoires ou encore de romans historiques dans l'Europe entière, Napoléon inspire encore les romanciers.

En ce qui concerne *La bande à Bonaparte*, Henri Viard n'est pas tendre avec le personnage. Il utilise la transfiguration, en créant une symétrie entre les personnages historiques réels et les personnages fictifs du roman :

¹⁰¹⁸ BAYART J.F, *L'illusion identitaire*, Fayard, Paris, 1996 cité par COHEN Martine, *Archives des sciences sociales des religions*, Année 1997, Volume 98, Numéro 1, p. 50 — 51A (Article en ligne).

Napoléon Bonaparte devient Léon Bonape, petite frappe du milieu de la pêche, qui va rapidement gravir les échelons en utilisant des méthodes plus que douteuses.

L'épigraphe choisie par l'auteur illustre l'ironie déployée envers le personnage : *« D'Alexandre, j'ai principalement retenu qu'il introduisit l'aubergine en Europe ; de César, que sa femme était soupçonnée ; et de Napoléon, que son plus grand mérite fut de réduire des neuf dixièmes les troupeaux de chèvres qui ravageaient les Cévennes »*. Alphonse Allais

Napoléon Bonaparte y est comparé à un personnage dévoré par l'ambition, malhonnête, autoritaire avec ses employés et les membres de sa famille ; mais il n'en reste pas moins au dessus de la masse et déterminé : *« Des yeux noirs, lucides, précis, habiles à scruter et à comprendre le monde : à le marquer de ses désirs, aussi. Des yeux d'homme. Des yeux de conquérant ! »*¹⁰¹⁹. Le grand thème du roman demeurant l'ascension sociale du personnage : *« En cinq ans, l'ascension de Léon Bonape avait été foudroyante. Le succès avait transformé ce jeune homme maigre à la peau bilieuse, aux cheveux trop longs et mal peignés, au regard brûlant, aux costumes étriqués et lustrés, en un petit homme replet, au teint blanc, aux gestes vifs, à l'élégance mesurée, à la propreté évidente »*¹⁰²⁰. On retrouve ainsi l'un des thèmes principaux que le mythe de Napoléon conserve aujourd'hui, à savoir l'idée de « se faire » tout seul, à force de ténacité ; ce que les américains nomment communément « le self-made-man » : *« Riches et puissants comme ils l'étaient, ses ennemis avaient tenté d'écraser en lui le petit parvenu prêt à tout pour sortir de sa misère ! Il n'empêchait qu'à force d'intelligence, d'énergie et d'esprit de décision, il avait fini par leur faire toucher les épaules »*¹⁰²¹.

On retrouve également la figure de Napoléon au cœur d'une histoire contemporaine, *Le mystère Napoléon* de Steve Berry (2011). Ici, en revanche, l'image de Napoléon plane tel un spectre mystique, être supérieur qui hante les lieux et les esprits. Mais le récit ne tombe jamais dans l'hagiographie et le souvenir de Napoléon y est convoqué à bon escient. Il y est question d'un trésor perdu, d'assassinats et de société secrète. Mais ce qui nous intéresse ici est le fait qu'un auteur américain du XXIème siècle utilise le nom de

¹⁰¹⁹ VIARD Henri, *La bande à Bonape*, Série noire 1252, NRF, Gallimard, 1969, p.18.

¹⁰²⁰ Idem, p.21.

¹⁰²¹ Idem, p.207.

Napoléon et sa silhouette, en couverture. La force de suggestion de ces huit lettres et de ce chapeau ! Napoléon n'est-il pas l'inventeur de la marque et de son logo avant l'heure ? Son nom est vendeur, deux cents ans après sa mort, voilà bien sa force et sa faiblesse à la fois.

Les « nouveaux supports » (bandes dessinées, mangas, jeux vidéo)

Après la chanson (au XIXème siècle), la littérature puis le cinéma, la culture populaire dite « de masse » s'empare aujourd'hui du mythe napoléonien et l'alimente, à travers de nouveaux supports (bandes dessinées, mangas, jeux vidéo..) s'adressant davantage à la jeunesse. Ou serait-ce plutôt la figure napoléonienne qui s'empare de ces supports pour continuer à vivre ? Car inéluctablement, elle survit à chaque évolution culturelle, à travers chaque nouveau support, elle refait surface ! Mais quelle est la force de ce personnage, qui ne cesse de fasciner les auteurs et les consommateurs ? Ces nouveaux supports culturels devenus le moyen de divertissement de millions de personnes, n'a pu se passer de la figure napoléonienne puisque nous la retrouvons aux quatre coins du globe, que ce soit dans une optique historique, ou à l'inverse, dépouillée de ses représentations initiales dans le but de satisfaire aux attentes d'un public mû par de nouvelles valeurs.

Nous ne devons plus négliger l'importance du support bande dessinée. Trop longtemps relayée au rang de littérature dégénérée, elle prend de plus en plus sa place de neuvième art. Umberto Eco en 1972 écrivait déjà : « *Lorsque l'étude de la bande-dessinée aura dépassé le stade ésotérique et que le public cultivé sera disposé à y prêter la même attention soutenue qu'il apporte aujourd'hui à la sonate, à l'opérette ou la ballade, on pourra — à travers une étude systématique de sa signification — dégager son importance pour l'élaboration de notre environnement quotidien et de nos activités culturelles* »¹⁰²². Et Picasso d'ajouter : « *La seule chose que je regrette dans ma vie, c'est de ne pas avoir fait de bande dessinée* »¹⁰²³.

La seconde guerre mondiale a ainsi vu naître le genre aux Etats-Unis, qui quelques années plus tard, l'essaimera à travers le monde. C'est ainsi à partir des années quarante que les super-héros font leur apparition dans la

¹⁰²² BARON-CARVAIS Annie, *La bande dessinée*, Coll. Que sais-je ?, PUF, Paris, 1991, préface.

¹⁰²³ Idem, préface.

bande-dessinée américaine. Mais il ne faut pas oublier que les comics books n'avaient vraiment pas bonne presse à leur début. Pourtant, comme nous le rappelle Annie Baron-Carvais, « *les BD trouvent leurs sources dans les thèmes populaires tout en ayant leur propre influence sur la langue et la culture du pays concerné* »¹⁰²⁴. Les bandes dessinées sont de formidables véhiculeurs de mythes, à la fois créateurs de nouvelles figures (tels les super héros de *Marvel*) mais également, et c'est ce qui nous intéresse principalement ici, des recycleurs de mythes anciens. La culture de masse s'approprie ainsi certains personnages et les enrichie de toute sa culture : les bandes dessinées sont avant tout « *le reflet de leur époque* »¹⁰²⁵.

Nous retrouvons ainsi la figure napoléonienne dans une vingtaine de bandes dessinées européennes (France, Belgique, Croatie, Italie...) de 1970 à nos jours : passionnés dès le départ ou non par le personnage, les auteurs et artistes contemporains écrivent sur Napoléon ou réutilisent sa figure pour diverses raisons que nous avons tenté de dégager et de décrire aux vues des lectures et des interviews que nous avons pu mener. Une des démarches les plus communes consiste en la volonté de partager sa passion du personnage et d'y apporter, par la même occasion, sa touche d'artiste : c'est le cas notamment de Pascal Davoz (scénariste français de bande dessinée), et de Jean Torton, (auteur belge de bande dessinée), auteurs du *Napoléon Bonaparte T1* (en collaboration avec Jacques Martin, Ed. Casterman, 2010). C'est à la lecture du livre de Roger Caratini, *Napoléon, une imposture*, que Pascal Davoz « *a eu envie de « rétablir la vérité » sur le personnage* ». Il ajoutera : « *Ce livre n'est qu'un ramassis de mensonges sur Napoléon. Notre bande-dessinée entend faire connaître l'œuvre de Napoléon aux petits et aux grands. Nous sommes dans une démarche sérieuse et historique* »¹⁰²⁶. Les auteurs s'inscrivent ici clairement dans une démarche pédagogique où il est question de faire connaître l'Empire et l'histoire napoléonienne (aux jeunes comme aux moins jeunes). André Osi, scénariste, dessinateur et coloriste belge avoue, pour sa part en toute sincérité : « *comme beaucoup de personnes, j'avais une image très limitée du personnage, essentiellement axée sur le côté conquérant. C'est en lisant une biographie détaillée (le Napoléon de Max Gallo en 4 volumes) que j'ai pris conscience de la richesse du personnage et que j'ai trouvé intéressant*

¹⁰²⁴ Idem, p.16.

¹⁰²⁵ Idem, p.121.

¹⁰²⁶ Interview réalisée à Ajaccio, le 29 octobre 2010.

d'en faire une série BD historique détaillée »¹⁰²⁷. Ainsi, toute volonté d'écrire ou de dessiner Napoléon s'accompagne nécessairement d'une importante recherche bibliographique comme nous le précise Mr Ozi : « Je précise que si la biographie de Max Gallo a été l'élément déclencheur, ma série n'est nullement une adaptation de son œuvre. En fait, j'ai, depuis lors, «avalé» des dizaines de biographies pour essayer de recouper les informations parfois contradictoires »¹⁰²⁸. Volonté d'en savoir plus sur le personnage historique, de partager, d'apposer une vision « moderne » sur l'Empereur, tous, auteurs belges ou français sont animés d'une volonté de perpétrer.

Pour certains encore, le personnage de Napoléon n'est qu'un prétexte pour évoquer d'autres thèmes : c'est le cas notamment de Nicolas Dandois, illustrateur, auteur et éditeur belge de bande dessinée, auteur du *Napoléon Été 1815* (Ed. Des Ronds Dans Lo, 2010) : « En ce qui me concerne, la biographie de Napoléon est un prétexte. Dans mon Napoléon, c'est Joséphine la narratrice et ceci apporte un regard nouveau, un côté féminin qui manque cruellement au mythe de Napoléon. C'est aussi une manière d'évoquer des thèmes universels tels que le pouvoir, l'argent, la propagande. Le mythe de Napoléon est « réinterprétable ». J'y évoque également l'aventure, l'amitié, l'amour à travers le regard de personnages secondaires tels que les domestiques par exemple »¹⁰²⁹.

Personne ne s'en cache : Napoléon est un nom vendeur ! Mais alors, à quel public s'adressent ces créations et quelles valeurs se dégagent aujourd'hui de ce personnage ? En quoi peut-on dire aujourd'hui que Napoléon est un mythe de la post-modernité ? Il répond incontestablement à des attentes populaires ; à des fantasmes collectifs, des représentations ou volontés sociales du XXIème siècle.

En évoquant les images de synthèse, Patrick Tacussel parle de « nouveau mode de manipulation technique des représentations »¹⁰³⁰. Ainsi, bien plus que de simples miroirs de la société, les « médias » participent à la construction d'un imaginaire collectif, de l'identité d'un peuple ou d'un pays. Annie

¹⁰²⁷ Interview réalisée par échanges d'e-mails, le 9 novembre 2010.

¹⁰²⁸ Idem.

¹⁰²⁹ Interview réalisée à Ajaccio, le 29 octobre 2010.

¹⁰³⁰ TACUSSEL Patrick, *Les images de synthèse : vers une mutation civilisationnelle*, Cahiers de l'imaginaire, Volume 1, Toulouse Privat, 1988, p.105.

Jourdan ajoutera très justement qu'à contrario « *l'imaginaire ne sait se passer de support visuel* »¹⁰³¹. Lucian Boia, quant à lui, évoque « l'instabilité » des mythes modernes et des sociétés qui les reçoivent : « *Les médias actuels excellent dans les mythes « saisonniers », qui tiennent la vedette le temps d'une campagne. Les mythes massifs d'autrefois ont tendance à s'effriter* »¹⁰³². L'adaptabilité ne serait-elle pas ainsi la force première du mythe de Napoléon ? Car, en étant protéiforme, il a su se rendre visible tout au long des époques qu'il a traversées, grâce également à ses grandes lignes de forces. Il semblerait que nous pouvons aujourd'hui le caractériser de mythe « post-moderne », voire « sur-moderne ». Rappelons que la « postmodernité » se caractérise par une perte de foi en l'avenir, une « panne de récit et de fondements » (selon Michel Gérin) qui représentait cependant encore une certaine forme de stabilité, survenue dans les sociétés contemporaines occidentales à la fin du XXe siècle ; et la « sur-modernité » ne serait plus que « *flux et réseaux, images instables, lieux de passages* », « *engrenage* », « *mécanique excessive* », « *démésure* »¹⁰³³. La figure napoléonienne vient ainsi combler une sorte de vide, le vide de l'espoir, de l'espérance en un sauveur, en un personnage providentiel, le vide du héros, telle que nous l'appréhendons depuis la Grèce antique : celle de l'homme au dessus de la masse, venu sauver ses congénères au péril de sa propre existence et dont les exploits seront chantés jusqu'à la nuit des temps. Malgré la multitude de personnages héroïques produit par l'Histoire d'Occident et de France, tels qu'Alexandre Le Grand, Jeanne d' Arc ou encore le Général De Gaulle, pour ne citer qu'eux ; la figure napoléonienne tient une place particulière par son rayonnement mondial et sa vivacité.

La réutilisation de la figure napoléonienne la plus surprenante reste incontestablement celle des mangas qui nous donne à voir le personnage sous l'angle de la culture japonaise, culture pourvue d'une forte identité. Il existe ainsi deux mangas sur Napoléon : *Eroica, Le glorieux Napoléon* de Ryoko Ikeda (1997) et *Napoléon* d'Hasegawa Tetsuya (2003). La France

¹⁰³¹ JOURDAN Annie, *Mythes et légendes de Napoléon*, Ed. Privat, Toulouse, 2004, p.174.

¹⁰³² BOIA Lucian, *Pour une histoire de l'imaginaire*, Ed. Les Belles lettres, Paris, 1998, p.202.

¹⁰³³ GUERIN Michel, *Après la modernité, Hommage à Giorgio Agamben et Gianni Vattimo*, La Pensée de midi, 2000/3, n°3, Ed. Actes Sud, pp. 152-156.

apparaît quant à elle, nous l'avons vu, plus « prudente » quant à l'utilisation de l'image de Napoléon. A l'inverse, le Japon, comme les Etats-Unis voient, dans le personnage historique, l'archétype du « héros » ou du « self-made man ».

Les échanges et les influences entre civilisations remontent à la nuit des temps, mais en ce qui nous concerne, rappelons l'impact de la Seconde Guerre mondiale sur la culture japonaise et l'influence de la culture européenne et américaine sur cette dernière. Nous pouvons évoquer alors la notion de « déclin des grands récits »¹⁰³⁴ de Jean-François Lyotard : pour remplir le vide laissé par ces grands récits, la nouvelle génération « pioche » littéralement dans le réservoir mondial, et « récupère » ce qui est susceptible de la faire rêver. Hiroki Azuma parle alors du « *récit comme produit de consommation identique à tout objet de consommation courante* »¹⁰³⁵.

Frédéric Vincent dans son article « *La structure initiatique du manga. Une esquisse anthropologique du héros* » nous rappelle que « le manga met en avant une structure narrative fondée sur l'idée d'un parcours initiatique »¹⁰³⁶ et la vie romanesque de l'empereur des français répond à cette nécessité d'un parcours parsemé d'embûches, de réussites et d'échecs. Il ajoute : « *Par l'imaginaire, l'homme cherche à remythifier son quotidien. Le succès du manga est, en ce sens, significatif, car il permet de véhiculer un imaginaire initiatique dont les individus ont besoin pour se construire socialement* »¹⁰³⁷. On retrouve ainsi le schéma du parcours initiatique à travers le manga. Paul Gravett dans *Manga, soixante ans de bande dessinée japonaise*, nous rappelle que les japonais « *reprirent les bases des bandes-dessinées américaines, [...] en les adaptant à leur goût traditionnel pour les divertissements populaires, les « japonisèrent » afin d'en faire un véhicule narratif avec sa forme propre* ». Cette même nostalgie du soldat et du samouraï ressurgit. Chacun revêtant ses attributs propres, distinctifs de la culture à laquelle ils appartiennent : « *[...] si les samourais n'ont plus leur place dans une nation moderne, leurs*

¹⁰³⁴ AZUMA Hiroki, *Génération Otaku*, [préface de Michel Maffesoli], Coll. Haute tension, Ed. Hachette Littératures, Paris, 2008, p.52.

¹⁰³⁵ Idem, p.70.

¹⁰³⁶ Revue SOCIETES, 2009/4 (n°106), *L'univers des bandes dessinées*, VINCENT Frédéric, *La structure initiatique du manga. Une esquisse anthropologique du héros*, p. 2.

¹⁰³⁷ Ibid., p.4.

viés et leurs légendes répondent à un besoin de continuité avec un héritage non occidentalisé »¹⁰³⁸.

Mais alors, l'utilisation de Napoléon dans ces supports populaires répond-elle à l'idéalisation de l'Occident par l'Asie ? A l'idéalisation du personnage en particulier ? Ou à la nostalgie d'une certaine époque ? Probablement les trois à la fois. L'époque dans laquelle nous vivons, à l'heure de la mondialisation, de la culture de masse, du rendement et de l'efficacité à tout prix exacerbe l'imaginaire des peuples : aujourd'hui l'on rêve d'autre chose, d'une époque où la face du monde pouvait changer par la volonté d'un seul homme ! Romain Chappuis dans son article *La japonité selon Jeanne d'Arc. Mythes et récits occidentaux dans le manga et l'anime*, nous apprend que les japonais ont une forte capacité imaginative à réadapter les mythes d'autres cultures selon leur vision du monde, mus par la « volonté d'appartenir à un même monde ». Si l'Occident est souvent idéalisé, les japonais ont une approche toute particulière quand au regard qu'il porte sur la culture occidentale, et particulièrement en ce qui concerne la figure de Napoléon. A la fois admiratif et critique, il n'hésite pas à donner leur propre image du personnage. La figure de Napoléon, dans la période d'après guerre, est la parfaite illustration de cet Occident « guerrier et mégalomane »¹⁰³⁹. Mais à l'heure actuelle, les valeurs du personnage semblent s'être inversées. Les blessures de la guerre estompées, Napoléon représente aujourd'hui un occident conquérant et « sexy » ! Au regard de la série *Eroica, Le glorieux Napoléon*, de Riyoko Ikeda, publié en 1997 : l'auteur parle d'un « personnage controversé, dont le mystère n'en finit pas de s'épaissir »¹⁰⁴⁰. A la différence des occidentaux, qui mettent davantage l'accent sur les capacités du héros « seul », les japonais « mettent l'accent sur la complémentarité et la solidarité »¹⁰⁴¹. Les personnages secondaires ont de l'épaisseur et seul, le héros n'est rien ! A la suite de Romain Chappuis nous y voyons la « condamnation systématique des personnages qui ne suivent que leur intérêt et

¹⁰³⁸ GRAVETT Paul, *Manga, soixante ans de bande dessinée japonaise*, Editions du Rocher, Monaco, 2005, p.98.

¹⁰³⁹ Idem, p.65.

¹⁰⁴⁰ IKEDA Riyoko, *Eroica, La gloria di Napoleone*, n°1, Magic Press, Italia, 2009.

¹⁰⁴¹ CHAPPUIS Romain, *La japonité selon Jeanne d'Arc. Mythes et récits occidentaux dans le manga et l'anime*, Critique internationale, Les chemins de la globalisation culturelle, n°38, janvier-mars 2008, Presses de Sciences Po, Paris, 2008, p.66.

mettent la communauté en péril »¹⁰⁴². Le parcours initiatique et le travail sont deux notions essentielles que l'on retrouve dans les mangas qui traitent de l'aventure napoléonienne. Dans la culture japonaise, le groupe prévaut sur l'individu. Mais alors, qu'est-ce qui séduit les japonais dans la personnalité de Napoléon ? Mégalomane pour les français, son épopée est perçue, au contraire, aujourd'hui, par les japonais, comme le sacrifice d'un homme pour les valeurs de la République et le bien de la communauté.

De même que dans *Jeanne* et dans *Jésus* de Yoshikazu Yasuhiko, le but n'est pas de faire « l'apologie des héros occidentaux »¹⁰⁴³. Il nous semble ainsi que Riyoko Ikeda se donne pour tâche de montrer, à travers la vie d'un homme illustre (peu importe, au fond, sa culture d'origine) les épreuves de la vie. Pour Romain Chappuis, il s'agit de « provoquer un phénomène d'identification entre les héros et le lecteur japonais, sur fond d'anxiété partagée face aux épreuves de la vie ». Et la notion de destin est primordiale ; comme elle le fut pour l'Empereur lui-même.

Plus qu'une réutilisation du mythe de Napoléon, nous assistions ainsi à une réappropriation : « Sans souci d'exactitude historique ou de l'esprit original des œuvres qu'ils ont trahies, ces traducteurs ont choisi la fidélité aux mythes de la japonité. Ils ont « retourné le réel », l'ont « vidé d'histoire » et « rempli de nature » (Alain-Marc Rieu, *Le Japon et la question de la modernité*) »¹⁰⁴⁴.

Il existe une quinzaine de jeux vidéo sur Napoléon, édités par différentes maisons : *Empire Interactive* (Royaume-Uni), *Genki* (Japon), *Nobilis AGEOD* (Europe), *Focus Home Interactive* (France), ou encore *BreakAway Games* (USA). On retrouve souvent les mêmes slogans, pour attirer le joueur : « *Changer le cours de l'histoire* », « *Vous incarnez Napoléon parti à la conquête du monde* »... Encore plus étonnant : « *A vous de décider ce qui aurait pu être enseigné à l'école !* » Ces jeux s'adressent principalement à un public jeune, désireux de retrouver « virtuellement » le frisson du champ de bataille ou la satisfaction de la bonne manœuvre.

Le jeu vidéo n'a donc pas hésité, lui aussi, à s'approprier la figure de Napoléon. Mais cette fois ci, puisque la technologie le permet, le joueur devient lui-même le général, l'homme de tête, le stratège.

¹⁰⁴² Idem, p.66.

¹⁰⁴³ Idem, p.67.

¹⁰⁴⁴ Idem, p.72.

Bernard Jolivald nous rappelle alors que « *de même que le cinéma adapte volontiers les œuvres littéraires, le jeu vidéo est un art d'emprunt* »¹⁰⁴⁵. Figures historiques (telle Napoléon, César, Alexandre...) mais aussi figures mythiques (Zeus, l'Atlantide...), ou encore figures modernes (les super-héros...) deviennent les protagonistes de situations que le joueur contrôle à sa guise. Grâce aux jeux vidéo, de plus en plus réalistes, on peut, dans la même journée, se retrouver au cœur de l'Athènes antique, diriger les troupes napoléoniennes à Austerlitz puis voler au dessus de Manhattan de gratte-ciel en gratte-ciel en incarnant Spiderman ! Bernard Jolivald se pose ainsi fort légitimement les interrogations suivantes : « *Que recherchent les explorateurs de ces espaces numériques, rêveurs éveillés assurés d'un retour instantané, preux chevaliers combattant sans péril les dangers virtuels de contrées numériques ? Le jeu vidéo prépare-t-il une civilisation vouée au culte des apparences, mène-t-il à un monde immatériel que les esprits les plus faibles seront tentés de considérer comme une alternative à un monde réel sans attraits ?* »¹⁰⁴⁶. Nous nous intéressons donc ici plus particulièrement aux *jeux de guerre*, ou *jeux de stratégies*, qui pour John Crowley sont « *explicitement politique* », et il ajoute « *qu'on pourrait [les] qualifier de « démiurgiques »*. John Crowley souligne également que l'imaginaire de ces jeux est « *antidémocratique* » : « *Les jeux de stratégies placent le joueur en position de pure verticalité par rapport aux personnages du jeu* »¹⁰⁴⁷. Toujours selon John Crowley « *les univers ludiques numériques n'ont pas d'imaginaire autonome. Ils empruntent leurs scénarios, leurs décors et leurs personnages à des genres qui existent déjà dans la littérature et le cinéma* »¹⁰⁴⁸, et plus particulièrement à l'histoire en ce qui concerne les jeux de guerre et de stratégie. De plus, il les accuse d'utiliser l'histoire et les informations « *de type scolaire* » comme un « *« alibi » culturel* »¹⁰⁴⁹ pour mieux vendre. John Crowley accuse également ces jeux de véhiculer un imaginaire colonialiste, s'appuyant sur l'outil de la cartographie : « *[...] un monde où il y a « quelque chose à faire » est*

¹⁰⁴⁵ JOLIVALD Bernard, *Les jeux vidéo*, Coll. Que sais-je ?, PUF, Paris, 1994, p.43-44.

¹⁰⁴⁶ JOLIVALD Bernard, *Les jeux vidéo*, Coll. Que sais-je ?, PUF, Paris, 1994, p.121.

¹⁰⁴⁷ Idem, p.74.

¹⁰⁴⁸ Idem, p.75.

¹⁰⁴⁹ Idem, p.77.

donc un monde dont la cartographie est lacunaire. L'imaginaire de la quête est celui de l'exploration, de la découverte, de la conquête ¹⁰⁵⁰. Sa critique va ainsi encore plus loin lorsqu'il déclare que ces jeux reposent sur « un véritable imaginaire politique « non démocratique » » ¹⁰⁵¹. Le joueur non aguerri (un préadolescent par exemple) en viendrait alors facilement à la conclusion que la démocratie est ennuyeuse et que « rien de grand ne puisse émerger en démocratie, ni homme, ni action, ni principe » ¹⁰⁵².

Le mythe de Napoléon aujourd'hui

Rappelons d'après Gilbert Durand qu'« un mythe, en lui-même, n'est ni bon ni mauvais. C'est l'utilisation que l'on en fait, c'est son totalitarisme « monocéphale » qui peut-être dangereux » ¹⁰⁵³. Tel le stéréotype, le mythe permet à l'homme de contourner sa fonction réflexive, il s'agit en quelque sorte d'un « prêt-à-penser ». Pour répondre à la difficile question « à quoi sert le mythe aujourd'hui ? », nous nous appuyons sur la réflexion suivante de Lucian Boia : « Aujourd'hui, tout contribue à « personnaliser » le passé comme le présent. La machine à fabriquer des héros fonctionne à plein rendement, trouvant des appuis précieux dans la télévision et la publicité. Il semble même que cette tendance aille en s'accroissant : à mesure que la vie ordinaire devient de plus en plus mécanique et anonyme, le besoin de modèles héroïques se fait de plus en plus sentir, comme une sorte de compensation » ¹⁰⁵⁴. Nos sociétés ne sont pas moins mythologiques que les précédentes, contrairement à ce que certains tentent de nous faire croire : la technique, nonobstant l'espoir qu'elle suscite chez les hommes, n'en reste pas moins l'un des vecteurs principal de fantasmes et de représentations prophétiques quand à la capacité à s'adapter et à survivre des hommes. Ainsi les mythes ne disparaissent pas, ils se réactualisent, s'adaptent, se transforment. Lucian Boia remarque ainsi très justement que « la galerie des héros s'est

¹⁰⁵⁰ Idem, p.83.

¹⁰⁵¹ Idem, p.89.

¹⁰⁵² Idem, p.90.

¹⁰⁵³ DURAND Gilbert, *Introduction à la mythologie — Mythes et sociétés*, Ed. Albin Michel, Paris, 1995, p.40.

¹⁰⁵⁴ BOIA Lucian, *Pour une histoire de l'imaginaire*, Ed. Les Belles lettres, Paris, 1998, p.165.

multipliée et diversifiée »¹⁰⁵⁵. Pour le meilleur et souvent pour le pire ! Reprenant les propos d'André Reszler, Lucian Boia relève fort justement la « *prédominance à notre époque des mythes révolutionnaires sur les mythes de fondation, c'est-à-dire du changement au détriment de la continuité* »¹⁰⁵⁶. La figure napoléonienne quand a elle n'est pas utilisée dans le seul but de louer ou de blâmer ce qu'a pu représenter le personnage. Aujourd'hui Napoléon sert de support à différentes représentations ou volontés sociales du XXIème siècle. Si l'héroïsme correspond au sacrifice d'un pour la « nation », nos sociétés prônant l'individualisme ont-elles toujours envie de croire en l'arrivée d'un homme « providentiel », venu rétablir l'ordre ? Nos sociétés « modernes » ne connaissant plus le « désordre » de la guerre directe, ne ressentent plus le besoin d'être « sauvées ». Elles n'aspirent qu'à une chose : ne pas devoir renoncer à leur confort de vie. On remarque actuellement une tendance au retour de l'image dorée de Napoléon ainsi qu'une remontée des nationalismes en Europe. Le mythe en général, en tant que discours, « *montre le comportement humain dans ce qu'il offre de plus général* » (J. Boulogne (p.168)). Ce qui fascine dans le mythe, au-delà du merveilleux et du fantastique, des attributs ou des exploits des personnages, réside dans le « *choix de conduite face à l'existence* » de ces personnages. A travers les symboles, les images, les lieux mythiques... l'homme parle d'Humanité ! Napoléon fascine parce qu'il est considéré comme un « surhumain » par certains. Cependant, dans sa « grandeur » (stratège, politique...) il n'échappe pas au tragique, au ridicule et c'est ce qui fascine les foules. Non pas la perfection (car elle n'est définitivement pas de ce monde !) mais l'équilibre périlleux entre une existence à la fois « extra-ordinaire » et fatalement vouée à la destruction voire à une fin tragique car « *la société des êtres surhumains est une sorte de miroir collectif inventé par les sociétés humaines pour mieux se regarder et pour mieux se penser* ». J. Boulogne

Conclusion

Les japonais et les américains, entre autres, n'hésitent pas aujourd'hui, nous l'avons vu, à convoquer la figure napoléonienne dans leurs récits. De même que les européens se nourrissent de la culture japonaise et américaine.

¹⁰⁵⁵ Idem, p.187.

¹⁰⁵⁶ Idem, p.201.

Nous parlons ainsi aujourd'hui de « soft power ». Capacité de séduire et de persuader les autres États sans avoir à user de la force ou de la menace, à travers des moyens non coercitifs (structurels, culturels ou idéologiques) par définition. Il semblerait que nous soyons bel et bien à l'époque où les combats ne se mènent plus seulement par le feu mais aussi par la puissance d'attraction.

Napoléon semble ainsi « incarner la médiation »¹⁰⁵⁷ entre la réalité et l'idéal. Les mythes naissent et disparaissent au cœur de nos sociétés, tels des structures du vivant. Pour Jean-Jacques Wunenburger, « la création fictionnelle contemporaine (littérature ou audiovisuelle) se présente ainsi souvent comme une libre récréation de mythes anciens ou issus d'autres contextes culturels. »¹⁰⁵⁸ Nous parlerons ainsi à propos de notre mythe napoléonien d'une « réutilisation », ou plutôt d'une « réactualisation », voire d'une « adaptation » aux différentes cultures dans lesquelles il s'ancre. Trois étapes auxquelles vient s'ajouter, de tout temps, la répétition car « c'est la répétition qui transforme une fiction en mythe et lui confère une valeur de vérité »¹⁰⁵⁹. Rappelons, après Annie Jourdan, que « le mythe n'est pas immortel, il peut s'étioler si le référent ne dit plus rien à personne »¹⁰⁶⁰. Le mythe de Napoléon, incontestablement, vit toujours dans les imaginaires, mais jusqu'à quand ? A l'heure d'aujourd'hui, il a vraisemblablement encore de beaux jours devant lui !

Pour Mircea Eliade, les mythes héroïques et les héros traduisent « le désir obscur de transcender les limites de la condition humaine »¹⁰⁶¹. Le mythe de Napoléon en est ainsi une des représentations les plus caractéristiques : héros « total » pour certains, il a frôlé les sommets du pouvoir, de la gloire et

¹⁰⁵⁷ FABRE Daniel, CENTLIVRES Pierre, ZONABEND Françoise, *La fabrique des héros*, Mission du Patrimoine ethnologique — Collection Ethnologie de la France, Cahier 12, Edition de la Maison des sciences de l'homme, Paris, 1998, p. 5.

¹⁰⁵⁸ WUNENBURGER Jean-Jacques, *L'imaginaire*, Que sais-je ?, Ed. Presses universitaires de France, Paris, 2003, p.60.

¹⁰⁵⁹ BOULOGNE J., *Introduction aux méthodologies de l'imaginaire*, Ed. Ellipses, Paris, 1998, p.168.

¹⁰⁶⁰ JOURDAN Annie, *Mythes et légendes de Napoléon*, Ed. Privat, Toulouse, 2004, p.10.

¹⁰⁶¹ Revue DIOGENE, n°41, 1963, ELIADE Mircea, « Survivances et camouflages des mythes », p.22.

à connu, comme tout homme une fin tragique. A la fois génial et misérable, son aventure terrestre revêt l'antagoniste condition de l'existence humaine. Nos sociétés, aussi mécanisées et technologiques soient-elles, lancées dans cette course folle de maîtrise de la nature et de ses éléments, n'en sont pas moins enclines au mythe, aux représentations imaginaires, à la fiction...

Il est en revanche important de ne pas perdre de vue le caractère politique de l'histoire et des mythes : Lucian Boia relève ainsi le fait que « dans la mythologie politique, l'idéalisation du passé est doublée par la dramatisation de l'avenir »¹⁰⁶². Mais si « l'Histoire a besoin de héros »¹⁰⁶³, comme l'écrit très justement François Reynaert, nous avons vu comment cette tendance à faire dire au passé ce que l'on veut lui faire dire, et y voir ce qui nous rassure et nous reconforte, tend à disparaître à l'orée de ce XXIème siècle, grâce au métissage culturel et notamment à la vision japonisante de nos personnages historiques. A travers la culture de masse, la figure de Napoléon devient universelle, elle s'adresse aux jeunes comme aux moins jeunes, elle véhicule des valeurs de ténacité et de réussite et, semble t-il, il importe peu au lecteur ou au joueur de connaître « la véracité historique », puisqu'il rêve !

¹⁰⁶² BOIA Lucian, *Pour une histoire de l'imaginaire*, Ed. Les Belles lettres, Paris, 1998, p.186.

¹⁰⁶³ REYNAERT François, « Les mensonges de l'histoire de France », Le Nouvel Observateur, n° 2396, octobre 2010, p.18.

LES GUERRES NAPOLÉONIENNES DANS LES ŒUVRES DE LA LITTÉRATURE ET DE L'ART

A. Dumas, Napoléon et la monarchie de Juillet

Vladimir Zemtsov

Le thème de Napoléon occupe toujours une place importante dans l'oeuvre de Dumas-père, et, même, dans certaines périodes cette place fut déterminante. C'est tout de suite après l'instauration de la monarchie de Juillet en 1831, que Dumas écrit la drame en 6 actes «*Napoléon Bonaparte*», suivie en 1840 par le récit documentaire «*Napoléon Bonaparte. Biographie*». Enfin, au déclin du Second Empire et de sa propre vie, Dumas crée une trilogie «*Les Blancs et les Bleus*», «*Les Compagnons de Jehu*» et le roman «*Le Chevalier de Sainte-Hermine*», qui n'a jamais été terminée ni publiée avant 2005. Les sujets, les personnages et les allusions, liés à l'époque de Napoléon, ont été dispersés dans d'autres oeuvres de Dumas. Ainsi, les plus remarquables tableaux de la guerre de 1812 se trouvent dans «*En Russie; De Paris à Astrakan: Nouvelles impressions de voyage*», paru comme résultat du voyage de l'auteur et de son journalier littéraire Auguste Maquet à travers l'Empire de la Russie en 1858.

Mais, si étrange que cela puisse paraître, la première place, parmi toutes les oeuvres du grand écrivain qui formaient le mythe sur le Premier Empire, est occupée par le roman «*Le Comte de Monte-Cristo*». L'intrigue de cette oeuvre géniale est née d'une histoire réelle, dénichée par Maquet dans des documents de J. Peuchet, célèbre historien de la police parisienne, publiés en 1838 sous titre «*Le diamant et la vengeance*». Le prototype d'Edmond Dantès, l'apprenti cordonnier F. Picaud fut victime du pouvoir arbitraire et des envies humaines aux temps du Premier Empire. On l'emprisonna pour 8 ans dans la forteresse Fenestrelle suivant la pratique habituelle de ces années, celle où le ministre de la police pouvait autoriser arrestation et emprisonnement de toute personne sans la moindre preuve de culpabilité, si la «sécurité d'Etat» était concernée. En plus, le Decret du 13 mars 1810 légalisa cette pratique. Les criminels, les plus dangereux selon les autorités,

perdaient même leurs noms. La seule concession à l'humanité était la visite de ces prisons, une fois par an, par des membres du Conseil d'Etat. Ces contrôleurs devaient s'assurer du niveau acceptable des conditions de détention et faire inscrire les plaintes des détenus dans un cahier spécial. En général, cette procédure avait lieu en présence du commandant de la prison et il n'y avait aucune conséquence pour les prisonniers.

Dumas transféra l'action du roman dans son temps, dans la France de l'époque de la monarchie de Juillet. Rappelons que la période de la restauration de la monarchie était marquée de révoltes républicaines et prolétaires, de nombreuses tentatives d'assassinat du nouveau roi. Les bonapartistes, eux aussi, devenaient beaucoup plus actifs en entreprenant des tentatives de coup d'Etat en 1836 et en 1840. En réalité l'année 1840 devint le tournant sous beaucoup de rapports. Il n'y a pas si longtemps — en 1839 seulement — l'insurrection des blanquistes (ce nom vient d'Auguste Blanqui), qui créèrent «*La société des Saisons*», se déroula à Paris; et c'est déjà en 1840 que se tint le soulèvement suivant mené par Charles-Louis-Napoléon Bonaparte, neveu de Napoléon I. Et ce n'était pas assez. Le gouvernement d'A.L. Thiers, impliqué dans les affaires orientales, soutint, par malchance, le pasha égyptien Muhammad Ali contre le sultan turc. Thiers dût démissionner et céder le poste du chef du gouvernement à F. Guizot. Ce dernier resta à la tête du pays jusqu'à la révolution de 1848. Guizot, irrité par la presse et par différents «gribouilleurs» qui ridiculisaient non seulement le gouvernement, mais le roi lui-même, lança les poursuites judiciaires dans les milieux des écrivains et des journalistes.

En tant que démocrate et républicain, Dumas, se trouve en opposition au gouvernement. Il quitte Paris et part pour l'Italie. Dans les années 1841-1842 l'écrivain habite Florence et il visite souvent le villa Quarte, où Jérôme Bonaparte, ex-roi de Westfalie et frère de l'empereur Napoléon décédé, vit en exil. Dumas n'est point dérangé par le sang royal de ses interlocuteurs. Pour lui ces hommes incarnaient une grande époque, qu'on ne devait même pas comparer aux misérables nouveaux riches de la France de son temps. C'est pourquoi, l'écrivain accepta la proposition de Jérôme d'accompagner Napoléon-Joseph-Charles-Paul Bonaparte, son fils âgé de 20 ans, lors du voyage à l'île Elbe, lieu de l'exil de l'empereur décédé. C'est justement au cours de ce voyage que Dumas découvrit l'existence de l'île de Montecristo, dont le nom le fascina. De retour à Paris l'écrivain eut une proposition des éditeurs d'écrire un roman dont l'action se dérouleraient dans la France

actuelle. Et alors, sous pression des éditeurs, Dumas et son «nègre» Maquet, historien et bibliophile, projetèrent l'oeuvre reflétant passionnément et sans précédent «la vie contemporaine».

Certainement, il est difficile de préciser qui de ces 2 co-auteurs a été premier à faire attention à l'histoire «*Le diamant et la vengeance*», mais il semble que ce soit quand même Auguste Maquet qui, plus tard, après avoir présenté au tribunal le brouillon du manuscrit, contesta à Dumas les droits d'auteur. En commençant par le livret du «*Journal des Débats*» paru le 28 août 1844 et jusqu'à sa publication en janvier de 1846 cette oeuvre fut publiée sous forme de roman-feuilleton. Ce fut un succès grandiose et inimaginable, le succès dû non seulement au sujet aventurier, non seulement aux brillantes descriptions des vices et des vertus de l'homme, mais aussi à la force accusatrice du régime des banquiers (dans le roman le banquier Danglars), des militaires corrompus (le comte de Morcerf le même que Fernand Montego), des officiers de justice corrompus (le marquis de Saint-Méran le même que Gérard de Villefort). Et cette force se faisait sentir dans chaque ligne du roman.

Le fil de l'histoire a été constitué d'événements réels qui dénonçaient «en criant» le despotisme de Napoléon; une fois transférés dans une autre époque par le génie de l'écrivain, les mêmes événements mettent à nu la monarchie de Juillet et, par contre, le commencement du XIXe siècle apparaît comme l'époque des grandes réalisations et des vertus.

En 1848 la monarchie de Juillet sera renversée. Un rôle considérable dans sa chute sera joué par le plus grand roman «*Le comte de Monte-Cristo*» où les événements authentiques, refaits par la force du génie de l'écrivain, transformés en un mythe deviendront plus forts que l'histoire, celle qui était «véritable».

Le mythe de Napoléon dans la conscience culturelle du XIX siècle

Véra Chervashidze

Chateaubriand dans «Memoires d'outre-tombe» a prédit l'immortalité de Napoléon dans la mémoire culturelle des peuples européens : «le Monde appartient à Napoléon. Qu'il n'a pas pris, après la mort sa gloire a pris. Le

mémoire du pouvoir despotique même est plus fort»¹⁰⁶⁴. La grande révolution Française qui a ouvert la nouvelle époque dans la conscience des peuples européens a fait du Corse inconnu l'empereur de la France. Non sans raison Napoléon aimait répéter : «je suis la révolution Française». Napoléon a réussi à fixer les principales conquêtes révolutionnaires (le droit à la propriété, l'égalité devant la loi, l'égalité des possibilités). Mais les guerres infinies pour le pouvoir sur l'Europe, demandant tout nouveau et nouveau «l'impôt par le sang», sont devenues la raison de l'échec de l'empire.

Pendant le XIX s. l'opinion publique par égard à Napoléon était complexe et ambiguë.

Les premiers romantiques — Chateaubrian, G.de Stael, B.Constant, Ch.Nodier — avaient créé le mythe antibonapartiste : Napoléon — l'usurpateur, «le tyran et le despote, «obligé à se taire la France». Chateaubriand avait exprimé l'opinion publique des contemporains : «Napoléon a perdu notre futur; a accoutumé la société à la soumission sans volonté, a corrompu la moralité»¹⁰⁶⁵. L'attitude envers Napoléon change sous l'influence de la situation historique et culturelle. À l'époque de la Restauration — à l'époque de «la période de marasme», «du déshonneur et de la honte», le mémoire de l'empereur acquiert des lignes idéales. V.Hugo écrivait : «À notre siècle il y avait seulement un grand homme, et une grande affaire : cette personne — Napoléon, cette affaire — la liberté»¹⁰⁶⁶. Les drames romantiques de V.Hugo de 30 années sont la réflexion méthaphorique du mythe sur Napoléon, comme sur le symbole de la liberté cassant tous les canons traditionnels : le Bouffon Triboulet («le Roi s'amuse») devient «le roi non couronné», le laquais ancien («Ruy Blas») — le Premier ministre, la courtisane — l'héroïne (Marion Delorme) nationale.

Stendhal, sur le pic des humeurs antibonapartistes, dans ses mémoires («la Vie de Napoléon», «les Souvenirs de Napoléon»), aspire à opposer à la légende «noire» la vérité par égard au grand empereur, «a qui il avait gardé l'amour jusqu'aux ses derniers jours». Pour les héros de Stendhal — Julien Sorel, Fabrizio del Dongo — l'empereur français et son époque sont le symbole de l'héroïsme, de la liberté et des possibilités illimitées.

¹⁰⁶⁴ Шатобриан. *Замогильные записки*. М., 1995. P. 277.

¹⁰⁶⁵ *Ibid.* P. 280.

¹⁰⁶⁶ Жирмунский В.М. *Байрон и Пушкин*. Л., 1978. P. 217.

La mort de Napoléon le 5 mai du 1821 sur l'île de la Sainte-Helene a entouré son nom de l'auréole du «martyre». Mandzoni a appelé l'île de la St-Helene — “le calvaire” Napoléonien; Pouchkine avait écrit (dans le poème “Napoléon”) : «Et au monde la liberté éternelle /des tenebres de lexil il a teste». Dans “les chansons” de Béranger, dans la poésie de Lamartine et de Heine Napoléon represente comme le symbole de la Liberté, « de l'égalité victorieuse», adoré par le peuple et par les vétérans d'une grande armée qui ont gardé la fidélité illimitée à l'empereur.

Byron qui a reflété «l'esprit rebelle»de son l'époque, dans les oeuvres tardives («l'Âge de bronze», «les Vision du cour») a opposé aux autorites de l'Europe — a la Sainte Alliance — le mythe romantique sur Napoléon. Ses héros «agissant a leur guise, luttant contre la tyrannie, revoltant contre les lois du Dieu,” «transgressant» la ligne legal sont le retentissement de son mythe poetique. «« Les fétichistes de «la ligne» de Byron (du Guaour à Kaine) — non seulement l'autoprojection de la conscience du poète, mais aussi la réflexion de l'esprit rebelle de son époque. Non sans raison, Pouchkine trouvait que «le Corsaire» de Byron était engagé par le succès au caractère de son principal personnage rappelant mystérieusement la personne, don't la volonté fatale gouvernait alors une partie de l'Europe, en menaçant a la deuxième. Pouchkine a bâti la triade romantique — le Corsaire — Byron — Napoléon : «le rapprochement avec Napoléon flattait à son amour-propre»¹⁰⁶⁷.

“Le byronisme nest pas seulement l'idéalisation de la liberté absolue, mais aussi l'obsession de quelque idée grandiose qui fait évinçer le monde extérieur et fait proclamer le caractère de la personnalite agissant a sa guise, « transgressant la ligne legale »». Cette tendance reçoit le développement ultérieur dans la philosophie de Nitsche. Napoléon était pour Nietzsche «le grand homme» qui a tourné la roue de l'histoire. Il trouvait que tout «les espoirs élevés du XIX siecle sont nees par Napoléon»¹⁰⁶⁸. En rejetant «le narcissisme romantique», l'opposition de l'individualité personnelle au monde, Nietzsche crée un nouveau modèle du culte de la forte personnalité — «l'homme dionisiaque», transgressant la ligne des interdictions, les normes morales et sociales et créant l'impératif de

¹⁰⁶⁷ Ibid. P. 39.

¹⁰⁶⁸ Цвейг С. Ф. *Ниче*. М., 1990. P. 150.

l'impartialisme¹⁰⁶⁹. « Le surhomme » de Nietzsche — le destructeur de vieilles valeurs et le créateur des nouvelles. Le mythe de Napoléon qui avait incarné l'idée de la liberté totale fait apparaître des héros de F.M. Dostoïevsky qui agissent à leur guise. Mais Dostoïevsky en opposant de Nietzsche avait interprété « la métaphysique de la liberté totale » comme le mal qui doit être puni. Dostoïevski, en représentant la désolation tragique « des fétichistes de la ligne de frontière » (la folie d'Ivan Karamazov, le suicide de Kirillov), les avait appelés « les violateurs des lois de Dieu et humaines ». La métaphysique de la liberté totale est définie par l'écrivain comme « la maladie spirituelle de la conscience européenne qui fait prédire « les crépuscules des dieux » ».

L'incarnation symbolique du mythe napoléonien dans la philosophie de Nietzsche et dans l'œuvre de Dostoïevsky présente la reconstruction du paradigme romantique sur l'autre niveau esthétique et mentale.

Littérature:

1. *Шатобриан*. Замогильные записки. — М., 1995.
2. *Шахов А.* Очерки литературного движения в первой половине XIX в. — С.-Петербург, 1894.
3. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. — Л., 1978.
4. *Цвейг С.Ф.* Ницше. — М., 1990.
5. *Ницше Ф.* Ессе Homo. — М., 1998.

À la lueur des flammes de Moscou

Barbara Sommovigo

C'est sans doute au cours des années trente, grâce aussi à la politique culturelle de Louis-Philippe, que le mythe littéraire de Napoléon connaît un incontestable essor : nous assistons à un véritable foisonnement d'écrits tout autour du personnage de Napoléon, de sa vie et de ses gestes.¹⁰⁷⁰ Loin

¹⁰⁶⁹ Ницше Ф. *Ессе Homo*. М., 1998. P. 63.

¹⁰⁷⁰ 1830 : Stendhal, *Le rouge et le noir* sous-titré « chronique de 1830 » ; 1831 : Dumas, *Napoléon ou Trente ans de l'histoire de France* ; 1833 : Balzac, *Le médecin de campagne* ; 1836 : Musset, *Confessions d'un enfant du siècle* ; 1839 : Stendhal, *La Chartreuse de Parme*, Louis Napoléon, *Des Idées Napoléoniennes*.

de nous l'idée d'*expliquer, peindre ou comprendre Napoléon [...]* Un homme qu'on représente les bras croisés, et qui a tout fait !¹⁰⁷¹ — notre propos est d'en analyser le portrait tel qu'il se dessine à partir de deux textes parus à deux ans de distance l'un de l'autre : *Napoléon Bonaparte, ou trente ans de l'histoire de France* écrit par Alexandre Dumas (1831) et *Le Médecin de campagne* écrit par Honoré de Balzac (1833). Cette façon de procéder nous permet de mettre en évidence les éléments constants qui participent à la construction de ce mythe qui, malgré des défaites définitives telle la campagne de Russie, ne semble pas avoir été atteint par le temps puisque « comme tout mythe Napoléon se transforme chez l'écrivain en porte-parole ou en symbole »¹⁰⁷².

Les deux ouvrages que nous avons choisi s'inscrivent, à juste titre, dans la renaissance de la légende dorée des années Trente et en même temps ils soulignent un aspect particulier de la personnalité napoléonienne qui, par ailleurs, réfléchit une réalité historique, c'est à dire la condition misérable dans laquelle la Restauration avait plongé l'armée impériale. En effet, les deux textes montrent clairement que Napoléon, avant même d'être l'Empereur, est un soldat et il est représenté comme tel, et comme tel il souffre toutes les épreuves de la guerre : la faim, le froid et l'angoisse de la grande faucheuse.

Nous avons décidé de conduire notre analyse en regardant ces textes à travers le filtre de la modalité théâtrale ; en effet, bien que la nature des deux textes soit différente (il s'agit d'un roman et d'une pièce de théâtre), le moyen de représentation choisi par les deux auteurs reste le même : il s'agit d'une véritable mise en scène. Dans les deux cas l'action se déroule dans un théâtre, d'une part celui de Dumas, qui est réel, vrai puisqu'il s'agit

¹⁰⁷¹ « Qui pourra jamais expliquer, peindre ou comprendre Napoléon ? Un homme qu'on représente les bras croisés, et qui a tout fait ! Qui a été le plus beau pouvoir connu, le pouvoir le plus concentré, le plus mordant, le plus acide de tous les pouvoirs ; singulier génie qui a promené partout la civilisation armée sans la fixer nulle part ; un homme qui pouvait tout faire, parce qu'il voulait tout ; prodigieux phénomène de volonté, domptant une maladie par une bataille, et qui cependant devait mourir d'une maladie dans un lit après avoir vécu au milieu des balles et des boulets ; un homme qui avait dans la tête un code et une épée, la parole et l'action ». H. de Balzac, *Autre étude de femme* in *Œuvres complètes de H. de Balzac*, Paris, A. Houssiaux, 1855, p. 460-461.

¹⁰⁷² Tulard J., *Napoléon ou le mythe littéraire par excellence*, «ENA mensuel, numéro hors-série, «politique et littérature», décembre 2003 < http://www.karimbitar.org/napoleon_jeantulard > (10/08/2011).

d'un texte dramatique écrit pour être joué et de l'autre celui de Balzac, qui est improvisé, « fictif » mais qui se révèle tout aussi « vrai » même s'il s'agit d'un récit qui se fait dans une grange et selon les modalités que nous verrons par la suite.

Notre but est donc d'analyser et de comparer les procédés grâce auxquels le personnage de Napoléon prend forme : d'un côté sous le masque de la métaphore historique du drame et de l'autre par le biais de l'évocation nostalgique du récit de la veillée. Le point de convergence de notre étude sera l'analyse de l'épisode de Moscou : d'une part il s'agit de voir de quelle manière est raconté le même fait historique — la défaite de Napoléon en Russie — et de l'autre quelle est l'image du personnage napoléonien qui en résulte.

Alexandre Dumas, dans sa préface à *Napoléon Bonaparte, ou trente ans de l'histoire de France*, raconte les difficultés qu'il a rencontrées avant de pouvoir publier son œuvre « Six théâtres firent passer leur Napoléon, et moi j'attendais toujours. Chaque représentation nouvelle d'un Napoléon nouveau était une chance de succès au mien »¹⁰⁷³. Si d'une part, dans la préface, l'auteur se défend des calomnies dont il a été objet, de l'autre il énonce sa poétique : « amuser et intéresser voilà les seules règles »¹⁰⁷⁴. Néanmoins la pièce fut accueillie favorablement par le public, même si elle fut retirée au bout de quelques jours : certains événements étaient peut-être encore trop proches et la monarchie de juillet était à ses débuts.

Le drame est composé de 6 actes et d'une succession de 19 tableaux historiques; chaque acte présente sa propre liste des personnages et chaque tableau s'étend sur une ou plusieurs scènes. Les personnages sont au nombre de 76, et le personnage principal qui sert aussi de trait d'union entre toutes ces scènes est bien évidemment Napoléon qui est physiquement présent dans trente scènes sur quarante-cinq. Cela dit, il nous faut ici au moins mentionner l'importance du rôle de l'Espion, un personnage qui doit sa vie à l'Empereur et qui lui sera dévoué jusqu'à la fin de ses jours.¹⁰⁷⁵

¹⁰⁷³ Dumas A., *Napoléon Bonaparte, ou, Trente ans de l'histoire de France: drame en six actes*, Paris, Tournachon-Molin, 1831, p. VII. Toutes les citations de ce texte sont tirées de cette édition.

¹⁰⁷⁴ *Ibid.*, p. X.

¹⁰⁷⁵ « Nous avons insisté sur ce personnage d'espion parce qu'il est la seule chose originale du drame fait, selon l'expression de l'auteur même, à coup de ciseaux », L. Henri

L'action qui nous intéresse occupe le troisième acte de la pièce : Napoléon est presque constamment sur scène, exception faite pour trois scènes sur neuf — les scènes 3, 4 et 5 qui sont les toutes premières sur *les hauteurs de Borodino*.

Le dessin qui se dégage de cette lecture pourrait faire l'objet d'un triptyque : trois images à la fois distinctes et complémentaires puisqu'elles fournissent les éléments nécessaires à esquisser les différentes facettes du portrait de l'Empereur. En effet, on peut aisément noter que l'attitude de notre personnage change selon qu'il se trouve sur la scène avec les officiers et les commandants, tout seul ou bien avec les soldats. L'image qui nous intéresse le moins est sans doute la première : en effet il s'agit d'une relation plutôt conventionnelle, rigide, réglée par la hiérarchie militaire. Par contre, le deuxième volet du triptyque nous montre notre personnage en solitude, qu'elle soit apparente ou réelle, qui réfléchit à haute voix : il s'agit tantôt du soliloque, tantôt du monologue aussi bien du commandant que du chef de famille qui veille sur ses soldats/enfants endormis.

Quatre heures du matin... — Tous dorment, seul je veille avec ma pensée, pensée de guerre et de destruction ! Oh ! dormez, enfants, rêvez de vos mères et de votre patrie : demain des milliers de vous seront couchés encore, mais sur une terre froide et sanglante [...] Que c'est une bizarre fortune que la mienne ! homme obscur comme eux, et qui traîne à ma suite des milliers d'hommes ! Oh ! il y a des moments où, quand je suis seul, face à face avec mon génie, je frissonne, car je doute ! Si ce que je crois mon étoile n'était que de l'audace et mon génie du hasard ! Quelle affreuse responsabilité que celle de la vie de tant de milliers d'hommes.¹⁰⁷⁶

Ce n'est que dans ces moments de solitude, quand personne ne peut l'entendre, que l'Empereur se livre à des considérations sur les difficultés objectives, voire même l'impossibilité de gagner cette bataille. Mais jamais, devant ses enfants, il ne laissera filtrer le moindre sentiment de doute, de peur du lendemain. Bien au contraire, encore une fois, il incitera ses hommes : « Battons-nous donc ! Mes amis, voilà le soleil d'Austerlitz. » De même,

Lecomte, *Napoléon et l'Empire, racontés par le théâtre, 1797-1899*, Paris, Librairie J. Raux, 1900, p. 305.

¹⁰⁷⁶ Scène VI.

à la scène 8, lorsque le feu qui brûle dans Moscou commence à dévorer le Kremlin l'attitude reste immuable « Mes enfants ne craignez rien, je veille sur vous, Dieu sur moi »¹⁰⁷⁷.

Et si Napoléon doit se rendre à l'évidence — puisqu'il s'agit d'une véritable défaite, puisque Moscou est perdue et puisque c'est le feu qui va emporter la victoire — un tel aveu ne peut être prononcé que dans la solitude d'un monologue:

Oh ! c'est une mer de feu ! — Faiblesse humaine ! le souffle de Dieu seul pourrait éteindre cet incendie ! O Napoléon ! tu te crois plus qu'un homme, parce que tu couvres la moitié de la terre de tes tentes et de tes soldats [...] te voilà faible, sans pouvoir, en face de l'incendie. Chaque pied de terre qu'il gagne te dévore un empire [...] Essaie ta puissance, ordonne à ce feu de s'éteindre, à cet incendie de reculer, et s'ils obéissent, tu n'es plus qu'un homme, tu es presque un dieu »¹⁰⁷⁸.

Grâce à l'intervention vigoureuse de l'Espion, Napoléon finalement sortira du Kremlin où « les escaliers craquent, les portes s'embrasent ».

C'est donc la troisième image qui nous paraît la plus intéressante, celle de l'homme soldat — d'un soldat parmi les autres, d'un soldat comme les autres — telle qu'elle se dégage à partir de la scène 6. Cette scène se passe sur les hauteurs du Borodino, c'est la nuit qui précède la bataille et Napoléon décide de rester avec ses soldats : « Bonsoir, mes enfants, bonsoir : j'ai voulu passer cette nuit au milieu de vous. Il paraît enfin qu'il vont nous attendre ». Dans ses dialogues avec les soldats il utilise un ton paternel, décidément renforcé par le fait qu'il s'adresse — toujours — à ses soldats en les appelant *mes enfants*.

Et tout comme un bon père, il connaît ses enfants/soldats. L'attention qu'il porte à ses hommes, les soins qu'il leur réserve sont authentiques et témoignent d'un intérêt sincère. Il se souvient exactement des batailles dans lesquelles il ont combattu ensemble : « Tu te souviendra d'Austerlitz, toi ! c'est là que tu as eu la croix. » Et il connaît jusqu'à la moindre cicatrice de ses soldats : « Tes cicatrices te vont bien. En voilà une que je ne te connais pas. » Par conséquent les soldats partagent ses sentiments, ils l'aiment et lui font confiance. À ce propos nous pouvons remarquer qu'un peu plus loin,

¹⁰⁷⁷ Scène VII.

¹⁰⁷⁸ Scène IX.

pendant la première partie de la scène X — *Une mesure sur les bords de la Bérézina* — Napoléon n'est pas sur scène mais dès qu'il arrive, et en dépit de la situation tragique, c'est toujours sa générosité, son attention envers ses soldats, son humanité qui sont mises en évidence. Nous l'avons déjà dit, il s'occupe de ses soldats comme un père s'occuperait de ses enfants, affectueusement : d'abord il ôte ses gants pour les donner aux soldats qui ont les mains gelées, ensuite il renonce à boire quelques gouttes de vin qu'on lui avait mises de côté, pour les donner à un des ses grenadiers mourants.

Et jusqu'à la fin, malgré tout, il encourage son armée, ou plutôt ce qui en reste « À nous, enfants ! dehors et marchons : la moitié de l'armée est engloutie, il faut sauver le reste »¹⁰⁷⁹.

Le rideau tombe sur une image mélancolique : au loin les notes d'une chanson révolutionnaire, *Veillons au salut de l'empire*, et rien d'autre que la neige qui couvre tout, qui efface toute trace, qui empêche tout témoignage.

La deuxième partie de cette étude est constituée par l'analyse du troisième chapitre de *Le médecin de campagne* de Balzac intitulé *Le Napoléon du peuple*.

Nous sommes dans un univers littéraire complètement différent qui toutefois utilise comme éléments de la représentation ceux de la modalité théâtrale. La scène se passe dans une grange qui le soir, avec un éclairage convenable, se remplit d'un public habituel qui aime entendre l'histoire de Napoléon et de ses gestes racontée par un vieux soldat nommé Goguelat.

Voici pour la description de l'emplacement et le sujet de la représentation:

Allons à ma grange [...] Là [...] vous entendrez parler de Napoléon. [...] mon valet d'écurie, nous a dressé une échelle pour monter par une lucarne en haut du foin, à une place d'où nous verrons toute la scène. Croyez-moi, venez, une veillée a son prix. [...] Mais cachons-nous bien, si ces pauvres gens voient un étranger, ils font des façons et ne sont plus eux-mêmes. [...] Tous deux montèrent à l'échelle et se blottirent dans le foin, sans avoir été entendus par les gens de la veillée, au-dessus desquels ils se trouvèrent assis de manière à les bien voir.¹⁰⁸⁰

¹⁰⁷⁹ Scène 10.

¹⁰⁸⁰ Balzac H. de, *Le médecin de campagne*, Paris, Gallimard, 1974, p. 213. Toutes les citations de ce texte sont tirées de cette édition.

La composition du parterre :

Groupées par masses autour de trois ou quatre chandelles, quelques femmes cousaient, d'autres filaient, plusieurs restaient oisives, le cou tendu, la tête et les yeux tournés vers un vieux paysan qui racontait une histoire. La plupart des hommes se tenaient debout ou couchés sur des bottes de foin. Ces groupes profondément silencieux étaient à peine éclairés par les reflets vacillants des chandelles entourées de globes de verre pleins d'eau qui concentraient la lumière en rayons, dans la clarté desquelles se tenaient les travailleuses. L'étendue de la grange, dont le haut restait sombre et noir, affaiblissait encore ces lueurs qui coloraient inégalement les têtes en produisant de pittoresques effets de clair-obscur. [...] Tous ces gens attentifs, et divers dans leurs poses, exprimaient sur leurs physionomies immobiles l'entier abandon qu'ils faisaient de leur intelligence au conteur.¹⁰⁸¹

Le premier acte de cette mise en scène — *l'histoire de la bossue courageuse* — ne satisfait pas le public qui réclame « les aventures de Napoléon » même s'il les connaît « pour [...] les avoir vu dire bien des fois ; mais ça fait toujours plaisir à entendre. » Toutefois si ces histoires sont archiconnues du public principal, elles ne le sont pas de ce public supplémentaire (Genestas, commandant vétérans des armées napoléoniennes et Bénassis, le médecin) dont la présence devrait rester secrète pour ne pas altérer les équilibres de la répétition. C'est donc au vieux soldat de jouer le metteur en scène de cette représentation :

Le fantassin se leva de dessus sa botte de foin, promena sur l'assemblée ce regard noir, tout chargé de misère, d'événements et de souffrances qui distingue les vieux soldats. Il prit sa veste par les deux basques de devant, les releva comme s'il s'agissait de recharger le sac où jadis étaient ses hardes, ses souliers, toute sa fortune ; puis il s'appuya le corps sur la jambe gauche, avança la droite et céda de bonne grâce aux vœux de l'assemblée. Après avoir repoussé ses cheveux gris d'un seul côté de son front pour le découvrir, il porta la tête vers le ciel afin de se mettre à la hauteur de la gigantesque histoire qu'il allait dire.¹⁰⁸²

¹⁰⁸¹ Ibid., p. 214.

¹⁰⁸² Ibid., p. 219-220.

Bien que la mise en scène de Balzac, destinée à un public de gens simples, soit sans doute moins complexe que celle de Dumas, il s'agit toujours et encore du Napoléon de la légende, de l'homme du peuple, du *père du soldat* que nous avons déjà rencontré chez Dumas. C'est bien celui qui s'adresse aux soldats en les appelant *mes enfants* ; c'est en lui que les soldats ont confiance, c'est encore lui qui leur donne la force de survivre dans les moments tragiques de la Bérézina et c'est toujours lui qui, croyant être seul, est pris par le chagrin.

On ne se réchauffait guère que près de l'empereur, puisque quand il était en danger, nous accourions, gelés, nous qui ne nous arrêtions pas pour tendre la main à des amis. On dit aussi qu'il pleurait la nuit sur sa pauvre famille de soldats.¹⁰⁸³

Par contre, dans le texte balzacien, une plus grande importance est donnée au côté « divin » de l'empereur. En effet, dès le début du récit on souligne le fait qu'il s'agit du prédestiné — « sa mère [...] eut la réflexion de le vouer à Dieu »¹⁰⁸⁴ — du protégé de Dieu, de l'homme extra-ordinaire. Ce choix de l'auteur est sans doute fait en fonction du public de la veillée, preuve en sont les mots de Goguelat : « Maintenant, suivez-moi bien, et dites-moi si ce que vous allez entendre est naturel »¹⁰⁸⁵ dit le vieux grognard en s'adressant au parterre et pour sept fois il interrompt sa narration pour demander : « était-ce naturel ? » Bien évidemment il s'agit là d'une question rhétorique, dont le seul but est celui de souligner — une fois de plus — la dimension hors du commun du héros, du *dieu du peuple*.

Ce côté plus simplificateur, voire populaire du discours du vieux soldat se précise distinctement lors du récit de l'épisode de Moscou : « Nous prenons Moscou. Voilà-t-il pas que les Russes brûlent leur ville ? »¹⁰⁸⁶. Et peu après : « Pour lors, ce fut le règne de la misère et de la faim, règne où nous étions réellement tous égaux ! On ne pensait qu'à revoir la France [...]

¹⁰⁸³ Ibid., p. 236.

¹⁰⁸⁴ Ibid., p. 220.

¹⁰⁸⁵ Ibid., p. 220.

¹⁰⁸⁶ Ibid., p. 234-235.

Enfin le temps était si mauvais que l'empereur n'a plus vu son étoile. Il y avait quelque chose entre le ciel et lui »¹⁰⁸⁷.

Ainsi, la défaite de Moscou d'abord et le retournement vers les Bourbons « de qui on n'avait jamais entendu parler » après, sont perçus comme l'effet d'une trahison et non pas vraiment comme un échec politique ou militaire. Voici les mots sur lesquels Napoléon se sépare de ses fidèles soldats : « Mes enfants, nous sommes vaincus par la trahison, mais nous nous reverrons dans le ciel, la patrie des braves. Défendez mon petit que je vous confie : vive Napoléon II ! »¹⁰⁸⁸.

Rien ne se peut se révéler ni plus captivant ni plus rassurant pour l'assemblée de la veillée — mais aussi pour tout ceux qui ont connu la déception de la Restauration — que le portrait de ce personnage à double dimension. D'un côté sa dimension divine, de l'autre sa dimension extrêmement humaine : dans les deux cas quelqu'un qui est proche des plus faibles, des pauvres, du peuple.

Tout en poursuivant notre parallélisme avec la modalité théâtrale il nous paraît important de mettre en évidence une autre analogie qui n'est pas structurelle mais substantielle. Il s'agit de la part de nos deux auteurs — Dumas et Balzac — de la mise en scène de la fonction paternelle, une fonction dramaturgique fondamentale.

Nous venons de le voir, les deux textes montrent un personnage qui chérit et protège ses soldats tout comme un père chérit et protège ses enfants. Napoléon n'abandonne pas ses soldats, il ne les prive jamais de leur dignité, il ne les réduit pas à l'état de mendiants. Il s'agit de l'image du père tout-puissant qui se manifeste mais il s'agit, tout aussi bien, de la fonction dramaturgique de l'autorité. Une fonction qui, dans ce cas spécifique, ne se réfère pas simplement à la figure du père mais plutôt au père tout-puissant, au père-dieu et enfin au père sauveur. Il est évident que cette dernière image fait appel à celle du sauveur que la littérature française du dix-neuvième siècle nous a fait parvenir. Napoléon se présente donc sur la scène se proposant lui-même comme le sauveur, comme celui qui porte le bien et qui combat le mal : le bien serait représenté par les valeurs révolutionnaires et le mal par la monarchie des Bourbons. Son but serait

¹⁰⁸⁷ Ibid., p. 235.

¹⁰⁸⁸ Ibid., p. 238-239.

donc de réorganiser le chaos et rétablir l'ordre : de cette façon sa mission serait accomplie et la fonction d'autorité satisfaite.

Néanmoins le point culminant de notre analyse — l'épisode de Moscou — ne nous montre pas une image unique de l'empereur. En effet, si le Napoléon de la vérité, *le Napoléon du peuple* est sans doute bien enraciné dans la légende dorée avec son mythe du sauveur, le drame de Dumas nous propose une image qui commence à se désagréger. Nous ne sommes plus seulement dans la légende, bien au contraire nous sommes dans la « réalité » et c'est là que l'image commence à se ternir, à perdre son éclat : c'est la défaite de la Bérézina.

Parallèlement, la réflexion sur la fonction paternelle semble nous conduire en dehors des bornes purement littéraires dans lesquelles se situe notre analyse. Nous pourrions supposer une fonction paternelle conçue comme une fonction politique : si la Révolution a désarticulé la société, il faut former à nouveau la structure première du tissu social en rétablissant les valeurs de la famille.

Qui peut nier que l'autorité paternelle ne dépende essentiellement du droit qu'a le père de disposer de ses biens? [...] En effet, n'y a-t-il pas un rapport intime entre l'autorité du Gouvernement et celle du père de famille? Le Gouvernement veut toujours se conserver, le père de famille est naturellement conservateur; le Gouvernement veut l'ordre et la tranquillité dans l'État, le père le veut dans sa famille; l'un veut des citoyens soumis aux lois, l'autre veut aussi des enfants dociles et obéissants.¹⁰⁸⁹

De même :

Le « bon père de famille » est l'homme qui gère rationnellement son patrimoine, et du même coup, sans aucun doute, assure ou prépare le bonheur des siens, mais aussi et d'abord, entretient l'ordonnance domestique pour le profit de la société.¹⁰⁹⁰

¹⁰⁸⁹ Xavier M., *Fonction paternelle et Code Napoléon*, in: « Annales historiques de la Révolution française », n. 305, 1996. p. 465-475, p.469.

¹⁰⁹⁰ *Ibid.*, p. 472.

En même temps il nous semble légitime de nous demander quelles caractéristiques doit avoir celui qui est investi de la fonction d'autorité. Pour cela, nous faisons — chronologiquement — un pas en arrière et nous reprenons une réflexion de La Bruyère à propos *Du souverain ou de la République* :

Que de dons du ciel ne faut-il pas pour bien régner ! [...] une mémoire heureuse et très présente, qui rappelle les besoins des sujets, leurs visages, leurs noms, leurs requêtes ; [...] donner par son autorité et par son exemple du crédit à la piété et à la vertu ; protéger l'Eglise, ses ministres, ses droits, ses libertés, ménager ses peuples comme ses enfants ; [...] avoir des armées nombreuses, les commander en personne ; être froid dans le péril, ne ménager sa vie que pour le bien de son Etat ; aimer le bien de son Etat et sa gloire plus que sa vie ; [...] un génie enfin supérieur et puissant, qui se fait aimer et révéler des siens, craindre des étrangers ; qui fait d'une cour, et même de tout un royaume, comme une seule famille, unie parfaitement sous un même chef, dont l'union et la bonne intelligence est redoutable au reste du monde : ces admirables vertus me semblent refermées dans l'idée du souverain ; il est vrai qu'il est rare de les voir réunies dans un même sujet : il faut que trop de choses concourent à la fois, l'esprit, le *сѣур*, les dehors, le tempérament ; et il me paraît qu'un monarque qui les rassemble toutes en sa personne est bien digne du nom de Grand.¹⁰⁹¹

Il paraît donc nécessaire de remplir ce vide de pouvoir que la Révolution *in primis* a créé, c'est donc principalement l'autorité — du père de famille et du père de la patrie — que Napoléon veut et doit restaurer et cela selon la philosophie qui inspire le Code civil, c'est la loi et non la nature qui fait les pères.

Napoléon dans la caricature russe 1812–1813

Lidia Bérésovaya

Le mythe napoléonien dans la tradition russe historique prend la place spéciale. Napoléon a joué un rôle important dans l'histoire de la Russie, tout

¹⁰⁹¹ Garapon R., *Les caractères de la Bruyère. La Bruyère au travail*, Paris, Société d'édition d'enseignement supérieur, 1979, p.57.

comme la Russie dans le destin de Napoléon. Pendant la marche de l'armée napoléonienne en Russie dans la société russe a augmenté plusieurs fois l'intérêt pour l'image du grand empereur. On ne pas encore inventait pas la photo, et il n'y avait pas portraits de Napoléon sur les toiles des peintres russes. L'image de Napoléon dans la conscience de masse nationale à 1812-1813 était formée par la presse et la peinture, elle développait sa forme satirique — la caricature, qui s'est servie de la technique de l'éclisse nationale. Ainsi apparaît tout un «le cycle napoléonien» des images nationales, à la création desquelles ont pris part les premiers peintres de la Russie : I. Terebenev, A. Venetsianov, I. Ivanov et les autres.

L'absence des représentations de Napoléon était compensée par de nombreux témoignages oculaires, qui dans les conditions de la guerre donnaient à l'empereur français les aspects démoniaques. Le journalisme satirique, particulièrement la revue «le Fils de la Patrie» accentuait l'aspect «scélérat» du conquérant. Cependant le plus grand succès dans la création de l'aspect cliché de Napoléon dans la conscience nationale du début de XIX s. était acquis par la caricature. Le cycle pittoresque 1812-1813 a reproduit, les détails : la redingote de soldat, le bicorne, une petite croissance, la personne fâchée — et l'échec du grand empereur sous les coups de «la matraque de la guerre nationale».

La conscience du mythe napoléonien dans l'œuvre de Claude Simon: les figures entremêlées du guerrier, du rustique et du conquérant

Christophe Luzi

Au fil des romans de Claude Simon, depuis les « Œuvres de l'enquête » dont fait partie *La Route des Flandres* paru en 1960 jusqu'aux plus récentes, *Les Géorgiques* paru en 1981 et *L'Acacia* en 1989, on serait de prime abord tenté de croire que l'évocation des noms de batailles napoléoniennes participe au sein du texte, et comme il est souvent le cas parmi une vaste littérature porteuse du mythe impérial¹⁰⁹², d'une revivification de la

¹⁰⁹² Les exemples de l'évocation du mythe napoléonien abondent en littérature, depuis *Les Misérables* de Victor Hugo jusqu'aux *Mémoires d'outre-tombe* de Chateaubriand,

« mémoire antique » supposée les pérenniser à travers les écrits et les siècles. Ce goût de « l'antiquité » ou plutôt des antiquités, que Nietzsche dans ses *Considérations intempestives*¹⁰⁹³ met à l'index, et qu'il situe dans la continuité pernicieuse et délétère d'une « histoire traités-et-batailles », n'en est pas moins ainsi qu'il nous l'explique, contestataire du véritable sens historique perçu en tant que « force en devenir ». Or ce débat, qui rejoint la question d'une distanciation critique dans l'œuvre simonienne, d'une part à l'égard de l'acte d'écriture, et d'autre part vis-à-vis d'un contenu discursif évoquant habituellement le « déploiement magnifique et grave de la bataille »¹⁰⁹⁴, mérite qu'en soit précisée la lecture.

Le premier des indices textuels extrait de *L'Acacia*, quoique laconique, négocie d'ores et déjà une distance critique entre le point de vue narratif et celui des personnages-soldats de 1914 engagés pour le front de la Somme. Démotivés de tout substrat sémantique, et dénués ainsi d'une réalité terrible à concevoir ou pis encore, à vivre, la « guerre », le « front », semblent pour ces soldats fraîchement enrôlés, et qui voyagent dans un wagon de train, renvoyer à la légèreté préhensile et rassurante des pages que l'on feuillète au gré des manuels de l'enfance, au fil desquelles figurent en lettres d'or les grandes conflagrations napoléoniennes. La signification historique perçue à travers le récit du narrateur se dénuie de tout ancrage à une réalité atroce qui pourtant, lui donna jour naguère, alors qu'elle est en passe de se renouveler. La formulation d'un tel paradoxe évoque en filigrane la métaphore de l'histoire conçue en tant que « bocal » nietzschéen, étiqueté

tous deux contemporains de Napoléon, en passant par des auteurs qui introduisent une vision tantôt distanciée et critique, tantôt grandiose et monumentale des épopées napoléoniennes comme on la trouve dans *L'épopée impériale, les exploits du brigadier Gérard* de Conan Doyle qui écrit notamment au sujet de la bataille de Waterloo, à laquelle participe le protagoniste de son roman, comme s'il était poussé par un mouvement irrésistible de l'histoire : « Devant le spectacle de cette armée splendide et de son apparition aussi belle que majestueuse, je [le personnage de Gérard] ne pus pas me contenir plus longtemps. Je me levai, debout sur mes éperons, j'agitai mon bonnet et je criai : « Vive l'empereur ! » » (*L'épopée impériale*, Robert Lafont, Tome 3, 1957).

¹⁰⁹³ Friedrich NIETZSCHE, *Seconde considération intempestive. De l'utilité et de l'inconvénient des études historiques pour la vie*, Paris, Flammarion, 1988, préface, p. 71 et passim.

¹⁰⁹⁴ L'expression, assez représentative des discours panégyriques mais pernicieux sur la Guerre, est traduite de Lord Byron. Elle fait référence au 18 juin 1815.

sur une « étagère », dont la poussière n'a pas été soufflée, et que l'on n'a plus ouvert depuis longue date.

« Ce fut tout juste si, dans leur comportement [celui des soldats de 1914 partis en train pour le front], quelque chose laissa paraître un imperceptible changement : pas encore inquiets : simplement soucieux — et non pas pour eux, c'est-à-dire pour leurs vies, eux pour qui les syllabes sonores qui composaient les noms de Marengo, Malakoff, Bazeilles ou Lang Son ne signifiaient rien d'autre, victoires aussi bien que défaites, que la seule façon convenable d'exister et de mourir, qui ne concevaient pas d'exercer quelque commandement que ce fût autrement que debout, de préférence dans un endroit dégagé, jumelles en main et bien en vue -, non pour eux, donc, mais comme si, dans leur esprit quelque chose venait gêner, déranger les schémas cent fois étudiés au tableau noir [...] »¹⁰⁹⁵.

Des altièrres postures de stratèges surplombant le champ de bataille, ces soldats ne savent pas qu'ils vont être les tristes victimes. Une posture revisitée, d'ailleurs, par plus d'un tableau de maître¹⁰⁹⁶ comme par exemple celui du peintre Verestchaguine, où l'on peut voir Napoléon perché sur les éminences de Borodino, pendant la défaite de la campagne russe, l'air soucieux et méditatif, avec derrière lui ses généraux munis de jumelles, et faisant écho dans l'œuvre de Claude Simon, à l'épisode de *L'Acacia* où meurt le capitaine de trente ans, les jumelles à la main, un jour de bataille, le 27 août 1914.

Livrés dans l'indifférence la plus totale au démembrement d'une « herse gigantesque et cahotante qui balaie tout sur son passage »¹⁰⁹⁷, les soldats vont mourir dans la « boue » ou les « monceaux d'ordure », sans que puissent se personnifier en eux, les idéaux de gloire et de patriotisme véhiculés par le savoir académique. Le lecteur de *La Route des Flandres* se remémore

¹⁰⁹⁵ Claude SIMON, *La Route des Flandres*, Paris, Minuit, 1960, p.54.

¹⁰⁹⁶ En contrepoint de telles représentations, on peut citer le *Guernica* de Picasso, pour ne faire cas que du plus célèbre d'entre ces tableaux peu reflétistes de la gloire martiale, qui refuse l'esthétique de la célébration militaire à laquelle il préfère l'image angoissante certes, mais aussi plus authentique eu égard à la réalité vécue, du démembrement humain et animal victime du *sparagmos* médéen, de la peur panique des regards, de la dissipation lumineuse et de la dispersion de l'unité organique.

¹⁰⁹⁷ Claude SIMON, *L'Acacia*, Paris, Minuit, 1989, p. 19.

les propos de Georges au sujet du bombardement de la bibliothèque de Leipzig.

« Si le contenu de milliers de bouquins de cette irremplaçable bibliothèque [a] été précisément impuissant à empêcher que se produisent des choses comme le bombardement qui l'a détruite, [il ne voit] pas très bien quelle perte représent[e] pour l'humanité la disparition [...] de ces milliers de bouquins et de papelards manifestement dépourvus de la moindre utilité »¹⁰⁹⁸.

Ce sont les mêmes livres qui servent de relai intertextuel pour conduire le colonel Reixach à une mort absurde sur la route de Solre-le-château vers Avesnes, des livres au sein desquels la restitution horrifiante de la guerre est *non grata* et rendue impossible par cette pétition de principe insurmontable : l'histoire n'écrit pas l'indicible, elle en est la parole lisible. Étudié cent fois sur le « fond des tableaux noirs », le départ des enrôlés de 1914 semble ainsi, et en dépit de l'ignorance des personnages, s'inscrire dans le rite païen et sacrificiel de « l'Histoire mangeuse d'hommes ».

Le paradoxe de départ, on le voit bien, veut ici que l'ignorance soit le fruit inattendu de la culture livresque, une *doxa* trompeuse prodiguée par l'instruction publique à des « enfants naïfs » dans l'esprit desquels le sentiment d'une mort superbe sur le champ d'honneur a été précocement inculqué, comme valant le sacrifice d'une vie. Le leitmotiv parcourt l'œuvre entière de Claude Simon, aurolé du clinquant des combats napoléoniens, et aussi le jugement distancié voire dépréciatif des narrateurs de *La Route des Flandres* ou de *L'Acacia* qui sert de premier viatique à une lecture « naïve ».

On retrouve en effet dans ce dernier roman, toujours gravitant autour de la topique des batailles impériales les plus fameuses, les indices textuels d'une confrontation décevante et périlleuse de la réalité face aux savoirs « antiquaires » de l'histoire, en même temps que la promesse fragile de pouvoir figurer parmi ses annales.

Loin de constituer une finitude de l'existence, la « mort au champ d'honneur » scelle chez le personnage-guerrier en général, et tel qu'il est donné à lire dans le récit simonien, une forme de participation au sacré qui nie le déroulement diachronique de son existence, et lui ouvre la voie, comme c'est en l'occurrence le cas pour le personnage de Reixach, vers une postérité certaine, ainsi que donnent à y réfléchir les lignes suivantes.

¹⁰⁹⁸ Claude SIMON, *La Route des Flandres*, Paris, Minuit, 1960, p. 54.

« Empyrée ?... Oh ! Quelque chose dans le genre de paradis... Mais spécial. Pas le paradis de n'importe qui. Disons : un coin particulier du paradis, un coin supérieur; Disons : une sorte de club réservé. Uniquement pour colonels de cavalerie. Un cercle privé où ils ont le droit de rentrer tout bottés, avec leur cheval, leurs éperons et leur sacré cul vissé sur leur selle. Quoique cet imbécile avait décidé d'y arriver sur un percheron de labour. Pour bien montrer sans doute que son pur-sang super-astiqué avait été tué sous lui. Alors j'imagine que son entrée a dû faire sensation au milieu de tout le beau monde qui l'attendait (ou du moins qu'il devait se figurer l'attendre) pour lui remettre la croix des braves. Ceux d'Azincourt, de Pavie et de Waterloo [...] »¹⁰⁹⁹.

Victime en quelque sorte d'une forme de connaissance universelle, la topique napoléonienne, absorbée par l'inconscient collectif, et dont on pourrait spontanément penser qu'elle est ici passée sous silence, reste tout de même sous-tendue en filigrane par des expressions comme le « beau monde » ou le « cercle privé », au sein desquels sont supposés être promus les officiers supérieurs, commandant un régiment, ainsi qu'à une distinction militaire ayant fait fi de tous les changements de régime en France jusqu'à aujourd'hui, rémanence glorieuse parmi l'éventail des décorations héritées de l'Empire, la « croix des braves ». L'une des désignations communes de la Légion d'Honneur créée en 1802, qui portait en son centre le profil lauré de l'Empereur, en souvenir du sacre du 2 décembre 1804.

Un autre indice discursif, moins évident à déceler cette fois-ci mais mis en relief par un effet de contraste, attire l'attention en raison de sa connotation dysphorique au milieu de ce passage porté de bout en bout par une tonalité faussement enjouée, et où se mêlent de surcroît un recul et une distanciation narratives qui font par exemple qualifier Reixach d'« imbécile » : le « pur-sang-super-astiqué » du colonel est remplacé par un « percheron de labour ».

Parmi les valeurs militaires et ses gloires insignes, cette chute inattendue dans le fil du récit n'est pas innocente. La référence au monde agreste d'où sont issus les Anciens de la Garde, conducteurs de charrue avant d'être partisans de la baïonnette, est ici suggérée métonymiquement par une race équestre, et sa fonction usuelle d'animal de labour. Moins racé que le « pur-sang » mais plus solide, l'attribut dérisoire du cavalier devient par

¹⁰⁹⁹ Claude SIMON, *L'Acacia*, Paris, Minuit, 1989, p. 302.

une inversion heureuse, et dans la perspective d'un intertexte suggestif, le signe d'une accession au mythe. De Reixach pénètre un lieu de mémoire, un peu comme lorsque s'avance sur le champ de bataille, ainsi que le note Erckmann Chatrian dans son roman intitulé *Waterloo*, le « bras droit de l'Empereur ».

« [...] les soldats de la vieille garde étaient presque tous d'anciens paysans d'avant la République, des hommes de cinq pieds six pouces, secs, bien bâtis ; ils avaient conduit la charrue dans le temps pour le couvent et le château : plus tard, ils s'étaient levés en masse avec tout le peuple ; ils étaient partis pour l'Allemagne, la Hollande, l'Italie, L'Egypte, la Pologne, l'Espagne, la Russie [...] ils se regardaient en quelque sorte comme les propriétaires d'une grosse ferme qu'il fallait défendre et même agrandir de plus en plus. Cela leur attirait de la considération, c'était leur propre bien qu'ils défendaient [...] »¹¹⁰⁰.

Un dernier indice tout à fait explicite clôt le mouvement *crescendo* des indices textuels : l'évocation de la bataille de « Waterloo » dénoue toute attente de lecture. La référence napoléonienne est finalement mise en exergue, mais elle a été amenée subtilement, sans aucune évidence préalable, tout au long des lignes qui précèdent. L'attente prometteuse d'une mythification ici désignée par le narrateur sous le terme euphorique d'« empyrée », projette le personnage de Reixach dans la perspective d'une négation radicale de la réalité, vers l'irréel d'un passé verni de gloire militaire, qui justifie l'utilisation discursive de noms de batailles lourdes de renommée.

Un point est toutefois notable, le choix narratif porte sur trois cinglantes défaites françaises, dont la dernière justement, Waterloo, reste dans la mémoire collective et par-delà le texte romanesque, comme associée à la période des Cent-jours et au « Vol de l'aigle », annonciateurs de la fin de l'épopée napoléonienne. Le discours simonien s'intentionnalise ainsi dans le sens d'une réflexion critique sur l'entrée du colonel Reixach aux confins de ce « coin particulier du paradis, un coin supérieur [...] au milieu de tout le beau monde », à travers la mise en place d'un contraste éloquent entre d'une part une gloire artificieuse que s'évertue à glaner le personnage, et d'autre part la réalité d'un revers féroce.

¹¹⁰⁰ Se reporter à Emilie ERCKMANN, Alexandre CHATRIAN, *Waterloo*, H. Holt and company, 1906, 228 p.

A la lecture du passage, le lecteur ne peut que se figurer un parallèle éloquent, mais ici teinté d'ironie, entre la figure romanesque du guerrier de *L'Acacia* et les brillants épigones de l'Empereur. Avec cette nuance que le premier n'a jamais connu l'essor irrésistible vers presque trois décennies d'un règne sans partage. Tout juste a-t-il, en brandissant la pointe de son sabre vers le ciel afin de contrer une rafale de mitraillettes, et pour reprendre ce mot de Thomas Hardy extrait des *Dynastes*, servi de grotesque caricature napoléonienne, et tenté de ne pas perdre « sa dernière chance de bien mourir »¹¹⁰¹. Ainsi le second passage volontairement choisi ici, relève, s'il fallait le résumer en un mot, de la chronique d'une gloire avortée.

D'un point de vue intratextuel et en élargissant la propos à l'œuvre entière de Claude Simon, c'est dans le sillage de « l'ancêtre général d'Empire » que la lignée des Reixach reconduit au fil des générations la tradition d'une geste martiale en conformité avec l'action modèle accomplie à son commencement. Dénuée de tout entendement profane, la belligérance est le seul moyen d'accès à l'empyrée militaire, l'occasion d'une perpétuation du patronyme, de l'honneur et de la gloire dynastiques. L'individu s'illumine ainsi par le mépris qu'ont de leur vie, les générations conquérantes, de telle sorte que s'édifie au fil des âges, une classe paradigmatique de l'homme de Guerre. Que meure un combattant, il en naît un autre capable de se donner en sacrifice et perpétuer ainsi une geste primordiale.

Ainsi, dans *La Route des Flandres*, *Les Géorgiques* et aussi *L'Acacia*, pas un seul descendant mâle, depuis le patriarche jusqu'à l'oncle Charles et au cavalier du régiment de Dragons, ou bien depuis l'aïeul Reixach jusqu'à son « neveu »¹¹⁰² le colonel, n'est étranger aux révolutions, aux batailles ou à l'exode, fût-ce l'arrière-grand-oncle royaliste réticent à toute compromission avec cet « ogre » napoléonien qui part mener de front les campagnes de Russie, « resté caché [l'arrière-grand-oncle] cinq ans dans les bois pour échapper aux gendarmes écumant la campagne à la recherche d'un jeune paysan qu'un ogre dévor[e] par bataillons entiers ou env[oi]e mourir au fond des steppes glacées »¹¹⁰³.

¹¹⁰¹ « L'esprit des bruits qui courent » fait référence à Napoléon pris dans la défaite de Waterloo (Thomas HARDY, *Les Dynastes*, traduit par Yvonne Salmon et Philippe Neel, Paris, Delamain et Bouteleau, 1947).

¹¹⁰² Au sens classique du mot.

¹¹⁰³ Claude SIMON, *L'Acacia*, Paris, Minuit, 1989, p. 70.

De gré ou de force, la descendance guerrière de l'œuvre simonienne est attachée au souvenir du témoin des grandes épopées napoléoniennes qu'elle encense, en reconduisant l'acte quasi-rituel du combat et de la mort violente. De ce dernier naît la postérité, que le narrateur symbolise à travers la noblesse du paros sculpté.

« [Encore des années après la chute et l'exil de Napoléon,] l'arrière-petite-fille du général d'Empire [contemple encore un] buste monumental drapé de marbre, avec sa léonine chevelure de marbre, ses broussailleux sourcils de marbre, son regard de marbre, se dressait, formidable, ironique et sévère dans un coin du salon familial [...] »¹¹⁰⁴.

La correspondance épistolaire de cet ancêtre général d'Empire, désigné dans *Les Géorgiques* sous le nom de L.S.M., met en lumière un personnage élevé au rang de mythe. Elle le situe d'ailleurs, dans la continuité d'une réhabilitation de l'image de l'homme de la Terre, tout comme l'étaient naguère, en écho à cette topique du retour aux valeurs rustiques, les Anciens de la Garde. Les courriers échangés avec son intendante, Batti, méritent à ce sujet quelques remarques.

Nous inaugurons plus haut notre propos sur la notion d'« histoire traités-et-batailles ». Ces lendemains sans certitude qu'instaure la « terreur de l'histoire »¹¹⁰⁵, il semble que la répétition rassurante des tâches guerrières et agricoles serve pour L.S.M. à les maîtriser au fil du récit des *Géorgiques*. Et la difficulté ne consiste pas à contrer brillamment l'inattendu mais bien à l'inscrire dans un mode répétitif. Ainsi n'est-il plus d'événement insolite car le devenir se lit à la lumière du prévisible. Fort des assurances que procure le passé, le général d'Empire use dans ses lettres de la fonction conative du langage par bravade contre cette « terreur ».

De l'hypothèque volontairement prise sur ses terres et ses champs comme sur les investissements, les tranchées ouvertes et les jours de feu, tous les travaux qu'il enjoint à Batti d'accomplir et les tactiques qu'il intime à Jourdan d'appliquer, sont la preuve. Le futur de l'indicatif sert à exprimer cette volonté.

« Vous le ferez faire [...], vous devez sentir [...], vous ferez couper [...], vous les ferez mettre [...], vous m'en direz [...], vous ferez semer [...] vous

¹¹⁰⁴ Ibid., p. 127.

¹¹⁰⁵ Mircea ELIADE, *Le mythe de l'éternel retour. Archétypes et répétition*, Paris, Gallimard, "Idées", 1988, p. 158.

ferez mettre [...], vous direz [...], vous ne laisserez plus [...], vous les ferez [...], vous leur ferez [...], vous y ferez [...] »¹¹⁰⁶.

La nature des ordres donnés aux destinataires ne varie pas, ni ce « style » que retient l'oncle Charles. Tout au plus un changement de référentiel est-il notable, mais sans incidence. Au château de Saint-M.¹¹⁰⁷ où gîtent en l'absence du propriétaire l'intendante Batti, le jardinier, Louis Fabre et des paysans succèdent momentanément les garnisons en poste sur les places fortes de l'île de Vanheren, à Belisle et sur l'Adige mises en péril par les Anglais et par les Autrichiens. Ainsi le général commande son domaine, comme il défend l'Europe de l'Empereur. A la lecture du texte, les injonctions militaires se fondent sur quatre procédés tactiques conventionnels, l'attaque et le contre d'une part, l'appui et le repli d'autre part. Des analogies s'établissent entre les fragments épistolaires où sont notifiées les directives pour son domaine et celles pour ses troupes. De même que les munitions ne doivent jamais manquer dans l'arsenal afin que les hommes de l'île de Vanheren bénéficient « toujours d'une force imposante »¹¹⁰⁸, de même les liliacées et les herbacées que porte la terre ne doivent jamais faire défaut dans les caves du château. Dans la dernière lettre à Batti, L.S.M. exige que soient conservés pour son retour « beaucoup d'oignons, de pois, beaucoup d'ail, des laitues, des chicorées, des choux de toutes espèces, des poireaux, des raves, beaucoup d'oseille, des épinards, des artichauts [...] »¹¹⁰⁹.

Autre illustration, si les défenses militaires sont en mesure de « tenir » la bouche de l'Escaut de telle sorte que « les anglais feront les plus grands efforts pour s'en emparer », alors les fagots de bois entassés peuvent également « garantir » les taillis de façon à ce que les « bestiaux aient plus de peine à y rentrer »¹¹¹⁰. L'effort de positionnement des « fortes garnisons » à Belisle dans le but d'empêcher que les Anglais n'inquiètent les côtes correspond

¹¹⁰⁶ Claude SIMON, *Les Géorgiques*, Paris, Minuit, 1981, p. 464 sq.

¹¹⁰⁷ . Le récit procède, ainsi que pour L.S.M., au gommage romanesque de la référentialité. Il n'évoque ni le personnage de Lacombe-Saint-Michel, ni le château de Saint-Malo en les identifiant clairement.

¹¹⁰⁸ Claude SIMON, *Les Géorgiques*, Paris, Minuit, 1981, p. 465.

¹¹⁰⁹ Ibid., p. 474.

¹¹¹⁰ Ibid., p. 464-5.

à celui que doit mettre en œuvre la jardinier à dessein de « bien regarnir les rivages »¹¹¹¹. Aussi vrai que l'ennemi Autrichien ne doit pas non plus battre en brèche les positions sur l'Adige, une « bonne double haie » doit être plantée pour que l'eau et « les broussailles qu'elles entraînent »¹¹¹² n'y fassent aucune brèche. De même, les ressources champêtres comme les militaires ne doivent pas être laissées en plan.

Autrement dit, aucune des deux *campagnes* n'est à garder en jachère. Les divisions de « canonniers non employés, »⁵ pendant la campagne de l'Adige passent sous son commandement. Quant aux divisions de pruniers, elles seront cultivées de telle manière « que passé le mois de mai il n'y en ait aucune qui se repose et que toutes portent »¹¹¹³. À cette fin, la terre à leur pied doit être retournée « à la grande charrue » comme une bataille labourerait un champ, ce qui rappelle « la herse gigantesque et cahotante »¹¹¹⁴ de la guerre dans la première section de *L'Acacia*. « Les hayes et les petits arbres morts »¹¹¹⁵ devenus infructueux doivent être arrachés comme sont reconstruites les fortifications peu solides. Tandis qu'au creux de « l'ancien lit du ruisseau et attenant au chemin [le général fait] planter dans l'endroit où il ne vient point d'herbe une grande quantité de saules à un pan l'un de l'autre »¹¹¹⁶, il désigne de même le long du rivage de l'Adriatique « l'emplacement de huit batteries, [de canons] »⁴.

Les analogies entre la Terre et la Guerre, réhabilitent les usages de la première par une voie qu'il n'est pas coutume d'évoquer pour cette dernière. Et elles résident, outre ce traitement original, non seulement dans les thèmes indifféremment abordés par voie épistolaire, parmi lesquels se trouvent les provisions agricoles et les réserves militaires, la consolidation des haies et la fortification des places d'armes, le boisement du rivage et la militarisation des côtes, l'exploitation des ressources domaniales et l'utilisation du contingent, le labour champêtre et celui de la bataille, la plantation des arbres et le positionnement de l'artillerie, mais encore dans un lexique

¹¹¹¹ Ibid., p. 467.

¹¹¹² Ibid., 1981, p. 468.

¹¹¹³ Ibid., 1981, p. 464.

¹¹¹⁴ Claude SIMON, *L'Acacia*, Paris, Minuit, 1989, p. 19.

¹¹¹⁵ Claude SIMON, *Les Géorgiques*, Paris, Minuit, 1981, p. 475.

¹¹¹⁶ Ibid., p. 469.

sélectionné pour son ambiguïté, les « divisions »¹¹¹⁷ du régiment et celles du domaine, les « pièces, » d'artillerie et les pièces de terre ou de bois, « tirer de la pierre » d'une carrière et tirer au fusil, la « brèche » faite par l'ennemi et celle faite par l'eau, « planter du lierre » et planter des murailles, les « bottes » de foin, etc. Ces termes fonctionneraient aussi bien, ainsi qu'il est écrit, pour un « précis d'agriculture que pour les consignes militaires ». Ils créent en outre, à travers l'utilisation d'attaches lexicales, une continuité thématique, d'un fragment de correspondance à l'autre.

La méthode du général L.S.M. sert sinon à empêcher, du moins à prévenir les attaques ennemies en même temps qu'elle permet de planifier les travaux bucoliques. À sa faveur sont plus ou moins maîtrisés les soubresauts et les incongrus de la bataille comme les aléas de la récolte. En l'occurrence, elle procure à L.S.M. cette « jouissance particulière » de « boire ou manger ce qui [lui] appartient »¹¹¹⁸, héritée de toute une tradition bucolique, et à laquelle Hésiode fait allusion dans *Les Travaux et les Jours*.

« De fréquents dépôts, même petits, font vite les grandes réserves. Qui entretient son patrimoine écarte la faim ardente. As-tu fait des réserves ? C'est autant de souci en moins : mieux vaut avoir chez soi ce qu'il en coûte d'aller chercher au dehors. Quelle bonne chose que de puiser dans son propre bien ! »¹¹¹⁹.

Cette analogie entre la Terre et la Guerre, poursuivons-là : l'oncle Charles l'établit aussi lorsqu'il assimile les « passages » du Rhin aux « pas »⁸ du domaine. À ses yeux, l'endurance paysanne ne supplée-t-elle pas à la rigueur militaire de son ancêtre ? « Si l'on y réfléchit, dit-il en s'adressant à l'ancien cavalier, les deux choses ne sont pas tellement contradictoires, »¹¹²⁰. Il n'est ni étranger ni inconnu à L.S.M. que le monde rural vit en accord avec le rythme des saisons. Forcément les mêmes pièces de terre sont à défricher puis à labourer toujours aux mêmes époques, les mêmes terrains fertiles à ensemercer, les mêmes vignes à greffer, les mêmes viaducs à conduire et les mêmes haies à reboiser « sans fin ni espoir de fin ». En harmonie avec

¹¹¹⁷ Lucien DÄLLENBACH, *Claude Simon*, « Les contemporains », Seuil, 1988, p. 134 sq.

¹¹¹⁸ Claude SIMON, *Les Géorgiques*, Paris, Minuit, 1981, p. 475.

¹¹¹⁹ HÉSIODE, *Les Travaux et les Jours*, trad. Claude Terreaux, Paris, « Arléa », 1998, p. 103.

¹¹²⁰ Claude SIMON, *Les Géorgiques*, Paris, Minuit, 1981, p. 447.

le cycle saisonnier, ceux qui travaillent et qui labourent, les *laboratores*, aménagent une agriculture circulaire et tripartite. On peut citer les propos de Georges Duby.

« Tous les ans, il [faut] abandonner d'anciens champs que la culture [a] épuisés et en ouvrir de neufs aux dépens des étendues incultes. La lente rotation des terres labourées au sein d'un terroir dont une très large portion était temporairement abandonnée à la végétation naturelle fait en permanence d'un paysan un pionnier »¹¹²¹.

À cette distribution de l'année agricole en fonction des saisons, et conformément à la lecture qu'en donne le texte simonien des *Géorgiques*, correspond chez ceux qui combattent, les *pugnatores*, des migrations périodiques sur les mêmes zones frontalières ou sur d'autres lieux éternellement en proie aux conflagrations, « [...] les mêmes villes à assiéger, les mêmes rivières à traverser ou à défendre, les mêmes tranchées périodiquement ouvertes sous les mêmes remparts : Coblenche, Pavie, Namur, la Meuse, Mantoue, l'Yssel, Anvers, l'Adige, Vérone, Peschiera, Mayence... Prises, franchies, perdues, reprises, reperdues, reconquises de nouveau, reperdues encore, infatigablement, sans fin ni espoir de fin, avec pour seules variantes les prévisibles imprévus des successives coalitions de la pluie, du gel ou de la sécheresse, »¹¹²².

En ce sens l'Histoire reste à façonner. Elle est une guerre à laquelle supplée la main conquérante du guerrier, tout comme la main paysanne au creux de laquelle elle trouve les gestes, forts et rudes, les mouvements justes, rituels, stéréotypés. Tous deux ne servent qu'à empoigner une terre fuyante, à s'approprier ce que l'homme ne fera jamais que perdre, dépenser ou détruire. Cent fois le Paysan et le Guerrier, poussent un rocher jusqu'au

¹¹²¹ Georges DUBY, *Guerriers et paysans. VIe-XIIe siècle premier essor de l'économie européenne*, Paris, Gallimard, « Tel », 1973, p. 225. Cette remarque de Georges Duby sur la vie des paysans médiévaux dans le haut Moyen âge est encore valable plusieurs siècles après puisque l'évolution des us et coutumes paysannes est diachroniquement très progressive. Il n'est donc pas étonnant que les fragments de lettres de L.S.M. insérés dans la cinquième section des *Géorgiques*, et dont Claude Simon rappelle l'attestation historique, fassent une référence implicite à des pratiques agricoles encore en vigueur au dix-neuvième siècle, par exemple « labour[er avant l'hiver] afin que les froids puissent cuire la terre » (*Les Géorgiques, op. cit.*, p. 464).

¹¹²² Claude SIMON, *Les Géorgiques*, Paris, Minuit, 1981, p. 447.

sommet de la butte, pour qu'ensuite il retombe. D'ailleurs, L.S.M. n'est-il pas qualifié de «sisyphéen»¹¹²³ ?

En faisant référence au mythe napoléonien à travers des indices essaimés, et laissés à la découverte patiente du lecteur, les lettres du général L.S.M. dans *Les Géorgiques*, sont le témoignage original d'une conception particulière de la vie militaire et de ses liens indéfectibles avec la vie rustique. D'autres fragments romanesques extraits d'ouvrages comme *L'Acacia* et *La Route des Flandres* et dont on s'est servi afin d'introduire le propos, attestent d'une intertextualité interne à l'œuvre de Claude Simon, donc d'une intratextualité très vivace dans l'ensemble du corpus, sans toutefois que la courte étude proposée ici, épuise le sujet dans son exhaustivité. La fréquentation de lieux, de stratégies, de pratiques entrecroisées font par exemple du général d'Empire L.S.M. l'acteur d'un discours inédit sur la guerre et en particulier, les épopées napoléoniennes, une forme de « mentir-vrai » ainsi que l'écrivait Louis Aragon, bien plus criante de vérité dans son témoignage que l'aridité ou de la partialité des pages institutionnelles d'un manuel d'histoire. N'est-ce pas là encore l'écho cinglant d'une pensée chère à Napoléon, qui affirmait après le 18 juin 1815, une fois dénouée la bataille de Waterloo, que « l'histoire est une suite de mensonges sur lesquels on est d'accord » ?

Napoléon : incarnation d'un mythe littéraire dans l'œuvre de Victor Hugo ?

Stella Colonna

Introduction

Napoléon se distingue des autres personnages historiques par la pluralité et la diversité de ses représentations dans les consciences populaires. Ces figurations oscillantes, voire dichotomiques, sont l'aboutissement d'un imaginaire collectif commun qui s'est mis en place par le biais des écrivains du XIXe siècle qui se positionnaient en faveur ou contre l'Empereur.

Victor Hugo apparaît comme un des écrivains du siècle des Romantiques qui est le plus imprégné de la légende napoléonienne. Ses rapports au futur

¹¹²³ Ibid., p. 244.

Empereur des Français sont complexes. L'Empereur et le jeune poète entretiennent une relation forte, passant de la détestation à l'admiration et au respect.

Ayant reçu une éducation royaliste, le jeune poète n'aura, en premier lieu, de cesse d'invectiver le responsable, selon lui, des nombreux malheurs qui ont marqué sa jeunesse. Tout cela le fera grandir dans la haine du tyran qui a usurpé le pouvoir et sa propre identité vu qu'il est Corse et n'appartient donc pas au peuple français. D'abord sceptique à l'établissement de l'Empire, il finira par se rallier au bonapartisme et deviendra un allié pour l'Empereur en participant à la construction de la légende.

Mais, Napoléon, par le biais de la Grande Armée, parviendra à obtenir le respect du poète qui ne pourra qu'accepter la grandeur impériale. Ainsi, à la figure du tyran, à la représentation de l'usurpateur, se substitue l'allégorie du Géant dont le récit prendra des dimensions épiques. Napoléon n'est plus l'ogre de Corse, l'usurpateur tyrannique. Il devient, dès lors, l'homme qui force l'admiration et suscite le respect. Il évoque, à présent, la figure du conquérant, du guerrier. Victor Hugo fait de son Napoléon un sauveur aux allures singulièrement prométhéennes. Pour le poète, même la défaite et l'exil sont, désormais, à la hauteur du génie napoléonien.

Dans les écrits de Victor Hugo, le mythe prend tout son sens et nourrit, sans conteste, l'imaginaire collectif et culturel de tout un peuple. Par le biais de l'ensemble de l'œuvre hugolienne, nous avons choisi de nous interroger sur la possibilité que Napoléon puisse incarner, à lui tout seul, un mythe littéraire. De surcroît, la notion de mythe littéraire se devra d'être rapprochée et confrontée à celle d'imaginaire culturel. Nous verrons que Victor Hugo dote la légende napoléonienne d'une dimension hautement symbolique et mythique.

Napoléon Bonaparte et Victor Hugo : des rapports complexes

Nous avons choisi de débiter notre étude par une approche historique des rapports ambigus, complexes qui lient Napoléon Bonaparte à Victor Hugo. En effet, l'Empereur et le jeune poète entretiennent une relation forte, passant de la haine à l'admiration et au respect.

En ce sens, nous tenterons de déterminer, historiquement, la jeunesse politique de Victor Hugo. Lui, qui a reçu une éducation royaliste et qui ne peut fatalement que vivre dans la haine de l'Empire, n'aura de cesse

d'invectiver le responsable des nombreux malheurs qui ont marqué sa jeunesse.

Puis, nous verrons comment, dans l'esprit du jeune Hugo, Napoléon en étant assimilé à sa Grande Armée parvient à obtenir le respect du poète qui s'inclinera devant le génie napoléonien.

Enfin, nous tacherons d'analyser en quoi l'année 1827 marque l'adhésion du jeune Hugo au bonapartisme et participe à un début de ralliement à la politique de l'Empereur.

Le jeune Hugo : un royaliste engagé

Ce que nous connaissons de Napoléon 1er à travers l'œuvre de Victor Hugo se résume le plus souvent à « *L'Expiation* » et au récit de la bataille de Waterloo dans *Les Misérables*. Pourtant rien ne prédisposait le jeune Victor Hugo à une telle admiration.

En effet, son cas rejoint celui de Lamartine et de Vigny. Il est un de ces enfants élevés dans le culte des Bourbons et la haine de l'Usurpateur et qui, peu à peu, se sont détachés de ces convictions imposées pour en venir à prendre une position personnelle vis-à-vis de Napoléon.

Le Victor Hugo raconté, dicté par Victor Hugo à sa femme, offre de nombreuses précisions sur l'origine de cette première orientation, et l'explication est à la fois précise et concise : la mère du jeune Hugo est responsable de tout. Sophie Hugo y apparaît comme une royaliste forcenée, réunissant dans une même haine : jacobins, bonapartistes et libéraux. Waterloo est un jour heureux pour elle et sa joie est à son paroxysme à la Restauration. En effet, la matriarche, pour marquer d'avantage son adhésion à la Restauration, ira jusqu'à choisir uniquement du bleu et du blanc pour ses robes, réservant le vert — couleur officielle du régime déchu — à ses chaussures pour mieux souiller « *la couleur de l'Empire* »¹¹²⁴.

De fait, Napoléon I avait brisé la carrière de son amant La Horie et il le fit fusiller en 1812. La Horie, brillant officier, avait en effet appartenu au clan militaire de Moreau opposé à celui du Consul. Condamné au bannissement, il se réfugia chez Madame Hugo qui le cacha longtemps aux Feuillantines. Séparé de son père, le jeune Victor Hugo subit l'influence de La Horie et de son entourage pour lesquels le règne de Napoléon n'était que tyrannie et

¹¹²⁴ Citation extraite de *La Légende de Napoléon et les écrivains français du XIXe siècle* de Maurice Descotes, Paris, 1967, p.187.

despotisme. Dans *Avant l'exil*, Victor Hugo a d'ailleurs rapporté un dialogue significatif dans lequel La Horie est le principal interlocuteur :

« — *Tu disais : cet homme est grand*

— *Oui*

— *Eh bien, quelqu'un est plus grand que Napoléon*

— *Qui ?*

— *Bonaparte*

— *Après Marengo ?*

— *Avant Brumaire [...]. Brumaire, c'est la chute.*

— *De la République, oui*

— *Non, de Bonaparte* »¹¹²⁵.

Victor Hugo a dû, en sa jeunesse, entendre bien des propos sur ce thème et de ce ton.

En ce qui concerne le père de Victor Hugo, nous pouvons dire que si, au contraire de La Horie, il a réussi à sauver sa carrière et à profiter du développement de l'Empire, il apparaît constamment dans l'entourage de ceux qui, si nombreux, tout en profitant du régime, s'en donnaient à cœur joie de le critiquer. Ce n'est certainement pas auprès de son père que Hugo a pu apprendre le culte de Napoléon, le dévouement absolu à l'Empereur. Mais c'est auprès de lui qu'il a éprouvé ses premières admirations pour la Geste des armées impériales. On le verra plus tard mais c'est par le biais des généraux et des grognards que Victor Hugo a fait sa réconciliation avec Napoléon ; l'armée et sa gloire ont joué le rôle d'intercesseurs.

Jusqu'à la mort de sa mère, Hugo resta sous l'emprise du milieu hostile dans lequel il vivait. Le salon de Madame Hugo ne comptait aucun républicain ; et si l'on y trouvait d'anciens bonapartistes, c'étaient des fidèles bien incertains de Napoléon. Ainsi, tous les écrits de jeunesse de Hugo sont placés sous le signe d'Attila, indispensable contrepartie des véhémentes professions de foi royalistes. Si le ralliement intégral aux positions extrême ne date que de 1819 environ, les œuvres antérieures sont déjà pleines de cette vision diabolique de Napoléon.

Le jeune Hugo se contentait là de reprendre les thèmes qu'il entendait développer par son entourage. En 1816, il invectivait cet « étranger », « sans naissance », ce « Corse » qui avait osé « usurper la suprême puissance »¹¹²⁶. Au

¹¹²⁵ Ibid., p. 189.

¹¹²⁶ Ibid., p. 194.

fur et à mesure que se développait sa jeune carrière au sein du parti ultra, le ton ne cessa de monter et les accusations se firent de plus en plus précises. En 1818, Hugo écrit « *quand je vois un Bourbon, mon cœur se sent Français* »¹¹²⁷. Napoléon apparaît, sous la plume de Victor Hugo, comme un conquérant à l'ambition dévorante, un despote né de l'anarchie : il ne faisait, selon le jeune Hugo royaliste, que pousser jusqu'en ses plus extrêmes conséquences la Révolution dont il était issu. D'ailleurs, en 1821, le journal le Défenseur affirme qu'il appartient bien à « *l'élite des écrivains royalistes* »¹¹²⁸. En effet, comme le Marius des Misérables, il ne voit dans la République qu'une « *guillotine dans le crépuscule* » et dans l'Empire, « *un sabre dans la nuit* »¹¹²⁹.

Napoléon et la grande armée ou l'acceptation de la grandeur impériale par Victor Hugo

C'est l'ode « *A mon père* » (1823) qui détermine le virage politique de Victor Hugo. En effet, un début de reconnaissance de la magnificence de l'épopée napoléonienne est en marche. Mais il nous fait tout d'abord préciser dans quelles conditions s'est déclenché le mouvement. Une influence directe et personnelle du père de Hugo est à exclure. En effet, en 1823, le Général demeure encore pour son fils une sorte d'inconnu. Ils ont très peu vécu ensemble : en Italie, en 1808, en Espagne, en 1811, en 1814 et 1815 au cours de passages à Paris. La mort de la mère ne parviendra pas à resserrer, du moins au début, des liens certains entre eux. Néanmoins, par ce père, Victor Hugo éprouve une fierté importante à être le fils d'un grand soldat. Il a conscience d'être lié personnellement à la grande aventure militaire de l'Empire qui a pris déjà pour lui une ampleur de geste épique. En 1823, Napoléon est toujours pour lui Attila mais ceux qui l'ont servi sous les armes sont des héros.

Victor Hugo aborda l'Empereur par le biais des soldats de la Grande Armée et nous avons pu constater que les évocations des exploits militaires de l'armée napoléonienne sont innombrables dans l'œuvre hugolienne. Elles figurent pour la plupart dans les recueils en vers, exception faite des *Misérables*. Ces évocations passent par l'inévitable rappel des victoires que Victor Hugo énumère avec un évident plaisir. Il les accumule généralement

¹¹²⁷ Ibid.

¹¹²⁸ Ibid., p195.

¹¹²⁹ Troisième Partie : Marius. Livre Troisième, Le Grand-père et le petit-fils, « *Ce que c'est d'avoir rencontré un marguiller* », VI, in Les Misérables de Victor Hugo. *Op.cit.*, p.645.

en peu de vers de sorte qu'il réussit à donner une impression de rapidité qui fait écho à la réalité des campagnes menées par l'Empereur et à la stratégie napoléonienne. Quelques exemples suffisent à le montrer :

*« Les Alpes se courbant sous sa marche tonnante,
Le Nil, le Rhin, le Tibre, Austerlitz rayonnante,
Eylau froid et brumeux »*¹¹³⁰.

Ou encore :

*« On ne vit plus qu'Essling, Ulm, Arcole, Austerlitz »*¹¹³¹.

Et enfin :

*« Il suffit d'Iéna pour entrer à Berlin.
D'Arcole pour entrer à Mantoue, ô grand homme !
Lodi mène à Milan, Marengo mène à Rome,
La Moskowa mène au Kremlin »*¹¹³².

Cette dernière citation montre que Victor Hugo reconnaît la part de l'Empereur dans ces victoires. C'est effectivement à ce dernier qu'en revient le mérite. Sous ces références fréquentes, nous pouvons indubitablement déceler une profonde admiration pour le génie militaire qui a donné cette grandeur à la France. En effet, dans cette même perspective, la bataille d'Austerlitz est mentionnée à de nombreuses reprises dans le seul recueil des *Châtiments*. La victoire de Napoléon, le 2 décembre 1805, sur les Empereurs d'Autriche et de Russie, symbolise toutes les victoires réunies ainsi que la gloire suprême qu'atteignit l'Empire à ce moment là. De plus, si le prestige des batailles rejaille directement sur l'Empereur, elles soulignent, de surcroît la grandeur de la France.

Cependant, Napoléon n'a pas à lui tout seul remporté « cent victoires »¹¹³³ : la Grande Armée y fut pour beaucoup. Aussi Victor Hugo s'attarde-

¹¹³⁰ « *A la Colonne* », II, in *Les Chants du crépuscule de Victor Hugo*, Paris, 2007, p.35.

¹¹³¹ « *L'Expiation* », Livre V, XIII, in *Les Châtiments de Victor Hugo*, Paris, 2000, p.234-248.

¹¹³² « *Le Retour de l'Empereur* », in *Poésies I de Victor Hugo*, Tours, 1972, p.473-477.

¹¹³³ Ibid.

t-il sur le courage extraordinaire dont firent preuve tous ces hommes, qu'ils soient simples soldats ou officiers. Ainsi, sous la plume hugolienne, les vieux généraux se transforment en héros antiques :

« *Ils sont là tous ces vieux généraux
Morts un jour de victoire en antique héros* »¹¹³⁴.

Ils deviennent également des modèles exemplaires. Après la Révolution de 1830, Victor Hugo s'adresse aux insurgés et leur dit :

« Vous êtes les aînés d'une race de braves,
Vous êtes les fils des géants ! »¹¹³⁵.

Mais cela n'est pas tout. Victor Hugo met également l'accent sur le rôle spécifique joué par la garde impériale au sein de la Grande Armée. Déjà, dans *La Légende des siècles*, Victor Hugo note sa parfaite obéissance à l'Empereur :

« Vous fronciez le sourcil, ô figure idéale,
Alors tout était dit. La garde impériale
Faisait trois pas comme les Dieux »¹¹³⁶.

Plus tard, dans *Les Misérables*, Victor Hugo met en scène, de façon somptueuse, l'héroïsme de la garde de Waterloo. Elle intervient alors que tout est déjà perdu. La garde impériale apparaît comme le dernier ressort de l'Empereur même si la conscience collective est unanime : l'effort est vain. Les ennemis sont pris de respect lors de son entrée sur le champ de bataille : « *Quand les hauts bonnets des grenadiers de la garde avec la large plaque à l'aigle apparurent, symétriques, alignés, superbes, tranquilles dans la brume de cette mêlée, l'ennemi sentit le respect de la France ; on crut voir vingt victoires*

¹¹³⁴ « *A M. LOUIS B.* », Les Feuilles d'Automne, vers 95-96, in *Poésies I* de Victor Hugo, Tours, 1972, p.279.

¹¹³⁵ « *Dicté après juillet 1830* », I, in *Les Chants du crépuscule* de Victor Hugo, Paris, 2007, p.26.

¹¹³⁶ « *Le Retour de l'Empereur* », in *Poésies I* de Victor Hugo. *Op.cit.*

*entrer sur le champ de bataille... »*¹¹³⁷. Leur conduite fut irréprochable. Ils luttèrent avec force et courage jusqu'au dernier : « *La garde impériale sentit dans l'ombre l'armée lâchant pied autour d'elle, et le vaste ébranlement de la déroute, elle entendit le sauve-qui-peut ! qui avait remplacé le vive l'empereur ! Et, avec la fuite derrière elle, elle continua d'avancer, de plus en plus foudroyée et mourant davantage à chaque pas qu'elle faisait. Il n'y eut point d'hésitants ni de timides. Le soldat dans cette troupe était aussi héros que le général. Pas un homme ne manqua au suicide »*¹¹³⁸.

A la lecture de ce passage, nous ne pouvons que reconnaître que Victor Hugo possédait vraiment le sens du tragique et celui de l'épopée. Il faut également remarquer encore une fois qu'il rejoint l'Empereur par l'image qu'il donne de cette troupe d'élite. Ses membres étaient recrutés selon des critères très stricts. Son rôle était double : elle assurait la sécurité de l'Empereur et constituait la réserve de l'armée. L'attention particulière que lui accorda toujours Napoléon et le mystère entretenu autour d'elle, furent les éléments constitutifs de sa légende. En outre, Napoléon l'immortalisa en écrivant à Sainte-Hélène : « *Si jamais nous en avons le loisir, il nous faut écrire l'histoire de ma Garde. Ce livre sera comme un monument indestructible que j'élèverai à la mémoire de ces braves. Jamais il n'y eut plus bel assemblage d'hommes intrépides que dans ce corps d'émulation et de récompense où l'on n'était admis qu'avec des qualités physiques et morales longuement éprouvées... »*¹¹³⁹.

Ainsi, la Grande Armée est-elle l'objet d'une grande admiration de la part des deux hommes. Le courage des soldats, le fait que le père de Victor Hugo en ait fait partie ne semble pas justifier un tel attachement. A contrario, le profil de Napoléon se dégage derrière ce brillant éloge. Cette armée a en effet un chef : il se nomme Napoléon. Que des hommes exceptionnels soient au service de l'Empereur, acceptent sans sourciller de donner leur vie pour lui, rehausse considérablement le prestige napoléonien qui serait, évidemment, bien moindre si ces hommes n'étaient pas aussi valeureux. Cette hypothèse est renforcée par l'attachement indéfectible

¹¹³⁷ Deuxième Partie : Cosette. Livre Premier, Waterloo, « La Garde », XII, in *Les Misérables* de Victor Hugo, Normandie, 2001, p.351.

¹¹³⁸ *Ibid.*, p.351-352.

¹¹³⁹ Citation extraite de *La Vie quotidienne dans les armées de Napoléon* de Marcel Baldet, Paris, 1964, p.76.

que portent les soldats à leur chef. Un tel sentiment n'existe que parce que Napoléon le mérite. C'est justement cette fidélité que Victor Hugo exploite à loisirs dans son œuvre.

Historiquement cette fidélité semble tout à fait attestée et ne fit effectivement jamais défaut à Napoléon I. Ce pacte indestructible s'étend en définitive bien au-delà des troupes impériales. Le peuple, tout entier, suivit Napoléon en toutes circonstances et Victor Hugo, en le reconnaissant, apporte sa pierre à l'édifice de la légende populaire qui accompagna toujours l'Empereur :

*« Peuple qui sous vos pieds mettrait les lois de Sparte,
Qu'embrase votre esprit, qu'enivre votre nom,
Et qui flotte, ébloui, du jeune Bonaparte
Au vieux Napoléon »¹¹⁴⁰.*

Napoléon, en étant associé à la Grande Armée, à la Garde Impériale, parvient à obtenir le respect de Victor Hugo. L'opinion du jeune royaliste a connu un virage politique sans précédent et l'adhésion au bonapartisme est sur le point de se faire.

1827 : l'année de l'adhésion au bonapartisme

C'est l'année 1827 qui marque l'adhésion définitive de Victor Hugo, sinon au bonapartisme, du moins au culte légendaire. Avec la fameuse Ode « *A la Colonne* », la transformation est achevée. Et le ralliement s'opère au fil du temps.

En effet, un incident, plus bruyant que les autres, provoqua l'éclatante prise de position de Victor Hugo. Le gouvernement autrichien avait décidé, en effet, de refuser de reconnaître aux Maréchaux les titres qui semblaient instituer des fiefs dans ses domaines, tout en admettant ceux qui rappelaient simplement des victoires, comme Essling ou Wagram. Et le 9 février 1827, *Le Journal des Débats* publiait la flamboyante Ode de Victor Hugo qui se référait directement à l'incident :

*« Mais non ; l'Autrichien, dans sa fierté qu'il dompte,
Est content, si leurs noms ne disent que sa honte ;
Il fait de sa défaite un titre à nos guerriers,*

¹¹⁴⁰ « *Le Retour de l'Empereur* », in *Poésies I* de Victor Hugo. *Op.cit.*

*Et, craignant des vainqueurs moins que des feudataires,
Il pardonne aux fleurons de nos ducs militaires,
Si ce ne sont que des lauriers ! »¹¹⁴¹.*

L'Ode est d'abord cet hommage aux vieux héros, sculptés par la victoire, un plaidoyer sonore pour la défense de l'intégrité de leur gloire :

*« D'où vient tant de courage à cet audacieux ?
Croit-il impunément toucher à nos annales ?
Et comment donc lit-il ces pages triomphales
Que tu déroules dans les cieux ?
Est-ce un langage obscur à ses regards intimes ?
Eh ! qu'il s'en fasse instruire aux pieds des Pyramides,
A Vienne, au Kremlin, au morne Escorial !
Qu'il en parle à ces rois, cour dorée et nombreuse,
Qui naguère peuplaient d'une tente poudreuse
Le vestibule impérial ! »¹¹⁴².*

En décembre 1827, la conversion de Victor Hugo s'achève. La Grande Armée l'a définitivement réconcilié avec l'Empereur. Et l'Orientale intitulée « Lui » atteste de la perfection de l'évolution. Il est visible que le poète fait encore un effort pour échapper à l'envoûtement qui désormais le possède : quelques fragments de phrases tentent de rappeler que ce Lui éclatant, envahissant, fut aussi Attila :

*« Oui, quand tu m'apparais, pour le culte ou le blâme [...]
Tu domines notre âge ; ange ou démon, qu'importe ?
Ton aigle dans son vol, haletants, nous emporte.
L'œil même qui te fuit te retrouve partout
Toujours dans nos tableaux tu jettes ta grande ombre ;
Toujours Napoléon, éblouissant et sombre,
Sur le seuil du siècle est debout »¹¹⁴³.*

¹¹⁴¹ Ode septième, « A la Colonne de la place Vendôme », III, in Odes et Ballades de Victor Hugo. Paris, 2006, p.187-193.

¹¹⁴² *Ibid.*

¹¹⁴³ « Lui », XL, vers 76, puis vers 79-84. *Ibid.*, p.256-257.

Ces quelques restrictions ne pèsent pas lourd dans l'élan général qui emporte le poème vers la déification. Le poème est confus par la multiplicité des évocations, fondées sur l'image des grandes scènes traditionnelles : Vendémiaire, le 18 Brumaire, le Kremlin, le Nil. Seul est développé le thème de la captivité à Sainte-Hélène, avec une insistance qui montre à quel point Hugo est alors imprégné de la lecture du *Mémorial*. De l'ensemble, se dégagent deux idées essentielles : l'omniprésence de Napoléon dans le monde et dans le siècle, et l'envergure épique de l'aventure impériale. Et, sur ce dernier point, toute restriction est levée puisque la gloire des armées n'est plus distinguée de la gloire de celui qui les y conduit.

L'évolution est désormais en marche. Il nous faut à présent relever, de manière chronologique et succincte, les grands moments, qui succèdent l'année 1827, de l'explosion de l'enthousiasme napoléonien du poète :

1830, c'est-à-dire le moment où s'instaure la nouvelle monarchie qui aurait pu être, déjà, un Second Empire.

1840, retour des Cendres de l'Empereur

l'Exil du poète, longue époque au cours de laquelle la figure de Napoléon I va sans cesse servir de repoussoir à celle de Napoléon III qu'il nommera Napoléon le Petit.

L'année 1830 consacre la rupture de Victor Hugo avec ses convictions antérieures. En effet, la préface de *Marion de Lorme* (1831) s'applique à présenter ses opinions royalistes comme des illusions : « *il se souvint que, jeté à seize ans dans le monde littéraire par des passions politiques, ses premières opinions, c'est-à-dire ses premières illusions, avaient été royalistes et vendéennes* »¹¹⁴⁴.

Le culte rendu par Hugo à l'Empereur ne connaît donc plus aucune entrave. Le passé est liquidé et nous ne pourrions relever que quelques nuances éparées qui rappelleront les erreurs d'antan de « *ce passé, passé d'erreur* »¹¹⁴⁵.

Napoléon : la représentation du Géant dans l'œuvre hugolienne

Il nous paraissait intéressant d'axer notre étude sur la représentation du Géant dans l'œuvre hugolienne. Napoléon n'est plus l'ogre de Corse,

¹¹⁴⁴ Préface de *Marion de Lorme* in Théâtre de Victor Hugo. Paris, 1979, p.164.

¹¹⁴⁵ Ibid., p.165.

l'usurpateur tyrannique. Il devient, dès lors, l'homme qui force l'admiration et suscite le respect.

En ce sens, nous nous intéresserons à l'obsession de Napoléon dans le *Cromwell* de Victor Hugo et voir en quoi la pièce se fait le plus riche écho de la mutation du jeune royaliste en partisan du bonapartisme.

Puis, nous étudierons l'image du sauveur incarnée par Napoléon qui porte en elle des allures hautement prométhéennes.

Enfin, nous tenterons d'analyser la défaite et l'exil de Napoléon dans l'œuvre hugolienne et voir en quoi elle procède d'une fabuleuse mise en mot, à la hauteur du génie napoléonien.

La présence de Napoléon dans le *Cromwell* de Victor Hugo

Une place particulière doit être accordée au *Cromwell* de Victor Hugo. Si quelques allusions à l'histoire impériale se dessinent dans *Hernani*, *Ruy Blas*, et *Les Burgraves*, *Cromwell* est, dans le théâtre hugolien, la seule œuvre qui porte en elle le spectre de l'obsession napoléonienne.

Ce drame en vers est composé de cinq actes dédiés au père de l'auteur. Hugo a commencé la rédaction de *Cromwell* en octobre 1826, c'est-à-dire alors que se trouvait à peu près achevée l'exemplaire évolution qui allait transformer définitivement le jeune adversaire de l'ogre de Corse en poète de « *l'Ode à la Colonne* » (février 1827). La pièce paraît en 1827 au moment du revirement de Victor Hugo en faveur de Napoléon I. Le texte est dense, les personnages nombreux, à tel point que l'œuvre ne put jamais être représenté sur une scène de théâtre. La Préface constitue en elle-même une œuvre à part entière. Elle pose en effet les principes du Romantisme. Victor Hugo allait, grâce à cette Préface, devenir pour un temps le chef de file de ce nouveau mouvement littéraire.

De fait, dans cette dernière, Hugo entend lever toute équivoque : son *Cromwell* n'est pas sorti tout armé de son imagination ; protagonistes et comparses ont réellement animé les situations décrites qui, elles aussi, appartiennent à l'Histoire. En effet, l'aventure de Cromwell, telle que la conçoit Hugo, n'a pu prendre vie, dans l'imagination du poète, que parce qu'elle révélait, en filigrane, les aventures de ceux qui venaient de faire l'histoire contemporaine.

La pièce met en scène Cromwell à un moment très précis de son existence. Il hésite à s'octroyer le titre de roi. Cromwell face à l'opposition des Têtes Rondes et des Cavaliers, qui veulent le faire trébucher sur les

marches du trône, c'est Napoléon assailli, alors qu'il s'achemine vers l'Empire, par la double opposition des Républicains et des Monarchistes. De surcroît, les événements qui se produisent, le personnage même de Cromwell évoquent inlassablement Napoléon. Victor Hugo est tellement imprégné par sa fascination qu'il rapproche étroitement le destin des deux hommes. La comparaison était tentante car les points de ressemblance sont nombreux.

Les raisons qui ont poussé Victor Hugo à élaborer un Cromwell, où l'obsession du géant Napoléon est décelable, tiennent dans l'air du temps.

Tout d'abord, la réussite des deux hommes est en premier lieu le résultat d'un combat acharné car l'un comme l'autre n'étaient pas issus de milieux privilégiés Cromwell appartenait à une famille modeste.

De plus, avant d'occuper le devant de la scène, les deux hommes furent des chefs militaires. On connaît le retentissement de la campagne d'Italie menée par Bonaparte. Cromwell, quant à lui, fut l'homme de la féroce répression du soulèvement de l'Irlande en Août-Septembre 1649. Les rôles politiques qu'ils ont joués se ressemblent aussi étrangement. Dans les deux pays, une révolution populaire a instauré la République sur les ruines d'un trône renversé. C'est, pour Cromwell et Napoléon, le début d'une carrière. Mais il se trouve, que les deux hommes une fois au pouvoir, se transformèrent peu à peu en tyran. Ils souhaitent alors obtenir le titre de Roi ou d'Empereur tout en reniant les principes de la Révolution qui les a vus naître. Cette entreprise leur attire des opposants : les Têtes Rondes et les Cavaliers d'un côté, les Républicains et les Monarchistes de l'autre. Des complots se préparent pour empêcher les deux hommes d'accéder au trône.

Napoléon I et Cromwell ont écrit une page d'Histoire qui se ressemble jusque dans leur chute. Le Cromwell de Victor Hugo, c'est Napoléon I avant le 18 brumaire, c'est-à-dire l'Empereur idéal qu'il a toujours souhaité. Le portrait que trace Victor Hugo de Cromwell comporte quelques traits peu élogieux. Cromwell est un fourbe, un hypocrite, un héros de guerre civile, un scélérat habile, un chef de parti, alors que Napoléon est le maître d'une nation. Il arrive même à Hugo de reprendre dans Cromwell des images utilisées par l'Empereur. On connaît la célèbre formule de Napoléon à propos du trône, simple assemblage de planches. Elle est reprise par Cromwell

« Qu'est-ce, un trône d'ailleurs ? un tréteau sous un dais,
Quelques planches, où l'œil de la foule s'attache,
Changeant de nom, selon l'étoffe qui les cache.
Du velours, c'est le trône ; un drap noir, — l'échafaud ! »¹¹⁴⁶.

La filiation entre Cromwell et Napoléon est, en outre, attestée par le poète lui-même qui écrit par ailleurs dans *Histoire d'un crime* : « Cromwell, le plus ancien des Bonaparte »¹¹⁴⁷. De plus, l'entourage de l'Empereur est reproduit dans *Cromwell*. La Cour d'Angleterre a des allures de Cour Impériale. La famille du Lord Protecteur se conduit comme celle de Napoléon. Les filles de Cromwell se disputent autour du trône, comme se querellaient les sœurs ou les frères de l'Empereur. Les sœurs de Napoléon s'entredéchiraient, effectivement, pour l'attribution des titres.

En somme, cette famille, conduite là par hasard, rappelle incessamment les origines de Cromwell ou de Napoléon. Elle est aussi lourde à porter pour les deux hommes car elle est l'objet de moqueries de la part des nobles de naissance. Quoiqu'elle fasse, elle ne peut qu'avoir l'air ridicule. Elle n'occupe pas une place qui lui convient.

Il nous faut quand même nuancer le parallélisme. En effet, si Cromwell ne détient pas toutes les clés, l'œuvre a toutefois recueilli les échos de la transformation de Victor Hugo à un moment où il n'allait pas tarder à devenir le chantre de l'Empereur. La pièce demeure le reflet des prémices d'une adhésion au bonapartisme qui s'exprime en particulier par le choix du sujet. Cromwell hésite à se faire nomme Roi et finalement malgré toutes les tentations, il refusera. Napoléon, lui, n'eut pas la force de résister.

Napoléon, le sauveur : une thématique napoléonienne aux allures prométhéennes

Dès à présent, nous nous proposons d'étudier une des thématiques napoléoniennes par l'instauration de l'image du sauveur. En effet, l'époque napoléonienne fut celle du retour de l'ordre après le chaos révolutionnaire, du retour à la civilisation après une période teintée de barbarie dominée par le sang et les flammes. La peur a régné despotiquement trop longtemps

¹¹⁴⁶ Acte II, scène 15, vers 1941-1944, in *Cromwell* de Victor Hugo, Paris, 1968, p.223.

¹¹⁴⁷ *Histoire d'un crime* de Victor Hugo. Paris, 1987, p.438.

et a semé le doute dans les esprits, par conséquent Napoléon apparaît comme l'homme de confiance qui rassure. Lui, montre clairement la voie qu'il veut faire prendre à la France. Il apparaît comme l'homme qui a pour projet d'insuffler au pays du renouveau et fait donc figure d'homme-providentiel, de sauveur qui va sortir le pays de cette phase transitoire qui suit la Terreur. Napoléon se voit associé à un retour au calme après la tempête révolutionnaire. Cependant il ne s'agit pas d'un calme léthargique. Cette phase d'accalmie n'est pas privée pour autant d'un aspect dynamique et conquérant.

Ainsi, pour la majorité des Français, Napoléon évoque la gloire militaire ainsi que le salut de l'esprit de la Révolution et les faits viennent corroborer cette image glorieuse. L'amélioration des conditions de vie des Français et ses conquêtes successives ne cessent de confirmer Napoléon dans ce statut de chef d'Etat heureux et bienveillant et de guerrier héroïque. Ainsi, la notion d'héroïsme subit un regain d'enthousiasme. A partir de 1830, dans cette atmosphère de désillusion, la mythologie napoléonienne resurgit plus puissamment que jamais. Ce personnage titanesque reprend une place importante dans l'imaginaire de cette époque. Pendant sa période de gloire, Napoléon s'était attiré la haine d'hommes en vue dans le milieu des Lettres car il était trop autoritaire, mais après sa mort, nous assistons au revirement de nombreuses personnalités. La notion d'héroïsme revient au premier plan avec ce regret de l'homme fort, dans cette frustration liée à l'inaction. Toute une littérature s'attache à redorer la légende napoléonienne à travers des comparaisons mythologiques. En effet, le changement de point de vue de Chateaubriand concernant Napoléon est particulièrement frappant. Après avoir fortement critiqué Napoléon qui l'avait contraint à l'exil, il découvre en lui certains aspects positifs et écrit, lui si hostile au Napoléon-Attila, que « *Bonaparte a fait son siècle* »¹¹⁴⁸.

En outre, une place toute particulière est accordée au talent d'organisateur de Napoléon. Et ce trait de caractère permet de l'assimiler à Prométhée qui a très souvent été perçu comme un civilisateur, un organisateur de la société humaine. Cet aspect particulier qui relie Napoléon à Prométhée nous le retrouvons chez Goethe notamment qui, dans son ouvrage intitulé Prométhée, nous présente non seulement la figure du titan-créateur des hommes mais aussi la représentation de l'éducation, de la législation, de l'organisation de

¹¹⁴⁸ Vie de Napoléon de François-René Chateaubriand. Paris, 1999, p.30.

la société dans le personnage titanesque de Prométhée. A partir de ce constat, Napoléon apparaît comme l'homme capable de reconstruire une nouvelle société sur les ruines de l'ancien ordre. Chateaubriand reconnaît ce talent d'organisateur de la société qu'il découvre rétrospectivement en Napoléon. Il associe ainsi Napoléon à la rigueur, à la force, à l'intelligence et représente alors une figure rassurante. Sous la plume des romantiques, l'image titanesque de Napoléon se voit offrir la possibilité de s'épanouir. Ils accordent une place singulière à la fin tragique et manifestement prométhéenne de l'Empereur. Nous trouvons une illustration très représentative de ce phénomène dans l'œuvre de Victor Hugo.

Les lecteurs des *Misérables*, œuvre qui bien qu'achevée en 1862 a vu sa rédaction commencer beaucoup plus tôt, sont les témoins de cette régénération du mythe. Le mythe est associé aux temps héroïques de la Révolution et de la Constitution. C'est plus particulièrement dans le livre consacré à Waterloo que la figure du sauveur, du héros libérateur est indubitablement mise en exergue. Il se positionne en tant qu'homme qui prend la défense de la liberté, de l'humanité contre les réactionnaires de tous pays. Il devient alors celui qui va lutter seul contre tous, qui ose s'attaquer à Dieu lui-même et rejoint en cela la figure prométhéenne. Cependant Hugo n'omet pas de signaler l'horreur que ces affrontements sanglants suscitent afin de ne pas sombrer dans une description manichéenne ; et la glorification de Napoléon ne sera complète que lorsque, par l'intermédiaire d'un des personnages principaux du roman : Marius, l'Empereur responsable de tant de guerres meurtrières sera réhabilité. Le romancier développe longuement la bataille de Waterloo, imaginant ces prairies regorgeant du sang des victimes de ce carnage mais nous montre ensuite Marius suivant le même cheminement de pensée que ses contemporains. A travers les yeux éblouis de Marius, qui s'approprie le mythe à travers ses lectures, Napoléon prend pour la première fois sa stature de Titan. Nous apprenons que « *cette histoire où il venait de mettre les yeux l'effarait [...]. Il venait d'y regarder, et là où il s'attendait à ne trouver qu'un chaos de ténèbres, il avait vu avec une sorte de surprise inouïe mêlée de crainte et de joie [...] se lever un soleil, Napoléon* »¹¹⁴⁹. L'image lumineuse véhiculée par l'aura napoléonienne prend ici toute sa force. Hugo se plaît à jouer d'une écriture en clair-obscur pour

¹¹⁴⁹ Troisième Partie : Marius. Livre Troisième, Le Grand-père et le petit-fils, « *Ce que c'est d'avoir rencontré un marguillier* », VI, in *Les Misérables* de Victor Hugo. *Op.cit.*, p.645.

mettre d'autant plus en relief cette métamorphose du mythe napoléonien. Il expose explicitement le contraste qui s'instaure entre la légende noire et la légende dorée : « *De la réhabilitation de son père, il avait naturellement passé à la réhabilitation de Napoléon. [...] A partir de ce moment, tout fut dit. L'Ogre de Corse, — l'usurpateur, — le tyran, — le monstre qui était l'amant de ses sœurs, — l'histrion qui prenait des leçons de Talma, — l'empoisonneur de Jaffa, — le tigre, -Buonaparté, — tout cela s'évanouit et fit place dans son esprit à un vague et éclatant rayonnement où resplendissait à une hauteur inaccessible le pâle fantôme de marbre de César. [...] Napoléon devint pour lui l'homme-peuple comme Jésus est l'homme-Dieu* »¹¹⁵⁰.

Hugo recense ici toutes les figures sanguinaires auxquelles on affiliait Napoléon. Ces représentations cauchemardesques ne résistent pas à la lumière du jour et elles disparaissent sous la lueur de la vérité. La légende dorée, par l'image du sauveur, prend toute sa dimension et supplante indéniablement la légende noire.

La chute de l'Empereur chez Victor Hugo : défaite et exil à la mesure du génie napoléonien

Napoléon I, auréolé de ses victoires, s'inscrivant dans la lignée des grands conquérants, est jusqu'alors apparu formidable et invincible sous la plume hugolienne. Cependant, sa perte y est inscrite de par sa puissance même. Il est inimaginable qu'un homme puisse concentrer impunément autant de gloire. La fatalité, qui revêt plusieurs aspects différents chez Victor Hugo, s'abat progressivement sur l'Empereur. Les châtiments furent terribles, à la mesure de la grandeur de cet homme. Ils prirent en premier lieu la forme de la terrible défaite qui conduisit Napoléon à Sainte-Hélène.

Une place toute particulière doit être accordée à cet épisode car pour Victor Hugo il s'agit d'une vengeance surnaturelle, la seule possible qui frappe l'Empereur par le biais de la bataille de Waterloo.

Les faits parlent d'eux-mêmes. Un an après sa première abdication et son exil à l'île d'Elbe, Napoléon revient pour tenter de rétablir sa position. Mais ce régime, même s'il se pare moins d'autoritarisme, n'en est pas moins insupportable aux ennemis de l'Empire. Napoléon I, condamné à une victoire définitive, se voit donc obligé de repartir en campagne avec son armée. Et là, alors que rien de le laissait prévoir, c'est Waterloo. Napoléon, quelques années

¹¹⁵⁰ Ibid., p.646 et 648.

plus tard, à Sainte-Hélène, ne s'expliquait toujours pas les raisons d'une telle défaite et la mettait, comme Victor Hugo, sur le compte du destin : « *Journée incompréhensible ! Concours de fatalités inouïes ! [...] Singulière campagne où, dans moins d'une semaine, j'ai vu trois fois s'échapper de mes mains le triomphe assuré de la France et la fixation de ses destinées !* »¹¹⁵¹. D'innombrables ouvrages ont tenté depuis lors d'expliquer Waterloo. Ils ont parfois insisté sur un Napoléon physiquement diminué fatigué, qui ne possédait plus les extraordinaires capacités de raisonnement qui avaient permis de remporter les batailles précédentes. L'Empereur accrédita cette thèse car Las Cases rapporta ces mots dans *Le Mémorial de Sainte Hélène* : « *Je n'avais plus en moi le sentiment de succès définitif ; ce n'était plus ma confiance première ; [...] il est certain que je sentais en moi qu'il me manquait quelque chose [...]. Ce n'était plus cette fortune attachée à mes pas qui se plaisait à me combler* »¹¹⁵².

En 1815, les réactions de Victor Hugo, adolescent de 13 ans, correspondent à celles de ses amis légitimistes. Waterloo représente la fin de cette période incohérente qui a vu la Révolution et l'Empire mais aussi le début d'une nouvelle ère avec la Restauration. L'évènement est donc pour tous bienvenu et Victor Hugo s'en réjouit :

*« Le Corse a mordu la poussière
L'Europe a proclamé Louis
L'aigle perfide et meurtrière
Tombe devant les fleurs de lys »*¹¹⁵³.

Il est intéressant de remarquer que, déjà dans ces quelques vers, le Destin, uniquement, est responsable de la défaite. Waterloo se transforme sous la plume du poète. Plusieurs *Odes* citent Waterloo. Quelques-unes s'y attardent davantage comme par exemple « *Buonaparte* »¹¹⁵⁴, l'ode onzième du livre premier, datée de 1822. La chute de l'Empereur est due à « *son*

¹¹⁵¹ Ibid.

¹¹⁵² Citation extraite de Victor Hugo et Waterloo de Maurice Descotes. Paris, 1984, p.34.

¹¹⁵³ « *Vive le Roi ! Vive la France* », Chanson in *Trois Cahiers de vers français* de Victor Hugo, Paris, 1815-1818.

¹¹⁵⁴ Ode onzième, « *Buonaparte* » in *Odes et Ballades* de Victor Hugo. Paris, 2006, p.102-106.

orgueil fatal »¹¹⁵⁵. Le responsable de cette chute est Dieu, le dieu coléreux, vengeur et terrible de l'Ancien Testament :

« *Lorsqu'il le veut, le Dieu secourable
Qui livre au méchant les pervers
Brise le jouet formidable
Dont il tourmentait l'univers* »¹¹⁵⁶.

Bien des années plus tard, le ton a changé. En 1872, lorsque Hugo compose *L'Année terrible*, c'est l'indignation qui domine à l'évocation de Waterloo. Victor Hugo ne retient plus que l'humiliation de la défaite. Entre les deux pôles, *Les Odes* et *L'Année terrible*, qui représentent les extrêmes, c'est-à-dire le début et la fin de la carrière de Victor Hugo, se situent les œuvres essentielles consacrées à Waterloo : « *L'Expiation* » et *Les Misérables*. Elles donnent, en effet, une analyse plus approfondie de la bataille et du rôle qu'y a joué l'Empereur.

« *L'Expiation* », rédigée en exil à Jersey, datée du 30 novembre 1852, est située au centre des *Châtiments*. Outre l'épisode de Waterloo qui constitue la deuxième partie du poème, six autres grands moments de l'aventure napoléonienne sont présentés : l'épisode de la Bérézina, l'exil à Sainte-Hélène, la mort de l'Empereur, l'élaboration de la légende et enfin le Second Empire. Chacun de ces moments est vécu comme une défaite par Napoléon, un châtement. Le poème est conçu comme un procès. Napoléon est le coupable et Dieu le juge devant lequel il comparaît. Une ombre lui dévoile à la fin son crime : le 18 brumaire. :

« *Qui donc es-tu ? — Je suis ton crime, dit la voix.
La tombe alors s'emplit d'une lumière étrange
Semblable à la clarté de Dieu quand il se venge ;
Pareils aux mots que vit resplendir Balthazar,
Deux mots dans l'ombre écrits flamboyaient sur César ;
Bonaparte, tremblant comme un enfant sans mère,
Leva sa face pâle et lut : -DIX-HUIT BRUMAIRE !* »¹¹⁵⁷.

¹¹⁵⁵ Ibid.

¹¹⁵⁶ Ibid.

¹¹⁵⁷ « *Le Retour de l'Empereur* », in *Poésies I* de Victor Hugo. *Op.cit.*

Il s'agit donc bien, pour Victor Hugo, quelles que soient les circonstances dans lesquelles il se trouvait, de dénier à Napoléon toute responsabilité dans la défaite. Cette affirmation se traduit par le fait que Napoléon n'occupe pas le plus grand nombre de vers dans cette évocation. Il n'est pas proprement question de l'Empereur dans la bataille. Il en est comme absent. Aucune force humaine, terrestre ne serait parvenue à briser Napoléon. Cela est d'ailleurs valable pour l'ascension de cet homme voulue par l'au-delà.

Dix ans plus tard, en 1862, Victor Hugo revient sur Waterloo, mais se place dans une perspective tout à fait autre que celle adoptée dans *Les Châtiments*. Il désire décrire la bataille le plus minutieusement possible, analyser les causes de l'échec. Dans cette optique, il a accompli un véritable travail d'historien. De surcroît, il effectue un voyage sur les lieux entre le 7 mai et le 30 juin 1861. Ce qui lui fait écrire : « *J'ai passé deux mois à Waterloo. C'est là que j'ai fait l'autopsie de la catastrophe. J'ai été deux mois sur ce cadavre* ».

Il semble que Victor Hugo, malgré tous ses efforts, n'ait pas réussi à mettre définitivement un nom sur les causes de l'échec. Une ombre, le destin, le sort, Dieu, l'infini, le hasard sont respectivement rendus fautifs. On arrive finalement à avoir l'impression que si Napoléon perd à Waterloo, c'est parce qu'il a commis, comme les héros antiques, le péché d'orgueil, l'*hybris*. Sa confiance lui a été fatale. Il a trop joué avec le sort, se croyant invincible et pensant qu'aucune force n'oserait s'opposer à ses volontés. La lutte incessante de l'Empereur, durant cette journée, rappelle celle toute aussi vaine de héros grecs, tels Hercule ou Phèdre qui, dans l'Antiquité, s'opposèrent aux dieux.

Napoléon a tout perdu à Waterloo, son armée, son empire et Victor Hugo s'en indigne. Il accepte difficilement une défaite qui signifie pour la France une grande humiliation. Il brandit ainsi Waterloo comme un étendard chaque fois qu'il le peut pour réhabiliter le désastre en lui trouvant des causes surnaturelles, en accusant le destin. Il le fait tant et si bien que la bataille se transforme pour devenir un combat entre Napoléon et le *fatum*, dont l'Empereur se sort avec les honneurs. L'idée prédominante est que l'Empereur s'est battu autant qu'il le pouvait, mais la partie était perdue d'avance.

La bataille de Waterloo s'inscrit dans le prolongement de la Révolution. Elle met un terme au règne de l'individu pour promouvoir l'avènement du collectif et du progrès. Victor Hugo est l'instrument de cette contradiction qui oscille entre son admiration envers Napoléon I et son amour pour le peuple.

La malédiction, la honte, le châtiment ne s'arrêtèrent par à Waterloo. Les malheurs, au contraire, se poursuivirent avec le départ pour l'île de Sainte-Hélène. Victor Hugo est très sensible à cet exil car, comme dans le cas de Waterloo, il s'agit d'une humiliation tant pour l'Empereur que pour la France. De plus, il s'identifie à Napoléon. N'a-t-il pas été lui aussi, pendant de nombreuses années, un proscrit ?

Au lendemain de la défaite, l'Empereur s'en va, laissant son armée. Son exil dans l'île de Sainte-Hélène avait duré cinq ans, six mois et dix huit jours. A Sainte-Hélène, Napoléon devint une victime. Tous les écrivains, les historiens, se laisseront prendre à la tentation de dramatiser cet exil. Victor Hugo n'y échappe pas et cela semble tout à fait normal si l'on songe, qu'aujourd'hui encore, Sainte-Hélène nous apparaît à travers les brumes épaisses de la légende, particulièrement difficiles à dissiper. Cependant, à aucun moment, Victor Hugo ne mentionne pas tous les détails de la captivité de l'Empereur. Il en présente seulement les résultats. Et comme Napoléon, il en force un peu les traits. L'Empereur se transforme alors sous sa plume en héros romantique. Nous en trouvons une illustration dans le poème « Les Deux îles » où Victor Hugo met en parallèle la Corse et Sainte-Hélène :

*« Pour que Bonaparte y pût naître
Et Napoléon y mourir.
— Là fut son berceau ! — Là sa tombe !
Pour les siècles, c'en est assez »*¹¹⁵⁸.

De plus, ce qui frappe Victor Hugo, c'est la vie exceptionnelle qu'a connu l'Empereur, d'une île à l'autre. Il magnifie la situation pour que Napoléon puisse acquérir dans son exil, toutes les caractéristiques des héros romantiques. Cromwell, Hernani, Ruy Blas, sous lesquels, nous l'avons vu, se discerne l'Empereur, sont tous des héros romantiques. Ils sont des personnages démesurés, exaltés. Leurs sentiments, leurs vies, se tournent obligatoirement vers le sublime. Cette vision du héros romantique donnée par *Les Odes* et *Les Orientales* est complétée par l'épisode de L'expiation qui magnifie encore davantage, par l'usage d'un vocabulaire approprié, l'horreur et l'exil et qui l'éclaire, de surcroît, d'un jour nouveau. L'horreur

¹¹⁵⁸ Ode sixième, « Les Deux îles », III, in *Odes et Ballades de Victor Hugo. Op.cit.*, p.179-186.

est présente partout dans la description faite par Victor Hugo. Elle prend les traits de la solitude et de la laideur de l'île.

La description paraît très juste, très proche de la réalité car Victor Hugo sait très bien de quoi il parle. Au lendemain du 2 décembre 1851, l'écrivain, opposé au futur Napoléon III, organise la résistance. Très vite menacé de poursuites, d'arrestations, il est contraint à l'exil. Il ne rentrera en France qu'en 1870, après la chute du Second Empire. Ces événements mettent les vies de Napoléon et de Victor Hugo en parallèle. L'écrivain comprend d'autant mieux la détresse de l'Empereur qu'il est demeuré plus longtemps loin de son pays. Dans cet exil, Victor Hugo s'identifie d'autant plus à son modèle car, de même que la gloire impériale a grandi dans l'exil, la mission du poète va, pendant cette période, s'étendre et déborder des frontières de la France. La gloire dans les deux cas est donc venue de l'exil. Celle de Victor Hugo débute en 1856 avec l'énorme succès remporté par *Les Contemplations*, parues le 23 avril alors que l'auteur résidait à Guernesey.

Dans le malheur, Napoléon retrouve une dimension humaine. Les *Chants du crépuscule*, dans un poème intitulé « *Napoléon II* », nous révèle un père éploré car à Sainte-Hélène, son fils lui manque.

Le poème s'ouvre sur la fierté pour Napoléon d'avoir un fils et sur l'amour porté à l'enfant :

*« Et lui ! l'orgueil gonflait sa puissante narine ;
Ses deux bras, jusqu'alors croisés sur sa poitrine,
S'étaient enfin ouverts !
Et l'enfant, soutenu dans sa main paternelle,
Inondé des éclairs de sa fauve prunelle,
Rayonnait au travers ! »¹¹⁵⁹*

C'est un peu comme si cette naissance avait transformé Napoléon. Il accueille l'enfant, le place auprès de lui et le soutient. Seule l'absence de son fils lui pèse à Sainte-Hélène. L'exil, la séparation avec son fils puis le destin tragique de ce dernier font que Victor Hugo pardonne tout à l'Empereur comme s'il avait payé largement le pris de sa gloire.

¹¹⁵⁹ Ibid.

Conclusion

Selon la définition donnée par le *Dictionnaire du littéraire*, le mythe désignerait, dans son sens le plus courant, « *tout récit fondé sur des croyances fabuleuses et qui éclaire un trait fondamental des conduites humaines. Au sens restreint, les spécialistes conçoivent le mythe comme un récit se rapportant à un état du monde antérieur à l'état présent et destiné à donner une cause à l'ordre des choses : le mythe est, en ce sens, récit des origines* ». En effet, présent dans toutes les cultures et dans tous les arts, le mythe constitue un phénomène universel. Mais, plus précisément, il pourrait être assimilé à un des réservoirs de sens les plus importants de la Littérature.

De surcroît, en nous plaçant dans l'optique d'un rapport entre l'imaginaire humain et le mythe, nous avons pu remarquer que la caractéristique essentielle de tout récit mythique est d'être emblématique. Le mythe est finalement une représentation symbolique du monde, des hommes. Pour preuve, la Littérature s'est emparée assez tôt du mythe de Napoléon : le personnage de l'Empereur lui-même, ou plus généralement les thèmes napoléoniens, permettent d'établir des liens entre le mythe et une période historique en lui offrant la possibilité de s'adapter aux mouvements de la société.

Napoléon a un rapport très particulier à la Corse et il était légitime de faire porter notre interrogation finale sur la place du mythe napoléonien dans l'image contemporaine de la Corse. Durant toute sa vie, Napoléon partagea des relations denses, complexes, contrastées avec sa terre natale. Après sa mort, l'île se fit le réceptacle de la légende napoléonienne et la gardienne du bonapartisme. Cependant, de manière assez paradoxale et singulière, la Corse ne cherche pas à exploiter à outrance le fait d'avoir été le berceau de l'Empereur et ne s'orgueille pas de la passion et l'admiration que ressentait ce dernier.

En effet, l'imaginaire collectif insulaire est scindé en deux. D'un côté, il y a les Corses qui vouent une admiration et un culte sans bornes à l'Empereur. Pour eux, Napoléon était un des plus grands visionnaires que le Monde n'est jamais connu, un Empereur tout en démesure mais dont la grandeur est inégalable. Ils considèrent que Napoléon n'a jamais oublié la Corse, il a œuvré pour sa terre natale et jusqu'à son dernier souffle, ses pensées allèrent vers son île. D'un autre côté, il y a les détracteurs du mythe napoléonien ; ces Corses hostiles à Napoléon, aussi critiques à son égard que l'étaient les pires ennemis de l'Empereur. Ils se bornent à nier toute l'œuvre accomplie par cet homme dont le pouvoir fut, en définitive, relativement court. Ils ne

voient en lui que la figure du guerrier sanguinaire, du tyran intransigeant à l'égard de ses compatriotes insulaires lors des soulèvements, ou encore l'infime et dérisoire intérêt qu'il porta au développement de la terre de ses ancêtres.

De nos jours, les représentations mentales de l'Empereur n'ont guère changé en définitive. Cette image dichotomique persiste et traverse les siècles en portant en elle tour à tour l'admiration et le respect, et la haine et le mépris. En outre, si Napoléon n'a pu rallier à sa cause tous les esprits, il est indéniable qu'il a marqué tous les imaginaires. Que ce soit de façon positive ou négative, son nom est sur toutes les lèvres et est, sans commune mesure, inlassablement associé à l'île, à cette Corse natale.

La Guerre Nationale de 1812 dans la création populaire musicale des Bachkirs

Timour Ilyassov

Tout au long des siècles les guerriers bachkirs aidaient l'État Russe dans les conflits extérieurs en se chargeant de la défense de toute la Patrie. Reunis par les intérêts communs du pays, par la défense de son territoire — Patrie "Ata — Babalar éré" (pays des pères), les Bachkirs ont pris une part très active à la Guerre Nationale de 1812. Dès le début de la guerre les cantons bachkirs ont envoyé somme toute dans l'armée en service de 20 à 28 détachements. Les Bachkirs combattaient avec ferveur pour la défense de la Patrie. Ces événements ont laissé une grande trace dans la création musicale du peuple Bachkir.

Les légendes à la base des mélodies, les textes des chansons historiques ont permis de suivre les étapes essentielles de l'activité de combat des guerriers des détachements bachkirs. à partir de la formation des cavaliers pour la bataille contre les Français jusqu'à la participation des Bachkirs dans les grandes batailles allant jusqu'à la prise de Paris et jusqu'au retour à la Patrie — Oural. La création populaire musicale des Bachkirs a gardé jusqu'à présent les chansons "Irémel", "Escadron", "Faucon-oiseau", "Khary Sèce" (Une jeune blonde), "N'avez-vous pas entendu parler dans les pays étrangers", "Akmet Baïk, Baïk, Kakhym — Tourya", "Abdrakhman Batyr"¹¹⁶⁰ et d'autres.

¹¹⁶⁰ *Création bachkire populaire.* (BNT) T. 8. Chansons (période d'avant le mois d'octobre)/auteur des commentaires C.A. Galin. Oufa: Kitap, 1995 p.62-75

On dit qu'après une des grandes batailles avec la participation des Bachkirs, Koutdous (Koutouzov) a fait venir chez lui leur commandant "kakhym — tourya" et lui a dit "mes chers guerriers bachkirs, vous êtes braves". Kakhym Tourya est revenu chez les siens qui ont commencé à lui demander de quoi lui parlait Koutdous — Batyr. Kakhym Tourya n'a pas pu dire tout en russe et a transmis ses paroles à ses cavaliers: "Lyubezniki Bachkirs, lyubizars, lyubizars, malades, malades" (bravo). Les Bachkirs ont composé tout de suite la chanson avec ses mots — "Lyubezniki, lyubezars, malades, malades (brave, gaillard)"¹¹⁶¹

Le maréchal M. I. Koutouzov est devenu le héros principal d'une chanson à part "Koutouzov" dont chaque couplet répète les mots de l'estime et de la vénération au grand commandant¹¹⁶². Le peuple Bachkir a rendu son hommage à Koutouzov en tant que patriote ayant rempli avec honnêteté son devoir devant la Patrie, en mettant l'accent sur lui en tant qu'une grande personnalité historique et sur ses exploits. Les Bachkirs l'appelaient amicalement "Koutdous Batyr" et le considéraient comme le sien.

L'amour de la Patrie est brillamment montré dans les paroles d'une des variantes de la chanson "Hey, mon pays"¹¹⁶³.

Les événements de la Guerre Nationale de 1812 ont fait l'objet de la création musicale des kouraïstes bachkirs. Le kouraï — instrument à vent bachkir confectionné du tronc vide d'une plante portant le même nom. L'exécution musicale sur kouraï et l'art militaire des Bachkirs se réunissent longtemps ensemble. Le kourai, instrument musical traditionnel, est un vrai compagnon des guerriers bachkirs. Cet instrument musical correspondait par toutes ses caractéristiques au mode de vie nomade et pouvait être utilisé dans les conditions dures des combats militaires pour remonter le moral des soldats.

En participant aux campagnes militaires on jouait souvent du kouraï exécuté en métal "Le kouraï en argent a été confectionné pour Kakhym-tourya"¹¹⁶⁴. A Paris il a joué du kouraï d'argent... — c'est ce que racontait le kouraïste célèbre Ishmoulla Dilmoukhametov au folkloriste Rachit

¹¹⁶¹ Ibid., p. 71-72.

¹¹⁶² Ibid., p. 74-75.

¹¹⁶³ Ibid., p. 70.

¹¹⁶⁴ Kakhym Tourya (Kakhym Myrdashev — participant de la grande guerre nationale de 1812, kouraïste, major d'un des détachement Bachkir.

Chakourov¹¹⁶⁵. Le jeu du kouraï d'argent de cet officier a vu sa confirmation dans les paroles de la chanson "Kakhym-tourya"¹¹⁶⁶.

La tableau du XIX siècle d'Ostrovskiy "Cavaliers bachkirs au repos"¹¹⁶⁷ représente les guerriers bachkirs qui se reposent, et un des soldats joue du kouraï.

Les kouraïstes bachkirs ont jusqu'à nos jours dans leur répertoire les oeuvres populaires musicales consacrées aux évènements de la Guerre Nationale de 1812. Dans les airs tels que "Yeryan Kachka"¹¹⁶⁸, "La française"¹¹⁶⁹, "Baty Yéguet"¹¹⁷⁰, "La deuxième armée"¹¹⁷¹ se reproduisent les pages tragiques et héroïques de l'histoire.

Aux participants réels de ces évènements est consacrée une série des ritournelles historiques: "Kakhym Tourya"¹¹⁷² et "Napoléon Bonaparte"¹¹⁷³ et d'autres.

Les mélodies du kouraï enthousiasmaient les soldats aux exploits, tout en les remplissant d'une force spirituelle, leur rappelant la patrie, les traditions des campagnes glorieuses du peuple qui disaient que chaque djiguit bachkir devait défendre son pays. Un esprit militaire fort, le caractère accommodant aux conditions militaires, la vaillance et l'héroïsme tels sont les traits propres aux guerriers bachkirs soulignés plusieurs fois

¹¹⁶⁵ Chakour R.Z. *Pays des grus qui chantent: articles et aperçus sur le folklore bachkir, les instruments musicaux, les chanteurs populaires et les musiciens du Bachkortostan*. Oufa: KITAP, 1996 (en bachkir) P. 16.

¹¹⁶⁶ *Création bachkire populaire*. (BNT) T. 8. P.73.

¹¹⁶⁷ *Reproduction du tableau de A.A. Ostrovky "Cavaliers bachkirs au repos" / Ousmanov A.N. Les Bachkirs à la guerre nationale de 1812 Oufa. Bachkortostan. 1964. P.97.*

¹¹⁶⁸ *Création bachkire populaire*. (BNT) T. 8. P 67-68; Souléymanov G.Z. *Le Kouraï. Manuel de jeu du kouraï aux enfants*. Oufa: Editions bachkirs. 1985. (en bachkir) P. 95.

¹¹⁶⁹ *Ibid.*, P.62.

¹¹⁷⁰ *Ibid.*, P.64.

¹¹⁷¹ *Ibid.*, P.65.

¹¹⁷² Souléymanov G.Z. *Le kouraï*. P. 131; Karym Dyarov. *Mélodies de l'Oural Blanc*. / Auteurs. R.Z.Chakourov et F.K Khamaev. Oufa. 1988. (en bachkir). P.48-49.

¹¹⁷³ Rakhimov R.R. *Le Kouraï. Le manuel pour les élèves des écoles et technicums musicaux*. Oufa. KITAP, 1999 (en bachkir). P. 58.

dans les témoignages de l'époque. Nous trouvons que c'était possible grâce à la présence de l'instrument musical traditionnel des Bachkirs et aux chansons. Pour le peuple bachkir les sons du kouraï rappelaient la Patrie, la famille, la beauté du pays, les événements historiques du passé et les dirigeaient aux exploits militaires, aidaient à surmonter fermement le poids du service militaire.

Napoléon à la première personne: sur quelques auto-identifications futuristes (Igor Sévérianine, Vladimir Maïakovski)

Eléna Galtsova

Les poètes romantiques russes ont souvent tutoyé Napoléon, ce qui a été à la fois une adresse rétorique et le signe d'une certaine proximité. Mais jamais il n'ont dit « Je suis Napoléon ». Igor Sévérianine, le fondateur de l'égo-futurisme russe a proclamé en 1913 : « Je suis le Corse génial, Je suis le Bonaparte ressuscité ! » (Poéza du Châtiment) ; et Vladimir Maïakovski en 1915, en pleine guerre : « Aujourd'hui, Napoléon, c'est moi » (Moi et Napoléon).

Sévérianine utilise l'auto-identification avec l'image de Napoléon pour affirmer sa propre gloire du poète en tant au Conquérant du l'Univers. Mais la manière ironique du traitement de ce thème libère l'image de Napoléon du poids des clichés culturels. Maïakovski joue largement sur l'aspect psychiatrique de Napoléon en tant que le héros préféré des fous.

L'image de Napoléon dans son poème écrit en pleine guerre possède des sens qui sont loin d'être banals. Si dans ses poèmes patriotiques Sévérianine révèle le caractère anti-héroïque et anti-culturel de la guerre tout en proposant Napoléon en tant qu'exemple positif. Maïakovski va beaucoup plus loin, il est contre la guerre comme telle, mais sa position n'est pas du tout celle d'un pacifiste. Au contraire, il veut « tuer » la guerre, c'est-à-dire qu'à une violence il voudrait en opposer une autre, celle de la violence poétique non moins efficace. Ici la folie joue en même temps pour la dramatisation et dédramatisation des thématiques, tout en renforçant le thème de la guerre et en atténuant la manie de grandeur du poète qui se révèle pleine d'ironie. La folie sert aussi de structure au développement du

sujet lyrique du poème en lui permettant être lui-même et autre en même temps. Tout en gardant son lien avec le héros romantique et les images communes, le Napoléon de Maïakovski présente un développement des sens tout à fait original et riche en contenu humain. Dans sa protestation solitaire contre les valeurs de son temps et en cultivant son moi contestataire, le poète va jusqu'à s'identifier à Napoléon, en voyant dans le héros français une sorte de point de fuite lui permettant d'exprimer tout le caractère tragique de la condition du poète dans ce monde inacceptable.

Sévérianine et Maïakovski manifestent tous les deux un vif intérêt pour Napoléon et le poussent jusqu'à l'auto-identification avec l'empereur. Dans le Poéza du Châtiment, Sévérianine propose une relecture du mythe de Napoléon en le déplaçant du plan du passé dans le plan d'avenir : il est « ressuscité » dans le poète Igor Sévérianine, et maintenant il échappera à son exil et son destin ne sera fait que de triomphes. L'image de Napoléon s'associe à l'homme parfait qu'est le poète Igor Sévérianine, ce rapport étant sérieux et bouffon à la fois. Il est sérieux car fondé dans le tissu du vers, tout en étant soutenu par la musique exquise des vers, surtout par la rime riche en sens — « caméléon ». Il est bouffon, car il est associé au thème de la gloire dont l'excès même le rend ambigu et ironique : on pourrait dire que Napoléon-héros est pour Sévérianine une sorte de double et l'auto-ironie du poète le touche aussi par contagion. L'identification du poète avec Napoléon dans le poème *Moi et Napoléon* exprime chez Maïakovski l'approfondissement du thème douloureux de la guerre et son désir de lutter contre la guerre comme telle. Le sens du mythe napoléonien se trouve renversé — il sert ici aux thématiques anti-militaristes. Maïakovski exhibe dans son poème le mécanisme du glissement thématique en introduisant le motif de la folie, tout à fait dans l'esprit provocateur du futurisme. Le thème de la scission de la personnalité introduit grâce au motif de la folie traduit une tendance à incarner le côté inconscient de la personnalité et de la foule. La totalité de la personnalité du poète acquise en fin de poème est une sorte de résultat de la synthèse du conscient et de l'inconscient.

L'IMAGE DE NAPOLEÓN ET SE DON ÉPOQUE DANS LA MÉMOIRE HISTORIQUE DES NATIONS

Le mythe napoléonien en Russie aux XIX–XX siècles

Sergueï Sekirinski

Un des mémorialiste-vétérans de l'année 1812 rendit très précisément l'existence dans la conscience russe des côtés « clairs » et « noirs » de l'image napoléonienne : « *on imitait le génie, et on détestait l'ennemi* ». Déjà tout au début du XIXe siècle la lutte militaire et diplomatique contre Napoléon se transformait pour Alexandre I-er à la concurrence avec lui dans le domaine de la réorganisation des relations nationales et internationales. En même temps des accusations et des « clameurs indignées » contre Napoléon devinrent une forme d'opposition aux entreprises libérales du tsar russe.

Après l'achèvement de l'époque des guerres avec Napoléon son image inspira les ambitions politiques des hommes d'action des « sociétés secrètes » (P. I. Pestel, S. I. Mouraviov-Apostol, M. F. Orlov), les recherches du héros romantique dans la poésie des années 1820s-1830s (Pouchkine, Lermontov) et des tentatives de la présentation idéologique de l'autocratie de Nicolas I-er. Pendant ce règne parallèlement avec la canonisation de la mémoire de la Guerre Nationale de l'année 1812 on fait des pas vers la réconciliation de la dynastie dirigeante avec son ennemi récent au moyen des certains gestes symboliques telsque l'incorporation dans la Maison Romanov du duc M. de Leuchtenberg, le fils du beau-fils de Napoléon E. de Beauharnais ; la sanction suprême du transport de l'Empire Russe du quartzite framboise de Carélie pour la tombe de Napoléon ; la publication en 1844 — 1848 de la première biographie russe en 5 volumes de l'empereur français. L'image de Napoléon créée par N. A. Polénov, du dompteur de la « rébellion », de sauveur de la patrie et de « grand travailleur sur le trône », était à l'unisson avec l'image édifiante de Pierre I-er créée par Pouchkine dans les « Stances » adressées à Nicolas I-er.

La propagation du mythe napoléonien en Russie n'empêcha ni l'apparition de Napoléon III, qui exploitait la légende napoléonienne

en sa faveur et qui « diminue » en peu l'image de son prédécesseur, ni le découronnement de Napoléon en tant qu'un pseudo-idole par L. Tolstoï, lié indirectement à ces circonstances. De plus, au XIXe siècle la compétence dans études napoléoniennes devient un trait caractéristique d'une personne instruite d'importance presque égale avec l'habileté de s'orienter dans les péripéties de l'histoire antique et de la mythologie. Le mythe sur Napoléon engendre des épigones presque dans chaque génération à adolescent russes, qui restèrent absolument inconnus dans la plupart des cas. Pourtant, si Napoléon descendit de la révolution, il arrivait à ces admirateurs russes d'aller dans elle.

Avec le commencement des réformes en 1860 la partie de la société russe, compétente à l'histoire européenne, éprouve la sensation d'un rapprochement rapide avec l'Ouest. Les suppositions sur l'avenir de la Russie en la comparaison avec l'histoire de la France sont accompagnées par une croissance parallèle des attentes *impatientes* et des craintes *démesurées* concernant les perspectives de choisir de cette voie. « La formule de l'histoire russe ressemble extrêmement à la formule de l'histoire française », — remarqua K. Kavelin à l'époque de la fronde de la noblesse des années 1860s. La Russie rêvait encore sa révolution, cependant l'image multiface de Napoléon entraînait déjà dans une série d'associations politiques russes-françaises. La légende célèbre du « général blanc » fut bâtie à dessein et artistiquement par son créateur — M. D. Skobelev à la fin des 1870 — au début des 1880 sur la base de l'épopée napoléonienne, et après la mort prématurée du général russe elle revint en France par les soins de ses amis étrangers en qualité d'un des « prototypes » propagandistes opportuns pour le général Boulanger.

Les transformations socio-politiques radicales, qui eurent lieu au début et à la fin du XXe siècle, jouèrent un rôle particulier dans le destin du mythe napoléonien dans notre pays. En tous les deux cas à l'expiration d'une période courte d'euphorie politique, l'image de Napoléon était utilisée dans son hypostase essentielle de « Sauveur » en tant qu'un symbole d'une *édification* nouvelle d'Etat.

Encore à la veille de la révolution de l'année 1917 l'un des historiens principaux N. I. Kareev déclara avec autorité : « Le temps du culte des héros, des grands hommes, des hommes d'action providentiels qui accomplissent des missions historiques, s'est éloigné dans le passé ». La révolution commencée mit rapidement en doute cette conclusion. Des versions diverses

du mythe napoléonien, ressuscitées dans les camps politiques opposés l'un à l'autre, sont présentées au mieux par deux livres : « Napoléon » de D. Merejkovski (1927), qui fut créé en émigration et qui incarna des espérances politiques non-réalisées de sa partie influente, et « Napoléon » de E. Tarlé (1936), écrit en U.R.S.S. à la demande directe de Staline. La biographie soviétique suivante de Napoléon fut préparée à la fin des années 1960 : elle incarna non pas les recherches du pouvoir mais les pensées des intellectuels des années soixante. A. Z. Manfred qui appartenait à la génération des « romantiques de la révolution », créa l'image qui acquit une dynamique intérieure particulièrement expressive. C'en était assez pour que son « Napoléon Bonaparte » devienne une allégorie d'actualité du destin du régime du gouvernement, issu de la révolution tout l'empire napoléonien.

Après les réformes principales de la fin des années 1980-1990 le mythe napoléonien revient dans l'espace de la nouvelle formation de la politique publique. Des appels directs au sujet napoléonien deviennent le lot non des politiques publics eux-mêmes — des « Napoléons » supposés, mais plutôt un moyen de leur « déchiffrement » historique par analogie, ou au contraire, de la tendance très active imposer ces analogies à l'opinion publique à travers de médias.

Napoléon Bonaparte comme une figure de la conscience russe

Rosalia Tcherepanova

L'article présente l'analyse des sens et des contextes dans lesquels l'image de Napoléon Bonaparte s'est gravé dans la mémoire culturelle russe au cours des XIXe et XXe siècles. S'appuyant sur les idées de Hroch et sur d'autres consacrées aux problèmes du nationalisme l'auteur relie l'interprétation de l'image de Napoléon, faite par les intellectuels et les propagandistes russes, aux processus du devenir de la conscience nationale. L'auteur touche le thème napoléonien de tous les côtés et observe les transformations de l'image de Napoléon qui se configurait dans la conscience russe tout en reflétant des tâches nationales en reflétant en même temps les problèmes politiques et sociaux actuels; on observe les circonstances qui ont fait de Napoléon l'incarnation de la civilisation occidentale et comment "la question

napoléonienne” s’est entrelacée avec deux questions éternelles de l’histoire russe: celles polonaise et juive; on revoit comment les régents russes étant en “compétition” non-declairee avec Napoléon pour obtenir le rôle du «héros», «un grand civilisateur» et de “l’unificateur” de l’Europe, ont utilisé sa figure comme «l’image de l’ennemi» pour la mobilisation la société en plus au cours de la modernisation. L’auteur considère l’histoire «de Napoléon en Russie» pas seulement comme une partie de la mythologie nationale russe, mais aussi comme une variante du mythe commun de l’Occident sur l’Orient ou comme l’espace mystérieuse, fatale et irrationnelle.

La genèse du mythe napoléonien dans la conscience historique de la Russie d’aujourd’hui: la dimension sociologique

Nataliya Velikaya

Les problèmes de la conscience historique, de la mémoire historique se rapportent aux problèmes interdisciplinaires qui sont étudiés non seulement par la science historique mais aussi par la psychiatrie, par l’anthropologie, par la philosophie, par la littérature, par la pédagogie, et certainement par la sociologie.

La mémoire historique, la conscience historique, la mémoire collective, la mémoire sociale, devenues l’objet de la sociologie, présentent « le boom de la mémoire » particulier, qui se fut manifesté surtout vivement au début des années 2000 bien que les sociologues témoignassent de l’attention au phénomène de la mémoire au début du XXe siècle. C’étaient les travaux de M. Halbwachs, qui mit à la circulation le terme de la « mémoire collective », qui devinrent le départ des recherches sociologiques de la mémoire.¹¹⁷⁴

L’intérêt d’aujourd’hui aux problèmes de la mémoire est focalisé plutôt autour de la « mnémo-histoire » qui à la différence de l’histoire elle-même

¹¹⁷⁴ Halbwachs M. *Les cardes sociaux de la mémoire*, Paris: Presses Universitaires de France, 1952. Les Travaux de L’annee Sociologique. Paris, 1925.

signifie non pas le passé comme tel, mais « le passé dont on se souvient »¹¹⁷⁵, et qui a pour beaucoup le caractère mythologique.

Le problème de la corrélation du mythe avec l'histoire, malgré la richesse de la littérature à ce sujet, a besoin d'être approfondi. Il est à noter qu'il est assez difficile de lier les termes de mythe et d'histoire considérant que le terme mythe suggère des interprétations multiples¹¹⁷⁶.

Les sociologues habituellement s'intéressent plutôt aux mythes de la conscience des masses qu'au mythe littéraires et qu'à la spécificité de l'historiographie sur Napoléon.

Dans le cadre de ce travail, nous étudions la création des mythes en tant qu'un moyen du fonctionnement de la conscience commune. La création des mythes peut être le résultat d'imitations inconscientes et de la reconstruction délibérée, elle peut être la conséquence de la tendance d'imposer la suprématie des idées créatrices des mythes sur la réalité et d'implanter indirectement dans la conscience les mythes préconstruits par les idéologues et destinés à l'usage de masse.

L'objectif principal de la recherche dans ce contexte est la description des méthodes et des moyens d'analyse du mythe historique (dans le cas présent, de Napoléon) par le biais des méthodes sociologiques.

En terme d'analyse du mythe historique nous proposons une suite de méthodes, dont les résultats d'application sont utilisés dans cette article :

l'interrogation traditionnelle de l'opinion publique¹¹⁷⁷ (pendant l'étude de la conscience historique et de la mémoire historique).

¹¹⁷⁵ Романовский Н.В. *Новое в социологии — «бум памяти»* // Социологические исследования. 2011. 6. С.14.

¹¹⁷⁶ Лосев А. Ф. *Диалектика мифа*. М., 1930; Мелетинский Е. М. *Поэтика мифа*. М., 1970; Стеблин-Каменский М. И. *Миф*. Л., 1976; Фрейденберг О. М. *Миф и литература древности*. М., 1978; Голосовкер Я. Э. *Логика мифа*. М., 1987 и др.; *Myth; religion and society: Structural essays*. Cambridge etc., 1981; Vernant J.-P. *Myth and Thought among the Greeks*. L., 1938; Liebrucks B. *Irrationaler Logos und rationaler Mythos*. Wurzburg, 1982; *Faszination des Mythos: Studien zu antiken und mod. Interpretationen*. Basel, 1985; etc. *Morcea Eliade Aspects du muthe?*, Paris, Gallimard, "Idees", 1963; Barthes R. *Mythologies*. P.Seuil, 1957.

¹¹⁷⁷ On utilisa les sondages d'opinion des années 2001, 2003, 2010 du fonds "L'opinion publique".

la méthode qualitative des propositions inachevées¹¹⁷⁸ (pendant l'étude des stéréotypes et des lignes d'association) qui est considérable en particulier pour notre cadre de recherche, parce qu'il est nécessaire de trouver des composantes essentielles d'un objet plus large et insuffisamment structuré.

la méthode d'analyse des contenus des textes¹¹⁷⁹ (pendant la révélation de la structure du mythe et des lignes d'association) où on utilise tant l'analyse quantitative que qualitative.

les méthodes de la sociologie visuelle pendant la révélation de l'image du héros mythique (Napoléon) dans la publicité imprimée et dans le cinéma¹¹⁸⁰.

La structure de l'image de Napoléon dans la conscience historique des masses

La structure de l'image de Napoléon dans la conscience historique contemporaine incorpore quelques éléments très divers : "le grand français", "le grand capitaine", "l'homme d'Etat", "vaincu par l'arme russe", "grand amant".

Napoléon reste un des symboles de la France et un grand français. Il est à noter ici que pour les russes la France elle-même est chargée d'un grand nombre de symboles et de sens et pendant longtemps, elle reste à la première place des pays de l'Europe occidentale les plus appréciés.

Dans les sondages d'opinions, les personnes interrogées dans la plupart des cas font preuve tant de l'attitude positive que d'une connaissance riche du passé et du présent de la culture et de l'histoire de ce pays¹¹⁸¹. Dans la cote

L'interrogation de la population urbaine et rurale en Russie. 23 juin de l'année 2001. 1500 interrogés. L'interrogation de 2010 — juillet, 2000 interrogés.

¹¹⁷⁸ L'étude sociologique, menée parmi les étudiants des hautes écoles de Moscou, par la méthode des propositions inachevées. L'échantillon — 220 interrogés. Les archives de l'auteur.

¹¹⁷⁹ La recherche "L'image de Napoléon dans les médias de masse imprimés (on étudia les données sur le journal national "Le Journal de Russie" de l'année 2004 jusqu'à l'année 2011.

¹¹⁸⁰ Les recherches d'auteur "L'image visuelle de Napoléon sur l'écran de télévision », on analysa des spots publicitaires, des sujets du jeu télévisé KVN.

¹¹⁸¹ Le sondage d'opinion mené par le Fonds des opinions publiques en juillet de 2010, L'échantillon de toute la Russie, 2000 interrogés.

de popularité des périodes historiques qui provoquent l'intérêt des russes, "la guerre avec Napoléon" occupe la dixième place, considérant que les russes sont unanimes dans l'appréciation de cette période, leur opinion est consolidée, ils ne voient pas des contradictions graves dans la description des événements et des rôles des certains personnages. Essentiellement, la version historique officielle de la guerre de 1812 coïncide au maximum avec ce qu'on trouve dans la mémoire historique.

Dans la liste des français connus Napoléon occupe la troisième place (6%), en cédant la palme à Charles de Gaulle (12%) et aux présidents actuels, Jacques Chirac en 2001 et Nicolas Sarkozy en 2010.

La popularité du personnage peut être présentée aussi par « l'index de citation ». On peut dire que l'utilisation des citations et des aphorismes de Napoléon est très répandue dans l'espace public et informationnel de la Russie. Ainsi, dans le massif des données, étudiées par l'analyse du contenu (10% des articles), ses paroles (ou les paroles qui lui sont attribués) sont employées.

En tout pendant 7 années on révéla 408 mentions sur Napoléon. La distribution thématique des articles est suivante : le leader est le cluster qui incorpore les mentions sur Napoléon dans le contexte des événements de la guerre de 1812, et, d'une manière générale à côté de M. Koutouzov (19,8%). De 10 à 15% ce sont les clusters des messages liés aux faits réellement historiques et aux événements de la vie de Napoléon (16,1%), où Napoléon est mentionné comme un personnage historique dans le contexte d'autres événements de l'histoire (12,2%), des événements contemporains de la vie culturelle liés au sujet napoléonien (spectacles, films, livres, expositions, etc. 14%). Moins de 10% des mentions sont les citations et les aphorismes de Napoléon (8,9%), les œuvres artistiques et les films, créés auparavant (7,9%), l'utilisation du nom de Napoléon comme référence et modèle explicatif pour les événements d'aujourd'hui (5,6%).

En fait, les critères principaux de la formation du mythe historique peuvent être présentés par le schéma suivant, ce que nous appliquerons au cas du mythe napoléonien dans la conscience de masse :

1. La simplification extrême des événements et des processus historiques. Le mythe est habituellement privé de toute idée polysémique de la réalité qui se passe. Ce ne sont que les liens causals et de conséquences les plus évidents et apparents qui figurent dans le mythe. Les guerres

- napoléoniennes sont interprétées en tant que des rapines, des conquêtes, avec l'utilisation de l'expression "attaque perfide".
2. La sélection arbitraire des faits pour une thèse produite par avance ou l'absence des faits comme tels. Le mythe peut être compris à priori, parce que chaque mythe a une idée dominante. Les faits qui ne correspondent à cette idée, sont éliminés. Les faits manquants sont souvent inventés, et les faits qui entrent dans le canevas des mythes, sont exagérés. Ainsi, il existe dans l'opinion publique russe un point de vue, bien établi depuis longtemps, que les Russes battirent en retraite vers Moscou et ensuite la série de victoires commença. Ici le mécanisme de la production du mythe est le suivant : "La victoire finale donne la possibilité de traiter tous les défaites isolées comme des victoires". (De plus, pendant la guerre de 1812 les français essuyèrent une seule défaite réelle, au cours d'une bataille peu significative, près de la Bérézina).
 3. L'absence de la critique des sources. Dans le cadre du mythe les sources sont vraies si elles correspondent à l'idée du mythe. En qualité de source sur la vie politique et sociale de la société de telle ou telle époque on peut trouver (et on trouve souvent) une œuvre artistique qui est consacrée à cette époque-là (par exemple, un film) libre de toute contrainte de l'authenticité historique. Malgré un grand nombre d'œuvres sur Napoléon (des auteurs russes), on utilise peu d'entre-elles dans le système d'éducation de nos jours. Un autre source d'information est la filmographie nationale présentée par le grand film de F. Bondarchuk "Guerre et Paix" (1967) et de manière plus étrange la télé-comédie musicale "La ballade du hussard" (1962) basée sur l'histoire vraie de la première femme-hussard, cavalier-femme Nadezhda Andreevna Durova qui participa aux batailles près de Smolensk, de Kolotskiy monastère, et de Borodino.
 4. L'aspiration de donner une appréciation qualitative de tout ce que se passe. Le sens unique et l'idée péremptoire de cette appréciation ("la perception claire-obscur"). Ainsi, parmi les mentions dans le média, étudiées par analyse du contenu, les deux tiers (66,7%), ont une signification négative, et une tiers a une signification positive.
 5. Le caractère affectif. Le mythe est sans doute marqué émotionnellement. Il n'admet pas l'indifférence pour les phénomènes décrits et il doit provoquer des émotions précises chez les personnes. Le caractère péremptoire est manifesté dans les formules « grand, talentueux, inégalé,

scélérat, Antéchrist, etc. ». Les époques différentes furent été marquées par la diversité des caractères de l'image. Pourtant si dans le milieu artistique, dans le milieu intellectuel la sympathie est la composante émotionnelle essentielle de l'attitude contemporaine envers Napoléon (regarde, par exemple, les pièces consacrées à Napoléon¹¹⁸², des ouvrages de E. Radzinsky), dans la conscience commune ce sont des composantes neutres et négatives qui prédominent.

6. L'opposition. Le Héros — Anti-héros. Dans la conscience nationale des masses Napoléon est régulièrement opposé à Koutouzov
7. La multiplicité. En tant qu'un personnage véritablement mythologique, Napoléon en Russie existe dans plusieurs milieux médias, en demeurant la partie de la science historique officielle. Il apparut en qualité d'un personnage littéraire (dans les livres, dans les pièces, dans les poèmes), puis il acquiert la popularité sur les écrans du cinéma et de la télévision, ensuite il est multiplié dans les suites, les jouets, les choses et dans les marques de fabrique, etc. Porcelaine et bronze, noms des produits et des souvenirs, échecs et poupées, tirs-bouchons pour bouteille et encriers : on trouve les incarnations de Napoléon et dans les bibelots bon marchés et dans les objets coûteux de luxe.
8. L'actualité. Le mythe contient toujours et inévitablement une forme de certitude, par rapport au présent et pour l'avenir. Par exemple, le mythe qui met en évidence que "les Russes ne capitulent jamais" ou que "les russes battaient toujours les prussiens" signifie que "nous allons vaincre aujourd'hui et demain". C'est pourquoi les mythes historiques représentent une grande valeur pour n'importe quel système politique et en bien des cas ils sont idéologisés.
9. La désacralisation, en tant qu'une conséquence de la démythologisation de l'histoire, montre l'existence du mythe. L'un des mécanismes de la désacralisation est la négation de la portée du phénomène. Souvenons-nous comment la prose russe rejeta sans pitié la distance par rapport à Napoléon : Napoléon devient du nom propre le nom commun.

¹¹⁸² Des pièce «Carotte pour l'empereur» («Морковка для императора»), « Une Corse » (« Корсиканка ») (d'après la pièce de I. Goubatch), « Napoléon Ier » (« Наполеон первый ») d'après la pièce de F. Brukner, « Napoléon dans le Kremlin » («Наполеон в Кремле») d'après la pièce de V. Maliagin, l'opérette d'O. Straus « Le chapeau de Napoléon » («Шляпа Наполеона»).

Un autre moyen est l'ironie, il était utilisé encore depuis la guerre de l'année 1812. Il est à remarquer qu'à notre époque c'est plutôt le côté russe qui a besoin de la désacralisation, car les plaisanteries, les anecdotes et les autres exemples de l'art populaire, du folklore (d'aujourd'hui) sont consacrés également aux français comme aux russes, ce qu'on voit, par exemple, dans la comédie récente « Rjevski contre Napoléon »¹¹⁸³, dans les sketches et dans les parodies nombreux, présentés dans un jeu populaire KVN. On peut faire la typologie suivante :

- Les parodies sur l'histoire et sur les personnages historiques¹¹⁸⁴;
- Les parodies sur les œuvres littéraires sur Napoléon, en premier lieu sur « Guerre et Paix »¹¹⁸⁵;
- Les parodies sur les mises en scène théâtrales sur Napoléon.¹¹⁸⁶;
- Les parodies sur la filmographie de Napoléon et de la guerre de 1812, le leader ici est la comédie musicale déjà mentionnée « La ballade du hussard » (Regardez l'épisode « il y a beau temps » de la comédie musicale et la parodie sur lui¹¹⁸⁷;
- Les parodies sur les auteurs qui écrivent et parlent de Napoléon (en particulier, sur le dramaturge célèbre E. Radzinski).

Ainsi, la genèse du mythe napoléonien d'aujourd'hui a des causes différentes:

- Les causes idéologiques. Il est formé par l'autorité ou par l'opposition pour résoudre ces propres objectifs — de légitimation, de l'augmentation de leur autorité, etc.;

¹¹⁸³ Des spot publicitaire du film « Rjevski contre Napoléon ». La ressource électronique :

(<http://www.youtube.com/watch?v=5JpB1n4H6XA>) <http://www.youtube.com/watch?v=EpFGMjnMXcQ&feature=related>

¹¹⁸⁴ KVN (<http://www.youtube.com/watch?v=dMHa4d-8MpA&feature=related>)

¹¹⁸⁵ KVN (<http://www.youtube.com/watch?v=5frZc7QkIV4&feature=related>)

¹¹⁸⁶ KVN (<http://www.youtube.com/watch?v=OoXo8ugUZxQ>)

¹¹⁸⁷ La comédie musicale « La Ballade de hussard » : <http://www.youtube.com/watch?v=Tqttc0ujo4&feature=related>

KVN : La parodie sur « La Ballade de hussard » : <http://www.youtube.com/watch?v=LIGlgGO2hjA>

- Les causes commerciales, ce qui est populaire surtout durant les dernières années. Le mythe est produit pour vendre plus cher. Il est moins lié à la réalité et il est plus scandaleux. Un grand nombre de programmes sur Napoléon de la télévision et de la radio sont éloignés de la critique historique;
- Les causes scientifiques. Le mythe est produit par les historiens professionnels. Par exemple: la création des monographies populaires et des manuels d'école.
- Les causes artistiques. Cette source du mythe napoléonien dans la conscience contemporaine est sans doute d'une importance primordiale dans les conditions actuelles.

Napoléon fut imprimé non seulement dans la mémoire historique russe mais aussi dans la conscience artistique russe. Pendant les 10 dernières années il y avait à Moscou 8 spectacles sur Napoléon d'auteurs russes et étrangers. À présent un célèbre réalisateur russe, Juriy Grymov commença le tournage d'un film sur la guerre de 1812. L'opéra nouveau de Rybnikov « Guerre et paix » est préparé à être mise en scène.

Malgré le rétrécissement de l'image de Napoléon pendant le dernier siècle, il demeure le héros culturel et mythologique.

La "folie de la guerre"

Tiziana Goruppi

Tout banal qu'il paraisse au premier abord, le titre choisi pour cette communication vise à reproduire la circularité du sens s'établissant dans *Le colonel Chabert*¹¹⁸⁸ et *Adieu*¹¹⁸⁹ entre guerre et folie. Il s'agit d'un binôme d'où les personnages concernés n'arrivent pas à s'en sortir, la guerre étant une folie et produisant à son tour la folie.

Le rapprochement entre ces deux textes de Balzac vient d'une même situation de départ: le colonel Chabert dans le récit omonyme et la comtesse Stéphanie de Vandières dans *Adieu* sont deux personnes que l'on

¹¹⁸⁸ Paris, 1832.

¹¹⁸⁹ Paris, 1830.

a erronément déclarées mortes pendant les guerres napoléoniennes. Dans les deux textes l'intrigue est bâti sur les conditions de leur retour en France après bien des années racontés en flashback, et donc sur les réactions qu'il produit dans leur ancien entourage familial et social. Si bien que la question posée par le colonel Chabert pourrait bien résumer le véritable sens des deux textes: "Les morts ont donc bien le droit de revenir?"¹¹⁹⁰. Et c'est à quoi on essaiera de répondre.

A la suite des horreurs de la guerre qu'ils ont expérimentées en première personne et vu de leurs propres yeux, ces deux personnages ont perdu la mémoire et par conséquent la conscience de leur identité. Avant de réussir tant bien que mal à revenir en France le trou noir dans lequel ils ont sombré et le vide qui habite leur conscience, les obligent à de longues pérégrinations au hasard tout au long de l'Europe. Ce continent pourtant au lieu d'être pour eux un espace géographique, constitué de différentes nationalités et encore divisé par les guerres, est au contraire un espace tout à fait anonyme, indifférencié même, puisque les seuls endroits qui les concernent vraiment sont les lieux clos de l'aliénation sociale, hôpitaux, hospices, maisons de fous, partout pareils. Repoussés par la société des vivants, Chabert et Stéphanie entrent dans l'anonymat des déchéts sociaux, se bornant à survivre, en dehors qu'ils sont de toute communication avec le monde: ils ne le reconnaissent pas et ils n'en sont non plus reconnus.

Après être resté "six mois entre la vie et la mort, ne parlant pas, ou déraisonnant quand je parlais"¹¹⁹¹, après avoir été admis à l'hôpital d'Heilsberg, Chabert recouvre tout à coup sa mémoire, il récupère donc son identité, mais au prix de faire rire toute "la chambrée"¹¹⁹² de l'hôpital où il est renfermé. A sa sortie il est réduit à mendier son pain pour essayer de trouver l'argent nécessaire pour revenir en France. Partout il est "traité de fou", partout "l'on riait au nez de cet homme dès qu'il prétendait être le colonel Chabert"¹¹⁹³, et finalement il est enfermé de nouveau dans la maison des fous de Stuttgart pendant deux ans. Evidemment le recouvrement de la mémoire ne lui a rien fait gagner dans son rapport avec le monde.

¹¹⁹⁰ *Le colonel Chabert*, Paris, Gallimard folio, 1985, p. 103.

¹¹⁹¹ Ed.cit, p. 46.

¹¹⁹² Cf. "tous mes camarades de chambrée se mirent à rire", *ibid.*

¹¹⁹³ *Ibid.*, p. 47.

Le sort de Stéphanie n'est pas très différent: après la bataille de la Bérésina, "elle a été traînée, pendant deux ans, à la suite de l'armée (...) restait des mois entiers sans soins, sans nourriture; tantôt gardée dans les hôpitaux, tantôt chassée comme un animal"¹¹⁹⁴, ensuite renfermée elle aussi "avec des fous"¹¹⁹⁵, jusqu'au moment où le grenadier, à qui elle avait été confiée lors du passage de la Bérésina, reconnaît tout à fait par hasard en cette inconnue la comtesse de Vandières.

Ce qui rapproche leur deux retours en France c'est d'un côté le refus du monde de reconnaître leur véritable identité, de l'autre l'anomalie que les seules personnes disposées à la reconnaître — dans le cas de Chabert un ancien maréchal des logis, dans le cas de Stéphanie le grenadier — appartiennent strictement à leur passé personnel. Il y a de quoi réfléchir là-dessus: au moment même où Chabert et Stéphanie demeurent cloués à leur passé personnel ils sont exclus du présent historique. En fait il s'établit une correspondance inquiétante, irrémédiable même, entre l'histoire personnelle des deux personnages et l'histoire récente de la France, dont ils finissent par devenir le symbole. La cassure insoluble entre passé et présent se produisant au niveau personnel pour Chabert et Stéphanie reproduit au niveau individuel, tel un miroir impitoyable, l'impossibilité historique d'une continuité quelconque entre le premier Empire et la Restauration. En fait il s'agit d'une cassure définitive sur laquelle la quantité du temps en jeu entre Waterloo et le retour des Bourbons et entre la soi disante mort de Chabert et Stéphanie et leur retour n'a rien à voir avec le résultat final. Dans le premier cas il y a un oubli forcé du passé, dans le second une substitution du temps historique avec la dimension atemporelle, exaltée, si besoin en était-il, par les lieux d'aliénation qu'ils habitent. Dans les deux cas il se produit une spécularité parfaite entre la condition collective de la France où le brusque virement historique efface toute possibilité de continuité et la situation individuelle de Chabert et Stéphanie qui, ayant quitté la France pendant l'Empire, y retournent à l'époque la Restauration, et ils se trouvent plongés dans une époque à laquelle ils demeurent tout à fait étrangers.

Une pareille situation est merveilleusement décrite au début du Colonel Chabert. Au moment où le colonel arrive chez Derville, les jeunes clercs de

¹¹⁹⁴ *Adieu*, ds: *Le colonel Chabert suivi de trois nouvelles*, Paris, Gallimard folio, 1985, p. 194

¹¹⁹⁵ *Ibid.*, p. 195.

l'avocat le définissent un "vieux carrick"¹¹⁹⁶, faisant allusion à son manteau démodé, ils l'appellent "chinois"¹¹⁹⁷, mettant en relief sa diversité, ils font semblant d'être sourds pour ne pas lui répondre. Mais ce qui est encore plus important c'est leur hésitation dans l'attribution d'une identité certaine à Chabert: ils supposent qu'il s'agisse de "quelque colonel qui réclame un arriéré", ou d' "un ancien concierge", ou tout simplement d' "un noble", ou d' "un portier", ou encore d' "un noble" qui a "tiré le cordon"¹¹⁹⁸. C'est justement l'ensemble d' hypothèses si différentes l'une de l'autre et concernant indifféremment toute l'échelle sociale à montrer qu'une personne telle que Chabert n'est aucunement classable à l'époque de la Restauration, d'où la seule impression vraie, son "air d'un déterré"¹¹⁹⁹.

Egalement c'est justement l'anonymat et la condition de Stéphanie qui sont à l'origine de ses longues pérégrinations à la suite de l'armée et même des abus sexuels dont elle est victime; l'absence d'un nom, donc le manque d'une identité sociale, en font "le jouet d'un tas de misérables"¹²⁰⁰. Bien que dans *Adieu* le récit de ses pérégrinations occupe moins de place que celles de Chabert dans le conte omonyme, et malgré au bout d'un moment Stéphanie soit tout à fait reconnue par son oncle, pour la femme, comme pour le colonel, toute relation avec le monde est abolie.

C'est que Chabert et la comtesse sont deux véritables résidus sociaux d'une époque qui n'est plus. La preuve c'est que la seule personne qui reconnaît le colonel à son retour en France et qui l'aide, le logeant et le nourrissant pendant un an, est "l'Egyptien", un ancien soldat de la campagne d'Egypte, d'où son surnom, et la seule personne qui arrive à communiquer avec Stéphanie est "une paysanne idiote"¹²⁰¹, qui après avoir vécu un an d'amour, donc de bonheur, a été quittée par son mari et a "perdu le peu d'intelligence que l'amour avait développé en elle."¹²⁰² Le retour de Chabert et Stéphanie est donc marqué par le même isolement mis encore plus en

¹¹⁹⁶ *Le colonel Chabert*, éd.cit., p.21.

¹¹⁹⁷ *Ibid.*, p.22.

¹¹⁹⁸ *Ibid.*, pp.30/1.

¹¹⁹⁹ *Ibid.*, p.30.

¹²⁰⁰ Cf. *Adieu*, éd.cit., p. 194.

¹²⁰¹ *Ibid.*, p.196.

¹²⁰² *Ibid.*

relief par l'exception faite par deux personnes vivant en dehors de la société. Ce que dit l'oncle de Stéphanie – “Ma nièce et cette pauvre fille sont en quelque sorte unies par la chaîne invisible de leur commune destinée, et par le sentiment qui cause leur folie”¹²⁰³ — pourrait aussi bien s'appliquer à la relation amicale entre Chabert et l'Egyptien.

Une pareille exclusion de la société justifie la prise en charge par les autres personnages des deux récits de la diversité de Chabert et Stéphanie. Les jeunes clercs de l'étude Derville sont frappés surtout par le ridicule de Chabert, un ridicule qui n'appartient point au personnage, dont au contraire le tragique silencieux est grandiose, mais qui découle justement du regard extérieur du monde. Egalement ce qui frappe Philippe de Sucey lorsqu'il (re)voit pour la première fois Stéphanie c'est son “animalité”¹²⁰⁴ qui l'amène à la comparer à “une souris prise au piège”¹²⁰⁵, criant comme un “oiseau effarouché”¹²⁰⁶, poussant des “cris d'effroi comme un animal blessé”¹²⁰⁷, qui “se mit à quatre pattes avec la miraculeuse adresse d'un chien”¹²⁰⁸, avec la “gracieuse mollesse qu'on admire chez les écureuils” et avec “le naturel d'une jeune chatte”¹²⁰⁹. Vus à travers les yeux du monde, Chabert et Stéphanie sont des êtres différents, ce qui signifie inclassables, ne correspondant plus à rien de connu.

Surtout le cas de Chabert, un ancien soldat de Napoléon, est encore plus évident puisque il est supporté par l'histoire récente. On connaît bien le sort que la Restauration, voulant effacer, anéantir même, tout ce qui pouvait rappeler l'Empire, avait réservé à l'armée impériale après Waterloo, et dont la condition misérable de l'Egyptien n'est qu'un exemple parmi tant d'autres. Ni plus ni moins que Chabert, il est tout à fait mis de côté, oublié même, et, en tant que témoin oculaire d'une époque glorieuse, il est obligé de vivre loin, en dehors même, de la société civile. Au point de vue

¹²⁰³ Ibid.

¹²⁰⁴ Cfr. “son geste avait d'ailleurs, comme celui d'un animal, cette admirable sécurité de mécanisme” (Ibid., p. 161).

¹²⁰⁵ Ibid., p. 157.

¹²⁰⁶ Ibid., p. 200.

¹²⁰⁷ Ibid., p. 163.

¹²⁰⁸ Ibid., p. 161.

¹²⁰⁹ Ibid.

historique, politique et idéologique il n'y a donc aucune différence entre l'Égyptien et Chabert, qui reproduisent la condition moyenne de la vieille armée impériale à l'époque de la Restauration. Toutefois, il est évident que le cas du premier, un soldat inconnu, sans autre fonction dans l'intrigue que sa solidarité et sa fidélité à Chabert, est bien différent de celui de Chabert. Etant le sauveur célèbre de la bataille d'Eylau¹²¹⁰, il ne peut évidemment pas jouir de l'anonymat de l'Égyptien et donc il est hyperpénalisé.

Chabert est à tout point de vue un véritable héros napoléonien qui revient en France pour retrouver sa gloire, sa femme chérie et ses richesses, bref pour récupérer son identité de soldat, de mari heureux et d'homme riche. Dans sa simplicité et dans son ignorance de l'histoire nationale plus récente il ne prend pas en compte la cassure nette qui s'est produite entre passé et présent, et dont justement sa femme est le signe évident: "Le colonel avait connu la comtesse de l'Empire, il revoyait une comtesse de la Restauration."¹²¹¹ Un pareil changement vient d'un virement complet de mentalité, de mœurs et de valeurs imposé par le retour des Bourbons: "Dans ce temps là chacun prenait sa femme où il voulait"¹²¹², même, Chabert lui-même le dit, au Palais-Royal. Par contre, le nouveau mariage de sa femme, fruit de son ambition personnelle et inspiré au récent conformisme moral et social, lui impose d'effacer son passé deux fois coupable aux yeux de la Restauration, son ancienne liberté et l'énormité des richesses héritées d'un soldat de l'Empire. La nouvelle logique sociale qui régit le choix dur, cruel même, de la femme de Chabert est le miroir de toute une époque. Et la prière adressée à son ancien mari de disparaître à jamais n'est pas du tout différente de celle imposée à Chabert par la société l'obligeant à se renfermer dans un hospice, à anéantir son ancienne identité et à substituer son nom avec un numéro, le 164¹²¹³.

¹²¹⁰ Cfr. "J'ai été pour beaucoup dans le succès de la célèbre charge que fit Murat, et qui décida le gain de la bataille." (*Le colonel Chabert*, éd.cit., p. 41)

¹²¹¹ Ibid., p. 104.

¹²¹² Ibid., p. 98; c'est Derville lui-même à le mieux expliquer: "S'il est dans cet hospice au lieu d'habiter un hôtel, c'est uniquement pour avoir rappelé à la jolie comtesse Ferraud qu'il l'avait prise, comme un fiacre, sur une place." (Ibid., p. 121).

¹²¹³ Cf. "Je ne suis plus un homme, je suis le numéro 164, septième salle" (Ibid., p.121).

Egalement lors de son retour en France Stéphanie n'est plus la comtesse de Vandières, la femme mariée et aimée par Philippe, "la reine des bals parisiens"¹²¹⁴; elle a perdu son identité sociale et personnelle sur le bord de la Bérésina lorsque elle a été obligée de dire adieu à son amant. Croyant perdre à jamais l'objet de sa passion elle a perdu en même temps son identité de femme du monde et amoureuse. Le contraste entre l'image de l'ancienne femme, dont se souvenait encore Philippe à la Bérésina — "elle ne ressemblait réellement à rien. (...) Etait-ce cette charmante femme, la gloire d'un amant?"¹²¹⁵ — et son portrait actuel est le même qu'on retrouve chez l'ancien et le nouveau Chabert.

Une pareille opposition entre l'identité très marquée de ces deux personnages dans le passé et sa disparition dans le présent est à l'origine de l'état flou qui le caractérise, et qui en fait des "mort-vivants". La lucidité de Chabert sur ce point est frappante: en se présentant à Derville il dit de soi-même: "celui qui est mort à Eylau"¹²¹⁶, et il ajoute "ma mort est un fait historique consigné dans les *Victoires et Conquêtes*, où elle est rapportée en détail."¹²¹⁷ Toutefois, l'acceptation au début de ce rôle, qu'il subit d'ailleurs douloureusement, fait partie de la stratégie qu'il met en place visant à récupérer légalement son identité. Ce qu'il dit à Derville — "je m'élève, moi, mort, contre un acte de décès"¹²¹⁸ — ne laisse aucun doute quant à son but: il refuse de transiger avec sa femme, suivant la proposition de Derville, car il sait très bien qu'accepter ce serait retourner à jamais dans le royaume des morts. La question qu'il pose à son avocat — "suis-je mort ou suis-je vivant?"¹²¹⁹ est bien celle qu'il pourrait poser à n'importe qui, et la conscience que "J'ai été enterré sous des morts, mais maintenant je suis enterré sous des vivants"¹²²⁰ décrit bien son état. Dès le début tout son portrait sentant la

¹²¹⁴ *Adieu*, éd.cit., p. 180.

¹²¹⁵ *Ibid.*

¹²¹⁶ *Le colonel Chabert*, éd.cit., p. 40.

¹²¹⁷ *Ibid.*, p. 41.

¹²¹⁸ *Ibid.*, p. 49.

¹²¹⁹ *Ibid.*, p.58.

¹²²⁰ *Ibid.*, p. 49.

mort — “Le visage pâle (...) semblait mort”¹²²¹ — et finissant par en produire l’intériorisation — “J’avais une face de *Requiem*”¹²²² — n’empêche pourtant pas au colonel une lucidité extrême. Mais, au moment où il prend en charge l’image que les autres ont de lui et il ironise là-dessus, il se dédouble jouant le mort mais sachant bien d’être vivant.

L’image que Stéphanie offre d’elle-même n’est pas très différente: lors de sa première apparition elle est comparée à “un fantôme”¹²²³, semblant “plutôt appartenir à la nature des ombres qu’au monde des vivants”¹²²⁴, avec un “regard immobile et froid”¹²²⁵, qui, dit Philippe, “m’a figé le sang dans les veines”¹²²⁶. Une pareille expression montre jusqu’à quel point les vivants ont la sensation physique d’un véritable contact avec la mort, si bien que, même après avoir l’avoir reconnue, l’ancien amant la considère “morte et vivante”¹²²⁷. Pourtant, même dans cet état flou la situation de Stéphanie est bien différente de celle de Chabert: elle a perdu à jamais la mémoire de son ancienne identité, et donc elle ne vit nullement la lacération intérieure produite chez le colonel par la comparaison entre son passé et son présent.

A l’origine de cette cassure il y a les guerres napoléoniennes polarisées sur deux batailles célèbres, Eylau (1807) et la Bérésina (1812), l’une étant notamment une victoire parmi d’autres, l’autre étant une défaite définitive. Les deux batailles sont décrites à travers l’expérience des deux personnages d’où le retrécissement de leur représentation, bref la subjectivité de leur description. Pour Chabert et Stéphanie la guerre n’est pas une idée abstraite, mais bien au contraire un fait concret, réel, et donc brutalement physique. Le récit fait par Chabert de *sa propre mort* à Eylau où il a fondu sous le coup de sabre d’un “géant russe”¹²²⁸, et où, après sa chute de cheval, il a été foulé aux

¹²²¹ Ibid., p. 38.

¹²²² Ibid., p. 52.

¹²²³ *Adieu*, éd.cit., p. 156.

¹²²⁴ Ibid.

¹²²⁵ Ibid.

¹²²⁶ Ibid., p. 157.

¹²²⁷ Ibid., p. 165.

¹²²⁸ *Le colonel Chabert*, éd.cit., p. 41.

pieds et donc jugé mort par les chirurgiens de l'armée, est parmi les pages les plus choquantes de toute la *Comédie humaine*. Le trait étonnant de ce récit, fait par un militaire habitué à réduire ses émotions au silence, est justement sa longueur et la richesse des détails macabres sur les moyens qui l'ont sauvé. Le corps sans vie de son cheval l'a protégé et le "bras qui ne tenait à rien"¹²²⁹ d'un mort lui a servi de levier pour sortir du tas suffoquant de cadavres sous lequel il a été enseveli, lui enlevant le peu d'air "méphitique" qu'il était obligé de respirer et qui le plongeait dans "les gémissements poussés par le monde de cadavres au milieu duquel je gisais"¹²³⁰, moins terribles pourtant que le "vrai silence du tombeau"¹²³¹ qui l'entourait. Aucun doute que pour Chabert une pareille expérience transforme la mort quotidienne sur les champs de bataille dans la lutte individuelle que chaque homme entreprend avec la grande faucheuse, et dont l'expérience pour être exclusivement physique n'en est pas moins atroce.

Le macabre ressortant de son récit devient le point de polarisation des horreurs de la guerre, les mêmes d'ailleurs qui constituent le trait dominant de la description de la bataille de la Bérésina dans *Adieu*. Dans le récit qu'en fait Philippe de Sucey, qui, comme Chabert, a été un témoin oculaire, on retrouve exactement la même confrontation tout à fait physique avec la mort, un véritable bras le corps de la vie avec la mort, dont la brutalité est mise en relief par le nombre de personnes concernés, une armée entière, ou du moins ce qui reste de l'armée française pendant la retraite de Russie. Toutefois, c'est justement à ce nombre surprenant des personnes concernés qu'il faut ramener un affaiblissement évident du macabre présent au contraire dans le récit de Chabert. La description du passage de la Bérésina, réduite à l'essentiel, reflète l'état élémentaire de la vie et de la mort. C'est pourquoi la plupart du récit ne concerne pas la bataille mais son attente, où ce sont les besoins primaires, comme la faim et le froid, qui dominent et où tout le reste, même les énormes richesses remportées de Moscou, n'ont plus aucune valeur¹²³².

¹²²⁹ Ibid., p.44.

¹²³⁰ Ibid.

¹²³¹ Ibid.

¹²³² Cf. "Au moment du pillage de la voiture où sont renfermés Stéphanie et son mari, les soldats prennent les couvertures, les pelisses ignorant tout à fait les objets de valeurs, les diamants, l'argenterie, l'or" (*Adieu*, éd.cit., p.178).

Au lieu d'avancer les soldats "ces malheureux, abrutis par le froid, se logeaient dans les bivouacs vides, brisaient le matériel de l'armée pour construire des cabanes (...) dépeçaient les chevaux pour se nourrir (...) et dormaient au lieu de continuer leur route"¹²³³. "Le repos" est devenu à tel point un besoin primaire chez ces soldats "mourant de faim, de soif, de fatigue et de sommeil"¹²³⁴ et "la lassitude de la vie ou le sentiment d'un bien-être inattendu rendait cette masse d'hommes inaccessible à toute pensée autre que celle du repos"¹²³⁵, que "cette mort qui les attendait ne leur paraissait plus un mal, puisqu'elle leur laissait une heure de sommeil."¹²³⁶ On a ici un renversement complet de la tradition plurimillénaire de l'idée de la mort normalement conçue comme un sommeil qui étant éternel correspond à une sortie du temps linéaire. La rentrée au contraire dans cette dimension — formalisée par "une heure" — montre jusqu'à quel point la mort, ayant perdu toute l'horreur qui normalement l'entoure dans l'imaginaire humain, se confond avec le sommeil et se réduit tout simplement à une nécessité physique. Or, c'est justement un pareil usage tout à fait neutre des métaphores les plus courantes de la mort, inventées par l'homme justement pour en adoucir le choc terrible, qui les dépouillant de leur fonction originare, et donc de toute valeur symbolique, met en relief la correspondance parfaite entre des corps sans âme et sans intelligence, et la simplification, l'élémentarisation même, d'un langage direct, simplifié et donc brutalement immédiat.

Une pareille passivité, proche d'un engourdissement des sens et des instincts, transformant des soldats courageux en des hommes tout à fait "apathiques" même vis à vis de la mort, n'est suspendue que rarement. Toutefois, au moment même où l'on a l'impression d'un retour à la vie, en réalité la réaction n'est rien d'autre qu'un dernier sursaut de l'instinct de conservation poussant ces hommes à agir pour assouvir tout simplement leurs instincts primaires. La faim poussant un petit groupe de soldats à tuer Bichette, le cheval de Philippe et son seul espoir de sortir de cet enfer avec Stéphanie, est bien plus forte que la raison: ces êtres abrutis, étrangers

¹²³³ Ibid., p. 168.

¹²³⁴ Ibid., p. 169.

¹²³⁵ Ibid.

¹²³⁶ Ibid., p. 170.

désormais à toute forme d'intelligence, préfèrent tuer un cheval vivant et moyen de salut au lieu de dépecer des chevaux déjà morts. C'est la folie de la guerre qui l'emporte sur tout, et la vue de ces soldats, dont "la misère est grotesque"¹²³⁷, dont la "gloutonnerie (...) vue chez les animaux, nous semble dégoûtante"¹²³⁸ et dont le costume offre "une singularité risible"¹²³⁹, montre en même temps jusqu'à quel point la guerre est une folie produisant la folie. En fait, bien plus qu'à Eylau, à la Bérésina la mort n'est même plus la mort, elle est pour ainsi dire dépréciée puisqu'elle reste en dehors de tout tragique et elle n'engendre que l'indifférence. Dans les bivouacs quand un soldat dormant "venait à rouler dans le feu, personne ne le relevait. (...) Si le malheureux se réveillait dans le feu et périssait, personne ne le plaignait."¹²⁴⁰ Que la guerre abrutisse tout le monde, jusqu'à Stéphanie qui, comme les autres, a vu ce spectacle deux fois sans en être nullement secouée, et qui, comme les autres, après avoir oublié tout sentiment¹²⁴¹, s'engourdit dans son laisser aller au point de ne plus désirer même pas la vie et de se faire sauver par Philippe "malgré elle"¹²⁴².

Une pareille réception de l'image de la guerre de la part des deux protagonistes est évidemment fondamentale par rapport au rôle qu'elle joue dans leur vie au niveau de l'intrigue et dans leur conscience au niveau de leur évolution intérieure. La preuve c'est que dans les deux récits le flashback occupe une place absolument prioritaire à tout point de vue, ne fût-ce que parce qu'il fonde la priorité du passé sur le présent. On dirait que dans la vie extérieure et intérieure de Chabert et de Stéphanie rien ne peut réellement bouger ou se modifier après l'expérience de la guerre vécue à Eylau et à la Bérésina. Dans leur vie ces deux batailles représentent le point de non retour, le moment où il y a une coïncidence parfaite entre la rupture historique et le choc émotionnel et sentimental, duquel ils n'arrivent pas à s'en sortir. La question posé par Chabert à Derville sur son état réel — "suis-je mort

¹²³⁷ Ibid., p.178.

¹²³⁸ Ibid.

¹²³⁹ Ibid.

¹²⁴⁰ Ibid., p. 179.

¹²⁴¹ Cfr. "L'amour avait succombé sous le froid, dans le coeur d'une femme" (Ibid., p.180).

¹²⁴² Ibid., p. 182.

ou suis-je vivant?”¹²⁴³ — n’est pas très différente du seul mot — “adieu” — retenu par Stéphanie dans sa folie et qu’elle continue à répéter sans cesse. Bien qu’à de niveaux différents, tous les deux paraissent avoir épuisé leur potentiel de vivre le présent à Eylau et à la Bérésina.

Cela dit, les deux batailles produisent dans la vie intérieure des deux personnages des réactions au départ différentes mais qui finalement finissent par coïncider. Entre Chabert, qui à Eylau arrive à se sauver par sa volonté, et l’image de Stéphanie, pareille à l’armée française, tout à fait apathique devant la mort à la Bérésina il y a toute la distance existante entre la lutte pour la vie et la soumission passive à la mort. Une pareille attitude pourtant ne découle pas de l’opposition traditionnelle entre l’idée de la force masculine et de la faiblesse féminine, mais plutôt de la signification tout à fait nouvelle qu’elle acquiert dans le contexte du récit. L’histoire personnelle de Chabert et de Stéphanie est le miroir de l’histoire de la France. Après Eylau Napoléon continue à être l’Empereur des Français alors qu’après la Bérésina il est obligé de faire sa première abdication. Tout le sens de la victoire et de la défaite de ces deux batailles est symbolisé par le colonel, qui veut vivre pour continuer à être ce qu’il est, un soldat de l’Empire qui grâce à ses mérites personnelles a monté l’échelle sociale, et Stéphanie, une comtesse, une femme amoureuse, qui pressentant la fin d’une époque refuse de lui survivre.

Au début une pareille différence d’approche à la mort, donc à la guerre, pourtant également violente, tient encore une fois d’un côté à l’identité personnelle des deux personnages en question de l’autre aux dates de deux batailles. Chabert, étant avant tout un soldat, comme d’ailleurs il le dit lui-même plusieurs fois, connaît bien la mort, l’ayant côtoyée maintes fois sur les camps de bataille, il a donc la possibilité de la racheter par sa dimension héroïque. Le colonel se sauvant à Eylau est le symbole de l’Empire continuant malgré tout sa marche glorieuse. La comtesse de Vandières au contraire, dépourvue en tant que femme de tout contact brutal avec la mort violente, en ignore toute la monstruosité physique et n’est nullement concernée par sa dimension héroïque. Une pareille ignorance paraît d’ailleurs être confirmée par la situation tout à fait spéciale de l’armée napoléonienne à la Bérésina où désormais ce n’est plus évidemment une question de gloire mais tout simplement de survie individuelle. Les soldats

¹²⁴³ *Le colonel Chabert*, éd.cit., p. 58.

se sont effacés devant les hommes, et l'héroïsme connu des pontonniers de la Bérésina est le dernier acte de générosité des soldats, car il n'y a plus que des hommes, luttant pour leur survie personnelle, réduits à être de simples mécanismes vivants et chez qui il ne reste plus que l'instinct de conservation.

De cette réception différente de la guerre de la part des deux protagonistes découle le rôle différent qu'elle joue par rapport au monde et à leur conscience et dont l'enjeu est justement la mémoire et le choix, conscient et inconscient, qu'en font les deux protagonistes, de la garder ou de l'anéantir. De deux, Chabert seul arrive à la recouvrer: à Eylau il n'a encore rien perdu, c'est pourquoi il revient en France pour reconquérir son identité de héros et de mari bienaimé. Stéphanie au contraire, sentant bien que la Bérésina représente un risque mortel pour son identité de femme amoureuse, se soumet à l'impossibilité de lui survivre et sacrifie son futur pour sauvegarder son passé. C'est pourquoi elle décide d'en anéantir à jamais tout souvenir. Au moment où la thérapie réalisée par son oncle médecin et Philippe de Sucey reconstruisant le scénario de la Bérésina à fin de provoquer le choc salutaire qui pourrait la "guérir", paraît réussir — Stéphanie récupère pour un instant son intelligence et sa lucidité¹²⁴⁴ et "voit" enfin son amant, le reconnaît et l'appelle — Stéphanie choisit la mort contre la vie, voire le passé contre le présent. Elle fait sa déclaration d'amour¹²⁴⁵, mais au moment même où elle l'accouple avec le mot fatal d'"adieu", le seul qu'elle n'a jamais arrêté de répéter dans sa folie, elle produit malgré elle une sorte de contamination, ou si l'on préfère, elle rétablit une continuité entre passé et présent, qui lui ravirait son bonheur de folle. D'ailleurs Chabert l'avait bien suggéré: "si une maladie m'avait ôté tout mon souvenir de mon existence passée, j'aurais été heureux."¹²⁴⁶

Enfin ces deux personnages, si différents l'un de l'autre, mais chez lesquels la guerre a causé une cassure brutale, se rencontrent dans un même choix, qui est celui de la folie, réelle ou mensongère qu'elle soit. Et, bien que Chabert soit obligé par les circonstances à le faire, et Stéphanie au contraire le fasse librement dans sa conscience, le résultat est absolument le

¹²⁴⁴ Cfr. "avec l'expression d'une personne qui médite, elle contempla ce souvenir vivant, tourna la tête vers Philippe, et le vit." (*Adieu*, éd.cit., p. 213).

¹²⁴⁵ "Je t'aime, adieu" (*Adieu*, éd.cit., p. 214).

¹²⁴⁶ *Le colonel Chabert*, éd.cit., p.

même. C'est ainsi que la folie, qui normalement est considérée une maladie, dans la conscience des deux personnages représente au contraire leur seule chance de vie. Lorsque le colonel est renfermé à jamais à l'Hospice de la vieillesse et Derville allant le voir l'appelle par son nom, sa réaction ne pourrait être plus nette. Puisque Chabert sait bien qu'aux yeux du monde le héros d'Eylau est mort, répondant " Pas Chabert! Je ne suis plus un homme, je suis le numéro 164"¹²⁴⁷, il prouve de choisir lui aussi la folie. En fait celle-ci représente pour lui sa seule possibilité de récupérer son ancienne identité de soldat, bien que seulement dans l'espace clos de l'Hospice: "Il les remercia par un regard stupide, en disant: 'Braves troupiers! Il se mit au port d'armes, feignit de les coucher en joue, et s'écria en souriant: Feu de deux pièces! Vive Napoléon!'"¹²⁴⁸. Pour Chabert, comme pour Stéphanie, sauvegarder sa vraie identité c'est réaliser son bonheur¹²⁴⁹ en dehors d'un monde qui après avoir traversé la folie de la guerre a produit la folie, un monde qui n'est plus l'Empire, qui pour tous les deux demeure inconnu et aux yeux duquel eux, les survivants d'une époque, ne peuvent être que des fantômes solitaires.

Napoléon, idole des jeunes diaristes russes francophones (autour de 1840)

Catherine Viollet

Les archives russes¹²⁵⁰ possèdent un grand nombre d'écrits autobiographiques rédigés en langue française, et notamment de journaux personnels ou de voyage ; la plupart sont inédits, et n'existent que sous forme

¹²⁴⁷ Ibid., p. 121.

¹²⁴⁸ Ibid., p. 122.

¹²⁴⁹ Cf. "Je ne puis plus être soldat, voilà tout mon malheur" (Ibid., p. 119).

¹²⁵⁰ Bien que ces recherches ne soient pas exhaustives, Elena Gretchanaia et moi-même avons exploré à ce jour les principales archives moscovites (RGALI, GARF, RGADA, Département des Manuscrits de la RGB) ; à Saint-Petersbourg, celles de la Maison Pouchkine, de la Bibliothèque historique et de la Bibliothèque nationale, où sont dispersés ces journaux ; à Tomsk, le fonds Stroganov.

de manuscrits¹²⁵¹. Rédigés pour l'essentiel durant les premières décennies du XIXe siècle, beaucoup d'entre eux ont pour auteurs des jeunes femmes issues des grandes familles aristocratiques de la Russie impériale.

Ce vaste corpus offre un témoignage direct, vécu « de l'intérieur » sur la vie quotidienne, et on peut y glaner de nombreuses informations sur des aspects variés de l'existence de ces personnes. Par exemple, le fait que l'histoire, matière extrêmement appréciée, tient une place de choix dans l'éducation, dispensée au sein du cercle familial : « histoire ancienne, histoire russe, géographie... » (Ekaterina Soïmonova, 15 ans en 1826)¹²⁵². Ce vif intérêt pour l'histoire tient sans doute aussi au fait que ces femmes appartiennent à des familles dont les membres masculins prennent (ou ont pris part) à des événements historiques, occupent (ou ont occupé) des fonctions importantes au sein de l'Empire et sont ainsi liés à la « grande » histoire.

Quant aux lectures — solitaires ou en famille —, à côté des romans, du théâtre, de la poésie, des écrits à teneur philosophique, religieuse ou spirituelle, les jeunes diaristes lisent un grand nombre de mémoires et d'ouvrages historiques. Leurs fréquents voyages en Europe, pour des périodes prolongées d'une ou deux années, fournit l'occasion de perfectionner leur éducation, et de favoriser la rencontre avec des cultures étrangères. Cette relative « acculturation » préalable — dont l'usage de la langue française est un élément majeur — n'est pourtant pas incompatible avec une véritable curiosité, fort éclectique au demeurant.

Ces journaux présentent une grande variété de formes (journaux épistolaires, journaux de voyage, journaux-méditation, chroniques de la vie quotidienne, mondaine, affective...) et de tons, annonçant parfois l'espièglerie et la vivacité du journal que rédigera à la fin du XIXe siècle — également en français — la célèbre diariste Marie Bashkirtseff. Par ce qu'ils mettent souvent en scène des personnages connus, relatent maints événements, et fournissent des renseignements sur les émotions ressenties

¹²⁵¹ L'inventaire provisoire de ces écrits, établi en collaboration avec Elena Gretchanaia, compte une centaine d'auteurs ; certains de ces journaux ont été transcrits par nos soins, partiellement ou en totalité. Voir notamment Elena Gretchanaia et Catherine Viollet, *Si tu lis jamais ce journal... Diaristes russes francophones 1780-1854*, CNRS-Editions, 2008 ; *Cahiers du Monde russe* n° 50/1, « Écrits personnels », 2010.

¹²⁵² Ekaterina Alexandrovna Soïmonova. *Journal et journaux de voyage, 1825-1842. Journal de Catiche. Commencé le 9 Août 1825.*

par les diaristes, ils constituent des documents précieux de « micro-histoire ».

Mais l'aspect le plus frappant de ce vaste ensemble textuel, c'est le fait que ces nombreux journaux « font système » entre eux : réseaux de noms et de personnages, de lieux fréquentés, d'événements, de commentaires, que l'on retrouve comme en écho d'une diariste à l'autre — sans parler des cas de journaux « parallèles », ou des « constellations » familiales. Ils forment ainsi un ensemble d'une remarquable cohérence, liée tant à l'origine sociale des auteurs qu'à leur éducation et à leurs centres d'intérêt. La comparaison de ces journaux permet de dégager des réseaux thématiques, mais aussi certaines marques tout individuelles, et ouvre des perspectives sur plusieurs champs de recherche. Ils permettent entre autres de mesurer l'influence de la culture française dans ces contrées lointaines, mais aussi le degré de cosmopolitisme de ces jeunes femmes. En effet, la culture féminine — francophile et cosmopolite — joue alors un rôle éminent en Russie, et constitue durant cette période un ferment actif du développement culturel.

1. Autour de 1812

À côté des nombreux documents privés (dits « ego-documents ») : mémoires, journaux personnels, carnets de route et de campagne, correspondance rédigés par les acteurs, du côté russe¹²⁵³, des guerres napoléoniennes, on trouve également des échos de ces événements dans le journal-chronique¹²⁵⁴ de la comtesse Varvara Ivanovna Lanskaïa (née Odoevskaïa, 1790-1845, épouse du comte Sergueï Stepanovitch Lankoï, franc-maçon et décembriste, et dont le beau-père fut gouverneur de

¹²⁵³ Voir par exemple la thèse de Maya Goubina, « La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812-1827 », notamment les sources tirées des archives russes. http://www.theses.paris4.sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frames.html

Un autre exemple est le journal (1813-1814) de Vassilij Aleksandrovitch Bibikov (4 carnets, RGALI, fonds 1337, op. 1, №12).

¹²⁵⁴ *Journal 1806-1833*. RGALI, fonds 1337, op. 1, dossier n° 129, Kolleksiia Memuarov i Dnevnikov, f°4v.

Moscou) : « Le 9 Septembre 1811, mon frère partit pour Jitomir pour être auprès du Général, Prince Bagration »¹²⁵⁵.

La diariste inscrit soigneusement dans son journal les nouvelles du front qui lui parviennent semble-t-il assez rapidement : « Le 13 Juin 1812¹²⁵⁶, les François étaient entrés dans nos frontières. J'ai appris le 26 Juillet 1812 avec des transports de joie, que mon frère avoit été à l'affaire de Kobrin¹²⁵⁷, et que par la grâce du Seigneur Tout-Puissant, il en est sorti sain et sauf. Il a quitté le P.[rin]ce Bagration et il se trouve à présent dans un régiment de Hussards dans l'armée du Général Tormasoff »¹²⁵⁸. Il sera d'ailleurs nommé lieutenant. Le terme « affaires » désigne les batailles auxquelles prend part son frère : « Le 22 et le 25 Août, j'ai reçu des lettres de mon frère du 6, par lesquelles il m'apprend qu'il se porte bien jusqu'à présent par la Grâce et la Miséricorde du Tout-Puissant, qu'il est auprès du Général Tormasoff, et qu'il a déjà été à quatre affaires ». Le journal de Varvara Lanskaia se montre ensuite étonnamment discret et peu disert quant à l'arrivée de la Grande Armée à Moscou : « Le 30 [Août] on a fêté la bataille de Borodino, et quelques jours après on a appris que les Français étaient entrés à Moscou le 2 Septembre. [...] Le 9 Octobre, Le Général Iermoloff s'est rendu à la Grande Armée, et mon frère¹²⁵⁹ qui a été fait son Aide-de-Camp avec lui ». Ces événements ne semblent prendre place dans le journal personnel que dans la mesure où ils concernent les proches de la diariste.

2. Autour de 1840, le culte de Napoléon

Presque trente années ont passé, au moins une génération... On s'attendrait à ce que Napoléon, associé à l'échec de sa campagne de Russie, laisse des traces plutôt négatives dans les écrits personnels et l'imaginaire des jeunes filles de l'aristocratie russe. Or il n'en est rien, bien au contraire ! Le

¹²⁵⁵ Prince Piotr Ivanovitch Bagration, plus communément appelé Pierre de Bagration (1765 — 7 septembre 1812). En 1812, Bagration parvient à se faufiler entre les corps de Davout et de Jérôme et à joindre le gros de l'armée russe, juste à temps pour la bataille de Smolensk. À Borodino, le 7 septembre, il subit l'essentiel de l'attaque française, sur la gauche de son armée. Il résiste vaillamment mais reçoit une blessure mortelle en fin de journée.

¹²⁵⁶ Les dates indiquées sont celles du calendrier julien.

¹²⁵⁷ Bataille de Kobrin, en Volhinie, les 25-26 juillet 1812.

¹²⁵⁸ Général de cavalerie Alexandre Petrovitch Tormasov, 1752-1819.

¹²⁵⁹ Son frère mourra en 1814 pendant la bataille de Brienne.

culte passionné que vouent à Napoléon ces jeunes filles des années 1840, tel qu'il apparaît de manière récurrente dans leurs journaux, prend les formes les plus variées et les plus inattendues – celle d'un enthousiasme juvénile parfois proche du fétichisme, et qui peut faire sourire. Dans son journal de voyage en Europe de 1841, Natalia Valentinovna Chakhovskaia, alors âgée de seize ans, écrit à son propos :

C'est à Greoux¹²⁶⁰ que je commençais à connaître, à aimer et apprécier Napoléon, j'ai commencé à lire les mémoires de Constant¹²⁶¹, je passais des journées entières à lire ces intéressantes mémoires et Joséphine m'enthousiasmais autant que Napoléon, celui-ci pour son génie et Joséphine pour sa grande vertu, les détails du divorce sont si triste et prouvent combien l'impératrice était vertueuse dans toute la force du terme. Avant je ne conçois pas comment je faisais pour ne pas aimer Napoléon, ce génie, comme les dispositions changent à mesure qu'on grandit, maintenant j'espère que je ne me changerait plus, si je n'ai pas aimé Napoléon et qu'après j'en ai été enchantée il est impossible que je le désaime de nouveau. D'ailleurs je trouve qu'il est complètement impossible qu'une personne qui a de la raison n'admire pas un être aussi beau et aussi extraordinaire¹²⁶².

Natalia se reproche amèrement d'avoir auparavant mésestimé un « génie », un « être aussi beau et aussi extraordinaire » que Napoléon... pour lequel elle éprouve rien moins que de l'amour ! Nous verrons que cet aveu ne se démentira pas, mais que le culte voué à Napoléon prendra de l'ampleur au fil des années, et se concrétisera de différentes manières. Cet état d'esprit est évidemment fort différent de celui de Varvara Lanskaia, contemporaine des batailles napoléoniennes.

La cousine de Natalia Chakhovskaia, Praskovia Golynskaia (qui voyage avec Natalia et tient également un journal), relate pour sa part qu'à Toulon, on proposa aux jeunes Russes dans une échoppe un « objet qui les

¹²⁶⁰ Gréoux-les-Bains, station thermale dans les Alpes de Haute-Provence, où la famille séjourne environ un mois. Les transcriptions respectent l'orthographe originale.

¹²⁶¹ Il s'agit des *Mémoires* (1830-1831) de Constant Wairy, dit Constant (1778-1845), premier valet de chambre de Napoléon.

¹²⁶² Natalia Valentinovna Chakhovskaia, *Journal, 1841-1842*. RGALI, fonds 1337, op. 1, dossier n° 292, f° 21v.

intéressa beaucoup » : il s'agit d'« un bouquet de fleurs fait en coquilles et rapporté de St Hélène où il avait été trouvé sur la tombe de Napoléon ». Lors de leur visite à l'arsenal de cette même ville, un galérien les « supplie de lui acheter des petits Napoléons en ivoire », ce qu'elles s'empressent de faire¹²⁶³ : le culte de Napoléon Bonaparte est donc matérialisé sous forme de statuettes ou d'objets divers, qui semblent posséder un extraordinaire pouvoir d'attraction.

C'est également à Toulon que ces jeunes filles admirent la « *Muiron*, frégate qui a ramené Bonaparte d'Égypte »¹²⁶⁴. De passage à Naples, elles se font un point d'honneur de visiter *La Belle Poule*, frégate alors commandée par le prince de Joinville, qui ramena les cendres du grand homme : « Nous vîmes la place qu'occupait le cercueil de Napoléon, j'étais bien contente de me trouver sur ce navire en pensant à lui »¹²⁶⁵, écrit Praskovia, tandis que sa cousine Natalia fait preuve d'un enthousiasme plus marqué : « Ce qui me rendait heureuse lorsque j'étais sur ce vaisseau c'était l'idée que je me trouvais là où a été quelques temps le corps de Napoléon, nous avons été sur la place où il se tenait [...] je ne croyais jamais que j'aurais la jouissance de me trouver sur la Belle Poule »¹²⁶⁶. Ce qui motive donc ces jeunes filles à rechercher les moindres traces de leur idole, c'est l'émotion, la « jouissance » que cela leur procure... Simple passion d'adolescence ?

¹²⁶³ Praskovia Mikhailovna Golynskaïa (« Pauline », 1822-1892), *Journal, 1841-1842*. RGB, fonds 336/2, carton 78, n° 2. Entrée du 8 octobre 1841.

¹²⁶⁴ *Ibid.*, entrée du 27 Septembre 1841. La *Muiron* est la frégate que Napoléon empruntera le 23 août 1799, pour rentrer en France, après la Campagne d'Égypte. Elle fut nommée ainsi en hommage au sacrifice du colonel Jean-Baptiste Muiron, qui se jeta devant Bonaparte pour le protéger, lors de la bataille du Pont d'Arcole.

¹²⁶⁵ *Ibid.*, entrée du 6 Juillet/24 Juin 1842. François Ferdinand Philippe Louis Marie, prince de Joinville (1818-1900) et fils de Louis-Philippe, ramena sur cette frégate en 1840 les cendres de Napoléon Bonaparte, de Sainte-Hélène à Cherbourg, puis les accompagna jusqu'aux Invalides. « Il faut, avait dit M. de Remusat, ministre de l'intérieur, que cette sépulture auguste soit placée dans un lieu silencieux et sacré où puissent la visiter avec recueillement ceux qui respectent la gloire et le génie, la grandeur et l'infortune ! Il ne faut pas à Napoléon la sépulture ordinaire des rois. Il faut qu'il règne et commande encore dans l'enceinte où vont se reposer les soldats de la patrie, où iront toujours s'inspirer ceux qui seront appelés à la défendre ».

¹²⁶⁶ Natalia Chakhovskaïa, *ibid.*, entrée du 2 Juillet/21 Juin 1842 (f°82v/158).

Où mode plus largement partagée ? Elle s'exacerbe en tout cas sous des aspects multiples.

Dans les journaux de voyage respectifs des deux jeunes cousines sont relatés d'innombrables faits se rapportant de près ou de loin à Napoléon, qu'elles ne manquent jamais de consigner avec soin : lorsqu'elles visitent en 1838 la cathédrale de Strasbourg, elles ont pour guide « un Français soldat de Napoléon ». A Florence, en 1842, Praskovia note avec regret : « nous passâmes devant la voiture de Jérôme Bonaparte qui était avec son fils Napoléon, mais hélas ! je ne pus distinguer ses traits — car je ne sus que c'était lui que lorsque nous fûmes loin de là »¹²⁶⁷. A Gênes, on leur montre « l'endroit où on donna un dîner à Napoléon » ; à Pise, en mai 1842, un domestique « qui avait servi le grand homme à l'île d'Elbe », dont le nom est Gentillino, leur apporte « un peu de cheveux de Napoléon et un mouchoir de poche qui lui avait appartenu ». Même si la jeune Natalia, âgée de seize ans, exprime des doutes quant à l'authenticité de ces objets, elle tient cependant à les conserver comme de précieuses reliques : « à mon grand regret je ne crois pas à tout cela, pas moins je conserve avec soin ces cheveux et ce mouchoir, peut-être, peut-être que c'est vrai »¹²⁶⁸. Lorsque quelques années plus tôt, alors âgée de treize ans, elle visite pour la première fois Versailles, où elle « retrouve tous les plus beaux souvenirs de France », elle ne manque pas d'admirer le tableau « représentant le couronnement de Napoléon et Joséphine ». Le lendemain, à Fontainebleau, qui « évoque de si pénibles souvenirs »,

nous vîmes la chambre où Napoléon signa son abdication, nous vîmes là la table ronde sur laquelle il la signa et son écriture, nous vîmes sa chambre à coucher et nous vîmes la cour qui fut présente à de si tristes adieux ; je croyais voir encore Napoléon descendant de cet escalier puis au milieu de ses soldats embrassant son drapeau et Monsieur Petit¹²⁶⁹ ; mon cœur se déchirait à tous ces souvenirs¹²⁷⁰.

¹²⁶⁷ Praskovia Golitsyna, *ibid.*, entrée du 9 Septembre/22 Août 1842, f°31.

¹²⁶⁸ Natalia Chakhovskaia, *ibid.*, entrée de mai 1842, Pise.

¹²⁶⁹ Le général Jean-Martin Petit (1778-1856) commandait les troupes à Fontainebleau lors des adieux de Napoléon à la Garde impériale, le 20 avril 1814.

¹²⁷⁰ Natalia Chakhovskaia, *ibid.*, f° 21v°.

Revivant ces scènes dans leur cadre authentique, la diariste semble s'appropriier ces « souvenirs » qui « déchirent son cœur » : nous ne sommes pas loin d'un processus d'identification... Si ces jeunes Russes sont si avides de retrouver des traces de Napoléon, c'est que ces traces ont plusieurs fonctions : celle de preuves matérielles, attestant les connaissances qu'elles ont acquises de ces faits historiques, mais aussi celle de faire revivre à leurs yeux ces personnages qu'elles admirent profondément — même si cela peut paraître quelque peu paradoxal — et qui frappent leur imagination :

Nous sommes restées longtemps dans ce joli jardin anglais [de Fontainebleau] planté par Joséphine, Hortense ; je cherchais en vain toutes ces personnes que j'aurais été si heureuse de voir. Il y a longtemps qu'elles ont quitté cette terre, elles sont heureuses dans l'autre monde oui décidément elles le méritent. Je n'ai vu que le produit de leurs soins et j'étais heureuse de me promener dans leur jardin.

La visite qui conduit aux Invalides Natalia et sa famille constitue sans doute le point culminant de ce discours panégyrique ; elle regrette de n'avoir pas consacré suffisamment de temps à cette visite : « moi je trouve qu'il faut toujours commencer et finir par là, si je dépendais de moi je serais allée une quantité de fois dans cette chapelle qui renferme les cendres du plus grand homme qui ait existé¹²⁷¹ ». La description de l'hôtel des Invalides et du tombeau de Napoléon est extrêmement précise et détaillée :

Lorsqu'on entre dans la chapelle à gauche il y a une petite chapelle, dans laquelle se trouve le cercueil, qui est recouvert de velours violet brodé d'abeilles d'or. Au-dessus de la tête se trouve la couronne et au pied le chapeau en feutre noir et l'épée de Napoléon ; au pied du cercueil il y a une quantité de guirlandes d'imortelles, je suppose que ce sont les personnes qui viennent saluer ce cercueil qui apporte ces guirlandes, si j'avais su cela d'avance j'aurais aussi apporté une guirlande. Cette chapelle est gardé par deux invalides.

¹²⁷¹ Tandis que la visite du Panthéon et de la tombe de Jean-Jacques Rousseau la laisse indifférente...

Napoléon se trouve justement dans l'endroit qui lui convient le plus, au milieu de ses soldats, il est plus intéressant à cause de son malheur à Ste Hélène mais l'endroit qui lui convient le plus est justement là où il se trouve maintenant.

Lorsqu'elle passe en bateau devant l'île d'Elbe, Natalia précise sur un ton de véritable désolation que seul le mal de mer l'a empêchée de contempler cet autre haut-lieu du souvenir :

C'est une horreur à dire, mais la veille au soir mardi, je n'ai pas voulu me lever pour regarder l'Île d'Elbe qu'on dit avoir vue très distinctement et moi qui veut toujours tant voir cette île, quand je me suis trouvée à côté, je n'ai pas voulu seulement la regarder — ceci peut faire comprendre l'affreux du mal de mer à ceux qui connaissent ma passion pour mon héros !¹²⁷²

Cette idolâtrie, ce véritable culte ne concerne d'ailleurs pas le seul Napoléon Bonaparte, mais s'étend à toute sa parenté et son entourage, que ces jeunes filles connaissent sur le bout du doigt. Natalia Chakhovskaia précise que la princesse de Canino-Lusignano, rencontrée sur la pelouse des Cascines à Florence, est « fille de Joseph Bonaparte, mariée à son cousin Napoléon fils de Lucien »¹²⁷³. Lorsque Louis Bonaparte — frère de Napoléon — en personne fit envoyer, par l'intermédiaire d'un certain Pietra-Santa, un « jasmin sauvage » à la jeune Natalia, celle-ci « était aux anges, rougissait de plaisir, ne pouvait croire à son bonheur — elle demanda cependant à Pietra-Santa s'il ne la trompait pas », lit-on dans le journal de sa cousine, qui relate cet événement mémorable. À Livourne, le maître d'hôtel leur fait visiter les chambres qu'occupa ce même Louis Bonaparte. Quelques jours plus tard, on visite un cimetière « où se trouve un tombeau fort simple mais joli de Charlotte, belle-fille de Louis et Hortense. J'aime cette famille et surtout Napoléon ! », conclut la diariste¹²⁷⁴. À Avignon, on se rend dans la chambre de l'hôtel où fut assassiné le maréchal Brune, et les visiteuses lisent sur les lieux mêmes « la description de ce triste événement dans Alexandre Dumas ». L'émerveillement que cause à Natalia

¹²⁷² Journal de Natalia Chakhovskaia, *ibid.*, entrée du 9 Décembre/27 Novembre 1842.

¹²⁷³ Journal de Praskovia Mikhailovna Golynskaia, *ibid.*, entrée du 22 Août 1842, f° 32.

¹²⁷⁴ *Ibid.*, 25 Août 1842, f° 40.

la découverte de la ville de Naples ne peut se mesurer, en intensité, qu'avec l'admiration qu'elle éprouve pour son héros : « jusqu'à présent jamais une belle situation ne m'a fait éprouver ce que je sens maintenant, je croyais qu'on ne pouvait avoir cette admiration que pour un génie comme je l'éprouve en pensant à Napoléon »¹²⁷⁵.

La grande-duchesse Elena Pavlovna elle-même note dans son journal, à propos de Venise, que le port-franc de l'île St-Georges a été réalisé « par ordre de Napoléon », ainsi que le jardin public, « seule promenade qui existe à Venise »¹²⁷⁶. La comtesse Elisaveta Vassileva souligne également que ce jardin « a été fait par Napoléon » et qu'il est « très joli »¹²⁷⁷ ; visitant quelques jours plus tard le village de Montebello, « village où les français remportèrent une bataille sur les Autrichiens », elle se souvient qu'après cette bataille « Napoléon surnomma Lannes, duc de Montebello »¹²⁷⁸. Elle note encore qu'on lui offre, à elle aussi, « une petite statue, un petit Napoléon en albâtre blanc ».

Statuettes de Napoléon en ivoire, en albâtre, mouchoirs ou mèches de cheveux — il semble en effet qu'un véritable commerce entretienne ce fétichisme partout où se rendent nos diaristes.

3. Quelques accents patriotiques

Notons cependant que cet enthousiasme pour Napoléon n'est pas toujours présent, ni partagé lorsque l'on examine sous cet angle le journal d'autres diaristes contemporaines de Natalia Chakhovskaïa et de sa cousine Praskovia Golynskaïa. Le journal de S. H.¹²⁷⁹, jeune fille qui traverse l'Allemagne avec son père en 1839, témoigne plutôt d'accents patriotiques. Elle relate en ces termes l'hommage rendu au maréchal Koutouzov — célèbre vainqueur de Napoléon —, et souligne le degré de sa popularité lorsqu'elle passe à Bunzlau, en Silésie :

¹²⁷⁵ Journal de Natalia Chakhovskaïa, *ibid.*, Naples, entrée du 22/10 Juin 1841, f° 76.

¹²⁷⁶ Elena Pavlovna, grande-duchesse (Romanova, née princesse Frederika-Charlotta-Marie de Wurtemberg ; 1806-1873). *Journal de voyage, 1838 - 1839*. GARF, Entrée du 18/30 oct. 1838.

¹²⁷⁷ Elisaveta Vassileva (dates de vie inconnues). *Journal de voyage, 1836-1837*. RGALI, fonds 1337, op. 1, n° 24. Entrée du 3 Novembre 1836.

¹²⁷⁸ *Ibid.*, entrée du 8 novembre 1836.

¹²⁷⁹ Nous n'avons pas pu préciser son identité, ni ses dates de vie, mais il est clair qu'il s'agit d'une jeune fille.

en passant par Bunzlau nous sommes descendus de voiture à une demie mil de la ville pour voir le monument érigé au Prince Koutouzoï sur le lieu même de sa mort. — C'est une colonne brisée, entourée d'une couronne de lauriers — la planche sur laquelle est gravé son nom et le moment de sa mort avec une inscription funéraire, est toute couverte et en tous sens des noms des voyageurs qui ont passé près de ce lieu, pour faire comme les autres, papa y a de même inscrit le sien.

Quelques mois plus tard, à Munich, elle ne manque cependant pas de visiter « l'église des Jésuites, où se trouve le Monument funèbre d'Eugène Beauharnais » ; puis, de passage à Francfort, elle se réjouit d'assister à « la grande parade de toute la Garde nationale qui aura lieu après demain, jour de la bataille de Leipzig dont on veut fêter la mémoire »¹²⁸⁰. Les stations qu'elle mentionne sont donc plutôt celles des défaites napoléoniennes, et on ne trouve nullement dans son journal les accents admiratifs si répandus chez ses contemporaines.

Cette brève incursion dans les écrits privés des jeunes filles de l'aristocratie russe nous permet de saisir — de manière certes très partielle — ce « je ne sais quoi » qui fait l'atmosphère d'une époque, que l'on ne peut guère reconstituer à partir de la lecture des livres savants. Certes, les œuvres littéraires peuvent la recréer de manière efficace, comme le fera plus tard Tolstoï — sans oublier l'engouement d'un Pouchkine ou d'un Lermontov, ou encore la passion certes plus tardive mais néanmoins intense de Marina Tsvetaeva pour l'Aiglon —, mais ces témoignages directs, sur le vif, nous transmettent la saveur inimitable de l'émotion vécue dans toute sa fraîcheur. Munies de solides connaissances historiques, ces jeunes femmes font preuve, dans leurs écrits autobiographiques, d'une vive sensibilité envers l'histoire, tant européenne que russe, tout en accompagnant ces récits de leurs propres réflexions et émotions. Elles sont capables de prendre à cœur, avec la même intensité, des événements et des acteurs historiques aussi bien russes qu'européens. Cette vaste et multiple résonance constitue l'un des traits saillants de leurs journaux.

¹²⁸⁰ S. H., *Journal, 1839-1840* [classé anonyme], RGALI, fonds 1337, inventaire 1, n° 332, f° 13. Entrées du 13 Juin 1839 (Dresde) ; du 9 août 1839 (Munich) ; du 4 octobre 1839 (Francfort).

Gloire de Napoléon, bête noire de Véréchaguine V.V. et de Rosanov V.V.

Oksana Timacheva

Véréchaguine Vassiliï Vassiliévitch (1842-1904) et Rosanov Vassiliï Vassiliévitch (1856-1919), peintre et philosophe, sont nés sur les bords de la Volga, l'un à Tchérépovets, l'autre à Kostroma. Les deux sont les figures de prou de la deuxième moitié du XIX siècle.

Le premier, Véréchaguine, est un peintre, qui a travaillé avec succès dans le genre de la peinture historique, il s'est inspiré de scènes des guerres différentes, et son expression en couleurs était souvent philosophiquement symboliste au point de vue de sujet. Parmi ses tableaux, bien appréciés par ses contemporains, il y a aussi les tableaux du cycle pittoresque sur la guerre avec Napoléon en 1812.

Le deuxième, Rosanov, est un philosophe religieux qui a ses propres idées sur la philosophie de l'histoire. Pour lui Napoléon est antihéros de type d'Anti-Christ, une sorte de révolutionnaire-imprécaeur, patriarche du terrorisme. Rosanov explique ce phénomène psychologiquement par sa manie de grandeur (type de Rascolnikov). Les gens qui se sentent de «grands hommes», selon lui, sont «monotons, abasourdis, ennuyeux», ils empêchent aux petits gens mener leur vie normale de tous les jours. «On est étroit avec les Grands». «Quelqu'un vient et dit qu'il veut envahir l'Asie. Qu'il le veut, passe, et pour nous, les mortels, qu'est ce que cela signifie? Quelle joie cela nous apporte? A quoi bon?» L'essentiel dans le grand homme est l'absence de la foi, d'une croyance, la totalité inutile de son ego.

Véréchaguine et Rosanov traitent négativement la personne de Napoléon, en l'expliquant et en s'expliquant dans leurs oeuvres (livres, carnets, tableaux). Ils sont entrés dans la vie culturelle de la Russie à l'époque où il y avait déjà plusieurs témoignages picturaux et littéraires sur Napoléon. Ils se rendaient compte qu'en Russie il existe le mythe napoléonien, et par rapport à ce mythe les artistes se situent en cherchant leur place. Véréchaguine et Rosanov ont choisi la côté critique, qui est bien représentée par eux, démontrée et contient pas mal de preuves et de leurs raisons.

Véréchaguine a écrit le livre «Napoléon. 1812» avant de peindre sa série de tableaux à ce même sujet, a visité tous les lieux mémoriels à Borodino, a étudié une grande quantité d'éditions, beaucoup de livres,

qui ont dans la plus grande partie les auteurs français, membre ou témoin de la guerre de 1812. Voilà la liste: “Анштедт, А. F.de B., Барклай, Бернадот, Богданов, Богданович, Bulletins, Бутурлин, Bourgeois, Bourgogne, Булгаков, Глинка, Граббе, Gourgaud, Daumery, Давыдов, Данилевский, Deniée Dumas, général ; Durdant, Duverger, Journal pendant la compagnie de 12, d’Ysnar, chevalier, Constant, Кербелецкий, Кутузов, Кичеев, Корнет,записки; Labaume, Lettres sur la guerre de 1812; L.G.L.D; Marbot, Moniteur, Marin de la garde, Муравьев, Officier de la jeune garde, Оленин, Попов, Pradt, l’Abbé, Porter, Roos, Ростопчин, Раппе, Ségur, Soltyk, Saint Brice, Терконец, лорд; Толычева, Fain, Fézensac, Fusil, m-me; Феофилакт, De la Fluse, Феньшау, Чернышев, Chambray, Chaptal, Шаховской, C-sse Choisel Gouffier, Шишков.”

Cette liste contient de noms peu ou bien connu (Tolicheva — Koutouzov), on trouve aussi les noms tout à faits inconnus et qui sont anonymes (Корнет,записки;Marin de la garde;Officier de la jeune garde, A.F.de B.), de noms, qu’ont ne trouve pas immédiatement dans les encyclopédie et les éditions d’information (Bourgeois, Bourgogne, Labaume), il y a encore d’auteurs célèbres traduit en russe (Ségure) et ceux qui n’ont pas encore traduit en russe (Fézensac). Chaque nom est précieux pour la progéniture, et ce pourquoi comme exemple du texte lu et utilisée par Véréchaguine l’auteur de cet article représente sa traduction d’un épisode tiré de chapitre «Campagne de Russie en 1812»(pp.181-194). Les «Souvenirs militaires du général duc de Fézensac», parus en 1849 et sont remis au jour en 2008.

Selon Alain Fillion, «personne avant lui n’a décrit le mouvement des armées avec autant de sobriété, jointe à autant de précision; à coup sur, il en est peu qui mettent mieux en lumière ce qu’est la guerre sous ses divers aspect: l’héroïsme,le dévouement, la gloire mais aussi les souffrance qui accompagnent les plus éclatants succès.»

Véréchaguine en citait plusieurs pages.

«Au moment de son départ, l’Empereur voulut laisser à Moscou des traces de sa vengeance, en achevant de détruire ce qui avait échappé au désespoir des Russes.Le maréchal Mortier fut chargé d’y rester quelques jours avec la jeune garde, pour protéger la marche des autres corps de l’armée contre les détachements ennemis placés sur la route du nord.Il devait en meme temps, faire sauter le Kremlin et mettre le feu à tout ce qui existait

encore. Ainsi acheva de s'anéantir cette malheureuse ville, incendiée par ses propres enfants et détruite par ses vainqueurs...»

«...La rigueur du froid vient augmenter nos embarras et nos souffrances; beaucoup de soldats, épuisé de fatigue, jetaient leurs armes et quittaient leurs rangs pour marcher isolément. Ils s'arrêtaient partout où ils trouvaient un morceau de bois à brûler pour faire cuire un quartier de cheval ou un peu de farine, si toutefois leurs camarades ne venaient pas enlever leurs ressources; car nos soldats, mourants de faim, s'emparaient des vivres de tous les hommes isolés qu'ils rencontraient, heureux encore, ils ne leur arrachaient pas leurs vêtements. Après avoir ravagé tout le pays, nous étions réduit à nous entre-détruire, et cette extrémité était devenu nécessaire...»

Rosanov n'a écrit sur Napoléon rien de spécial mais toute son oeuvre est parsemée de répliques, de petites indications à cette incarnation du mal, à cette figure étranger aux Russes qu'est l'Empereur français. Certaines de ces notes tirés des livres *l'Éphémère*, *le Feu noir*, contenant les jugements sur «les grands hommes» (gens de trop), sur les révolutionnaires (terroristes) et sur l'absence de la foi (moi comme absolu) sont de textes aussi banals que philosophiques (comparables, p.ex., avec celle d'un auteur français comme Alain). Rosanov, admirateur et héritier de Dostoïevski (Apollinaria Souslova était sa femme en loi), juge que la société démocratique dans laquelle la Russie est brutalement projetée ne fait que rendre les conflits plus violents. Elle promet en effet à chacun un égal droit à la réussite et à la gloire : serfs affranchis, petits fonctionnaires, étudiants pauvres se sentent à égalité avec les nobles ou les grands bourgeois. Inévitablement, les obstacles et les rigidités sociales engendrent alors frustrations et amertume. C'est d'ailleurs le point de départ du concept de ressentiment chez Friedrich Nietzsche. Rosanov se rapproche de Nietzsche « en ce que leurs idées contiennent non pas une réponse mais une question : peuvent-ils encore concevoir quelque espoir, ceux qui ont repoussé la science et la morale. Autrement dit : la philosophie de la tragédie est-elle possible? » Selon Dostoïevski dit, que la plupart des romanciers cherchent à construire des « types » littéraires parfaitement homogènes et définis, mais lui, il souligne au contraire des personnages qui se « construisent eux-mêmes », au travers de leurs actes et de leurs interactions sociales, étant bien angoissé de ce fait. Rosanov voit l'homme et les grands hommes de la même façon.

Dimitri Merejkovski, qui était à son tour un élève de Rosanov a écrit sur Napoléon deux volumes étant en exil en France. En prenant la structure

et le style de recherche historique il voyait la personne de Napoléon comme combinaison de deux sources d'Apollon et de Dionysos.

L'influence du Code de Napoléon sur le statut juridique des femmes en France et en Russie

Svetalana Vorochilova

Le Code civil français, créé sur la demande et avec la participation personnelle de l'empereur de la France — Napoléon Bonaparte en 1804, est un des plus importants et brillants actes de droit civil dans toute l'histoire du développement du droit. Il est devenu l'exemple pour la création des codes civils dans plusieurs pays européens et en Russie. Le Code civil français, étant porte-parole des idées de la révolution et, s'appuyant sur les dispositions essentielles du droit romain, comprenait toute une série des idées progressistes de l'époque, telles que l'abrogation des privilèges de caste, l'égalité de tous devant la loi, l'inviolabilité de la propriété privée etc. Mais, malgré tout son « révolutionnarisme » et progressivité, le Code prévoyait des restrictions substantielles pour les articles consacrés au statut juridique des femmes

Le Code de Napoléon fixait l'institut des pouvoirs du mari sur sa femme, conformément auxquelles la femme était obligée à se soumettre à son mari quand au choix du lieu pour le domicile et l'éducation des enfants. Sans permission de son mari, la femme ne pouvait ni prendre la parole au tribunal, ni aller au service. Bien que certains articles du Code soulignent l'égalité du mari et de la femme, en réalité l'homme occupait dans la famille la place dominante.

De même, la dépendance de la femme de son mari a été prévue par les lois de la Russie. En vertu de son pouvoir, le mari avait le droit d'exiger pour que la femme non seulement demeure ensemble avec lui, mais qu'elle le suive pendant chaque changement de domicile. Le refus du mari d'avoir la femme à sa charge ne la privait pas de l'obligation de la cohabitation.

En France, pendant la délibération de l'article 213 du Code de Napoléon du 1804 qui prévoyait l'obligation pour la femme de demeurer ensemble avec son mari, a été prise la décision de donner au mari le droit de demeurer séparément de sa femme, de ne pas avoir la femme à sa charge,

d'arrêter les revenus de la propriété qu'elle possédait, ainsi que la forcer, à l'aide du tribunal, à la cohabitation.

Les lois russes, de même, prévoyaient pour le mari le droit d'exiger de remettre sa femme dans sa maison à l'aide de la police — ce qui était très activement discuté et désapprouvé par beaucoup de juristes.

L'article 230 du Code civil du 1804 stipulait que la femme pouvait demander le divorce à cause des adultères de son mari seulement dans le cas, où le mari établissait la résidence de sa concubine dans le domicile conjugal. Cet article a été surtout critiqué par ceux qui défendaient les droits des femmes. Outre le divorce, le Code stipulait que les époux pouvaient demeurer séparément — ce qui était reflété dans la législation de plusieurs Etats européens.

Jusqu'au début du XX siècle, les lois russes interdisaient aux époux de demeurer séparément. L'apparition dans le Code des lois de l'Empire de la Russie de l'article 103 a donné à l'époux le droit de refuser la vie en commun, s'il « trouve cette vie insupportable pour lui ».

La situation inégale d'une femme mariée se manifestait et dans ses droits de propriété. Le Code civil définissait les relations de propriété entre les époux à l'aide du contrat de mariage qui pouvait prévoir de différents régimes de la possession par les époux de leurs biens. Mais comme règle générale, si le contrat de mariage ne stipulait rien d'autre, le régime de possession en commun pour les biens du mari et de la femme a été établi. Ainsi, la disposition des biens familiaux appartenait complètement au mari qui pouvait agir sans participation et consentement de la femme.

En Russie, le mariage ne prévoyait pas la possession en commun des biens des époux, chacun d'eux pouvait avoir et acquérir sa propriété isolée.

Dans le Code de Napoléon, la restriction des droits d'une femme mariée s'est manifestée et dans la définition des relations entre les parents et les enfants. Le pouvoir des parents a été réduit jusqu'au pouvoir du père. Tous les accords entre les parents sur la délégation du pouvoir du père à la mère, ont été rendus invalides. Pour se marier, les enfants devaient obtenir le consentement des deux parents, mais en cas de désaccord entre eux, c'est l'opinion du père qui était prise en considération.

En Russie, les lois ne prévoyaient pas la préférence du pouvoir du père. Tout de même, dans les cas pareils, la jurisprudence rendait les jugements en faveur du père.

Ainsi, malgré le fait que les droits des femmes mariées soient limités, il faut souligner l'influence positive du Code civil de Napoléon sur le développement du droit familial au XIX siècle. Le mariage civil, la possibilité pour les époux de demeurer séparément, l'octroi à la femme du droit au divorce — tout cela caractérisait une nouvelle attitude du législateur dans les questions de la famille et du mariage.

« Mythe de l'an douze » et élections à la IVème Douma

Vladimir Lapine

L'actualisation des événements historiques et l'utilisation récurrente de l'argumentation historique dans la polémique sur les différentes questions sont devenues une particularité de la vie politique et culturelle russe du début du XXe siècle. Une vague de commémorations des anniversaires, qui a inondé le pays, a joué un rôle significatif dans la vie de l'état et de la société. Ceci peut s'expliquer par la coïncidence de trois facteurs :

- a) des dates anniversaires des événements cruciaux de l'histoire nationale ;
- b) de l'intérêt général pour le passé ;
- c) d'une solide tradition d'utilisation des « alliances historiques » en tant que justification des actions touchant tous les domaines.

De surcroît, chacune de ces composantes avait l'effet catalyseur pour les deux autres.

En 1912, deux majeurs événements politiques russes, la commémoration du centenaire de la Guerre patriotique de 1812 et les élections à la IVème Douma d'Etat, se sont déroulées simultanément. Les éléments du « mythe de l'an douze » ont été largement utilisés par tous les partis et les groupements politiques pour gagner les voix des électeurs. Cette lutte a été reflétée par la presse, l'analyse de laquelle nous livre la précieuse information sur la formation de la culture de l'argumentation historique et sur le processus de la formation dans la conscience collective des idées sur les événements décisifs de l'histoire du pays.

L'une des particularités de la campagne électorale de 1912 se résumait au projet fomenté par les forces au pouvoir de faire élire le maximum possible de prêtres afin de créer une majorité parlementaire loyale. Ce projet a été

appuyé par les groupements politiques de droite, dont le porte-parole était le journal « Moskovskie Vedomosti ».

Puisque le manque de patriotisme de l'an 1812 a été considéré en 1912 comme un péché inexpiable, les adversaires politiques puisaient dans l'histoire de la lutte contre Napoléon les faits compromettants. Des partis de gauche et du centre se sont communément opposés à la Douma « mauve » (une allusion à la couleur des habits de l'hierarchie ecclésiastique). Le journal « Vetchernee Vremia » a publié un article sur l'infidélité à la vérité historique du dessin figurant sur la médaille commémorative. Le projet de la médaille comportait l'image en relief d'un citadin, d'un guerrier, d'un prêtre et d'un laboureur symbolisant la réunification de tous les états. Les auteurs de l'article ont protesté contre la présence sur l'image d'un prêtre en tant qu'« un représentant d'une caste, qui a préféré, il y a cent ans, de rester en dehors du mouvement populaire ». Cet article, accompagné de commentaires bienveillants, a été republié par plusieurs journaux libéraux. Ces mêmes éditions ont attiré l'attention de leurs lecteurs sur l'absence des « pasteurs des hommes » parmi les héros de la guerre et sur les cas de leur collaboration avec l'ennemi.

La presse de droite a répondu par des contre-attaques acharnées, faisant des louanges aux mérites du clergé russe en 1812. De surcroît, elle a accusé de la trahison des vieux-croyants de Moscou, qui auraient accueilli favorablement les troupes françaises. Ce coup a été destiné à A.I. Goutchkov, leader de l'Union du 17 octobre (le parti des octobristes), originaire du milieu des commerçants de Moscou, qui n'appartenaient pas à l'église orthodoxe officielle.

Dans leurs publications, les démocrates constitutionnels (les cadets) ont contre-attaqué les octobristes, disant que les industrialistes russes, les « ancêtres historiques » de ces derniers, avaient fait fortune sur les commandes militaires, en majorant les factures tout en versant des donations à la cause nationale. En guise de réponse, les éditions octobristes ont transmis l'information que les professeurs de l'Université de Moscou, après avoir esquivé la collecte de fonds, ont déposé les demandes de compensation pour les biens qui seraient pillés et brûlés par les Français. Ceci était une allusion bien claire sur le mal-fondé de la thèse des cadets sur le désintéressement de l'intelligentsia russe, qui représentait, en 1912, le principal soutien du parti des cadets.

La plupart des constructions polémiques n'ont pas été particulièrement sophistiquées. On s'interrogeait fréquemment d'une manière pathétique :

pourquoi a-t-on pu gagner en 1812 ? La réponse supposée a été la suivante : parce qu'à l'époque il n'y avait pas de..., suivie d'une liste de « plaies », dont la société et l'état actuels devraient être immédiatement guéris.

La critique littéraire et théâtrale des œuvres dédiés à l'anniversaire a été une autre forme de cette lutte. Les critiques ont été cléments par rapports à leurs amis politiques et impitoyables avec leurs adversaires.

Le recours récurrent aux arguments de « l'anniversaire » dans la lutte pour les sièges à la IVème Douma témoigne du fait que le « mythe de l'an douze » est devenu au début du XXème siècle une partie importante de la conscience historique nationale.

Les idées du bonapartisme pendant la révolution russe et la guerre civile (1917–1920) : «Le brumaire» du général L.G. Kornilov et «Toulon» du sous-lieutenant M.N. Toukhatchevsky

Nicolai Kopylov

Aux tournants de l'histoire de la société les regards humains s'adressent involontairement aux images des grands hommes du passé, dans les actions de lesquelles on cherche l'analogie avec les actes des contemporains. Notamment à tragique pour la Russie la période de février — octobre 1917 et suivant puis la guerre civile devient vitale l'image de Napoléon Bonaparte comme du militaire et l'homme d'État fait naître par une Grande révolution française.

On formait avec succès «le mythe napoléonien» sur le grand capitaine, le créateur et le peintre de l'idée militaire. Pendant les années révolutionnaires du XX siècle à la société s'est trouvé une tout à fait autre image de Napoleon, qui est devenu nécessaire. Les témoins oculaires des chocs globaux socio-politiques voient dans Napoleon le politique décisif, le maître du destin de l'État, la personne qui a fait la carrière grâce à la révolution. À la période donnée étaient populaires deux étapes de la biographie napoléonienne : la révolution du 18 brumaires de 1799 qui ont mis fin au chaos public et la prise par l'armée révolutionnaire de Toulon — comme le début de la carrière brillante du chef militaire. L'image du jeune Bonaparte a besoin de la réalisation réelle, et la société russe, en ramenant à la vie dans ces

années tragiques «le mythe napoléonien», avance à titre de l'analogie des contemporains — le général L.G. Kornilov, a puis — «le maréchal rouge» M.N. Toukhatchevsky.

Ce choix n'est fait par hasard. L.G. Kornilov est entré dans l'histoire de la révolution russe comme le général, qui dev ra faire la révolution militaire, couper le désarroi ultérieur de la structure de l'État russe et établir la dictature. La carrière militaire de Napoléon Bonaparte pendant la grande révolution française, ainsi qu'appliqué par lui dans les batailles les procédés tactiques rappellent la biographie et les actes de M.N. Toukhatchevsky. Dans leurs biographies Kornilov et Toukhatchevsky s'obligent à faire involontairement l'attention non seulement aux moments pareils dans leur carrière, mais aussi aux coïncidences avec la carrière de l'originaire de la Corse.

Au printemps de 1917, dans les conditions de la guerre, les décompositions n'a pas le temps l'armée commune, les crises constantes du nouveau Gouvernement provisoire et l'instabilité totale intérieure, naît l'image de Kornilov comme de l'idole de la jeunesse militaire, comme la personne, capable d'assumer la responsabilité pour le destin de l'armée et l'État.

L.G. Kornilov aspire au dialogue avec les pouvoirs. C'est pourquoi il reçoit beaucoup de partisans, à politique, ainsi que dans le milieu militaire, en premier lieu parmi le corps des officiers. Il non seulement avait la réputation du général-républicain, mais ne déclarait jamais la possibilité de la restauration de la monarchie. Son programme — la restitution dans l'armée des ordres traditionnels n'est pas simple, mais aussi la tentative de prendre en considération les nouvelles tendances démocratiques. L'analyse détaillée du programme de Kornilov permet d'établir que ses actions n'étaient pas du tout réduites à la tentative de la révolution contre-révolutionnaire et l'établissement de la réaction politique, comme on croit dans l'historiographie nationale. Au contraire, les premiers temps Kornilov aspirait au dialogue avec le Gouvernement provisoire que peuvent confirmer les actions ultérieures du général. Il faut aussi marquer que, en travaillant sur le programme, Kornilov restait, avant tout, le chef d'armée, c'est pourquoi mettait les problèmes de l'armée et le succès des hostilités sur la première place. Le programme de Kornilov a trouvé la résonance parmi les représentants des formations politiques de la Russie.

L'état-major voulait provisoirement changer ou compléter la législation, pendant que le Gouvernement provisoire et le ministère militaire aspiraient

au changement de toute la structure militaire. La non-conformisme a engendré l'opposition et l'aspiration à réaliser le dictat des militaires comme le moyen pour la transformation de l'armée et le pays.

Formé vers le milieu d'août de 1917 la situation politique demandait les actions décisives de la réformation du gouvernement. Il semblait que se répètent les événements du brumaire de VII année de la république (novembre 1799), seulement cette fois au lieu du general en division Bonaparte par le leader des cercles militaires se produisait L.G. Kornilov. Le général ordonne de déplacer vers la capitale les troupes fidèles à lui. Comme autrefois Bonaparte avait libéré la république martyre du pouvoir des bavards-avocats et les méthodes rigides dictatoriales mettre de l'ordre dans le pays, ainsi à la fin d'août 1917 Kornilov a décidé que le seul moyen de sortir de la crise socio-politique c'est la dictature militaire. Cependant il ne réussit pas à réaliser les plans. Au lieu de la victoire et la fonction de son premier consul attendaient la défaite et l'arrestation. Mais les actions décisives et la persuasion, seulement par la force militaire peut remplir le but pour toujours ont fixé pour Kornilov dans la conscience des contemporains et les descendants l'image du dictateur n'ayant lieu pas, «Bonaparte de la révolution russe».

M.N. Toukhatchevsky a passé dans l'allemand à la captivité près de trois ans, ayant fait de plus quatre essais manqués de l'évasion. En comparant le présent règlement de la Russie à l'époque des girondins en France, Mikhaïl Nikolaévitch est assuré que le Gouvernement provisoire doit être remplacé par le pouvoir ferme et décisif. Il rêve de se trouver sur la patrie et de nouveau servir à celle-ci. En septembre 1917 Toukhatchevsky fait la cinquième évasion, et le 20 novembre il est à Petrograd. C'était le temps, quand, ayant usurpé le pouvoir, les bolcheviks tentaient de mettre les bases de la nouvelle structure de l'État révolutionnaire.

Dans 25 ans il est devenu commandant de la 1-er armée révolutionnaire et se dirige sur le front Oriental. Il va là-bas avec un but — vaincre, trouver "Toulon", car n'importe quel échec signifiera la fin de la carrière.

Toukhatchevsky a du pratiquement former l'armée «du zéro», en créant des guérillas dépareillées l'organisme commun militaire. En analysant les conditions, auxquelles un jeune commandant de l'armée travaillait, on peut faire la parallèle avec la situation, dans qui s'est trouvé le général en division Napoléon Bonaparte commandant de l'armée Italienne.

Les actions du jeune commandant de l'armée ont donné assez vite le résultat positif. Dans deux mois, vers septembre 1918 la 1er armée Révolutionnaire pouvait avec succès conduire les hostilités. Il y avait en avant une première opération indépendante — la prise de Simbirsk, le point d'appui de l'adversaire sur la Volga. Notamment ici le sous-lieutenant ancien du régiment Semenovskiy, maintenant le commandant de l'armée a trouvé à présent "Toulon" intime. On a pris la ville comme Napoléon: par l'assaut décisif, avec le forçage d'un cours d'eau sur les yeux chez l'adversaire étonné.

De ce moment lui se trouver constamment sur les postes de commande de la lutte avec la contre-révolution, commande les armées et les fronts. Sur lui répondent positivement les amis, et les ennemis. Il est devenu «Bonaparte rouge», chef militaire le plus talentueux et le plus courageux de l'armée rouge de la III Internationale.

La fin de la guerre civile et l'introduction par les bolcheviks de la nouvelle politique économique en 1921 ont célébré la fin de la période de la lutte révolutionnaire, dans laquelle la société réclame telles personnalités vives et non ordinaires comme L.G. Kornilov et M.N. Toukhatchevskiy. Les circonstances formées, eux capable des actes décisifs et intransigeants au temps du chaos, les guerres et les révolutions, se sont trouvées inutiles à la période de la paix.

Napoléon, dans le discours politique officiel de l'Allemagne nazie. 1933–1945

Marina Datsichina

L'auteur analyse le mécanisme de la répression et les thèmes principaux de Napoléon et les guerres napoléoniennes, à partir du discours politique officiel dans l'Allemagne nazie. L'auteur divise la technologie de déplacement en trois étapes: 1) l'excellence, 2) la substitution, et 3) l'opposition.

Supériorité A. Napoléon est un précurseur faible d'Hitler

Dans le discours politique officiel deux points ont été utilisés pour briser la rhétorique des parallèles Napoléon Hitler: 1) l'armée allemande a continué à se battre, supposément, les conditions météorologiques plus

sévères que l'armée de Napoléon, et 2) l'armée allemande ne recule pas, comme Napoléon, et ne fuira pas de la Russie et, par conséquent, ne sera pas rompu. Le même sort que Napoléon, Hitler ne pouvait pas, parce que ne peut pas répéter le sort de quelqu'un qui est plus faible que vous.

B. Substitution. Actualisation de nouveaux sujets historiques.

Après avoir été battu à Moscou, l'élite politique allemande dans la société allemande, a stimulé une nouvelle thèmes historiques et des parallèles. Ainsi, en Février 1942. Habitants allemands ont été grogné au sujet de la participation de l'Italie dans la guerre, accusant les échecs des connexions fiables soldats italiens. La propagande allemande en Allemagne a été contrainte de faire un parallèle entre l'Allemagne et l'Italie, en indiquant la similitude entre la Révolution fasciste italienne et le mouvement social-démocrate allemand.

Goebbels agendas et la correspondance des dirigeants de l'administration d'occupation dans la partie occupée de l'URSS en 1942-1943 ont actualisé sujets liés aux activités de renseignement britannique Laurent. L'idée de l'utilisation manipulatrice des territoires occupés afin de lutter contre les autorités officielles de ces pays était pertinent pour l'élite politique de l'Allemagne nazie, comme compter sur leurs propres forces, elle ne pouvait pas.

S. Opposition. Napoléon était un ennemi de l'Allemagne.

Jusqu'à la fin de la guerre, la propagande allemande, a stimulé les guerres napoléoniennes. Ainsi, la création de groupes bien connus Volkssturm était de mettre à jour la mémoire des événements de loin 1813. Quand ils ont été créés par les unités de réserve du nombre de volontaires prêts à mourir dans la guerre contre les Français. Créateurs Volkssturm troupes un peu en retard et ne pas utiliser pour promouvoir le centenaire de la Bataille des Nations, qui s'est produit en 1813 près de Leipzig, en 1943. dans les unités n'a pas été nécessaire. Cependant, en 1944 cette. anniversaire a été encore utilisée. Journée de la création du Volkssturm était considéré comme Octobre 18, 1944. »(Il est important de noter que l'opposition à l'actualisation française propagande allemande nazie n'a pas fait attention au fait que Napoléon, dans la » Bataille des Nations »était opposé non seulement à la Prusse, l'Autriche et la Suède, mais surtout à la Russie). Propagande nazie dans la nouvelle phase surmonte la comparaison avec Napoléon, complètement déchirer les parallèles possibles, parce que Napoléon apparaît désormais non pas comme une faiblesse prédécesseur, mais comme l'ennemi.

LES GUERRES DE NAPOLÉON : TRADITIONS NATIONALES D'HISTORIOGRAPHIE

Le premier engagement de Napoléon Bonaparte au champ d'honneur lors de l'expédition de Sardaigne (1793), la Corse et la construction du mythe napoléonien

Jean-Dominique Poli

La France révolutionnaire est rapidement engagée dans des conflits¹²⁸¹ avec les monarchies européennes. Encerclée, elle déclare la guerre au roi de Hongrie et de Bohême — François II d'Autriche -, le 20 avril 1792. La guerre s'étend au nord et sur le Rhin. Le 16 septembre 1792, le Conseil exécutif de l'Assemblée nationale décide d'envahir les possessions du roi de Sardaigne, prince de Piémont et duc de Savoie, Victor-Amédée III, appelé « le portier des Alpes ». Le 19 septembre, l'ordre d'une attaque de la Sardaigne à partir de la Corse est donné.

La campagne militaire menée par la Convention contre la Sardaigne durant l'hiver 1792-1793 fut un échec cinglant. Elle tombera très vite dans l'oubli. Un voile pudique fut jeté sur les moyens déployés, « considérables pour l'époque »¹²⁸², et sur les milliers d'hommes engagés parmi lesquels figurait le jeune Bonaparte.

Les conséquences de ce revers désastreux furent immenses, non pas tant pour la Révolution que pour le destin de Napoléon. Son choix de servir en Corse dès les prémices de la Révolution ne pouvait être séparé du rapport étroit qu'il entretenait avec Pascal Paoli, général de la nation corse (1755-1769), héros des Lumières reçu en triomphe à l'Assemblée nationale comme premier défenseur de la Liberté, et qui fut élu aux plus hautes responsabilités dès son retour dans l'île en 1790. Napoléon Bonaparte, lieutenant-colonel

¹²⁸¹ Ils se poursuivront pendant le Consulat et préfigurent ceux de l'Empire.

¹²⁸² Eloi Jean Peyrou, *Expédition de Sardaigne. Le Lieutenant-Colonel Bonaparte à la Maddalena, 1792-1793*, Paris, Henri Charles-Lavauzelle, 1912, Kessinger Legacy Reprints, sd, p. 5.

en second de la garde nationale de Corse, va coopérer, à l'âge de 23 ans, à la préparation de la campagne militaire contre la Sardaigne. Il participa aux combats comme commandant de l'artillerie. Il y reçut son baptême du feu et pu donner sa mesure, éprouver son courage physique et appliquer ses plans audacieux, même si *l'occasione* fut ratée.

L'échec lamentable de l'expédition imposa de trouver des coupables. Pascal Paoli en fut la principale victime. Sa glorieuse image universelle fut ternie, et « le nouveau Lycurgue » fut présenté comme un tyran local, agent de l'Angleterre par anti-républicanisme. La représentation de la Corse en sera noircie pour longtemps. La condamnation de Paoli par la Convention engendra la rupture avec le jeune Bonaparte. Il quittera l'île avec sa famille. Pourtant, même si Paoli et la Corse ne jouent qu'un rôle anecdotique dans l'histoire du personnage et de la construction de son mythe, la redécouverte de la campagne militaire de Sardaigne peut permettre de comprendre que l'île natale et son histoire forment la matrice à partir de laquelle Napoléon pu réaliser son fantastique destin.

I. Contexte politique de la campagne de Sardaigne

A) La Révolution et les aspects idéologiques

L'Assemblée nationale vote le 20 avril 1792 « la guerre aux rois et la paix aux nations ». La toute nouvelle république s'impose à la suite de la chute de la monarchie, le 10 août 1792. Le procès de Louis XVI qui occupe les députés de novembre 1792 à janvier 1793, marque indéniablement une évolution radicale dans le processus révolutionnaire¹²⁸³.

L'expédition de Sardaigne se déroule dans ce contexte neuf et inconnu, dans une période de mutations profondes, et marque « une transition entre les guerres de conquêtes et les guerres d'affranchissement et de propagande »¹²⁸⁴.

Pour réaliser son attaque de la Sardaigne, le Conseil exécutif provisoire va étudier des propositions élaborées en Corse.

¹²⁸³ Voir Mona Ozouf, « Procès des formes et procès de la Révolution », *Commentaire*, n° 132, hiver 2010-2011, p. 921-926. Pascal Paoli cerne ces dangers et les confie à ses intimes : « Il *club* dei Giacobini sarà la rovina nostra », « Nous avons été les ennemis du roi, n'en soyons pas les bourreaux », cité in J. B. Marcaggi, *Le genèse de Napoléon*, Paris, Librairie académique Perrin, 1902, p. 361. Le 21 janvier 1793, Louis XVI est exécuté.

¹²⁸⁴ Eloi Jean Peyrou, p. 6.

B) Contexte corse : désirs et réticences

La campagne militaire contre la Sardaigne reprend des desseins expansionnistes plus anciens. Ainsi, la campagne de 1768-1769, menée par l'armée de Louis XV contre la Corse avait laissée penser que le « véritable but était en fait la Sardaigne »¹²⁸⁵.

La situation de la Sardaigne va susciter des projets d'union ou de rattachement à la Corse française. La proposition du monarchiste Matteo de Buttafoco, déposée en février 1791, est suivie en février 1792, par celle de Barthélemy Arena, député de la Montagne. Au printemps de la même année, Antonio Constantini de Bonifacio, riche négociant connaissant bien la Sardaigne, membre du club des Jacobins et élu à l'Assemblée législative, présente un *Mémoire* contenant des moyens destinés à lutter contre le roi de Sardaigne, et propres à former un plan d'attaque. Les Corses, reconnus comme précurseurs des idéaux républicains¹²⁸⁶, sont présentés comme des prosélytes enthousiastes. Saliceti va soutenir le projet de Constantini. Appuyé aussi par l'ancien député Marius Peraldi, le *Mémoire* est approuvé par Carnot le 23 juillet. Ainsi, cette opération, dont le succès paraît acquis, est adoptée et décidée par les plus hautes instances de la République à la fin du mois de septembre 1792.

Pour contribuer à la réussite d'une opération si ambitieuse, le Comité exécutif invite les ministres de la guerre et de la marine de combiner le rassemblement d'une puissante flotte et de plusieurs milliers d'hommes.

Même si, en Corse aussi, tous les partis appuient avec enthousiasme cette entreprise de libération, Pascal Paoli, homme politique à la stature internationale considérable à l'époque, Président du Directoire de la Corse, commandant en chef des gardes nationales, considère en privée l'opération comme extrêmement risquée. Il ne cache pas aux responsables parisiens son point de vue, même au risque de déplaire. Il s'attache à démontrer la faiblesse de ses moyens et argumente en se fondant sur son irréprochable connaissance de la Corse comme de la Sardaigne où il jouit d'un immense crédit. Il considère comme une illusion le soulèvement des populations

¹²⁸⁵ Antoine-Marie Graziani, « La Sardaigne et la Corse : histoire comparée de deux îles voisines », *Corsica Sardegna*, catalogue de l'exposition présentée au musée de la Corse à Corté du 28 juin au 30 décembre 2008, Carlo Delfino editore, p. 62.

¹²⁸⁶ Voir sur la révolution de Corse, par exemple, Evelyne Lucciani et Dominique Taddei, *Les pères fondateurs de la nation corse, 1729-1733*, Albiana, 2009.

sardes à la vue des troupes révolutionnaires escompté par les responsables de la Convention¹²⁸⁷. Il demande des moyens effectifs : « l'enthousiasme ne pouvait suppléer à tout »¹²⁸⁸.

C) Napoléon Bonaparte et son implication politique en Corse auprès de Paoli

En faisant le choix politique de s'engager en Corse dès les prémices de la Révolution, le jeune Bonaparte met en pratique l'admiration qu'il entretient depuis son plus jeune âge vis à vis de Paoli, son modèle politique¹²⁸⁹, en prenant parti avec lui pour la République. Pour Bonaparte, la Corse peut être appelée « l'honneur des temps modernes » car des hommes libres ont combattu tout au long de sa longue histoire, et particulièrement durant sa révolution (1729-1769), avec l'indomptable courage héritier des Grecs puis des Romains de l'Antiquité républicaine.

L'espérance est alors immense en Corse, de pouvoir retrouver dans le cadre de la France nouvelle, la souveraineté nationale perdue en 1769, espérance renforcée par la conviction de l'existence d'une filiation directe entre la révolution de Corse et la nouvelle révolution qui se met en place.

Napoléon Bonaparte est élu le 1er avril 1792, lieutenant-colonel en second du 2e bataillon de la garde nationale de Corse¹²⁹⁰. Cette troupe, formée uniquement de Corsés originaires très majoritairement de l'intérieur, est largement acquise à Paoli qui la commande. N'ayant pas rejoint son régiment¹²⁹¹, menacé d'être rayé des cadres de l'armée, il doit se rendre à Paris le 28 mai 1792 pour se justifier. Il est réintégré au 4e régiment d'artillerie au grade de capitaine et il lui est signifié de rejoindre impérativement son

¹²⁸⁷ Pour Paoli, ironique face aux déclarations exaltées, cette campagne militaire ne peut « réussir que sur un de ces miracles de la sainte Liberté », in J. B. Marcaggi. *Le genèse de Napoléon*, Paris, Librairie académique Perrin, 1902, p. 362.

¹²⁸⁸ In Eloi Jean Peyrou, p. 20.

¹²⁸⁹ Voir Fernand Ettori, « Paoli, modèle du jeune Bonaparte », in *Annales historiques de la Révolution française*, n° 203, janvier-mars 1971, p. 45-55.

¹²⁹⁰ Bataillon Quenza-Bonaparte, le lieutenant-colonel en premier étant Giambattista Quenza qui n'a pas de réelles compétences militaires.

¹²⁹¹ Lieutenant d'artillerie de 1785 à 1792, il avait en effet été promu capitaine en second et classé dans la douzième compagnie du 4e régiment d'artillerie, en garnison à Valence, le 14 janvier 1792.

régiment¹²⁹². Or, avec sa sœur Elisa, il retourne en Corse et arrive le 15 octobre à Ajaccio pour reprendre le commandement des six compagnies de la garde nationale à Corté auprès de Paoli.

II. Décisions, préparatifs et exécution de l'opération militaire, 19 septembre 1792 — 27 février 1793

L'arrêté du Conseil exécutif du 10 octobre annule celui du 19 septembre et envisage l'attaque de la Sardaigne dans sa forme définitive. Durant les mois d'octobre et de novembre 1792, les préparatifs de l'expédition débutent dans la plus grande confusion et dans des conditions exécrables. Pourtant, la France révolutionnaire même largement désorganisée, avec des troupes manquant de cohésion et des chefs souvent inexpérimentés, reste la Grande Nation.

A) Les forces militaires en présence

a) En Sardaigne

Le 14 octobre 1792, le roi de Sardaigne, demande que la défense de l'île soit organisée sans attendre d'aide extérieure. Des milices sont levées, mais elles ne reçurent pas d'équipement militaire, la petite flottille gardant les bouches de Bonifacio est mobilisée, les forces régulières sont dispersées dans l'île et, à Cagliari, sont regroupés un bataillon (moins deux compagnies) du Piémont, les 600 hommes d'un régiment suisse, deux compagnies de dragons et une compagnie de soldats légers. Si la situation de la Sardaigne est considérée comme instable et précaire, la capitale, Cagliari, bien fortifiée, armée et ravitaillée pour soutenir un siège de deux mois, constitue l'obstacle essentiel.

b) Les chefs militaires et les forces françaises

L'opération militaire est confiée au général d'Anselme nommé commandant en chef de l'armée du Midi — le 27 août. Considérant l'attaque de la Sardaigne comme une grave erreur stratégique il s'attache à démontrer la nécessité de ne pas dégarnir les Alpes. Désavoué par le Conseil exécutif qui prend toute la responsabilité de persister dans ses résolutions, il est remplacé à la tête de l'armée, le 20 décembre, par Brunet¹²⁹³. Les troupes de nouvelle

¹²⁹² Lettre du ministère de la Guerre datée du 10 juillet 1792. Le ministre de la Guerre, d'Ablancourt, lui a annoncé sa réintégration à ce grade, mais l'engage à abandonner son poste dans la garde nationale de Corse pour se rendre à son régiment.

¹²⁹³ Commandant à titre provisoire de l'armée du Vars qui prit le nom d'armée d'Italie en 1793.

levée, dites « les Marseillais », formeront l'essentiel des unités embarquées. La ville de Marseille ayant refusé que l'embarquement de ces volontaires à la mauvaise réputation s'effectue dans son port, ils sont dirigées à Toulon où la municipalité agit de même. Les trente-trois bâtiments de transport qui s'y trouvent déjà sous la conduite de la frégate la *Fortunée*, vont donc mouiller à Villefranche le 21 décembre. Les troupes rejoignent le lieu d'embarquement pour constater que l'approvisionnement n'est plus consommable et que les armes et munitions sont en nombre largement insuffisants¹²⁹⁴.

D'Anselme doit coordonner son action avec l'amiral Truguet disposant de la totalité de la flotte en Méditerranée. La jonction de l'escadre mouillée à La Spezzia (15 novembre 92) et du convoi de porteurs est prévue à Ajaccio. Contrariant ses plans, Truguet est obligé d'envoyer une partie de ses vaisseaux de guerre, sous le commandement de Latouche-Tréville, dans les eaux napolitaines pour une démonstration de force. Ces navires devront ensuite le rejoindre devant Cagliari.

La flotte qui reste à la disposition de Truguet compte désormais quatre vaisseaux de ligne¹²⁹⁵, quatre frégates¹²⁹⁶, une corvette¹²⁹⁷ et deux bombardes¹²⁹⁸.

L'expédition d'Onelle (Ligurie) terminée, Belleville¹²⁹⁹ qui avait été attaché au ministre plénipotentiaire de Gênes, Naillac, reproche à Truguet son attentisme à Gênes : « On aurait pu enlever les cinq bateaux russes qui sont à Livourne, au lieu de faire danser les dames génoises, et, au lieu de leur prendre les tétons, on aurait pu prendre la Sardaigne »¹³⁰⁰.

La traversée de l'escadre vers la Corse fut difficile au milieu des tempêtes de l'hiver. La flotte fut dispersée et trois bâtiments furent perdus¹³⁰¹.

¹²⁹⁴ Arena précisera au ministre de la guerre : « Les Marseillais n'ont point de fusils. Il n'y a que 1000 armés ! », in Eloi Jean Peyrou, p. 147.

¹²⁹⁵ Le *Tonnant*, le *Centaure*, l'*Apollon*, le *Vengeur*.

¹²⁹⁶ La *Vestale*, la *Fortunée*, l'*Aréthuse*, la *Perle*.

¹²⁹⁷ La *Badine*.

¹²⁹⁸ L'*Iris* et la *Sensible*.

¹²⁹⁹ Eloi Jean Peyrou, p. 31, note 1.

¹³⁰⁰ Lettre de Belleville, 26 novembre 1792, in Eloi Jean Peyrou, p. 31.

¹³⁰¹ La *Perle* et l'*Aréthuse* s'échouèrent sur la côte ouest de la Corse. Le *Vengeur* heurta un rocher et dût être abandonné dans le golfe d'Ajaccio, voir *Le premier combat de*

c) Paoli, nommé lieutenant-général commandant la 23e division militaire

Paoli, politique énergique habitué au commandement des hommes et à dominer les événements, est nommé le 11 septembre 1792, par le ministre Servan, au grade de lieutenant-général de la 23e région militaire, donc de toutes les troupes basées en Corse. Il était pressenti pour diriger l'opération militaire et ouvrir de discrètes négociations avec des responsables sardes favorables à la République, mais le Conseil exécutif revint sur sa décision sans l'avoir consulté. Paoli réalise que ce commandement est vidé de toute consistance et qu'il n'est qu'honorifique¹³⁰². En effet, le commandement des opérations fut attribué à d'Anselme. Le 26 octobre, signification est donnée aux troupes de Corse de participer à l'expédition. Paoli est placé sous les ordres du contre-amiral Truguet. Il doit suivre sa « proposition et réquisition formelle » : « Truguet vient de me requérir pour le nouveau commandement de la contre-attaque dans le nord de la Sardaigne »¹³⁰³.

Pierre-Paul Colonna Cesari, confident de Paoli, colonel de la gendarmerie nationale nommé colonel de la gendarmerie en Corse¹³⁰⁴, lieutenant-colonel de la garde nationale, rencontre Truguet et Sémonville, dès leur arrivée à Ajaccio. Ils « lui parlèrent sans mystère de leur plan ; ils croyaient que la chose ne pouvait être plus aisée »¹³⁰⁵. Colonna Cesari leur fit remarquer qu'on « ne conquiert pas un royaume comme on s'empare d'un chou dans un jardin »¹³⁰⁶. Paoli suggère, par l'intermédiaire de Colonna Cesari, de renoncer à cette attaque et d'orienter l'offensive contre Turin et Rome, option qui sera privilégiée par la suite.

Paoli commence à mesurer les effets de la campagne de dénigrement menée contre lui, à Paris, par les frères Arena auprès des plus hauts

Bonaparte. Mémoire oubliée : un vaisseau de l'expédition de Sardaigne, Exposition présentée du 20 juin au 27 septembre 2008, Musée national de la Maison Bonaparte, Ajaccio, 2009.

¹³⁰² Eloi Jean Peyrou, p. 41 : « on lui donnait des instructions justes suffisantes pour lui apprendre que ses fonctions n'étaient qu'honorifiques ».

¹³⁰³ Lettre au ministre, 4 février 1793, in Eloi Jean Peyrou, p. 114.

¹³⁰⁴ 8 décembre 1791.

¹³⁰⁵ Cf. abbé Letteron, *Pièces et documents...*, Marius Peraldi, lettre du 22 décembre, in J. B. Marcaggi, p. 368.

¹³⁰⁶ Cf. abbé Letteron, Id. *Mémoires de Colonna Cesari*, in J. B. Marcaggi, p. 368.

responsables révolutionnaires. Il comprend aussi que la responsabilité officielle qu'on lui octroie pourra permettre de lui imputer une éventuelle défaite. Il écrit le 9 novembre 1792 aux députés Andrei et Bozio : « Sauf un miracle, l'expédition de Sardaigne ne peut réussir... Je ferai ce que je peux faire, mais je veillerai à ce qu'on ne me mette pas l'échec à dos, ce que je peux supposer »¹³⁰⁷.

d) *Les forces en Corse*

Paoli fournit à Truguet 14 pièces d'artillerie avec tout le matériel nécessaire et un approvisionnement de 1000 coups. Il met à sa disposition deux bataillons du 42e régiment de ligne et les 1ers bataillons des 52e et 26e régiments de la 23e division, auxquels il faut ajouter quatre bataillons de gardes nationaux, (soit 320 hommes par bataillon de ligne, et 200 hommes par bataillon de volontaire). Les bataillons de volontaires récemment organisés et recrutés, constituent une force capable de garantir la paix civile. Tout en étant conscient des faiblesses du recrutement, Paoli donne ses consignes afin d'obtenir une troupe disciplinée¹³⁰⁸. Mais ces troupes sont trop mal organisées et équipées pour affronter des troupes de ligne entraînées et formées pour la guerre : « leur organisation exige nécessairement du temps, et il est impossible de l'opérer aussi promptement que le contre-amiral veut mettre à la voile »¹³⁰⁹.

Le jeune Bonaparte est, comme les autres officiers, confronté à la désorganisation des troupes occasionnée par le processus révolutionnaire. Les officiers de la garde nationale se plaignent de la solde¹³¹⁰ fournie très

¹³⁰⁷ In *La Révolution française et la Corse, (22 mars 1789 — 21 juin 1794)*, Chronologie recueillie par Antoine-Dominique Monti, A.D.E.C.E.C., Cervioni, 1989, p. 35. Voir aussi J. B. Marcaggi, p. 367 : « Paoli, inquiet de l'incohérence des préparatifs de l'expédition de Sardaigne, convaincu, n'étant pas tenu au courant des projets du Pouvoir exécutif, qu'on se méfiait de lui, qu'on le choisirait, en fin de compte, comme un bouc émissaire (...) ».

¹³⁰⁸ Eloi Jean Peyrou, p. 105.

¹³⁰⁹ Pascal Paoli, lettre au ministre de la guerre, 30 décembre 1792, in Eloi Jean Peyrou, p. 105.

¹³¹⁰ Le général Casabianca indique dans sa lettre du 31 décembre qu'il était dû aux troupes destinées à embarquer sept mois d'arriéré du traitement de campagne, ce qui obligeait les hommes à vivre « d'emprunt », leurs réclamations n'étant que « justice », in J. B. Marcaggi, p. 370.

irrégulièrement tout autant que le matériel et les vivres. Dans ce contexte, se commettent des actes d'indiscipline. Napoléon écrit le 18 octobre 1792 à Nunzio Costa, lieutenant de la compagnie Bonelli « qu'on ne fera plus d'injustice à personne »¹³¹¹. Napoléon veut former, malgré toutes les difficultés, des troupes efficaces au service de la Révolution et de la Corse. Il s'emploie à réorganiser les troupes, à les motiver, à faire régner la discipline : « Le général est très mécontent de nos bataillons en général, plus particulièrement du nôtre (...). Il faut punir les officiers et soldats qui résistent au bon ordre, mais ne les accuser qu'à la dernière extrémité »¹³¹².

Les gardes nationales se concentreront à Ajaccio. Avec les troupes de ligne et les volontaires provençaux, les troupes corses doivent être embarquées pour participer à l'attaque de la capitale de la Sardaigne, Cagliari.

e) les violences occasionnées en Corse par les troupes révolutionnaires débarquées

— La flotte de Truguet arrive le 15 décembre 1792 à Ajaccio. L'amiral et ses officiers sont invités dans les familles ajacciennes. Truguet, charmé par la jeune Elisa, apprécie les soirées dansantes offertes par Letizia Bonaparte. Napoléon noue de très bonnes relations avec lui. Les rapports entre les Ajacciens et les hommes de la flotte vont vite se tendre.

Le 18 décembre, les matelots créent des incidents en ville. Ils sèment la terreur. Le sergent-major des gardes nationales corses, Anton Padouan Susini de Sartène, est mutilé à coups de sabre, pendu au mât du pavillon de la citadelle afin qu'il soit exposé à la flotte et à la ville, puis son corps est jeté à la mer. Un peu plus tard dans la fin de l'après midi, un soldat originaire d'Olméto accusé d'avoir blessé un grenadier du 42e régiment de ligne est assassiné. Les sans-culottes traînent son corps dans les rues, repêchent le corps de Susini, découpent les deux cadavres à la hache et en promènent les morceaux dans la ville. La population est atterrée par une telle sauvagerie. Paoli affirme qu'il « n'aurait pas fallu longtemps pour faire la place nette »¹³¹³, mais du lieutenant-général à l'officier, tout fut mis en œuvre pour contenir l'exaspération des soldats et du peuple.

¹³¹¹ In J. B. Marcaggi, p. 359.

¹³¹² Lettre d'octobre 1792 au lieutenant Costa, in J. B. Marcaggi, p. 361.

¹³¹³ In Eloi Jean Peyrou, p. 81.

Tous ces événements « mirent la division entre les marins, les soldats de l'escadre et les troupes rassemblées à Ajaccio qui devaient s'y joindre »¹³¹⁴. L'affaire aura une incidence catastrophique sur l'opération militaire elle-même : « Ces événements devaient nécessiter de profondes modifications dans les combinaisons projetées par Truguet pour tenter l'attaque de Cagliari. On considère comme impossible désormais de faire participer à une action commune des troupes corses et des troupes continentales »¹³¹⁵.

Truguet décide de prendre à son bord uniquement le 42e régiment (« bataillon du régiment de Limousin, en garnison dans la citadelle d'Ajaccio »¹³¹⁶) de la 23e division et 600 hommes d'autres bataillons de ligne soit 1800 hommes. Les volontaires corses formeraient un corps indépendant (avec quelques artilleurs et gendarmes) destiné à attaquer la Sardaigne par le nord, dans une action de diversion, pendant le débarquement du gros des forces dans l'extrême sud pour assiéger Cagliari.

Le 6 janvier 1793, la flotte quitte Ajaccio pour le sud de la Sardaigne sans attendre le convoi des Marseillais.

— Le 8 janvier 1793, le convoi de plus de trente navires de transport sous l'escorte du vaisseau le *Commerce de Bordeaux* et de la corvette la *Poulette*, avec 6000 volontaires marseillais, quitte Villefranche. Le 12 janvier, le convoi est en vue d'Ajaccio lorsqu'une tempête le disperse. Une quinzaine de navires arrivent à pénétrer dans sa rade, les autres gagnent Calvi, Saint-Florent et la Provence. Les 2000 Marseillais débarqués à Saint-Florent gagnent Bastia le 14 janvier au soir. Le lendemain matin, associés avec les grenadiers du régiment de Bresse, ils cherchent à investir la citadelle et tentent d'enfoncer la porte du donjon gardé par les gardes corses. Le lieutenant-colonel Giampietri, de la garde nationale, tente de calmer les sans-culottes. Accusé d'être un ami de Paoli et un ennemi d'Arena, « l'un des chefs vénérés des sans-culottes de Provence », il est assailli et saisi. Pour le dégager, les gardes corses font feu. Un Marseillais est tué. D'autres incidents vont suivre. Les Marseillais se répandent en ville et pillent les

¹³¹⁴ Vérard, *La Corse ou Résumé des divers écrits relatifs à cette île et à ses habitants depuis leur origine jusqu'à la fin de 1815*, tome I, Editions Piazzola, 1999, p. 157. Vérard, observateur privilégié, écrit son mémoire en 1816 à partir de ses notes.

¹³¹⁵ Eloi Jean Peyrou, p. 57.

¹³¹⁶ Vérard, p. 158 : ce régiment mêlé à la tuerie craignait « la vengeance des Corses après le départ de la flotte ».

églises et les boutiques. Pressentant des réactions violentes, ies « déclarent n'avoir agi qu'à l'instigation d'Aréna »¹³¹⁷ et tentent de calmer une situation qui risque de dégénérer en leur défaveur.

En effet, le 17 janvier arrivent à Bastia des milliers de « montagnards » armés, vêtus de noir : « Nous appartenons au régiment de la Mort, nous venons venger les nôtres ! »¹³¹⁸. Devant une telle détermination, les Marseillais regagnent Saint-Florent, puis Ajaccio.

Les 15 navires mettent la voile le 22 janvier, mais une tempête contraint une dizaine de navires de transport de se réfugier à Villefranche, ce qui permet de réunir les navires rejetés sur les côtes de Provence par la tempête du 17 janvier, et la flotte pu repartir le 1er février.

f) Napoléon Bonaparte participe aux préparatifs ; son arrivée à Bonifacio

Le rôle des forces corses, qui devait être essentiel, est finalement réduit à une simple diversion stratégiquement inefficace, dans les îlots des Bouches de Bonifacio –les Buccinaires-, tout au nord de la Sardaigne. Le commandement de l'opération est confié par Truguet à Colonna Cesari¹³¹⁹. Pour le transport et la protection des troupes, Truguet propose à Paoli de mettre à sa disposition à partir de Bonifacio « une corvette et des felouques armées »¹³²⁰. Il s'agit de la corvette la *Fauvette*, et de seize bâtiments légers : les felouques la *Liberté*, la *Vigilante* et la *Fidèle*, la tartane *Saint-François*, le brigantin *l'Annonciation* et des navires de transport.

Sans compter les marins, le corps expéditionnaire destiné au débarquement est ainsi composé : le 2e bataillon et les deux compagnies du 4e bataillon de la garde nationale corse, soit 450 hommes, et une compagnie du 52e régiment de ligne, soit 150 grenadiers commandés par le capitaine Ricard. Le capitaine Moydié commande le génie et Bonaparte l'artillerie. Environ 600 hommes sont donc sous les ordres du lieutenant-colonel

¹³¹⁷ Eloi Jean Peyrou, p. 79.

¹³¹⁸ In Eloi Jean Peyrou, p. 80. Voir Vérard, p. 156-157.

¹³¹⁹ Lettre de Truguet à Paoli datée du 28 décembre.

¹³²⁰ Eloi Jean Peyrou, p. 108.

Quenza¹³²¹. Il faut rajouter une douzaine de gendarmes qui accompagnent Colonna Cesari.

Bonaparte se révèle : « Sa pensée limpide et vigoureuse se traduit déjà par des ordres clairs et précis qui enlèvent toute hésitation à ses subordonnés »¹³²². Il cherche à faire de ce combat une épreuve de vérité d'autant plus qu'il a la conviction de contribuer à une guerre révolutionnaire inédite à laquelle il adhère profondément : « La Savoie et le comté de Nice sont pris et la Sardaigne sera bientôt attaquée. Les soldats de la liberté triompheront toujours des esclaves stipendiés de quelques princes »¹³²³.

À Bonifacio, pour préparer les derniers points de l'opération, il est hébergé dans une maison faisant face à celle où logea Charles Quint¹³²⁴. Les marins de la flottille qui mouille à Bonifacio depuis le 22 janvier, Provençaux et proches des volontaires marseillais, occasionnent quelques échauffourées en ville. Le 9 février, l'une d'elle concerne Bonaparte qui est pris à parti et manque d'être écharpé. Il est dégagé par le sergent Brignoli de Bastelica, surnommé *Marinaro*, qui tue un des assaillants. La bagarre devient générale, les hommes de la garde nationale prennent le dessus et les marins se retirent sur leurs vaisseaux.

B) Chronologie des opérations militaires

a) La flotte et l'armée de terre cherchent à tourner les défenses de Cagliari

Sa mission à Naples terminée, La Touche-Tréville vogue vers San Pietro, le lieu de ralliement de la flotte en Sardaigne. Une tempête disperse ses navires dans la nuit du 21 au 22 décembre et son unité ne peut rejoindre qu'au début de janvier Las Palmas, sur la côte occidentale de la

¹³²¹ Certaines sources évoquent un millier d'hommes, soit environ 600 gardes nationales corses et des troupes continentales qui agissent avec copésion.

¹³²² Eloi Jean Peyrou, p. 110.

¹³²³ Cité in J. B. Marcaggi, *Le genèse de Napoléon*, Paris, Librairie académique Perrin, 1902, p. 359-360.

¹³²⁴ Une plaque commémorative est posée 7 rue des Deux-Empereurs, sur la façade de la maison où logea Napoléon : « Du 22 janvier au 3 mars 1793 / Napoléon Bonaparte / lieutenant-colonel / au 2e bataillon / des volontaires corses / logea dans cette maison / qui avait appartenu à ses ancêtres jusqu'en 1721 », in Alain Chappet, Roger Martin et Alain Pigeard, *Le guide Napoléon, 4000 lieux pour revivre l'épopée*, « Bibliothèque napoléonienne », Tallandier, 2005, p. 82.

Sardaigne, au sud-est de San Pietro dans le golfe formé par la presqu'île de Sant'Antiocho.

Le 8 janvier, les Français débarquent et occupent le fort San Vittorio qui domine la ville de Carloforte sur l'île San Pietro. Les habitants de l'île adhèrent aux idées de la Révolution et le 10 janvier San Pietro gagne le nom de l'Île de la Liberté. Arrivé le 13 janvier, Truguet fait occuper le 14 janvier toute la presqu'île de Sant'Antiocho pour établir une base d'opération destinée à ouvrir la voie vers Iglésias et tourner les défenses de Cagliari.

b) Modification du plan. Bombardement de Cagliari par la flotte

Sans doute influencé par l'attitude des habitants de San Pietro, Truguet modifie son plan et décide de débarquer face à la capitale sans attendre l'arrivée du convoi transportant les Marseillais. Se présentant devant Cagliari le 23 janvier 1793, Turguet va réaliser que la situation est nettement moins favorable. En effet, le 24 janvier, la délégation venant demander la reddition de la ville est accueillie à coups de salves de mousqueterie. Le 27, l'avant-garde de la flotte commence des tirs d'intimidation, puis elle effectue le bombardement systématique de la ville le 28. Truguet compte alors sur l'arrivée de la flotte de transport de troupes pour entreprendre le siège de la ville.

c) Une trentaine de bâtiments de transport arrivent à Cagliari le 2 février. Echec et départ de la flotte

Les troupes ne peuvent débarquer à cause des mauvaises conditions climatiques. Le 14 février la tempête cesse. Le débarquement s'effectue dans la baie des Salines, au lieu dit Margine Rosso, l'autre partie de la flotte continuant à bombarder Cagliari. Les troupes de ligne et les volontaires marseillais écrasent rapidement les quelques résistances. L'assaut de la ville est fixé au 18 février, mais durant la nuit du 15 au 16 février, une troupe croyant avoir affaire à l'ennemi, tire sur un brigade qui rentre au camp inopinément. Dans son rapport du 22 février 1793, le général Casabianca¹³²⁵ raconte la panique effroyable qui va s'en suivre. En pleine nuit, des centaines de volontaires marseillais après s'être fusillés à l'aveuglette et criant à la trahison, se jettent dans une mer démontée. Sept cents s'y seraient noyés. Les volontaires exigent de Casabianca d'être réembarqués. Il tente avec Arena de s'y opposer, au péril de leurs vies. En vain.

¹³²⁵ Extraits du rapport, in Eloi Jean Peyrou, p. 94 à 95.

De plus, la tempête augmente de violence « et l'escadre et tout le convoi se trouvent en perdition »¹³²⁶. Le 20 au soir, tous les volontaires sont à bord.

Ainsi, l'indiscipline et « la lâcheté infâme »¹³²⁷ des Marseillais mettent fin à l'opération militaire. L'échec est total¹³²⁸. Le 22 février la flotte quitte les eaux sardes. Le Conseil exécutif considérant que « le succès, même entier, de l'expédition de Sardaigne importait peu à la République »¹³²⁹, ordonne à Turguet de rejoindre immédiatement Brest et son nouveau théâtre d'opération. En effet, le conflit avec l'Espagne et l'Angleterre occupe désormais toute l'attention du Conseil¹³³⁰.

d) Napoléon Bonaparte et l'attaque de diversion à partir de Bonifacio

Ce combat a quelque chose de tragique car il est engagé par des hommes qui ignorent que la campagne militaire a échoué.

À cause d'un vent violent, la flottille chargée des troupes ne peut quitter Bonifacio le 18 février. Profitant d'une accalmie dans la nuit du 19 au 20 février, le convoi escorté par la corvette la *Fauvette*, met la voile et se présente au lever du jour face aux îles sardes de l'archipel de la Maddalena. Le déchaînement soudain de la tempête oblige la flottille à retourner s'abriter dans l'anse de Bonifacio. La corvette chargée de l'état-major (Bonaparte est présent) reste au large des côtes. Lorsque la flottille se présente de nouveau devant l'île de la Maddalena le 22 février (le 20 le corps expéditionnaire de Truguet rembarque et le 22 la flotte quitte Cagliari), elle est attaquée au canon par trois demi-galères sardes qui ne peuvent empêcher le débarquement dans le port de l'île de San Stefano qui fait face au port de la Maddalena, à quatre heures de l'après midi, sous une pluie torrentielle. À la tête de ses hommes, Bonaparte met pied à terre dans l'indigence la plus complète : ils sont « dénués absolument de tout ce qui était nécessaire pour une campagne ; ils ont marché sans tentes, sans habillements, sans

¹³²⁶ Voir le rapport de Truguet sur la déroute de l'armée, in Eloi Jean Peyrou, p. 95 à 97.

¹³²⁷ Eloi Jean Peyrou, p. 97.

¹³²⁸ Même si l'île San Pietro reste occupée par 700 hommes qui seront contraints de se rendre.

¹³²⁹ Eloi Jean Peyrou, p. 99.

¹³³⁰ La Convention déclare la guerre au roi d'Angleterre et au stathouder de Hollande le 1er février 1793.

capotes, et sans train d'artillerie »¹³³¹. La résistance des Sardes est vaine. Le jeune officier est persuadé que « c'était le moment favorable qui à la guerre décide tout »¹³³². Il insiste pour attaquer immédiatement aussi le port de la Maddalena. Colonna Cesari, prudent, refuse. Le 23, le jeune Napoléon s'empare avec ses troupes des magasins proches de la grosse tour où se sont réfugiés les derniers défenseurs sardes. Il est obligé de freiner ses hommes qui vont droit à l'assaut. Colonna Cesari demande à la corvette de bombarder la tour, mais le navire reste trop éloigné du rivage. Pourtant, dès la première sommation de Colonna, les seules menaces des canons de la *Fauvette* et des troupes encerclant, la tour, suffisent pour obtenir la reddition des Sardes. L'île conquise vers 4 heures de l'après midi, Bonaparte, impatient d'agir et de faire ses preuves, dispose sa batterie d'artillerie renforcée par un obusier et deux pièces de 4 face à la Maddalena. Il aide ses hommes à creuser les plates-formes, les retranchements, à élever des parapets et donne partout l'exemple. À une heure du matin la batterie est opérationnelle. Elle domine le village, le port défendu par les demi-galères, et les fortifications où sont retranchées 150 hommes du régiment de Courten et 300 miliciens sardes décidés à se défendre. Dans la nuit du 23 au 24, sous la pluie et dans le vent glacial, Bonaparte commence à pilonner avec une extrême précision les deux fortins armés de pièces d'artillerie. Il agit avec détermination et pointe lui-même les pièces. Le bombardement dure « toute la journée du 24 et du 25 »¹³³³. Les habitants fuient¹³³⁴ et aucune troupe ne reste pour servir les batteries. Les batteries réduites au silence, Colonna Cesari décide, avec

¹³³¹ Napoléon Bonaparte, « Protestation des volontaires au sujet de l'abandon de la contre-attaque de la Sardaigne », (rapport adressé de Bonifacio au ministre de la guerre le 2 mars) *Huivres littéraires et écrits militaires*, publiés par Jean Tulard, 1967, Société Encyclopédique Française, Paris, tome II, LVII, p. 333.

¹³³² Napoléon Bonaparte, « Protestation des volontaires au sujet de l'abandon de la contre-attaque de la Sardaigne », p. 333-334.

¹³³³ Napoléon Bonaparte, « Protestation des volontaires au sujet de l'abandon de la contre-attaque de la Sardaigne », p. 334. Comment ne pas faire le lien avec le siège de Toulon, quelques mois plus tard ?

¹³³⁴ Nasica, dans sa chronique, indique que Bonaparte cherchait par ses tirs précis à épargner et à apeurer les habitants afin de les amener à capituler. Colonna Cesari évoque dans ses *Mémoires* « la bombe qui avait fait fuir tous les habitants du village ». Dans sa lettre du 2 mars 1793 au ministre de la guerre, Bonaparte affirme avoir bombardé le village qui brûla, in Eloi Jean Peyrou, p. 127.

son état-major, l'assaut décisif contre la Maddalena pour le lendemain au matin. Il doit être réalisé avec l'appui de la *Fauvette* qui doit protéger les barques chargées de volontaires et éloigner et contenir les galères sardes positionnées le long de la côte. À l'annonce de l'attaque, les « troupes corses exultèrent de joie »¹³³⁵ contrairement aux marins.

e) Mutinerie des marins

Tard dans la nuit du 23 au 24, à la fin de la réunion de l'état-major, Colonna Cesari est informé des manœuvres de départ engagées par la corvette, seul soutien de la flottille. Il monte à bord entouré de ses douze gendarmes et fait surveiller la caisse contenant la solde des hommes dans sa chambre. Gardant avec lui le pilote Santo Valeri de Bastia, il convoque les officiers qui l'informent que les marins ont votés le retrait immédiat du champ des opérations. L'équipage mutiné de la *Fauvette* a décidé le retour à Bonifacio. Colonna Cesari ne peut que constater « l'insubordination complète »¹³³⁶ de l'équipage qui de surcroît lui refuse de quitter le navire. Abandonné par les officiers de marine et devenu otage des marins, le commandant en chef de l'opération négocie de surseoir au départ de la flottille pour permette le réembarquement des troupes. Une fois le délai obtenu, Colonna Cesari donne, par écrit, l'ordre de la retraite qui est porté au lieutenant-colonel Quenza le 25.

f) La retraite

À terre, si prêt de la victoire, c'est l'incompréhension : « L'abandon de la corvette était la seule chose qui nous inquiétait, mais nous étions bien loin de soupçonner l'équipage d'avoir conçu l'infâme projet de se sauver »¹³³⁷. Les officiers contiennent les troupes suspectant les marins (avec qui ils s'étaient affrontés) de vouloir lever l'ancre inopinément et de les abandonner à leurs ennemis. En pleine nuit, les felouques commencent à quitter la côte. Le capitaine Pietro Peretti court prévenir la 2e compagnie des grenadiers du 52e régiment basée en retrait, et le capitaine Gibba les attend sur la felouque qu'il commande. Ainsi, tous les hommes ayant participé à l'opération ont pu embarquer, un à un, mais ils ont été dans l'impossibilité de monter à

¹³³⁵ Eloi Jean Peyrou, p. 128.

¹³³⁶ Vêrard, p. 162.

¹³³⁷ Napoléon Bonaparte, « Protestation des volontaires au sujet de l'abandon de la contre-attaque de la Sardaigne », p. 335.

bord l'artillerie. Le convoi arrive après une nuit mouvementée, à l'aube du 27 février, à Santa Manza, au nord-est de Bonifacio.

Bonaparte rejoint Paoli à Corte où est basé son bataillon.

III. Les conséquences politiques et le rapport au mythe

La tournure que prend la Révolution radicalise les positions. L'échec de l'expédition ne peut être attribuée qu'à la trahison. Napoléon Bonaparte sera lui aussi entraîné dans la tourmente.

A) Attribuer la responsabilité de l'échec

a) Mémoires et rapports justificatifs

Les officiers de la flottille et ceux ayant pris part au débarquement, dont Bonaparte, signent un document soutenant l'attitude de Colonna Cesari qui a permis de sauver tous les hommes et éviter un désastre.

Le 1er mars 1793, l'an 2e de la République, Bonaparte rédige à Bonifacio un « Mémoire sur la nécessité de se rendre maître des îles de la Magdelaine » et un autre mémoire comportant toutes les précisions pour exécuter un « Projet pour une nouvelle attaque de la Magdelaine », suivi d'un autre « Projet d'une nouvelle attaque de la Magdelaine » et laver « aux yeux de l'Italie entière la tache que nous nous sommes faite »¹³³⁸.

Bonaparte, dans le rapport qu'il adresse le 2 mars au ministre de la guerre¹³³⁹, s'interroge sur les responsabilités stratégiques qui marquent « cette honteuse expédition ». Il décrit les difficultés surmontées et dégage sa responsabilité et celle des officiers de son bataillon. Il indique comment l'occasion ne fut pas saisie alors que « la victoire était près d'être cueillie ». « Nous avons obéi, mais avec le cœur plein de confusion et de douleur ».

b) Paoli, accusé principal

Le ministre de la guerre va se contenter de donner lecture à la Convention d'un courrier de Truguet relativisant l'échec au milieu de victoires, et accusant les Marseillais : « Les marins de l'escadre de la République (...) se sont vu lâchement abandonnés par les soldats du bord

¹³³⁸ Voir Napoléon Bonaparte, « Mémoire sur la nécessité de se rendre maître des îles de la Magdelaine », p. 340. Voir les trois projets, LVIII, p. 337 à 346.

¹³³⁹ Napoléon Bonaparte, « Protestation des volontaires au sujet de l'abandon le la contre-attaque de la Sardaigne », LVII, p. 333 à 335.

qui se sont fusillés les uns les autres ». L'opprobre est donc jetée sur « les soldats qui ont trahi »¹³⁴⁰.

La responsabilité de l'échec de la campagne sera rapidement attribuée au commandant de l'attaque de diversion : Colonna Cesari. Paoli continua à le défendre, étant conscient d'être la véritable cible. En effet, dès l'arrivée de la flotte devant Cagliari, prévoyant sans doute l'échec de l'opération contre la Sardaigne¹³⁴¹, le ministre des Contributions, Clavière, avait attaqué dans son rapport à la Convention nationale, le 1er février, les Corses dans leur ensemble. Cette dénonciation est « la première qui ait été faite contre la Corse en général et contre celui qui, alors, y commandait en chef »¹³⁴². Le 10 avril 1793 arrive en Corse la nouvelle du décret rendu par la Convention le 2 avril. Durant cette séance plusieurs représentants dénoncent violemment Pascal Paoli qui est mis en état d'arrestation. Le 20 avril, Napoléon apprend de son frère Joseph la mise en accusation de Paoli et de Pozzo di Borgo, procureur syndic. La nouvelle, devenue publique le lendemain, laisse tous les Corses atterrés¹³⁴³. Dans l'article 1er du décret du 17 juillet « Pascal Paoli est déclaré traître à la République française et mis hors de la loi ».

Le 15 mars 1793, le discours du frère de Napoléon, Lucien¹³⁴⁴, dénonce à la Société populaire de Toulon « la trahison de Paoli ». Napoléon n'en est pas informé. Il réagit à la nouvelle de la destitution de Paoli en prenant courageusement sa défense et en rédigeant pour la Société populaire d'Ajaccio, à l'adresse de la Convention, un long document où il emploie

¹³⁴⁰ In Eloi Jean Peyrou, p. 148. L'action de Truguet sera par la suite critiquée.

¹³⁴¹ Vérard, p. 162 : « Il semble que quelques membres de la Convention prévoyassent que les Français échoueraient dans cette tentative ».

¹³⁴² Vérard, p. 164.

¹³⁴³ J.-B. Marcaggi, p. 407 : « Comme tous les Corses, sans distinction de parti (sauf le haineux Barthélemy Arena qui écrivait : « Oui, c'est moi qui ai dénoncé Pasquale Paoli de Rostino à la Convention nationale, au Conseil exécutif, aux sociétés populaires de Provence »), Napoléon fut atterré ».

¹³⁴⁴ À 18 ans, il est manipulé par les Arena,

l'argument encore évident à cette époque : Paoli ne peut être condamné car il est « le précurseur de la république française »¹³⁴⁵.

Les propos de Lucien connus en Corse, Napoléon est contraint de se détacher de Paoli. Il prendra position contre lui et quittera l'île avec sa famille le 13 juin 1793.

B) Paoli et la construction du mythe de Napoléon.

a) Se met en place la réécriture des événements qui pèsera lourdement sur l'image de la Corse :

— *lorsque la campagne n'est pas oubliée, les moyens et les effectifs militaires utilisés sont largement sous-évalués,*

— *la campagne militaire est le plus souvent réduite à l'attaque de diversion,*

— *l'origine de l'action et le déroulement des faits sont contradictoires et confus,*

— *le rôle du jeune Bonaparte en Corse reste incompréhensible ; il y passe d'interminables « congés » dont le sens est le plus souvent réduit à des occupations familiales, où à une fascination juvénile inexplicite pour Paoli,*

— *or, l'opposition entre Paoli et Bonaparte est en même temps présentée comme ancienne, elle se fonderait principalement sur l'affrontement entre le jeune officier formé en France aux idées nouvelles et le vieux général, homme d'Ancien régime, feignant d'adhérer à la Révolution.*

— *Le jeune officier ne peut donner sa mesure durant l'expédition de Sardaigne, tandis que Paoli l'a fait sournoisement échouer dans le but de céder la Corse aux Anglais.*

— *Lorsque cette campagne militaire est évoquée, elle est associée à la rupture entre Paoli et le jeune Bonaparte.*

— *L'expédition est réduite à un lamentable épisode de l'histoire de la Corse paoline et ne participe pas à la formation de la légende napoléonienne.*

— *Ainsi, l'implication du jeune Bonaparte dans l'histoire de la Corse a été « durablement déformée par la perception historique de la guerre de propagande contre Paoli »¹³⁴⁶.*

b) Rétablir le rapport réel qui unissait le jeune Bonaparte à Paoli et à l'histoire de la Corse, permet de révéler la construction de l'imaginaire napoléonien.

¹³⁴⁵ Voir la lettre « À la Convention nationale », (postérieure au 18 avril 1793, sans lieu), in Eugène F.-X. Gherardi, *Pascal Paoli, Portraits*, Albiana, 2007, p. 71.

¹³⁴⁶ John M.P.Mc Erlean, *Napoléon & Pozzo di Borgo*, p. 142.

Le sens de l'engagement du jeune officier dans la garde nationale et de son rôle dans cette campagne militaire, ne peuvent être séparés de la poursuite de « la guerre de la liberté » de Corse¹³⁴⁷ qui « fit un moment renaître au milieu de la Méditerranée les beaux jours de Sparte et d'Athènes »¹³⁴⁸.

Auprès de Paoli, le jeune patriote se veut soldat politique, citoyen armé. Durant ces épreuves, se termine son apprentissage. Il a appris à affronter le feu des ennemis, à commander aux hommes dans l'attaque et dans la défaite, à développer un psychisme à toutes épreuves, à évaluer les enjeux politiques du moment et à se préparer aux « caractéristiques d'une évolution prochaine dans l'esprit du peuple et l'opinion des dirigeants »¹³⁴⁹.

c) Une nouvelle orientation de la Révolution

La campagne de Sardaigne enclenche les guerres de conquêtes fondées sur la volonté de vaincre pour progresser vers la puissance et vers la liberté. Pour éviter d'être écrasée, la nouvelle République avait-elle un autre choix¹³⁵⁰?

Avec la campagne de Sardaigne, « la voie est ouverte à cette période de guerres qui ne devait se fermer qu'en 1815 »¹³⁵¹. Ainsi, quelques mois après ce combat, le capitaine Bonaparte est nommé le 28 octobre 1793 chef de bataillon, puis général de brigade le 22 décembre, trois jours après la reprise de la Toulon, et commandant en chef de l'armée d'Italie le 2 mars 1796.

Le « vol de l'aigle » ne se prépare-t-il pas aussi en Corse ? À Sainte-Hélène, l'empereur déchu affirma à Las Cases que durant la campagne

¹³⁴⁷ Napoléon Bonaparte, *Mémorial de Sainte-Hélène*, « Bibliothèque de la Illiade », Gallimard, t I, p. 654.

¹³⁴⁸ Napoléon Bonaparte, « Discours sur la question proposée par l'académie de Lyon », 1791, *Œuvres militaires et écrits littéraires*, tome I, p. 265.

¹³⁴⁹ Eloi Jean Peyrou, p. 6.

¹³⁵⁰ *Le Souper de Beaucaire*, publié le 28 août 1793 par Napoléon Bonaparte sera proposé par l'intermédiaire d'Augustin Robespierre aux membres du Comité exécutif qui en demandera la diffusion. Prime le droit de la Nation, la force de l'armée nationale et la dénonciation de tout affel à l'étranger. Dans son dialogue, « le militaire » reprend l'argument de la Convention qui accuse Paoli d'avoir saboté l'expédition, in *Œuvres militaires et écrits littéraires*, tome II, LXII, p. 377 à 397.

¹³⁵¹ Eloi Jean Peyrou, p. 142.

d'Italie, à Lodi, le 10 mai 1796, il se vit « emporté dans les airs », animé pour la première fois par la conviction qu'un « destin » le portait. Si le combat de la Maddalena ne peut rentrer dans la logique de la prédestination, il amorce la boucle qui se referma dans une autre île de l'océan atlantique.

L'épopée guerrière de Napoléon repose sur un imaginaire politique dans lequel il fut immergé dès son enfance, celui de la « guerre de la liberté » menée par ses compatriotes qui furent vaincus à Ponte Novu –8-9 mai 1769-, mettant fin aux guerres de quarante ans de la Révolution de Corse. Dans le *Mémorial*, construisant son mythe, Napoléon tente de se placer en héritier de cette lutte, tel le Héros du combat éternel des peuples.

Cette figure que Napoléon esquisse ne sera pas retenue. Pourtant, comment sérieusement justifier l'assurance du jeune officier lors du siège de Toulon, aussitôt après avoir quitté son île natale, si son expérience et son apprentissage militaires acquis en Corse sont gommés ? Comment expliquer ses écrits de jeunesse, sa correspondance militaire, ses rapports, sa compréhension de la chose publique, si l'on fait l'impasse sur son imaginaire politique lié à Paoli et à l'histoire de la Corse ? Napoléon aura la conviction que la rupture avec Paoli participait du destin¹³⁵².

Dans la lithographie aquarellée, *Bonaparte fait ses premières armes aux îles de Sardaigne*¹³⁵³, il est campé comme une représentation symbolique de l'histoire en marche, proche de celle si célèbre du tableau de Gros, *Le général Bonaparte au pont d'Arcole* –Lodi.

Perdu sur ces îlots battus par les vagues, contraint à un théâtre d'opérations dérisoire, le Héros, étendard déployé et sabre à la main, semble sortir ici de la nuit mystérieuse qui l'a façonné. Dans le bleu de l'aurore, inconnu, blessé, entouré par ses gardes nationales semblable à des vétérans, il est le soldat politique qui ne plie pas dans l'adversité, car il est l'Histoire en germe.

¹³⁵² Napoléon -26 septembre 1815- peut écrire : « C'est parce que je sais toute la part que le hasard a sur nos déterminations politiques, que j'ai toujours été sans préjugés, et fort indulgent sur le parti que l'on avait suivi dans nos convulsions ».

¹³⁵³ Denis-Auguste-Marie Raffet, 1826. Le blanc et les tons froids de bleu s'opposent à l'ocre du sol.

La fermeté des traditions. Les privilèges et les droits des régiments suisses au service de l'Empire Français (1804-1815)

Alexandre Bespalov

L'histoire des régiments suisses au service d'abord des rois français, ensuite de l'empereur Napoléon I (1804-1814, 1815) plonge les racines dans le temps reculé. Pour la première fois ils se sont déclarés hautement au début de XIV siècle, quand les forces unies des cantons Schwitz, Ouri et Ounerval'den ont soulevé l'insurrection contre le joug des archiducs autrichiens.

L'apparition de l'infanterie magnifique suisse ne restait pas sans attention des souverains voisins. La demande des services des originaires des cantons était extraordinairement grande. En souhaitant tirer le profit maximum de la coopération avec les cantons et, priver l'empereur, le pape et d'autres souverains européens de l'entrée des réserves des soldats bien préparés, Louis de XI Valois (1461-1483) en 1474 s'est adressé à la conclusion de l'accord (capitulation) écrit avec la Suisse sur l'ordre de l'embauche sur le service français de ses originaires. Notamment il servira du point de départ dans la coopération de quatre siècles de la France et la Suisse sur la carrière militaire. À sa base on élaborera tous les accords ultérieurs sur l'embauche des Suisses au le service royal et impérial, et se confirmer leurs droits et le privilège.

Pour les fautes administratives et criminelles les Suisses assumaient la responsabilité seulement devant les juges personnels jugeant commis une faute selon lois les suisses et les coutumes, en se trouvant en dehors de la juridiction française.

Dans l'histoire militaire de la France il n'y avait aucune bataille pendant lequel les Suisses courraient du champ de bataille. Ils étaient jusqu'au bout et sauvaient plus d'une fois les régiments cassés français de la destruction complète. Était ainsi à Neervindene (1693), Gokhchedte (1704), Mal'plake (1709), Fontenoua (1745) et Rossbakhe (1757).

Louis XVI (1776-1792) disposait d'onze régiments de l'infanterie suisse. La grande révolution Française a mis fin à l'existence des régiments suisses. Ils étaient licenciés.

De nombreuses guerres, que conduisait la république Française, et l'empire demandaient tout les nouvelles et nouvelles réserves. En 1798 les troupes françaises ont envahi sur le territoire de la Suisse et, ayant réprimé la résistance du peuple, l'ont transformé en république Helvétique. Selon la Capitulation (accord) du 19 décembre 1798 la république Helvétique s'engageait à exposer sur la partie de la France 18000 soldats au nombre de six demi-brigades. En outre des régiments suisses au service de Piémont le même 1798 était formé deux légions Helvétiques.

En 1803 entre la France et la confédération Suisse était signés les nouveaux accords défensifs et militaires (27.09.). Le premier consul s'annonçait par le médiateur (le protecteur et le défenseur) à la confédération Suisse. Conformément à l'accord militaire la Suisse était engagée à exposer sur la partie de la république Française, a dès 1804 et l'empire le contingent au nombre de 16 mille personnes. La France prenait tout l'entretien des Suisses sur le compte du trésor. Ils devaient faire quatre régiments d'infanterie, sans trouver le stock à 4 mille personnes et le bataillon le grenadier, utile pour la garde.

Un assez grand groupe des soldats suisses et les officiers a gardé la fidélité à l'empereur Napoléon I à la période de «Cent jours». Ils ont fait deuxième étranger (le régiment suisse). 87 vétérans du deuxième régiment suisse y sont entrés, 92 de troisième et 91 de quatrième suisse des régiments. La partie donnée a pris part aux batailles à Lin'i et Vavre (1815), mais sur le champ de Waterloo il y avait un accident, qui a amené au renoncement réitéré de l'empereur selon le trône. En France s'est établi de nouveau "un bon" roi Louis XVIII. Par un des premiers décrets du roi le deuxième régiment étranger (suisse) était licencié. S'est achevée ainsi l'histoire du service des Suisses sous les étendards de la France impériale.

Les cosaques du Don à la guerre de la Russie et l'Autriche contre la France napoléonienne en 1805

Evgueni Mezentsev

Cet article, basée sur la littérature scientifique, les sources publiées et de documents d'archives, examine les opérations militaires des cosaques du Don en Autriche, Bohême et Moravie pendant la guerre de 1805.

En 1805 l'Armée du Don [*Donskoé Woisko*] mis en place pour le service de 46 000 cosaques, dont 19 500 (42%) était censé des contre Napoléon. Toutefois, en raison de la conclusion rapide de la guerre dans les combats contre les français avaient pris part à seulement 5500 des cosaques (soit 12%).

Les régiments de cosaques I. I. Frolov 1 et P. A. Protopopov 1, plus deux *sotnias* (cents) du régiment de cosaques A. D. Grekov 17 ont pris part à plusieurs escarmouches pendant l'expédition de corps de débarquement du comte P. A. Tolstoï à Hanovre.

Le rôle principal dans la guerre a été joué par huit régiments de cosaques qui ont combattu contre les français dans l'Empire d'Autriche. Quatre régiments (D. M. Kiselyov 2, A. G. Sysoev 1, V. E. Khanjonkov 1, A. I. Isaev 3) ont fait partie de l'armée de Podolie du général d'infanterie M. I. Koutouzov, et quatre autres régiments (P. M. Gordeev 1, P. G. Denisov 14, T. A. Malakhov 1, F. F. Melentiev 3) ont fait partie de corps de Volynie du général d'infanterie comte F. F. von Buxhoevden. Un seul régiment de cosaques (Kiselyov) a combattu pendant la retraite de l'armée russe de Braunau à Krems (Dürrenstein), et deux régiments (Sysoev et Khanjonkov) ont pris part au combat de Schöngrabern (Hollabrunn). Quand le détachement du prince P. I. Bagration se retire de Schöngraben vers le village Grund, les tirailleurs français vont à l'arrière des russes. Voyant cela, capitaine de cosaques [*esaoul*] E. A. Popov 19 se précipita sur l'ennemi à la tête des trois *sotnias* du régiment Sysoev. Chargeant à travers les fossés et les buissons, il culbuta les tirailleurs et ouvrit la voie pour les troupes de Bagration.

Cinq officiers du régiment Sysoev, qui se couvrirent de gloire le 16 novembre 1805 à Schöngrabern (capitaines de cosaques E. A. Popov 19 et D. A. Bykadorov, sous-lieutenants de cosaques [*khorunji*] I. I. Jirov, J. P. Mordovin et F. S. Chutchkin) ont reçu l'Ordre de Sainte-Anne de 3e classe, et colonel Sysoev 1 a été décoré de l'Ordre de Saint-Vladimir de 4ème classe avec nœud de ruban. Au moins 15 cosaques, qui se sont distingués à Schöngrabern, ont été décernés — ils ont reçu des insignes de l'Ordre de Sainte-Anne (decorations russes pour sous-officiers et soldats), et tous les participants de cette bataille ont été donnés médailles commémoratives avec l'inscription " Une contre trente". En outre, les régiments de cosaques Sysoev et Khanjonkov ont été accordés drapeaux d'honneur de Saint-Georges.

7(19) novembre 1805 l'armée de Koutouzov a rejoint à Wischau avec le corps de Buxhoevden, et 8(20) novembre a eu un combat entre l'avant-garde russe de Bagration et la cavalerie française, commandée par Murat. Quatre régiments de cosaques du Don (Sysoev 1, Khanjonkov 1, Malakhov 1 et Kiselyov 2) ont pris part dans cette affaire. Le régiment de Sysoev a pris plus de 30 prisonniers, dont un officier et un sous-officier (capturé par *uriadnik* [sous-officier de cosaques] S. I. Popov). Le capitaine Popov 19 à la tête d'une *sotnia* de cosaques, soutenue par deux escadrons de dragons Saint-Petersbourg sous commandement de major I. F. Gerngross, a renversé trois escadrons français (probablement 11-e régiment de dragons) et capturé 11 prisonniers. Un cosaque, qui a pris un officier français, a reçu du tsar la récompense sous la forme de 150 roubles d'argent (50 guldens hollandais).

Pendant la contre-offensive de l'armée combinée russe et autrichienne d'Olmütz vers Brünn cinq régiments de cosaques (Sysoev 1, Gordeev 1, Malakhov 1, Kiselyov 2 et Isaev 3) ont pris part au combat de Wischau 16(28) novembre 1805. Au cours de la poursuite de l'ennemi retirant les cosaques ont entouré et capturé un escadron français et en coopération avec les hussards et dragons russes ont pris encore deux escadrons. Capitaines de cosaques M. A. Kapytkov et G. Korotkov, lieutenants de cosaques (*sotniks*) E. L. Semiletov, J. A. Trailin et S. Pletniou sont distingués particulièrement dans cette action.

D. F. Gorin, natif de la *stanitsa* Pyatiizbianskaya et sous-lieutenant (*khorunji*) du régiment Denisov 14, s'est distingué 17(29) novembre 1805 dans une escarmouche de cavalerie près de Steinitz (Ždánice). À la tête d'une patrouille de cosaques il a battu un parti des dragons français et pris capitaine Holant. Alexandre I lui donna une récompense de 75 roubles d'argent.

Tous les huit régiments de cosaques ont pris part à la bataille d'Austerlitz. Les régiments Isaev et Melentiev ont fait partie de l'avant-garde autrichienne de M. Kienmayer, le régiment Denisov a été divisé entre la 1re et 2e colonnes, les régiments Gordeev et Sysoev ont fait partie de la 5e colonne du prince J. de Liechtenstein, les régiments Malakhov, Kiselyov et Khanjonkov ont fait partie de l'avant-garde russe de Bagration.

L'analyse des listes de service d'officiers et sous-officiers des régiments Sysoev, Gordeev, Denisov montre que tous les blessures (sauf un cas) avaient été infligées aux cosaques sur le côté gauche et surtout par des balles. À

notre avis, cela signifie que le cavalier français même en train de rattraper le cosaque sur le côté gauche (inconfortable pour ce dernier) préférant ne pas s'engager dans un corps à corps. Plus souvent, il a préféré tirer à bout portant avec un pistolet. En campagne de 1805 les cosaques ont pris fréquemment la fuite feinte pour attirer l'ennemi dans une embuscade. Cela est attesté par de petites pertes dans la plupart des régiments cosaques. Parmi les cosaques n'ont pas été blessés à la poitrine, l'abdomen et le dos par l'arme blanche. C'est la preuve qu'ils étaient très habiles aux combats corps à corps. À notre avis, dans engagements de cavalerie ou dans la mêlée, les cosaques sont si bien utilisés leurs lances, qui ne permettait pas son adversaire d'approcher à distance de coup de sabre.

Des listes de service et d'autres sources indiquent que en 1805 les cosaques ont été rencontrés principalement avec la cavalerie légère de l'ennemi (hussards et chasseurs) et au moins — avec les dragons. Dans la plupart des cas, ces combats et escarmouches ont réussi pour les enfants de Don. Les cosaques ont combattu avec les cuirassiers français à trois reprises et a toujours échoué. Ensuite, ils n'ont pas encore appris à se battre contre les cavaliers lourdes. Toutefois, cuirassier pourrait également être renversé de son cheval par coup fort de lance ou désarçonné par la saccade de lasso.

À Austerlitz, selon un rapport de Koutouzov, les régiments de cosaques ont subi les pertes suivantes dans les tués et disparus: Denisov et Malakhov — 4 hommes chacun, Sysoev — 13, Melentiev — 14, Khanjonkov — 25, Gordeev — 31, Isaev — 46, Kiselyov — 55. Des pertes relativement importantes des quatre derniers régiments en raison du fait qu'ils étaient entourés en partie. Dans tous les combats précédents de la guerre, les régiments de cosaques n'ont pas perdu plus de 30 hommes tués, soit 4 dans chaque régiment.

Il est à noter que même à Austerlitz prince P. I. Bagration voulait faire quelque chose qui a effectué ataman Platov à Borodino. Bagration envoya autour du flanc gauche de l'armée française vers Siwitz (Sivice) et Wellatitz (Velatice) le régiment de cosaques Malakhov et une partie des régiments de hussards Marioupol et Pavlograd. Malheureusement, ces forces étaient trop peu nombreux, et les français repoussé leur attaque.

Dans la bataille d'Austerlitz le régiment de cosaques de la Garde Impériale russe a sauvé les régiments d'infanterie Semyonovski et Preobrajenski, qui ont été entourés par la cavalerie ennemie. D'abord les cosaques de la garde en coopération avec les chevaliers-gardes ont culbuté

les escadrons de la Garde Impériale française, une partie des cavaliers légers de la division Kellermann et les tirailleurs du corps Bernadotte, mais ensuite ils se sont renversés. Un cosaque (nommé Ivan Abachin) a été capturé.

Curieusement, la nuit avant la bataille d'Austerlitz, un piquet de cosaques du Don (de régiment Malakhov) était presque capturé Napoléon lui-même, qui conduisait trop près de la ligne d'avant-postes russes. Il y a aussi un message d'espion Carl Schulmeister, qui dit que avant la bataille d'Austerlitz le grand-duc Constantin allait former un groupe spécial de cosaques et de hussards. Ce détachement était d'effectuer une attaque surprise de l'arrière au bivouac de Napoléon dans le but de capturer ou de tuer l'empereur. Cependant, des sources russes ne confirment pas l'existence de ce projet.

Dans le rapport du colonel F. F. Manakhtin et dans les mémoires du cadet-gentilhomme (*junker*) I. G. Boutovski a rapporté que, dans la nuit après la bataille les cosaques ont attaqué l'armée française de l'arrière et libéré de nombreux prisonniers russes. À notre avis, c'était un détachement de cosaques du régiment de Malakhov (1 ou 2 *sotnias*), qui pendant la journée entra à l'arrière de l'ennemi près Wellatitz. Peut-être qu'il se cachait dans un abri avant la nuit, puis a fait son passage de retour à travers les bivouacs français.

Il est intéressant de comparer les pertes des parties. Tout au long de la guerre, les enfants de Don (y compris les cosaques de la garde) a perdu en tués et de disparus au moins 250 personnes. Parmi ceux-ci apparaissent seulement deux prisonniers — Ivan Abachin du régiment de la Garde et un cosaque inconnu (probablement du régiment Kiselyov), qui ont été capturés à Austerlitz. Dans le même temps quatre mille cosaques ont été en mesure de capturer environ deux mille français et de tuer au moins autant. Ainsi, pour chaque cosaque il y avait un ennemi mort ou captif. Trois-quarts des prisonniers ont été capturés pendant les fourrages et les actions différentes à l'arrière de l'armée française.

Khorunji V. A. Tchisnakov et *uriadnik* F. S. Gogalev (tous deux du régiment Denisov 14) ont particulièrement distingués dans ces raids. Habituellement Koutouzov a choisi les commandants des partis parmi les officiers capables de hussards ou de dragons. Le plus célèbre d'entre eux était le capitaine-en-second (*stabs-kapitan*) V. A. Prendel (1766-1852). Avec un détachement de 100 hussards et 150 cosaques, il a capturé à Gross-Nemtschitz (Velké Němčice) le convoi français et détruit son escorte, qui se composait de 250 hommes. Plus de 60 français ont été tués et 46 capturés. Au total au cours du raid ont été faits prisonniers 6 officiers et plus de 260 soldats ennemis. Le parti de Prendel a

détruit les convois des 11 régiments français, y compris les voitures et bagages personnels du général de division Vandamme et de six autres généraux. Ce sont les mérites des cosaques du Don dans la guerre de 1805.

Entre le patriotisme impérial et local : l'influence des guerres napoléoniennes sur l'identité de la noblesse de la Malorossiya

Zoriana Melnyk

La politique de Catherine II orientée vers la centralisation et l'unification du territoire russe a apporté des changements importants de la structure et de la conception du monde des habitants de l'ancien Hetmanat. L'appareil administratif unique pour tout l'empire a été introduit (1780), Zaporizhian Sich a été supprimé (1775), et, ce qui a été le plus important pour l'élite ukrainienne, c'était le fait qu'elle a commencé à bénéficier des mêmes droits et mêmes titres que l'élite russe (Charte pour la noblesse de 1785). Notamment depuis ce temps-là commence le rapprochement entre l'élite cosaque avec la noblesse russe.

Les historiens mentionnent deux modèles du processus de l'assimilation de la noblesse et de la recherche de son identité personnelle. Le premier modèle est axé sur l'intégration la plus rapide aux organismes législatifs de l'État, ainsi qu'à la noblesse. L'autre modèle consistait à essayer de restaurer l'ancienne autonomie qui était basée sur la restitution de la cour et de l'état cosaque. Pourtant ces deux modèles ne servent pas toujours de référence, car il est difficile de définir quelle personnalité appartenait à quel groupe. Une personnalité pouvait représenter des opinions de l'Ukrainophilia et de la Russophilia.

On peut observer la variété des opinions de la noblesse en citant des exemples suivants. Vasily Kapnist en 1791 a organisé en 1791 la mission secrète vers Berlin, le but de laquelle était d'entamer les contacts avec la cour de Prusse avec l'aide du ministre Gertsberg pour organiser l'insurrection antirusse en Ukraine. Mais ayant essuyé le refus il n'imposait plus de contacts diplomatiques pareils et ne réalisait plus des actes pour changer le destin du Hetmanat. En 1812 il a écrit le poème «La Vision du Russe pleurant sur Moscou». Le poème était adressé à une «Excellence» et

contenait une inscription: « Je demande votre Excellence de jeter un coup d'oeil sur la manifestation des émotions de l'homme qui est triste à cause de notre patrie et qui désire d'utiliser son talent pour la sauver»¹³⁵⁴. L'oeuvre reflète le patriotisme passionné, les idées de la slavophilie, la passion pour la culture russe et la religion¹³⁵⁵, la vision de Moscou comme symbole de la structure de l'État et de sa puissance.

Ayant examiné ces deux éléments de la biographie de Vasily Kapnist, on a l'impression qu'il s'agit de deux personnalités différentes. Certes, on peut supposer que les opinions politiques de Vasily Kapnist ont évolué et il est devenu un homme extrêmement loyal, mais il est aussi possible qu'il n'était pas satisfait de certains aspects de la politique de l'empire (c'est reflété dans son oeuvre nommée «Le Cafard»). Il ne considérait pas pour lui un autre système des valeurs à part de celui qui était possible dans l'empire russe. Cela veut dire que la guerre l'avait mis devant le choix et il avait choisi la Russie. En considérant le patriotisme local et impérial, on peut même affirmer que ce dernier a remporté la victoire car il liait le patriotisme local et le système des valeurs.

Il est aussi évident que le séparatisme pouvait être non seulement la manifestation du mécontentement par certains actes des empereurs, mais aussi le mécanisme de la protection contre l'assimilation et la perte de l'identité personnelle. En perdant son identité cosaque et sans acquérir une autre, l'élite ukrainienne se trouvait entre différentes identités et se consacrait à la protection de son authenticité, son folklore, sa langue, ses traditions et non à la lutte active contre l'Empire.

Les événements de 1812 sont devenus le premier défi pour la noblesse ukrainienne, puisqu'elle s'est trouvée devant le choix quelle partie prendre. La noblesse ukrainienne a démontré la loyauté envers l'empire russe. Bien que l'histoire mentionne des personnalités qui exprimaient la sympathie envers Napoléon, par exemple V.Loukachevitch buvait à la santé de l'empereur des Français. Mais la noblesse n'entreprenait pas

¹³⁵⁴ Каноныкин Н. В. В. Капнист и стихотворение: «Видение плачущего над Москвой Россиянина 1812 года октября 28 дня» // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1912. Т. XVII. Кн. 4. С. 93—109. (<http://feb-web.ru/feb/izvest/1912/04/124-093.htm>) с. 94

¹³⁵⁵ Там же. С. 97

d'actes concrets et même mentionné ci-haut Loukachevitch s'occupait du regroupement des régiments de cosaques¹³⁵⁶.

En prenant en considération le nombre limité des sources, on ne saurait dire quelles discussions étaient menées dans le milieu de la noblesse, mais on peut supposer que l'union avec Napoléon était peu probable à cause des raisons suivantes: la bienveillance de Napoléon envers les Polonais et la possibilité de la restitution de la République des Deux Nations, le désir de l'empereur des Français de faire embarquer la Turquie dans la guerre¹³⁵⁷, ainsi que des rumeurs qui couraient sur la suppression du servage, ce qui ne plaisait pas aux qui prouvaient depuis longtemps leurs droits et l'appartenance à nobilité.

Malgré l'absence de la position précise de la noblesse ukrainienne, les guerres napoléoniennes sont devenues l'époque qui séparait les temps cosaques des temps de la création de la nouvelle identité, étroitement liée à l'empire. La guerre de 1812 était l'événement qui a ranimé pour la dernière fois les traditions cosaques et les espoirs de la restitution du Hetmanat, qui après ces événements significatifs ont été gravés pour toujours dans l'histoire.

Une autre conséquence de la campagne de Napoléon était la diffusion des idées de la révolution Française, qui sont devenues un nouveau repère pour la partie de la noblesse et ont apportées des nouvelles valeurs à la conception du monde de l'Europe de l'Est. Ces idées été reflétées ensuite dans l'idéologie des formations maçonniques.

On peut conclure que les guerres napoléoniennes avaient l'influence considérable sur l'avenir de la noblesse ukrainienne, qui se trouvait dans l'état de la recherche des priorités impériales et locales. Des représentants de la noblesse essayaient de travailler dans leurs manoirs privés et étudier des particularités de leur patrie ou bien ils se concentraient sur les possibilités de la carrière dans échelons supérieurs de l'empire. Des visions du monde différentes se formaient ainsi. Néanmoins cet état était un phénomène beaucoup plus complexe, dépendant de la politique de l'empire Russe qui évoquait la peur de la perte de l'identité, le désir de recevoir les titres et les

¹³⁵⁶ Сарбей В. *Національне відродження України*. Серія: «Україна крізь віки». Київ: Альтернатива, 1999. С. 67.

¹³⁵⁷ Абаляхин В. *Отечественная война 1812 года на юго-западе России. Волгоградский педагогический институт*, 1987. С. 7-9.

profits grâce à la fonction publique etc. Ces compromis provoquaient la création alternative d'identité, par exemple du slavophilisme¹³⁵⁸.

Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie d'origine corse

Anna Moretti

Napoléon et Charles André Pozzo di Borgo furent liés par des liens de parenté, nés dans la même ville d'Ajaccio, leurs familles vécurent un certain temps sous le même toit, dans la maison natale du futur Empereur des Français. Il serait logique alors que les destins de ces deux hommes se fussent suivies en parallèle ou du moins dans la même direction que celle choisie par le génie de Napoléon.

Les relations entre Buenopatre et Pozzo di Borgo connaissaient des hauts et des bas tantôt s'alliant par des unions matrimoniales et politiques tantôt se séparant à cause de désaccords professionnels et familiaux. Il est curieux de remarquer que le zénith de l'amitié ainsi que l'apogée de la haine entre les deux maisons se retrouvent dans les relations entre Napoléon et Charles André.... Les deux corses se réunissent autour de la figure de Pascal Paoli qui, paradoxalement, sera plus tard celui qui les séparera à jamais.

Napoléon et Charles André seront de fervents adeptes de la Révolution Française qui avait permis à Pascal Paoli de retrouver son île natale. Cependant l'affection particulière du « Babbu di a Patria » envers Pozzo di Borgo et sa promotion (aux dépens de Joseph ou plus tard de Napoléon seront source de rancune entre eux. Les destins des deux Corses furent définitivement séparés après le fameux discours de Lucien à Toulon dans lequel il promulgua Pascal Paoli « traître de la France révolutionnaire » et la fuite précipitée des Bonaparte d'Ajaccio. Pozzo di Borgo joua un rôle dans le dernier événement et il dit plus tard que par ce fait il sera à l'origine de la carrière vertigineuse de Napoléon qui fut nommé chef d'artillerie et affecté au siège de la ville de Toulon tout de suite après son débarquement sur le continent.

La guerre commença alors entre les deux hommes. Pozzo di Borgo se lia d'amitié avec sir Gilbert Elliot pendant le Royaume Anglo-corse (1794-1796) et fut même président du Conseil d'État lors du protectorat anglais sur la Corse. Il accompagna Elliot à Vienne, où il vécut six ans. En 1804, conseillé par le Prince Razoumovski, il entra au service diplomatique de

¹³⁵⁸ Когут З. *Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760— 1830*. К.: Основи, 1996. <http://litopys.org.ua/coss5/koh12.htm>

la Russie dirigé par Adam Jerzy Czartoryski et employa tous ses moyens à la restauration des Bourbon sur le trône français.

Futur comte et pair de France, Pozzo di Borgo ne se contenta pas seulement de suivre attentivement la carrière politique de son ennemi juré mais y participa activement. Par l'ironie du sort, en 1814 il sera désigné porte-parole de tous les pays vainqueurs et envoyé en Angleterre pour proposer le trône à Louis XVIII. Ce sera également lui qui rédigera le rapport concernant les conditions de vie de Napoléon à Sainte Hélène.

Comme par l'ironie du sort également, Pozzo di Borgo connaîtra un autre triomphe de Napoléon, sa vengeance ultime, voire le retour de ses cendres à Paris. L'œuvre de toute une vie de ce vieux corse sera remise en cause : le tyran déchu fut accueilli en héros, sa légitimité en tant qu'Empereur reconnue et sa gloire restaurée. « Qui serai-je alors dans les yeux des générations futures ? » se posait sans cesse cette question le vieil homme : « traître de mon compatriote célèbre, traître de la France étant diplomate russe, traître de la Russie servant toute ma vie les intérêts de la France ? » Finalement l'Histoire retiendra une autre image de Pozzo di Borgo, celle d'un homme fidèle à ses principes et idéaux.

Charles André vécut les dernières années de sa vie dans un palais à côté des Invalides. Il sera enterré au cimetière du Père-Lachaise qui se trouve en face du tombeau de l'Empereur mais ... sur l'autre rive de la Seine. Ainsi le destin étrange qui lie ces deux hommes empreintant des chemins différents se poursuivra même après leur mort...

Manifestation de la mentalité culturelle et historique des gens de l'époque napoléonienne dans les mémoires militaires : un regard russo-français

Elena Prikaztchikova

L'article étudie la manifestation de la mentalité culturelle et historique des gens de l'époque napoléonienne dans les mémoires et les textes autobiographiques militaires de la première moitié du XIX siècle. Telle une « fenêtre vers le passé » (selon le terme d'A. Gladkov), un texte documentaire personnel constitue toujours une tentative de l'auteur d'exprimer sa vision *personnelle* d'un événement historique. En Russie et en France, les premières décennies du XIX

siècle furent déjà marquées par une pénétration massive des mémoires dans l'espace littéraire contemporain, puisque les auteurs de ces textes cherchaient à publier leur vécu pour le mettre à la disposition de la société.

Dans les mémoires, l'époque des guerres napoléoniennes, le « siècle des bogatyr » selon D. Davydov, fut très vite perçue comme une époque historique, mythologique, nettement opposée au « prosaïsme » de « l'hiver de fer » (F. Tioutchev) de l'empereur Nicolas Ier en Russie ou du « tout petit royaume » (P.-J. de Béranger) de Louis XVIII en France. Une analyse de contenu permet de déterminer clairement les traits caractéristiques suivants de la psychologie historique de la génération des guerres napoléoniennes qui ressortent des textes documentaires personnels russes (D. Davydov, F. Glinka, I. Lagetchnikov, R. Zotov, N. Andreïev, M. Petrov, C. Volkonski) et français (L.-Ph. de Ségur, A. de Caulaincourt, J.-B. de Marbot, C. Laugier, A. Bourgogne).

En premier lieu, c'est le culte de la « frénésie rituelle », l'étalage de sa bravoure et la fanfaronnade qui sont souvent perçus comme une sorte de libre-pensée. Ce culte se manifeste non seulement dans le comportement quotidien des hommes appartenant à la sous-culture militaire, mais également sur le champ de bataille. Il suffit de se rappeler la description dans les mémoires du comportement « en panache » des personnages les plus braves de l'époque : le maréchal français J. Murat et le « Bayard russe », général M. Miloradovitch.

En second lieu, la psychologie historique de cette génération est sérieusement marquée par le culte de l'antiquité héroïque, représentée dans l'esprit des biographies comparatives de Plutarque ou des historiens romains Tacite et Tite-Live. Cette culture « mytho-rhétorique » (A. Mikhaïlova) crée tout un système de mythes onomastiques : Horatius Coclès, Caius Mucius Scaevola ou Thémistocle. L'imitation de ces personnages devient une des composantes incontournables de l'univers spirituel de cette génération, à partir des officiers ordinaires (F. Boulgarine, J.-B. de Marbot, D. Davydov) jusqu'à Napoléon lui-même.

En troisième lieu, l'époque napoléonienne se caractérise par une théâtralisation absolue des opérations militaires, par l'attribution à ces dernières d'un certain esthétisme. Il s'agit non seulement de la « théâtralisation » de la bataille selon les règles de l'art dramatique, avec « exposition, péripéties, actes successifs, dénouement » (Napoléon), mais également du comportement théâtral et rhétorique des hommes qui s'imaginent sur la scène de l'histoire. Cette particularité explique le geste du comte F. Rostoptchine à l'égard du fils du marchand Verechtchaguine dans

les « Mémoires » (Zapiski) de P. Viazemski, la réaction au comportement du lieutenant Serugue dans les « Mémoires de guerre » (Voïennyïe zapiski) de D. Davydov ou bien le code de conduite cornélien adopté par P. Soukhtélen sur le champ de bataille d'Austerlitz.

En quatrième lieu, les gens de l'époque napoléonienne se distinguent par leur culte de l'honneur, leur perception traditionnelle de la guerre comme un acte héroïque et noble. Ce sont les lois de l'honneur qui imposent, notamment, une attitude chevaleresque envers le prisonnier ennemi ayant fait preuve de son courage et de sa vaillance, c'est-à-dire envers celui qui se comporte comme un guerrier « idéal ». La fraternité militaire des « enfants de Mars » peut aller jusqu'à l'établissement de rapports amicaux entre les hommes appartenant à des camps militaires opposés, entre les ennemis sur le champ de bataille. Ces relations s'inspirent des idées de fraternité universelle des hommes qui découlent naturellement de l'esprit humaniste du Siècle des lumières.

Enfin, la mentalité culturelle et historique de cette époque se caractérise par l'existence, à côté du culte des exploits militaires et du culte de l'honneur des « lois du cœur », des lois de compassion et d'humanité qui prennent leurs racines dans l'éthique du sentimentalisme et le maximalisme éthique de « l'époque de la sensibilité » (selon le terme d'A. Vesselovski). Pour toutes ces raisons, une vaillance privée de ces traits nobles de l'humanisme élevé, marquée de férocité, est sévèrement et formellement critiquée dans les mémoires contemporains. Pour leurs auteurs, la dérogation inévitable des normes du comportement « sensible » dans les conditions extrêmes de l'incendie à Moscou ou la description de la désastreuse retraite de l'armée de Napoléon de Russie constituent un mal terrible qui déforme la nature véritable de l'homme, « l'instinct humaniste que la nature a mis dans nos cœurs » (selon le général Griois). Néanmoins, c'est cette foi dans la nature charitable de l'homme, dans le grand patrimoine du Siècle des lumières qui distingue principalement la mentalité culturelle et historique des gens de l'époque napoléonienne par rapport à la psychologie historique de la génération de la Première Guerre mondiale, de cette « génération perdue » pour laquelle le caractère inhumain et absurde de la guerre devient souvent le facteur décisif et provoque plus tard un sentiment de déception de la vie et l'incapacité de trouver sa place dans ce « monde fou ».

Toutes les caractéristiques de la mentalité culturelle et historique des gens de l'époque napoléonienne ci-dessus définies, en raison du caractère personnel des mémoires, ainsi que d'une aberration inévitable du point de vue du mémorialiste au fil du temps, constituent non seulement une réalité

objective, mais également une sorte de mythe culturel international que les gens de cette époque désiraient laisser en héritage à leurs descendants.

La bataille d'Austerlitz dans les mémoires d'auteurs russes

Sergueï Rybakov

Parmi les mémoires d'auteurs russes relatifs aux guerres napoléoniennes de 1805-1807, il existe des mémoires consacrés spécialement à « la Bataille de trois empereurs », celle d'Austerlitz. Ce sont les notes du comte A.F. Langeron, celles du général A. Kh. Eyler et les mémoires de A. Czartoryski, diplomate et participant à la bataille d'Austerlitz.

Le comte Alexandre Fédorovitch Langeron (Alexandre Louis Andrault de Langeron), général d'infanterie (1763-1831) est un aristocrate français. Le 7 mai 1790 A. Langeron, colonel de l'armée française a été admis au service de l'empereur russe. Le 20 novembre 1805 il a participé à la bataille d'Austerlitz contre l'armée de Napoléon. Les mémoires de A. Langeron concernant la campagne de 1805 ont été pour la première fois publiés traduits du français en russe dans la revue « Le Voyenni sbornik » (« Recueil militaire ») sous le titre « Notes du comte Langeron, sa septième campagne en Moravie et en Hongrie en 1805 » (1900, №№9-12 et 1901 №№1-2). A. Langeron a également participé à la campagne de l'armée russe de 1812 et à celles de 1813-1815 menées à l'étranger.

Revenu en Russie en 1815, il a été nommé le 16 novembre 1815 gouverneur militaire de Kherson et le maire d'Odessa. Il est décédé le 4 juillet 1831 et a été enterré dans la cathédrale catholique d'Assomption à Odessa.

Il a laissé tous ses papiers et mémoires au consul français à Odessa. Ces documents ont été envoyés à Paris. Plus de cinquante ans plus tard, des copies ont été faites à partir de six cahiers (des milliers de pages). Ces copies se sont trouvées dans les archives russes.

« Les notes du comte Langeron » concernant la bataille d'Austerlitz ont été écrites seulement à la fin de 1826. A. Langeron a donné une explication à ce long silence : « La bataille d'Austerlitz m'a laissé des souvenirs trop pénibles ».

A. Langeron donne la liste des causes qui, à son avis, ont provoqué l'échec des alliés.

Le problème de la véracité des mémoires de A. Langeron est, bien sûr, important. (La phrase du traducteur de 1900 : « Les notes ont été écrites 20

ans après les événements, il y a quelques imprécisions dans la reproductions des noms des participants à la bataille, ce qui est lié à la traduction du français en russe et d'autres ». Toutefois, les détails de la vie du général Lochakov et d'autres ont été confirmés par des sources de l'époque.

Les mémoires de A. Eyler constituent une autre source peu étudiée.

Alexandre Khristophorovitch Eyler (1773/1779-1849) général d'artillerie (1834) est le petit-fils du mathématicien Leonhard Euler), fils du général Kh.L. Eyler. En 1805 il a participé à la bataille d'Austerlitz au grade du capitaine. Il a participé à la campagne de 1812 et aux campagnes de l'armée russe à l'étranger en 1813-1815 et a été enterré à St-Pétersbourg, au cimetière luthérien Volkov.

« Les notes de Alexandre Khristophorovitch Eyler » ont été publiées par A.A. Eyler dans la revue « Les archives russes » 1880, livre 2, №11, pages 333-339.

L'extrait des souvenirs de A.Eyler, relativement petit, confirme les données fournies par A. Langeron.

Cependant, avant l'arrivée de la garde à St-Pétersbourg le 9 avril 1806, il y a eu très peu d'information sur la bataille. Nous le savons grâce au journal de S.P. Jikharev, homme de lettres, dramaturge et traducteur (Note du 18 décembre 1805).

Et, enfin, les mémoires du prince Adam Czartoryski, ministre russe des affaires étrangères en 1804-1806.

Le prince Adam Czartoryski a été nommé ministre des affaires étrangères de la Russie en 1804. Le 20 novembre 1805 il a été avec l'empereur Alexandre I-er sur le champ de bataille à Austerlitz. A. Czartoryski le décrit dans le XII chapitre de ses « Mémoires » (traduction en russe, vol.I, Moscou, 1912). Après l'étouffement de l'insurrection polonaise de 1830-1831, il a émigré en France, et le 6 octobre 1831 il a été exclu du Conseil d'Etat et du Sénat de l'Empire russe. Au cours de l'émigration il a habité à Paris à l'hôtel Lambert qui est devenu le centre de l'émigration polonaise.

Différents chapitres des « Mémoires » d'A. Czartoryski ont été écrits aux moments différents, à la fin des années 50 du XIX-ème siècle. Le chapitre XII consacré à Austerlitz est resté inachevé.

Parlant de la retraite des troupes A.Czartoryski donne les détails suivants : « L'Empereur (Alexandre I-er — *Note de l'auteur*) s'est dirigé vers Austerlitz occupé encore par le détachement de Bagratyon et transformé maintenant en arrière-garde. Ses aides-de-camp s'y sont rassemblés également. » « C'était le début de la soirée. Les généraux se sont retournés à leurs postes tandis que l'empereur (Alexandre I-er) a dû, pour des raisons

de sécurité, se rendre à Galitch... Après le voyage qui a duré plusieurs heures nous sommes enfin arrivés dans une petite localité. J'ai trouvé là-bas une chambre pour l'empereur... ». C'est ainsi que les mémoires de A. Czartoryski complètent et confirment le tableau global des événements de l'époque.

Les mémoires de A.F. Langeron (1826, traduction en russe, 1900-1901), les mémoires de A.Kh.Eyler (publiés en 1880 par A.A.Eyler) et les « Mémoires » de A.Czartoryski (traduction en russe de 1912 avec les commentaires de A.A.Kizivitter) n'ont pas été pratiquement utilisés par L.Tolstoï pour décrire Ch Schongraben et Austerlitz.

V.L.Koutchine, auteur de l'ouvrage intitulé « Le capitaine Touchine de « La Guerre et la Paix » dans le roman et dans la vie » (Moscou, 1999, p.60) écrit: «Outre les oeuvres de Mikhailovski-Danilevski, de Ermolov, de Fiodor Glinka et de Denis Davidov, il existait une collection personnelle de légendes de la vie de la famille et du service dans l'artillerie concernant Austerlitz. On cherche toujours et on trouve des sources utilisées par Tolstoï».

Bataille de Mormant dans le paradigme des projets historiques et culturels franco-russes

Stepan Semenov

A 40 kilomètres de Paris sur place centrale de la ville de Mormant (Département Seine-et-Marne), à côté de l'Église Saint-Germain-d'Auxerre on peut voir un monument de 3,5 m. en granit gris de l'Oural couronné par un aigle en bronze.

« **La Russie garde la mémoire sacrée de ses fils. Aux participants de la guerre 1812–1814 Moscou — Mormant 1999** ». Cette phrase on peut lire sur la plaque commémorative du monument.

C'est ici, dans la France profonde se trouve le premier monument aux soldats russes morts en 1814 au cours de bataille contre l'armée de Napoléon.

Partie historique. 1814. Après la désastreuse campagne de Russie et la défaite de Leipzig, les coalisés ont regroupé leurs forces et s'apprentent à déferler sur la France. Les alliés vont néanmoins, sur l'entremise du chancelier Metternich, présenter des propositions de paix à l'Empereur.

Malgré une position désavantageuse, (l'armée napoléonienne est à reconstruire, le corps législatif se rebelle devant la politique de l'Empereur),

Napoléon pense pouvoir arrêter l'invasion des coalisés qui marchaient sur Paris. Du 10 au 17 Février 1814 il fallait à Napoleon battre l'armée coalisée celle de Schwarzenberg (l'Armée de Bohême), qui marchait sur Paris en suivant la Seine. Ainsi commence la bataille de Mormant, peut être la plus sanglante des derniers combats de Napoléon où le génie stratégique de l'Empereur permit à l'armée de remporter l'une de ses dernières batailles.

Le 2ème corps avec lequel marche l'Empereur, s'avance sur Mormant en 3 colonnes, précédées et flanquées par les cavaleries Milhaud et Kellermann: à droite la division Chataux, au centre la division Gérard, à gauche la division Duhesme. Cependant l'armée de Schwarzenberg, après avoir forcé les ponts de Nogent, de Bray et de Montereau, s'avancait sur Nangis. Les bavaois du général de Wrède, et les russes du général Wittgenstein forment l'avant-garde ennemie qui entrent dans la Brie; de l'autre côté de la Seine, Sens, malgré la belle résistance du général Alix, avait été enlevé par le prince de Wurtemberg. Le corps autrichien de Bianchi marche sur Fontainebleau, et les cosaques de Platoff répandent la désolation entre l'Yonne et la Loire. Le 16, au matin, Napoléon quitta Meaux et se dirigea sur Guignes, à travers la Brie, par le chemin de Crécy et de Fontenay. Il avait le plan de s'emparer de pont de Montereau, rétablir sa ligne de défense sur la Seine et couvrir Paris. Les dragons venus d'Espagne arrivaient le 16 à Guignes et l'Empereur prépara ses ordres.

Les troupes russes, commandés par Wittgenstein, appartenaient à Schwarzenberg; le corps russe de Palen était en avant-garde sur la route devant Mormant.

Depuis midi l'on se battait dans la plaine de Guignes. Les ducs de Bellune et de Reggio, poussés toujours par l'ennemi, lui opposaient la plus vive résistance, cherchant à conserver jusqu'au soir le chemin de Chaulnes, par lequel Napoléon avait promis d'arriver; mais lorsque les têtes de colonnes conduites par l'empereur se présentèrent à Chaulnes, elle y trouvèrent les tirailleurs de l'ennemi.

L'arrivée de Napoléon rendit à l'armée toute son énergie.

Le quartier impérial passe la nuit dans ce village, toutes les troupes qui le suivaient défilèrent jusqu'au jour; et au même moment les dragons du général Treilhard, tirés de l'armée d'Espagne, se présentèrent par la route de Paris; ce renfort de cavalerie ne pouvait arriver plus à propos.

Pendant la nuit, les courriers se multiplièrent pour porter à Paris des nouvelles rassurantes; ils entrèrent dans les faubourgs, escortés d'une foule de curieux que l'inquiétude avait réunis à Charenton, autour des voitures du

grand parc; car les gros équipages du duc de Bellune et du duc de Reggio avaient été poussés jusqu'à cette dernière position.

Le 17 au matin, toute l'armée quitta Guignes et se reporta en avant; par la vigueur du choc, les alliés apprirent que Napoléon était de retour, et tout céda à l'impulsion donnée par sa présence.

Le 2ème corps, commandé par le maréchal Victor, duc de Bellune, qui marchait en tête sur la route de Guignes à Nangis, soutenu par les corps de cavalerie des généraux Kellerman et Milhaud, rencontra, en avant de Mormant, un corps russe de 8000 hommes, qui se replia aussitôt. Napoléon, en voyant ce corps russe décide de l'attaquer et, à 5 heures du matin, le corps de Victor, en 1-ère ligne se porte à Pecqueux devant Mormant. La cavalerie de Milhaud tourne Mormant par la gauche et Kellerman tourne le village par la droite; cette cavalerie passe devant l'Empereur et le salue. Pahlen était obligé de se retirer sur Mormant, couvert par des régiments de cosaques, à droite, et par des escadrons des hussards à gauche. Napoleon decide alors d'attaquer le corps de Pahlen avant qu'il ne s'échappe. Il fit doubler de vitesse aux colonnes d'attaque. Pendant que la cavalerie tournait Mormant par ses flancs, le 2ème corps l'attaquait de front. Le chef de bataillon Gérard, avec le 5ème bataillon du 32ème de ligne, y entra au pas de charge et enfonça une partie de troupes russes à la baïonnette. Pressé de toutes parts, ils étaient déjà dans un grand embarras lorsque le général Drouot s'avança avec trente-six pièces de la Garde, ouvrit un feu terrible sur les masses d'infanterie russe, et détermina leur déroute. Une partie de la cavalerie parvint seule à s'échapper; l'infanterie se forma vainement en deux carrés; l'un, chargé par les généraux Kellerman et Milhaud, mit bas les armes; le second essaya de passer par le marais d'Ancoeur; mais assailli en queue par le 4ème et le 10ème dragons, en tête par le 6ème et le 13ème il fut enfoncé et contraint de se rendre.

Les fuyards se sauvèrent sur Provins et Villeneuve-le-comte, et furent poursuivis dans toutes les directions. La division de cavalerie du général Piré atteignit encore la cavalerie russe du défilé du bois de Nangis, fit un grand nombre de prisonniers, et prit six bouches à feu.

Le duc de Bellune, suivant la route de Villeneuve-le-Comte, rencontra, vers trois heures de l'après-midi, à la hauteur de Valjouan, la division bavaoise Lamotte, qui, instruite de la défaite de l'avant-garde alliée, rétrogradait sur Montereau.

Le général Gérard engagea aussitôt l'action. Pendant qu'un bataillon du 86ème de ligne attaquait de front l'ennemi occupant Villeneuve, ce

général, avec le reste de sa division, profita d'un ravin boisé qui déroba son mouvement, et se porta par sa gauche sur les derrières des bavarois.

Les troupes qui défendaient Villeneuve furent débusquées par le 86ème de ligne, et ensuite chargés et culbutés par les cuirassiers du général Bordesoulle.

Le général bavarois ne voulant pas prolonger le combat, forma son infanterie en carré, et crut opérer en sûreté sa retraite sur Donnemarie; mais à peine avait-il marché quelques instants que le général Gérard déboucha du bois, attaqua ses masses à la baïonnette, et les mit dans le désordre.

Mais, considérant l'extrême fatigue des troupes, il ordonna au général Gérard d'arrêter sa poursuite, laissant ainsi se rallier les bavarois, qu'un effort de plus allait probablement contraindre à mettre bas les armes.

A la même heure, le 7ème corps d'Oudinot se disposait derrière le 2ème, prêt à l'appuyer ; la division Boyer sur deux lignes, les brigades l'une derrière l'autre, au nord de la grande route, à hauteur de l'Etang, la division Rottembourg à 200 mètres en arrière, séparée d'elle par un bouquet de bois, le parc du château de Vernouillet. A la droite de cette infanterie, la division de cavalerie Bordesoulle, jeunes recrues de 15 jours, certains se maintiennent péniblement sur leurs chevaux.

L'artillerie du 2ème corps, enforcée de pièces de la Garde, s'établit en colonne sur la route, à l'entrée de Guignes.

Devant la concentration de ces forces imposantes, massées dans la plaine, appuyées à la ferme du Mont à sa gauche, son aile droite vers Aubépierre, l'unité ennemie, commandée par le Général russe Palhen, s'est déployée... Il s'agit d'une forte avant garde du corps russe de Wittgenstein : 2500 hommes d'infanterie et 1800 chevaux...

Les troupes russes se replient en bon ordre. A ce moment, le général Gérard, plein de fougue, l'épée à la main, se porte en avant à la tête du 5ème bataillon du 32ème régiment de la ligne. Les fantassins, baïonnette au canon, traversent Mormant et sèment la confusion parmi les troupes ennemies refoulées dans la grande rue. Ces forcés tentent de résister à la sortie du village, attendant d'être secourus par leurs alliés bavarois restés à Nangis.

Le Général Ismet dépasse à ce moment Mormant, traversant la route qui mène vers Champeaux et Melun. Il aperçoit ces fantassins encore désorganisés.

Profitant de la surprise, le général enlève le 4ème régiment de dragons, charge la troupe ennemie, l'enfonce et l'oblige à mettre bas les armes, entre Lady et la ferme de Bisseau. L'empereur et son état-major se portent à

Mormant pour prendre la direction du combat. Sur la grande route, l'infanterie du comte Palhen se retire, encadrant son artillerie. Une forte cavalerie assure leur protection et de nombreux tirailleurs sont répandus dans la plaine. Mais la queue de la colonne, prise de panique à la vue de la charge opérée par les dragons du général Ismet, est mise à mal dans le petit bois de Bisseau... Dans l'église de Mormant, on installe rapidement un poste de secours.

Sous la poussée de la brigade Ludot, la tête de colonne russe est rejetée au sud de la grande route.

On peut constater que la victoire de Napoleon fut totale; les russes prirent la fuite dans la direction du Provins et de Villeneuve-des-Bordes, poursuivi par la cavalerie. Le lendemain, Napoleon sera en possession de Monterreau et des ponts de la Seine.

Dans cette bataille les russes eurent des pertes serieuses Avec les bavarois près de 5000 hommes tués, blessés et prisonniers...

En Novembre de 1988 d'après l'invitation du Centre d'Etudes Napoléonienne, dirigée par M. Fernand Beaucour la délégation de la ville de Moscou visita Mormant. Pendant cette visite eurent lieu les pourparlés avec le Maire de la ville M. André Hugué touchant le projet commun de la construction et inauguration sur la terre française du premier monument au combattants russes qui furent mort pendant la guerre de 1812 — 1814. L'initiative fut soutenue par le Gouvernement de Moscou et un mois plus tard une Convention entre la Ville de Moscou et la Ville de Mormant fut signée. En 1999 le monument fut innauguré en présence du Maire de Moscou, de l'Ambassadeur de Russie en France et des hauts representants du Gouvernement de Russie.

Aujourd'hui le monument à Mormant sert un lieu attirant les touristes, les voyageurs et tous les amateurs de l'histoire de differents pays. Quatre communes (MORMANT, GUIGNES, AUBEPIERRE — OZOUER-LE-REPOS et BREAU) ont uni leurs efforts pour rendre possible l'organisation de différents évènement liés avec l'histoire napoléonienne.

En avril 2003 on a crée l'association « La Brie Imperiale » pour regrouper toutes les personnes désirant relever cet evenement. Une cinquantaine de bénévoles ont travaillé pour rendre possible la premiere reconstitution de la bataille en partenariat avec le 10-ème escadron.

C'est ainsi que les 16, 17 et 18 mai 2004 s'est déroulée cette première reconstitution de la Bataille de Mormant. Le succès populaire de cette manifestation ainsi que la satisfaction des reconstitueurs ont décidé les membres de l'association à renouveler l'expérience, dont l'objectif est de présenter à un

large public l'ensemble de la campagne de France de 1814. Dans cette action ont prié part 400 hommes en armes dont 50 cavaliers et 200 reconstitueurs étrangers accompagnés de canons. Dans le programme du spectacle figuraient : une bataille de rue, un spectacle musicale, un feu d'artifice d'époque, une exposition de la reconstitution de la bataille réalisée avec des figurines.

Comme le but logique de toute ces manifestations un projet de la construction du Centre Culturel Russe à Mormant, unifiant les spécialistes et partisans de l'histoire et de la culture de France et de Russie est en train de se développer en ce moment sous la protection des Mairies des deux villes et avec la participation du Centre d'Etudes Francophones de Russie* et des structures commerciales.

Dans cette optique on continue les recherches scientifiques et établissement des relations avec tous les parisans de l'histoire napoléonienne.

** Le Centre d'Etudes Francophones est basé à Moscou, au sein de l'Académie Diplomatique de Russie et a pour souci de favoriser l'approfondissement de la connaissance historique, culturelle et politique par des recherches et des documents nouveaux dans le but de développement des relations amicales entre la Russie et la France.*

Mes remerciements les plus sincères pour la collaboration, les documents et l'information aux:

- Mme Jean-Marie ABIVEN — Maire de Mormant
- M. Jean BARRACHIN — Maire de Guignes
- Centre d'Etudes Napoléoniennes (M. Fernand Beaucourd)
- M. Jean Rousseau — Historien, Brie-Comte-Robert
- M. Vladimir ZOTOV — Prefet d'Arrondissement Sud-Est de Moscou
- M. Dimitri EVSEEV — Sous-Prefet d'Arrondissement Sud-Est de Moscou
- M. Dimitri Tchivilev — commerçant

Les mythes sur la participation des Kalmouks dans la guerre contre Napoléon en 1812-1814 dans la littérature historique

Outach Otchirov

Malgré qu'après La Guerre Nationale presque deux siècles se sont écoulés, bien de ses problèmes et de ses aspects restent non étudiés ou non relevés

entièrement. De plus, dans la littérature historique sous l'influence des divers facteurs subjectifs (parmi eux des facteurs de la nature politique et idéologique) certains mythes furent créés, et ils peuvent déformer sensiblement nos notions sur la réalité historique de cette époque-là. La situation ne commence à changer que pendant les dernières décennies, cependant il n'est pas encore temps d'affirmer précisément que toutes les nuances des guerres napoléoniennes furent éclaircies et que tous les mythes faux et les erreurs sur cette période furent révélés. L'un des exemples de ce type est l'histoire de la participation des Kalmouks dans la Guerre nationale en 1812 et dans les Campagnes étrangères.

On peut qualifier comme l'illustration la plus éclatante de cette affirmation la tradition de la représentation des Kalmouks, participants dans la querre en 1812-1814, qui se forma dans l'art plastique d'Europe occidentale. Les Kalmouks, qui sont associés pour les européens (pour les allemands en particulier) depuis l'époque de la Guerre du Nord et de la Guerre de sept ans aux nomades sauvages, sont représentés avec des chapeaux de fourrure et avec des surtout des types divers, ils sont armés des piques, des arcs et des flèches. Si pour la guerre des années 1806-1807 on peut le juger en partie juste, pour la période des années 1812-1814 c'est la faute absolue. Les Kalmouks de Stavropol (sur la Volga) et les kalmouks du Don en tant que les représentants des armées cosaques, avaient l'équipement militaire réglementaire et l'armement (pique, sabre et carabine). Des Kalmouks du gouvernement de l'Astrakhan, qui servaient dans les Premier et Deuxième régiments Kalmouks, avant le début de la guerre reçurent l'équipement militaire spécial et l'armement standardisé à l'exemple des cosaques du Don, mais différents par les détails (par exemple, les couvre-chefs des kalmouks était jaune avec le bandeau fourré, le haut carré, le panache et "etichket" ("*эмуукем*", — *le cordeau avec des glands*)).

Malheureusement jusqu'à présent dans la littérature historique il n'existe pas la notion précise et claire de la voie de combat des régiments kalmouks. Par exemple, jusqu'à présent la question sur le première bataille des Premier et Deuxième régiments Kalmouks reste polémique. Les affirmations des certain historiens qui liaient le premier combat de ces unités avec la prise de Brest (le 13 du juillet¹³⁵⁹) ou avec le raid du détachement de K. O. de Lambert en Pologne (le 3 du juillet), ne trouvent pas des confirmations dans les documents d'archives ou dans les autres sources. Il fant rappeler qu'après la guerre les commandants

¹³⁵⁹ Toutes les dates sont donnés d'après l'ancien style .

de tous les deux régiments rédigeaient des extraits sur la voie de combat de leurs unités et indiquèrent précisément les dates et les lieux de leurs premières batailles : du Premier régiment Kalmouk (Dgambo-taicha Toundoutov) — le 8 de l'août (les échauffourées sur le Bug), du Deuxième régiment Kalmouk (Serberdgab Tumen) — le 18 du juillet (la bataille dans Prugeany).

Il existe encore pas mal d'affirmations erronées dans la description de la voie suivante des unités Kalmouks. Grâce à Bogdanovitch dans la littérature historique se forma l'opinion selon laquelle un régiment Kalmouk du détachement de E.I. Tchaplitsa se battait sur Bérézina et participait dans l'encerclement manqué de l'armée de Napoléon. Pour autant qu'il n'ait pas indiqué le numéro de l'unité, dans les divers ouvrages il s'agit des Premier ou Deuxième régiments. En fait, le Deuxième régiment Kalmouk fut envoyé du détachement de Tchaplitsa aux corps « observateur » de F.V. fon der Oster-Saken par l'ordre de V.I. Tchitchagov du 11 de l'octobre en 1812. Et Bogdanovitch non trouva pas évidemment cet ordre.

Malgré le fait que la bataille de Borodino fut assez bien étudiée dans l'historiographie nationale, on trouve comme auparavant des affirmations sur la participation du régiment Kalmouk de Stavropol dans ce combat, bien que à la veille de la bataille il aurait été mis au détachement de F.F. Vintsengerode.

Un autre exemple des ces mythes est lié au Premier régiment Kalmouk qui soi-disant « à la fin du 1813 et au début du 1814... passa avec des combats l'Allemagne, le 13 du mars... ils combattait en France » et prit part à la prise de Paris. En fait, le régiment de Toundoutov en 1813 participait au siège de Modline, a après sa capitulation il comptait dans le corps de réserve de A.A. Kleinmihel jusqu'au février du 1814.

La revelation des mythes de ce type et des erreurs et la construction de la réflexion vraie de la réalité historique reste l'un des objectifs principaux qui se trouvent devant les spécialistes qui étudient l'histoire des guerres napoléoniennes.

«Borodino» et «Sébastopol»: deux batailles, un mythe

Marina Fedotova

La campagne de 1812-1814 et la défense de Sébastopol de 1854-1856 chronologiquement séparés par plus de 40 ans. Toutefois, pour les contemporains de Nicolas Ier et Napoléon III ces événements ont été

plus de similitudes que de différence. La guerre de Crimée a été vue par la société de la Russie à travers le prisme de l'expérience militaire de 1812. La bataille de Borodino est la base du mythe de la guerre de 1812. Ce mythe a été actualisé pendant la guerre en Crimée.

La défaite en Crimée a attiré l'attention du «triomphe» d'armée russe sur l'armée de Napoléon Ier. Dans la presse officieuse le nom «Napoléon» est devenu le nom commun, le synonyme et le symbole de l'ennemi, c'est pourquoi un besoin de répéter l'expérience «victorieuse» de la campagne de 1812 a déclaré une question d'honneur tacitement. À la presse une attention particulière a été accordée de l'expérience historique de la collision avec l'armée française en 1812 et de l'image collectif de Napoléon, qui a rejoint Napoléon Ier et le «nouveau» Napoléon III. Le neveu Napoléon III a été évalué dans le cadre des actions de son oncle, Napoléon Ier Bonaparte. L'empereur Napoléon III a été décrit comme l'héritier direct de son oncle: l'ambitieux perfide et artificieux.

Dans l'espace du mythe les troupes françaises comme les adversaires «habituels» et les traîtres inattendus du christianisme distinguent visiblement de l'armée coalisée. Cependant, les représentations des adversaires françaises étaient caractérisées par la coexistence l'image de Française comme l'ennemi avec l'image des soldats français comme des compagnons d'infortune, qui sont «aussi chrétiens tout de même».

Les allusions et les parallèles historiques permirent de trouver les coïncidences «remarquable» de la guerre en Crimée à la guerre de 1812 (c'est-à-dire: les dates, les événements). Le froid d'hiver en Crimée ressemblait de la gelée en Russie de 1812. Le feu de Moscou après la retraite par l'armée russe en 1812 associait à Sébastopol, qui a été mis le feu après le retrait de la garnison de Sébastopol. En Russie la réflexion sur le noyage de son propre flotte en 1854 actualisait le thème de la guerre de 1812, ce qui a conduit à repenser et à justifier cette décision. Dans la littérature historique le conseil de guerre sur le noyage des navires le 9 Septembre 1854 rappelle au Conseil de Fili sur la reddition de Moscou le 1(13) Septembre 1812. La perception de l'histoire de la guerre de 1812 a eu une influence considérable les œuvres de Léon Tolstoï, qui ont formé la vision d'une époque. Grâce au roman «La Guerre et la Paix» la mémoire culturelle de la Russie a été enrichi le mythe essentiel de la campagne de 1812 — le mythe de Borodino, qui a influencé la création du mythe de Sébastopol. Dans son roman «La Guerre et la Paix» Tolstoï en prenant la revanche symbolique pour de la défaite de la Russie en Crimée a décrit les héros de la campagne de 1812 comme les héros de la défense de Sébastopol de 1854. Dans cette œuvre

littéraire les contemporains de Tolstoï ont reconnu la période de la guerre de 1853-1856 (c'est-à-dire: les images, les personnages, la représentation de la société russe avant les changements et les «transfigurations» futures).

Pendant la guerre en Crimée et après les mémorialistes et les journalistes opposaient souvent de ces deux conflits militaires, en comparant l'expérience «victorieux» d'une guerre à l'autre, en justifiant la défaite et les victimes, en tirant les parallèles des deux «époques». Pendant la guerre en Crimée beaucoup de participants de l'épopée de 1812 étaient restés vivants. Il y avait dans l'armée des généraux qui avaient pris part à la bataille de Borodino. La commémoration de la guerre de 1812 mettait un accent très fort sur le rôle de «la massue de la nation» et vulgum pecus de prendre part à la victoire. Cet accent est devenu encore plus apparent en formant d'images de la guerre en Crimée (1853-1856).

La bataille de Borodino comme l'expérience «victorieuse» était nécessaire pour la reconstruction de la mémoire de Sébastopol. «Borodino» et «Sébastopol» ont devenu les symboles de la confrontation militaire entre la Russie et «l'Occident». Dans les journaux, les revues, l'historiographie ces deux guerres ont été évaluées comme le résultat du conflit très ancien, la dichotomie «La Russie — l'Occident».

Ainsi, les comparaisons de ces deux guerres ont permis de juger les quelques parallèles en construisant des sujets historique, qui ont créé l'espace de mythe national-patriotique de la Russie.

AUTEURS:

Adadourov Vadim, docteur d'Etat en histoire, chef du département de l'histoire universelle d'époques moderne et contemporaine, Université Catholique, Lviv, Ukraine, v_adadourov@yahoo.fr

Bérésovaya Lidia, docteur d'Etat en histoire, professeur, sous-chef du département de l'histoire universelle d'époque moderne de la Faculté d'histoire, de politologie et de droit, Université d'Etat des sciences humaines (RGGU), Moscou, lgber@yandex.ru

Boudon Jacques-Olivier, professeur à l'Université Paris IV — Sorbonne, Président de l'Institut Napoléon, France, jacques-olivier.boudon@paris-sorbonne.fr

Bespalov Alexandre, docteur en histoire, maître de conférences, chef du département de l'Histoire et de la théorie économique, Académie du Ministère des Situations urgentes de Russie, Moscou, bds_69@mail.ru

Chervashidze Véra, docteur d'Etat en Lettres, professeur du département de la littérature russe et étrangère, Université russe de l'Amitié des Peuples, Moscou, shervash@yandex.ru

Colonna Stella, doctorante en sciences politiques, Université de Corse Pasquale Paoli, Corti, France, colonnastella@yahoo.fr

Datsichina Marina, docteur en histoire, maître de conférences du département de la politique mondiale et des relations internationales, Université d'État des sciences humaines (RGGU), ditrich@list.ru

Fedotova Marina, doctorante de la faculté historique, Université Européen de Saint-Petersbourg, marafed1@yandex.ru

Galtsova Eléna, docteur d'Etat ès Lettres, Professeur à l'Université d'Etat des sciences humaines RGGU, directeur de recherches à l'Institut de littérature mondiale de l'Académie des sciences de Russie, galtsova05@mail.ru

Goubina Maya, docteur d'Etat en Histoire moderne et contemporaine, Université Paris IV-Sorbonne, France, mgoubina@voila.fr

Goruppi Tiziana, docteur d'Etat ès lettres, professeur, Université de Pise, Italie, t.goruppi@rom.unipi.it

Ilyassov Timour, assistant du département d'histoire du Bachkortostan et d'éthnologie, Université d'Etat de Bachkortostan, Oufa, timur-il@list.ru

Kopylov Nicolaï, docteur en histoire, maître de conférences du département de l'Histoire mondiale et nationale, Institut d'État des relations internationales de Moscou, n-kopylov@mail.ru

Lapine Vladimir, docteur d'Etat en histoire, chef du département de l'Histoire moderne, Institut de l'histoire de l'ASR, Saint-Pétersbourg, lapin.ww@yandex.ru

Luzi Christophe, ingénieur de recherche CNRS, LISA, docteur ès lettres de l'Université d'Aix-Marseille I, Université de Corse Pasquale Paoli, LISA CNRS, Corti, France, luzi.chris@gmail.com

Melnyk Zoriana, assistant du département d'histoire mondiale d'époques moderne et contemporaine, Université Catholique, Lviv, Ukraine, zorianam@gmail.com

Mezentsev Evgueni, docteur en histoire, spécialiste de recherche, Institut de l'Histoire russe de l'ASR, voencentririran@yandex.ru

Moretti Anna, maître de conférences du département des sciences humaines, Université de Corse Pasquale Paoli, Corti, France, amoretti@rambler.ru

Obron-Vattaire Candice, doctorante, Université de Corse Pasquale Paoli, Corti, France, obron.candice@gmail.com

Otchirov Outach, directeur de recherche du département de l'histoire et de l'archéologie Institut des sciences humaines de Kalmoukie de l'ASR, neville-smith@yandex.ru

Parsamov Vadim, docteur d'Etat en histoire, professeur l'Institut d'histoire, de politologie et de droit, Université d'Etat des sciences humaines (RGGU), parsamovvs@gmail.com

Poli Jean-Dominique, maître de conférences, Université de Corse Pasquale Paoli, Corti, France, jean-dominique.poli@wanadoo.fr

Postnikova Aliona, doctorante de la faculté historique, Université pédagogique d'Etat d'Oural, Ekaterinbourg, lina33_07_87@mail.ru

Prikaztchikova Elena, docteur d'Etat ès lettres, professeur du département du folklore et de la littérature ancienne, Université Fédérale de l'Oural, Ekaterinbourg, miegata-logs@yandex.ru

Rybakov Sergueil, maître de conférences, Institut d'État des relations internationales de Moscou, sergeyryb@rambler.ru

Sekirinski Sergueil, docteur d'Etat en histoire, professeur, directeur de recherche, Institut de l'Histoire russe de l'ASR, sekirinsk@mail.ru

Semenov Stepan, docteur d'Etat en sciences politiques, membre d'Honneur du Centre d'Etudes Napoléoniennes Conseiller en relations internationale du Groupe METROPOL, directeur du Centre d'Etudes Francophones, semenov_s@metropol.ru

Sommovigo Barbara, docteur ès lettres, Université de Pise, Italie, sommovigo@rom.unipi.it

Tcherepanova Rosalia, docteur en histoire, maître de conférences du département de l'histoire, Université d'Etat du Sud de l'Oural, Tcheliabinsk, rozache@mail.ru

Timacheva Oksana, docteur d'Etat ès lettres, professeur du département de la philologie romane de l'Institut des langues étrangères, Université pédagogique de la ville de Moscou, timacheva@list.ru

Velikaya Nataliya, docteur d'Etat en sciences politiques chef du département de sociologie politique de la faculté de Sociologie, Université d'Etat des sciences humaines (RGGU), natalivelikaya@gmail.com

Viollet Catherine, chargée de recherche, Institut des textes et des manuscrits modernes CNRS-ENS, Paris, France, cviolet@wanadoo.fr

Vorochilova Svetalana, docteur en histoire, maître de conférences du département de l'histoire de l'Etat et du droit, Académie nationale de Droit de Saratov, Saratov, voroshilova-s-v@mail.ru

Zakhartchouk Oleg, docteur en histoire, maître de conférences du département de l'histoire et de la culturologie, Université national de l'aviation, Kiev, Ukraine, korsika1769@gmail.com

Zemtsov Vladimir, docteur d'Etat en histoire, professeur, chef du département de l'Histoire universelle, Université pédagogique d'Etat d'Oural, Ekaterinbourg, vladimirzemtsov@yandex.ru

Научное издание

**НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ
НА МЕНТАЛЬНЫХ КАРТАХ ЕВРОПЫ:
ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
И ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИФЫ**

Редакторы-составители *Н.М. Великая и Е.Д. Гальцова*
Корректор *Е.Е. Баландюк*
Компьютерная верстка *В.В. Короткий*

Подписано в печать 17.11.2011.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 40.
Тираж 150 экз. Заказ № 439

Издательский дом «Ключ-С»
127051, Москва, Малый Каретный переулок, д. 11
Тел./факс: (495) 660-66-21
www.kluch-s.ru

Отпечатано в ООО «ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ»
Москва, 5-я Кабельная ул., 2а

НАПОЛЕОНЪ

ISBN 978-5-93136-160-4

9 785931 361604

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ НА МЕНТАЛЬНЫХ КАРТАХ ЕВРОПЫ